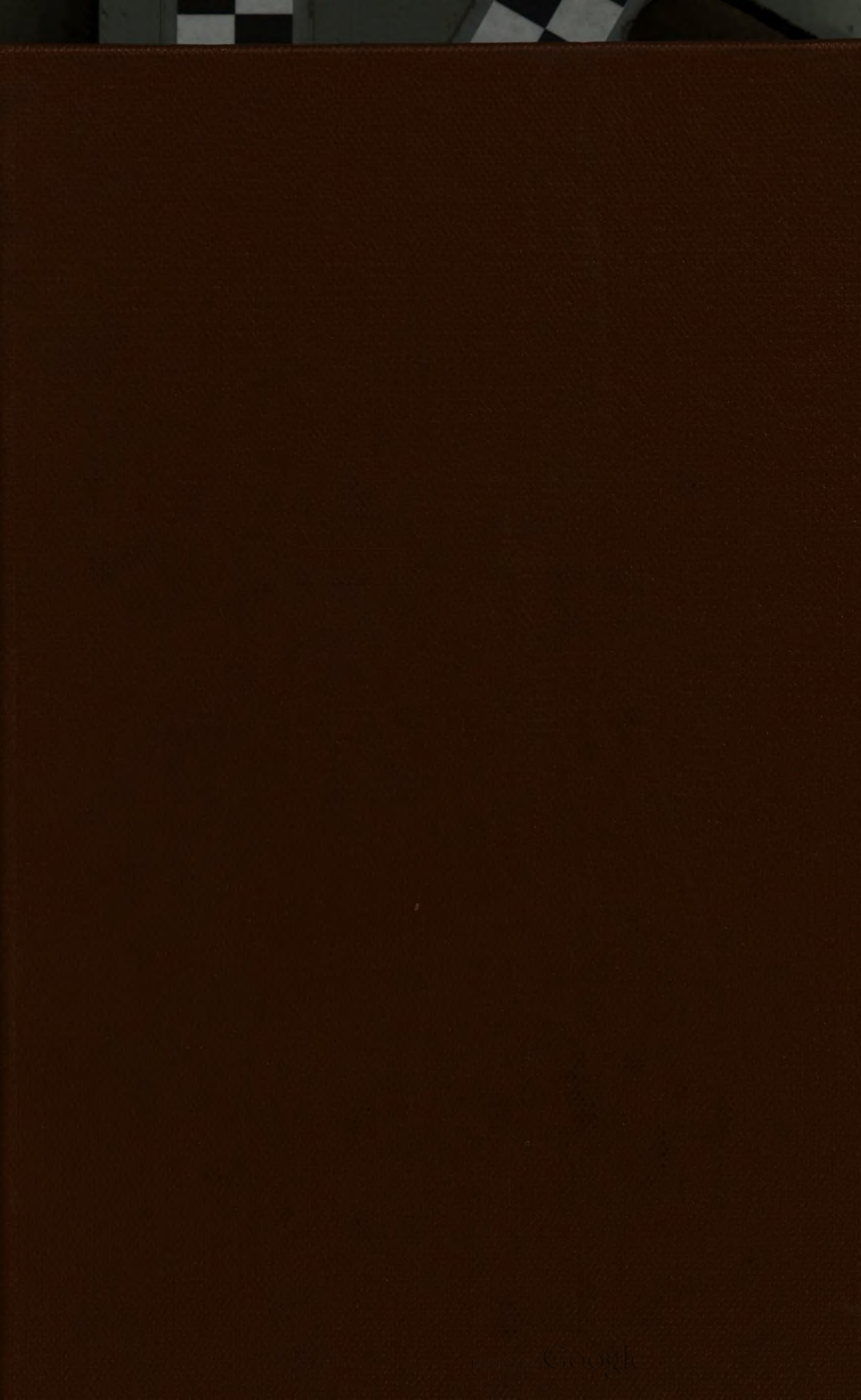


СЕНТЯБРЬ. 1902.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

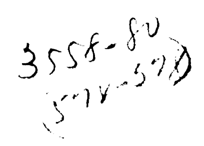
№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го сентября 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).



Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

НА СКАЛѢ.

Всѣ въ городѣ знали этотъ маленькій домикъ, словно птичье гнѣздо, прилѣпившійся къ голой скалѣ надъ моремъ. Вокругъ него не было ни садика, ни построекъ; только широкая веранда, заставленная высокими растеніями въ кадкахъ и задрапированная суровымъ полотномъ, огибала со всѣхъ сторонъ его бѣлыя стѣны. За то по ночамъ, когда весь городокъ засыпалъ, въ домѣ на скалѣ долго еще свѣтился огонь, и этотъ одинокій огонекъ служилъ маякомъ для запоздавшихъ рыбаковъ и въ длинные осенніе вечера, и въ бурныя февральскія ночи, когда море злится и реветъ, а угрюмыя скалы коварно прячутся въ холодныхъ туманахъ. Глядя на него, усталые, продрогшіе рыбаки пріободрялись, смѣлѣе налегали на весла и говорили другъ другу: „о, нашъ „профессоръ“ еще не спитъ“...

Тотъ, кого они называли „профессоромъ“, появился въ городкѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ купилъ себѣ сотню квадратныхъ саженъ на скалѣ, взорвалъ камень порохомъ и въ одно лѣто построилъ небольшой красивый домъ съ большими окнами и широкой верандой. Всѣ горожане были очень заинтересованы незнакомцемъ и ждали, что вотъ онъ устроится въ новомъ домѣ, перевезетъ сюда свою семью, перезнакомится съ сосѣдями и заживетъ такою же жизнью, какой живутъ всѣ. Но ничего подобнаго не случилось: незнакомецъ поселился одинъ, ни съ кѣмъ не знакомился, а вмѣсто ожидаемой семьи въ новый домъ привезли множество огромныхъ ящиковъ, въ которыхъ были только однѣ книги,— больше ничего. Прислуги онъ не нанималъ, обѣдъ бралъ у старой гречанки, которая кормила пріѣзжающихъ на лѣто дачниковъ, а убирать комнаты къ нему ходила поденщица. О немъ сначала очень много говорили, но никто хорошенько не зналъ, кто онъ такой, откуда, какъ живетъ и что дѣлаетъ. Никто къ нему не ѣздилъ и не ходилъ въ гости; самъ онъ тоже нигдѣ не бывалъ. Знали только, что по почтѣ ему ча-

сто присылаютъ газеты и книги, что книгами у него завалены всѣ комнаты; а сумасшедшій водоносъ Страто, носившій ему воду, разсказывалъ о какихъ-то странныхъ рыбкахъ, ящерицахъ и морскихъ чудовищахъ, которыя живутъ въ стеклянныхъ ящикахъ, наполненныхъ водой. Иногда пріѣзжій спускался съ своей скалы, нанималъ у кого-нибудь изъ рыбаковъ лодку и уходилъ далеко въ море. Тамъ онъ пропадалъ цѣлые дни и возвращался къ вечеру, нагруженный стеклянными банками, въ которыхъ рѣзвились прозрачныя креветки и морскіе коньки, сидѣли тяжеловѣсные крабы и плавали какія-то безцвѣтныя водоросли, красныя губки, медузы и другія, съ точки зрѣнія рыбаковъ, ни на что ненужныя водяныя твари. Помогая ему переносить въ домъ всю эту дрянь, рыбаки пересмѣивались между собою, и однажды кто-то изъ нихъ осмѣлился спросить: „на что вамъ это нужно?“ Господинъ посмотрѣлъ на него своими странными, никогда не улыбающимся глазами и сухо сказалъ: „для науки“... Рыбаки разнесли этотъ отвѣтъ по всему городу, и всѣ рѣшили, что странный пріѣзжій былъ ученый, можетъ быть, какой-нибудь извѣстный профессоръ. Съ тѣхъ поръ его называли не иначе, какъ „профессоромъ“, и тщеславные греки гордились, что въ ихъ захудаломъ рыбацкомъ городишкѣ поселилось такое важное лицо. Каждому новоприбывшему, въ числѣ прочихъ достопримѣчательностей города, указывали и на одинокій домикъ, прилѣпленный къ скалѣ, прибавляя къ этому: „тамъ живетъ нашъ профессоръ... очень-очень ученый человѣкъ, который знаетъ все“... А когда на верандѣ появлялась вдругъ высокая, согбенная фигура съ развѣвающеюся сѣдою бородой, въ длинномъ парусиновомъ балахонѣ, съ биноклемъ въ рукахъ, греки почтительно снимали шапки и говорили вполголоса: „а вотъ и онъ самъ“...

Профессору было на видъ лѣтъ 50, но по временамъ казалось гораздо больше. Его могучій станъ былъ сгорбленъ, какъ будто на плечахъ у него лежала какая-то невидимая тяжесть, которая давила и пригибала къ землѣ это крѣпкое, сильное тѣло. Ходилъ онъ медленно, съ трудомъ, тяжело опираясь на палку и не подымая глазъ; длинная сѣдая борода покрывала его грудь. Всѣмъ, кто съ нимъ встрѣчался, въ эти минуты онъ казался старымъ, очень старымъ и много пожившимъ на свѣтѣ человѣкомъ. Но, когда, отвѣчая на поклоны, онъ снималъ шляпу и на мгновеніе поднималъ свои опущенные глаза, люди смущались подъ этимъ острымъ, твердымъ, сверкающимъ взглядомъ и съ удивленіемъ думали про себя: „да кто же это выдумалъ, что профессоръ— старикъ“?..

Но такъ какъ профессоръ очень рѣдко появлялся среди лю-

дей и еще рѣже вступалъ съ ними въ общеніе, то люди знали только эту холодную, застывшую, безжизненную маску, которую онъ надѣвалъ на себя, выходя изъ дома, и никто не видалъ того, что было скрыто подъ этой маской. Когда къ нему приходили посовѣтоваться или попросить лѣкарства отъ какой-нибудь болѣзни или приносили ему что-нибудь диковинное, пойманное въ морѣ или найденное на землѣ,— онъ никогда не отказывалъ, давалъ лѣкарства, платилъ деньги за услугу, но дѣлалъ это неохотно, съ суровымъ, почти злымъ лицомъ, говорилъ отрывисто, сухо и жестко и видимо желалъ какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ непрошенныхъ посѣтителей. Люди уходили отъ него смущенные его непривѣтливостью, но такъ какъ онъ былъ имъ нуженъ, они приходили опять, хотя и говорили между собою: „а какой непріятный человѣкъ этотъ профессоръ“!.. Они не видѣли и не могли видѣть, что, какъ только двери за ними закрывались, жесткая скорлупа спадала съ лица профессора, и тогда это холодное, застывшее лицо дѣлалась мягкимъ и добрымъ, а на крѣпко сжатыхъ губахъ появлялась грустная, больная усмѣшка.

Профессоръ не любилъ людей. Что-то случилось въ его жизни; должно быть, когда-нибудь онъ слишкомъ вѣрилъ въ нихъ, и когда люди его обманули, онъ ушелъ отъ нихъ и остался одинъ. Онъ нарочно выбралъ себѣ это глухое дикое мѣстечко на берегу моря и поселился здѣсь, окруживъ себя книгами и странными животными, которыя никогда не обманывали, никогда ничего не обѣщали и жили просто, какъ приказала имъ жить создавшая ихъ природа. Въ наблюденіи и изученіи этой простой жизни профессоръ искалъ исцѣлѣнія своей больной душѣ и любилъ своихъ маленькихъ, молчаливыхъ сожителей, копошившихся въ глубинѣ просторныхъ акваріумовъ, въ густой зелени на подоконникахъ свѣтлыхъ, большихъ оконъ, въ клѣткахъ и темныхъ уголкахъ комнатъ. Домъ его былъ настоящій Ноевъ ковчегъ въ миніатюрѣ. Множество серебряныхъ, золотистыхъ, пестрыхъ, красивыхъ и безобразныхъ рыбокъ играло въ прѣсноводныхъ акваріумахъ. Тутъ же, вмѣстѣ съ ними, мирно уживались пузатыя лягушки и проворные тритоны, которые вѣчно липли къ стекляннымъ стѣнкамъ и съ любопытствомъ смотрѣли на свѣтъ Божій своими острыми, неподвижными глазами. Въ морской водѣ ползали неуклюжіе крабы, развертывали свои бархатные лепестки голубыя, пурпуровыя и темно-зеленыя актиніи, весело шныряли креветки и морскіе коньки, одиноко и пугливо плавала игла-рыба, избѣгая коварныхъ и жгучихъ ласкъ бархатныхъ актиній. Въ фарфоровой ванночкѣ съ покатымъ дномъ обиталъ голый, блѣдно-розовый аксолотъ,

который терпѣть не могъ общества и цѣлые дни проводилъ въ полной неподвижности и какихъ-то глубокомысленныхъ, никому невѣдомыхъ размышленіяхъ, точно индійскій факиръ, углубленный въ созерцаніе собственнаго „я". На окнѣ, въ цвѣтахъ, давно жилъ зеленый богомолъ, котораго профессоръ нашелъ однажды на скалѣ съ переломленною лапкой и помятымъ крыломъ. Онъ бережно подобралъ его, принесъ къ себѣ въ домъ, и съ тѣхъ поръ богомолъ уже не покидалъ своего зеленаго убѣжища, не смотря на то, что профессоръ нисколько не стѣснялъ его свободы. Лапка у него срослась, онъ поправился, потолстѣлъ и велъ сытую, спокойную жизнь въ уголкѣ окна, днемъ грѣясь на солнышкѣ и задумчиво пошевеливая длинными, зелеными усами, а ночью прячась въ густую листву плюща. Все больное, замученное, искалѣченное находило себѣ пріютъ въ домѣ профессора. Каждый день, возвращаясь изъ своихъ одинокихъ прогулокъ по скаламъ, онъ приносилъ съ собою какую-нибудь несчастную тварь, потерпѣвшую пораженіе въ жестокой битвѣ жизни, ухаживалъ за ней, лѣчилъ, и когда бѣдняга получала возможность снова летать или ползать, онъ раскрывалъ передъ нею двери. Кромѣ постоянныхъ его сожителей, у него часто проживали временные гости изъ царства пернатыхъ или пресмыкающихся или четвероногихъ. То это была сова съ перебитымъ крыломъ, которая днемъ забивалась куда-нибудь подъ кровать, а ночью выползала и, стуча по полу когтями, точно сказочная вѣдьма, странствовала по всѣмъ комнатамъ; то сѣрая ящерица съ загадочнымъ взглядомъ своихъ янтарныхъ глазъ, въ которыхъ, казалась, еще сохранилось воспоминаніе о чудесахъ допотопнаго міра съ его таинственными папоротниковыми лѣсами, громадными ползающими и летающими чудовищами и горячими болотами, надъ которыми носились первобытные туманы. На письменномъ столѣ, среди груды книгъ и рукописей, вѣчно лежалъ въ позѣ сфинкса любимый желтый котъ профессора, котораго онъ подобралъ крошечнымъ котенкомъ въ мусорной ямѣ за чертою города. Котенокъ выросъ, раздобрѣлъ и превратился въ солиднаго, разсудительнаго кота съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства и съ глубокою, но ничуть не надоѣдливой привязанностью къ своему хозяину. Онъ никогда не льстилъ, не заискивалъ, не лѣзъ съ своими ласками, но въ тихіе зимніе вечера, какъ только профессоръ садился за работу, онъ неизмѣнно помѣщался на столѣ противъ него и не сводилъ съ профессора своихъ зеленыхъ глазъ, въ которыхъ выражалась спокойная преданность и внутреннее довольство. Надъ крышей назойливо кричалъ ледяной вѣтеръ, примчавшій съ своей холодной родины стоны и вопли людей, никогда не

видавшихъ тепла и свѣта; внизу грозно рычало море, и дикій ревъ его говорилъ о смерти, гибели и разрушеніи; тамъ гдѣ-то далеко, въ шумныхъ городахъ, въ заброшенныхъ деревняхъ, въ знойныхъ пустыняхъ и мертвыхъ снѣгахъ жили, боролись и страдали люди; но здѣсь, въ домикѣ на скалѣ, было тепло и уютно, и никто не интересовался тѣмъ, что дѣлается внизу. Человѣкъ писалъ; котъ мурлыкалъ; иногда ихъ взгляды встрѣчались, и оба они, человѣкъ и животное, понимали другъ друга, оба они были довольны, что одни на своей скалѣ, и никто имъ не мѣшаетъ въ ихъ одиночествѣ, никто не смѣетъ ворваться въ ихъ тихую обособленную отъ всего міра жизнь. Пусть вѣтеръ кричитъ о холодѣ, голодѣ и мукахъ обездоленнаго человѣчества; пусть море поетъ свою мрачную пѣснь; пусть люди рѣжутъ, душатъ и насилуютъ другъ друга,—какое до этого дѣло желтому коту и сѣдому человѣку? Имъ хорошо...

Но бывали дни, когда желтый котъ измѣнялъ порфессору и спускался со скалы. Это случалось каждую весну. Какъ только солнце начинало пригрѣвать, и успокоенное его теплою лаской море окрашивалось въ нѣжный изумрудный цвѣтъ; какъ только въ домикъ на скалѣ доносились снизу ароматы цвѣтущихъ миндальныхъ и персиковыхъ садовъ, котъ вдругъ становился безпокойнымъ и угрюмымъ, покидалъ свое мѣсто на столѣ, съ жалобнымъ мяуканьемъ бродилъ по верандѣ и, наконецъ, исчезалъ совсѣмъ. Безъ него въ домикѣ становилось какъ-то пусто: профессоръ скучалъ; по вечерамъ ему плохо работалось; онъ часто бросалъ перо, по долгу глядѣлъ на опустѣвшее мѣсто своего любимца, потомъ выходилъ на веранду и принимался звать кота. Но никто не отвѣчалъ на его зовъ; только снизу глухо доносились голоса людей, тихій шопотъ прибоя, и одурящій запахъ цвѣтущихъ садовъ туманилъ голову. Профессоръ съ досадой уходилъ въ домъ, наглухо запиралъ двери, спускалъ занавѣсы на окнахъ и, задумчивый, съ нахмуренными бровями, съ печальной улыбкой на губахъ, бродилъ изъ комнаты въ комнату одинъ на одинъ съ жуткой тишиной, среди которой неподвижный аксолотъ казался какимъ-то олицетвореніемъ вѣчнаго безмолвія.

Котъ пропадалъ недѣлю или двѣ и возвращался похудѣвшій, съ измятой шерстью, утратившей свой блескъ, съ ободранными ушами, на которыхъ запеклась черная кровь, съ усталымъ и разочарованнымъ видомъ существа, выпившаго до дна горькую чашу жизни. Онъ входилъ въ домъ нерѣшительно, съ робкою лаской терся у ногъ профессора, какъ бы извиняясь за свое долгое отсутствіе, и его потускнѣвшіе зеленые глаза съ узкими зрачками говорили безъ

словъ: „ничего не подѣлаешь, — такова жизнь“! Получивъ полное прощеніе, онъ успокаивался, приводилъ въ порядокъ свою растрепанную шкурку, зализывалъ раны, полученныя въ жестокихъ схваткахъ, и снова водворялся на столѣ среди книгъ и рукописей въ своей любимой позѣ мудраго сфинкса.

Собакъ у профессора сначала не было, потому что онъ ихъ не любилъ такъ же, какъ и людей. Собаки, говорилъ онъ, жили черезчуръ близко къ людямъ, и эта близость сдѣлала ихъ похожими на людей. Онѣ были также льстивы, вкрадчивы, вѣроломны и жестоки; онѣ ластились и заискивали, чтобы потомъ предательски подкрасться сзади и укусить; онѣ умѣли притворяться и обманывать, и въ ихъ виляющемъ хвостѣ, въ ихъ униженныхъ ползучихъ движеніяхъ и въ ихъ улыбкѣ и глазахъ, черезчуръ похожихъ на человѣческіе, было что-то противное и отталкивающее Но такъ какъ собаки были всетаки не люди и тоже страдали отъ безсмысленной жестокости этой ненавистной профессору двуногой породы, то вскорѣ населеніе домика на скалѣ увеличилось новыми жильцами.

Это произошло въ одинъ изъ послѣднихъ солнечныхъ октябрьскихъ дней. Виноградъ давно уже былъ срѣзанъ, хлѣба убраны, люди покидали свои гумна, огороды, виноградники, и профессоръ въ это время спускался со скалы и любилъ бродить по опустѣвшимъ, затихшимъ полямъ и садамъ. Ему нравилось смотрѣть въ блѣднѣющее небо, нравилось вдыхать свѣжій запахъ холодѣющей земли, но больше всего его привлекала тихая грусть покинутыхъ равнинъ и ихъ спокойное безмолвіе. Въ эти минуты онъ чувствовалъ себя свободнымъ и счастливымъ; никто не мѣшалъ ему думать, и, выпрямивъ свою сгорбленную спину, сдвинувъ шляпу на затылокъ, онъ бодро и легко шелъ по пустынной дорогѣ. Земля, изрытая, обезображенная человѣческими руками, тихо отдыхала и вмѣстѣ съ нею отдыхалъ и онъ. Все, что было пережито когда-то, забывалось; глубокія раны его души, изрытой и обезображенной такъ же, какъ и эта земля, переставали болѣть, и ему начинало казаться, что онъ одинъ во всемъ мірѣ, что исчезли навсегда съ лица земли люди, эти хитрыя, трусливыя, жестокія существа, которымъ разумъ данъ какъ будто только для того, чтобы дѣлать зло. О, эти люди, какъ онъ ненавидѣлъ ихъ! Все, что было прекраснаго въ природѣ, они испортили и исказили; всѣмъ, что было создано лучшаго величайшими изъ человѣческихъ умовъ, они воспользовались для разрушенія и убійства и даже этихъ же, самыхъ лучшихъ, самыхъ великихъ изъ людей, они гнали и преслѣдовали и за ихъ великую любовь къ человѣчеству платили имъ пытками, цѣпями, заушеніями...

Ненависть къ людямъ была одною изъ самыхъ болѣзненныхъ ранъ профессора и боль эта затихала только тогда, когда онъ оставался одинъ, лицомъ къ лицу съ природой, когда онъ не встрѣчалъ людей, не видѣлъ холоднаго блеска ихъ глазъ, ихъ лживыхъ улыбокъ, ихъ бѣлыхъ лицъ, на которыхъ сквозь внѣшнее благообразіе проглядывала обезьянья хитрость, обезьянья жестокость. По этому профессоръ бѣжалъ отъ людей, и въ тишинѣ одиночества его успокоенный мозгъ рисовалъ смутныя, но прекрасныя картины будущаго. Онъ видѣлъ себя во главѣ возстанія противъ человѣческаго владычества на землѣ. За нимъ шли несмѣтныя полчища всѣхъ замученныхъ, порабощенныхъ тварей, но среди нихъ былъ только одинъ человѣкъ,—онъ самъ. Человѣчество было обречено на гибель, и онъ велъ свою безсловесную армію на разрушеніе чудовищнаго царства самаго хитраго, самаго злого изъ всѣхъ животныхъ—человѣка. Собаки, волки, тигры, змѣи, пауки, черви,—все это бѣшенымъ потокомъ обрушивалось на ихъ города, опрокидывало ихъ дворцы и храмы, ломало ихъ убійственныя сооруженія, при помощи которыхъ люди старались упрочить свое владычество. Напрасно они метались, ища спасенія въ небесахъ, въ водѣ и подъ землею; напрасно взывали къ Богу любви, котораго обманывали столько вѣковъ,—спасенія нигдѣ не было. Кроткій Богъ отвратилъ отъ нихъ лицо свое, и всюду—въ водахъ, въ нѣдрахъ земли, въ голубой лазури неба—они всрѣчали только вражду и месть...

...И вотъ человѣчество истреблено, царство беззаконія разрушено до основанія, и освобожденная земля встрѣчаетъ свое первое утро свободы въ первобытной чистотѣ и невинности. Кто придетъ теперь владѣть ею? И профессору въ свѣтломъ туманѣ мечты мерещились какія-то чудныя, божественныя существа съ кроткими лицами, съ ясными улыбками на устахъ, которыя никогда не лгутъ, съ открытымъ взглядомъ прекрасныхъ глазъ, въ которыхъ никогда не загорается огонь гнѣва и жажды крови.

Въ такихъ мечтахъ профессоръ проводилъ часы своихъ уединенныхъ прогулокъ и вазвращался къ себѣ на скалу освѣженный и отдохнувшій. Но однажды ему помѣшали. Проходя мимо шоссейной казармы, онъ вдругъ услышалъ какой-то странный шумъ и остановился. Передъ крыльцомъ казармы толпилась небольшая кучка людей, и всѣ эти люди что-то такое дѣлали у крыльца, пригибаясь къ землѣ, кричали и ругались. Сначала профессоръ подумалъ, что они дерутся, и, презрительно отвернувшись, хотѣлъ уйдти. Но въ это мгновеніе среди нихъ раздался сухой и короткій звукъ выстрѣла, и вслѣдъ за тѣмъ послышался такой от-

чаянный вой, что у профессора задрожало сердце. Онъ поблѣднѣлъ и на лбу у него выступилъ холодный потъ, какъ всегда, когда онъ сердился.

— Проклятые!.. опять они кого-нибудь мучатъ!—пробормоталъ онъ съ гнѣвомъ и торопливо пошелъ къ казармѣ.

Его высокая, величавая фигура въ длинномъ плащѣ, широкополой шляпѣ, съ длинною сѣдою бородой во всю грудь, смутила людей. Они почтительно разступились передъ нимъ и сняли шапки; у одного изъ нихъ въ рукахъ еще дымилось ружье. А изъ-подъ крыльца все еще несся протяжный вой, въ которомъ слышалась нестерпимая боль и отчаяніе.

— Что это такое? Что вы дѣлаете?—тяжело дыша отъ волненія, спросилъ профессоръ.

Изъ толпы выступилъ одинъ,—молодой человѣкъ съ красивымъ, смуглымъ лицомъ, на которомъ какъ-то особенно рѣзко выдѣлялись красныя, какъ кровь, губы и яркіе, желтые съ черными крапинками глаза.

— Тутъ бѣшеная собака, господинъ,—сказалъ онъ, оскаливая бѣлые, острые зубы.—Забилась подъ крыльцо и не идетъ; мы хотѣли ее прогнать, она кусается. Вотъ Спирьку укусила.

— До кости прокусила, вотъ посмотрите!—вымолвилъ другой, протягивая къ профессору окровавленную руку.— Я ее хотѣлъ достать, а она какъ вцѣпилась мнѣ, насилу я отъ нея вырвался!

— Но зачѣмъ вы ее доставали? Почему вы думаете, что она бѣшеная?

— Какъ же не бѣшеная? Конечно, бѣшеная! — заговорили всѣ сразу, обступая профессора.—Собака чужая, неизвѣстно чья, забилась подъ крыльцо и рычитъ; Спирьку укусила за руку. Мы хотѣли ее застрѣлить, да вотъ, должно быть, Яни не попалъ. Янко! заряжай ружье опять!

Янко поднялъ ружье, но профессоръ остановилъ его и приблизился къ крыльцу. Вой затихъ и вмѣсто него слышалось глухое ворчанье и жалобный визгъ. Изъ толпы отдѣлился мальчуганъ и проворно юркнулъ подъ крыльцо.

— Куда ты, дуракъ? — закричали на него. — Она тебя укуситъ!..

Но мальчикъ уже исчезъ, и черезъ минуту изъ-подъ крыльца прозвенѣлъ его тоненькій изумленный голосокъ:

— Она не бѣшеная,—у нея щенята! Вотъ одинъ!

И съ этими словами онъ вышвырнулъ наружу крошечнаго слѣпого щенка, который безпомощно распластался по землѣ, шевеля розовыми, голыми лапками.

— А, тварь поганая!—воскликнулъ человѣкъ съ ружьемъ и, прежде чѣмъ профессоръ могъ его остановить, ударомъ приклада размозжилъ голову несчастнаго щенка.

Профессоръ весь блѣдный, какъ мѣлъ, съ трясущимися губами, выхватилъ у него ружье и такъ толкнулъ его въ грудь, что тотъ чуть было не упалъ.

— Негодяй...—промолвилъ онъ, задыхаясь.—Оставьте собаку... прочь отсюда, не то я въ васъ буду стрѣлять...

Смущенные его рѣшительнымъ тономъ, люди отступили въ сторону и, жестикулируя, начали совѣщаться между собою.

— А вотъ другой! Держите... Больше нѣтъ, только два!—прокричалъ опять мальчикъ и выкинулъ второго щенка. Снова подъ крыльцомъ послышался жалобный вой, и вслѣдъ за щенкомъ выползла сама бѣдная мать. Это была большая черная собака съ желтымъ пятномъ на темени, худая, облѣзлая, съ неопрятной шерстью,—одна изъ тѣхъ несчастныхъ, безпріютныхъ собакъ, которыхъ всегда такъ много въ южныхъ городахъ. Она была ранена и тихо, униженно визжала, подымая морду кверху и какъ бы прося людей отдать ей щенятъ. По ея нерѣшительнымъ движеніямъ, по тому, какъ она поводила носомъ, нюхая воздухъ, видно было, что она ничего не видитъ. Выстрѣлъ попалъ ей въ глаза и вся морда ея была залита кровью: бѣдняга жестоко поплатилась за то, что защищала своихъ дѣтей.

Профессоръ поднялъ тепленькій, живой комочекъ, копошившійся у его ногъ, и поднесъ къ ослѣпленной собакѣ. Она радостно завизжала и, виляя хвостомъ, принялась поочередно лизать и щенка, и руки профессора. Люди опять подошли и съ улыбками смотрѣли на эту картину. Имъ казалось смѣшно, что этотъ большой, почтенный человѣкъ нянчится съ какой-то паршивой собакой и ея щенкомъ, точно со своими родными дѣтьми. Одинъ только мальчуганъ, который уже вылѣзъ изъ-подъ крыльца, совершенно серьезно относился къ дѣлу и съ участіемъ смотрѣлъ на профессора.

— Ну, что же вы теперь будете дѣлать съ собакой?—спросилъ онъ дѣловито.—Вѣдь она теперь совсѣмъ слѣпа!

Профессоръ ничего не отвѣчалъ. Онъ бережно завернулъ щенка въ свой плащъ, приласкалъ собаку и позвалъ ее за собою. Она внимательно обнюхала его одежду и, убѣдившись, что щенокъ въ рукахъ профессора, покорно послѣдовала за нимъ. Люди провожали ихъ глазами.

— Должно быть, сумасшедшій!—сказалъ тотъ, который стрѣлялъ въ собаку.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ съ желтыми глазами.—Я его знаю, это профессоръ съ горы. Онъ очень ученый человѣкъ: днемъ и ночью читаетъ книги и, говорятъ, нѣтъ ничего такого на свѣтѣ, чего бы онъ не зналъ.

— Тёфъ, тёфъ! *) — воскликнулъ третій, презрительно смѣясь.—Кто хочетъ много знать, того Богъ не любитъ и въ наказаніе отнимаетъ разумъ у такихъ людей. Всѣ ученые—дураки, и въ этой сѣдой башкѣ такъ же мало смыслу, какъ у меня въ пяткѣ. Развѣ можно дѣлать столько глупостей изъ-за поганой собаки?

Мальчикъ, который все время задумчиво смотрѣлъ профессору вслѣдъ и что-то соображалъ, вдругъ громко разсмѣялся и побѣжалъ прочь.

— Эй вы, умныя головы!—закричалъ онъ издали.—Хотѣлъ бы я всѣхъ васъ перевернуть пятками вверхъ, чтобы посмотрѣть, поумнѣете ли вы тогда? Вѣдь собака то совсѣмъ не бѣшеная, и твой зарядъ, Янко, пропалъ задаромъ...

— Ахъ ты, каналья!—воскликнулъ Янко и погнался было за мальчуганомъ. Но тотъ былъ уже далеко, и Янко, бросивъ ему въ догонку камень, вернулся къ своимъ собесѣдникамъ, которые все еще говорили о профессорѣ и собакѣ.

А профессоръ въ это время былъ уже въ домикѣ на скалѣ и, окруженный своими безсловесными друзьями, ухаживалъ за раненою собакой. Онъ промылъ ей окровавленные глаза, накормилъ и помѣстилъ ее въ углу своего кабинета. Собака приняла всѣ эти попеченія съ робкой благодарностью и, еще не понимая хорошенько происшедшей съ нею перемѣны, безпокойно водила головой, ища руки, которая кормила и ласкала ее. Но тьма окружала ее и, пораженная страхомъ, собака начинала протяжно выть. Этотъ крикъ боли и отчаянія странно всколыхнулъ вѣчную тишину молчаливаго домика и обезпокоилъ всѣхъ его обитателей. Желтый котъ проснулся на своемъ пьедесталѣ изъ книгъ и удивленнымъ взглядомъ спросилъ профессора: „что это значитъ“? Даже глубокомысленный аксолотъ вышелъ изъ обычной неподвижности и тревожно ползалъ взадъ и впередъ по фарфоровому дну ванны. И профессоръ, глядя на испуганныхъ животныхъ, чувствовалъ въ душѣ своей стыдъ за человѣчество, которое имѣло все, чтобы быть прекраснымъ, и вмѣсто того было такимъ отвратительно жестокимъ.

Собака выздоровѣла, но навсегда осталась слѣпой. Щенка своего она выкормила, и онъ изъ жалкаго, голаго комочка превратился въ благообразнаго, пушистаго бѣлаго пса съ легкомысленнымъ характеромъ и большою наклонностью къ романическимъ приключеніямъ, унаслѣдованною, вѣроятно, отъ неизвѣстнаго родителя. Онъ вѣчно пропадалъ изъ дому, носился по скаламъ, какъ сумасшедшій, раскапывая каждую

*) Тёфъ, тёфъ,—татарское восклицаніе, выражающее недовѣріе и насмѣшку.

норку, попадавшуюся на дорогѣ, и часто возвращался изъ своихъ таинственныхъ отлучекъ весь избитый и растрепанный. Профессора очень огорчало поведеніе его питомца, и въ наказаніе онъ сажалъ его иногда въ темный чуланъ, но Бобка,—такъ звали легкомысленнаго юношу,—вырвавшись на свободу, съ радостнымъ лаемъ бросался на грудь къ профессору, лизалъ его въ носъ и въ губы и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, задиралъ хвостъ и исчезалъ неизвѣстно куда. За то слѣпая собака никогда не покидала дома и ни на шагъ не отходила отъ своего спасителя. Когда онъ выходилъ на прогулку, она слѣдовала за нимъ, и, встрѣчая ихъ всегда вдвоемъ, жители городка говорили: „вонъ нашъ профессоръ идетъ съ своей слѣпой собакой“... Днемъ ея любимымъ занятіемъ было сидѣть на верандѣ, поднявъ свои слѣпые глаза къ солнцу, и слушать отдаленный шумъ морского прибоя, а вечеромъ она укладывалась у ногъ профессора и на всякое его движеніе отзывалась осторожными постукиваньями хвоста, какъ бы давая этимъ знать, что она бодрствуетъ. Желтый котъ сначала ревновалъ ее къ профессору и брезгливо щурилъ свои зеленые глаза, когда она нечаянно натыкалась на него, но видя, что всѣ его прерогативы остаются неприкосновенными, примирился съ ея присутствіемъ въ домѣ и даже позволялъ себѣ иногда благосклонно поиграть съ ея хвостомъ. Онъ пересталъ сердито ворчать, когда она смиренно ласкалась къ профессору, кладя голову на его колѣни, и часто въ его глазахъ, устремленныхъ на нее съ высоты письменнаго стола, можно было прочесть снисходительное сожалѣніе къ ней и даже что-то похожее на грусть. Онъ какъ будто понималъ, что собака была несчастна и слѣпа!

Когда погода была хороша, солнце грѣло и море звучало внизу, какъ отдаленная музыка, собака цѣлые часы проводила на верандѣ, и вся поза ея показывала, что она наслаждается. Но когда небо заволакивалось тучами, и съ горныхъ вершинъ, дико рыдая, приносился вѣчный бродяга вѣтеръ; когда море начинало волноваться, и пѣнистыя волны съ львинымъ рычаніемъ бросались на скалы, собака обнаруживала странное безпокойство, металась по всѣмъ комнатамъ, не находя себѣ мѣста, и, прислушиваясь къ бѣшенымъ воплямъ вѣтра и моря, поднимала морду кверху и протяжно выла. Профессоръ всячески старался ее успокоить, ласкалъ, гладилъ, укладывалъ возлѣ себя, но и во снѣ собака продолжала вздрагивать и стонать, какъ будто ее мучила нестерпимая боль. О чемъ тосковало ея собачье сердце? Какіе невѣдомые ужасы мерещились ей въ то время, какъ ей самой было такъ хорошо и уютно въ тепломъ профессорскомъ

домикѣ? Объ этомъ никогда не могли узнать ни старый профессоръ, ни его умный желтый котъ.

А жилось въ домикѣ на скалѣ тепло и уютно, и бурныя волны жизни никогда не стучались въ его бѣлыя стѣны. Люди, смущенные холодной непривѣтливостью профессора, все рѣже и рѣже подымались на скалу и, наконецъ, перестали ходить совсѣмъ. Поденщица молча приходила, молча убирала комнаты и молча уходила, ни разу не сказавъ слова съ профессоромъ. Потомъ являлся водоносъ Страти съ боченкомъ за спиной, что-то бормоталъ про себя и тоже уходилъ, не дождавшись отъ профессора отвѣта. Въ полдень дѣвочка-гречанка приносила обѣдъ, и это было послѣднее посѣщеніе. Послѣ ея ухода профессоръ запиралъ двери на ключъ и оставался одинъ,—ждать больше было некого, никто не могъ придти, и съ чувствомъ облегченія профессоръ принимался за свои занятія. Онъ перемѣнялъ воду въ акваріумахъ, кормилъ всѣхъ своихъ животныхъ, потомъ садился за работу, читалъ, писалъ, готовилъ препараты для микроскопа, и время проходило незамѣтно. Послѣ обѣда онъ выходилъ на веранду съ биноклемъ въ рукахъ и отдыхалъ, глядя на безконечное море, синѣвшее внизу. Онъ любилъ море и въ бурю, и въ затишье и никогда не уставалъ любоваться его измѣнчивой красотой. Въ самыя тяжелыя минуты отчаянія и тоски оно успокаивало его своимъ вѣчнымъ движеніемъ и вдохновляло его на трудъ и на жизнь. По вечерамъ профессоръ ходилъ гулять, бродилъ по скаламъ, собиралъ раковины и растенія и, когда темнѣло, возвращался домой, зажигалъ лампу и продолжалъ прерванную работу. Онъ давно уже задумалъ обширное изслѣдованіе о невидимой жизни моря, и въ уединеніи послѣднихъ лѣтъ ему удалось собрать много цѣнныхъ наблюденій надъ микроскопическими организмами, существованіе которыхъ въ природѣ несомнѣнно имѣло свою цѣль и назначеніе. Въ жаркія лѣтнія ночи, глядя на море, вспыхивающее миріадами голубыхъ искръ, и зная, что каждая изъ этихъ искръ есть живое существо, одаренное органами питанія, размноженія и передвиженія, профессоръ глубоко задумывался и задавалъ себѣ вѣчный, неразрѣшимый вопросъ: какой же смыслъ всего сущаго и зачѣмъ природа съ безумной щедростью выбрасываетъ въ міръ каждый часъ, каждую секунду безчисленное множество живыхъ существъ, начиная съ человѣка и кончая бактеріей, если и тѣ, и другіе одинаково обречены на уничтоженіе, иногда въ самый моментъ появленія своего на свѣтъ? И хотя бы еще жизнь была такъ прекрасна, что за одинъ мигъ ея стоило покидать мракъ небытія и снова возвращаться туда, но вѣдь этого нѣтъ, вѣдь жизнь—обманъ, жизнь—зло, жизнь—стра-

даніе и боль одинаково для всѣхъ. Страдаетъ человѣкъ, которому данъ почти божественный разумъ, но не дано власти превратить зло міра въ добро; страдаютъ животныя, у которыхъ отнимаютъ дѣтенышей; страдаютъ орлы въ небесахъ и черви внизу; страдаютъ даже эти крошечныя ноктилюки въ морѣ, для которыхъ каждый взмахъ волны—боль и смерть. Зачѣмъ же все это и кому это нужно?

Иногда послѣ такихъ размышленій на профессора нападала тоска и апатія. Ему казалось, что онъ стоитъ предъ громадной, непроницаемой стѣной, за которой скрывается разгадка жизни, и онъ задыхался отъ отчаянія и сознанія своего безсилія. Онъ чувствовалъ отвращеніе къ самому себѣ и къ своей работѣ. Зачѣмъ онъ живетъ и кому нужна его работа? Если не для людей, отъ которыхъ онъ ушелъ и къ которымъ чувствуетъ одно презрѣніе, то для кого же онъ работаетъ, ищетъ, мучится? Можетъ быть, для себя... но для себя не стоитъ, потому что не сегодня-завтра онъ исчезнетъ для міра, и міръ исчезнетъ для него.

Профессоръ бросалъ свою работу и цѣлые дни проводилъ предъ акваріумами—не какъ ученый изслѣдователь, а какъ товарищъ и соучастникъ крошечнаго мірка, копошившагося за стеклянными стѣнками. Простая, наивная жизнь этихъ простыхъ существъ затягивала его въ себя и дѣлала такимъ же простымъ и наивнымъ, какъ они. У нихъ были свои маленькія радости и печали, и онъ радовался и горевалъ вмѣстѣ съ ними. Для него они не были безличною, однообразною массой живыхъ организмовъ, случайно собранныхъ вмѣстѣ, — нѣтъ, онъ зналъ индивидуальныя особенности каждаго, подмѣчалъ характеристическія черты, однихъ любилъ, другихъ только терпѣлъ. Одну великолѣпную голубую актинію профессоръ даже ненавидѣлъ за ея коварство и холодную жестокость, съ которою она заманивала и пожирала разную живую мелкоту, копошившуюся вокругъ нея; нѣсколько разъ онъ собирался уничтожить хищную красавицу, но духу не хватало, такъ она была прекрасна! За то крабы были его любимцами; ихъ было множество, но каждый изъ нихъ имѣлъ свою физіономію, свои особыя привычки, и профессоръ умѣлъ отличать ихъ одного отъ другого. У него былъ крабъ веселый и добродушный, который цѣлые дни находился въ движеніи и своими обезьяньими ужимками, своей понятливостью чрезвычайно забавлялъ профессора. Былъ крабъ нахалъ и задира, который съ заносчивымъ видомъ шлялся по всему акваріуму, всѣхъ толкалъ, всѣмъ мѣшалъ и не давалъ спуску даже аристократическимъ красавицамъ актиніямъ, въ величавой неподвижности засѣдавшимъ на коралловыхъ вѣтвяхъ. Былъ маленькій пестрый

крабъ, тихоня и мечтатель, который любилъ покой, самъ никогда никому не мѣшалъ и старался, чтобы и ему не мѣшали. Онъ даже скорлупку свою поддѣлалъ подъ цвѣтъ коралловаго кустика, служившаго ему жилищемъ, и проводилъ свое время мирно и спокойно, не вмѣшиваясь въ жизнь товарищей и наблюдая ее со стороны. Когда профессоръ въ опредѣленные часы отпускалъ имъ обычную порцію вермишели и мяса, первымъ на мѣсто кормежки являлся крабъ-нахалъ, расталкивалъ всѣхъ клешнями, выхватывалъ у товарищей лучшіе куски и удалялся съ побѣдоноснымъ видомъ, держа въ клешнѣ вермишель; точь въ точь какой-нибудь франтъ, хорошо пообѣдавшій въ ресторанѣ и вышедшій пофланировать съ сигарой въ рукѣ! Пестренькій же крабъ выжидалъ, когда всѣ разойдутся, и только тогда осторожно подходилъ собирать остатки ѣды. Профоссоръ пробовалъ его какъ-нибудь раздразнить, толкалъ его стеклянной палочкой, но крабъ терпѣливо переносилъ всѣ эти незаслуженныя обиды и только изрѣдка отмахивался клешней отъ докучной палочки, какъ бы говоря: „не трогайте меня,—вѣдь я васъ не трогаю!..“ И профессору становилось стыдно передъ этимъ маленькимъ животнымъ, которое такъ просто и не учась даже въ семинаріи, разрѣшило трудную проблему жизни: „не дѣлай никому зла, если не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали его другіе“.

Но особенно профессора интересовалъ одинъ почтенный, большой крабъ, который жилъ у него уже давно. Это былъ несомнѣнно меланхоликъ и пессимистъ. Онъ ютился гдѣ-то въ расщелинѣ между камнями и велъ жизнь уединенную и непонятную. Профессоръ не зналъ даже, ѣстъ ли онъ что-нибудь, потому что отшельникъ никогда не показывался на свѣтъ Божій, и объ его существованіи можно было догадываться только по крошечнымъ водоворотамъ, которые вѣчно бурлили надъ расщелиной. Иногда оттуда выглядывалъ длинный сердитый усъ или кончикъ клешни, но стоило только какой-нибудь рѣзвой креветкѣ нечаянно зацѣпить своимъ прозрачнымъ тѣльцемъ эти угрюмые усы и клешни, какъ они мгновенно исчезали въ расщелинѣ, и на ихъ мѣстѣ еще свирѣпѣе бурлили водовороты, и крупные пузыри взлетали кверху, свидѣтельствуя о недовольствѣ обезпокоеннаго въ своемъ одиночествѣ философа. И обитатели акваріума какъ будто понимали, что своими посѣщеніями раздражаютъ отшельника, и тщательно избѣгали подходить близко къ мрачной пещерѣ, въ которой онъ самъ себя замуровалъ. Было что-то общее въ судьбѣ этого краба и въ судьбѣ самого профессора: обоихъ ихъ чѣмъ-то обидѣла жизнь, оба они ушли отъ нея, и какъ профессоръ рѣдко спускался съ

своей скалы, такъ и крабъ не любилъ выползать изъ своего таинственнаго убѣжища. Самъ профессоръ давно уже подмѣтилъ это сходство между собою и крабомъ и съ невольной улыбкой сознавался самъ себѣ, что, можетъ быть, именно поэтому онъ чувствуетъ особенную симпатію къ странному животному и думаетъ о немъ больше, чѣмъ нужно. По утрамъ вставъ съ постели, онъ прежде всего шелъ къ акваріуму посмотрѣть, что дѣлаетъ чудакъ; не одинъ разъ, въ припадкѣ непонятнаго для него самого любопытства, онъ пытался какъ нибудь расшевелить и вызвать его изъ расщелины, поднося къ ней самые лакомые кусочки пищи,—крабъ не поддавался ни на какіе соблазны и упорно продолжалъ сидѣть въ своей кельѣ. Но однажды какъ-то профессору не спалось ночью, и со свѣчею онъ вошелъ въ комнату, гдѣ у него стояли акваріумы. Маленькій мірокъ, повидимому, спалъ такъ же крѣпко за своими стеклянными стѣнами, какъ и тотъ огромный міръ, который разстилался тамъ внизу, подъ скалой. Спали японскія рыбки, недвижно распластавшись въ водѣ; спали лягушки и тритоны, хрустальныя креветки и морскіе коньки, похожіе на миніатюрныхъ драконовъ; грузные крабы въ окаменѣлыхъ позахъ чернѣли на блестящемъ пескѣ и даже пугливая игла-рыба, забывъ осторожность, висѣла какъ разъ надъ голубой актиніей, побѣжденная сномъ. И вдругъ среди этого покоя и тишины профессору почудился какой-то шорохъ на вершинѣ искусственнаго рифа, вздымавшагося надъ морскимъ акваріумомъ. Онъ осторожно приблизился, поднялъ свѣчу... и увидѣлъ своего alter-ego, этого стараго чудака и нелюдима, таинственнаго обитателя мрачной норы. Онъ сидѣлъ на раковинахъ, широко разставивъ огромныя клешни, и задумчиво шевелилъ усами, какъ бы прислушиваясь къ отдаленному шуму моря. Блестящіе стебельчатые глаза его встрѣтились съ глазами профессора... и профессору показалось, что въ этихъ странныхъ глазахъ читаются упрекъ и презрѣніе. Нѣсколько мгновеній смотрѣли они такъ другъ на друга, потомъ крабъ неторопливо поднялъ клешню, повелъ ею у себя передъ глазами, какъ человѣкъ очнувшійся отъ глубокаго забытья, и, соскользнувъ въ воду, исчезъ.—Цѣлую ночь послѣ того профессоръ на могъ спать, а когда заснулъ подъ утро, — во снѣ ему снился черный крабъ съ своимъ загадочнымъ взглядомъ, и этотъ крабъ говорилъ ему странныя рѣчи. „Ты—жалкій лицемѣръ!—говорилъ онъ,—и ты еще болѣе жестокъ, чѣмъ тѣ люди, отъ которыхъ ты ушелъ. Люди дѣлаютъ много зла, но они дѣлаютъ и добро, потому что они живутъ вмѣстѣ; ты не дѣлаешь зла, но не дѣлаешь и добра, потому что ты одинъ. Чтобы уничтожить зло, надо стоять передъ нимъ лицомъ къ

лицу, а ты бѣжалъ отъ него на вершину и прячешься здѣсь никому не нужный и безполезный. На вершинахъ свѣтло, но слишкомъ холодно, и если ты захочешь говорить, никто тебя не услышитъ, и если ты захочешь протянуть руку, чтобы поддержать ослабѣвшаго, никто не увидитъ твоей протянутой руки. Ты ненавидишь людей за ихъ лживость и бездушіе, но ты, ты самъ развѣ сдѣлалъ что нибудь для того, чтобы они стали добрыми и прекрасными? Отъ нихъ ты взялъ все, имъ не далъ ничего... Ступай-же внизъ, старый лицемѣръ, возврати людямъ все, что ты отъ нихъ получилъ, — отдай имъ свою мысль, свои знанія, свою душу, — вѣдь они тебѣ даны ими же и не для тебя одного, а для всѣхъ..."

И профессоръ слушалъ эти рѣчи и плакалъ во снѣ, а когда проснулся, то его долго еще томило странное безпокойство и тоска. Рѣчи краба во снѣ,—вѣдь это были его собственныя мысли, а онъ не любилъ и боялся такихъ мыслей. Онѣ напоминали ему, что крѣпка еще его связь съ человѣчествомъ, отъ котораго онъ хотѣлъ уйдти навсегда въ міръ чистой и безстрастной науки, не желая ничего знать ни о его жестокостяхъ, ни о его страданіяхъ. И по временамъ онъ думалъ, что это ему удалось, что онъ свободенъ и великъ... но человѣчество было сильнѣе его, и страшны были цѣпи, которыми онъ былъ съ нимъ связанъ. Когда онъ наглухо затворялъ свои двери и окна, чтобы не слышать его зова,—оно кричало въ немъ самомъ, напоминало о себѣ во снѣ, и въ каждомъ ударѣ сердца, въ каждомъ вздохѣ своемъ, онъ слышалъ его властный голосъ: „это я"... Онъ углубился въ міръ простыхъ, почти лишенныхъ сознанія существъ, но и здѣсь, въ самомъ низу лѣстницы жизни онъ встрѣчалъ зачатки тѣхъ же свойствъ, тѣхъ же наклонностей, которыя были ему такъ ненавистны въ человѣкѣ. Вездѣ была видна одна идея, одна творческая рука, и онъ невольно вспоминалъ страшныя слова, которыя когда-то въ дѣтствѣ повергали его въ ужасъ и трепетъ: „Камо бѣжу отъ лица Твоего"...

Въ раздумьи онъ подходилъ къ акваріуму, гдѣ обитатели моря вели свою обычную жизнь. И онъ видѣлъ, что тамъ шла такая же борьба за жизнь, также сильные уничтожали слабѣйшихъ и выше одаренные торжествовали побѣду надъ менѣе умными и менѣе хитрыми. Все было до смѣшного похоже на человѣческую жизнь, только выражалось смѣлѣе и откровеннѣе. И профессоръ думалъ: если лукавство, злоба, привязанность къ жизни и всѣ низшія страсти существуютъ въ зачаткѣ во всѣхъ этихъ простыхъ организмахъ, то почему бы не быть въ нихъ также и зачаткамъ скорби и смутной тоски, которыми томятся немногіе, стоящіе на самой вершинѣ лѣстницы? Можетъ быть, и этотъ крабъ, ушедшій

отъ себѣ подобныхъ въ темную расщелину, смутно сознаетъ несовершенство мірозданія; можетъ быть, и онъ, выходя по ночамъ и прислушиваясь къ гулу моря, также грезитъ о лучшихъ и свѣтлыхъ мірахъ. Кто знаетъ?.. „И всетаки, ты не правъ, старикъ!—мысленно обращался къ нему профессоръ.— Я ничего не дѣлаю для людей, но вѣдь я и самъ ничего не бралъ у нихъ добровольно, и поэтому ничѣмъ передъ ними не обязанъ. Если они страдаютъ, то они сами виноваты въ своихъ страданіяхъ,—я имѣлъ право оставить ихъ, и моя мысль, моя душа—онѣ мои и принадлежатъ мнѣ безраздѣльно. Я никого не просилъ о жизни, и если я живу, мыслю и чувствтю, то только самъ для себя и ни для кого больше. Мнѣ никто не нуженъ, и я самъ не хочу быть кому-нибудь нуженъ. Я одинъ и буду одинъ, потому что этого хочу *я*. Но вѣдь и ты одинъ, и всѣ эти твари вокругъ тебя— онѣ тоже живутъ каждая сама по себѣ и для себя. И я буду жить также: я не рабъ человѣчества; я—единица, отдѣльная отъ всѣхъ, и мой конецъ будетъ концомъ всего. Зачѣмъ же мнѣ идти куда-то внизъ и отдавать себя“?..

Эти молчаливые диспуты съ крабомъ, въ которомъ онъ видѣлъ самого себя и въ лицѣ котораго возражалъ самому себѣ, были очень долги, очень упорны и кончались побѣдой гордаго и свободнаго „я“ надъ жалкимъ рабомъ земли, еще жившимъ въ немъ до сихъ поръ.

Профессоръ снова возвращался къ своимъ занятіямъ, ѣздилъ съ драгой въ море, привозя въ стеклянныхъ банкахъ новые и новые экземпляры крошечныхъ, нѣмыхъ созданій подводнаго міра, съ интересомъ изучалъ какую-нибудь новую особь изъ семейства Halcampicles и крѣпко спалъ по ночамъ, не слыша во снѣ никакихъ голосовъ жизни оттуда снизу. Тамъ попрежнему бушевали бури; тамъ гремѣли пушки и лились потоки крови; тамъ жалкіе двуногіе боролись и погибали за свое жалкое счастье,—тутъ наверху было тихо и спокойно.

Впрочемъ, не всегда спокойно... были и въ этомъ отчужденномъ міркѣ свои трагедіи и свои драмы. Однажды профессоръ не нашелъ въ акваріумѣ своей любимой рыбы-иглы, которая одна изъ всѣхъ, привезенныхъ имъ когда-то съ моря, выжила у него почти годъ. Голубая актинія таки подстерегла ее, наконецъ, и отъ бѣдной рыбки остался только одинъ кончикъ хвоста, еще торчавшій изъ ротового отверстія прожорливой красавицы. Много огорченій причиняли профессору и медузы, которыхъ ему никакъ не удавалось приручить. Эти странныя студенистыя созданія совершенно не выносили рабства и, помѣщенныя въ стеклянную тюрьму, немедленно погибали и распадались на множество безобраз-

ныхъ клочьевъ. А какъ онѣ были красивы, когда свободныя и счастливыя плавали въ морѣ, и зеленая вода бросала изумрудные отсвѣты на ихъ хрустальныя тѣла, похожія на фантастическіе цвѣты съ розовыми и голубыми лепестками!

Профессору было такъ непріятно зрѣлище ихъ смерти и разложенія, что онъ оставилъ всякія попытки приручить ихъ и, когда онѣ попадали въ драгу, онъ выпускалъ ихъ обратно въ море.

Но самымъ трагическимъ событіемъ въ профессорскомъ домикѣ была смерть Бобки. Легкомысленный бѣлый песикъ жестоко поплатился за свою страсть къ приключеніямъ и шумному обществу,—его отравили. Еле волоча ноги и шатаясь, онъ приплелся умирать всетаки домой и съ жалобнымъ хрипѣньемъ легъ у порога. Его потухающіе глаза просили участія и прощенья, и профессоръ испробовалъ всѣ средства, чтобы спасти своего питомца. Желтый котъ и слѣпая собака какъ будто понимали, что съ Бобкой происходитъ что-то необыкновенное, и вмѣстѣ съ профессоромъ не отходили отъ него до самой смерти. Когда она наступила, наконецъ, и въ страшно расширенныхъ зрачкахъ Бобки сверкнулъ и погасъ послѣдній огонекъ жизни,—слѣпая собака обнюхала трупъ своего сына и тихо завыла, а желтый котъ обратилъ на хозяина взглядъ, полный недоумѣнія и упрека. „Такъ, значитъ, и *ты* ничего не можешь“?—какъ будто хотѣлъ онъ сказать. Профессоръ угрюмо прикрикнулъ на собаку, прогналъ кота и занялся приготовленіями къ похоронамъ Бобки. Онъ уложилъ въ мѣшокъ это пушистое, гибкое тѣло, которое еще вчера жило, бѣгало, по своему радовалось и наслаждалось, привязалъ къ нему тяжелый камень и бросилъ со скалы въ море. Бобки больше не было... Когда онъ пришелъ домой, собака все еще съ безпокойствомъ обнюхивала то мѣсто, гдѣ лежалъ Бобка, и сдержанно визжала, а обиженный котъ издали наблюдалъ за нею, и въ глазахъ его выражалось презрѣніе. Не все ли равно,—вѣдь это кончится одинаково для всѣхъ... Разстроенный профессоръ опять закричалъ на собаку, ударилъ насмѣшливаго кота хворостиной и заперся у себя въ комнатѣ одинъ. Ему не хотѣлось въ эту минуту видѣть никого изъ своихъ безмолвныхъ сожителей, которые въ своемъ наивномъ невѣдѣніи считали его, можетъ быть, за всемогущее и всевѣдущее существо, между тѣмъ, какъ онъ былъ такъ же слабъ и ничтоженъ, какъ они.

Это былъ отвратительный день. Съ Бобкой точно ушло изъ дома все живое и радостное. За стѣнами не слышно было его громкаго и веселаго лая; въ обѣденный часъ никто не стучался и не царапался въ дверь, какъ это обыкновенно дѣлалъ Бобка. Побитый котъ куда-то исчезъ и не по-

казывался; слѣпая собака выла на верандѣ. А къ вечеру въ морѣ разыгралась настоящая сентябрьская буря. Валы грохотали внизу, и домъ сотрясался отъ ихъ могучихъ ударовъ; вѣтеръ пронзительно свисталъ между колоннами веранды, надувалъ парусиныя занавѣсы и хлопалъ ими по воздуху. Съ крыши сорвалась черепица и съ страшнымъ трескомъ упала на камни. Кто-то сильный и свирѣпый съ гнѣвомъ обрушился на профессорскій домъ и, возмущенный его молчаніемъ и отчужденностью, силился до основанія разрушить тихое убѣжище.

А собака все выла.

Профессоръ больше не могъ оставаться въ заперти и слышать этотъ ужасный, безнадежный вой, котораго не могли даже заглушить крики бури. Въ первый разъ за эти годы одиночество тяготило его, и онъ не находилъ въ немъ отрады и успокоенія. Его тихая комната казалась ему душнымъ гробомъ; онъ задыхался въ ней и чувствовалъ себя заживо погребеннымъ. Поспѣшно онъ сорвалъ со стѣны плащъ и накинулъ его на себя, взялъ палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, вышелъ на веранду и позвалъ собаку.

Животное перестало выть и съ радостнымъ визгомъ бросилось къ профессору. Онъ погладилъ ее.

— Ну что, бѣдняга? Что, слѣпая?.. — говорилъ онъ ласково. — Тебѣ страшно? Тебѣ скучно? Нѣтъ нашего Бобки... Проклятые люди отравили его. Ну, что-жъ... Ничего, вѣдь и мы съ тобою умремъ, когда придетъ наша очередь...

Собака, тихонько взвизгивая, нашла его руку и лизала ее своимъ мокрымъ, горячимъ языкомъ. Профессоръ плотно приперъ дверь и спустился съ веранды; вѣтеръ рванулся ему въ лицо и чуть не сшибъ съ ногъ. Придерживая рукой развѣвающіяся полы плаща и крѣпко опираясь на палку, онъ пошелъ по знакомой тропинкѣ въ гору, гдѣ за выступомъ скалы у него было любимое мѣстечко, защищенное отъ вѣтра. Ночь была была темная и душная; черныя лохмы тучъ разметались по небу и внизу бурлило такое же черное море. Волнъ не было видно, но когда онѣ сталкивались между собою въ ожесточенной борьбѣ, по ихъ высокимъ, косматымъ гребнямъ разсыпались голубыя, вздрагивающія искры. Въ этихъ судорожныхъ вспышкахъ было что-то ужасающее: казалось, что тамъ, внизу, корчится и издыхаетъ огромное, безобразное чудовище, наполняя пространство своими предсмертными стонами. Ночные сверчки притихли, затаившись между камнями, и только изсохшіе кусты держидерева безпокойно трещали и шептались, когда вѣтеръ пригибалъ ихъ къ землѣ.

Профессоръ осторожно взбирался по камнямъ, палкой

ощупывая тропинку. Вѣтеръ трепалъ его волосы, обвѣвалъ лицо своимъ могучимъ дыханьемъ и рвалъ изъ рукъ полы плаща, но теперь ему дышалось легче и свободнѣе. Ему нравилась дикая музыка разгнѣваннаго моря, нравилось черное небо, одѣвшее въ трауръ присмирѣвшую землю. Ему хотѣлось бы, чтобы оно разверзлось и чернымъ потокомъ затопило этотъ вонючій, грязный комъ, неизвѣстно зачѣмъ блуждающій въ пространствѣ. Вдругъ слѣпая собака остановилась и съ тревогой подняла голову кверху.

— За мной, за мной, слѣпая!—позвалъ ее профессоръ.— Не бойся, я здѣсь, съ тобой!

Собака ткнулась ему въ колѣни и замахала хвостомъ, но сейчасъ же снова остановилась и съ страннымъ волненіемъ начала обнюхивать землю.

— Ага, ты вспомнила своего Бобку!—съ грустной улыбкой сказалъ профессоръ.—Да, бѣдная моя, онъ здѣсь бѣгалъ еще сегодня утромъ... Но теперь его нѣтъ больше и никогда не будетъ,—не ищи! Пойдемъ...

Собака не шла. Она побѣжала назадъ, потомъ вернулась опять, нюхая тропинку, и вдругъ стала торопливо взбираться по камнямъ. Профессоръ остановился и тоже сталъ прислушиваться.

— Что тамъ такое? Ничего не понимаю... — пробормоталъ онъ.—Кажется, тамъ кто-то есть. Слѣпая, сюда!—крикнулъ онъ.

Она не возвращалась. Тогда удивленный и обезпокоенный ея страннымъ поведеніемъ, онъ сталъ взбираться по ея слѣдамъ. Наверху что-то происходило; слышались радостные взвизги собаки и въ промежуткахъ между взвизгами чье-то глухое бормотанье. Профессоръ сталъ слушать, сжимая въ рукахъ палку.

— Что за чортъ? — сердито ворчалъ чей-то хриплый голосъ.—Эта проклятая собака всю морду мнѣ облизала... Откуда она взялась?

— Какая собака? — отозвался другой голосъ, звонкій и насмѣшливый. — Ты бредишь, пріятель? Это тебѣ съ голоду мерещатся собаки.

— Какого дьявола мерещится, — не мерещится, а на яву собака! Развѣ не слышишь—визжитъ? Только что сталъ было засыпать, а она, проклятая, въ рыло языкомъ... Тьфу, тьфу!..

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся насмѣшливый голосъ.—Должно быть, она тебя за падаль приняла,—это забавно!

— Оч-чень забавно... да пошла ты къ чорту, подлая!..

Собаку, должно быть, ударили, потому что она болѣзненно взвизгнула, но сейчасъ же, кажется, снова начала ластиться.

— „Люди...“ — прошепталъ профессоръ и пошелъ впередъ.—„И ихъ двое“...

— А, однако, знаешь что?—продолжалъ между тѣмъ насмѣшливый голосъ.—Мнѣ до того хочется жрать, что... если бы здѣсь гдѣ-нибудь поблизости лежала падаль,—я бы, кажется, рѣшился...

— Н-ну-у!..—проурчалъ хриплый и свирѣпо плюнулъ.

Профессоръ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ въ гору и очутился на небольшой площадкѣ, среди которой торчалъ общипанный коровами кустъ карагача. Подъ кустомъ, растянувшись на землѣ, смутно чернѣли двѣ человѣческія фигуры, а около нихъ, умильно вертя хвостомъ, увивалась слѣпая собака. „Жалкая тварь!“—подумалъ профессоръ.

— Пошла сюда!—строго крикнулъ онъ на собаку и обратился къ распростертымъ фигурамъ.—Кто это здѣсь?

Одна изъ фигуръ поднялась съ своего каменнаго ложа.

— Кто мы? — переспросила она, и профессоръ узналъ насмѣшливый голосъ.—Вопросъ довольно простой, если бы мы сами знали, кто мы такіе. Но ей-Богу, мы этого не знаемъ...

Поднялось и другая фигура, огромная и косматая.

— Будетъ болтать!—прохрипѣла она.—Мы, ваше сіятельство, сыны вселенной, т. е., по просту говоря, бродяги, если вамъ угодно знать. Но, спрашивается, зачѣмъ? Мы, кажется, никому здѣсь не мѣшаемъ; мы ночуемъ въ гостяхъ у Господа Бога, а Господь Богъ пока еще никакой платы за ночлегъ не беретъ...

Профессоръ подошелъ ближе и, опираясь обѣими руками на палку, старался вглядѣться въ лица людей. Собака заискивающе юлила около него, какъ бы прося прощенья за то, что оказала вниманіе какимъ-то подозрительнымъ бродягамъ.

— Но зачѣмъ же вы здѣсь...—началъ онъ и запнулся, понявъ вдругъ всею нелѣпость своего вопроса.

„Сыны вселенной“ переглянулись и захохотали—одинъ звонко и весело, другой—хрипло и угрюмо.

— Зачѣмъ... зачѣмъ?.. А вы зачѣмъ?—грубо оборвалъ онъ профессора. Проходите-ка лучше мимо, ваше сіятельство... съ вашей палкой и съ вашей собакой... которая, однако, гораздо добрѣе васъ. Она мнѣ хоть мою неумытую образину привела въ порядокъ, а вы...

— Постой...—остановилъ его товарищъ, но профессоръ не далъ ему договорить.

— Пойдемте со мной,—сказалъ онъ и подозвалъ къ себѣ собаку.

— Т. е. это куда же?—подозрительно спросилъ обладатель хриплаго голоса.

— Ко мнѣ. Я живу здѣсь недалеко. У меня вы можете переночевать.

— Такъ-съ... очень пріятно! А насчетъ пищи, напримѣръ... т. е. буаръ и манже... это у васъ полагается?

— Кое-что найдется.

— Гм... это великолѣпно! Пойдемъ?—вопросительно обратился онъ къ товарищу.

— Конечно, пойдемъ...

Они встали и, спотыкаясь о камни, послѣдовали за профессоромъ.

— Фу, ты, дьяволъ!—охалъ косматый бродяга, припрыгивая на каждомъ шагу.—Проклятыя колючки, чтобы имъ подохнуть!

— Да, безъ сапогъ неудобно!—посмѣивался товарищъ.— Но, однако, какой забавный оборотъ, а?

— Тебѣ все забавно... я думаю, если съ тебя когда-нибудь будутъ шкуру драть, ты тоже будешь говорить: „забавно"! А хорошо покуда одно: предвидится жратва...

— Да, это недурно!—весело воскликнулъ бродяга.—А все собака! Да будетъ благословенно во вѣки вѣковъ благородное животное, которое не въ примѣръ лучше человѣка! Ты, кажется, съ этимъ тоже согласенъ?

— Молчи... услышитъ...—проворчалъ косматый, толкая товарища.

Профессоръ шелъ впереди и, прислушиваясь къ разговору бродягъ, думалъ: „да... моя собака оказалась добрѣе меня. Бѣдная, слѣпая тварь! Люди сдѣлали ей столько зла, искалѣчили ее, отняли у нея дѣтенышей, и всетаки она съ рабской покорностью бѣжитъ на человѣческій голосъ, отыскиваетъ въ темнотѣ этихъ бездомныхъ горемыкъ и ведетъ меня къ нимъ, какъ будто для того, чтобы напомнить мнѣ, что я тоже человѣкъ и долженъ помочь своимъ братьямъ. Братьямъ?.. Да развѣ они мнѣ братья? Вѣдь я ихъ не знаю и не люблю... а между тѣмъ, веду ихъ къ себѣ... и мнѣ ихъ жаль... и, кажется, я даже радъ, что мнѣ ихъ жаль и что они ко мнѣ идутъ... и эта бѣдная собака тоже радуется... чему? Неужели ее такъ тягостило одиночество? Неужели и мой черный крабъ тоскуетъ не оттого, что жизнь такъ несовершенна, а оттого, что онъ одинъ"?

А собака, дѣйствительно, выражала самую шумную и самую откровенную радость. Ночь стала еще чернѣе, и внизу все также ревѣло и корчилось въ судорогахъ бичуемое вѣтромъ море, но его бѣшеные вопли нисколько не трогали ея собачьяго сердца. Она безпрестанно перебѣгала отъ профессора къ бродягамъ, точно желая удостовѣриться, идутъ ли они за ними, и затѣмъ снова возвращалась назадъ, бурно

бросалась къ профессору и громкимъ лаемъ заявляла ему о своемъ удовольствіи. Когда изъ мрака выскочилъ имъ на встрѣчу привѣтливый огонекъ, собака, почуявъ близость дома, совершенно забыла, что она слѣпа, и ринулась впередъ съ радостными взвизгиваньями. Профессоръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее... и въ то же время чувствовалъ, что и самъ онъ чему-то радуется, волнуется и скорѣе спѣшитъ придти домой...

Огонекъ подошелъ къ нимъ совсѣмъ близко. Это горѣла лампа въ кабинетѣ профессора. Собака была уже на верандѣ и царапалась когтями въ дверь; съ крыши слышалось отчаянное мяуканье желтаго кота, который соскучился въ одиночествѣ.

— Ай!..—послышался въ темнотѣ болѣзненный крикъ.

Профессоръ быстро обернулся.

— Что такое?

— Опять колючка... или гвоздь, чортъ его возьми...—со стономъ прорычалъ одинъ изъ бродягъ.

Профессоръ отперъ дверь и пригласилъ ихъ войдти, а самъ поспѣшно зажегъ лампу, которая ярко освѣтила бѣлыя стѣны, увѣшанныя рисунками и гравюрами, блестящіе акваріумы, пышную зелень на окнахъ и изящную, удобную мебель изъ гнутаго бука. Сыны вселенной вдругъ потеряли всю свою самоувѣренность, которую обнаруживали тамъ во мракѣ, среди скалъ, и конфузливо топтались у порога, озираясь по сторонамъ.

— Садитесь, господа,—сказалъ профессоръ.—Отдыхайте пока, а я пойду распоряжусь насчетъ ѣды и самовара.

Онъ вышелъ, оставивъ гостей однихъ.

— Куда это мы съ тобой попали?—вполголоса сказалъ косматый.—А старикань, кажется, славный, чортъ его раздери... Настоящій Саваофъ. Сядемъ, что-ли...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сморщился отъ боли.

— Однако, здорово я себѣ ногу напоролъ... До крови... ахъ, чортъ...

Онъ присѣлъ на стулъ и началъ разсматривать свои израненыя ноги, обутыя въ какое-то подобіе штиблетъ, давнымъ-давно уже отслужившихъ свою службу. Слѣпая собака подошла къ нему и ласково положила ему голову на колѣни.

— Собачка, собачка...—бормоталъ онъ разсѣянно.—Ты, братъ, славная собачка... добрая собачка!

— Ага, теперь ужъ „собачка"!—насмѣшливо передразнилъ его товарищъ.—Вотъ оно, холопство то, когда заговорило... Что значитъ, съѣстного то дали понюхать! Нѣтъ, ты, братъ, не свободный сынъ вселенной, а такой же прохвостъ, какъ и всѣ..

„Прохвостъ" молчалъ и съ страшными гримасами выта-

скивалъ изъ своихъ ранъ щепки и разную дрянь.—Это былъ высокій, плотный парень неопредѣленныхъ лѣтъ съ густою гривою волосъ пѣгаго цвѣта и широкимъ безбородымъ лицомъ, на которомъ особенное вниманіе обращалъ огромный шишковатый носъ, вздернутый кверху, какъ у мопса. Все на этомъ лицѣ было точно вытесано топоромъ — грубо, нескладно, кое-какъ, и маленькіе зеленоватые глазки, прятавшіеся въ дремучемъ лѣсу густыхъ бровей, придавали ему видъ недовѣрчивый и дикій. Такъ и казалось, что вотъ-вотъ онъ раскроетъ свою пасть, взреветъ и пойдетъ сокрушать все направо и налѣво. Одѣтъ онъ былъ въ ватное дырявое пальто, подпоясанное ремешкомъ, и въ короткіе не по росту штаны; за спиною у него на веревкахъ висѣла порыжѣвшая кожаная сумка, а свою войлочную шапку онъ снялъ при входѣ и бережно положилъ подъ стулъ.

Товарищъ его былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Ему было не больше 25 лѣтъ, и лицо его еще не потеряло юношеской свѣжести и нѣкоторой наивности. Должно быть, бродячая жизнь еще не очень помяла его въ своихъ желѣзныхъ тискахъ. Онъ былъ тоже высокаго роста, но строенъ и худощавъ; на впалыхъ щекахъ едва пробивалась золотистая бородка и, когда онъ улыбался, появлялись необыкновенно смѣшныя ямочки, а въ большихъ, очень красивыхъ голубыхъ глазахъ было много добродушной насмѣшливости и какого-то дѣтскаго задора. И одежда на немъ была немножко приличнѣе и опрятнѣе, чѣмъ у его спутника: поношенная синяя блуза, высокіе сапоги, хотя сильно стоптанные, но довольно крѣпкіе, и фуражка, которая когда-то, очень давно, вѣроятно, была бѣлой.

— А ты не думаешь, что этотъ благообразный старецъ можетъ устроить намъ какой-нибудь подвохъ?—спросилъ старшій, покончивъ, наконецъ, съ операціей вытаскиванья занозъ.—Что-то больно долго не показывается...

— Не думаю... — сказалъ юноша, разсматривая рисунки на стѣнахъ.—Старецъ то, кажется, ученый,—погляди-ка, какія у него тутъ штуки...

— Ну, ежели ученый—это наплевать...—пробормоталъ „сынъ вселенной“, подозрительно косясь на дверь.—Только не было бы чего-нибудь хуже...

Вошелъ профессоръ.

— Простите, господа, я васъ задержалъ немного. Пойдемте ужинать и пить чай,—самоваръ готовъ.

Старшій бродяга состроилъ умильную улыбку, которая совсѣмъ не шла къ его одичалой физіономіи.

— Мерси и прочее, но... нельзя-ли предварительно совер-

шить омовеніе и, такъ сказать, водой живою очиститься отъ всякія скверны?

Профессоръ усмѣхнулся на витіеватую рѣчь бродяги и повелъ своихъ гостей въ кухню, а самъ, въ то время, какъ они мылись и скреблись, порылся въ гардеробѣ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся къ нимъ съ цѣлой кучей разнаго бѣлья и платья.

— Вотъ, господа,—сказалъ онъ, кладя весь этотъ ворохъ на скамью.—Можетъ быть, желаете переодѣться, такъ, пожалуйста, не стѣсняйтесь.

Онъ опять ушелъ, а сынъ вселенной жадно набросился на платье и началъ примѣривать на себя то одну, то другую принадлежность костюма.

— Фу ты, чортъ!.. Ахъ, дьяволъ!—въ восхищеніи воскликнулъ онъ.—Рубаха фантазія съ горошкомъ... жилетка, братецъ ты мой, превосходнѣйшая... и даже кальсоны! Давно ужъ я не носилъ кальсонъ и... знаешь что, душа моей души? (онъ покосился на окно, въ которое стучался вѣтеръ). Я начинаю думать,—не лучше-ли намъ съ тобой заграбастать все это добро и удрать по добру—по здорову отъ добродѣтельнаго старца.

Молодой человѣкъ съ презрѣніемъ взглянулъ на товарища.

— А я начинаю думать, что ты—порядочная скотина!— сказалъ онъ, и въ его глазахъ сверкнулъ огонекъ.

— Ну-ну... полегче!—проворчалъ сынъ вселенной.—Съ тобой и пошутить нельзя...

Когда товарищи предстали передъ профессоромъ, — они были неузнаваемы, и въ особенности сынъ вселенной. Онъ смылъ съ своей физіономіи обильныя наслоенія дорожной пыли, намочилъ и пригладилъ пѣгія космы и въ свѣжемъ бѣльѣ, въ черной профессорской парѣ и въ профессорскихъ туфляхъ сдѣлался необыкновенно похожъ на католическаго ксендза. Спутникъ его остался въ своей синей блузѣ и сапогахъ, но чистую рубашку всетаки надѣлъ, и широкіе отложные воротнички придавали ему видъ еще болѣе дѣтскій и невинный. Обоихъ ихъ это превращеніе немножко смущало, и они конфузливо поглядывали другъ на друга и на профессора, не рѣшаясь садиться.

— Чрезвычайно признательны!..—началъ сынъ вселенной, исподлобья поглядывая на столъ, гдѣ кипѣлъ самоваръ и стояли тарелки съ хлѣбомъ, вареными яйцами и любимымъ греческимъ кушаньемъ изъ баклажановъ, которое называется „икрой“.—Очистились, омылись и облачились въ порфиры и виссонъ... и вы, яко древле Авраамъ, принявшій подъ дубомъ Мамврійскимъ трехъ свѣтозарныхъ ангеловъ...

— Ну ужъ мы то съ тобой вовсе на ангеловъ не похожи!..

—перебилъ его молодой человѣкъ, усмѣхаясь и видимо конфузясь за товарища.

— На падшихъ, душа моя, на падшихъ... ибо низвергнуты изъ селеній Божіихъ въ бѣдственную путину зла и окаянства...

— Да будетъ тебѣ ломаться —съ досадой и нетерпѣніемъ сказалъ юноша.—Заврался, отче...

Профессоръ пригласилъ ихъ садиться, и гости принялись за ѣду. Сначала они немного стѣснялись и заставляли себя просить, но потомъ увлеклись и ѣли такъ, что на нихъ даже страшно было смотрѣть. Видно было, что они долго голодали и совсѣмъ отвыкли отъ употребленія ножей, вилокъ и салфетокъ. Вошелъ желтый котъ, усѣлся на стулѣ поодаль и съ презрительнымъ удивленіемъ смотрѣлъ на этихъ странныхъ людей, изрѣдка переводя свой взглядъ на профессора и какъ бы спрашивая его: зачѣмъ они здѣсь? А за стѣнами въ черной безднѣ ночи рыдало измученное море, и вѣтеръ съ плачемъ стучался въ окно, какъ будто тамъ кто-то стоялъ и просилъ, чтобы его пустили.

Первымъ опомнился юноша. Онъ отодвинулъ отъ себя тарелку, посмотрѣлъ на профессора и, встрѣтивъ его пристальный и, какъ ему показалось, печальный взглядъ, покраснѣлъ.

— Должно быть, вамъ... немножко странно глядѣть на насъ?—стараясь казаться развязнымъ, спросилъ онъ.

— Нѣтъ... отчего же?—тихо сказалъ профессоръ, опуская глаза.

— Ну... это понятно! Вы, я думаю, еще никогда не видали такихъ молодцовъ... да если бы не ваша собака, и не увидали бы, пожалуй?

— Вѣроятно,—отвѣчалъ профессоръ.

— Вотъ видите. А кстати, гдѣ она... благодѣтельница?—съ усмѣшкой вымолвилъ онъ, оглядываясь.

Собака выползла изъ-подъ стола и съ оживленіемъ замахала хвостомъ, какъ-бы радуясь, что слышитъ человѣческіе голоса, которыхъ она давно уже не слышала въ этомъ уединенномъ домикѣ. Желтый котъ выразилъ въ своемъ взглядѣ еще бо̀льшее удивленіе.

Молодой человѣкъ протянулъ руку, чтобы погладить собаку, но она не замѣтила его руки и ткнулось головой ему въ колѣни.

— Вотъ чудачка!—сказалъ онъ.—Что̀ она, не видитъ,что-ли?

— Она слѣпая,—отвѣчалъ профессоръ.

— Слѣпая? Отчего?

— Ее хотѣли застрѣлить и попали въ глаза.

— Кто хотѣлъ застрѣлить?

— Люди...

Молодой человѣкъ быстро поглядѣлъ на профессора, и его красивые глаза потемнѣли.

— Ага... понимаю!..—проговорилъ онъ, гладя собаку.—Эхъ ты, бѣдняга!.. И вы ее пріютили такъ же, какъ и насъ... Удивительно... Ты слышишь?—обратился онъ къ товарищу.

— Что? Собака-то? Да...—пробормоталъ тотъ съ набитымъ ртомъ и, прожевавъ, наконецъ, ѣду, тяжко вздохнулъ.—Фу-у... сытъ!.. Здорово! Недѣли на двѣ наѣлся...

Юноша посмотрѣлъ на его раскраснѣвшуюся физіономію и засмѣялся.

— А вчера... Въ Севастополѣ то? А?—сказалъ онъ.

— Д-да... Черти проклятые!

— А что такое было въ Севастополѣ?—спросилъ профессоръ.

Сынъ вселенной сдѣлалъ кислую гримасу и махнулъ рукой.

— Лучше и не вспоминать!.. Скверность! Нехорошіе у васъ тутъ люди живутъ. Самые что ни на есть подлые людишки!

Наѣвшись, онъ сталъ опять говорить проще и естественнѣе.

— А гдѣ же есть люди лучше?—продолжалъ профессоръ.

— Гдѣ? Да какъ вамъ сказать... попадаются! Вотъ въ Тамбовской губерніи ничего народъ... по Волгѣ, на низахъ, тоже мужики хорошіе. Ну, ярославцы—это сволочь сверхъестественная: онъ тебѣ не только чтобы подать,—онъ норовитъ съ тебя самого послѣдніе штаны стащить. Честное слово! Но хуже нѣтъ—хохлы, да казаки! Ну что же это за подлецы такіе,—я и выразить вамъ не могу! Искаріоты! Нестерпимый народъ въ отношеніи подаянія. Такъ и смотритъ, какъ бы тебѣ вилами въ брюхо... За то на Кавказѣ—вотъ это такъ люди! По душѣ могу сказать,—лучше Кавказскихъ горцевъ и на свѣтѣ нѣтъ! Къ нимъ въ домъ иди смѣло,—все отдастъ до послѣдняго... Одно только: насчетъ ѣды у нихъ плохо. Хлѣба нѣтъ, каши нѣтъ, мяса нѣтъ, за то вина—сколько хочешь пей, хоть лопни!

— Однако, какъ видно, вы много путешествовали!—замѣтилъ профессоръ.

— Ничего себѣ... погулялъ! Могу сказать, что всю Россію насквозь прошелъ. Въ Сибири до Красноярска доходилъ; въ Ташкентѣ былъ; оттуда на Кавказъ подался; съ Кавказа въ Одессу метнулся,—хотѣлъ было за границу дернуть, да не вышло дѣло: вмѣсто заграницы въ пересыльный университетъ попалъ, ну и пришлось, по окончаніи курса, опять на старую дорогу поворачивать. Четырнадцать лѣтъ хожу,—еще одинъ годъ остался.

— Почему же одинъ годъ?

— Срокъ выходитъ,—награду получаю: изъ волчьяго чина зачисляюсь въ Колпинскіе мѣщане... Большое повышеніе-съ!—

съ ироническимъ смѣхомъ добавилъ онъ.—Недаромъ столько лѣтъ своими пятками россійскія дорожки утаптывалъ,

— Я васъ не совсѣмъ понимаю...—сказалъ профессоръ.

Сынъ вселенной откинулся на спинку стула и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на профессора.

— Да вы о волчьихъ билетахъ слыхали?—спросилъ онъ недовѣрчиво.

Теперь пришла очередь профессора изумляться. Онъ много зналъ; онъ въ совершенствѣ изучилъ анатомію, физіологію и систематику Protozoa; онъ открылъ и описалъ форму, строеніе, образъ жизни новаго вида Актиніи изъ подсемейства Halcampicles, и къ актиніямъ Мюллера, Кантарини, Остроумова прибавилась еще актинія его имени; онъ хорошо былъ знакомъ съ безчисленными представителями микроскопическаго міра,—но онъ никогда не слыхалъ ничего о волчьихъ билетахъ... Замѣтивъ его недоумѣніе, сынъ вселенной полѣзъ за пазуху, досталъ засаленную четвертушку сѣрой бумаги и положилъ ее передъ профессоромъ И вотъ что прочелъ онъ въ этой бумажкѣ: „Дано сіе проходное свидѣтельство діаконскому сыну, бывшему ученику В—й духовной семинаріи, Дмитрію Буреломову, для слѣдованія изъ города Севастополя въ городъ Майкопъ, съ тѣмъ, чтобы по прибытіи на мѣсто назначенія оное было немедленно явлено въ мѣстное полицейское управленіе“. Затѣмъ слѣдовали подписи и печать.

— Вотъ это и называется „волчьимъ билетомъ“?—спросилъ профессоръ.

— Именно-съ!

— Что же вы будете дѣлать въ Майкопѣ?

— Да тоже, что и вездѣ. Пойду въ полицію, и мнѣ дадутъ другое проходное свидѣтельство.

— Куда?

— Да куда угодно,—хоть опять въ Севастополь!—воскликнулъ сынъ вселенной и захохоталъ.

— Но почему бы вамъ не остаться въ какомъ-нибудь изъ этихъ городовъ?

— А, вотъ въ этомъ то и штука! Съ этой бумажкой вы не имѣете права оставаться въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ больше 24 часовъ,—если не найдете опредѣленныхъ занятій. А какой же дуракъ, хотѣлъ бы я знать, дастъ работу двумъ такимъ молодцамъ, какъ вотъ мы съ нимъ,—съ такими рожами и въ такихъ костюмахъ, отъ которыхъ за версту пахнетъ кабакомъ и острогомъ?

— Но вы пробовали всетаки?

— О, еще бы,—и очень даже пробовалъ! Работали мы и на виноградникахъ, и на пристаняхъ, и спичками торговали, и контрабанднымъ табачкомъ, а въ Ташкентѣ я даже 6 мѣ-

сяцевъ у одного полковника въ поварахъ служилъ. Ничего, сначала недурно было: поправился я на полковничьихъ кулебякахъ, рыло себѣ наѣлъ съ добрый самоваръ, пиджачную пару справилъ, обручальное кольцо купилъ на всякій случай,—и въ одно чудное мгновеніе все мое благополучіе пошло къ чертямъ!

— Отчего же?

— Маленькая непріятность вышла!.. Званый обѣдъ былъ у полковника, и испортилъ я, видите ли, соусъ-провансаль. Ну, полковникъ разгнѣвался, да и двинулъ меня при гостяхъ въ зубы кулакомъ, а я съ своей стороны тоже въ долгу не остался и весь провансаль ему на голову вылилъ. Разумѣется, послѣ этого черезъ 24 часа моего духу въ Ташкентѣ не было: прощальный поцѣлуй въ загривокъ, волчій билетъ въ зубы, и прощайте Ташкенскіе пироги и кулебяки! Съ нашимъ братомъ вѣдь не церемонятся: бросятъ тебѣ корку хлѣба обглоданную, да и ждутъ, что ты всю свою жизнь за эту корку будешь у благодѣтеля пятки лизать. Ну и лижешь до поры до времени... да какъ вспомнишь вдругъ, что вѣдь и ты, небось, отъ одного Адама произошелъ, да какъ воспрянешь духомъ,—тутъ ужъ и пошло землетрясеніе!.. „Какъ такъ, отъ одного Адама? Кажи бумагу... Да ты кто такой?.. Да какія у тебя права?.. Да я тебя въ 24 часа“... Да въ ухо, да въ другое, да въ третье... и возопіютъ небеса и вселенная!..

Онъ перевелъ духъ, выпилъ залпомъ остывшій чай и продолжалъ съ мрачной усмѣшкой:

— А то еще жилъ я въ одномъ монастырѣ, — регентомъ въ хорѣ состоялъ. Какъ изволили видѣть,—родомъ я изъ колокольныхъ дворянъ и въ духовномъ пѣніи кое-что понимаю. Къ тому же и голосина у меня былъ, могу сказать, знаменитѣйшій,—карьеру могъ бы составить, если бы не духъ строптивый и не гордыня вавилонская.—Услышали меня монахи, какъ я на клиросѣ подтягивалъ,—и восхитились. Иди да иди къ намъ въ регента̀! 8 мѣсяцевъ я у нихъ прожилъ: обули они меня, одѣли, самъ архимандритъ ко мнѣ благоволилъ,—ну, думаю, слава Всевышнему, на настоящую зарубку попалъ!.. Увы мнѣ!.. Vanitas vanitatum et omnia vanitas,—единое мгновеніе перста, и рухнулъ храмъ славы человѣческой!..

— Что же съ вами случилось?—спросилъ профессоръ, съ жаднымъ вниманіемъ слушавшій разсказъ Дмитрія Буреломова.

— Да почти тоже самое. Былъ тамъ одинъ іеромонахъ,—прекаверзный, надо сказать, старичишка, и самъ въ архимандриты мѣтилъ. Не взлюбилъ онъ меня за то, что я къ архимандриту вхожъ былъ, и началъ ко мнѣ придираться. Возста-

новилъ противъ меня всю братію,—будто я на нихъ архимандриту наушничаю,—и очень меня этимъ оскорбилъ. Въ чемъ другомъ—грѣшенъ, не скрываю, но въ предательствѣ и злоязычіи — чистъ, яко агнецъ! Вотъ я и сказалъ ему однажды слово... одно только слово и сказалъ! Ну ужъ и били же меня за это... Навалились всей братіей и начали трепать... да вѣдь какъ трепали то! Народъ все здоровый, сытый; иной служка 5 пудовъ одной рукой подымаетъ,—ну, и всыпали они мнѣ на память! Клочья летѣли! А подъ конецъ веревкой спутали, какъ свинью, и въ станъ предоставили: „бродяга, говорятъ, безпаспортный, тать и душегубецъ—кружку церковную хотѣлъ взломать"... Ну, подержали въ острогѣ сколько то, не помню,—выпустили, и пошелъ я, рабъ Божій, снова на распутіе...

— А самъ всетаки къ монастырямъ льнешь!—сказалъ юноша, который все время молча гладилъ не отходившую отъ него собаку.

— Да вѣдь почему льну-то?—возразилъ Буреломовъ.—Потому и льну, что монастырь для нашего брата-бродяги—незамѣнимое прибѣжище! Куда ты съ волчьимъ паспортомъ пойдешь? На самый паршивый постоялый дворъ тебя съ нимъ не пустятъ. А въ монастырь ужъ иди смѣло: тамъ и покормятъ, и обогрѣютъ, и еще подадутъ, ежели стеченіе богомольцевъ... Слава Богу еще не оскудѣла русская земля благочестіемъ, и Христовымъ именемъ прокормиться можно. Ну, конечно, подаетъ больше простой народъ... особенно, бабы!.. Замѣтишь, эдакъ, въ толпѣ бабеночку посмиреннѣе,—лапотки у ней лычные, кацавейка веревочкой подпоясана, ликъ умилительный,—ну, и подходишь... „Подайте холодному и голодному Христа ради и души во спасеніе"! И сейчасъ это она прослезится, узелочекъ тамъ какой-то потаенный развяжетъ,— „на, сердечный, поминай рабу Божію Агапею со чады"... И поминаю, и всегда поминать буду, и на Страшномъ Судѣ передъ лицомъ Господа Бога своего возопію: „помяни, Боже, во царствіи Твоемъ рабу Божію Агапею со чады"...

— И все ты врешь!—насмѣшливо перебилъ его товарищъ.—Небось, никакой Агапеи и не было. А помнишь, казачку-то поджегъ на Студеныхъ хуторахъ?

— Ну что жъ... ну и поджегъ... за дѣло!—проворчалъ сынъ вселенной.—Даже напиться, подлая, не подала. Ожесточилось сердце мое... Благословляй дающаго тебѣ и прокляни отвергающаго тебя. Ну, я и проклялъ... А казачье это—самый мерзопакостный народецъ. Лбы у нихъ мѣдные, а сердца каменныя. И чѣмъ ни богаче, тѣмъ хуже. Помню, пришелъ я разъ въ одну станицу... Цѣлыя сутки по степи шелъ—всю морду солнцемъ сожгло, ажно шкура пузырями

взялась, словно у жаренаго гуся; ноги сбилъ до крови, не хуже теперешняго, а въ брюхѣ, братецъ ты мой, чисто геена огненная! Такъ бы, кажется, живьемъ человѣка сожралъ, попадись только нà зубы! Ну, иду, шатаюсь. Смотрю, дома все каменные, у окошекъ палисаднички, а въ палисадничкахъ сидятъ казачки и арбузныя сѣмячки лущатъ. Подошелъ къ одной—и не смотритъ! Подошелъ къ другой—фыркнула носомъ и ушла. Ахъ вы, думаю, сѣмя Вельзевулово!.. Поглядѣлъ туда-сюда, вижу—куренокъ подъ ногами цыкаетъ. Я этого куренька подъ мышку—цапъ!—и хòду!.. Ну ужъ и лудили же меня казаки проклятые! Два зуба вышибли совсѣмъ съ корнями... Пошелъ я въ степь, легъ на землю и заплакалъ...

— Ты бы ужъ этого не разсказывалъ...—поморщившись, проговорилъ молодой человѣкъ.

Буреломовъ прищурилъ одинъ глазъ и, покосившись на товарища, продолжалъ:

— А почему же не разсказывать? Пріучайся, сынъ мой,— въ нашей жизни еще и не то бываетъ... Многіе терніи ожидаютъ тебя въ грядущемъ и многимъ заушеніямъ подвергнутся ланиты твои... Да это ты на куренка, что-ли разобидѣлся? Что куренокъ? Бывало и похуже. Въ Кіевской лаврѣ я отроковицу Юліанію обокралъ. Изволили когда-нибудь посѣщать лавру?—обратился онъ къ профессору.—Ну, такъ вотъ. Пошли мы въ пещеры. Впереди, какъ обыкновенно, идетъ монахъ со свѣчкой, а за нимъ гуськомъ богомольцы. Я шелъ позади всѣхъ. Ну, идемъ; богомольцы вздыхаютъ, крестятся и къ преподобнымъ мощамъ прикладываются. Дошли мы, наконецъ, до мощей отроковицы Юліаніи. Смотрю купецъ, который передо мной шелъ,—толстый такой, дай Богъ ему здоровья,—остановился, приложился къ мощамъ и кладетъ двугривенный. Понимаете, цѣлый двугривенный, да еще новенькій! Такъ и взыграла во мнѣ утроба... „Господи, думаю, прости ты меня въ сей жизни и въ будущей,—на что отроковицѣ Юліаніи двугривенный?“ Нагнулся я къ мощамъ, да языкомъ двугривенный-то и слизнулъ... Что вы подѣлаете: когда у тебя волчій билетъ въ карманѣ, тутъ ужъ разбирать не приходится...

Профессоръ слушалъ и холодный ужасъ пронзалъ его душу. Мысли его потеряли вдругъ свою обычную ясность; обрывки странныхъ словъ крутились въ мозгу, какъ черный вихрь, и сливались въ какой-то тягучій, безнадежный вопль. „Били... двинули въ морду кулакомъ... два зуба вышибли... опять били... веревкой спутали... продержали въ острогѣ...“ звучало у него въ ушахъ, и при каждомъ словѣ онъ вздрагивалъ, опускалъ голову и корчился отъ боли, какъ будто его самого били, гнали и унижали.

— И такъ—четырнадцать лѣтъ?.. Че-тыр-над-цать лѣтъ!..— медленно повторилъ онъ, самъ съ ужасомъ прислушиваясь къ этимъ словамъ.

— Насквозь!—даже съ нѣкоторой гордостью подтвердилъ сынъ вселенной.

— А... онъ?—спосилъ профессоръ, взглядывая на молодого человѣка.

— Ну, этотъ еще только начинаетъ! — снисходительно отвѣчалъ Буреломовъ. — Этого младенца я въ прошломъ году подцѣпилъ... Иду, знаете, по Армавиру,—препаршивый, нужно сказать, городишко!—глядь, подъ заборомъ этакій испанскій грандъ лежитъ... Ну, думаю, непремѣнно нашъ братъ Филатка изъ начинающихъ волчью карьеру... Подошелъ.— „По волчьему?"—По волчьему...—„Откуда?"—Изъ Питера.— „За что?.."

— Ну, однако, я тебя просилъ бы не разсказывать!—перебилъ юноша, нахмурившись.

Буреломовъ подмигнулъ профессору и захохоталъ.

— Видите,—еще не привыкъ... Благородная гордость и все прочее...

— Какая тамъ гордость?—нетерпѣливо произнесъ молодой человѣкъ.—Просто, врать не хочу, а говорить правду— непріятно... Вѣдь всѣ мы времъ!—съ нехорошей усмѣшкой обратился онъ къ профессору.—Хочется какъ-нибудь свое безобразіе оправдать,—ну, и выдумываешь... Вотъ я съ нимъ цѣлый годъ хожу, и каждый разъ онъ себя по новому рекомендуетъ. То онъ изъ разстриженныхъ поповъ, то ссыльный студентъ, то чиновникъ, пострадавшій за правду,—и чортъ его знаетъ, чего только не наговоритъ...

Сынъ вселенной захохоталъ еще громче.

— А какъ же?—весело воскликнулъ онъ.—Намъ безъ этого нельзя. Кушать-то вѣдь надо, ну и говоришь, что̀ кому соотвѣтствуетъ. Примѣрно, съ бабой деревенской — одинъ разговоръ; съ мужикомъ—другой, съ купцомъ—третій,—у каждаго человѣка надо свое мягкое мѣсто найти. И достигаетъ!

— Достигаетъ?—переспросилъ профессоръ машинально.

— Обязательно! Баба, напримѣръ,—ее хлѣбомъ не корми, только разскажи про святыя мѣста и про угодниковъ. Сейчасъ это рукой подопрется, слезу пуститъ, и тутъ ужъ проси у ней чего хочешь,—все она тебѣ предоставитъ: и щецъ похлебать дастъ, и рубаху старую—перемѣниться, и еще на дорогу пару каленыхъ яичекъ сунетъ, чтобы помянулъ въ молитвахъ своихъ... Ну, съ мужикомъ эдакъ нельзя; мужика угодниками не проймешь,—ему такое надо, чтобы сразу въ лобъ ударило: насчетъ нарѣзки земли, напримѣръ, или на-

счетъ того, что всѣхъ мужиковъ погонятъ китайца бить,— остолпишь его эдакимъ манеромъ, и кончено: тогда мужика хоть руками бери. Натурально, первымъ дѣломъ—въ кабакъ... „Ребята, слыхали, что этотъ служивый-то разсказываетъ? Земля наша будетъ...“—Какъ такъ наша?..—„Вѣрное слово!.. Ставь четверть, по пятачку съ рыла!..“ И угощаютъ.

— А потомъ... опять бьютъ?

— Бываетъ... Въ нашемъ положеніи къ этому надо всегда быть готовымъ. Особенно тяжелъ на руку купецъ. Чуть что не потрафилъ, сейчасъ тебѣ въ шею. Купчиха-то ничего; купчиха больше всего свѣтопреставленія боится; ну, разскажешь ей про Антихриста,—она и размякнетъ, кусокъ пирога подастъ, а то и копѣечку съ работницей вышлетъ,—въ рай-то хочется тоже! А купецъ—нѣтъ; къ купцу надо подходить со смиреніемъ, отряся ножку, не то въ такую ликвидацію попадешь,—унеси ты мое горе, быстра рѣченка, съ собой! Купецъ слезамъ не вѣритъ! Вотъ, съ господами—превосходно! Тѣмъ болѣе—съ дамами... Тутъ чѣмъ ни больше форсу— тѣмъ лучше. Не подходи съ отвагой! Картузъ эдакъ на отмашь, рыло состряпаешь самое разочарованное, въ родѣ какъ бы Гамлета, чортъ побери,—и подходишь... „Сударрыня, я не милостыни у васъ прошу, но я оскорбленъ!.. За прравду оскорбленъ и ввергнутъ въ пучину бѣдствій, но духъ мой бодрствуетъ, и я отомщу...“ Покраснѣетъ вся, глазки забѣгаютъ, и скорѣе ручку въ кармашекъ... И ужъ меньше двугривеннаго—ни-ни!..—заключилъ онъ самодовольно и захохоталъ.

Товарищъ его не вытерпѣлъ и тоже залился смѣхомъ.

— О, ну тебя къ чорту, шутъ гороховый!.. Выдумаетъ же!

— Чего „выдумаетъ“? Не „выдумаетъ“, а вѣрно,— никогда меньше двугривеннаго! Это ужъ дѣло испытанное. А ежели полный развертъ себѣ дашь, да побольше горечи подпустишь,—ну, иной разъ и цѣлый полтинникъ заиграетъ. Господа, братъ ты мой, съ перчикомъ любятъ, съ горчичкой, съ гвоздичкой... Не даромъ я въ поварахъ-то былъ, вкусы ихніе хорошо знаю!..

— Да будетъ тебѣ...—задыхаясь отъ смѣха, говорилъ молодой человѣкъ.

Профессоръ смотрѣлъ на нихъ, и лицо его становилось все темнѣе и темнѣе...

— И вы... не устали такъ жить?—спросилъ онъ вдругъ серьезно и печально.

Товарищи разомъ перестали смѣяться. Юноша быстро взглянулъ на профессора и весь насторожился, а Буреломовъ принялъ видъ вызывающій и оскорбленный.

— То есть... Какъ это „устали“? Въ какомъ смыслѣ?— спросилъ онъ съ недоброю усмѣшкой.

— Да вѣдь это же не жизнь, а... обида! Сплошная обида— и боль!.. — проговорилъ профессоръ со вздохомъ, похожимъ на стонъ.

Юноша вздрогнулъ и опустилъ голову; у Буреломова съ губъ сбѣжала улыбка, и лицо у него вдругъ стало простое, доброе и немножко растерянное. Нѣсколько минутъ всѣ они молчали, и въ этой внезапной тишинѣ слышно было, какъ за окномъ кто-то горько и безнадежно плачетъ.

— Дождь... — проговорилъ, наконецъ, молодой человѣкъ вполголоса.

— Да...—также тихо сказалъ Буреломовъ и передернулъ плечами.—Здóрово бы насъ съ тобой прохватило тамъ...

Они оба посмотрѣли на профессора, а Буреломовъ вдругъ заговорилъ горячо и поспѣшно:

— Боль и обида?.. Совершенно вѣрно-съ!.. И больно, и обидно. Мы это очень хорошо чувствуемъ и понимаемъ... И ежели сами надъ собой смѣемся, то это, можетъ быть, для того-съ, чтобы не плакать... Эхъ, господинъ! — воскликнулъ онъ съ укоризной и поднялся во весь ростъ, какъ медвѣдь, котораго пырнули рогатиной.—Не глядите вы на нашъ смѣхъ!.. Жить онъ намъ помогаетъ, вотъ что-съ... А вы какъ думаете,—легкая наша жизнь? Ого-го-го... Посадить бы въ нашу шкуру какого-нибудь эдакого премудраго гуся съ начинкой,— знаемъ мы эту премудрость-то хорошо; сами тоже когда-то учились!.. Ни чортà она не стоитъ, будьте спокойны!..

— Оставь!..—вымолвилъ молодой человѣкъ, дергая Буреломова за рукавъ.

Тотъ нетерпѣливо отмахнулся.

— Молчи, младенецъ... Чего „оставь?“ Я только одно слово хочу сказать...

— Знаю я твои слова...

— Знаешь, да не всѣ. Пусти!.. Возроптала во мнѣ вся внутренняя моя... Смѣемся мы, точно, но какъ смѣемся?— Въ это тоже вникнуть надо... Вы вотъ смотрите на насъ и думаете тамъ въ нѣдрахъ души своей: „вотъ вѣдь подлецы-то: ихъ бьютъ, а они только утираются, да еще хохочутъ“!.. А вы вотъ на этого младенца посмотрите,—вотъ онъ, можно сказать, только вчера еще изъ яйца вылупился, а ужъ два раза подъ поѣздъ ложился, — это какъ по вашему, премудрый вы мой господинъ?..

— Ну, послушай! — перебилъ его опять молодой человѣкъ, — вѣдь я же тебя просилъ этого не трогать... Что за подлость?

— Не хочешь? Ну, не надо... а, однако, всетаки, мы

смѣемся... Насъ бьютъ, а мы смѣемся... Насъ изъ Севастополя въ Майкопъ гонятъ, — опять смѣемся; живемъ — смѣемся, и издыхаемъ—смѣемся,— закончилъ онъ торжественно и захохоталъ.

— Расхвастался!—съ неудовольствіемъ проворчалъ молодой человѣкъ.

— Ты думаешь?—заносчиво сказалъ Буреломовъ.—Агнецъ ты млекопитающій, больше ничего! Помѣряй-ка матушку Россію, сколько я ее помѣрялъ—небось, постигнешь... Нѣтъ, братъ, я каждую болячку свою помню. Каждый тычекъ, каждую оплеуху храню въ сердцѣ моемъ, и ежели самъ не возмѣщу, то другимъ завѣщаю. Это вы тятенька меня собаками травили когда я у васъ корку хлѣба просилъ? Вотъ вамъ за собаку, почтеннѣйшій, получите и распишитесь... А это вы меня въ кутузку тащили? Это вы мнѣ зубы вышибли? Вотъ вамъ за кутузку, за зубы и за все прочее, оному же нѣсть числа...

— Сами во всемъ виноваты,—съ угрюмой усмѣшкой возразилъ юноша.

— Какъ такъ „сами"? Не признаю собя виновнымъ... Былъ я отрокомъ нѣжнымъ и благочестивымъ и когда съ отцомъ по приходу ѣздилъ яйца собирать,—меня „блинохватомъ" дразнили и при всякомъ случаѣ наровили за ухо рвануть. Озлобился я и сталъ отъ людей прятаться, а когда однажды меня отецъ изъ-подъ кровати за волосы вытащилъ и заставилъ у одного богатаго помѣщика ручку поцѣловать,— я со страху взялъ, да на руку и плюнулъ... Натурально, меня за это драть... Это были, такъ сказать, первые мои шаги на поприщѣ жизни,—„златые дни моей весны", какъ говорится въ романсахъ, и когда вспоминаю объ оныхъ „златыхъ дняхъ", ничего кромѣ зуда въ сѣдалищѣ моемъ не ощущаю, ибо много вкусилъ отъ отцовской березы, которая росла на огородѣ. Славная была береза!..

Онъ немного помолчалъ и продолжалъ въ томъ же полушутливомъ, полусерьезномъ тонѣ:

— Ну-съ, а потомъ что? Да тоже самое: чтó въ лобъ, чтò пò лбу—все равно... Отвезли меня въ духовное училище и съ Божьей помощью стали изъ меня іерея готовить. Но какой же я, позвольте васъ спросить, іерей былъ? Мнѣ бы молотъ въ руки, ремешокъ на голову, да въ кузницу желѣзо ковать,—вотъ я бы себя показалъ, а въ іереи, други мои, ни спереди, ни сзади я не годился. Ну, и, конечно, упирался изо всѣхъ силъ... Меня за латынь засадятъ, а я съ рыбаками на Волгу закачусь. Меня проповѣдями хотятъ оглушить, а я тихимъ манеромъ въ окно и — яко прославися... Удеру въ слободку къ кузнецамъ, да тамъ до ночи и пропадаю. Рыло

у меня все въ сажѣ, руки въ волдыряхъ, за то грудищу такъ и распираетъ во всѣ стороны. А пріѣдешь домой—тамъ опять „ахъ ты, береза, ты, моя береза!..“ Дерутъ—дерутъ, а потомъ пилить примутся... Батька плачетъ, мать плачетъ, сестры плачутъ,—что ты съ ними подѣлаешь? Началъ я выпивать. У насъ многіе пили... Скучища окаянская; сидишь-сидишь, бывало, да и долбанешь, ну, оно въ мозгахъ-то какъ будто и просвѣтлѣетъ чуточку. Познакомился я тутъ съ однимъ желѣзнодорожнымъ техникомъ,—славный парень былъ, царство ему небесное,—паромъ его обварило, померъ... Наладились мы съ нимъ и поперли въ Питеръ. Ничего, сначала было хорошо пошло. Поступили мы съ нимъ на заводъ, работаемъ. Обзавелся я, часы съ цѣпочкой купилъ, мамашѣ тверскихъ пряниковъ въ гостинецъ послалъ и вдругъ,—прощай, хозяйскіе горшки! По этапу, на родину, ибо не подобаетъ дьяконскому сыну у парового котла стоять, а ежели ты рожденъ аллилую воспѣвать, такъ и пой, какъ издревле отцами нашими установлено. Ну, тутъ ужъ я огорчился окончательно: привезли меня въ отчій домъ, я и закубрилъ... Часы съ цѣпочкой пропилъ, папашинъ подрясникъ пропилъ, вырѣзалъ себѣ изъ отцовской березы палку хорошую и — въ Питеръ обратно. Ну, а тамъ ужъ понемножечку, да понемножечку, изъ одной ночлежки въ другую, и дослужился добрый молодецъ до волчьяго чина!.. Чѣмъ же я виноватъ, ась?

Никто ему не отвѣчалъ, только собака отъ его громкаго возгласа вздрогнула во снѣ и жалобно заворчала. Онъ нагнулся и погладилъ ее.

— Что, братъ, и ты обиду чувствуешь?.. Плохое наше съ тобой дѣло... На свѣтъ-то вышвырнули, а житья настоящаго не даютъ, да еще говорятъ—вы, дескать, сами виноваты. А чѣмъ мы виноваты? Развѣ тѣмъ только, что родились?

И опять его вопросъ остался безъ отвѣта. Юноша сидѣлъ, опустивъ голову и облокотившись на колѣни; профессоръ закрылъ глаза рукою и о чемъ-то глубоко задумался. Самоваръ давно потухъ; лампа выгорѣла, и въ комнатѣ было душно и темно. Дождь все еще плакалъ за окномъ, и чудилось, что цѣлое сонмище сѣрыхъ, рыдающихъ призраковъ со всего свѣта собралось вокругъ домика на горѣ и робко проситъ участія къ своимъ страданіямъ.

— А знаете что?—заговорилъ, наконецъ, Буреломовъ нерѣшительно, поглядывая на задумавшагося профессора.—Небось, вѣдь, ужъ поздненько теперь,—не залечь ли намъ спать? Укажите какое-нибудь мѣстечко.

— Пойдемте,—сказалъ профессоръ.

Онъ зажегъ свѣчу и повелъ ихъ въ свой кабинетъ, гдѣ на

двухъ диванахъ были уже приготовлены подушки и одѣяла. Видъ чистыхъ наволочекъ почему-то смутилъ Буреломова.

— Ну ужъ это никакъ больно жирно будетъ!—проговорилъ онъ,—осторожно потрогивая подушку, какъ будто боясь ее запачкать.—Намъ бы попроще что нибудь... знаете, какъ лисица въ сказкѣ: самъ на лавочку, а хвостикъ подъ лавочку...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь!—сказалъ профессоръ.

— Гм...—промычалъ Буреломовъ и, вдругъ скрививъ ротъ въ улыбку, спросилъ.—А... бекасовъ вы не боитесь? При нашемъ образѣ жизни—неизбѣжное зло-съ!

— Покойной ночи!..—вмѣсто отвѣта сказалъ профессоръ, и, оставивъ свѣчку на столѣ, вышелъ.

— Вотъ чудачина-то!—проворчалъ ему вслѣдъ Буреломовъ. — Въ жизни моей эдакого чудака не встрѣчалъ... Не знаешь, съ какого боку и подойти. Смотритъ букой, а улыбка... чортъ его знаетъ! хорошо улыбается... Тушить что ли свѣчку то?—обратился онъ къ товарищу, который уже раздѣлся и легъ.

— Туши...

— А хорошо...—продолжалъ Буреломовъ, растягиваясь на мягкомъ диванѣ.—Давно ужъ, душа моя, мы съ тобой эдакъ не спали... даже неловко немножко, — такъ и кажется, что вотъ-вотъ придетъ кто нибудь съ хорошей дубиной, двинетъ тебя хорошенько въ бокъ и цыкнетъ: „брысь на свое мѣсто въ канаву,—куда съ ножищами залѣзъ?“ Д-да... вѣдь что такое, подумаешь, хорошая постель? Тьфу... а между прочимъ, совсѣмъ другое расположеніе духа... Да ты что молчишь? Дрыхнешь, что-ли?

Юноша не отвѣчалъ, но съ его постели неслись какіе-то странные звуки, похожіе на сдержанный плачъ. Буреломовъ съ безпокойствомъ поднялся.

— Послушай... да ты что это? А? Никакъ ревешь? Вотъ такъ клюква... Плюнь, Николка... слышишь что-ль? Николка-а!— почти нѣжно позвалъ онъ и опять прислушался.—Или это дождь?.. Шутъ его знаетъ, не разберешь... Эхъ, ты, житье, житье окаянское!..

Онъ шумно вздохнулъ, улегся и вдругъ почувствовалъ на своей щекѣ чье-то горячее и влажное дыханіе. Это была слѣпая собака, которая тихонько прокралась въ комнату и заботливо обнюхивала новыхъ жильцовъ профессорскаго дома.

— А, собачка!..—пробормоталъ Буреломовъ и, отыскавъ въ темнотѣ голову собаки, погладилъ ее.—Жалѣешь Митю Буреломова? Спасибо, братъ, — чувствую и понимаю... Эхъ, собака, другъ ты мой любезный, всѣ мы люди, всѣ человѣки и всѣ подлецы... Давай-ка съ горя спать!..

Собака осторожно взобралась на постель и улеглась въ

ногахъ; оба они еще нѣсколько минутъ вздыхали и возились, наконецъ, заснули, и наступила тишина.

Но профессоръ не спалъ. Онъ убралъ посуду, потушилъ лампу и со свѣчей подошелъ къ морскому акваріуму. Черный крабъ опять не спалъ; онъ сидѣлъ надъ водою неподвижный, какъ камень, и напряженно слушалъ могучіе призывы моря. Яркій свѣтъ ударилъ ему въ глаза, но онъ даже не шевельнулся, очарованный голосами свободы, которые слышались и въ широкихъ размахахъ вѣтра, и въ содроганіи обезумѣвшихъ волнъ. Тамъ была жизнь... тамъ была борьба, а здѣсь... мертвый покой, мертвая тишина и только четыре стеклянныя стѣнки...

„Тоскуешь, старикъ?“—думалъ профессоръ. „Ты правъ, и завтра при восходѣ солнца я возвращу тебѣ свободу. Отъ жизни не уйдешь. Вотъ я ничего не хотѣлъ знать о ней, а она вошла ко мнѣ сама, показала всѣ свои раны, всю свою боль, и я понялъ, что я неправъ. Чтò я сдѣлалъ? Ничего... Для чего жилъ, не знаю... Двѣ трети своей жизни я просидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ и только теперь вижу, что я совсѣмъ не жилъ, не любилъ и не страдалъ, какъ живутъ, любятъ и страдаютъ другіе люди, которыхъ я презиралъ. А развѣ я знаю о нихъ что нибудь больше того, что я знаю, напримѣръ, о яйцѣ акулы? Нѣтъ, и сегодня вочеромъ эти несчастные скитальцы изъ подонковъ человѣчества разсказали мнѣ гораздо больше о жизни, чѣмъ я зналъ. Жалкій, слѣпой мудрецъ!...“

Часы бѣжали, а профессоръ все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, разговаривая самъ съ собою, и старый рыбакъ Аргириди, карауливщій, чтобы его баркасъ не унесло бурей въ море, всю ночь видѣлъ на скалѣ дрожащій огонекъ.

Къ утру буря пронеслась мимо, и дождь пересталъ. Профессоръ затушилъ свѣчу и вышелъ на веранду взглянуть на небо. Оно было чистое и прозрачное, какъ горный хрусталь, и на востокѣ уже проступалъ блѣдный румянецъ зари. Вѣтеръ утихъ, но море еще не угомонилось и сердито ворчало, вздымая на гребняхъ волнъ клочья сѣрой пѣны. Далеко на горизонтѣ виднѣлся большой парусъ, и въ его одиночествѣ среди враждебно взволнованнаго моря было что-то гордое и вызывающее.

Профессоръ вернулся въ домъ и тихонько заглянулъ въ кабинетъ. Гости еще крѣпко спали; спала и слѣпая собака, пригрѣвшись у ногъ Буреломова. Сынъ вселенной звѣрски храпѣлъ и во снѣ имѣлъ видъ суровый и угрожающій. Волосатая грудь его была открыта, и правый кулакъ крѣпко сжатъ, какъ бы на готовѣ отразить нападеніе. Одинъ глазъ былъ немножко принахмуренъ, другой — полуоткрытъ точно

у волка, про котораго говорятъ, что онъ однимъ глазомъ спитъ, а другимъ все видитъ... Весь Буреломовъ былъ тутъ какъ на ладонкѣ и, глядя на него, профессоръ ясно представлялъ себѣ и всю его жизнь, и его характеръ грубый, откровенный, размашистый, своеобразно добродушный, но въ то же время и себѣ на умѣ... За то товарищъ его былъ въ эту минуту дѣйствительно похожъ на младенца. Онъ и спалъ какъ-то по дѣтски, подложивъ подъ щеку ладонь и свернувшись калачикомъ; лицо его разгорѣлось и было безмятежно спокойно,— вѣроятно, и сны ему снились безмятежные, дѣтскіе. И этого младенца такъ жестоко вытолкнули на большую дорогу жизни,—за что?..

Профессоръ смотрѣлъ на нихъ съ жалостью и печалью, и не презрѣнными и ненавистными казались ему теперь эти люди, а такими же маленькими, безсильными и несчастными, какъ и всѣ твари земныя, обреченныя жить и умирать, сами не зная зачѣмъ. Развѣ виноваты они въ томъ, что несчастны? „Если и виноваты, то только потому, что родились“... вспомнились ему слова Буреломова.—Онъ также тихо притворилъ дверь и отошелъ. Солнце было близко, и заря горячею волной заливала небо. Домъ, выходившій окнами на всѣ четыре стороны, былъ наполненъ страннымъ, розовымъ и теплымъ свѣтомъ, котораго профессоръ какъ будто никогда не видалъ раньше. Онъ съ нѣжной лаской растекался по всѣмъ угламъ, изгоняя притаившійся въ нихъ мракъ ночи, властно вливался въ жилы и заставлялъ сердце биться смѣло и свободно. Онъ проникъ сквозь стеклянныя стѣнки акваріумовъ и пробудилъ въ нихъ движеніе и жизнь. Вздрогнула пестрая японская рыбка, плавно повела своимъ гибкимъ серебристымъ тѣльцемъ и съ любопытствомъ приникла къ стеклу, устремивъ на профессора свои оранжевые глаза съ яркимъ чернымъ зрачкомъ. Робко квакнула сѣрая лягушка и разбудила цѣлую стаю золотыхъ рыбъ, которыя огненнымъ дождемъ разсыпались въ водѣ. Проснулся въ морскомъ акваріумѣ и нахальный крабъ, съ дѣловымъ видомъ почистилъ усы клешнями и беззаботно зашагалъ по песчаному дну, расталкивая по дорогѣ спящихъ креветокъ. Профессоръ осторожно досталъ чернаго краба изъ его норы, перенесъ его въ тазъ съ водой и спустился къ морю. Прибой еще кипѣлъ между прибрежными камнями, и каждый взмахъ волны кидалъ на песокъ груды мертвыхъ медузъ, убитыхъ ночною бурей. Ихъ обезображенныя тѣла безформенною слизью расплывались по камнямъ, и новый набѣгъ прибоя слизывалъ ихъ и уносилъ обратно въ море. Профессоръ нашелъ подъ скалою крошечный, тихій заливчикъ, защищенный отъ прибоя, и бережно опустилъ въ зеленую воду чернаго краба.—„Ну, товарищъ, иди“... Крабъ

сначала оторопѣлъ и долго сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, растерянно шевеля усами. Онъ какъ будто еще не вѣрилъ, что онъ свободенъ... но море шумѣло тутъ, такъ близко отъ него; надъ моремъ сіяло розовое небо, и онъ узналъ этотъ могучій гулъ, узналъ это свободное небо, о которомъ тосковалъ въ своей стеклянной клѣткѣ,—и понялъ, наконецъ, все. Одинъ мигъ, одно движеніе—и профессоръ больше не видѣлъ своего затворника. Только зеленая вода долго еще вздрагивала между молчаливыми камнями, и по ея взволнованной поверхности разбѣгались изумрудные круги, усѣянные огненными точками. Солнце взошло.

Буреломовъ проснулся первый. Онъ громко крякнулъ, вскочилъ на постели и долго смотрѣлъ вокругъ себя мутнымъ взоромъ.

— Гм...—пробормоталъ онъ, наконецъ, протирая глаза.—А вѣдь, дѣйствительно... любопытная исторія, ежели разобрать хорошенько. Что за человѣкъ такой?..

Онъ спустилъ съ постели свои огромныя, босыя ноги и пошелъ бродить по комнатѣ, заглядывая во всѣ углы и разсматривая каждую вещь. У письменнаго стола, заваленнаго бумагами, книгами и разными странными инструментами, Буреломовъ остановился.

— Писатель, должно быть...—бурчалъ онъ себѣ подъ носъ. Не видалъ еще эдакихъ уродовъ, ну, и любопытствуетъ... А потомъ глядишь, и опишетъ: Дмитрій Буреломовъ или похожденія одного подлеца... ха-ха-ха... Что-нибудь въ этомъ родѣ! Бумаги у него исписано прорва! А это въ банкѣ что такое? Тараканъ что-ли? Нѣтъ, не тараканъ... Козявка какая-то, и преподлая козявка... тьфу! Даже смотрѣть тошно, а онъ ее въ банку посадилъ. Вотъ и насъ эдакъ-же... Мы, пожалуй, еще хуже козявокъ, а вотъ къ себѣ пустилъ, Я бы, пожалуй, не пустилъ, а онъ вотъ пустилъ, не боится. Да еще и ключъ въ столѣ оставилъ. А любопытно посмотрѣть, что у него тамъ...

— Послушай... ты что это?—послышался за его спиной голосъ товарища.

Буреломовъ оглянулся. Молодой человѣкъ приподнялся на локтѣ и съ нѣкоторой тревогой смотрѣлъ на своего спутника.

— Что?—сказалъ Буреломовъ и захохоталъ.—Да ничего... Удивляюсь! А ты чего? Испугался? Думаешь, хапну?

Молодой человѣкъ что-то угрюмо проворчалъ и сталъ натягивать сапоги.

Буреломовъ подошелъ къ нему и добродушно похлопалъ его по спинѣ,

— Эхъ ты, тютя! Я, братъ, никого не обижаю, если меня не обидятъ. А что тогда казачку-то поджегъ, такъ это ей за дѣло!

— Ну, а ты, однако, одѣвайся,—сказалъ юноша.—Пора идти.

— Одѣваться-то одѣваться, да не знаю во что. Вся моя собственная ремузія не знаю гдѣ, а на одежды сіи смотрю съ большимъ сомнѣніемъ...

Однако онъ всетаки снова облачился въ профессорскій костюмъ и, со вздохомъ посмотрѣвши на свои ноги, сказалъ:

— Вотъ ежели бы къ этой парѣ да еще приличные штиблетики, ну тогда хоть сейчасъ въ архіерейскій хоръ поступай!..

Они вышли изъ кабинета и оглядѣлись,—нигдѣ никого не было, только яркое солнце хозяйничало въ домѣ, своимъ горячимъ блескомъ и сверканіемъ оживляя его безмолвную пустоту. Дверь на веранду была отворена настежь, и сквозь широкій прорѣзъ ея виднѣлосъ сверкающее синее море.

— Эхъ, море-то!..—сказалъ Буреломовъ и съ шумомъ втянулъ въ себя свѣжій солоноватый воздухъ, обильно вливавшійся въ отворенную дверь.

— Однако, это забавно!..—проговорилъ молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.—Ни хозяина, ни собаки,—нѣтъ никого, а вѣдь надо уходить.

— Чего спѣшишь, вѣдь не гонятъ?—сказалъ Буреломовъ безпечно и остановился передъ акваріумомъ.—Это что еще за штука? Онъ и сюда всякихъ тварей насажалъ... Гляди-ка, гляди-ка!..

Они оба припали къ стекляннымъ стѣнкамъ, удивленные и восхищенные никогда не виданнымъ зрѣлищемъ. Буреломовъ хохоталъ, какъ сумасшедшій, и разражался бурными восклицаніями, совершенно забывъ обо всемъ.

— Ахъ, песъ тебя возьми, вотъ штуковина-то!—кричалъ онъ, по дѣтски тыкая пальцемъ въ стѣнки акваріума.—Нѣтъ, ты погляди только, что этотъ дѣлаетъ? Кто онъ? Ракъ что-ли? А это что такое? Грибы, не грибы, а шевелятся... Ишь, пузырь-то выпустилъ... ха-ха-ха!.. Фу ты, чортъ, да это издохнуть можно, на нихъ глядя... Ну и старикъ, вѣдь придумалъ же себѣ забаву!

Вдругъ товарищъ крѣпко ткнулъ его въ бокъ кулакомъ, и онъ остановился на полусловѣ съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами. Въ дверяхъ стоялъ профессоръ и съ улыбкой смотрѣлъ на развеселившихся бродягъ.

Буреломовъ сейчасъ же оправился, и лицо его приняло свое привычное выраженіе заискивающаго лукавства и скрытой недовѣрчивости.

— Покорнѣйше просимъ извинить-съ...—началъ онъ съ шутовскою вѣжливостью.—Вотъ немножко позволили себѣ позабавиться... очень занятно! Рачки тутъ эти.. живые грибы и прочія земноводныя... Изучаете?

— Да, изучаю.

— Очень любопытно!.. оч-чень! Игра природы, такъ ска-

зать, и тому подобное... А насчетъ двуногихъ звѣрей какъ... тоже изучаете? Тварь во всѣхъ отношеніяхъ достойная вниманія просвѣщеннаго ума...

— Ну, поѣхалъ!.. — съ нетерпѣніемъ перебилъ его молодой человѣкъ и обратился къ профессору.—Спасибо вамъ за ночлегъ... и вообще за все. Мы никогда... впрочемъ, не стоитъ! Однимъ словомъ, прощайте, намъ пора уходить!

Послѣднія слова онъ произнесъ почти сердито и, весь покраснѣвъ, принялся изо всѣхъ силъ теребить свою фуражку.

— Какъ уходить?—съ удивленіемъ воскликнулъ профессоръ.—Куда?

— Въ Майкопъ, — отвѣчалъ Буреломовъ. — А оттуда въ Перекопъ, въ Минскъ, въ Пинскъ, — вообще куда потянетъ вѣтеръ.

— Но зачѣмъ? Вы могли бы у меня отдохнуть; какъ видите, я живу одинъ, и вы никого не стѣсните, — оставайтесь!

Товарищи посмотрѣли другъ на друга, и даже видавшій всякіе виды Буреломовъ оторопѣлъ.

— То есть... какъ это оставаться? — спросилъ онъ растерянно.

— Пока у меня... а со временемъ я нашелъ бы для васъ работу, и, вѣроятно, полиція ничего бы противъ этого не имѣла. Оставайтесь!

Буреломовъ, наконецъ, пришелъ въ себя и смущенно почесалъ въ затылкѣ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ рѣшительно и серьезно. — Нѣтъ, этого я не могу! Спасибо... и пáдамъ до ногъ, и все такое... но не могу... Ручаться за себя не могу, вотъ въ чемъ исторія! Я, извольте видѣть, человѣкъ прожженый насквозь... и ужъ нѣтъ во мнѣ этого... такого, то-есть, что требуется для порядочной жизни! Испорченъ я, знаете... и неудобенъ. Совершенно, можно сказать, неудобенъ во всѣхъ статьяхъ!

— Но почему же?—спросилъ профессоръ.

Буреломовъ пожалъ плечами и продолжалъ, еще болѣе запинаясь.

— Да какъ вамъ сказать?.. Могу запить или что-нибудь въ этомъ родѣ... я и самъ даже не знаю. Потому, отвыкъ отъ всего... Вдругъ найдетъ на меня эдакая полоса,—и пропалъ Буреломовъ... Вотъ, напримѣръ, это Колпино... да развѣ я буду тамъ сидѣть? Боже мой, да ни за что! Еще зиму, пожалуй, просижу, но какъ весна—не могу! Манитъ!

— Манитъ?

— То-есть, всю душу выворачиваетъ! Какъ вспомнишь это степь... да небо... да костерчикъ эдакій на берегу рѣчки, а

отъ костерчика-то дымокъ... Ну, вѣрите вы, слеза прошибаетъ! Что можетъ быть лучше? А ежели еще ко всему этому чайничекъ кипитъ, да бутылочка водки, ну... Нѣтъ, не могу! Отравленъ и погибъ... и... да что тамъ толковать,— можете на меня совершенно свободно плюнуть! Не гожусь... А вотъ ежели штиблетики у васъ залишніе имѣются, хотя бы самые худенькіе, — это пожалуйте, будьте такъ добры, — я не откажусь! — неожиданно заключилъ онъ съ неловкою улыбкой.

— А вы?—обратился профессоръ къ молодому человѣку.

Юный бродяга стиснулъ свою фуражку и покраснѣлъ такъ густо, что даже слезы выступили у него на глаза.

— Я?..—испуганно пробормоталъ онъ.—Я... нѣтъ... я тоже... Мы ужъ съ нимъ вмѣстѣ...

— Жаль! — задумчиво проговорилъ профессоръ. — Очень жаль!..

Онъ вышелъ, а Буреломовъ съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Фу-у-у!.. — вымолвилъ онъ, обтирая лицо рукавомъ.— Даже взопрѣлъ... Вотъ такъ задалъ задачу!.. сроду въ такой передѣлкѣ не бывалъ! Съ мерзавцемъ какимъ-нибудь, — съ тѣмъ очень просто: онъ тебѣ въ морду, и ты ему въ морду, а это... ну что ты ему скажешь, когда отъ него благолѣпіемъ такъ и несетъ? Чертовщина, братецъ ты мой... оказывается, трудно съ хорошими людьми дѣло имѣть, — съ непривычки что-ли, чортъ его душу знаетъ!..

— Однако, штиблеты-то выпросилъ...—началъ было молодой человѣкъ и не договорилъ, потому что въ комнату вошелъ профессоръ съ ботинками въ рукахъ.

— Вотъ...—сказалъ онъ.—Не знаю только, годятся-ли, вы примѣрьте. А затѣмъ я совѣтую взять у меня кое-что изъ теплаго платья,—ночи наступаютъ холодныя... теплое платье очень пригодится. Ну... и вотъ вамъ немного денегъ. Сейчасъ у меня нѣтъ больше, но если вамъ понадобится, — вы мнѣ напишите, и я пришлю, куда вы скажете. Адресъ свой я вамъ дамъ.

Пока онъ записывалъ на клочкѣ бумажки адресъ, Буреломовъ натягивалъ на себя профессорскіе штиблеты и натягивалъ ихъ очень долго, съ большими усиліями, тяжело вздыхая и пыхтя. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ всталъ, прошелся по комнатѣ и, шумно высморкавшись, заговорилъ какимъ-то сдавленнымъ, точно изъ бочки выходящимъ голосомъ:

— Ну-съ... Штиблеты превосходнѣйшіе... и я не нахожу словъ... хотѣлъ бы я вамъ высказать кое-что... изъ самыхъ сокровенныхъ нѣдръ моей души... но не могу... Нѣтъ, не могу-съ! — взревѣлъ онъ и, снова высморкавшись, добавилъ

съ неподдѣльной горечью. — Эхъ!.. и благодарить-то мы не умѣемъ!..

Черезъ нѣсколько минутъ товарищи уже спускались со скалы, а профессоръ стоялъ на верандѣ и смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Буреломовъ шелъ впереди и буйно жестикулировалъ, вздымая руки къ небесамъ; молодой человѣкъ слѣдовалъ за нимъ, понуривъ голову и нетерпѣливо вздергивая плечами, какъ будто его раздражало бурное краснорѣчіе товарища. На послѣднемъ поворотѣ тропинки они оба оглянулись, и, замѣтивъ профессора, Буреломовъ снялъ свой котелокъ и граціозно помахалъ имъ въ воздухѣ, приложивъ руку къ сердцу. Профессоръ отвѣтилъ имъ поклономъ, и они скрылись за выступомъ скалы. Больше онъ ихъ не видалъ. Постоявъ еще съ минуту, онъ вернулся въ домъ и прошелся по тихимъ, опустѣвшимъ комнатамъ. Тамъ все было какъ будто попрежнему и въ то же время все странно измѣнилось, какъ измѣняется человѣкъ, котораго внезапно покинула жизнь. Профессору стало жутко въ этой тишинѣ, и онъ громко хлопнулъ въ ладоши. Желтый котъ, грѣвшійся на солнцѣ, привсталъ, выгнулъ спину и, щуря зеленые глаза, ласково замурлыкалъ; потомъ выползла откуда-то слѣпая собака, съ безпокойствомъ обнюхала слѣды исчезнувшихъ людей и, испуганная тишиной, тихо завыла. Профессоръ подозвалъ ее къ себѣ.

— Что, скучно, бѣдняга?—сказалъ онъ, лаская ее.—Ничего... одни ушли, но скоро придутъ другіе... а если не придутъ, мы сами съ тобой пойдемъ къ нимъ...

Внизу глухо шумѣло море.

В. І. Дмитріева.

Черные кабинеты въ Западной Европѣ.

Письма крадутъ съ тѣхъ поръ, какъ они существуютъ; нѣтъ ничего проще и удобнѣе, какъ проникнуть въ чужую тайну, довѣренную человѣкомъ бумагѣ. Человѣческая изобрѣтательность изощрялась, выдумывая новые шифры и новые способы задѣлыванія писемъ, но злая воля всегда обходитъ всѣ средства борьбы съ нею. Дѣйствительно могло быть одно средство: воспитаніе въ людяхъ сознанія, что тайна письма, какъ всякое правомѣрное проявленіе личности, священна и должна быть охраняема не только законами и учрежденіями, но и ихъ честью. Воспитаніе это далеко не закончено, и наиболѣе рѣзкимъ и тягостнымъ пробѣломъ въ немъ является то, что въ тайну чужого письма позволяютъ себѣ проникать не только частныя лица, но и высшая организація человѣческаго общежитія, организація государственная. Разумѣется, если Англія на порогѣ двадцатаго вѣка могла цензуровать частныя письма, идущія изъ Трансвааля, то хвастать развитіемъ уваженія къ личности и ея правамъ въ наше время не приходится. Но нѣкоторые успѣхи въ защитѣ этихъ правъ достигнуты нашими предшественниками—и факты, собранные въ нѣмецкой книжкѣ, лежащей предъ нами, показались намъ достаточно любопытными, чтобы указать на нихъ русскому читателю. Ея авторъ, бывшій почтовый чиновникъ Б. Э. Кенигъ думалъ и даже обѣщалъ дать въ своихъ „Черныхъ кабинетахъ“ полную исторію всевозможныхъ государственныхъ учрежденій, состоявшихъ въ разныхъ странахъ при почтѣ и имѣвшихъ цѣлью слѣдить за частной перепиской, довѣрчиво вручаемой почтѣ для храненія и пересылки. Но ему удалось дать только разрозненные очерки. Оно и понятно: извѣстно, съ какимъ трудомъ могутъ быть добыты матеріалы для подобнаго рода изслѣдованій, какъ рѣдко пробивается на дневной свѣтъ то, что по самому своему существу было покрыто мракомъ. Но нѣкоторое представленіе очерки Кенига всетаки даютъ, и этого достаточно. Особенно любопытными намъ показались не разсказы о почтовыхъ застѣнкахъ былого времени, не анекдоты о прежнихъ евро-

пейскихъ Шпекиныхъ, но сухіе стенографическіе отчеты о преніяхъ по интересующему насъ вопросу въ германскомъ рейхстагѣ, имѣвшія мѣсто не такъ давно—съ четверть вѣка тому назадъ. Эти пренія показали съ достаточной очевидностью, какъ различны воззрѣнія на реальныя—не абстрактно-теоретическія—права личности у представителей власти, даже считающихъ себя весьма прогрессивными, и представителей обывателя, съ трудомъ добивающихся осуществленія правъ, въ теоріи давно безспорныхъ. Но эти пренія показали также, что нѣкоторые успѣхи въ охранѣ этихъ правъ достигнуты; ибо въ наши дни ихъ нарушеніемъ считается то, что раньше казалось вполнѣ правомѣрнымъ. Отъ того, въ сущности недавняго, времени, когда одинъ изъ почтдиректоровъ съ гордостью утверждалъ, что содержаніе писемъ, проходящихъ чрезъ ввѣренное ему учрежденіе, извѣстно ему совершенно,—мы ушли всетаки далеко. И въ этомъ легко убѣждаетъ насъ даже такая фрагментарная исторія, какъ исторія Кенига.

I.

Самое видное мѣсто въ исторіи нарушенія почтовой тайны и кражи чужихъ писемъ занимаетъ безспорно Франція. Систематическая перлюстрація частной корреспонденціи была издавна существеннѣйшимъ элементомъ того всеобщаго шпіонства, которое было неизмѣннымъ спутникомъ стараго режима. Когда Людовикъ XI основалъ французскую почту или вѣрнѣе передалъ „королевскимъ курьерамъ“ тѣ функціи, которыя до сихъ поръ исполнялись „университетскими гонцами“, то прежде всего было установлено непреложное правило, гласившее, что королевскіе курьеры перевозятъ лишь тѣ частныя письма, содержаніе коихъ извѣстно начальству. Самое названіе *cabinet noir* возникло, вѣроятно, при Людовикѣ XI. Кардиналъ Ришелье даже способствовалъ развитію почты, имѣя въ виду мысль, впослѣдствіи высказанную Монтескье: „Заговоры стали труднѣе съ тѣхъ поръ какъ учрежденіе почтъ сдѣлало частныя тайны—публичными“. Знаменитое изреченіе Ришелье: „Qu'on me donne six lignes d'une écriture, et je promets d'envoyer l'écrivain à l'échafaud“ (дайте мнѣ чьихъ нибудь шесть строкъ—и я отправлю его на эшафотъ)—были лишь достойнымъ предисловіемъ къ почтовой реформѣ 1628 года, давшей кардиналу возможность сосредоточить всю частную корреспонденцію въ рукахъ правительственной почты. Начальникъ почты былъ въ тоже время и начальникомъ „чернаго кабинета“; но послѣ раскрытія заговора Сенъ-Марса эту благородную роль принялъ на себя самъ кардиналъ, съ дипломатической нѣжностью называвшій раскрытіе чужого письма „размягченіемъ сургуча“ (le ramolissement de la cire).

Нововведенiе Ришелье было закончено Людовикомъ XIV, при которомъ система чтенiя чужихъ писемъ водворилась съ тѣмъ большей полнотой, что представляла собой не только государственную потребность, но и любимое занятiе короля; душой этой системы былъ печальной памяти Лувуа. Для изученiя частной корреспонденцiи было учреждено особое бюро; завѣдыванiе его отдѣленiями переходило по наслѣдству къ членамъ одного рода, получавшимъ соотвѣтственное воспитанiе. Развитiе чутья ищейки, добыванiе всѣми способами—отъ подкупа до кражи—шифровъ и ключей, поддѣлка печатей, незамѣтное вскрыванiе пакетовъ—все входило въ эту мудреную тренировку. Ничто—ни положенiе, ни санъ—не спасало отъ раскрытiя самыхъ интимныхъ тайнъ, довѣренныхъ письму. Этого требовала цѣлость бурбонской монархiи и любопытство ея представителей. Одна глава въ мемуарахъ Сенъ Симона такъ и носитъ это забавное заглавiе: „Esprit curieux du roi, inquisition royale des lettres de la poste“. Какъ и слѣдовало ожидать,—самъ король не былъ свободенъ отъ вниманiя своихъ клевретовъ. Въ своей „Histoire de la poste aux lettres“ Ротшильдъ указываетъ, что письма на имя короля, предостерегавшiя его отъ его совѣтниковъ, не попадали въ его руки. Письмо Кольбера къ королю о финансовомъ хозяйствѣ интенданта Фуке было доставлено не августѣйшему адресату, но ловкому Фуке. Самъ Фуке въ письмахъ къ друзьямъ просилъ пересылать ему важныя сообщенiя не по почтѣ, но черезъ довѣренныхъ лицъ. При Людовикѣ XV независимо отъ учрежденiя, которое—подъ руководствомъ принца Конти и графа Брольи—знакомилось съ политической корреспонденцiей, было устроено еще одно бюро для обслѣдованiя частныхъ писемъ, которыя были предметомъ особой любознательности короля. По разсказу одной изъ камеристокъ маркизы Помпадуръ, король возложилъ это деликатное занятiе на герцога Шуазеля, который по воскресеньямъ дѣлалъ королю докладъ о прошедшихъ черезъ его руки за недѣлю письмахъ. Забавной иронiей звучитъ, поэтому, строгое королевское распоряженiе, чтобы почтовые служащiе, виновные въ утайкѣ частныхъ писемъ и посылокъ подвергались суровой карѣ—отъ галеръ и изгнанiя до лишенiя чести. Людовикъ XV жестоко наказывалъ другихъ за то, что ежедневно дѣлалъ самъ.

Людовикъ XVI—или вѣрнѣе Тюрго—нашелъ нужнымъ положить конецъ этому злоупотребленiю довѣрчивостью гражданъ. Декретъ 18 августа 1775 года объявилъ всю интимную корреспонденцiю гражданъ священной тайной, которая должна оставаться таковою для частныхъ лицъ и судовъ. Чиновники принесли присягу въ томъ, что будутъ свято хранить тайну переписки. Но когда свободомыслящiй Тюрго палъ жертвой реакцiи, безвольнаго короля безъ труда убѣдили, что истинная государственная мудрость не можетъ обойтись безъ чтенiя чужихъ писемъ. Дѣятель-

ность *чернаго кабинета* возобновилась съ такой энергіей, что наказы избирателей къ генеральнымъ штатамъ 1789 года полны требованій о сохраненіи почтовой тайны, объ обезпеченіи сохранности писемъ, о строгихъ наказаніяхъ для чиновниковъ, читающихъ переписку, проходящую черезъ ихъ руки. Но пріемы террора были заимствованы у того строя, съ которымъ онъ боролся, и въ засѣданіи 25 іюля 1789 года Робеспьеръ отвѣчалъ Мирабо: „Письма безспорно должны быть неприкосновенны; *но* когда народъ въ опасности, когда строютъ козни противъ его свободы,—то, что раньше было преступленіемъ, становится теперь подвигомъ; щадить мятежниковъ значитъ предать народъ". 8 іюля 1790 года національное собраніе по докладу Бирона вычеркнуло изъ бюджета суммы, опредѣленныя на Cabinet noir. Но республика, окруженная врагами, боролась съ ними всѣми средствами—и въ томъ же мѣсяцѣ письма графа Артуа къ французскому посланнику въ Женевѣ были перехвачены.

Въ конституантѣ депутатъ д'Арси потребовалъ, чтобы письма, конфискованныя съ начала смуты, хранились въ Парижѣ въ особомъ учрежденіи, чтобы народное собраніе имѣло всегда въ случаѣ нужды возможность ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Но и здѣсь Мирабо явился могучимъ защитникомъ истинной свободы, не желающей стать тиранніей лишь прикрытой этимъ великимъ именемъ. „Достойно ли народа, намѣреннаго стать свободнымъ, заимствовать пріемы и идеи у тиранніи!—воскликнулъ онъ.—Достойно ли народа нарушать ту мораль, жертвой нарушителей которой онъ былъ такъ долго? О чемъ узнаемъ мы путемъ этого позорнаго чтенія чужихъ писемъ? О жалкихъ грязныхъ интригахъ, скандальныхъ проискахъ, презрѣнныхъ дерзостяхъ. Какъ! Послѣднее убѣжище свободы будетъ попрано тѣми, кого народъ избралъ въ хранители своихъ правъ. Интимнѣйшія изліянія, вспышки безпричиннаго раздраженія, ошибки, исправляемыя черезъ мгновеніе, будутъ свидѣтельствомъ противъ цѣлой партіи? Да вѣдь такимъ образомъ друзья, отцы и сыновья станутъ, не зная того, взаимными судьями! Они смогутъ случайно погубить другъ друга! А народное собраніе будетъ въ основу своихъ сужденій класть двусмысленныя сообщенія, полученныя путемъ преступленія". Геніальное краснорѣчіе свободомыслящаго трибуна побѣдило собраніе, которое при громѣ рукоплесканій перешло къ очереднымъ дѣламъ, а черезъ нѣкоторое время обратило нравственный принципъ, провозглашенный Мирабо, въ законодательную норму. 14 августа 1790 года собраніе приняло законъ о неприкосновенности частныхъ писемъ, подтвержденный въ Code pénal 1791 года. Почтовые служащіе принесли соотвѣтственную присягу, а за нарушеніе тайны корреспонденціи опредѣлены строгія наказанія вплоть до потери гражданскихъ правъ. И когда лояльность учредительнаго собранія подверглась въ этомъ отношеніи

искушенію, оно—въ согласіи съ провозглашенными имъ правовыми началами—оказалось на высотѣ своего положенія. Послѣ бѣгства короля, въ Тюильери были найдены два письма, адресованныхъ на его имя. Письма были уже вскрыты, и содержаніе ихъ могло быть очень важно. И не смотря на это, собраніе отказалось ознакомиться съ содержаніемъ этихъ писемъ и повелѣло: запечатавъ, доставить ихъ адресату. 28 января 1791 г., когда собранію были доложены преступныя письма, Робеспьеръ, который не такъ давно считалъ возможнымъ для спасенія отечества читать чужія письма, взошелъ на трибуну и спросилъ: „Какимъ образомъ могло національное собраніе узнать содержаніе этихъ писемъ? Стало быть нарушена тайна корреспонденціи! Это преступленіе противъ общественной нравственности“.

Отъ этого благороднаго взгляда, къ сожалѣнію, отказался комитетъ общественнаго спасенія. Конвентъ сперва отмѣнилъ отчасти статью уголовнаго уложенія, воспрещавшую нарушеніе почтовой тайны, сохранивъ ея дѣйствіе только для внутренней корреспонденціи. 9 мая 1793 года конвентъ постановилъ, чтобы всѣ письма на имя эмигрантовъ распечатывались въ Парижѣ. Но злоупотребленія, естественно вызванныя этимъ недостойнымъ пріемомъ ложной государственной мудрости, были такъ велики, что черезъ годъ конвентъ вновь возвратился отъ практической политики къ элементарной честности и декретомъ 9 декабря 1794 г. объявилъ всѣ частныя письма неприкосновенными.

Таковы колебанія законодательнныхъ нормъ; практика была, разумѣется, еще неустойчивѣе. Но въ общемъ законодательство великой революціи представляетъ собою значительный шагъ впередъ въ охранѣ почтовой тайны. Неприкосновенность частнаго письма была признана естественнымъ и необходимымъ выводомъ изъ принципа свободы личности и въ связи съ этимъ поставлена подъ охрану основныхъ законовъ.

Въ сложномъ аппаратѣ шпіонства, сопровождавшемъ военную диктатуру, смѣнившую республиканскій строй, пересмотръ переписки занималъ соотвѣтственное мѣсто. Расходы по возставленному черному кабинету доходили въ бюджетѣ наполеоновской имперіи до шестисотъ тысячъ франковъ, а министры императора въ широковѣщательныхъ посланіяхъ неустанно убѣждали публику, что частная корреспонденція неприкосновенна. Указанія, преподанныя министромъ финансовъ Годеномъ центральному коммиссару почтъ, гласили: „Правительство съ неудовольствіемъ узнало о нарушеніяхъ почтовой тайны, совершенныхъ по почину гражданскихъ властей, и заявляетъ, что отнынѣ поступитъ по всей строгости закона съ тѣми, кто позволитъ себѣ что либо подобное. Начальникамъ почтъ должно быть строго воспрещено подчиняться приказаніямъ, противорѣчащимъ добросовѣстному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей. Если же они

вынуждены будутъ уступить силѣ, они должны составить объ этомъ протоколъ и представить его куда слѣдуетъ. Правительство будетъ безпощадно къ преступленіямъ, возможнымъ лишь въ тѣ времена, возвращенія которыхъ въ виду нынѣшняго положенія правительства опасаться нечего". Еще опредѣленнѣе была инструкція, обращенная къ префектамъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Карно во время ста дней. „Вводить такіе пріемы въ управленіе—говорилось здѣсь о перлюстраціи писемъ,—значитъ не служить императору, но клеветать на него. Далекій отъ того, чтобы требовать услугъ, осуждаемыхъ закономъ, онъ отвергаетъ ихъ".

И, однако, самъ Наполеонъ неоднократно—правда, съ разными смягчающими оговорками—сознавался, что очень пользовался этими услугами, осуждаемыми закономъ. Императоръ читалъ не только письма подозрительныхъ или опасныхъ лицъ; даже корреспонденція Дюрока, его любимаго камердинера, перехваченная по пути, проходила чрезъ руки любопытнаго властелина.

„Что бы ни говорили въ публикѣ—заявляетъ онъ въ Memorial de S-te Hélène Лаказа—частныя письма читались на почтѣ очень рѣдко; открытыя или вновь запечатанныя, письма доставлялись адресатамъ, а долгое время ихъ и совсѣмъ не читали". Императоръ готовъ былъ поставить это себѣ въ заслугу. Онъ даже жаловался Лаказу: „Былъ у меня одинъ министръ, писемъ котораго я никакъ не могъ добыть"... Быть можетъ, это былъ Талейранъ, который пытался однажды поддѣльными и якобы перехваченными письмами навести Наполеона на ложный слѣдъ; объ этомъ разсказываетъ Монтолонъ въ „Histoire de la captivité de Sainte Hélène. Здѣсь же изложены взгляды Наполеона на чтеніе чужихъ писемъ. Онъ считаетъ его средствомъ мало практическимъ. Онъ сохранилъ *черный кабинетъ* потому, что получилъ его въ наслѣдство отъ монархіи, и потому, что кой-кто считалъ это сохраненіе необходимымъ. Открыть политическій заговоръ, благодаря нарушенію почтовой тайны, удалось всего одинъ только разъ. Шпіоны гораздо лучше.

Въ полномъ согласіи съ своимъ повелителемъ, знаменитый Фуше заявилъ—послѣ его паденія—что перехватываніе писемъ—озлобляющая, но совершенно безцѣльная выдумка ограниченныхъ головъ. Реставрація стараго порядка, разумѣется, не отреклась отъ его характернѣйшаго наслѣдія. Расходы по *черному кабинету*—шестьсотъ тысячъ франковъ—сохранили свое мѣсто въ бюджетѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ благодѣтельномъ учрежденіи работало двадцать два чиновника. Гражданъ, однако, продожали обманывать. Когда въ концѣ 1827 г. „ministère déplorable" Виллеля пало, увлекая за собою префекта полиціи Дельвана, новое министерство поспѣшило оффиціально объявить

всенародно: „Черный кабинетъ не существуетъ болѣе въ почтовомъ управленіи“. Здѣсь была двусмысленность: черный кабинетъ былъ не уничтоженъ, но переведенъ въ другое вѣдомство—и послѣ іюльской революціи безъ труда было доказано, что онъ не прекращалъ своей дѣятельности. Въ свою очередь событія 1848 года дали возможность выяснить, что услугами того же учрежденія неизмѣнно пользовалось правительство Луи-Филиппа.

„Въ самый день передачи въ мои руки завѣдыванія почтой (24 февраля 1848 года), разсказываетъ Этьенъ Араго въ книгѣ „Les postes en 1848“—я потребовалъ, чтобы мнѣ показали *черный кабинетъ*, такъ какъ я твердо рѣшилъ немедленно уничтожить его. Мои непосредственные помощники отвѣтили мнѣ смѣхомъ и заявили, что никакого чернаго кабинета не существуетъ. Послѣ многократныхъ допросовъ, при которыхъ г. Гуэнъ отвѣчалъ мнѣ съ негодующей искренностью, и обысковъ въ помѣщеніи почты, которые я лично предпринялъ ночью, мое невѣріе было побѣждено. Я узналъ, что уже въ 1827 году при директорѣ почтъ Вильневѣ *черный кабинетъ* былъ уничтоженъ. Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи я получилъ безусловно неопровержимыя доказательства того, что съ тѣхъ поръ какъ письма не распечатывались на почтѣ, нѣкоторые директора, рабски покорные произволу своего властелина, „работали“ вмѣстѣ съ нимъ,—пользуюсь выраженіемъ Бурьенна, который сообщаетъ намъ въ своихъ мемуарахъ, какъ генералъ-почтъ-директоръ де-Лафоре „работалъ“ такимъ же образомъ въ свое время съ первымъ консуломъ“.

Араго выяснилъ, что вся корреспонденція иностранныхъ посольствъ — входящая и исходящая — была предметомъ ежедневныхъ докладовъ Луи Филиппу. Въ 1847 году шведскій посланникъ въ Парижѣ получилъ въ пакетѣ своего правительства депеши, отправленные прусскимъ дворомъ къ своему представителю; равнымъ образомъ и *прусскій* посланникъ получилъ *шведскія* депеши. Спѣшная работа чернаго кабинета вызвала нѣкоторую путанницу, которую не такъ легко было выяснить. Корреспонденція посольствъ перехватывалась и пересматривалась съ тѣмъ большимъ тщаніемъ, что въ то время почта посольствъ содержала и частныя письма проживавшихъ въ Парижѣ иностранцевъ. Не смотря на представленія и просьбы директора полиціи Карлье, республиканскій министръ Бастидъ покончилъ съ остатками *чернаго кабинета*.

Но недолговѣчно—какъ и сама вторая республика—было господство этой здравой и открытой политики. Въ режимѣ второй имперіи черный кабинетъ вновь занялъ мѣсто. Покорный общему направленію политики, высшій кассаціонный судъ въ самомъ началѣ новаго строя—въ ноябрѣ 1853 года—„разъяснилъ“, что почта

обязана выдавать подозрительныя письма слѣдственной власти подъ росписку всякаго префекта, а генералъ-почтмейстеръ Вандаль простеръ свое сыскное усердіе до циркуляра, которымъ повелѣлъ пересматривать переписку лицъ, состоящихъ на государственной службѣ: онъ разсчитывалъ такимъ путемъ напасть на нѣкое письмо графа Шамбора. Въ честь своего создателя эта система была названа вандализмомъ. Хорошо характеризовала ее ходячая острота: для того, чтобы сообщить что нибудь Вандалю, надо это написать въ письмѣ къ Рошфору. Но это не только шутка: достовѣрно извѣстно, что когда гессенскій посланникъ при дворѣ Наполеона хотѣлъ довести до свѣдѣнія французскаго правительства что-нибудь такое, чего нельзя было сказать прямо,—онъ писалъ объ этомъ въ Гессенъ,—и отправлялъ письмо по почтѣ.. Но Руэръ защищалъ Вандаля, который продержался до паденія имперіи; временное правительство отставило его, уступая общественному мнѣнію, нашедшему выраженіе въ яростныхъ обличеніяхъ парижскихъ газетъ; пресса ставила въ вину Вандалю не столько его рабскую покорность, сколько отношеніе къ „черному кабинету“, существованіе котораго онъ энергично отрицалъ. Сколько было правды въ его увѣреніяхъ, показываютъ разоблаченія графа Кератри, бывшаго при правительствѣ національной обороны съ мѣсяцъ префектомъ полиціи. Въ 1869 г. Вандаль приглашалъ его въ зданіе почтамта, чтобы убѣдить, что здѣсь нѣтъ ни слѣда чернаго кабинета; теперь, по ироніи судьбы, Кератри нашелъ это учрежденіе — въ кабинетѣ своего предшественника. Въ своей книгѣ онъ приводитъ списокъ писемъ недоставленныхъ совсѣмъ адресатамъ, найденныхъ имъ въ полиціи и представленныхъ вмѣстѣ съ докладомъ національному собранію. Республиканскій преемникъ Вандаля, докторъ Рашпонъ началъ съ того, что отставилъ нѣкоего Самоэля, важнаго почтоваго чиновника, прикомандированнаго къ полиціи въ качествѣ завѣдующаго деликатнымъ дѣломъ перехватыванія чужихъ писемъ.

Перехватывало ихъ и временное правительство въ Турѣ съ Гамбеттой во главѣ; начальникъ его чернаго кабинета prévôt civil Дютре получилъ полномочіе требовать у почты любое письмо. Читала чужія письма и коммуна, вообще не принимавшая къ отправкѣ запечатанныхъ писемъ. Наконецъ, въ послѣдніе годы очень многія лица, причастныя къ политическимъ неладамъ Франціи—напримѣръ, г-жа Зола—жаловались, что корреспонденція ихъ, очевидно, проходитъ чрезъ чьи-то руки. Не говоримъ ужъ о той всеохватывающей атмосферѣ шпіонства и гнуснаго нарушенія личныхъ тайнъ, въ которой прошла вся affaire.

II.

Въ дѣлѣ шпіонства Австрія никогда ни отъ кого не отставала. Съ полнымъ правомъ замѣчаетъ Кенигъ, что достаточно ознакомиться съ прежней почтовой политикой Австріи, чтобы понять ея правительственныя цѣли и средства. Здѣсь не только крали чужія письма, но и замѣняли ихъ новыми, изготовленными на почтѣ съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Историческія свѣдѣнія объ австрійскихъ черныхъ кабинетахъ тянутся непрерывной и очень однообразной вереницей съ начала XVI вѣка; останавливаться на нихъ не стоитъ. Перехватывали письма своихъ и чужихъ, крамольныхъ подданныхъ и иностранныхъ государей. Особенно облегчали это почтовое шпіонство привилегіи, данныя „почтовой династіи“ Турнъ-и-Таксисовъ. Для характеристики дѣятельности послѣднихъ знаменателенъ тотъ фактъ, что Габсбурги, отдавая имъ почтовую регалію во всей Германской имперіи и получая за это въ благодарность безконечную преданность и покорность Таксисовъ, сохранили почту въ Австріи за собой; курьеры Таксисовъ носились по всей Европѣ отъ Остенде до Германштадта и отъ Балтійскаго побережья до Адріатики, пронося частныя и правительственныя письма чрезъ „кабинеты“ своихъ хозяевъ, но австрійскія владѣнія императора должны были отказаться отъ ихъ услугъ. Австрію обслуживала почта графа Паара, не переступавшая границы и потому подчиненная строгому правительственному контролю. Начальникъ этой почты не имѣлъ никакого отношенія къ черному кабинету; послѣднимъ и здѣсь завѣдывалъ родъ Таксисовъ, которому такимъ образомъ предоставляли позорную часть почтовой дѣятельности и не довѣряли почетной. Кабинеты Таксисовъ—они назывались „ложами“—покрыли сѣтью всю Германію. Организація шпіонства,—имѣвшая въ виду исключительно интересы Габсбурговъ—была доведена до совершенства. Званіе „ложиста“ было фактически наслѣдственнымъ, такъ какъ молодое поколѣніе своевременно практиковалось въ почетномъ занятіи отцовъ. Императоры платили, какъ могли, за эти деликатныя услуги: Кенигъ называетъ цѣлый рядъ дворянскихъ родовъ Австріи, возведенныхъ въ это званіе за благородную работу въ черныхъ кабинетахъ; нѣкоторые получили баронскій, а кой-кто даже графскій титулъ.

Однако, неудобства, которыя германскіе государи терпѣли наравнѣ съ своими подданными, и даже больше ихъ, оттого, что ихъ корреспонденція проходила чрезъ австрійскую цензуру, были настолько значительны, что понемногу Таксисы были лишены почтовыхъ привилегій въ большинствѣ союзныхъ государствъ Германіи. Владѣтелямъ стало отъ этого легче, подданнымъ—

едва-ли: ихъ письма проходили чрезъ отечественные черные кабинеты, смѣнившіе „ложи“ Австріи; „вся Германія соперничала въ почтовомъ безчестіи“ замѣчаетъ авторъ. Характерно, что при этомъ дипломатія и почта—учрежденія, казалось-бы, ничего общаго между собой не имѣющія, сливались: дипломаты завѣдывали почтой, почтовые чиновники, повышаясь, переходили на службу въ дипломатію. Особенно интересовалась Австрія прусскими письмами—и всѣ депеши Фридриха Великаго къ его посланнику въ Вѣнѣ приходили къ получателю лишь послѣ того, какъ копія ихъ лежала на столѣ князя Кауница. На самой австрогерманской границѣ подкупленныхъ нѣмецкихъ курьеровъ ждали служители чернаго кабинета, которые, не задерживая курьеровъ, въ экипажѣ, во время ѣзды, списывали и вновь запечатывали перехваченныя письма. Особый корпусъ вѣнскаго дворца былъ спеціально предназначенъ для секретной почтовой перлюстраціи—и когда Вѣна была въ началѣ прошлаго вѣка (1805—1806) временно занята французами, таинственные застѣнки дворца считались одной изъ достопримѣчательностей города, которую съ чрезвычайнымъ интересомъ осматривали любопытные,—особенно Таллейранъ... Любопытны свѣдѣнія о положеніи чиновниковъ, обслуживавшихъ это учрежденіе. Они набирались главнымъ образомъ изъ французовъ и неаполитанцевъ, опытныхъ въ тайной службѣ и привлекаемыхъ очень выгодными условіями, которыя имъ предлагало австрійское правительство. Но эти выгодныя условія были золотой клѣткой: эти люди знали слишкомъ много, чтобы съ ними можно было разстаться. Полиція не теряла ихъ изъ виду. Она до мельчайшихъ подробностей знала, какъ они живутъ, сколько тратятъ, чѣмъ развлекаются, съ кѣмъ встрѣчаются, кто ихъ родственники, кто ходитъ къ нимъ и ихъ дѣтямъ. Ихъ принуждали ограничивать свои знакомства служащими канцеляріи и императорскаго кабинета. Иностранцы, а особенно дипломаты, дѣлавшіе попытку проникнуть въ этотъ замкнутый кружокъ, получали столь грубый отпоръ, что не повторяли своихъ попытокъ. Каждое утро императоръ находилъ на своемъ письменномъ столѣ свѣжій отчетъ о вчерашней дѣятельности чернаго кабинета, облагодѣтельствованные служащіе котораго походили не столько на чиновниковъ, сколько на военноплѣнныхъ. Можно не прибавлять, что болѣе свободомыслящіе государи Австріи, какъ Іосифъ и Леопольдъ, также не нашли возможнымъ отказаться отъ услугъ чернаго кабинета, они пользовались имъ—въ борьбѣ съ реакціей... Не удивительно, что борьба эта была мало успѣшна.

Пораженія при Ульмѣ и Аустерлицѣ не надолго поколебали эту благоустроенную систему. 1814 годъ возвратилъ дому Турнъ-и-Таксисъ его страшную монополію; объ этомъ—вопреки предостереженіямъ Ганновера и Саксоніи—болѣе всего заботились

мелкіе нѣмецкіе государи, всегда старательно лѣзшіе въ западню, разставленную Австріей. Первый подалъ примѣръ герцогъ Саксенъ Веймарскій—и можно себѣ представить, сколько яда было въ легкой улыбкѣ князя Меттерниха, съ которой онъ встрѣтилъ извѣстіе о стараніяхъ герцога.

Чтеніе отчетовъ чернаго кабинета и городской полиціи было ежедневно первымъ дѣломъ императора Франца послѣ утренней мессы, начинавшей его день. Онъ находилъ здѣсь избранныя мѣста изъ интересныхъ писемъ, сообщенія о чужихъ любовныхъ приключеніяхъ, о событіяхъ въ подозрительныхъ домахъ и т. п. Онъ былъ любопытенъ—и если сообщенія казались ему недостаточно подробными, онъ вызывалъ сыщиковъ и требовалъ у нихъ объясненій. И въ то время какъ первые сановники государства еле могли добиться ауденціи, всякій, запасшійся пикантной исторіей, былъ желаннымъ гостемъ.

Нарушеніе почтовой тайны было въ тѣ времена направлено болѣе противъ враговъ внѣшнихъ, но были и враги внутренніе—и общая борьба противъ нихъ создавала благожелательное международное общеніе: въ выслѣживаніи массонскихъ кружковъ французскіе министры поддерживали австрійскихъ. Вся эта черная магія требовала громадныхъ издержекъ, но лица, причастныя къ ней, извлекали изъ нея доходы: знакомство съ чужой корреспонденціей давало имъ возможность играть на биржѣ безъ проигрыша.

III.

Сравнительно съ пріемами другихъ континентальныхъ правительствъ добраго стараго времени, отношеніе Пруссіи XVIII вѣка къ частной перепискѣ можетъ считаться исключительнымъ. Прусское почтовое уложеніе 1712 года между прочимъ гласитъ: „Такъ какъ для добраго имени почты не менѣе, чѣмъ для корреспондентовъ, важно, чтобы ни одно, сданное на почту письмо не было захвачено, задержано, вскрыто, или передано въ ненадлежащія руки, то каждый почтовый чиновникъ, уличенный въ намѣренномъ и противозаконномъ задержаніи или присвоеніи и вскрытіи письма, присуждается въ первомъ случаѣ къ уплатѣ убытковъ и штрафу въ 100 талеровъ, въ послѣднемъ—къ отрѣшенію отъ должности и безчестію“. Если пакеты дурно запечатаны,—предусмотрительно прибавляетъ законодатель—чиновники должны тотчасъ же наложить на нихъ свои печати, не смѣя касаться ихъ содержимаго.

Благоустроенный черный кабинетъ въ зданіи почтамта—завели въ Пруссіи французы. Въ 1808 году былъ изданъ декретъ, по которому генеральному коммиссару Наполеона Биньону былъ порученъ общій надзоръ за почтовымъ вѣдомствомъ. Въ странѣ,

которая годъ тому назадъ заключила съ Франціей миръ, искали крамольниковъ противъ Наполеона и для того въ Берлинѣ, Штетинѣ и другихъ городахъ читали всѣ письма, проходившія черезъ почту.

Такимъ образомъ было распечатано и прочитано письмо прежняго главнаго начальника почты фонъ-Зегебарта къ почтовымъ совѣтникамъ Мюллеру и Пистору, гдѣ онъ возмущался появленіемъ французскаго сыщика въ нѣмецкомъ почтамтѣ. Отвѣтомъ былъ приказъ Биньона, коимъ Мюллеру и Пистору было повелѣно „выдать корреспонденцію, которую они вели съ нѣкимъ Зегебартомъ и впредь воздержаться отъ такой корреспонденціи".

Французскіе „bureaux de révision de lettres" были учреждены повсюду, и въ докладахъ Даву, распоряжавшагося въ герцогствѣ Варшавскомъ, пожалованномъ королю Саксонскому, императору сплошь и рядомъ попадаются такія сообщенія: „начальникъ почтъ герцогства Варшавскаго Зайончекъ, доставившій мнѣ эту корреспонденцію, служащій вполнѣ преданный, довелъ до моего свѣдѣнія, что министръ внутреннихъ дѣлъ, человѣкъ почтенный, но слабый, предполагаетъ подчинить почту своему вѣдомству. Зайончекъ воспротивился, указавъ, что назначенъ на свой постъ самимъ королемъ... Письма, доставленныя имъ, распечатаны осторожно, такъ что могутъ быть опять отправлены по назначенію, не возбуждая подозрѣнія, что ихъ вскрывали... Было бы очень удобно получать изъ Берлина свѣдѣнія объ идущихъ изъ герцогства Варшавскаго письмахъ". Однако, преданнымъ Зайончекомъ не всегда были довольны. „Нельзя разсчитывать на человѣка съ такимъ неустойчивымъ характеромъ", жаловался Даву; ему удалось даже добиться перевода Зайончека въ Дрезденъ, чѣмъ варшавяне были очень довольны. „Здѣсь боятся нашего надзора за письмами,—писалъ Даву,—что вызвано соображеніями, которыя заставляютъ желать его сохраненія". Наконецъ, одинъ эпизодъ показываетъ, какъ мало стыдились тогда красть чужія письма,—лишь бы это было оправдано ихъ „предосудительнымъ" содержаніемъ: письмо прусскаго министра ф.-Штейна къ князю Витгенштейну, заключавшее въ себѣ планы освобожденія отъ иноземнаго гнета, было не только перехвачено французами, но и напечатано въ оффиціальномъ „Moniteur".

Не удовлетворяясь существующей организаціей, Даву ввелъ въ дѣло почтоваго шпіонства изобрѣтеніе, о которомъ сообщаетъ Наполеону въ письмѣ изъ Эрфурта отъ 27 декабря 1808 года:

„Ваше Величество! Когда Берлинъ былъ занятъ войсками, тамъ существовало бюро для просмотра писемъ, оказавшее значительныя услуги, какъ въ свое время было доложено Вашему Величеству. Нынѣшнія обстоятельства еще настоятельнѣе требуютъ тщательнаго надзора за корреспонденціей. Но такъ какъ по сю сторону Эльбы нѣтъ никакого центра, чрезъ который про-

ходила бы вся корреспонденція юга Европы съ сѣверомъ, то я устроилъ *передвижныя бюро для просмотра корреспонденціи*". Даву присовокупляетъ къ этому печальное сообщеніе о закрытіи одного такого bureau ambulant въ Эшебургѣ, по той причинѣ, что существованіе его стало извѣстно. „Прошу Ваше Величество сообщить мнѣ, могу ли я въ соотвѣтственный моментъ возстановить это бюро. Изъ приложенныхъ бумагъ Ваше Величество ознакомитесь ближе со всѣмъ этимъ инцидентомъ, въ которомъ худшее—огласка, которую онъ получилъ".

Не обошлось, конечно, безъ соотвѣтственныхъ учрежденій и въ новоиспеченномъ королевствѣ Вестфальскомъ. Съ отвращеніемъ, не лишеннымъ, однако, нѣкоторой доли преклоненія предъ совершенствомъ шпіонской техники, разсказываетъ извѣстный географъ и минералогъ К. Ц. ф.-Леопардъ, какъ, будучи въ 1809 г. оберъ-почтдиректоромъ въ Ганау, онъ вынужденъ былъ терпѣть у себя въ почтамтѣ подпольную работу почтовыхъ шпіоновъ. Темная личность, предъявившая соотвѣтственный приказъ, исключавшій всякую мысль о неподчиненіи, потребовала отъ директора полнѣйшей тайны и соотвѣтственныхъ указаній его служащимъ. „И я съ величайшимъ негодованіемъ долженъ былъ согласиться на то, что было прикрыто флагомъ „государственнаго дѣла". Въ почтамтѣ была отведена „уединенная комнатка", въ которой начались таинственныя приготовленія. Я увидѣлъ коллекцію разнообразнѣйшихъ снарядовъ и снадобій: острые ножи съ тончайшими клинками, большіе и малые, сургучъ и облатки всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ, палочки для слѣпковъ съ печатей, рисовальныя кисточки, клейстеръ, воскъ, гипсъ, жаровню съ котелками и, наконецъ, копировальную машину на случай, если нужно будетъ имѣть нѣсколько списковъ съ вскрытаго письма". Затѣмъ почтенный ученый чиновникъ, не нашедшій, однако, нужнымъ хоть отставкой выразить свой протестъ противъ гнуснаго вѣроломства, въ которомъ принялъ участіе — пространно разсказываетъ о пріемахъ при незамѣтномъ вскрываніи корреспонденціи. Вообще, положеніе вещей при французскомъ владычествѣ дошло до того, что въ 1809 г. нѣкій баронъ Гакстгаузенъ-Делингаузенъ не побоялся напечатать въ газетѣ открытый протестъ противъ безобразныхъ нарушеній почтовой тайны. Исчисливъ многочисленные случаи распечатыванія его писемъ и заклеймивъ по достоинству такое обращеніе съ чужими тайнами, баронъ заявляетъ, что отнынѣ вмѣсто безполезной сургучной печати помѣщаетъ на задней сторонѣ конверта слѣдующую надпись на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: „Читателю. По дорогѣ между Франкфуртомъ на Одерѣ и Гильдесгеймомъ завелись негодяи, которые не только, нагло издѣваясь надъ законами, безстыдно читаютъ чужія письма, но настолько подлы, что отправляютъ эти письма, раскрытыя ихъ грязными руками, незапечатанными,

не заботясь ни о принесенной ими клятвѣ вѣрно хранить тайну корреспонденціи, ни о судьбѣ бумагъ, быть можетъ очень важныхъ". Баронъ обѣщалъ далѣе жаловаться,—неизвѣстно, съ какимъ успѣхомъ. Сомнительно, чтобы французы позволили ему добиться наказанія для своихъ ставленниковъ. Они завели черный кабинетъ также въ Даніи: въ Альтонѣ, тогда датской, усердно работала такъ называемая „Brief-Commission", во главѣ которой стояли два сенатора; сохранилась ихъ просьба о добавочномъ вознагражденіи за ихъ почтенную дѣятельность,—однако, отклоненная канцеляріей. Но дѣло росло,—пришлось взять помощника, и до насъ дошелъ приказъ короля датскаго о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему пятидесяти талеровъ ежегодно. „Мы имѣемъ такимъ образомъ, — замѣчаетъ авторъ, — формальный указъ объ окладѣ оффиціально назначеннаго почтоваго вора и фальсификатора".

Вскорѣ возставшей Германіи помогли свергнуть иноземное иго, съ которымъ исчезли французскія „bureaux de révision de poste".

Ихъ, конечно, смѣнили нѣмецкія.

Когда въ февралѣ 1812 года всемогущая Франція потребовала у прусскаго кабинета перлюстраціи корреспонденціи членовъ—въ то время еще совершенно тихаго—тугендбунда, правительство Пруссіи отвѣтило на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ, основаннымъ на томъ, что прусская полиція совершенно незнакома съ тѣми орудіями и пріемами, которые примѣняются въ дѣлѣ почтоваго шпіонства сыскными организаціями другихъ правительствъ; въ виду этого она рискуетъ, что дѣятельность ея будетъ открыта послѣ первыхъ опытовъ и, разумѣется, сдѣлаетъ всякое разслѣдованіе невозможнымъ. Въ конституціонныхъ актахъ сороковыхъ годовъ и не упоминается о неприкосновенности частныхъ писемъ, которая какъ будто подразумѣвалась сама собой.

Однако, еще ранѣе мы находимъ и въ Пруссіи указанія на удачные опыты чтенія чужихъ писемъ. Правда, когда въ 1808 году обсуждались предположенія о полицейскомъ надзорѣ надъ почтовыми учрежденіями, тогдашній начальникъ почты, вышеупомянутый ф. Зегебартъ, боролся всѣми силами съ ихъ осуществленіемъ, и когда это ему не удалось, онъ остался во главѣ ввѣреннаго ему учрежденія лишь въ виду глубокаго убѣжденія, что новый законъ, по самой своей сущности, необходимо долженъ остаться мертвой буквой. Въ дневникѣ прусскаго министра фонъ Шена въ декабрѣ 1808 года мы находимъ такія строки: „Система обмана теперь господствуетъ... Вотъ Наглеръ назначенъ помощникомъ генералъ-почтмейстера—а почему? За какія заслуги, за какія спеціальныя познанія? А видите-ли— онъ превосходно умѣетъ вскрывать письма"... Не мудрено, что фонъ-Шенъ однажды въ письмѣ къ

женѣ сдѣлалъ такую приписку: „P. S. Господинъ почтовый секретарь К. При чтенiи этого письма, имѣйте въ виду и т. д.“ Переписываясь съ графомъ Дона, губернаторомъ въ восточной Пруссiи, фонъ Шенъ—уже не министръ, но все еще облеченный высшимъ правительственнымъ довѣрiемъ администраторъ—посылалъ письма на имя третьяго лица, почтдиректора въ Кенигсбергѣ. И Дона, высшiй чиновникъ обширной провинцiи, писалъ ему въ декабрѣ 1813 г.: „Пишу лишь затѣмъ, чтобы сообщить вамъ кой что о сохранности нашей корреспонденцiи. Такъ какъ мнѣ страшно подумать о противоположномъ и такъ какъ въ концѣ концовъ ни одно средство не можетъ считаться достаточно вѣрнымъ, то я по отношенiю къ самымъ дорогимъ мнѣ людямъ избралъ простой выходъ: совсѣмъ не переписываться. Однако, прибѣгнуть къ этому средству съ вами мнѣ было бы ужъ слишкомъ тяжело. Убѣдительно прошу васъ, поэтому, писать мнѣ какъ можно чаще и подробнѣе. Но предосторожности при этомъ, конечно, необходимы, потому что такiе господа, какъ Штегеманъ и Бюловъ, ославятъ насъ безпокойными головами“. Далѣе идутъ указанiя на адреса, по которымъ можно безопасно переписываться. Въ другомъ письмѣ возмущенный почтовымъ шпiонствомъ Дона говоритъ: „Я возмутился бы, если бы мои письма, предназначенныя для другихъ, читалъ хоть самъ король. Ужаснѣе всего въ этомъ чтенiи чужихъ писемъ то, что имъ занимаются гнуснѣйшiе и глупѣйшiе субъекты, что они дѣлаютъ самыя идiотскiя и подлыя извлеченiя изъ нихъ и часто злонамѣренно, а иногда и просто чтобы похвастать, прибѣгаютъ къ сочиненiю писемъ. Меня это почтовое шпiонство довело до того, что я совсѣмъ отказался отъ переписки“. Хорошо нужно было работать, чтобы строгаго, благонамѣреннаго консерватора, занимающаго столь высокiй постъ, довести до такихъ крѣпкихъ выраженiй. Превосходная и не требующая комментарiевъ исторiя, разсказанная фонъ-Шеномъ, хорошо увѣнчиваетъ его любопытныя сообщенiя: весною 1813 г. берлинскiй почтмейстеръ Брезе прислалъ къ канцлеру Гарденбергу своего сына съ просьбой опредѣлить его въ дѣйствующую армiю. Одушевленный борьбой за освобожденiе родины, юноша хотѣлъ послужить ей хотя бы цѣной жизни. Увидавъ предъ собою свѣдущаго и умѣлаго молодого человѣка, Гарденбергъ нашелъ для него лучшее дѣло и поручилъ ему—вскрывать чужiя письма. Молодой Брезе отвергъ это предложенiе, какъ противное его чести, но заявилъ, что позволилъ бы себѣ почтовый надзоръ въ спецiально военныхъ цѣляхъ. Когда объ этомъ было доложено Гарденбергу, онъ объявилъ Брезе, что *приказываетъ* ему заняться изученiемъ частной корреспонденцiи и надѣется, что это *приказанiе* успокоитъ его совѣсть. Но Брезе упорствовалъ въ своемъ отказѣ, заявивъ, что не можетъ подчиниться повелѣнiю совершить

незаконное дѣяніе. Тогда взбѣшенный Гарденбергъ отвѣтилъ: „Ну, пусть походитъ подъ ружьемъ“. Брезе такъ и сдѣлалъ.

Наглеръ, способности котораго Шенъ оцѣнилъ, какъ мы видѣли, такъ вѣрно еще въ 1808 году, разумѣется, сдѣлалъ карьеру. Въ качествѣ генералъ-почтмейстера онъ устроилъ въ Пруссіи прекрасно организованный черный кабинетъ, дѣятельностью котораго гордился. Изданная впослѣдствіи переписка Наглера содержитъ на этотъ счетъ многія указанія. Онъ сознавался, что никогда не страдалъ „идіотской щепетильностью“ по части вскрыванія писемъ и, разбираясь въ техникѣ этого благороднаго дѣла, отдавалъ предпочтеніе прусской системѣ, при которой письма только читались, предъ австрійской,—которая ихъ затѣмъ пріобщала къ дѣламъ или уничтожала. О свѣтломъ государственномъ умѣ этого сановника, имѣвшаго большое вліяніе на короля, даетъ достаточное понятіе его классическое заявленіе по поводу проекта почти первой нѣмецкой желѣзной дороги (въ Потсдамъ): „Глупости! Я ежедневно отправляю въ Потсдамъ нѣсколько шестимѣстныхъ почтовыхъ каретъ—и въ нихъ пусто, а эти люди вздумали строить туда желѣзную дорогу.“ Ближайшимъ сотрудникомъ Наглера былъ Кельхнеръ—и переписка этихъ почтенныхъ дѣятелей даетъ хорошее изображеніе тѣхъ средствъ, которыми они выслѣживали дѣятелей землячествъ и свободомыслящей печати. Вообще воззрѣнія Наглера представляютъ собою любопытную картину оподленія человѣческой мысли. О чемъ бы онъ ни судилъ, онъ исходилъ изъ идеи сыска. Нѣмецкій союзъ казался ему организаціей для противодѣйствія свободомыслію и подавленія прогресса; почту этотъ генералъ-почтмейстеръ искренно считалъ не общеполезнымъ средствомъ сообщенія, но удобнымъ органомъ полицейскаго надзора.

Трудно повѣрить, что не прошло и полувѣка — и даже тотъ государственный человѣкъ Германіи, на котораго падали нѣкоторыя обвиненія въ недостаточно лояльномъ отношеніи къ частной перепискѣ — знаменитый организаторъ всемірнаго почтоваго союза и нѣмецкой почты, покойный фонъ Стефанъ, съ негодованіемъ отвергалъ мысль о возможности какой бы то ни было близости почты къ полицейской дѣятельности и клятвенно увѣрялъ парламентъ, что частное письмо въ рукахъ германской почты такъ же сохранно, „какъ библія на алтарѣ“. Мы увидимъ ниже, что это увѣреніе было нѣсколько преувеличенно,—но повысились и требованія, предъявляемыя къ лояльности почтоваго чиновника; можно сказать, что для Германіи миновали дни Наглера, который особенно свирѣпствовалъ въ эпоху сорокъ восьмого года. Въ своихъ „Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz“ Георгъ Гервегъ прямо указывалъ, въ какомъ корпусѣ и въ какой комнатѣ берлинскаго почтамта находится бюро, просматривающее частную переписку. Это почтенное учрежденіе было какъ бы отвѣтомъ на многочислен-

ные законодательные акты, коими въ промежуткѣ между войной за освобожденіе и сорокъ восьмымъ годомъ германскія государства обезпечивали неприкосновенность частной переписки. По веймарскому почтовому регламенту 1819 года почтовый чиновникъ, привлеченный къ уголовной отвѣтственности за преступное вскрытіе частнаго письма, не могъ отговариваться приказомъ, полученнымъ отъ начальства. А переписка принца прусскаго, впослѣдствіи императора Вильгельма I, проходила черезъ руки министра Мантейфеля, и въ печатныхъ полицейскихъ спискахъ открыто сообщались о Лотарѣ Бухерѣ, который тогда не совершилъ еще перехода отъ Лассаля къ Бисмарку, слѣдующія свѣдѣнія: „Онъ состоитъ лондонскимъ корреспондентомъ берлинской „National-Zeitung“ и находится въ постоянной перепискѣ съ демократическими нотаблями, что явствуетъ особенно изъ письма къ нему отъ 24 сентября 1851 г., авторомъ коего признанъ докторъ медицины Киссфельдъ въ Герлицѣ“. Это не мѣшало нѣмецкимъ правительствамъ въ тоже время провозглашать въ своихъ актахъ совершенно иныя истины, и распоряженіе баденскаго министерства внутреннихъ дѣлъ отъ конца 1853 гласило, что „право на конфискацію и вскрытіе писемъ и пакетовъ, ввѣренныхъ великогерцогской почтѣ, имѣютъ *только суды*, но не полиція“. И это начало сдѣлалось руководящимъ въ практикѣ нѣмецкаго законодательства. Неприкосновенность почтовой тайны терпитъ нѣкоторыя исключенія, строго опредѣленныя въ законѣ. Практика прусскаго управленія расширила кругъ этихъ исключеній, предоставивъ полномочія требовать у почты частное письмо не только суду, но и представителю прокурорскаго надзора; другія должностныя лица, особенно полиція, этого права не имѣютъ. Считается спорнымъ предоставленное практикою суду и прокурору право требовать у почты не только письма, но и свѣдѣнія, касающіяся переписки частнаго лица. Забота о соблюденіи этихъ правилъ считается обязанностью почты. Разъ съ ней вступаютъ въ дѣловыя отношенія, цѣликомъ основанныя на высокомъ довѣріи, она должна оправдать это довѣріе. Она является хранительницей, а потому и защитницей ввѣренныхъ ей правъ личности. „Конечно, — замѣчаетъ одинъ нѣмецкій юристъ, — почта не имѣетъ возможности входить въ самостоятельную оцѣнку фактовъ, на которыхъ основано судебное требованіе задержать частную корреспонденцію и передать ее должностному лицу. Но необходимо, чтобы почта имѣла убѣжденіе, что само требующее должностное лицо считаетъ эти факты достаточными; поэтому въ требованіи, обращенномъ къ почтѣ, должно заключаться указаніе на существованіе такихъ фактовъ“.

IV.

Какъ вообще высоки требованія, предъявляемыя къ германскимъ почтовымъ учрежденіямъ въ дѣлѣ сохранности почтовой тайны, показываютъ въ достаточной мѣрѣ дебаты и интерпелляціи о почтовыхъ порядкахъ, имѣвшіе мѣсто въ германскомъ рейхстагѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ по разнымъ поводамъ. Уже въ 1873 году рейхстагъ призналъ нарушеніемъ почтовой тайны то, что высшій почтовый чиновникъ пользовался, для своихъ служебныхъ цѣлей, почтовымъ спискомъ абонентовъ одного изданія. Дѣло было такъ. Газета „Deutsche Post“ — ея редакторомъ былъ авторъ книги, содержаніе которой мы передаемъ — всецѣло посвященная почтовому дѣлу и интересамъ мелкихъ почтовыхъ служащихъ, имѣла несчастіе навлечь на себя немилость тогдашняго начальника германской почты фонъ Стефана. Не удовлетворившись бывшими въ его распоряженіи мѣропріятіями, либеральный министръ вздумалъ не только запретить своимъ подчиненнымъ получать опальную газету, но потребовалъ себѣ списки ея подписчиковъ и, разумѣется, найдя среди нихъ почтовыхъ чиновниковъ, сдѣлалъ имъ чрезъ посредство ихъ высшаго начальства строгой репримандъ. Отвѣтомъ была интерпелляція депутата д-ра Банкса. Излагая указанные факты, онъ спрашивалъ имперскаго канцлера, извѣстны ли они ему, и не предполагаетъ ли онъ предпринять что нибудь противъ повторенія такихъ пріемовъ, заключающихъ въ себѣ какъ нарушеніе почтовой тайны, такъ и непозволительное давленіе начальства на подчиненныхъ. „Публика убѣждена, — говорилъ Банксъ,— что списки абонентовъ составляютъ почтовую тайну, и въ этомъ было въ свое время дано прямое увѣреніе въ прусской палатѣ депутатовъ... Если самъ начальникъ почтоваго вѣдомства и его высшіе сотрудники позволяютъ себѣ этотъ незаконный образъ дѣйствій по отношенію къ низшимъ служащимъ, то гдѣ ручательство, что объектомъ такого нарушенія закона не явятся иныя лица? И гдѣ тогда защита для публики? Тогда ужъ самъ имперскій канцлеръ навѣрное имѣетъ право и возможность принудить иногда почтовыхъ чиновниковъ нарушить почтовую тайну. И ужъ тогда тайны нѣтъ!“ Интерпелляторъ выражалъ естественную надежду на поддержку большинства рейхстага, но такіе намеки на пріемы Бисмарка, озареннаго свѣжими лучами своего національнаго подвига, не могли снискать сочувствія тогдашней палаты. Министры обѣщали произвести разслѣдованіе, которое ни къ чему не привело.

Въ томъ же 1873 году былъ привлеченъ къ отвѣтственности редакторъ газеты „Volksstaat“ Мутъ за то, что въ газетной статьѣ обвинялъ почту въ кражѣ писемъ. Показанія свидѣтелей—между

которыми были Либкнехтъ и Бебель—выяснили, что случаи пропажи или явные слѣды посторонняго знакомства съ ихъ корреспонденціей были настолько часты, что легко могли привести обвиняемаго къ соотвѣтственному убѣжденію. Судъ оправдалъ Мута, и Либкнехтъ при случаѣ напомнилъ объ этомъ фонъ-Стефану. „Конечно,—говорилъ онъ въ рейхстагѣ, - я не обвиняю *почтовыхъ* чиновниковъ и не сомнѣваюсь въ томъ, что у насъ не существуетъ cabinet noir въ старомъ смыслѣ. Но, господа, я глубоко убѣжденъ, что къ письмамъ въ Германіи примѣняютъ совершенно тѣ же пріемы, что и во Франціи въ эпоху прошлаго царствованія... Я, конечно, не сравниваю „стефанизмъ“ съ „вандализмомъ“, но утверждаю, что нарушеніе почтовой тайны есть одинъ изъ элементовъ господствующей у насъ полицейской системы“... Фонъ-Стефанъ отвѣчалъ, что жалобы на предполагаемое вскрытіе частной корреспонденціи не прекращаются съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ почта. Каждая партія, расходящаяся съ настроеніемъ правительства, убѣждена, что ее преслѣдуютъ и избираютъ при этомъ столь противозаконный и преступный путь. Конверты получаются часто въ поврежденномъ видѣ, потому что сдѣланы изъ плохой бумаги; надо употреблять хорошіе конверты—и не писать въ письмахъ вещей, которыя могутъ привести васъ въ непріятное знакомство съ прокуроромъ. („*Да,—если письма крадутъ*“—замѣтилъ на это Либкнехтъ въ одной брошюрѣ). Почтдиректоръ увѣрялъ, что и въ архивахъ ввѣреннаго ему учрежденія онъ не нашелъ ничего, говорящаго о существованіи черныхъ кабинетовъ, и что честь нѣмецкихъ почтовыхъ чиновниковъ можетъ считаться незатронутой. Здѣсь онъ и употребилъ—ставшее крылатымъ—сравненіе письма въ рукахъ почты съ библіей на алтарѣ. Возражая, Либкнехтъ замѣтилъ, что напоминаніе о прокурорѣ не есть отвѣтъ. Bruler n'est pas répondre. Въ процессѣ Мута были представлены суду не только тонкіе, но и толстые конверты, которые... были взрѣзаны сбоку и затѣмъ очень ловко заклеены. Онъ напомнилъ генералъ-почтдиректору объ интерпелляціи Банкса и закончилъ указаніемъ на книжку Кенига (въ ея первомъ изданіи); въ отвѣтѣ министра онъ усмотрѣлъ однѣ „дешевыя остроты“, — за что былъ призванъ къ порядку.

Нѣмецкая печать, даже въ лицѣ своихъ либеральныхъ органовъ умѣвшая видѣть только заслуги Стефана, отмѣтила эти дебаты. Въ одной статьѣ, не сравнивая фонъ Стефана съ Вандалемъ, ему, однако, напомнили кой-что изъ исторіи почтоваго шпіонства—нѣмецкой и иной. Особенно интересно было здѣсь указаніе на аналогичныя препирательства въ англійскомъ парламентѣ, относившіяся не къ столь далекому прошлому. Дѣло было въ 1844 году. Англія, въ роли неизмѣнной защитницы политическихъ изгнанниковъ, была надежнымъ пріютомъ Мадзини

и другихъ эмигрантовъ. Но въ палатѣ общинъ было указано и доказано, что, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ лорда Грагама, письма Мадзини вскрывались и читались на почтѣ. Нельзя сказать, чтобы революціонеръ Мадзини пользовался бóльшими симпатіями консервативно настроеннаго населенія Англіи, чѣмъ соціалистъ Либкнехтъ у нѣмецкихъ бюргеровъ, для которыхъ тогда—болѣе четверти вѣка тому назадъ—соціализмъ означалъ чуть не всеобщую рѣзню. Но Мадзини былъ подъ охраной англійскаго права убѣжища и англійскихъ законовъ — и этого было достаточно; не даромъ въ старой Англіи чувство законности такъ тѣсно связано съ чувствомъ народной гордости. И общественная совѣсть единогласно заклеймила пріемы лорда Грагама; не смотря на его заслуги по проведенію „билля о реформѣ", имя его, взамѣнъ прежней извѣстности, пріобрѣло сомнительную популярность, обогативъ англійскій словарь новымъ глаголомъ—„грагамизировать"; и долго послѣ того на англійскихъ письмахъ можно было, кромѣ адреса, видѣть убійственную надпись: „Not to be grahamed!"—не шпіонить на почтѣ. Газета, напомнившая генералъ-почтмейстеру объ этомъ случаѣ, сообщала ему также кой-какія свѣдѣнія изъ исторіи нѣмецкой почты, которыхъ онъ не почерпнулъ — хотя могъ бы почерпнуть — въ архивахъ руководимаго имъ вѣдомства. Онъ утверждалъ, что въ связкѣ подъ заманчивымъ заглавіемъ „Нарушеніе почтовой тайны" онъ нашелъ всего два документа не высокой важности, а именно: во-первыхъ, приказъ Фридриха Великаго изъ эпохи Семилѣтней войны о томъ, чтобы померанскій почтмейстеръ слѣдилъ за корреспонденціей, такъ какъ въ странѣ много шведскихъ шпіоновъ, и во-вторыхъ, почтовый циркуляръ о томъ, что въ одномъ городкѣ нескромный почтовый чиновникъ узналъ и разгласилъ, кто въ городѣ выигралъ при тиражѣ лотерейныхъ билетовъ. Между тѣмъ, при желаніи возможно бы имѣть и другіе документы, даже уже напечатанные. Газета приводила одинъ такой документъ—оффиціальное письмо прусскаго канцлера Гарденберга къ начальнику кенигсбергской полиціи Штейну, относящееся къ 1811 году. „Среди мѣръ, примѣняемыхъ высшей полиціей, контроль писемъ есть несомнѣнно важнѣйшая, — гласитъ посланіе,—она даетъ наиболѣе надежные результаты, и примѣненіе ея не связано ни съ значительными расходами, ни съ опасностью легкой огласки, если при этомъ дѣйствуютъ съ нѣкоторой осторожностью и умѣніемъ. Она заслуживаетъ посему чрезвычайнаго вниманія. Не располагая достаточными свѣдѣніями, вошли ли ваше высокородіе въ какія-либо сношенія по этому предмету съ мѣстнымъ почтамтомъ, я имѣю честь предложить вашему вниманію способъ, принятый въ здѣшнихъ учрежденіяхъ. Здѣшній почтамтъ, получившій списокъ подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ съ приказомъ вскрывать и читать всѣ (напра-

вленныя къ нимъ и, если возможно, также исходящія отъ нихъ) письма, систематически сообщаетъ мнѣ въ почтовые дни перечень всѣхъ вскрытыхъ писемъ съ указаніемъ адреса, даты и имени отправителя, если оно обозначено, и краткимъ изложеніемъ содержанія. Письма, назначеніе коихъ не можетъ быть выяснено изъ содержанія или дѣйствительно внушаетъ подозрѣнія, сообщаются мнѣ, смотря по обстоятельствамъ, въ подлинникѣ или копіи. На почтѣ этимъ занимается особый чиновникъ, а въ главные почтовые дни командируется еще служащій отъ моей канцеляріи. Покорнѣйше прошу ваше высокородіе не замедлить отвѣтомъ, находите ли вы удобнымъ принять этотъ порядокъ въ цѣломъ или отчасти, если онъ отличается отъ примѣняемаго у васъ, и какимъ образомъ производился до сихъ поръ почтовый контроль у васъ". Этотъ любопытнѣйшій документъ былъ опубликованъ еще въ 1850 году въ журналѣ „Die Glocke", за что прусская почта отказалась принимать подписку на этотъ еженедѣльный журналъ и его пересылку; журналъ, конечно, погибъ. Министръ фонъ-Гейдтъ заявилъ, что газетная экспедиція есть право, а не обязанность королевской почты; остается добавить, что въ это время Пруссія переживала медовый мѣсяцъ—второй годъ— своей конституціи.

Такимъ образомъ отвѣтъ Стефана вызвалъ нѣкоторыя сомнѣнія. Особенно оригинальнымъ оказывалось сближеніе намековъ на библію и прокурора. Если письма на почтѣ—спрашивала одна газета—сохранны, какъ библія на алтарѣ, то что значитъ предостереженіе не писать въ нихъ вещей, которыя могутъ познакомить васъ съ прокуроромъ? Какъ они попадутъ въ руки прокурора? Если самъ директоръ почты считаетъ это возможнымъ, то какой смыслъ имѣютъ всѣ его увѣренія?

Послѣдующія событія показали, что прусская прокуратура стоитъ въ самомъ дѣлѣ ближе къ почтѣ, чѣмъ это могло быть одобрено почти всѣми партіями германскаго рейхстага безъ различія направленія.

Въ ноябрѣ 1876 года депутатъ Либкнехтъ внесъ въ рейхстагъ предложеніе „выдѣлить изъ состава депутатовъ коммиссію, которая занялась бы изслѣдованіемъ учащающихся жалобъ на нарушеніе почтовой тайны и, въ случаѣ, если бы таковыя оказались основательными, намѣтила бы средства къ устраненію зла". Предложеніе это даже не обсуждалось, такъ какъ не нашло достаточной поддержки.

V.

Между тѣмъ, около того же времени въ радикальномъ „Vorwärts" и клерикальномъ „Курьерѣ Познанскомъ" сообщено было слѣдующее циркулярное распоряженіе одного начальника почто-

ваго округа: „При семъ въ императорскій почтамтъ препровождается копія адреса, собственноручно надписаннаго кардиналомъ графомъ Ледоховскимъ на письмѣ на имя священника Бренка въ Пяскахъ, съ распоряженіемъ задерживать письма, написанныя рукою графа Ледоховскаго, и пересылать прокуратурѣ соотвѣтственнаго округа для дальнѣйшаго движенія, мнѣ же сообщать объ этомъ". Къ распоряженію было приложено факсимиле адреса на конвертѣ. При ближайшемъ удобномъ случаѣ клерикалы, выносившіе тогда если не одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ „культуркампфа", то чувствовавшіе его отголоски, заговорили объ этомъ въ рейхстагѣ. Генералъ-почтдиректору положеніе показалось сперва довольно простымъ. Онъ заявилъ, что самъ узналъ объ этомъ случаѣ изъ газетъ, что соотвѣтственное почтовое начальство дѣйствовало, разумѣется, не по своей инииціативѣ, что требованіе перехватывать письма кардинала графа Ледоховскаго вмѣстѣ съ его факсимиле было получено отъ прокуратуры, которая—онъ не имѣетъ обязанности, но можетъ это объяснить—дѣйствовала на точномъ основаніи такихъ-то дѣйствующихъ законовъ, и что начальникамъ почтовыхъ округовъ оставалось только по полученіи этого требованія, какъ находили и ихъ юрисконсульты,—привести его въ исполненіе. Не смотря на опредѣленность этихъ указаній, оппозиція имѣла всетаки дерзость настаивать на томъ, что здѣсь имѣло мѣсто совсѣмъ не точное исполненіе дѣйствующаго закона, но, наоборотъ, его прямое нарушеніе. Конечно, принципъ абсолютной неприкосновенности частныхъ писемъ терпитъ, согласно законамъ, нѣкоторыя исключенія, но на *почтѣ* лежитъ обязанность убѣдиться и доказать, что въ данномъ случаѣ такое исключеніе имѣло мѣсто. Конечно, почта дѣйствовала по требованію прокурора; но правильно-ли это требованіе, и что сдѣлала почта, чтобы убѣдиться въ томъ, что оно законно и подлежитъ исполненію?

„Пока предъ нами нѣтъ текста прокурорской реквизиціи—говорилъ своимъ своеобразнымъ, яснымъ и народнымъ языкомъ старый Виндгорстъ—я долженъ сказать: для меня еще весьма сомнительно, возможно-ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы прусскія должностныя лица могли предъявить столь всеобъемлющеее требованіе. Господа, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по нашимъ законамъ письмо можетъ быть иногда конфисковано на почтѣ, и я думаю, что когда ведется слѣдствіе по поводу опредѣленнаго преступленія и имѣется въ виду опредѣленное письмо, судъ и, быть можетъ, даже прокуроръ во время предварительнаго слѣдствія можетъ потребовать, чтобы это *опредѣленное* письмо было ему доставлено; но сказать вообще: вотъ почеркъ какого-то человѣка, перехватывайте всѣ письма, исходящія отъ него,—это уже переходитъ всякія границы! (*Вѣрно, вѣрно*!). И требованіе прокурора представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ случаевъ, по поводу кото-

рыхъ я ужъ сказалъ: уголовное правосудіе въ Пруссіи употребляется для политическихъ цѣлей!“ Виндгорстъ заявилъ, что и самъ неоднократно получалъ вскрытыя письма и слышалъ аналогичныя жалобы. Онъ говорилъ объ этомъ съ почтовымъ начальствомъ, которое охотно изслѣдовало всѣ эти случаи и всегда говорило при этомъ: „да какъ вы можете думать, что конвертъ поврежденъ преднамѣренно; вѣдь при сложности дѣла, при быстротѣ, съ которой проходятъ письма черезъ почту, совершенно немыслимо контролировать корреспонденцію частнаго лица“.— „Однако, господа, данный случай показываетъ, что это возможно и что это дѣлается... Пусть всякій, кто пишетъ письма, имѣетъ это въ виду“. Затѣмъ ораторъ обращалъ вниманіе генералъ-почтмейстера на то, что тайная полиція —какъ это показываетъ исторія „тайныхъ кабинетовъ“—часто обходится безъ обращенія къ высшему почтовому начальству, у котораго встрѣтила бы отпоръ, но просто входитъ въ сношенія съ почтовой мелкотой. Ораторъ не сомнѣвается въ томъ, что нынѣшній генералъ-почтмейстеръ неукоснительно удалитъ всякаго служащаго, уличеннаго въ чемъ-либо подобномъ. Но такъ какъ теперь можно считать доказаннымъ, что перехватывать письма возможно, то онъ и проситъ генералъ-почтмейстера обратить особенное вниманіе, чтобы тайная полиція не дѣлала на почтѣ того, что дѣлала когда-то,— давно! (*Въ залѣ смѣхъ*).

Другіе ораторы поддерживали или развивали самостоятельно точку зрѣнія, намѣченную выше: почта есть хранительница почтовой тайны не только отъ противозаконнаго любопытства частныхъ лицъ, но и отъ неумѣстнаго посягательства *учрежденій*. Генералъ-почтмейстеръ утверждалъ, что, стоя на почвѣ дѣйствующаго законодательства, оппозиція не можетъ сдѣлать упрека почтѣ: она разсуждаетъ не *de lege lata*, но *de lege ferenda*. Наоборотъ, оппозиція указывала, что для этого не нуженъ новый законъ: пока палата не имѣетъ предъ собою требованія прокурора, она въ правѣ полагать, что почта нарушила законъ, не явившись въ достаточной мѣрѣ хранительницей тѣхъ интересовъ, которые ей были довѣрены. „Господа, - говорилъ депутатъ Шредеръ,—разъ навсегда намъ обѣщана и основнымъ закономъ гарантирована неприкосновенность переписки. Подобно стражу съ огненнымъ мечомъ стоитъ почта хранительницей этого нашего права: она, а не кто другой, должна оберегать его. Этого, конечно, не будетъ отрицать г. генералъ-почтмейстеръ. Опасности это право подвергается, главнымъ образомъ, со стороны прокуратуры и полиціи,—съ чьей же еще? Итакъ вопросъ, вполнѣ умѣстный въ данный моментъ—при обсужденіи почтоваго бюджета— долженъ быть поставленъ такъ: „являясь по основному закону хранителемъ *тайны* частной корреспонденціи, не поступило-ли почтовое начальство въ Бромбергѣ легкомысленно, уступивъ тре-

бованію прокуратуры, которое, согласно смыслу этого основного закона, было очевидно недостаточно обосновано?"

При третьемъ чтеніи почтоваго бюджета вопросъ о перепискѣ кардинала Ледоховскаго былъ поднятъ снова. Въ промежуткѣ обсуждался бюджетъ министерства юстиціи, представитель котораго далъ нѣкоторыя объясненія по этому случаю. Почта дѣйствовала по требованію прокуратуры; но послѣдняя, какъ оказывается, имѣла въ виду не конфискацію, а нѣкоторое „подготовительное дѣйствіе" къ ней: требовались не самыя письма, подлежащія конфискаціи, но лишь свѣдѣнія, существуютъ ли таковыя въ почтовомъ оборотѣ. Виндгорстъ оцѣнилъ по достоинству этотъ оригинальный пріемъ: „это дѣлаетъ почту органомъ тайной полиціи",—сказалъ онъ. Онъ вновь настаивалъ на томъ, что требованіе, поставленное въ столь многообъемлющей формѣ, должно было быть отвергнуто почтой, какъ требованіе незаконное. „Господинъ правительственный коммиссаръ говорилъ здѣсь, что при такомъ толкованіи закона о неприкосновенности переписки прокуратурѣ очень трудно будетъ открыть письма дѣйствительно преступнаго содержанія. Очень можетъ быть. Но всетаки законы не даютъ ни прокуратурѣ, ни даже судамъ carte blanche въ любое мгновеніе вторгаться въ переписку частнаго лица или даже цѣлой группы лицъ". Ораторъ требовалъ отъ генералъ-почтмейстера всетаки предъявленія прокурорскаго требованія, но на этотъ разъ фонъ-Стефанъ, снова изложивъ это требованіе въ общихъ чертахъ, заявилъ, что опубликованіе этого акта, относящагося къ слѣдствію, которое еще не закончено, было бы противозаконно. Это заявленіе, конечно, никого не удовлетворило, и депутаты центра настаивали на томъ, что въ этомъ упорномъ нежеланіи представить оправдательные документы, на которые почта ссылается столь охотно, есть нѣчто подозрительное. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Либкнехтъ перенесъ вопросъ на болѣе общую почву и, возобновивъ свое предложеніе о парламентскомъ разслѣдованіи, постарался обосновать его разнообразными фактами. Прежде всего онъ напомнилъ рейхстагу объ одномъ случаѣ, непосредственно связанномъ съ дѣломъ о письмѣ кардинала Ледоховскаго. Желая добиться, кто выдалъ прессѣ конфиденціальное распоряженіе бромбергскаго почтдиректора, прокуратура потребовала отъ редакціи *Курьера Познаньскаго*, одной изъ газетъ, гдѣ распоряженіе это было напечатано, сообщенія имени виновника. Послѣ естественнаго отказа редакторъ *Курьера* Кантецкій былъ посаженъ въ тюрьму. Между тѣмъ отказъ его былъ еще болѣе естественъ, чѣмъ можно было ожидать: документъ былъ впервые напечатанъ въ „Vorwärts", и Кантецкій, какъ полагалъ Либкнехтъ, не зналъ имени преступнаго почтаря. „И я, напечатавшій документъ впервые—говорилъ Либкнехтъ—тоже его не знаю; знаю только, что онъ—почтовый чиновникъ. И гос-

подинъ генералъ-почтмейстеръ тоже его никогда не узнаетъ— объ этомъ позаботились. Но если у кого-нибудь хотятъ вынудить имя виновнаго тюрьмой, то это надо продѣлать со мною, а не съ тѣмъ, кого посадили". Затѣмъ Либкнехтъ сообщилъ нѣсколько новыхъ фактовъ. Предварительно, однако, онъ счелъ нужнымъ оправдаться отъ нѣкоторыхъ обвиненій въ томъ, что онъ оскорбляетъ почту. „Трудно представить себѣ болѣе неосновательное обвиненіе,—сказалъ онъ:—и я, и мои товарищи ни къ какому государственному учрежденію не питаемъ большаго уваженія, чѣмъ именно къ почтѣ. Я долженъ заявить, что, независимо отъ политическихъ и всякихъ иныхъ неумѣстныхъ вліяній, почта, по моему глубокому убѣжденію, представляетъ собою образцовое учрежденіе. Что касается почтовыхъ чиновниковъ, то каждый изъ насъ—а я въ особенности—имѣемъ самое высокое мнѣніе объ исполнительности, самоотверженномъ трудолюбіи и дѣятельности этихъ чиновниковъ, и я желалъ бы только, чтобы господинъ генералъ-почтмейстеръ относился къ служащимъ на почтѣ такъ же хорошо, какъ мы, соціалъ-демократы, вступающіеся за нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, настаивая на повышеніи ихъ окладовъ, уменьшеніи труда и т. п."

Центръ тяжести рѣчи Либкнехта лежалъ въ тѣхъ фактахъ, которыми онъ поддерживалъ свое предложеніе. Жалобы публики на нарушеніе почтовой тайны, указанныя имъ, весьма разнообразны и многочисленны. Онѣ исходятъ отъ лицъ, достойныхъ довѣрія, и коммиссія, проектируемая имъ, получитъ отъ нихъ всѣ необходимыя данныя. Но любопытнѣе всего въ его рѣчи одна историческая справка. „18 мая 1851 года—началъ Либкнехтъ,— одно высокопоставленное лицо писало въ частномъ письмѣ (*въ залѣ большое безпокойство*)... да слушайте дальше... писало слѣдующее: „Многаго не могу тебѣ сообщить, такъ-какъ большую часть писемъ вскрываютъ". Господа, письмо это написано господиномъ нынѣшнимъ имперскимъ канцлеромъ (Бисмаркомъ) и обращено къ его женѣ. Вы, пожалуй, можете мнѣ сказать: съ тѣхъ поръ прошло двадцать пять лѣтъ, нѣмецкій союзъ не существуетъ, тогдашній представитель Пруссіи въ союзномъ совѣтѣ сталъ нынѣ канцлеромъ Германской имперіи. О, я убѣжденъ, что *его* писемъ уже не вскрываютъ, какъ тогда. Но господа, тѣ самыя лица, которыя занимались тогда чтеніемъ чужихъ писемъ, не только живы, но состоятъ при должностяхъ и почестяхъ: господинъ Штиберъ (директоръ тайной полиціи) царитъ въ Германіи! И потому тѣ, которые въ 1851 году вскрывали письма прусскаго уполномоченнаго, имѣютъ теперь возможность искупить свою вину, вскрывая письма его противниковъ".

Предложеніе Либкнехта не нашло опять поддержки даже для обсужденія. Генералъ - почтмейстеръ въ отвѣтѣ опять указывалъ на разнообразныя несчастныя случайности, которыя дѣй-

ствительно при сложности современнаго почтоваго дѣла неизбѣжны и многочисленны,—однако, едва ли объясняютъ всѣ случаи пропажи и распечатыванія писемъ. „Мнѣ самому,—сказалъ фонъ-Стефанъ—,было недавно переслано редакціей „Газеты сапожниковъ“ письмо изъ Бельгіи съ адресомъ „Direction générale des postes“ и замѣчаніемъ редакціи, что на почтѣ адресъ былъ прочитанъ: „Direction générale des bottes“, письмо доставлено редакціи, которая его открыла, потому что слово *редакція* по-французски—*direction*. Ну, не повѣрите же вы, что и мои письма вскрываютъ на почтѣ“. Разсказъ этотъ, конечно, разсмѣшилъ палату, но едва ли показался всѣмъ убѣдительнымъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ затѣмъ ей пришлось выслушать сообщеніе иного свойства: депутатъ Шорлемеръ-Альстъ (центръ), возражая фонъ-Стефану, напомнилъ о результатахъ дознанія, произведеннаго по поводу того, что одно письмо было доставлено ему распечатаннымъ. Дознаніе, въ сущности, не выяснило ничего, такъ какъ допрошенные чиновники утверждали, что это случайность. Этотъ отвѣтъ можно было предвидѣть и ранѣе дознанія. Но при этомъ дознаніи одинъ мелкій служащій показалъ, что слышалъ, какъ два почтовыхъ чиновника говорили, что имъ поручено слѣдить за перепиской депутата Шорлемеръ-Альста. Весьма вѣроятно, что они получили это деликатное порученіе не отъ почтоваго начальства, а отъ сторонняго вѣдомства; но любопытно то, что чиновникъ, разсказавшій это на дознаніи, былъ уволенъ черезъ нѣсколько дней послѣ этого...

Между тѣмъ, судьба редактора Кантецкаго, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, вызвала интерпелляціи въ прусской палатѣ депутатовъ и рейхстагѣ. Либкнехтъ энергично нападалъ на администраторовъ, пытающихся тюрьмою довести дѣятеля печати до нарушенія долга чести. „Господинъ Стефанъ говоритъ, что дѣйствовалъ только по чувству долга,—сказалъ Либкнехтъ,—вѣрю ему на слово. Но пусть онъ заглянетъ въ „Исторію цивилизаціи Англіи“ Бокля: онъ увидитъ, что величайшія преступленія совершались изъ чувства предполагаемаго, мнимаго долга. Судьи инквизиціи были людьми съ глубочайшимъ сознаніемъ долга, а господину генералъ-почтмейстеру, конечно, извѣстно, какой приговоръ вынесла всемірная исторія этимъ ограниченнымъ фанатикамъ съ чувствомъ долга. И данный случай абсолютно ничѣмъ не отличается отъ инквизиціонныхъ процессовъ, а если и отличается, то развѣ къ своей невыгодѣ. Чего добиваются отъ Кантецкаго? Безчестнаго поступка въ буквальномъ смыслѣ. Одно изъ двухъ: или опубликованный документъ былъ доставленъ ему, какъ полагаетъ д-ръ Стефанъ, почтовымъ чиновникамъ, и тогда д-ръ Кантецкій, какъ честный человѣкъ, обязанъ хранить его имя въ тайнѣ, или это былъ не почтовый чиновникъ—тогда слѣдствіе безсмысленно..: Сидящіе здѣсь журналисты должны признать, что редакторъ,

который при подобныхъ обстоятельствахъ откроетъ имя своего корреспондента—подлецъ, и, если власти открыто считаютъ человѣка способнымъ на такую подлость, то я для этого не нахожу въ парламентарномъ словарѣ подходящаго выраженія. Предоставляю найти его каждому, еще не лишенному чувства чести".

Кантецкій остался въ тюрьмѣ.

VI.

При ближайшемъ обсужденіи почтоваго бюджета Либкнехтъ опять представилъ рейхстагу рядъ любопытныхъ фактовъ. Онъ разсказывалъ уже, какъ въ Лейпцигѣ при обыскѣ у одного полицейскаго въ его столѣ нашли пачку чужихъ писемъ, распечатанныхъ и не распечатанныхъ. Теперь оффиціальный органъ объяснилъ это: адреса на письмахъ были написаны настолько неразборчиво, что пришлось искать адресатовъ черезъ полицію, „Ну, господа,—покорно благодарю за такую заботливость,—сказалъ ораторъ. Что адресата разыскиваютъ при посредствѣ полиціи, это совершенно правильно; но передавать для этой цѣли письма безъ всякой гарантіи сохранности прямо въ руки полиціи, въ руки людей, не имѣющихъ никакого отношенія къ почтѣ, господа, это просто значитъ возстановить черный кабинетъ". Въ другомъ случаѣ, въ разгарѣ культуркампфа, прокуроръ, будучи въ поѣздѣ, вошелъ въ почтовый вагонъ и тамъ конфисковалъ и распечаталъ одно письмо. „Имперскій Указатель" подтвердилъ, что случай этотъ, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто, но что прокуроръ поступилъ „совершенно законно". „Но я спрашиваю,—если это „совершенно законно", то чего стоитъ вся почтовая тайна въ Германіи?" Другіе факты, въ свое время сообщенные Либкнехтомъ, оффиціальная газета пыталась объяснить случайностью. „Но, господа,—отвѣчалъ ораторъ,—это слишкомъ легкое объясненіе. Если я сообщаю подобные факты рейхстагу, то, разумѣется, я беру только тѣ, въ которыхъ *prima facie* невозможно думать, что письма пропали или раскрыты случайно. Я разслѣдовалъ каждый фактъ, сообщенный мною, въ противномъ случаѣ я могъ бы представить тысячи фактовъ". Изъ новыхъ свѣдѣній, указанныхъ Либкнехтомъ, лучше всего объявленіе, открыто напечатанное за мѣсяцъ до его рѣчи въ одной кенигсберской газетѣ; оно гласитъ: „Здѣшняя прокуратура конфискуетъ письма, полученныя въ мѣстномъ почтамтѣ на мое имя. Прокуроръ Гехтъ получаетъ ихъ, распечатываетъ и, прочитавъ, пересылаетъ мнѣ—подъ печатью королевской прокуратуры. Онъ принялъ эту мѣру въ качествѣ публичнаго обвинителя въ политическомъ процессѣ, въ которомъ я былъ въ первой инстанціи 15 марта сего года оправданъ, а прокуратура аппеллировала къ высшей инстанціи. Извѣщаю объ этомъ всѣхъ,

состоящихъ со мною въ перепискѣ. Кенигсбергъ, 22 марта 1877 г. Германъ Арнольдъ".—„Господа,—говорилъ Либкнехтъ,—конечно, въ этомъ случаѣ нельзя непосредственно обвинять почту, но какъ можно говорить о священной неприкосновенности переписки, когда прокуроръ, безъ всякой гарантіи противъ злоупотребленія, можетъ *въ отсутствіи адресата* читать письма, которыхъ тотъ еще не видѣлъ, и затѣмъ уже доставлять ихъ ему. Это скандальные порядки и они должны быть устранены, если рейхстагъ не считаетъ ниже своего достоинства заниматься такими дѣлами... И если словечко о неоприкосновенности писемъ,—закончилъ Либкнехтъ,—которыя будто бы „священны какъ библія на алтарѣ" постигнетъ скоро та же судьба, что постигла другое изреченіе „Il y a des juges à Berlin!"—то это въ значительной степени—весьма сомнительная—заслуга господина генералъ-почтмейстера!"

Черезъ два года Либкнехтъ вновь вынужденъ былъ потревожить имперскій сеймъ тѣмъ же предметомъ, такъ какъ въ пылу борьбы съ соціалъ-демократами фонъ-Стефанъ пожелалъ узаконить въ порядкѣ управленія мѣры, которыя едва ли могли быть признаны законными. Опираясь на ограничительные законы, принятые рейхстагомъ, онъ издалъ распоряженіе, коимъ приказывалъ почтовымъ чиновникамъ просматривать открытые пакеты и въ случаѣ, если въ нихъ найдены будутъ значащіяся въ приложенномъ спискѣ изданія, передавать таковыя не получателямъ, а полиціи. Ораторъ обращалъ вниманіе собранія на то, что въ распоряженіи говорится не только о бандероляхъ, но и объ открытыхъ конвертахъ, въ которые, по его мнѣнію, чиновникамъ заглядывать во всякомъ случаѣ не годится. „Правда, въ распоряженіи говорится, что для передачи пакета въ руки полиціи необходимо, чтобы запретное содержаніе его было несомнѣнно по внѣшнему виду—но *errare humanum est*. Какъ возможно установить критерій этой несомнѣнности?"

И указавъ рядъ конфискацій писемъ и денегъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ преступными цѣлями, ораторъ не могъ признать ихъ противорѣчащими извѣстному толкованію новаго закона; но толкованіе это было незаконно-распространительное и, конечно, не имѣлось въ виду всѣми, кто голосовалъ за новый законъ „Господинъ Крекеръ—одинъ изъ потерпѣвшихъ—просилъ меня, если я представлю этотъ случай рейхстагу, спросить господъ либеральныхъ помощниковъ и соучастниковъ въ дѣлѣ созданія новаго закона, желали ли они такихъ послѣдствій закона противъ соціалистовъ? Конечно, нѣтъ, но это необходимыя слѣдствія. Тайны корреспонденціи для насъ не существуетъ—и это прямой выводъ изъ новаго закона; а разъ ея нѣтъ для насъ — нѣтъ ея и для другихъ. Солидарность неустранима: поставьте сегодня одну группу внѣ закона, завтра всѣ будутъ жертвой произвола. Господинъ Ласкеръ надѣется, быть мо-

жетъ, на большинство; оно не вѣчно—и онъ и его товарищи будутъ такъ же объявлены внѣ закона, какъ и мы". Новый рядъ случаевъ, приведенныхъ Либкнехтомъ, показалъ, что почта оффиціально—подъ предлогомъ „несомнѣннаго подозрѣнія"—вскрываетъ задѣланныя посылки, принадлежащія лицамъ, не привлеченнымъ ни къ слѣдствію, ни къ дознанію,—при чемъ, стало быть, о распоряженіи судебныхъ властей не могло быть рѣчи. Она вскрываетъ ихъ наугадъ—иногда она находитъ что нибудь, иногда ничего. „О насъ, соціалъ-демократахъ, говорятъ, что мы не патріоты, что мы стараемся унизить наше отечество въ глазахъ иностранцевъ. Господа, одна телеграмма о распечатываніи писемъ—вродѣ той, которая была на дняхъ напечатана въ „Таймсъ" и которая, очевидно, вполнѣ достовѣрна,—и многочисленныя жалобы въ англійскихъ и иныхъ газетахъ на то, что въ Германіи вскрываютъ письма,—все это приноситъ нашему отечеству заграницей такой нравственный вредъ, что его не возмѣстятъ воспоминанія о славѣ и подвигахъ 1870 года". Призывомъ смыть это позорное пятно съ національнаго герба закончилъ ораторъ свою горячую рѣчь, на которую большинство рейхстага отвѣтило свистомъ. Фонъ-Стефанъ назвалъ рѣчь Либкнехта лишенной значенія. Почта дѣйствуетъ законно; если она будетъ пересылать запрещенныя газеты, она должна быть привлечена къ суду, какъ ихъ распространительница. Писемъ вродѣ прочитанныхъ депутатомъ Либкнехтомъ можно имѣть сколько угодно; конечно, самъ депутатъ не можетъ поручиться, вѣрно ли то, что въ нихъ сказано (Либкнехтъ: *Я ручаюсь!*). Если почтовые чиновники поступаютъ неправильно, на нихъ надо жаловаться начальнику округа, затѣмъ управленію почтъ, затѣмъ генералъ-почтмейстеру; лишь въ такомъ случаѣ эти вещи могутъ считаться достаточно зрѣлыми для рейхстага. „Въ противномъ случаѣ я могу только вспомнить изреченіе: *Calumniare audacter, semper aliquid haeret*: клевещи смѣло, что нибудь всегда останется!" Заканчивая этой по истинѣ клеветнической грубостью, ораторъ, обозленный горькой правдой, очевидно, думалъ, что, въ качествѣ послѣдняго слова, она сойдетъ ему безнаказанно. Но президентъ собранія поднялъ голосъ: „Я долженъ считать, что послѣднія слова не относятся къ тому, что имѣло мѣсто въ собраніи; ибо въ противномъ случаѣ я не могъ бы оставить ихъ безъ замѣчанія". Это было замѣчаніе въ неумѣстно мягкой формѣ; оно не могло удовлетворить оскорбленнаго Либкнехта, который въ заключительномъ словѣ назвалъ слова фонъ-Стафана просто безобразіемъ,—за что былъ призванъ къ порядку. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ это было возможно.

Рѣчь Ласкера была двойственна. Обиженный справедливымъ укоромъ Либкнехта, онъ не то что оправдывалъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ находилъ дѣйствія почты законными, въ иныхъ случаяхъ онъ призналъ почтовую тайну недостаточно охраняемой

и, хотя въ общемъ преклонился предъ безукоризненностью начальства, однако, почтительно просилъ его разслѣдовать указанные факты. Энергичнѣе была поддержка, полученная Либкнехтомъ отъ стараго Виндгорста. Онъ требовалъ разслѣдованія, указалъ на полную незаконность внѣсудебной конфискаціи бандеролей и особенно денегъ; наконецъ, онъ призналъ, что распоряженіе генералъ-почтмейстера подлежитъ отмѣнѣ. Ибо оно ставитъ почту въ положеніе, для нея непристойное,—въ положеніе полиціи, идетъ въ развитіи и истолкованіи закона слишкомъ далеко и заключаетъ въ себѣ опасное „и такъ далѣе". Запечатанныя отправленія должны быть во всякомъ случаѣ неприкосновенны, и всякое перехватываніе писемъ со стороны почты лишь на основаніи адреса получателя не можетъ имѣть мѣста: ибо тогда никто не можетъ считать свои письма въ безопасности...

Число писемъ растетъ; слѣдить за ними трудно. Нельзя, конечно, сказать, что Шпекины уже окончательно ушли въ исторію. Но часъ ихъ пробилъ. Сама жизнь, совершенно независимо отъ свободомыслія того или иного начальства, возлагаетъ на почту отвѣтственность за сохранность частной переписки. Съ ней связывается такое громадное количество важнѣйшихъ частныхъ и общественныхъ интересовъ, что самая устойчивость общественнаго строя находится въ зависимости отъ ея сохранности. Злоупотребленія, легальныя, обычныя и беззаконныя, возможны и теперь. Но растетъ чувство личности, растетъ естественный отпоръ ея противъ всякаго нарушенія своихъ правъ.

А. Г.

МЫТАРСТВА.

(Очерки московскаго работнаго дома).

Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!..

XVII.

Подошло время обѣда. Служащіе въ столовой молодцы, отвратительно ругаясь и толкая людей, начали разставлять по столамъ солонки... застучали большущими ложками и такими же чашками...

— За хлѣбомъ!.. маршъ за хлѣбомъ,—заоралъ одинъ изъ нихъ,—живо!.. не отставать... не задерживать...

Толпа хлынула изъ столовой, давя въ дверяхъ другъ друга, на дворъ и построилась тамъ по череду одинъ за другимъ длинной вьющейся лентой...

Это дѣлалось потому, что хлѣбъ и „воробьевъ" (такъ называли здѣсь небольшіе кусочки мяса) выдавали у дверей столовой, но только съ другой, противоположной стороны ея... Получившіе хлѣбъ входили въ двери и прямо садились за столы, начиная по порядку съ конца... Благодаря такому порядку, всѣ размѣщались безъ давки и шума...

Но прежде, чѣмъ попасть въ столовую, приходилось долго ждать на морозѣ... Тѣмъ, которые попали въ „чередъ" первыми, еще ничего... но, представьте себѣ положеніе тѣхъ, которые стоятъ и ждутъ въ самомъ концѣ этой живой человѣческой ленты, состоящей человѣкъ изъ трехсотъ, а то и больше. Скоро ли дойдетъ „чередъ" до нихъ... да и дойдетъ-ли?..

Случается такъ: ждутъ, ждутъ, подвигаются, подвигаются черепашьимъ шагомъ къ вожделѣнному крыльцу, на которомъ одѣляютъ каждаго „пайкой" хлѣба и кусочкомъ мяса (дѣйствительно, похожимъ на общипаннаго воробья), какъ вдругъ, у самой цѣли этого ожиданія,—„стой!.. поворачивай назадъ... мѣстовъ больше нѣтъ... всѣ столы заняты"... Жди, пока ото-

бѣдаетъ эта партія и начнетъ обѣдать другая такая же, если еще не больше...

Если бы я былъ художникъ, я бы нарисовалъ эту живую ленту людей, ожидающихъ обѣда... Я бы нарисовалъ эти изнуренныя, голодныя, злыя лица, эти разношерстные, рваные костюмы... скорчившіяся фигуры... грязный обледенѣлый дворъ и освѣтилъ бы все это яркими веселыми лучами солнца... И тогда, я думаю, у зрителя явился бы вопросъ: что это такое?.. люди-ли это, или какія-то ободранныя, загнанныя, затрепанныя собаки, дожидающіяся, когда имъ выкинутъ кость...

Я стоялъ на „череду" позади небольшого согнувшагося старичка... Лицо у него было худое, желтое, нездоровое... удивительно злые глаза глядѣли исподлобья... онъ водилъ ими какъ затравленный волкъ, быстро переводя съ предмета на предметъ... и, очевидно, съ голоду, злился на все и на всѣхъ, произнося безпрестанно отвратительныя ругательства...

— Ты чего, старый песъ, лаешься?—сказалъ ему стоявшій впереди молоденькій, съ отчаянно удалымъ лицомъ парнишка, вѣроятно, попавшій сюда съ Хивы и прошедшій огонь и воду.—Дамъ вотъ въ зубы разà—замолчишь...

Старичокъ такъ весь и затрясся отъ злобы.

— А ну-ка, дай!.. а ну-ка, дай!.. дай! ты думаешь, ты одинъ жрать то хочешь?.. анъ нѣтъ... здѣсь, братъ, не на Хивѣ... здѣсь васъ взнуздаютъ...

— А, старый песъ, еще разговаривать! — крикнулъ парнишка и, какъ-то неожиданно ловко подставя ногу, толкнулъ его въ спину такъ, что тотъ полетѣлъ кубаремъ изъ „череды" прямо на ледъ.—Вотъ тебѣ взнуздаютъ! ха-ха-ха, взнуздалъ! мало, еще дамъ!..

Старичокъ вскочилъ на ноги и, какъ то пронзительно завизжавъ, точно собака, которой мальчишки зажали хвостъ, бросился было на то мѣсто, откуда его вытолкнули, но его туда уже не пустили...

— Куда, старый чортъ... ишь ты... впередъ отца въ петлю лѣзетъ... осади назадъ!..

— Мой чередъ!.. мой чередъ!—визжалъ старикъ, толкаясь, но видя, что встать ему на прежнее мѣсто не придется, что надъ нимъ всѣ только потѣшаются, онъ вдругъ пронзительно-отчаянно заплакалъ или, вѣрнѣе, завылъ и побѣжалъ, жалко скорчившись, утирая рукавомъ полушубка глаза, въ самый конецъ „череды"...

— Го, го, го!.. ха, ха, ха!..—неслось ему вслѣдъ...

Получивъ на крыльцѣ „пайку" хлѣба и „воробья", я вслѣдъ за другими прошелъ въ столовую и, идя по порядку, попалъ за столъ...

На столѣ уже стояли и дымились чашки со щами—каждая на восемь человѣкъ—и лежали ложки, похожія скорѣе на деревенскія чумички. Ѣсть не начинали, дожидаясь, когда соберется полный комплектъ, т. е. когда будутъ заняты всѣ столы... Наконецъ, всѣ столы наполнились...

— На молитву!—закричалъ служащій.

Люди встали и пропѣли „Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ". Не успѣли еще окончить послѣдняго слова, какъ ложки съ изумительной быстротой опустились въ чашки, захватывая тамъ мутную воду съ запахомъ капусты... Люди торопливо глотали, давились, чавкали съ такимъ азартомъ и жадностью, что если бы сытый человѣкъ посмотрѣлъ на это со стороны, то пришелъ бы въ ужасъ...

Въ одинъ мигъ чашки опорожнились!.. Послали за прибавкой... Такъ же быстро уничтожили и прибавку... Не много погодя подали гречневую кашу въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что ее едва хватило бы поѣсть до сыта двоимъ... Ее уничтожили въ одинъ мигъ такъ, что я едва успѣлъ зачерпнуть и проглотить одну ложку...

Едва успѣли, а нѣкоторые еще и не успѣли, доѣсть кашу, какъ насъ всѣхъ „погнали" изъ-за столовъ вонъ, въ другія двери, чтобы очистить мѣсто „второму столу"...

Въ дверяхъ меня кто-то хлопнулъ по плечу.

Я оглянулся и увидѣлъ... дворянина. Лицо у него было веселое, улыбающееся... глаза сіяли...

— Знаете что!—закричалъ онъ, оттаскивая меня въ уголъ сѣней,—а вѣдь фортуна-то хочетъ повернуть ко мнѣ свое капризное личико...

— Какъ такъ?

— А такъ... очень просто... дѣло то вотъ какое оказывается... Въ конторѣ я разнюхалъ, что прогнали двухъ писарей... тутъ мнѣ одинъ человѣчекъ сообщилъ... ну, я, конечно, не будь дуракъ, прямо туда... прямо, понимаете, къ самому начальнику... къ Зевсу!.. Такъ и такъ, говорю... работать не способенъ... это разъ, а во-вторыхъ—дворянинъ, привилегированное лицо—два; ну, и, конечно, обратите вниманіе и т. д и т. д.

— Ну и что-же?

— Велѣлъ приходить завтра заниматься...а,что?ловко вѣдь?!

— Слава Богу.

— Только жалованье, понимаете, б-рррры!..

— Сколько?

— А вы никому не скажете?

— Нѣтъ...

— Три копѣйки въ день!—воскликнулъ онъ, какъ трагическій актеръ.—А?.. хорошо!.. Вы вникните: три копѣйки!..

— Ну что-жъ и то ладно...: поживете, прибавятъ... Харчи готовые...

— Да вѣдь надо жить здѣсь три года, чтобы скопить на приличный костюмъ!.. Харчи, вы говорите... Чортъ ихъ возьми съ ихними харчами! я не знаю, обѣдалъ я, напримѣръ, сейчасъ или нѣтъ? Впрочемъ, навѣрно писарей лучше кормятъ... какъ вы думаете?..

— Не знаю.

— А что это за чортъ съ вами вчера рядомъ спалъ? Что онъ—бѣшеный, что-ли, или декадентъ какой? Лицо такое идіотское!..

— Богъ его знаетъ!

— Дуракъ, очевидно... Покурить не раздобылись?

— Гдѣ-же?..

— Плохо!.. Знаете что—я пойду въ контору, попрошу тамъ у кого-нибудь изъ писарей табачку въ счетъ будущихъ благъ...

Онъ ушелъ... Я вышелъ на крыльцо и, облокотившись на перила лѣстницы, сталъ глядѣть на „чередъ" идущихъ съ другого крыльца въ столовую обѣдать.

Два какихъ-то субъекта, одинъ пожилой, корявый, съ огромнымъ краснымъ носомъ и толстыми губами, другой—молодой, худой и длинный съ наглыми на выкатѣ глазами и съ какой-то странной, точно выщипанной бороденкой, ростущей не такъ, какъ у людей, а какъ то чудно, какими-то рыжевато-бурыми клочьями тамъ и сямъ,—стояли на нижнихъ ступенькахъ лѣстницы и разговаривали... Говорилъ собственно одинъ молодой, а пожилой только поддакивалъ да смѣялся... Отъ нечего дѣлать я сталъ слушать...

— Спрашиваетъ она у меня,—говорилъ молодой, продолжая раньше начатый разговоръ, котораго я не слыхалъ.— „Гдѣ же вы живете?" Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту, — говорю ей,—сударыня-съ... „Какъ же такъ?" Да такъ-съ... У меня домовъ, какъ у зайца ломовъ... „Ахъ, бѣдный, бѣдный!.. тяжело вамъ, я думаю"? Что-жъ дѣлать, сударыня-съ, Господь терпѣть велѣлъ... „Ну, а чѣмъ же вы занимаетесь"?.. Выхожу одинъ я на дорогу, сударыня-съ...

— Го, го!—заржалъ пожилой,—это ты ловко... ну?..

— Ну и того... тары бары, на двѣ пары... то се, пято десято... вижу, барыня дура... Сударыня, говорю, явите Божескую милость, не дайте душѣ хресьянской замерзнуть, позвольте ночевать?.. А паспорта у меня, понимаешь, нѣтъ... Думаю: ну, какъ спроситъ? нѣтъ, не спросила... „Ночуйте, ночуйте, голубчикъ", говоритъ... И все, понимаешь, на „вы" со мной... потѣха!..

— Го, го, го!—опять заржалъ пожилой,—вотъ такъ вы!.. вы!.. ахъ что-бъ тебя!..

— Ладно... Положили меня въ людской... вижу, народу нѣтъ никого... одинъ кучеръ, да и тотъ пьяный спитъ безъ заднихъ ногъ... Масляница, народъ, извѣстно, гуляетъ... Ладно... ночью я, не будь дуракъ, снялъ съ себя одѣяніе свое стрѣлецкое, нарядился въ кучеровъ пиджакъ... валенки съ печки снялъ, полушубокъ... айда!.. наше вамъ почтеніе!.. Живо до города десять верстъ отмахалъ!.. у сычихи ночевалъ... утромъ съ Володькой борзымъ все и пропили...

— Ловко!.. ха, ха, ха! Вотъ чай барыня то?.. „голубчикъ, голубчикъ... вы"... вотъ те „вы"... Го, го, го!..

XVIII.

Когда всѣ отобѣдали, я опять вошелъ въ столовую и хотя съ трудомъ, но всетаки разыскалъ себѣ мѣстечко въ углу на кончикѣ скамьи за однимъ изъ столовъ, твердо рѣшивъ не сходить съ него до вечера.

Облокотившись на столъ, я задумался, глядя на шумѣвшую, какъ пчелиный рой, толпу людей, и долго сидѣлъ такъ... Мнѣ стало грустно и стыдно,—что я допустилъ себя до всего этого и не имѣю теперь возможности уйти... Сердце мучительно ныло, когда я мысленно переносился домой, въ кругъ своихъ близкихъ, родныхъ...

Голосъ слѣва, раздавшійся такъ рѣзко, что я вздрогнулъ, надъ самымъ моимъ ухомъ, вывелъ меня изъ задумчивости.

— Землячекъ, а, землячекъ, ты чего это носъ то повѣсилъ?..

Я обернулся и увидалъ какое-то квадратное, обросшее рыжими волосами, улыбающееся лицо стараго мужика. Глаза у него какъ то странно, точно онъ игралъ ими, то закатывались кверху подъ лобъ, оставляя одни только бѣлки, то сурово спускались внизъ, при чемъ рыжія, необыкновенно густыя брови свирѣпо хмурились... Толстыя красныя губы улыбались и какъ-то смѣшно оттопыривались подъ самый носъ—маленькій и сизый, похожій на грецкій орѣхъ...

Онъ повторилъ свой вопросъ и, видя, что я не отвѣчаю, заговорилъ снова.

Тебя какъ звать-то?.. Брось думать-то! Э, милый, всѣ мы люди и всѣ человѣки! съ кѣмъ грѣхъ да бѣда не бываетъ... Пройдетъ все... опять на дѣло поступишь, ты человѣкъ, вижу я, не глупый... Не вѣшай голову, не печаль гостей!.. Пропился, знать, ась?

И, видя, что я опять не отвѣчаю, онъ продолжалъ:

— Всѣ мы такъ то... не одинъ ты... эва народу што, а спроси у любого, какъ молъ сюда попалъ?—по пьяному дѣлу!.. Всѣ мы по пьяному дѣлу... Просты мы ужъ очень... слабы... къ вину предвержены... Женатъ?..

— Женатъ.

— А зять есть?

— Нѣтъ, зятя нѣту.

— Нѣту?.. говори слава Богу...

— Что-жъ такъ...

— А такъ... зять, я тебѣ прямо, милый, атлепартую: ядовитая штука... особливо богатый... заноза!.. Я, можетъ, черезъ зятя-то и пропадаю...

— Какъ такъ?

— А такъ... ты слушай... Ты мнѣ вотъ человѣкъ чужой, впервой тебя вижу, а душа у меня къ тебѣ лежитъ... родные-то нонче хуже чужихъ... Опять и такъ сказать: понятія у нихъ нѣтъ, т. е. насчетъ хоть бы вотъ взять нашего брата... по ихнему пропился и больше ничего и никакой къ человѣку жалости нѣтъ... Хоть издохни!.. „такъ и надо, скажутъ, за дѣло“... Видно, кто въ этой шкурѣ не бывалъ, на морозѣ не дрогъ, тотъ нашего брата постигнуть и понять не можетъ... потому—душа зачерствѣла... Говорится пословица: окрѣпнетъ человѣкъ—крѣпше камня, ослабнетъ—слабже воды... По Христову ученью какъ? знаешь?.. прощай человѣка во всемъ, несчетное число разъ прощай, а они разу не простятъ... зачерствѣли!..

Онъ помолчалъ, досталъ тавлинку, понюхалъ, заморгалъ глазами часто, часто, крякнулъ и опять началъ, не торопясь, съ разстановками, степенно и внушительно, точно попъ съ амвона:

— Шуринъ у меня есть... Епаломъ звать... допрежь его Епалкой звали, а теперича Епаломъ Митричемъ величаютъ... живетъ здѣсь, въ Москвѣ на хорошей линіи, управляющимъ домовымъ на Петровкѣ... Сестра моя Грушаха за ёмъ... Ну, только жисть ея хвалить погодить... прямо надо сказать—желтенькая жисть!.. Спуталась она съ нимъ въ дѣвкахъ... дура баба, извѣстно... Ну того... затижалѣла... Онъ, не будь дуракъ, хотѣлъ было того—улизнуть... отвертѣться, бросить ее. Да нѣтъ, стой,—шалишь!.. Не на такую нарвался... сичасъ она, другъ милый, того... куда слѣдуетъ жалобу... такъ и такъ, говоритъ, у меня документъ есть, собственноручный его, что жениться хотѣлъ... Опять, говоритъ, на Царицу Небесную Матушку Казанскую клялся... Портниха она, Грушаха то, съ измалѣтства въ Москвѣ, порядки знаетъ... Ну, отлично... туды, сюды... анъ, врешь—женись! Такъи женился... ничего не попишешь... Я въ тѣ поры жилъ ничего, хо-

рошо, исправно. Мастеровой я... по конопатному дѣлу, конапатчикъ... Деньжонки у меня о ту пору, прямо тебѣ скажу, были... Виннымъ дѣломъ я мало зашибался,—гроза надо мной была: баба, жена—покойница, царство небесное... Отлично!.. Свадьбу надо играть, а у него, у шурина-то, волкъ его съѣшь, денегъ нѣтъ... вретъ-ли, въ заправду ли, а только говоритъ: нѣтъ и нѣтъ.. Дѣло то опосля узналось—совралъ онъ... тѣнь, тоись, одну наводилъ... Ну что-жъ, думаю, надо человѣка выручить по родственному... Далъ ему.

Онъ опять помолчалъ и опять понюхалъ табачку.

— Сто бумажекъ ему, не за столомъ сказано, чорту, собственноручно всучилъ... Отлично!.. сыграли свадьбу.—Онъ меня такъ на рукахъ и носитъ... такой, сякой, немазаный, шуренокъ, родной!—Ладно, молъ, хорошо!.. Ну стали они жить: жена на машинкѣ трыкъ, трыкъ... онъ на линію попалъ... зафортунило ему... знаешь, какъ пойдетъ линія, играетъ и глиняна... Одначе денегъ мнѣ не отдаетъ... Не отдаетъ да и все!.. нѣту и нѣтъ... „Погоди, говоритъ, отдамъ, ужли зажилю"... Ну, водочки мнѣ поставитъ, закуситъ,—то, се, умаслитъ: министръ, а не мужикъ... Тянулъ, тянулъ. Старуха покойница поѣдомъ ѣстъ меня: „завыли наши денежки"!.. Захворала инда отъ этого. А можетъ и отъ чего другого, только похворала, похворала да и съ копыльевъ долой... отдала Богу душу... Загоревалъ я... закургузилъ... нынче выпить, завтра съ похмелья... Денежки таютъ... думаю себѣ: ладно, у шурина есть... Пить да пить, милый, пить да пить... втянулся!.. На Хиву попалъ, потерялъ ликъ человѣчій... въ люди ужъ совѣстно идти,—нагъ, босъ, трясеніе во всѣхъ суставахъ... Но, однако, разъ собрался, отрезвѣлъ, ужаснулся самъ на себя... Пойду, думаю, къ шурину, возьму свои деньги, поступлю въ монастырь къ преподобному Мефодію на Пѣсношу... Тамъ, знаю, возьмутъ меня... тамъ и косточки похороню, думаю... Пошелъ вечеромъ къ нему... днемъ то не ловко: ужъ очень я того, оборвался... Прихожу. Ну, здорово живете! Посмотрѣлъ онъ на меня: „ты кто, говоритъ, такой?.." Какъ кто?.. возьми глаза въ зубы... шуринъ твой Никифоръ!.. „Буде, говоритъ, врать то"... Да, что ты, говорю, Епалъ, аль бѣлены объѣлся?.. За деньгами я къ тебѣ пришелъ... „За какими деньгами"? За своими. За долгомъ. „Что ты, говоритъ, золотая рота, какой долгъ?.. Ничего я тебѣ не долженъ"! Побойся, говорю, Бога, сестра вотъ свидѣтельница... Сестра молчитъ, ни чукнетъ... голову наклонила... покраснѣло у ней все рыло, какъ зарево... „Уходи, онъ говоритъ опять, пока цѣлъ"... Заплакалъ я... На колѣнки передъ нимъ всталъ, на старости лѣтъ, передъ жуликомъ... прошу, плачу... Да гдѣ же! нѣшто проймешь душу человѣчью, коли она зачерствѣла... Не далъ..

отперся... кликнулъ пошелъ дворниковъ... Выведите, говоритъ, его за ворота, да дайте ему хорошаго раза... Ну дворники, извѣстно, рады... имъ потѣха... вытащили меня за калитку да и давай вваливать... Отвѣсили разовъ пятокъ, пустили... Эхъ, обозлился я о ту пору... Да... а, что станешь дѣлать?.. Ну, думаю, пропадай! Взялъ, понимаешь, впервой отъ роду, всталъ на углу Столѣшникова переулка, у церкви то... знаешь?.. началъ просить Христовымъ именемъ... И задалось мнѣ на диво... |Какой-то баринъ цѣлковый далъ сразу... рупь семь гривенъ, живымъ манеромъ подстрѣлилъ я о ту пору... Ну, извѣстное дѣло, куда идти?.. Одна нашему брату дорога не заказана—въ трактиръ... Думаю себѣ, выпью водочки для храбрости, куплю ножикъ, зарѣжу пойду его анафему... Пришелъ въ трактиръ, выпилъ сотку, мало показалось, еще выпилъ... а тамъ еще... до сыта налакался.. всѣ деньги ухнулъ... По утру въ части проснулся... Вотъ вѣдь какое дѣло!..

— Видаешь его когда?

— Нѣтъ... Господь съ нимъ... На што онъ мнѣ?.. А что, другъ,—добавилъ онъ помолчавъ,—не подремать-ли намъ пока, а?.. До ужина то далеко...

И, говоря это, онъ положилъ „кренделемъ“ на столъ руки, ткнулся въ нихъ головой и вскорѣ захрапѣлъ...

XIX.

Я хотѣлъ было послѣдовать его примѣру, но не могъ и вышелъ изъ столовой на крыльцо...

Постоявъ здѣсь съ полчаса, я думалъ было идти обратно, потому что озябъ и что-то стало у меня покалывать въ боку, какъ вдругъ увидалъ идущую подъ горку къ крыльцу, гдѣ я стоялъ, высокую женщину, закутанную въ сѣрую шаль... На рукахъ она несла грудного ребенка и вела за ручку дѣвочку, худенькую и крайне бѣдно одѣтую... Подойдя къ крыльцу, она остановилась и спросила у меня, съ трудомъ выговаривая слова отъ усталости и тяжело дыша, какъ загнанная лошадь:

— Батюшка, здѣся столова, ай нѣтъ?..

— Здѣсь.

— Скажи ты мнѣ на милость, какъ мнѣ мужа сыскать?..

— А онъ здѣсь?

— Здѣся... я доподлинно узнала... здѣся онъ... Охъ, отъ Калуцкихъ воротъ шла... смерть моя! Какъ мнѣ его увидать-то, разбойника?!

— Спросить надо... тутъ народу много... Иди за мной.

Я ввелъ ее въ столовую. Она, робѣя, остановилась въ

дверяхъ. Вѣроятно, этотъ шумъ и видъ множества такихъ „страшныхъ“ людей поразилъ ее... Ее сейчасъ же окружила толпа любопытныхъ.

— Кто такая? Зачѣмъ? Кого надо?

— Мужа бы мнѣ... сказывали: здѣся...

— Мужа?.. Какого мужа? какъ звать?—заоралъ какой-то здоровенный малый надъ самымъ ея ухомъ. — Не я-ли грѣхомъ...

— Звать-то... Иваномъ... Иванъ Красавинъ... фабричный онъ... на самоткацкой работалъ...

— Иванъ Красавинъ!— заоралъ малый, обернувшись къ толпѣ, — Красавинъ! Иванъ Красавинъ... чортъ... эй! кто здѣся Красавинъ, выходи лѣшій!.. Эй, Красавинъ!..

— Здѣся!.. Я Красавинъ! — раздался гдѣ-то въ дали голосъ...

— Иди сюда, дьяволъ... жена пришла!..

Торопливо, расталкивая толпу, появился Красавинъ. Это былъ малый, лѣтъ тридцати, испитой, измятый какой-то, съ синими мѣшками подъ глазами... Увидя жену, онъ какъ-то сразу ошалѣлъ и попятился назадъ, точно волкъ, котораго выгнали облавой изъ чащи прямо на охотника... Онъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза и очевидно даже не вѣрилъ себѣ —жену-ли онъ видитъ, или это дьявольское навожденіе... Баба заплакала... Дѣвочка уцѣпилась обѣими рученками за подолъ матери и тоже заплакала...

— Ты какъ сюда попала?—вдругъ заговорилъ пришедшій въ себя мужъ и какъ-то сразу перемѣнился. Лицо его стало до крайности нагло, отвратительно... Глаза загорѣлись злобнымъ чахоточнымъ блескомъ.—Какъ тебя сюда чортъ занесъ? Чего надо?

— Чего надо?—заголосила баба жалобно и громко:—Люди добрые,—обратилась она къ притихшей и жадно смотрѣвшей на эту сцену толпѣ, какъ бы призывая ее въ свидѣтели и въ защиту,—спрашиваетъ: чего надо? Ушелъ, бросилъ меня съ дѣтьми одну одинешеньку на чужой сторонушкѣ!.. вторую недѣлю ищу его... маюсь, не пимши, не ѣмши... Слезъ пролила, можетъ, рѣки... а онъ—на-ко поди!.. Дѣтей-то бы пожалѣлъ, варваръ, мошенникъ, притка тебя пострѣли!.. Дохлый песъ... На, бери дѣтей то... Корми! Пьяница... Злодѣй!..

— Лайся! лайся!—отвѣтилъ мужъ,—я те полаюсь!..

— Убить тебя мало, дохлаго гнилова пса!.. Какъ же, люди добрые, посудите, Христа ради, сами... жилъ на фабрикѣ... домой ничевошеньки, ни синя пороху не подавалъ. Дома перекусить нечего: останный мѣшокъ, коли еще, до Миколы съѣли... Свекоръ больной, на ладанъ дышетъ... бѣдность, нужда... Останную коровенку за оброкъ со двора

свели... Говоритъ надысь свекоръ: „Ступай, говоритъ, молодушка, къ ему, разбойнику, бери дѣтей, а мы со старухой по міру пойдемъ... Что-жъ тебѣ здѣсь издыхать, что-ли, съ голоду“... Пошла я... болѣ ста верстъ шла пѣша... Зимнее время, а мое дѣло бабье... опять дѣти... Пришла въ Москву, нашла его... вижу: почитай голый, пропился весь, съ фабрики то прогнали, у земляковъ Христа ради проживаетъ... На, говорю, дѣтей-то, такой сякой!.. А онъ, не будь глупъ, шапку въ охабку.. Я, говоритъ, сбѣгаю чаю заварю, чай, съ дороги то устала, прозябла... погрѣйся,—да и былъ таковъ: втору недѣлю чай-то и завариваетъ... Я туды, сюды—нѣтъ! какъ въ тучку канулъ... А извѣстно—мое дѣло бабье, что я смыслю? Опять пить-ѣсть надо... Искала я его по Москвѣ то, искала... словно въ лѣсу дремучемъ... Спасибо, научилъ меня одинъ его знакомый, землякъ нашъ: „иди ты, говоритъ, баба, въ рабочій домъ, безпремѣнно онъ таматко, болѣ ему негдѣ быть“.. Ну, разбойникъ, — обратилась она опять къ нему,—что скажешь?.. бери ребятъ-то... корми!..

— На кой они мнѣ... пошла къ чорту, заработаю—вышлю... Что ты срамить то меня пришла, дура баба!.. деревня, чортъ, необузданная!..

— А ты, братъ, потише!—вступился вдругъ въ разговоръ совсѣмъ еще молодой, высокій и стройный хитровецъ съ „отчаяннымъ“ лицомъ и бойкими ухватками,—баба дѣло говоритъ. Какого ты чорта ее не кормишь? Женился тоже, сволочь паршивая! Дамъ вотъ въ рыло то!..

— Молчи, золотая рота!—огрызнулся на него мужъ.

— Золотая рота!—передразнилъ его малый.—Я золотая рота и буду... по крайности одинъ... чужого вѣка не заѣдаю.. А ты что? Жену прокормить не можетъ, сволочь... Я бы укралъ да далъ... Повѣсить тебя!.. Ишь ты, ловкачъ, кашку съѣлъ—горшокъ на шестокъ...

— Вѣрно!—раздались въ толпѣ голоса,—что вѣрно, то вѣрно... Не заѣдалъ бы чужого вѣку... не женился бы...

Слушая это, баба стояла и громко плакала...

Мужъ злобно глядѣлъ на нее. По лицу у него выступили красныя пятна.

— Иди!—сказалъ онъ,—отколь пришла... У меня нѣтъ ничего... заработаю вотъ, вышлю—разорваться мнѣ, что-ли, ай родить тебѣ денегъ то!

— Куда-жъ я пойду?

— Домой иди, въ деревню.

— Да мошенникъ ты эдакой... Ай на тебѣ креста нѣтъ... Ты хочь дѣтей-то пожалѣй... Ангельскія-то душки за что муку несутъ? Куда я съ ними дѣнусь? Какъ пойду то опять?

— Какъ пойдешь?.. ногами!.. Мнѣ взять негдѣ... сама видишь...

— Вотъ, сволочь то!—крикнулъ опять малый съ отчаяннымъ лицомъ.—Эхъ, на мои бы зубы! Разорвалъ бы!.. Попадись ты мнѣ на Хивѣ—душу вышибу!.. Не люблю смерть такихъ... За правду глотку прорву!..

— А мнѣ гдѣ-жъ взять, я—баба.

— Поправлюсь, говорю, вышлю и батюшкѣ такъ скажи...

— Да, вышлешь, ты... какъ же... Матушка ты моя, Царица Небесная!—отчаянно вдругъ заголосила она:—Что-же это таперича будетъ-то?.. Куда-жъ я дѣнусь-то?.. Какъ пойду этакую стужу съ дѣтьми малыми... О-о-о, головушка моя!.. Говорила матушка, не ходи за него... нѣтъ, пошла!.. Разбойникъ ты, разбойникъ! Кровопійца, идолъ! Ни стыда-то въ тебѣ, ни совѣсти!.. безстыжія твои бѣльмы, поганыя... тьфу!..

— Лайся, лайся! На меня нонѣ ни одна собака не лаяла, ты вотъ первая...

— А ты вотъ что,—вступился опять малый, обращаясь къ бабѣ.—Я тебя научу... гдѣ-жъ тебѣ идти... дорога дальняя... Паспортъ при тебѣ есть?

— Какой родной, паспортъ?.. нѣтути...

— Ну ладно, все одно... Иди ты прямо въ контору здѣшнюю, спроси тамъ управляющаго, набольшого,—тамъ тебѣ скажутъ... Разскажи ему все, поклонись въ ноги, попроси хорошенько: такъ и такъ молъ... идти не могу, потому съ дѣтьми. Проси у него на машину денегъ... Скажи: мужъ, молъ, заживетъ здѣсь... заработаетъ... все равно, скажи, коли ему отдать,—пропьетъ... такъ и скажи: дастъ!..

— О!—радостно воскликнула баба,—дастъ?!.

— Дастъ!

— Не дастъ!—сказалъ кто-то.

— Дастъ! дастъ! Чай не сто рублей! — закричало нѣсколько голосовъ сразу,—это ты, Мишъ, вѣрно, ловко придумалъ!.. Иди, тетка! больше тебѣ дѣлать нечего... дастъ... а его, гуся, отсюда не выпустятъ, пока не заработаетъ... ха, ха, ха!

Баба поправила на головѣ „шаль“, взяла за руку дѣвочку и, сказавъ: „Спасибо вамъ, родненькіе!“—пошла въ дверь, не взглянувъ на мужа, стоявшаго съ краснымъ лицомъ и побѣлѣвшими трясущимися губами...

— Ребята!.. наши... Хива!—крикнулъ малый съ отчаяннымъ лицомъ, какъ только захлопнулась за ней дверь.— Ну-ка—„Сѣни мои сѣни“, по бокамъ припѣвъ...

„Мужъ“ какъ-то сразу очутился среди плотно обступившей его толпы молодцовъ съ Хивы... раздался было крикъ: „караулъ“!.. но сейчасъ же смолкъ.

— Бей его, дьявола!.. . . . .

Я вышелъ на крыльцо... Баба шла въ гору за уголъ краснаго дома, плача и утирая рукавомъ глаза. Дѣвочка бѣжала за ней, цѣпляясь рученками за подолъ ея юбки, и тоже плакала...

— Такъ ему и надо!—подумалъ я и содрогнулся вдругъ отъ ужаса, вспомня свою жену и дѣтей.—Ты то самъ развѣ лучше его? . . . .

XX.

Вечеромъ, послѣ ужина, состоявшаго изъ одних пустыхъ и мутныхъ щей, идя изъ столовой въ спальню, я чувствовалъ какую-то страшную слабость во всемъ тѣлѣ и боль въ боку... Появился кашель и ознобъ...

— Неужто воспаленіе?—съ ужасомъ думалъ я,—этого только еще не доставало... Что тогда дѣлать?..

Придя въ спальню, я засталъ своего вчерашняго знакомаго уже лежащимъ на койкѣ. .

— Ну что,—встрѣтилъ онъ меня,—хорошо въ столовой?.. понравилось?..

— А вы не были?..

— Нѣтъ... Я вѣдь на правахъ больного... у меня отъ доктора записка,—что я могу проводить время здѣсь, въ спальнѣ, а не тамъ... Тамъ съума сойдешь безъ дѣла... Да что съ вами?—вдругъ, какъ-то перемѣнивъ тонъ, спросилъ онъ, глядя на меня.—На васъ лица нѣтъ!..

— Нездоровится.

— Чего нездоровится, да вы совсѣмъ больны!.. Ишь васъ колотитъ. Нервы еще эти проклятые! Я ужъ знаю... хотите,—заварю чаю?

Я хотѣлъ было поблагодарить его, но не могъ. Къ горлу вдругъ подкатился точно шаръ какой-то, и начали душить слезы...

— Ай, ай, ай! ай, ай, ай!—заволновался онъ,—вотъ это не хорошо!.. Экъ вѣдь, батенька, какъ мы пьянствомъ то себѣ нервы коверкаемъ.. хуже бабъ дѣлаемся... Полноте! бросьте! стыдно!.. Я вотъ сейчасъ чаю заварю... Попьемъ, потолкуемъ и ладно... Ложитесь пока!.. Стаскивайте съ себя эту хламиду то чортову... а я сейчасъ... О, Боже, Боже!..

Онъ досталъ изъ-подъ изголовья палочку цикорія или по здѣшнему „цики“, отломилъ кусочекъ, кинулъ въ чайникъ, сунулъ ноги въ чюни и торопливо пошелъ заваривать этотъ „чай“ въ столовую.

Я ткнулся ничкомъ на койку, изо всѣхъ силъ стараясь

сдержать проклятыя слезы и боясь, чтобы кто-нибудь не поднялъ меня на смѣхъ...

Онъ скоро возвратился, и мы сѣли на подоконникъ пить „чай"...

— Вы вотъ что,—сказалъ онъ,—ступайте завтра въ девять часовъ утра въ больницу къ доктору... Докторъ здѣсь для нашего брата, рабочихъ, душа человѣкъ... Онъ васъ положитъ въ больницу... Тамъ вы обмоетесь, отдохнете, въ себя придете, обдумаете свое положеніе, нервы улягутся... Вѣдь это все отъ пьянства, да отъ этой одуряющей обстановки дѣлается... Здѣсь, батюшка, не такіе, какъ вы, а прямо съ виду богатыри, самъ я очевидецъ, плакали, какъ дѣти... Полежите тамъ недѣльку, другую, опомнитесь... Мой совѣтъ: письмо домой послать. Не бросятъ же васъ такъ, безъ вниманія. Уѣзжайте или уходите домой... Здѣсь вамъ оставаться нѣтъ никакого смысла... Во-первыхъ, работъ мало, а во-вторыхъ—скоро ли вы по двугривенному то наколотите денегъ? Вѣдь это если работать мѣсяцъ, каждый день, чего никогда не бываетъ, и тогда только—шесть рублей... Что вы на нихъ сдѣлаете?.. Домой надо, домой, домой...

— Неловко очень домой-то... стыдно...

— Стыдно... Чего стыдно? Что вы обокрали кого-нибудь, убили?.. Ложный стыдъ!.. Стыдно было дѣлать такъ, а „повинную голову и мечь не сѣчетъ"... Стыдно!.. Чудакъ вы!.. Да дай Богъ, чтобы побольше блудныхъ сыновъ возвращалось...

Совѣтъ этого добраго человѣка ободрилъ меня. Больница, какъ это ни странно, стала казаться мнѣ какой-то обѣтованной землей...

— Такъ и сдѣлаю,—сказалъ я,—какъ вы совѣтуете... пойду завтра... только боюсь, не воспаленіе-ли?

— Да будетъ вамъ! какое къ чорту воспаленіе! просто отъ пьянства почки болятъ... у меня это же самое было... Закатятъ вамъ тамъ мушку во всю спину, и какъ рукой сниметъ! Тамъ изъ ста человѣкъ девяносто съ мушками. Здѣсь исключительно только мушками и лѣчатъ. Серьезныхъ больныхъ нѣтъ: серьезныхъ отправляютъ во вторую городскую... Здѣсь лежатъ *здоровые* больные... Что только дѣлается тамъ, вотъ увидите! И время проведете отлично... почитать есть что... ну и, сравнительно, чисто... выспитесь до сыта. Я васъ, пожалуй, навѣщу какъ-нибудь... У васъ вѣдь денегъ нѣтъ?

— Нѣтъ, конечно.

— Ну, я вамъ табачку дамъ: тамъ табакъ дороже хлѣба... И бумаги, и конвертъ принесу... письмо домой настрочите... Ну, на марку не могу дать, у самого мало... да это не важно: дойдетъ и безъ марки, еще вѣрнѣе... Вамъ ли унывать?.. свой

домикъ, жена, дѣти... Эхъ, я вамъ скажу, есть здѣсь личности, насмотрѣлся я, вотъ тѣмъ унывать не грѣхъ... ни кола, ни двора, ни родныхъ, ни знакомыхъ... одна Хива... тутъ и мать, и жена, и сестра, и родина... О!.. Есть здѣсь мальчикъ, онъ теперь въ больницѣ, вы, можетъ, его увидите... Отецъ у него тутъ въ Москвѣ гдѣ-то, на Хивѣ путается, пьяница горькій, матери нѣтъ,—замерзла пьяная гдѣ-то на Грачевкѣ подъ воротами... Сынишку отдалъ этотъ отецъ куда-то въ коробочники... Били его жестоко, онъ убѣжалъ—на Хиву... къ отцу... А отецъ взялъ да и продалъ тамъ его какому-то негодяю за бутылку водки да за фунтъ колбасы вареной...

— Зачѣмъ-же онъ покупателю?

— Зачѣмъ?.. Да вы на Хивѣ то развѣ не жили?

— Нѣтъ.

— Э, ну такъ вы еще, значитъ, жизни не видали... Да тамъ это самое обыкновенное дѣло... за чай да за калачъ такія штуки продѣлываютъ...

И онъ разъяснилъ мнѣ отвратительныя цѣли покупки.

— Да что-жъ на это никто не обратитъ вниманія?

— Кому нужно?.. кто станетъ въ это входить? Э, батенька, правда-то знаете—гдѣ?... Да что! Я какъ-то читалъ, въ какой-то газеткѣ здѣшней московской, вотъ про это наше отдѣленіе работнаго дома... такъ вѣрите—умилился до слезъ—такъ хорошо написано!.. И чистота-то, и воздуху-то масса, и каждому-то отдѣльная кровать, и столъ отличный, чуть ли не по фунту мяса на каждаго, и залъ-то концертный скоро отдѣлаютъ, картины туманныя станутъ показывать!.. Концертный залъ!.. Ха-ха-ха! туманныя картинки!.. Ну, скажите, ради Господа, пошли бы вы вотъ сейчасъ смотрѣть ихъ?.. До того-ли намъ? Хоть-бы обращались-то по человѣчески, не какъ съ собаками... Что, былъ сегодня управляющій въ столовой?

— Нѣтъ.

— Жаль, а то-бы посмотрѣли картину. Войдетъ, понимаете, не одинъ, а со свитой,—какіе-то тамъ прихлебатели позади... войдетъ и заоретъ: „Встать!..“ Ну, конечно, всѣ вскочатъ, молчаніе мертвое... А какъ обращается съ рабочими?.. „Ты“, „мерзавецъ“ „подлецъ“, „негодяй“, только и слышишь! Подлость!..

Онъ закашлялся и замахалъ рукой, какъ-бы отгоняя что-то...

— Будетъ,—съ трудомъ выговорилъ онъ,—ну ихъ къ чорту... Не нами заведено, не нами и кончится... Ложитесь, да давайте потолкуемъ про деревню... Скоро весна вѣдь: снѣгъ стаетъ, тетерева по утрамъ затокуютъ, вальдшнепы прилетятъ... О!.. вы не охотникъ?..

Мы легли... Онъ началъ говорить про свою жизнь дома,

про охоту, про рыбную ловлю, про пчелъ... Разсказы эти дышали любовью и какой-то особенной, задушевной прелестью...

Я долго слушалъ его, совсѣмъ позабывъ, что нахожусь въ спальнѣ работнаго дома...

XXI.

На другой день утромъ я отправился въ больницу... Доктора еще не было... Въ пріемной дожидалось человѣкъ пятнадцать... Молоденькая, симпатичная фельдшерица записала наши фамиліи. Мы усѣлись въ прихожей на узкой и длинной скамьѣ и стали ждать. Рядомъ со мной помѣстился какой-то молодой человѣкъ съ длинными курчавыми волосами...

Ему не сидѣлось спокойно... Онъ какъ-то ерзалъ по скамьѣ, пожималъ плечами и безпрестанно чесалъ свою голову.

— Что ты не сидишь покойно?—сказалъ я,—что у тебя болитъ?

Онъ испуганно взглянулъ на меня большими „телячьими“, какими-то жалобными глазами и тихонько, чуть не плача, сказалъ:

— Бѣда!.. заѣли...

— Давно въ работномъ домѣ?—спросилъ я у него съ невольнымъ участіемъ.

— Недавно... пріѣхалъ въ Москву на мѣсто... да загулялъ...

— А ты кто... крестьянинъ?

— Нѣтъ, я изъ духовныхъ... у меня отецъ дьяконъ въ Клинскомъ уѣздѣ... Дядя еще есть—тоже дьяконъ здѣсь въ Москвѣ, на Старой Басманной (онъ назвалъ богатый и извѣстный приходъ), да нельзя мнѣ къ нему... совѣстно...

— Что-жъ, ты учился гдѣ-нибудь?..

— Учился въ семинаріи у Троицы... да выгнали изъ четвертаго класса...

— Мамаша, небось, жива?..

Онъ заморгалъ глазами...

— Жива... хочу у доктора попроситься въ больницу... Письмо къ дядѣ пошлю... Очень мнѣ тяжело!

Онъ наклонилъ голову и замолчалъ.

Немного погодя пришелъ докторъ. Это былъ средняго роста брюнетъ, худощавый съ добрымъ, симпатичнымъ лицомъ... Онъ сѣлъ къ столу и сталъ вызывать по фамиліямъ...

Первымъ подошелъ къ нему коренастый и крѣпкій, лѣтъ 60-ти, старикъ.

— Ты что, дѣдъ?..

— Зубы... зубами маюсь!..

— Гдѣ?

— Во, гляди!..

— Вырвать?..

— Рви!

— Садись...

Докторъ взялъ щипцы и вырвалъ зубъ. Старикъ только головой мотнулъ и, сплюнувъ въ тазикъ, сказалъ:

— Рви другой!

Докторъ вырвалъ другой и сказалъ:

— Еще, что-ли?

— Рви!

Докторъ вырвалъ третій зубъ и опять, улыбаясь, спросилъ:

— Ну еще, что-ли?..

— Нѣтъ, будетъ!—сказалъ старикъ съ такимъ выраженіемъ въ голосѣ, какъ будто отказывался отъ рюмки водки, которую его упрашивали выпить... Всѣ засмѣялись...—Спасибо!—сказалъ онъ и пошелъ въ прихожую, кладя по полу, точно печати, оттаявшими чунями клѣтчатые слѣды.

Подошелъ слѣдующій... Докторъ выслушалъ его, осмотрѣлъ и нарисовалъ на правомъ боку карандашомъ квадратъ.

— Приходи въ четвертомъ часу сюда... въ больницу ляжешь,—сказалъ онъ.

Дошелъ чередъ до меня.

— У тебя что?

— Бокъ больно.

— Какой?

— Правый.

— Сними рубашку.

Я снялъ. Онъ сталъ слушать.

— Ого! сердце-то того... Ни вина, ни пива отнюдь нельзя пить... Эхъ, народъ, не бережете вы свое здоровье!.. Ну, что-жъ, желаешь полежать въ больницѣ?

— Сдѣлайте милость!..

— Можно! Къ боку тебѣ мушку поставимъ,—и, говоря это, онъ начертилъ мнѣ карандашомъ на боку квадратъ.—Приходи часа въ три.

Я надѣлъ рубашку, полушубокъ и пошелъ въ столовую.

— Взяли! и меня взяли!—услыхалъ я за собой голосъ и, обернувшись, увидалъ молодого семинариста. Онъ былъ радъ, точно ребенокъ, которому подарили игрушку...

— Начертилъ мушку?—спросилъ я.

— Начертилъ! Слава Тебѣ, Господи!—онъ вдругъ перекрестился нѣсколько разъ торопливо и часто повторяя:—Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!..

XXII.

Въ три часа я пошелъ въ больницу. Тамъ, въ прихожей уже дожидались семинаристъ и еще какихъ-то двое, принятыхъ сегодня же въ больницу.

Вскорѣ пришла нянька и повела насъ въ такъ называемую „мужскую уборную", гдѣ была ванна...

— Раздѣвайтесь!—сказала она,—кладите сюда вотъ къ порогу свою рухлядь... Вотъ вамъ бѣлье... халаты... туфли.. полѣзайте въ ванну по-двое заразъ... вонъ кранты... въ этомъ вотъ холодная, а здѣся горячая... вымоетесь, я васъ наверхъ сведу въ третье отдѣленіе... Мойтесь на здоровье... небось обовшивѣли...

Она ушла... Мы начали раздѣваться...

— По-двое заразъ велѣла, — сказалъ высокій длиннобородый старикъ, напуская воды,—а какъ по двое-то, у него вонъ,—онъ кивнулъ на сосѣда, худенькаго, плюгавенькаго человѣчка,—я давѣ видѣлъ, вся спина въ чирьяхъ... Какъ съ нимъ лѣзть-то?.. Я не полѣзу... Слышь, землякъ,—обратился онъ ко мнѣ,—полѣземъ мы съ тобой первыми... Чего тутъ... сымай рубашку-то... сигай!.. Господи благослови!.. О-о! важно!..

Я скинулъ рубашку и забрался къ нему въ ванну. Намъ было тѣсно и неловко. Старикъ, какъ тюлень, вертѣлся съ боку на бокъ и брызгался водой.

— О, важно!—твердилъ онъ,—малье! Одно плохо, ужо на ночь мушку вляпаютъ... Здорово деретъ, анафема!.. Тебѣ тоже, землякъ, мушку?—спросилъ онъ у меня.

— Тоже.

— Да ужъ здѣсь лѣкарство одно... Ну, будя... слава тебѣ, Господи!.. Теперича бы половиночку раздавить гоже,—добавилъ онъ, вылѣзая изъ ванны,—да закусить сняточкомъ!..

— Да у тебя что-жъ болитъ-то?—спросилъ я.

— Да какъ-те сказать не соврать: одышка вродѣ какъ... кашель... мокрота душитъ... А то я ничего, слава Богу...

Мы надѣли чистое бѣлье, полосатые халаты, туфли, и я почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ... Стало какъ-то легко, во всемъ чистомъ, и страшно дѣлалось при взглядѣ на валявшуюся у порога скинутую одежду...

Послѣ насъ, пустивъ свѣжую воду, полѣзли въ ванну семинаристъ и плюгавенькій человѣчекъ... Я убѣдился, что старикъ сказалъ правду: вся спина у него была въ чирьяхъ...

— Эхъ, порядки здѣшніе... — укоризненно сказалъ старикъ.

XXIII.

Третье мужское отдѣленіе представляло изъ себя большую, чистую, свѣтлую, но биткомъ набитую больными, палату... Койки стояли такъ же, какъ въ спальнѣ № 15-й, по двѣ въ рядъ, сдвинутыя вмѣстѣ... Кромѣ того, койки стояли и по одиночкѣ, тамъ, гдѣ только было возможно поставить ихъ. Всѣхъ больныхъ, какъ я узналъ послѣ, было въ этой палатѣ 75 человѣкъ.

Шумъ, крикъ, хохотъ стояли въ палатѣ нисколько не тише, чѣмъ въ спальнѣ... „Больные" играли въ карты, въ шашки, читали, курили, ходили, шлепая туфлями по полу, въ полосатыхъ халатахъ, надѣтыхъ у кого въ рукава, у кого въ накидку, по широкому проходу, изъ одного конца палаты въ другой...

Мнѣ досталась койка въ углу у окна, около стѣны. Я сѣлъ на нее, посмотрѣлъ на своего сосѣда, и... меня охватилъ ужасъ.

Рядомъ со мною лежали „живыя мощи" и глядѣли на меня какими-то бѣлесоватыми, злобными, страшно ввалившимися глазами. Это былъ старикъ, лѣтъ 70-ти, худой, страшный, костлявый, косматый. Онъ лежалъ на спинѣ, покрывшись одѣяломъ, поднявъ колѣнки, которыя какъ-то страшно, точно у мертвеца, обрисовывались подъ этимъ одѣяломъ... Одна рука у него была закинута подъ голову, другая лежала поверхъ одѣяла... руки эти были тонки и худы, точно палки, обтянутыя кожей... Изъ-подъ края подушки, подъ головой, выглядывали „пайки" чернаго и бѣлаго хлѣба...

Но самое страшное, что увидалъ я и отъ чего пришелъ въ ужасъ, это насѣкомыя, которыя ползали по лицу этого старика... кишмя кишѣли въ бородѣ, въ волосахъ, на головѣ...

Я не могъ смотрѣть и отвернулся отъ него съ ужасомъ, отвращеніемъ и жалостью...

— Господи! какъ онъ еще живетъ, несчастный,—подумалъ я,—что же это такое?!.

— Что, землякъ, глядишь?—спросилъ у меня съ противоположной койки молодой парень, наблюдавшій за мной,—послалъ тебѣ Богъ, сосѣда... Вотъ лежитъ тутъ ни живой, ни мертвый... Не издыхаетъ да и все! А озорникъ какой—страсть...

— Что-жъ его не уберутъ отсюда?..

— Да куда-жъ его?.. Ждутъ, когда сдохнетъ... Допрежь онъ внизу лежалъ со слабыми... Не знаю, зачѣмъ сюда пере-

вели... Должно, скоро капутъ ему... Да ты хлопочи на другую койку... вотъ завтра пойдутъ на выписку, ты и хлопочи... Съ нимъ лежать-то грѣхъ одинъ... озорникъ... матершинникъ... даромъ, что старый... Что, старый чортъ, глядишь?—обратился онъ къ нему,—про тебя говорю... У-у-у, песъ...

Стало темно... зажгли лампы... одна изъ нихъ какъ разъ пришлась противъ моей койки... Немного погодя, няньки,—разбитныя и нахальныя, съ черезчуръ развязными манерами и такими же словечками (которымъ они научились, очевидно, на Хивѣ), получающія здѣсь по три копѣйки въ день жалованья,—стали разносить ужинъ... Ужинъ этотъ состоялъ изъ какого-то мутнаго, прокисшаго и въ микроскопическомъ размѣрѣ, перловаго супа...

Поужинавъ, я хотѣлъ было устроиться и лечь спать, какъ вдругъ кто-то крикнулъ на всю палату:

— Новенькіе!.. пожалуйте на живодерню!.. мушки ставить!.. Кому мушки? подходи!..

Этимъ дѣломъ, т. е. прикладываніемъ мушекъ—или, какъ здѣсь выражались „живодерствомъ“—занимался не фельдшеръ, а просто такой же „золоторотецъ“ больной, какъ и всѣ. Онъ лежалъ въ больницѣ уже семь мѣсяцевъ, присмотрѣлся и привыкъ ко всѣмъ порядкамъ... Фельдшеръ, вѣроятно, рѣшилъ, что это дѣло не хитрое, и самому заниматься этимъ незачѣмъ...

Мы всѣ четверо подошли къ этому „живодеру“, разставившему свою „аптеку“ на табуреткѣ посреди палаты... Толпа больныхъ окружила насъ... Пошелъ смѣхъ и остроты...

— Ну, раздѣвайтесь! — сказалъ „живодеръ“. — Я вотъ вамъ вляпаю... останетесь довольны!..

Онъ живо „вляпалъ“ намъ всѣмъ по мушкѣ и такъ крѣпко забинтовалъ грудь, что трудно было дышать...

— Ну, подходи теперь, кому вечёръ ставилъ? Снимать стану!—крикнулъ онъ.

Подошло шесть человѣкъ. Изъ любопытства я не пошелъ на свое мѣсто, а остался посмотрѣть, что будетъ...

— Ну, стаскивай рубашку-то!—крикнулъ „живодеръ“ на какого-то подслѣповатаго, съ желтымъ и бритымъ лицомъ, сильно робѣвшаго человѣка. — Аль думаешь,—горнишная придетъ сымать-то ее!..

Бритый человѣкъ, кряхтя и какъ-то корчась, скинулъ рубашку и бросилъ ее на полъ...

„Живодеръ“ живо разбинтовалъ бинтъ.

— Ну, держись!..

Онъ сразу сдернулъ мушку... Бритый человѣкъ такъ и подскочилъ кверху...

— Важно наядрила... Мотри, какой мѣшокъ надрала!—послышались возгласы больныхъ.—Здорово!..

„Живодеръ“ взялъ ножницы, простригъ ими пузырь, спустилъ воду, и взявъ пальцами съ уголка отвисшую кожу, началъ безъ церемоніи сдирать ее со всего нарисованнаго докторомъ квадрата... Больной корчился и крѣпко стиснулъ зубы, боясь закричать...

— Держись, небось!.. задаромъ здѣсь кашей не кормятъ!.. помнить будешь... ха, ха, ха... Петровъ, мажь тряпку саломъ, вмазывай ему!.. Подходи другой!.. Становись ты, долговолосый!..

Я не сталъ больше смотрѣть и пошелъ на свое мѣсто. Мой сосѣдъ старикъ лежалъ, укрывшись одѣяломъ съ головой, и, должно быть, спалъ... Я поднялъ свое одѣяло, раздѣлся и тоже легъ спать . . . .

XXIV.

Проснулся я отъ какого-то шороха... Кто-то тащилъ, какъ мнѣ показалось, съ меня одѣяло... Я открылъ глаза... и увидалъ, что старикъ сидитъ на своей койкѣ и дергаетъ съ меня одѣяло. При этомъ онъ глядѣлъ на меня и улыбался своимъ ввалившимся ртомъ, въ которомъ на верхней челюсти необыкновенно страшно торчалъ одинъ желтый и длинный зубъ...

Было, очевидно, поздно, часа три утра, потому что всѣ больные спали... Лампа, хотя и убавленная, горѣла всетаки очень ярко, освѣщая во всей красотѣ этого удивительнаго старика...

— Сумасшедшій!—подумалъ я, испугавшись, и спросилъ:—Ты что?

Онъ вмѣсто отвѣта провелъ рукой по бородѣ и бросилъ что-то на мою койку, глядя на меня своимъ бѣлесоватымъ, но на этотъ разъ не злымъ, какъ мнѣ показалось прежде, а какимъ-то „чуднымъ“, такъ сказать, необъяснимымъ и загадочнымъ взглядомъ.

— Сумасшедшій,—опять подумалъ я и сказалъ:—Что же это ты дѣлаешь?.. Зачѣмъ эту гадость кидаешь?..

— А!—какъ-то радостно заговорилъ онъ шопотомъ,—разозлился!.. Ну, ругайся... ну, бей меня!..

Говоря это, онъ глядѣлъ мнѣ въ глаза, и я невольно содрогнулся отъ этого взгляда: въ немъ было что-то страшное и невыразимо-скорбное, что невольно заставляло содрогаться.

— Я вѣдь нарочно это!—опять заговориль онъ.—Я вотъ

залаю еще... я вѣдь не человѣкъ, а песъ, собака... паршивая собака... на которую помои льютъ...

Онъ пригнулся и, заглянувъ мнѣ въ лицо, опять засмѣялся.

Я совершенно не нашелся что сказать и только глядѣлъ съ удивленіемъ на его искаженное лицо.

— А хочешь,—снова началъ онъ,—я тебя ударю! А! фу ты, чортъ...

Я опомнился.

— Что ты, съума, что-ли, сошелъ?.. отстань!

Онъ откинулся головой на подушку и затрясся весь отъ своего противнаго принужденнаго хихиканья. Потомъ вдругъ опять сѣлъ и, переставъ хихикать, серьезно и тихо спросилъ:

— Ты обо мнѣ какого мнѣнія?

— Я тебя совсѣмъ не знаю и поэтому не могу судить...

— Не знаешь?.. Гм! Да, вѣрно, не знаешь... А хочешь, я тебѣ разскажу одну исторію...

— Разскажи.

Онъ опять посмотрѣлъ на меня своимъ тяжелымъ взглядомъ, въ которомъ теперь стало мелькать какое-то сознательное и грустное выраженіе, и сказалъ:

— Про сына моего, Николеньку...

Онъ потянулъ на себя одѣяло, усѣлся поудобнѣе, подумалъ что-то и сказалъ почти шопотомъ:—Принеси мнѣ воды, сдѣлай милость, тамъ вонъ, подъ краномъ... Знаешь?

Я взялъ кружку и принесъ воды... Онъ жадно отпилъ полъ кружки и, откинувшись на подушку, закрылся по самую бороду одѣяломъ, оглядѣлся по сторонамъ, очевидно боясь, чтобы его, кромѣ меня, никто не услыхалъ, тихо, шопотомъ заговорилъ, наклонившись ко мнѣ:

— Сынъ у меня былъ... Николенька. И жена была. Славная... И любила меня... Не вѣришь? А правда... Да померла она, понимаешь?.. померла. А сынъ остался... Ну, взялъ я его съ собой въ Москву... думалъ: вотъ моя цѣль жизни... душу за него отдамъ... вырощу... человѣкомъ сдѣлаю... Эхъ, сколько думалъ я!.. Сколько думалъ я всего хорошаго!.. А жизнь то, подлая, повернула по своему... Ну, такъ вотъ, взялъ я его съ собой... Здѣсь, въ Москвѣ, мнѣ первое время посчастливилось: нашелъ мѣсто... сталъ жить... коморочка у меня была снята на Плющихѣ маленькая... четыре рубля платилъ за нее... Самъ, бывало, уйду на занятія съ утра, а его, сыночка-то, оставлю одного... Попрошу только хозяйку приглянуть за нимъ... И сидитъ онъ, бывало, цѣлый день одинъ... тихій былъ мальчикъ, задумчивый... уставится глазенками на свѣтъ и смотритъ... думаетъ тоже что-то... Говорить сталъ только къ концу третьяго года, да и то плохо... Гдѣ-жъ ему было

учиться?.. одинъ все... все одинъ... меня онъ звалъ „тятя“, „тятя миленькій“, а то еще „тятя путеня“... Что такое это значило „путеня“, я и сейчасъ не знаю...

Онъ насупился, замолчалъ и, тряхнувъ головой, точно отгоняя что то, продолжалъ.

— Все было ладно за эти три года, а тутъ пошло все какъ то подъ гору... Съ мѣста прогнали... Осѣдлала меня нужда, облюбовала и поѣхала... Бился-бился, искалъ-искалъ мѣста—нѣтъ! нѣтъ, да и все! а вѣдь пить ѣсть надо... О себѣ то ужъ я не думалъ... Гдѣ ужъ! только бы его то... его то только-бы! Заложилъ все... оборвался... озлобился... въ трущобахъ жилъ, съ ребенкомъ-то, понимаешь? Чего только не натерпѣлся!.. Въ разные эдакіе пріюты обращался... не берутъ нигдѣ: незаконный! Да и просить то я путемъ не умѣлъ. Помню, разъ провелъ я ночь на Хивѣ, въ притонѣ одномъ... всталъ рано.. куда идти? Вышелъ на Солянку: „Николенька, говорю, куда-жъ намъ идти? А май мѣсяцъ стоялъ о ту пору... тепло было, весело, радостно... Пошелъ, куда глаза глядятъ... его то на рукахъ несу, то веду потихоньку за ручку... долго Москвой шли... вышли за заставу... въ поле... посидѣли... отдохнули.... Куда жъ теперь? думаю... Взялъ его на руки. Держись крѣпче! Обхватилъ онъ меня рученками, головку на плечо положилъ и зашагалъ я... Лучше, думаю, гдѣ нибудь въ деревнѣ издохну, чѣмъ въ Москвѣ этой, проклятой.. Отошелъ верстъ десять... свернулъ въ сторону въ деревеньку... Прямо въ избу первую... Гляжу: баба одна хлѣбы мѣситъ... больше никого нѣтъ.. „Тебѣ чего“? спрашиваетъ.. Тетенька, говорю, дай Христа ради, мальчику моему молочка... Сполоснула она руки, сходила куда-то, тащитъ цѣлую кружку... разговорились мы... разсказалъ я ей все, вотъ какъ тебѣ теперь... Подивилась она... пожалѣла... Подумала, подумала да и говоритъ: „Отдай намъ его со старикомъ въ сынки, худо не будетъ... Пойдешь, говоритъ, къ намъ, сынокъ, жить“? это у него то спрашиваетъ. А онъ, сынокъ то мой, обхватилъ вдругъ меня да какъ взвоетъ... жмется ко мнѣ... тресется весь.. Нервный онъ у меня былъ... О, Господи! Господи!..

Онъ оборвалъ свою рѣчь и долго сидѣлъ молча, тихо всхлипывая...

— Ну, понятное дѣло, — началъ онъ опять,—не отдалъ я его... еще бы... отдать... Съ тѣхъ поръ началъ я съ нимъ вмѣстѣ ходить, бродяжничать... изъ деревни въ деревню... изъ села въ село... Случалось, гдѣ поработаю—заплатятъ, а то и такъ выпрошу... И вотъ ей-Богу, скажу тебѣ, хорошее это время было... загорѣли мы оба, мальчикъ мой пополнѣлъ даже... Идемъ, бывало, лѣсомъ... птички поютъ... листочки шелестятъ... Солнышко играетъ... травка-муравка точно коверъ... хорошо!..

Сядемъ, разговариваемъ... лепечетъ онъ у меня... радуется ангелъ мой на муравья на каждаго... и у меня, глядя на него, сердце играетъ!.. Да только все это не долго было... Не долго! подошла осень... пошли холода... дожди... грязь... одежонка на насъ плохая была... Ну и того... простудился онъ... сразу какъ то его свернуло... шабашъ! стопъ машина!..

— Было это дѣло во Владимірской губерніи: рѣка тамъ есть Дубна, можетъ, слыхалъ? Такъ вотъ разъ, въ одно, такъ сказать, прекрасное утро шелъ я съ нимъ по берегу этой рѣки... На рукахъ его несъ... больного... да холодно было... вѣтряно... тоскливо... На душѣ у меня камень лежалъ... ныло сердце, и все во мнѣ плакало лютыми слезами... Несу, несу его, послушаю: дышетъ? Слава Тебѣ, Господи! Николенька!— спрошу! „А“! откликнеся. Не спишь? „Нѣтъ“. А кто съ тобой? „Тятя миленькій“... и жмется, слышу, ко мнѣ... А гдѣ у тебя „бобо“? молчитъ... Несу, тороплюсь, думаю: скоро ли деревня, а деревни нѣтъ и нѣтъ, какъ на зло... мѣста какія то глухія, дикія... Усталъ... сѣлъ... его на колѣнки положилъ... укутанъ онъ у меня былъ тряпьемъ разнымъ... открылъ тряпки посмотрѣть: не узналъ моего Николеньку... блѣдный, блѣдный... губки трясутся, глазки большіе ввалились... слезки въ нихъ, какъ росинки... Николенька! — говорю. „А!“ отвѣчаетъ. Николенька.—Господи, что съ тобой?! А онъ, а онъ, понимаешь, улыбнулся эдакъ жалостно, рученками хотѣлъ поймать меня за шею... да не смогъ... прошепталъ только: „тятя миленькій“, „путеня“ да и того... померъ!..

Онъ вдругъ опять оборвалъ рѣчь и полными ужаса глазами, молча, уставился на меня... Въ этихъ глазахъ опять проглядывало сумасшествіе...

— Да и померъ! да и померъ! да и померъ!—повторилъ онъ нѣсколько разъ, не спуская съ меня своего страшнаго взора... Я не выдержалъ и отвернулся отъ него. Когда я опять посмотрѣлъ на него, онъ лежалъ навзничь и горько плакалъ. Я тронулъ его за плечо и сказалъ: Полно, полно!.. Онъ затрясся еще шибче отъ душившихъ его слезъ и, поднявъ голову, безсмысленно глядя на меня, залепеталъ, какъ ребенокъ, все одно и тоже слово: „тятя, путеня, тятя путеня“...

Мнѣ стало страшно. Я взялъ кружку и опять подалъ ему воды... Онъ жадно, захлебываясь и икая, выпилъ воду и хотѣлъ было подняться сѣсть, да не смогъ и, откинувшись на подушку, долго молчалъ, глядя „чудными“ глазами куда то вдаль...

XXVI.

— Взялъ я его тѣло,—вдругъ неожиданно и какимъ то совсѣмъ другимъ голосомъ, точно плача, заговорилъ онъ,— и побѣжалъ отъ рѣки въ гору въ лѣсъ... Зачѣмъ? Не знаю. Бѣжалъ, бѣжалъ... споткнулся, упалъ... прямо на него... Тутъ ужъ я не помню, что было... очнулся, тьма кругомъ... ночь непроглядная... и тишина мертвая, тупая, страшная... Вспомнилъ я все вдругъ... подкатилъ точно шаръ къ моему сердцу... Николенька, кричу, Николенька, гдѣ ты?! А самъ вѣдь отлично знаю, что мертвый онъ, а думаю: авось, Господь дастъ, отзовется... Да нѣтъ, не отозвался! Взялъ я трупикъ его... положилъ къ себѣ на колѣна... припалъ къ нему, да такъ и замеръ... И вся то тутъ мнѣ моя горькая жизнь представилась! вся! и возропталъ я на Бога! За что, за что наказуешь?! За что отнялъ у меня то, что любилъ я?! За что, Господи!.. О!—воскликнулъ онъ страстно,—страшная это была ночь! Мучилась душа человѣчья, одинокая, никому то, никому не нужная! истерзанная, жалкая!.. Лились никому то, ни кому не видимыя, горькія слезы... Одинъ и мертвый сынъ на рукахъ... Понимаешь! Понимаешь ты это?.. Есть на тебѣ крестъ... есть въ тебѣ Богъ... есть жалость—поймешь!.. И дивное дѣло: какъ я не померъ тогда! какъ не задушилъ себя своими руками!..

— Утро,—продолжалъ онъ, немного успокоившись,—застало меня надъ трупикомъ... мокрое утро, тоскливое, холодное... Что дѣлать? Ни денегъ похоронить его, ни одежы... Нѣтъ ничего... Куда дѣться съ нимъ... объявить?.. придерутся... „Кто такой?..“ „откуда“?.. то, се... всю душу вымотаютъ... Думалъ, думалъ, да и рѣшилъ похоронить его самъ, безъ попа... Укуталъ тѣльцо его тряпками, спряталъ подъ елкой, а самъ побѣжалъ въ деревню за заступомъ... Какъ мнѣ его удалось раздобыть?—не помню... Возвратился назадъ, походилъ по лѣсу, нашелъ мѣсто эдакое, глухое, тихое, печальное... Сталъ рыть яму... рою и плачу, рою и плачу... Брошу рыть, подойду, загляну ему въ личико... лежитъ онъ и ничего то, ничего не слышитъ, губенки полуоткрыты и зубки видны...

— Выкопалъ яму... наломалъ еловыхъ вѣтокъ, обложилъ ими все дно... чтобы, думаю, легче ему спать было... Вылѣзъ изъ ямы... о, Господи! оставили тутъ меня силы, палъ на колѣнки передъ нимъ: „Николенька, батюшка! ангелъ... прощай, прощай!.. Сынокъ мой! „путеня“... прости меня!..“ обхватилъ его въ охапку, опустился въ могилу... положилъ на вѣтки

не навзничъ, а на бочокъ и самъ легъ съ нимъ... Полежу, думаю, въ останный разокъ... обезумѣлъ совсѣмъ и молитвы читаю и плачу... Какъ я простился съ нимъ,—не помню!.. Вылѣзъ изъ ямы... схватилъ заступъ, зажмурился и кинулъ землю... слышу ударилась... Напала тутъ на меня ярость, какая то дикая, звѣриная... точно кто бьетъ меня по головѣ и кричитъ: „скорѣй, скорѣй, скорѣй"!..

Онъ замолкъ.

— Что-же дальше то?—спросилъ я.

XXVI.

Черезъ нѣсколько дней его перевели куда-то внизъ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Какъ-то разъ утромъ мы увидали въ окно изъ нашего третьяго этажа, что изъ больницы четверо рабочихъ на носилкахъ потащили куда-то черезъ дворъ его тѣло. Я отъ души пожалѣлъ его и отъ души пожелалъ ему всего хорошаго тамъ, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіи"...

Его мѣсто рядомъ со мной занялъ другой субъектъ, совсѣмъ въ другомъ родѣ... Это былъ, пріобрѣвшій на Хивѣ обширную извѣстность, юродивый Петруша. Большинство „больныхъ" изъ нашей палаты знало его хорошо. Это былъ загадочный человѣкъ, не то монахъ, не то странникъ... Волоса у него были черные, курчавые и длинные... лицо, опухшее, бѣлое... Глаза черные, бойкіе, наглые... Походка кошки, крадущейся за мышью... руки пухлыя, бѣлыя, съ короткими обгрызками, вмѣсто ногтей...

Благодаря этому „юродивому", моя койка, а также и его превратились въ какой-то клубъ... Петруша былъ неистощимый разсказчикъ... Онъ нисколько не стѣснялся, чувствуя себя между „своихъ", разсказывая про свои похожденія, надувательства, пьянство и развратъ, пересыпая рѣчь такими ругательствами, какими не ругается ни одинъ становой... Гомерическій хохотъ стоялъ каждый вечеръ около нашихъ коекъ... Чего только я не наслушался отъ этого человѣка!..

Въ больницу онъ попалъ послѣ сильнаго и долгаго пьянства, спустивъ съ себя все, затѣмъ только, чтобы послать отсюда письма съ просьбой о помощи „болящему и страждущему рабу Божьему Петрушѣ"...

На другой же день по поступленіи онъ настрочилъ нѣсколько такихъ писемъ, послалъ и сталъ ждать „движенія воды"...

Въ первое же воскресенье „движеніе воды" не замедлило

сказаться: явились какія-то двѣ почтенныя матроны—матушки изъ монастыря.

Когда сообщили объ этомъ Петрушѣ, онъ какъ-то сразу преобразился изъ веселаго и здороваго въ согбеннаго, удрученнаго недугами старца... Походка, фигура, лицо, глаза,—всё сдѣлалось другое. Сгорбившись, шлепая туфлями по полу, пошелъ онъ на лѣстницу, гдѣ его дожидались, и черезъ полчаса вернулся въ палату прежнимъ Петрушей, неся цѣлый узелъ „гостинцевъ".

— Вотъ какъ наши кошелями-то машутъ!—весело крикнулъ онъ мнѣ, бросая узелъ на койку, — теперь заживемъ... Не тужи! Гляди сюда, — онъ протянулъ ко мнѣ руку и разжалъ кулакъ. На ладони лежалъ золотой въ пять рублей.—Ужо можно въ картишки... Та, та, та... Съ нами Богъ, разумѣйте языцы... „Петруша, Петруша"... Дураки вы всѣ!..

Въ узлѣ, когда онъ развязалъ его, оказались: чай, сахаръ, булки, „монпасье", двѣ банки съ вареньемъ и еще кое-что...

— Погоди, — сказалъ онъ, — ужо не то будетъ... Скоро „сама" придетъ... Принесетъ добраго здоровьица...

Дѣйствительно, его скоро опять кликнули. Это оказалось пришла „сама", т. е. его, какъ онъ выразился, „дама сердца, мать Ефросинья, съ которой онъ жилъ на Хивѣ и вмѣстѣ пьянствовалъ, пропивая заработанныя деньги"... Она принесла бутылку водки и двѣ четверки махорки...

— Ну, теперь я кумъ королю,—говорилъ онъ, смѣясь,—а дай-ко вотъ еще кой-куда настрочу,—не то будетъ... Со мной, рабъ Божій, сытъ и пьянъ будешь... Ѣшь, пей, не жалко... Ѣшь, чудакъ...

Къ вечеру Петруша напился, ночью, играя въ карты „проигралъ" три рубля, а остальные отобрала у него нянька, съ которой онъ гдѣ-то на чердакѣ ночью, какъ самъ выразился, „говорилъ про божественное"...

— Сколько я этихъ бабъ на своемъ вѣку облопошилъ,— разсказывалъ онъ мнѣ вечеромъ, сидя на койкѣ и куря огромную „собачью ножку",—такъ и счету нѣтъ... Дуры... ахъ, дуры есть изъ нихъ... Ты что, рабъ Божій, знаешь? Меня за святого почитали... Слѣдъ мой вынимали!..

— Какъ такъ?..

— А такъ... Гдѣ я вступлю „стопой" своей, т. е. ножищей грязной, въ снѣгъ али тамъ въ грязь, сейчасъ это мѣсто, слѣдъ-то и вынутъ... Коли снѣгъ, — растопятъ и пьютъ, ну, а ужъ грязь куда идетъ — не знаю... Ха, ха, ха... А то, бывало, за полы меня ловятъ, подрясникъ цѣлуютъ... Ей-Богу, не вру!.. „Петруша, Петрушенька, Петруша"! ахъ, провались вы всѣ, дуры анаѳемскія!

— А то разъ со мной какой случай былъ: стоялъ я у

Большого Вознесенія въ Елоховѣ... товарищъ со мной былъ, о. Досифей... пьяница, чортъ, страсть! Ну, отошла обѣдня... вижу: идетъ купчиха брюхатая... Я это сейчасъ подскочилъ на одной ножкѣ: „мальчика родить! мальчика, мальчика“! Ну, подала она мнѣ. „Помолись за рабу Божью Евдокію, Петруша“... А я опять: „мальчика родить! мальчика, мальчика“!.. Вдругъ слышу, спрашиваетъ меня сзади кто-то: „А я кого рожу“?.. Я съ дуру-то не разобралъ, думалъ это мой Досифей смѣется, да и ляпнулъ: чорта!.. Оглянулся, — хвать — приставъ! Вотъ такъ клюква!.. Ха, ха, ха!..

— А то еще разъ я княгиню облапошилъ. Домъ у ней свой насупротивъ Храма Спасителя... Взошелъ въ ворота на дворъ: гляжу—клумбы... цвѣты растутъ... Княгиня на балконѣ сидитъ... Я это сейчасъ скокъ, скокъ... подбѣгу къ цвѣточку, поцѣлую его, къ другому... увидала княгиня: „кто такой“?.. бѣжитъ горничная ко мнѣ: „кто ты?“ а я: „Петруша, Петруша, матушка, Петруша, рабъ Божій! Спаси Господи“!.. Сейчасъ меня, раба божьяго, къ самой... Въ комнаты ввели... палаты—страсть!.. „Ахъ, Петруша, Петруша, я больна... сердце болитъ“... Молись, матушка, молись, молись. „Покушать Петруша, не хочешь ли“? Сухарика, матушка, съ водицей... сухарика, сухарика... Спаси Господи! А самъ хожу по угламъ: въ одинъ плюну, въ другой дуну... Думаю: какъ бы мнѣ... того... улизнуть...—„У отца Ивана Кронштадтскаго бываешь ли, Петруша“?..—Какъ же, какъ же, матушка, недавно отъ него... недавно, недавно... сподобился... благословилъ меня къ Преподобному Сергію... иду, матушка, на дняхъ... „Ахъ, Петруша, помолись за меня грѣшную“... Помолюсь, матушка, помолюсь... Не будетъ ли жертва какая, преподобному... за упокой родственниковъ...—„Ахъ какъ же Петруша, будетъ, будетъ!“ Ну, думаю, мнѣ это-то и надо... Сѣла къ столу, написала что-то на бумажкѣ, достала денегъ, сунула все въ конвертъ, даетъ мнѣ... Спаси Господи, матушка, спаси Господи!.. Подастъ тебѣ Господь... молись, молись... Я тебя еще навѣщу въ скорби твоей... „Ахъ, навѣсти, Петруша!“ Ну, вышелъ я это на дворъ, глядь: дворникъ, повара, кучеръ, горничныя ко мнѣ: „Петруша, Петруша, скажи намъ, скажи намъ... благослови“!.. Лѣзутъ ко мнѣ... въ уголъ прижали у воротъ... Ахъ, дери васъ чортъ! думаю, а самъ гляжу за ворота, нѣтъ ли гдѣ, спаси Богъ, пристава, либо городового... Насилу вырвался... одолѣли... Нанялъ извозчика, на Хиву... Посмотрѣлъ въ конвертѣ-то, а тамъ 75 бумажекъ... Ловко, а?.. Вотъ какъ дѣла-то обдѣлываемъ, не по вашему... Почудилъ, рабъ Божій, я на своемъ вѣку!..

— Да вѣдь грѣхъ,—сказалъ я ему какъ-то разъ.—Стыдно Божьимъ именемъ людей морочить.

— Эхъ!—сказалъ онъ, подумавши, и махнулъ рукой.—Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ... Наплевать!.. все одно ужъ горѣть въ аду, такъ горѣть... А можетъ это и пустое адъ-то?.. Помремъ, увидимъ... Наплевать! Живи, пока Богъ грѣхамъ терпитъ... Эхъ-ма!.. ходи веселѣй!!.

И, подобравъ полы халата, онъ началъ выдѣлывать ногами уморительныя па, при всеобщемъ хохотѣ „больныхъ"...

XXVII.

Былъ и еще человѣкъ, потѣшавшій нашу палату разсказами и пользовавшійся, подобно Петрушѣ, завиднымъ авторитетомъ. Это былъ, какъ онъ называлъ себя, „вѣчный стрѣлокъ", по имени Григорій Дурасовъ, прошедшій, какъ говорится, огонь и воду и мѣдныя трубы.

Небольшого роста, крѣпкій, съ бойкими, умными глазами, живой и ловкій, онъ никогда ни передъ чѣмъ не задумывался... Чего-чего только онъ не перевидалъ и не перетерпѣлъ на своемъ вѣку!.. Его разсказы были необыкновенно живы, правдивы и интересны. Какой-нибудь пустой случай онъ умѣлъ такъ освѣтить и передать съ такимъ юморомъ и правдой, что невозможно было не смѣяться... Память у него была просто таки феноменальная. Впрочемъ, онъ разсказывалъ не только о своихъ приключеніяхъ и похожденіяхъ, но передавалъ чуть не слово въ слово большіе разсказы и даже романы. При мнѣ, напримѣръ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ занималъ насъ передачей одного романа, печатавшагося (подъ заглавіемъ „Буря въ стоячихъ водахъ") въ газеткѣ „Московскій Листокъ".

Въ палатѣ онъ пользовался почетомъ. Его даже боялись: тому, кто связывался съ нимъ, приходилось солоно отъ его остраго, какъ бритва, языка. На его койкѣ устраивался по ночамъ „майданъ", т. е. картежная игра на деньги. У него постоянно можно было купить махорки, бумаги, яицъ, „воробья", пайку ситнаго хлѣба...

Чѣмъ онъ былъ болѣнъ—неизвѣстно. Вѣрнѣе всего—ничѣмъ. Онъ просто „отлеживалъ" глухое зимнее время.

— Вотъ какъ прилетятъ жаворонки,—говорилъ онъ какъ-то разъ собравшимся слушателямъ,—и мы полетимъ... И все у насъ будетъ... чаекъ и баранки! Здѣсь, что-ли, оставаться? Это вы, дураки, корпите, а я уйду... Я каждый день, ничего не дѣлая, сорокъ-то копѣекъ добуду... Вольный казакъ. Куда хочу—туда иду. Захотѣлъ отдохнуть—отдыхай... никто надъ душой не стоитъ... работать не стану... За шесть-то цѣлковыхъ въ мѣсяцъ—была нужда... Награждай ихъ, чертей, съ

дуру-то. Сиди, какъ сычъ, гдѣ-нибудь въ подвалѣ... А на волѣ-то благодать! рай!.. Птицы поютъ и ты поешь!.. кормить мнѣ некого... одинъ... женой не обвязался... Сумку за спину, палку въ руки,—пошелъ оброкъ собирать—любо!..

— Что-жь ты, Григорій, не женился?—спросилъ кто-то.

— Зачѣмъ? Нашему брату жениться нельзя... баба любитъ гнѣздо, а нашъ братъ волю... Летѣть куда-нибудь... На одномъ мѣстѣ не усидишь,—мохомъ обростешь... Чужой вѣкъ заѣдать—жениться-то. Моя жена—воля, крыша—небушко... И ничего мнѣ больше не надо.

— Такъ всю жизнь ходить и будешь?

— Такъ и буду... Пойду, пойду, авось до смерти дойду... Дойду до смерти, вотъ и женюсь тогда... Такъ-то, други милые... Ну, кто хочетъ въ шашки на воробья?!

XXVIII.

Въ палатѣ „лежали" два мальчика, по здѣшнему, „молявки", которые особенно интересовали меня. Одинъ изъ нихъ „Сергунька", про котораго мнѣ разсказывали въ спальнѣ, былъ хорошенькій, лѣтъ 14-ти круглолицый и краснощекій мальчикъ. Другой, Васька, былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ: худенькій, черный, какъ жукъ, злой и сварливый, — онъ производилъ очень непріятное впечатлѣніе.

Оба они старались изображать изъ себя большихъ. Оба курили, пили водку, играли въ карты, ругались гадкими словами... У нихъ постоянно водились деньжонки, не переводилась махорка, яйца, ситный... Въ карты они играли съ особеннымъ азартомъ. Странно было видѣть ихъ дѣтскія лица ночью, при тускломъ свѣтѣ лампы, среди завзятыхъ, отчаянныхъ картежниковъ... Какія-то особенно-отвратительныя манеры были у нихъ во всемъ! Куритъ-ли, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, то папироску держитъ въ углу рта, на бокъ, безпрестанно сплевываетъ, безпрестанно ругается самыми гадкими словами...

Но это еще сравнительно ничего... Ужасно было смотрѣть на нихъ пьяныхъ... Вся грязь, гадость, развратъ Хивы, всосались въ нихъ, какъ вода въ губку... Ничего дѣтскаго, никакого проблеска непосредственности, свойственной дѣтскому возрасту...

— Сергунька,—спросилъ я какъ-то разъ,—зачѣмъ ты, дуракъ, водку пьешь? вѣдь гадко!

— Ступай ты къ чорту,—отвѣтилъ онъ,—учитель какой!.. А у самаго на папироску махорки нѣтъ... Тоже людей учитъ...

Ты поглядѣлъ бы на меня, какъ я въ именины налакался... Ахъ, здорово!

— Малъ ты еще, братъ...

— Малъ да уменъ... Дай-ко вотъ выросту... ахъ...

— Ну, что тогда?

— Богатъ буду!

— А гдѣ возьмешь?

— Достану!

— Никто такъ не дастъ.

— Да ужъ достану... Мнѣ наплевать, все едино придушу какого-нибудь чорта!..

— Въ деревнѣ у тебя есть родные?

— А на кой они мнѣ?!

— Въ деревнѣ-то лучше.

— Лучше... сказалъ!.. тамъ и жрать-то нечего... Здѣсь-то и водочка, и дѣвочки... все!

— Какія дѣвочки?

— Какія?.. костяныя да жильныя!.. дуракъ ты... Ну, дѣвки!.. Не знаешь, что-ли?.. Да что съ тобой говорить-то... ступай къ чорту...

Съ другимъ мальчикомъ Васькой у меня произошелъ небольшой инцидентъ: на шеѣ у меня висѣлъ вмѣстѣ съ крестомъ небольшой деревянный, въ серебряной вызолоченой оправѣ образокъ, который на меня надѣла, умирая, матушка... Онъ былъ мнѣ очень дорогъ. Увидѣвъ его какъ-то у меня на груди, Васька сейчасъ же справился: сколько онъ стоитъ и какая на немъ оправа?.. Я сказалъ, что серебряная, вызолоченная и совсѣмъ забылъ про это, думая, что онъ спросилъ объ этомъ изъ простого любопытства... Оказалось, однако, хуже.

Какъ-то разъ ночью, сквозь сонъ, услыхалъ я, что меня кто-то какъ будто дергаетъ за шнурокъ на шеѣ. Я проснулся и открылъ глаза. Гляжу: сидитъ на корточкахъ передъ койкой Васька и тихонько пиликаетъ ножемъ шнурокъ. Въ первую минуту я испугался и сдѣлалъ невольное движеніе. Замѣтивъ, что я гляжу на него, мальчикъ, какъ кошка, прыгнулъ въ сторону и, согнувшись, быстро побѣжалъ около коекъ на свое мѣсто... Я вскочилъ и бросился за нимъ. Онъ успѣлъ уже лечь на свою койку, закрыться одѣяломъ и притвориться спящимъ. Я отдернулъ одѣяло и сказалъ:

— Ты что же это, негодяй, дѣлаешь?

Онъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, и, сѣвъ на койкѣ, сталъ протирать рукой глаза.

— Не притворяйся,—крикнулъ я и дернулъ его за руку.

— Да ты что пристаешь! — въ свою очередь закричалъ онъ.—Я доктору скажу... зачѣмъ лѣзешь?..

— Ты сейчасъ у меня образокъ срѣзывалъ.

— Образокъ! какой образокъ?.. Караулъ!!.—вдругъ громко закричалъ онъ и этимъ крикомъ разбудилъ своего сосѣда и еще нѣсколько человѣкъ.

— Что за чортъ?—спросилъ сосѣдъ,—чего ты орешь?

— Да какъ же,—заговорилъ Васька, показывая на меня и вдругъ заплакалъ,—присталъ ко мнѣ... разбудилъ... сталъ безобразничать... Теперь говоритъ, что образъ вишь я у него укралъ какой-то... Я доктору скажу... ей-Богу скажу! батюшки, родимые, что-жъ это такое? воромъ меня сдѣлалъ. О-о-охъ... доктору скажу... глазаньки мои лопни, скажу...

Видя, что дѣло приняло такой оборотъ, я плюнулъ и пошелъ на свое мѣсто...

— Самъ воръ!—неслось мнѣ вслѣдъ, золотая рота... абармотъ!.. кашу сюда пришелъ жрать казенную!..

Утромъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, подавая „собачью ножку":

— На, курни, чортъ. Впередъ умнѣе будь... не лѣзь... на все знай время... зря-то тоже это дѣло не дѣлается.

. . . .

Три недѣли пролежалъ я въ больницѣ, и эти три недѣли показались мнѣ за три года...

Письмо я послалъ на третій же день по поступленіи и сталъ ждать отвѣта... Отвѣтъ пришелъ только по прошествіи трехъ недѣль и такой отвѣтъ, котораго я не ожидалъ.

Какъ-то разъ, рано утромъ, слышу я вдругъ, кличутъ меня по фамиліи... Поднимаю голову,—гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю: въ дверяхъ стоитъ сестра!.

. . . .

Она увезла меня въ деревню.

Семенъ Подъячевъ.

ЗАСУХА.

Я проѣзжалъ дорогою глухой.
Пустыня—степь со всѣхъ сторонъ лежала,
Былъ душенъ воздухъ, мертвый и сухой,
И чудилось—какъ тяжело-больной,
Земля вокругъ томилась и стонала.

Сверкало солнце. Былъ палящій зной.
Клубилась пыль тяжелая съ дороги.
Молчалъ, дремалъ возница жалкій мой;
Худая кляча, съ острою спиной,
Едва-едва переставляла ноги.

То тутъ, то тамъ встрѣчались хутора.
Унылый видъ,—безжизненныя хаты...
Жестоко жгла іюльская жара
Нѣмой просторъ пустыннаго двора,
А за дворомъ безплодныхъ нивъ раскаты.

На встрѣчу намъ нигдѣ изъ-подъ воротъ
Мохнатыя дворняшки не бѣжали...
„Прогнѣванъ Богъ; пропалъ, пропалъ народъ!..“
Шепталъ ямщикъ, крестилъ, зѣвая, ротъ...
П дальше мы пустыней проѣзжали...

Н. Шрейтеръ.

КОГДА ЖЕЛѢЗНЫЙ ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

Изъ комедіи жизни. *Іонаса Ли.*

(Переводъ съ норвежскаго).

Пятый день.

Воздухъ сталъ пріятнымъ, мягкимъ. Онъ получилъ странный, желтоватый оттѣнокъ.

Море почти ослѣпляло. Приходилось подумывать о лѣтней одеждѣ, а пока всѣ растегнули верхнее платье.

На палубѣ было большое оживленіе и всѣ соглашались съ тѣмъ, что трудно представить сѣбѣ погоду лучше и плаваніе болѣе благопріятное для даннаго времени года.

Всѣ размѣстились небольшими группами за отдѣльными столиками и велѣли подать себѣ кофе; кто прохаживался съ сигарой, кто, вооружась биноклемъ, смотрѣлъ въ даль моря.

Жоко вспомнилъ о родной Африкѣ и безъ устали кувыркался и прыгалъ.

Слуги, вышедшіе подышать свѣжимъ воздухомъ, стояли въ дверяхъ; у лѣстницы показались два машиниста, вытирая свои потныя лица.

Мэри Іонсонъ сидѣла съ книгой въ рукахъ и съ биноклемъ на скамьѣ. Правая рука ея была на узкой перевязи. Къ ней подходилъ то тотъ, то другой изъ пассажировъ и справлялся объ ея здоровьѣ и объ ранѣ—глубока ли она, идетъ ли еще кровь, прикладывала ли она ледъ, могла ли шевелить пальцемъ и какъ долго еще проболитъ рука...

Мэри, чувствуя себя предметомъ всеобщаго вниманія, немного важничала и съ томнымъ видомъ разсказывала каждому изъ интересовавшихся, какъ это случилось, при чемъ слушатели дѣлали такія грустныя и удрученныя мины, точно явились на похороны пальца.

Грипъ ходилъ взадъ и впередъ, не подходя къ ней.

Мэри поминутно вставала и слѣдила въ бинокль за парусными судами.

— Пять, шесть, семь!—восклицала она.

Число биноклей, направленныхъ въ море, все увеличивалось, а парусныя суда все прибывали...

Но Грипъ даже не глядѣлъ въ ту сторону.

Должно быть, онъ погруженъ въ свои фортепіанныя мысли... А вонъ теперь усѣлся штудировать пачку старыхъ, истрепанныхъ газетъ.

Она еще два раза встала и пересчитала суда, а затѣмъ сѣла и задумалась. Потомъ занялась пальцемъ и стала сдирать съ него пластырь.

— Фу, какъ больно, ужасно больно...ой!..

Пластырь свалился. Ей ничего больше не оставалось, какъ идти къ своему доктору.

— Г-нъ Грипъ! Что мнѣ дѣлать! — воскликнула она въ испугѣ, торопливо направляясь къ нему съ протянутой рукой.—Пластырь!..

Грипъ разсѣянно взглянулъ на нее изъ за газетъ.

— Обратитесь, пожалуйста, къ врачу: я не могу отважиться лѣчить такой тяжелый случай.

— Наложить пластырь то?—сказала она съ негодованіемъ.

— Да, другое дѣло, если бы это былъ зонтикъ,—отвѣтилъ онъ, собралъ газеты, раскланялся и ушелъ.

Мэри въ смущеніи глядѣла ему въ слѣдъ: теперь онъ не на шутку разсердился.

Она постояла еще съ минуту, а затѣмъ побѣжала къ себѣ въ каюту, бросилась на постель и разрыдалась... Какъ скучно!.. Охъ, какъ скучно!..

Кетиль Боргъ принесъ снизу отъ Матіаса Вигъ цѣлую пачку фотографическихъ снимковъ. Онъ хотѣлъ показать ихъ миссъ Анни и посмотрѣть, узнаютъ ли они съ ней нѣкоторыя изъ мѣстъ своихъ лѣтнихъ прогулокъ.

Они сидѣли у стола и тихо разговаривали другъ съ другомъ въ то время, какъ картины горъ и фіордовъ проходили передъ ними, какъ въ панорамѣ.

Да, вотъ здѣсь, какъ разъ въ ущельѣ за этими снѣжными вершинами, онъ въ прошломъ году провелъ три дня, охотясь на дикаго оленя; два раза цѣлая оленья семья была передъ нимъ на разстояніи выстрѣла, но въ послѣднюю минуту добыча выскользнула изъ рукъ.

Миссъ Анни смотрѣла то на фотографію, то на него, съ смѣшаннымъ выраженіемъ ужаса и очарованія.

А вотъ дивная картина фіорда, тонущаго среди фруктовыхъ деревьевъ, вотъ лѣсъ поднимается на величественныя горы, а вотъ и горка съ домиками у подножья словно

поджидаетъ, чтобы на ея вершинѣ воцарился барскій домъ. Хозяйка дома чувствовала бы себя въ немъ, какъ королева во дворцѣ, и видѣла бы изъ оконъ всѣ окрестности.

Онъ поглядѣлъ на нее въ упоръ.

— Вѣдь вы тоже любите Норвегію, миссъ Анни!

А вонъ тамъ, среди прекрасной идилліи, шумитъ водопадъ, могучій и гордый, здѣсь онъ чуть видѣнъ изъ-за горъ... настоящій дикарь, котораго слѣдуетъ приручить и подчинить себѣ капиталомъ и машинами.—Вѣдь 10—12 тысячъ лошадиныхъ силъ! — говорилъ инженеръ восторженно; но вдругъ смолкъ и началъ быстро переходить отъ одной фотографіи къ другой, отбрасывая ихъ въ общую кучу на столѣ.

— Мнѣ всегда будетъ рисоваться на этомъ ландшафтѣ домъ, котораго *нѣтъ* тамъ, — сказала миссъ Анни тихо, опустивъ глаза.

Кетиль Боргъ какъ бы не слышалъ.

— А отгадайте, миссъ Анни, что за этой горой съ двумя вершинами?—спросилъ онъ, указывая на фотографію.

— Какъ же мнѣ знать: я никогда не влѣзала на такія высоты за дикими оленями,—разсмѣялась она.

— За двѣ мили отсюда озеро, у котораго мы въ первый разъ встрѣтились.

Онъ устремилъ взоръ въ пространство, какъ бы вызывая передъ собой эту картину...

— Вода блестѣла, какъ зеркало, воздухъ былъ такъ волшебно-прозраченъ... и... и... вы и лодка отражались въ водѣ... Этой картины я никогда не забуду!.. И въ послѣдній разъ!.. Я былъ увѣренъ, что наши пути разошлись навсегда.

— А вотъ мы снова вмѣстѣ! — перебила она, вся сіяя.— Мы опять путешествуемъ по Норвегіи, мама,—крикнула она навстрѣчу входившей матери.

— Какъ ты хорошо выглядишь, дѣточка моя,—сказала мать и потрепала ее по щекѣ.—Ея глаза блестятъ такъ, вѣроятно, отъ того, что вы опять водите ее по горамъ, — сказала мистрисъ Рокландъ Кетилю Боргъ и похлопала его по плечу; затѣмъ она подсѣла къ нимъ и съ интересомъ стала разглядывать фотографіи.

. . . .

Фрекенъ Морландъ устроилась съ мальчикомъ въ тишинѣ залы; но Гуннаръ что-то капризничалъ и сердился; она изо всѣхъ силъ старалась развлечь его то тѣмъ, то другимъ, чтобы только онъ не разразился громкимъ плачемъ и не произвелъ скандала среди чужихъ людей.

Она брала его на руки, называла самыми нѣжными именами, обѣщала ему то то, то другое, давала сластей, подносила къ его уху тикающіе часики и рисовала лошадокъ; но онъ

продолжалъ упрямиться и вырываться изъ рукъ, какъ бы говоря каждымъ поворотомъ своего тѣла: „не хочу!.. нехочу"!..

Не зная, что бы еще придумать, она вынимала изъ корзинки съ игрушками то лошадь, то паяца, но съ отчаяніемъ замѣчала, какъ новое облако надвигалось на личико ребенка.

Ей тяжело было сознавать, что она не понимаетъ ребенка. Если бы догадаться, чего онъ хочетъ!

Коричневое пальто съ интересомъ слѣдилъ нѣсколько времени за происходившимъ, затѣмъ ушелъ и, вернувшись, торжественно поставилъ передъ мальчикомъ деревянную колодку для сапогъ.

Гуннаръ широко раскрылъ глазки.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ съ колодкой на палубѣ и съ любопытствомъ разглядывалъ со всѣхъ сторонъ диковинную вещицу, таща ее по временамъ за собой: колодка, повидимому, должна была изображать собою сани.

Фрекенъ Морландъ не нашлась, что сказать. Перемѣна произошла такъ быстро, средство было такъ просто. Она съ удивленіемъ смотрѣла на волшебника, который сдѣлалъ это.

Коричневое пальто кивнулъ ей, и въ его глазахъ на минуту мелькнуло выраженіе торжества.

— Когда я былъ ребенкомъ, я постоянно таскалъ у работника его деревянные башмаки и употреблялъ ихъ вмѣсто саней и лодки. Они были для меня милѣе всѣхъ изящныхъ игрушекъ, которыми заваливаютъ ребенка, не давая воли его фантазіи.

Фрекенъ Морландъ съ любопытствомъ слѣдила за всѣмъ, что Гуннаръ выдѣлывалъ съ сапожной колодкой.

А тотъ сидѣлъ, то качая колодку, то пытаясь удержать ее въ равновѣсіи.

Она быстро опустилась около него на колѣни.

— Божья коровка! — сказала она почти со слезами на глазахъ.—Я ничѣмъ не умѣю занять его и не успѣла еще примѣниться къ нему,—какъ бы извинялась она передъ Коричневымъ пальто.

— Корни деревьевъ сами выискиваютъ путь и пробираются впередъ,—сказалъ тотъ, качая головой,—а у людей препятствуютъ саморазвитію, постоянно подрѣзаютъ ихъ, чтобы одинъ былъ такимъ-же вялымъ и дряблымъ, какъ другой...

Меланхолично сказавъ это, онъ пошелъ своей дорогой...

. . . .

На носу нижней палубы часть пассажировъ собралась по обыкновенію смотрѣть на стоявшихъ тамъ лошадей мингера ванъ-Титуфъ.

Двое служителей мыли, скребли, чистили, терли ихъ и обсушивали съ помощью чистыхъ соломенныхъ вѣничковъ.

Правильный уходъ за ихъ кожей производился, между прочимъ, съ цѣлью доставить нѣкоторое развлеченіе благороднымъ животнымъ и тѣмъ поддерживать бодрость ихъ духа во время переправы.

Это были породистыя животныя: помѣсь съ чистыми іоркширами, англійскія охотничьи лошади, статныя, граціозныя, лоснящіяся, осанистыя. Условія жизни ихъ были настолько лучше жизни многихъ бѣдняковъ эмигрантовъ, что послѣднимъ могъ придти въ голову вопросъ—ужъ не занимаетъ ли животное благородной крови высшее мѣсто въ разрядѣ твореній, чѣмъ человѣкъ, который мыкаетъ горе въ грязи будничной жизни со своимъ такъ называемымъ душевнымъ благородствомъ.

Лошади горделиво поглядывали на окружающихъ, какъ будто не могло быть и тѣни сомнѣнія въ этомъ вопросѣ, а конюха, повидимому, вполнѣ раздѣляли этотъ взглядъ.

По утрамъ сюда всегда заходили нѣсколько пассажировъ 1-го класса, которые интересовались лошадьми, знали толкъ въ нихъ и въ уходѣ за ними. Ихъ говоръ и одобрительные возгласы наполняли собою импровизированную конюшню.

Сегодня самъ мингеръ ванъ-Титуфъ пришелъ навѣстить лошадей. Онъ стоялъ и съ видомъ знатока слѣдилъ за послѣдней чисткой.

Вдругъ онъ сбросилъ съ себя пальто, сдѣлалъ знакъ рукою конюху и взялъ хлыстъ, который тотъ протянулъ ему...

Два удара хлыстомъ по воздуху, какой-то возгласъ, какъ будто онъ обратился къ лошадямъ на ихъ языкѣ, и... мингеръ-ванъ-Титуфъ очутился на спинѣ ближайшей лошади, на мѣстѣ сѣдла, и похлопывалъ ее по шеѣ.

Потомъ онъ сталъ раскачиваться всѣмъ корпусомъ, какъ при ѣздѣ, съ такой же увѣренностью вскочилъ на спину другой лошади, лаская ее и называя по имени.

Послышался невольно вырвавшійся гулъ одобренія со стороны господъ 1-го класса.

Лошади слегка ржали, когда мингеръ, лаская, осматривалъ ихъ, поднималъ ноги, разглядывалъ поджилки и, въ концѣ концовъ, угостилъ ихъ хлѣбомъ и сахаромъ.

Кивнувъ одобрительно конюхамъ, онъ снова надѣлъ пальто, которое одинъ изъ служителей все время держалъ въ рукахъ, и направился къ выходу чопорно, не глядя по сторонамъ.

. . . .

— А, вотъ вы гдѣ, докторъ,—воскликнулъ скрипачъ, подходя съ веселой улыбкой къ семьѣ доктора.—Ужъ не привидѣлось-ли мнѣ, что и вы давеча прошмыгнули къ колдуньѣ?—спросилъ онъ, признавшись тутъ же, что придумалъ себѣ особаго рода забаву — подкарауливать, какъ тотъ или

другой потихоньку пробирается въ таинственный № 111, дѣлая видъ, что направляется въ эту сторону случайно или ради прогулки... Въ сумерки, передъ тѣмъ, какъ открываютъ электрическій кранъ, есть своя публика, прячущаяся отъ свѣта. Въ этомъ было бы нѣчто сказочное, притягательная сила заколдованной горы, если бы не знать, что за всѣмъ скрывается алчная женщина, загребающая деньги!

— Наука проникаетъ въ тайны съ помощью Рентгеновскихъ лучей, мистика — ясновидѣніемъ,—сказалъ докторъ,—но то, что таится въ душѣ человѣка есть и навсегда останется загадкой.

— И слава Богу!—засмѣялась его жена,—а то не осталось бы ни одной скрытой мысли, ни одного чувства... Вотъ была бы тосчища!

— Ты думаешь?—спросилъ докторъ.

— Конечно... А то что сказала бы наша сестрица, женщина, если бы пришлось выставить на показъ всѣ банки съ разными притираніями, румянами, бѣлилами и мушками, не говоря уже о томъ, что обнаружилось бы, гдѣ покупаются обворожительные локоны. Представь только себѣ, какъ отнесутся къ твоей идеѣ всѣ особы, которымъ перевалило за сорокъ! Ты говоришь такъ только потому, что спокоенъ за туалетный столъ своей жены, а о другихъ женщинахъ ты знаешь не больше того, что относится ко всякимъ медикаментамъ и къ уходу за кожей... Слѣдуетъ хорошенько вразумить тебя въ этомъ направленіи!

— Ты дѣлаешься удивительно краснорѣчивой каждый разъ, какъ рѣчь заходитъ на эту тему,—сказалъ докторъ насмѣшливо,—и удивительно изобрѣтательной на аргументы!

Скрипачъ подумалъ: „какая то струна дребезжитъ“— и ему захотѣлось незамѣтнымъ образомъ возстановить миръ.

— Вы, какъ я вижу, никогда не сойдетесь,—засмѣялся онъ,—по крайней мѣрѣ, на этомъ свѣтѣ, но въ этомъ то и есть прелесть... Я даже беру на себя смѣлость объяснить причину: г-жа Арна—художественная натура, а вы—ученый, стремитесь проникнуть въ суть вещей и получили прекрасное дополненіе себѣ въ лицѣ г-жи Арны. Ваши натуры будутъ постоянно вовлекать васъ въ споры и очаровывать васъ самихъ и вашихъ друзей всю жизнь. Вы будете спорить и въ смертный часъ. Г-жа Арна видитъ красоту въ солнечномъ сіяніи, а вы задумываетесь надъ его природой.

— Это отчасти правда, — согласился докторъ. — Мнѣ всегда казалось, Арна, что въ тебѣ есть что-то, чего не выразишь словами и что для обыкновеннаго человѣка навсегда останется загадкой.

— Приглядитесь хорошенько къ вашему сыну: въ немъ

непремѣнно долженъ быть зародышъ какого-нибудь искусства. Напримѣръ, не музыкантъ-ли онъ? — продолжалъ Хавсландъ.

— Да, пожалуй. Онъ такъ забавно перебираетъ клавиши своими крохотными пальчиками, подбирая тоны, и морщится, чуть не плачетъ при диссонансахъ. Посмотрѣли бы, какое у него личико, когда Фольтмаръ сажаетъ его къ себѣ на колѣни и играетъ для него!

— Фольтмаръ! Вотъ вѣдь удивительное музыкальное дарованіе, а не пошелъ дальше диллетанта.

— Да-а, онъ художникъ... поэтому-то моя жена и онъ такъ хорошо понимаютъ другъ друга,—подтвердилъ докторъ какимъ-то страннымъ, дрожащимъ голосомъ.

Онъ не произнесъ больше ни слова и сидѣлъ, сгорбившись, смотря въ полъ, пока оба его собесѣдника разсуждали объ Исаакѣ, какъ о будущемъ художникѣ.

На прекрасномъ высокомъ лбу доктора, обрамленномъ темными волосами, выступилъ холодный потъ.

. . . .

— Ну что, надумалъ? Согласенъ на мое предложеніе?— спросилъ Вангенстенъ.

Вопросъ засталъ фотографа врасплохъ, такъ какъ онъ и не думалъ о немъ.

— Говорю тебѣ, Матіасъ, что передъ тобой отверзятся небеса, если ты съ практическаго поприща перейдешь на почву отвлеченности.

— А тамъ развѣ не пьютъ? Или, можетъ быть, тамъ не чувствуютъ жажды?—спросилъ тотъ колко.

— Въ этомъ твое спасеніе.

Матіасъ слегка улыбнулся.

— Къ тому же я имѣю основаніе думать, что и твоя невѣста была бы довольна этимъ.

Матіаса точно кольнуло: его пріятель позволилъ себѣ разговаривать о немъ съ Элленъ... Какъ унизительно! Каждый считаетъ себя въ правѣ разсуждать о спасеніи пьяницы и объ его благѣ.

Матіасъ внутренне ощетинивался все больше и больше.

— Итакъ, по твоему, мнѣ надлежитъ сдѣлаться агентомъ „The Mutual Dundee“ и пуститься въ отвлеченность.... Тогда... Скажи, случалось тебѣ протягивать руку за стаканомъ, котораго вовсе нѣтъ на столѣ? Впрочемъ, гдѣ же, при твоей непогрѣшимости! А со мной бывало... когда бѣсъ насѣдалъ на меня... И имѣешь ли ты вообще какое-либо понятіе о томъ, что значитъ рюмка въ минуту сильнаго искушенія, когда все горе, всѣ страданія, разбитая жизнь и униженіе прорываются наружу, подобно тому, какъ если бы про-

рвалась плотина у моря и весь заливъ Зюдерзе хлынулъ на берегъ.

Глаза Матіаса Вигъ пылали.

— Дда... жаль, жаль, что я раньше не зналъ, что отъ всего этого можно избавиться, сдѣлавшись агентомъ „Mutual Dundee“.

— Въ тебѣ опять зарычалъ звѣрь, Матіасъ: это борьба между высшими и низшими побужденіями... Да кромѣ того, тебѣ просто на просто лѣнь...

Онъ снялъ шляпу и провелъ рукой по волнамъ черныхъ волосъ.

Въ то время, какъ онъ стоялъ и помахивалъ шляпой, его лицо и взглядъ какъ бы говорили, что онъ даетъ ему еще отсрочку...

— Плюнь на всю свою болтовню, Матіасъ, все это чистѣйшій вздоръ, и перейди къ дѣйствительности!.. Ну, о чемъ ты опять задумался?

— О томъ, что ты счастливецъ, Вангенстенъ! Во-первыхъ, ты появился на свѣтъ Божій съ такимъ вѣтромъ въ головѣ, что имъ можно бы было надуть главные паруса на кораблѣ, а на сушѣ—привести въ движеніе цѣлую кучу вѣтреныхъ мельницъ; во-вторыхъ, ты ужъ столько лѣтъ странствуешь по землѣ и хоть бы носкомъ сапога вступилъ въ дѣйствительность. Такъ какъ не современно съ каѳедры проповѣдывать объ идеалахъ дюжинѣ слушателей, ты взялъ да и перепорхнулъ на крыльяхъ своей иллюзіи къ „Dundee“, чтобы спасти міръ. Тебя никогда не мучили сомнѣнія и никогда не преслѣдовали неудачи. Ты проходилъ свой жизненный путь счастливчикомъ, съ крыльями даже на ногахъ... Но если бы все человѣчество перешло въ „Dundee“... Ахъ ты! Что понимаешь ты съ твоимъ идеальничаньемъ въ горѣ и въ раскаяніи, въ угрызеніяхъ совѣсти, въ скорбяхъ души и въ ея вопляхъ къ небу! И всетаки ты отважно предлагаешь пластырь человѣку, который всю свою жизнь боролся съ дѣйствительностью и лежитъ раздавленный тамъ, гдѣ ты и не бывалъ... Ха-ха-ха... не мѣшаетъ иногда выложить все!

Вангенстенъ продолжалъ помахивать шляпой.

— Ты ускользаешь отъ меня, старый товарищъ... Мнѣ жаль твоей невѣсты. Я все больше убѣждаюсь, что свѣтъ внутри тебя померкъ. А что касается твоихъ водочныхъ остротъ, то онѣ нисколько не задѣваютъ меня,—добавилъ онъ и, надѣвъ шляпу, ушелъ.

Шестой день.

Докторъ проснулся среди ночи. Ему послышался сдержанный смѣхъ... и какъ будто голосъ Фольтмара.

Онъ сталъ прислушиваться. Мысли путались.

— Нѣтъ, надо, во что бы то ни стало, побороть въ себѣ это безуміе.

На минуту ему представилось, что, можетъ быть, это Арна во снѣ смѣялась съ Фольтмаромъ; можетъ быть, она теперь на свиданіи съ нимъ и радостно сообщаетъ ему, что скрипачъ говорилъ о дарованіи мальчика.

Докторъ въ отчаяніи ударилъ себя кулакомъ по лбу.

Ему стоило только взглянуть на нее, чтобы убѣдиться, что все это было чистымъ безуміемъ съ его стороны. Надъ этимъ можно было бы смѣяться, если бы оно не дѣйствовало такъ печально на разсудокъ. Вѣдь она никогда не замалчивала имени Фольтмара въ разговорахъ, а, напротивъ, безпрестанно говорила о немъ и о тѣхъ теплыхъ чувствахъ, какія питала къ нему.

— Я сосредоточилъ въ ней радость всей моей жизни... Можетъ быть, не слѣдовало дѣлать этого... можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ безуміе.

Онъ принялся было одѣваться, но опять погрузился въ раздумье, которое, начавшись во мракѣ ночи, могло продлиться до того момента, пока его не встрѣтитъ невинный, удивленный взглядъ жены.

— Мысли нельзя связать, нельзя запереть ихъ,—метался онъ.—Будь хоть разъ не колпакомъ, а мужчиной, допусти, что ея страстная натура увлекла ее на мгновеніе... Что бы она сдѣлала тогда, именно она съ своей натурой? Она не захотѣла бы ошеломить, убить меня своимъ признаніемъ и молчала бы до послѣдней минуты, скорѣе умерла бы ради „моего счастья“, ради моей сильной любви, которая, она знаетъ это, погибнетъ; она пощадила бы меня... она, такая цѣльная и здоровая натура, подумала бы: „Къ чему дѣлать его несчастнымъ? Что случилось, то случилось“... и она старалась бы всей жизнью загладить свою ошибку.

Уже много, много разъ клокотали въ немъ эти мысли...

За завтракомъ докторъ только мелькомъ взглянулъ на жену и сына и теперь ходилъ по палубѣ въ самомъ тяжеломъ настроеніи.

„Художественныя натуры“—говорилъ скрипачъ—граждане страны, которые, подобно радугѣ, стоятъ высоко надъ нашей низменной землей... подчиняются высшимъ законамъ.

Да, когда рѣчь идетъ о двухъ струнахъ на скрипкѣ, фальшивый аккордъ или фальшивая фраза изъ священнаго царства звуковъ считается преступленіемъ. Этого никто изъ нихъ не возьметъ на свою совѣсть!

— А сознаніе отвѣтственности передъ скрипкой дѣйствительности?—бормоталъ онъ съ ядовитостью.

Раздавшійся свистокъ точно пронзилъ ему голову.

Ужъ не сходитъ ли онъ съ ума?

Онъ надъ Библіей поклялся бы въ невинности своей красавицы-жены, если бы кто другой вздумалъ сомнѣваться въ ней, и сдѣлалъ бы это когда угодно при обычныхъ условіяхъ, но теперь имъ овладѣло какое то безуміе—подтасовывать всевозможные факты и вызывать въ себѣ ощущеніе адской горечи...

Что знаетъ одинъ человѣкъ о другомъ? Лишь то, что рѣшаются выставить на свѣтъ.

Настоящее же признаніе таится въ самой глубинѣ души, и его каждый оставляетъ для самого себя.

Если бы можно было при свѣтѣ покопаться въ погребахъ людской жизни, то пришлось бы познакомиться съ небывалымъ этажемъ—съ мрачнымъ чердакомъ не надъ, а *подъ* домомъ...

Мрачный видъ мужа за завтракомъ не ускользнулъ отъ внимательнаго взора Арны. Прождавъ его довольно долго, она, уже послѣ полудня, стала съ безпокойствомъ искать его вездѣ.

Онъ, какъ оказалось, сидѣлъ въ курилкѣ въ склоненной позѣ, закрывъ лицо обѣими руками.

— Мой милый, милый Іонъ, что съ тобой? Ты пугаешь меня... Что съ тобой? Скажи мнѣ... Дай мнѣ хоть поправить твои волосы. Они слишкомъ спустились на лобъ.

— У меня болитъ голова, ужасно болитъ.

— Такъ пойдемъ я приложу тебѣ компрессъ изъ уксуса.

— Благодарю: уксуса у меня и такъ достаточно.

— Но послушай, дорогой Іонъ, вѣдь ты не гонишь же меня отъ себя?—жалобно спросила она.

— Ты видишь, что я хочу остаться одинъ.

— Одинъ, безъ *меня*! Теперь, когда ты такъ боленъ!.. Дорогой Іонъ, вспомни, что вѣдь это только твои нервы рисуютъ тебѣ все въ черномъ цвѣтѣ.

Ея лицо выдавало, какихъ усилій ей стоило бороться за послѣдніе два-три года съ постоянно возраставшимъ тревожнымъ чувствомъ. Каждый припадокъ меланхоліи у мужа леденилъ ее, но она пріучила себя встрѣчать его съ веселымъ видомъ и обычно ровнымъ голосомъ.

Теперь ея лицо покрылось смертельной блѣдностью, и она

бросилась передъ нимъ на колѣни. Ей пришла въ голову страшная мысль: не мѣшается ли онъ въ разсудкѣ.

— Послушай, уйдемъ отъ всего этого, вернемся домой... Іонъ, Іонъ...—умоляла она, лаская его.

— Ну-да... домой! Одна и та же пѣсня: домой и забавляться.

— Ты говоришь не то, что думаешь... Развѣ не я захотѣла вывести тебя изъ тѣсныхъ рамокъ жизни? Ахъ, милый мой, милый, дорогой...

Онъ выпрямился.

— Знаешь... и умные люди иногда дѣлаютъ глупости,—сказалъ онъ съ дѣланной улыбкой. Она внимательно посмотрѣла на него.—И мнѣ сегодня утромъ пришло въ голову побывать у колдуньи.

— Тебѣ?

— Тебѣ непріятно, что я былъ въ такомъ подорзительномъ мѣстѣ,—сказалъ онъ съ ироніей,—гдѣ смотрятъ черезъ особенный бинокль... Но видишь ли, когда головная боль дѣлается невыносимой, а у ученыхъ людей не оказывается больше ни пилюль, ни другихъ средствъ къ облегченію, то больной обращается къ кому попало. И моя прогулка туда оказалась не безъ результата.

— Вотъ какъ... Ну, что же она сказала тебѣ?

— Прежде всего она сказала правду,—что я женатъ... потомъ добиралась, добиралась, точно по запутанной ниткѣ и, наконецъ, заявила: у одного изъ насъ есть тайна...

Докторъ инквизиторскимъ взглядомъ слѣдилъ за каждымъ мускуломъ и фиброй въ лицѣ жены, какъ будто дѣло шло о жизни или смерти. Затѣмъ схватилъ ее за обѣ руки и притянулъ къ себѣ.

— Сжалься!—молилъ онъ.—Скажи во имя твоей души и вѣчной правды: какая у тебя тяжелая тайна?

— Милый, милый Іонъ,—воскликнула она, испуганная выраженіемъ глубокой душевной муки у него на лицѣ,—какія же у меня могутъ быть тайны отъ тебя?

— Такъ и зналъ... Такъ и зналъ...—Онъ выпустилъ ея руки и откинулся назадъ.—Отъ тебя ничего не добьешься.

Арна присѣла, какъ оглушенная.

Послѣ короткой, мучительной паузы докторъ всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—если одно вѣрно, то и другое можетъ исполниться... Она предсказала мнѣ, что тайна разоблачится во время этого переѣзда, но не могла опредѣлить, поведетъ ли это къ добру или къ худу... Все, что относилось къ плаванію, было какъ бы въ туманѣ; всѣ признаки или исчезали, или перепутывались на этомъ пунктѣ до того, что не возможно было разобраться.

— Ахъ, если бы все разъяснилось и все пошло попрежнему!—вырвалось у Арны, и она съ рыданіемъ упала на грудь мужа.

. . . .

Чтобы позабавить маленькаго Гуннара, фрэкенъ Морландъ поставила его у перилъ, откуда былъ виденъ 3-й классъ.

Въ шумной жизни внизу было много своеобразнаго и занимательнаго.

Больше всего мальчика заинтересовала шарманка съ куклами: въ то время, какъ на ней играли, куклы вертѣлись, снимали шляпы и протягивали тарелочки за деньгами.

Фрэкенъ Морландъ позвала его завтракать, но мальчугану было такъ весело, что его нельзя было оторвать никакими уговорами отъ интереснаго зрѣлища.

Коричневое пальто, повидимому, очень заинтересовался маленькимъ Гуннаромъ и слѣдилъ за этой сценой съ вызывающей улыбкой.

— Мальчику, навѣрно, не больше 5 лѣтъ,—произнесъ онъ неожиданно.

— Четыре съ половиной,—поправила фрэкенъ Морландъ.

— Потому онъ такъ упорно и стоитъ на своемъ.—Фрэкенъ Морландъ взглянула на него, не понимая, что онъ хочетъ сказать.—Насколько мнѣ извѣстно изъ личнаго опыта,—продолжалъ онъ,—съ семи-восьми лѣтняго возраста у человѣка исчезаютъ послѣдніе остатки его собственной воли. Съ этого времени всѣ начинаютъ дѣлаться умниками, проникаются разными разсужденіями и тянутся туда, куда вѣтеръ подуетъ. Всѣ позднѣйшіе годы, вплоть до Адамова возраста—лишь время увяданія... Всѣ вотъ эти господа вокругъ насъ тянутся по вѣтру. Тотъ или другой берется управлять вѣтромъ и выступаетъ въ качествѣ проповѣдника и властелина.

Фрэкенъ Морландъ обхватила Гуннара, какъ бы беря его подъ свою защиту.

— Судя по вашимъ словамъ,—все человѣчество тронуто морозомъ! — и глаза ея гнѣвно сверкнули. — А матери, которыя всю свою душу вкладываютъ въ дѣтей и тревожно слѣдятъ за каждымъ ихъ шагомъ, пока сами не измыкаются въ конецъ; но и тогда, не думая о себѣ, готовы на новыя жертвы, если онѣ нужны для блага дѣтей. И онѣ дѣлаютъ это не раздумывая, будь онѣ даже въ возрастѣ Авраама и Сары... У васъ вѣдь тоже была мать, г-нъ... г-нъ...

— Отрицаю самымъ положительнымъ образомъ,—возразилъ Коричневое пальто.—Та, которую называли моей матерью, умерла отъ переутомленія свѣтской жизнью и видѣла

въ моемъ появленіи на свѣтъ одну лишь порчу своей красоты.

Фрэкенъ Морландъ посмотрѣла на него съ участіемъ и воскликнула, кинувъ взглядъ на Гуннара:

— Бѣдняжка, бѣдняжка! Вѣдь у этого ребенка тоже не было матери. Не было... не было...—повторила она.—Этого нельзя ничѣмъ загладить, крошка Гуннаръ... А мнѣ кажется, что я помню еще то раннее дѣтство, когда мать укладывала меня на лугу возлѣ себя. Она разсказывала или напѣвала что-либо, а я лежала и тянулась за желтыми цвѣтами и букашками, которыя ползали по травѣ. Ахъ, какъ все казалось свѣтло тогда! Можно себѣ представить, какимъ чуднымъ, блестящимъ кажется міръ такому крошечному существу!..

— Сказки! о принцахъ, сласти и ложь,—вотъ что преподносятъ ему!—сказалъ Коричневое пальто и поплелся дальше.

. . . .

Мэри Іонсонъ снова вышла погулять. Она посидѣла немножко на вѣтру на верхней палубѣ и рѣшила, что теперь надо сбѣгать внизъ.

Она заглянула даже украдкой въ курилку.

И тамъ нѣтъ...

— Куда онъ могъ дѣться?

Да, она никогда прежде не видала такой черной, какъ смоль, бороды... никогда... и такихъ сверкающихъ бѣлыхъ зубовъ!

Раньше онъ былъ вездѣ, гдѣ бы она ни появилась; а теперь... вчера съ самаго полдня ни разу не показался! И сегодня,—точно его вѣтромъ сдуло.

Мэри ходила, напоминая собою судно безъ руля.

Вдругъ она быстро направилась внизъ въ музыкальную залу.

Никого!

Она подошла къ роялю и стала разглядывать его со всѣхъ сторонъ. Какой красивый!.. и нарядный какой!.. Она нагнулась и посмотрѣла на фабричное клеймо... Затѣмъ подняла тяжелую крышку и заглянула во внутренность инструмента.

— Какъ это интересно!.. Эта фабрика славится на весь міръ!

Кто-то взялся за ручку дрери.

Крышка сейчасъ же захлопнулась.

Должно быть, Грипъ.

Грипъ выглянулъ и, повидимому, хотѣлъ шмыгнуть обратно.

— Г-нъ Грипъ, — спросила Мэри, — что это хорошій рояль? Хорошей фабрики?

— Да, ничего себѣ, годится, чтобы раскачиваться между небомъ и моремъ,—отвѣтилъ онъ равнодушно и снова взялся за ручку двери.

— Ахъ, сегодня ужасно скучно!

— Вотъ какъ? Отчего-жъ бы это?

— Развѣ вы не знаете, что барометръ падаетъ?

— Развѣ это такъ опасно?

— Конечно! Развѣ вы не слыхали объ ужасныхъ предсказаніяхъ? Туснельда видитъ только туманъ и мракъ, чуть дѣло коснется переѣзда. И сегодня ночью барометръ вдругъ опустился. Теперь вы видите, что это неладно.

— Конечно, конечно; я пойду поскорѣе за спасательными снарядами,—сказалъ онъ, дѣлая видъ, что хочетъ уйти.

— Здѣсь, по моему, шутки совсѣмъ неумѣстны! Ну, а потомъ всѣ эти вздохи и стоны, и странные звуки, которые слышатъ по ночамъ и пассажиры, и экипажъ? Что вы скажете на это? По вашему и это ничего? И затѣмъ... барометръ!

— Судно выстроено съ разсчетомъ на бури и непогоды, такъ что вы можете не тревожиться, фрэкенъ. А если и будетъ какая опасность, то вѣдь вы можете пойти къ доктору, — сказалъ онъ спокойно, глядя на нее съ улыбкой, взялъ свою шляпу и исчезъ за дверью.

— Будь что будетъ!—подумала Мэри Іонсонъ, вдругъ просіявъ. Она осталась за рояломъ, положивъ руки на клавиши, и начала строить воздушные замки...

. . . .

На пароходѣ сегодня было какъ-то сѣро и мокро.

Ночью онъ попалъ подъ сильный градъ и грозу, и барометръ немного опустился.

Но къ утру осталось лишь встревоженное море, на которомъ покачивался пароходъ.

Высоко подвѣшенныя лодки раскачивались по обѣимъ сторонамъ, то закрывая, то открывая всю волнующуюся ширь съ башнеобразными зелеными стѣнами и сѣрымъ, пасмурнымъ воздухомъ.

Пассажиры чувствовали себя въ какомъ-то угнетенномъ настроеніи.

Оказалось, что многіе изъ нихъ побывали у гадалки, и послѣ сеанса находились въ тревожномъ ожиданіи чего-то таинственнаго и ужаснаго, о чемъ она слегка намекнула въ связи съ переѣздомъ. Всѣ ея предсказанія какъ бы сходились въ этой точкѣ.

Раньше на это не обратили особаго вниманія, но теперь, съ внезапнымъ паденіемъ барометра, стали задумываться...

Положимъ, они люди безъ предразсудковъ, но странно то,

что она каждому изъ гадавшихъ сказала что нибудь, попавшее въ цѣль...

Явилась потребность подѣлиться впечатлѣніемъ.

На болѣе мистично настроенныхъ непріятно дѣйствовали разсказы о таинственныхъ звукахъ, стонахъ, которые слышались въ послѣднюю ночь среди глубокой тишины. Общее настроеніе становилось все удрученнѣе и всѣ ходили изъ угла въ уголъ, погруженные въ свои думы.

— Кто знаетъ, какое извѣстіе послано по телеграфу съ неба при посредствѣ нервовъ ясновидящей!—замѣтилъ Вангенстенъ.— Все мистическое слѣдуетъ ставить на нѣкоторое разстояніе отъ насъ, какъ нѣчто непостижимое; но нельзя безнаказанно долго пренебрегать имъ, или съ насмѣшкой относиться къ нѣкоторымъ намекамъ... Оно можетъ иногда сыграть роль въ жизни человѣка. Долгъ каждаго—защищать свою будущность...

Кетиль Боргъ вставлялъ въ глазъ монокль каждый разъ, когда сморѣлъ на Вангенстена... Онъ изучалъ его... Этотъ человѣкъ обладаетъ особымъ даромъ: всѣ заторопились одинъ за другимъ въ его пріемную страховаться на переѣздъ.

Всѣхъ охватило какое-то безпокойство; тревога стояла въ воздухѣ...

. . . .

Кетиль Боргъ прогуливался съ семьею Рокландъ въ обычное время.

Они то ходили, то останавливались.

— Папа, г-нъ Боргъ за обѣдомъ разсказывалъ мнѣ о своихъ планахъ на будущее,—обратилась миссъ Анни къ отцу, беря его подъ руку.—Онъ думаетъ изъ скромнаго начала развить большое дѣло.

— Да, силу водопадовъ,—обернулся Кетиль Боргъ въ ихъ сторону,—можно получить даромъ... Во всякомъ случаѣ пока... пока капиталъ не успѣлъ еще перехватить ихъ въ свои когти.

— Рабочіе дома, папа, съ садами и небольшими полями, гдѣ рабочіе могутъ отдыхать и веселиться, когда вернутся вечеромъ съ работы,—перебила съ жаромъ миссъ Анни.

— Да, земля, такимъ образомъ, будетъ воздѣлываться и подниматься въ цѣнѣ...—пояснилъ Кетиль Боргъ.—Это одна изъ моихъ спекуляцій.

— Барскій домъ будетъ поставленъ такъ, что оттуда можно будетъ слѣдить за всей окружающей жизнью, слышать, какъ дѣти играютъ и радуются въ домикахъ, какъ скотъ возвращается домой въ лѣтній вечеръ.

— Такимъ путемъ можно самому изображать полицію и наблюдать за всѣмъ, что дѣлается,—добавилъ Кетиль Боргъ.

— И подумай, мама,—во время длинной, бѣлоснѣжной зимы постоянно будутъ пріѣзжать гости съ бубенчиками. Будутъ устраиваться катанья на саняхъ, въ теплыхъ медвѣжьихъ шубахъ. А по возвращеніи домой вечеромъ—игры и пѣніе въ теплыхъ уютныхъ комнатахъ, освѣщеныя окна которыхъ отбрасываютъ лучи на равнину...—все съ большимъ и большимъ увлеченіемъ продолжала миссъ Анни.

— И при этомъ, — Кетиль Боргъ съ поклономъ обратился въ сторону мистрисъ Рокландъ,—сознаніе, что своимъ благосостояніемъ доставляешь хлѣбъ и счастье сотнямъ людей.

— Да, капиталъ въ опытныхъ рукахъ - лозунгъ нашего времени, мой дорогой Боргъ!—сказалъ мистеръ Рокландъ, и они прошли дальше...

. . . .

У Элленъ Брандтъ была масса дѣла. Ее поминутно требовали въ дамское отдѣленіе, гдѣ присутствіе ея было дѣйствительно необходимо. Она исполняла свои обязанности, но какъ бы въ полусознаніи, и никакая спѣшка не могла заглушить ея собственныхъ мыслей.

Вангенстенъ коротко и рѣшительно высказалъ ей свой теперешній взглядъ на Матіаса. Онъ возвелъ передъ нею цѣлую башню изъ его трезвости и добродѣтелей, которая, конечно, при первомъ же случаѣ рухнетъ.

Эти слова „рухнетъ при первомъ случаѣ“ звучали въ ея мозгу, горѣли въ крови. И ночью она сидѣла у себя въ каютѣ и боролась съ тѣми же мыслями...

Онъ рисковалъ снова свалиться въ пропасть, можетъ быть, уже и свалился, хотя теперь у нихъ подъ ногами одинъ и тотъ же полъ.

Что же будетъ потомъ, когда ихъ пути разойдутся, и каждый понесетъ свое отчаяніе въ свою сторону?

Ее охватило щемящее чувство, какъ будто передъ ней навсегда остановилось ужасное слово „никогда“. Передъ ней разверзлась пропасть, невидимая для другихъ, и предстало во всей своей непостижимости нѣчто, выражающееся словами: „миновало, миновало навсегда“!.

Она съ ужасомъ повторяла про себя эти слова и, убитая горемъ, сидѣла, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, и уже какъ бы видѣла передъ собою черную дверь.

Ложь, одна ложь, красивая сказка, которую Матіасъ разсказывалъ ей когда-то о двухъ влюбленныхъ, которые, будучи разлучены другъ съ другомъ на границѣ бытія, выстроили между собою мостъ изъ звѣздъ—млечный путь...

У ея любви не было звѣзднаго моста.

А еще разъ онъ фантазировалъ на ту тему, что всѣ раз-

сыпанныя по небу звѣзды составляли нѣкогда одно громадное свѣтило; растительность и жизненная сила были тамъ несравненно сильнѣе, чѣмъ на нашей крохотной землѣ... Въ его воображеніи это свѣтило было населено существами, имѣвшими огненныя тѣла, и чувство любви у нихъ было въ милліоны разъ сильнѣе, чѣмъ здѣсь.

Въ такомъ же родѣ рисовалась ей въ ея дѣвичьихъ мечтахъ ея любовь къ Матіасу... Она пошла бы за него въ огонь и въ воду, позволила бы ему затоптать себя, если бы только могла спасти его отъ паденія!

Ахъ, сколько разъ она мечтала такъ, пока не наступило разочарованіе и жизнь не предстала въ иномъ видѣ: бѣдная дочь солнца осталась лишь съ холодомъ душевной муки!

„Никогда“... „миновало!“.

Она укрѣплялась въ этомъ рѣшеніи тѣмъ, что смотрѣла ему прямо въ глаза, но оно казалось выше ея силъ.

Матіасъ умеръ для нея, исчезъ въ зіяющей пропасти... Она не въ силахъ больше быть свидѣтельницею его паденія.

Ей хотѣлось спасти хотя то, что еще осталось ей отъ жизни... Она должна дышать и жить наперекоръ всему... И она продолжала сидѣть на лѣстницѣ, смотря на далекія звѣзды.

Небо начало вдругъ тускнѣть, стало погружаться въ непроницаемость.

Сдѣлалось холодно и сыро; огоньки, свѣтившіеся кое-гдѣ на палубѣ, стали какъ бы заволакиваться сѣрымъ туманомъ.

Элленъ совсѣмъ продрогла и пошла въ каюту.

Седьмой день.

Пароходъ, повидимому, вошелъ въ полосу тумана.

Густое, холодное, сырое облако закрывало видъ на море, и только ближайшія волны временами разсыпались въ пѣну.

Контуры снастей, мачтъ, людей и предметовъ дѣлались все менѣе ясными и начинали сливаться съ общей сѣрой массой.

Шли замедленнымъ ходомъ при усиленной вахтѣ.

Изъ люковъ и залъ высовывались головы: кто тотчасъ же скрывался обратно, кто выходилъ пройтись разокъ по палубѣ. Нѣсколько любителей свѣжаго воздуха расхаживали по палубѣ въ полномъ дорожномъ одѣяніи, въ наглухо застегнутыхъ пальто, съ поднятыми воротниками. Въ столовой всѣ размѣстились отдѣльными кружками, стараясь по возможности устроиться поуютнѣе.

— Да,—сказалъ, входя, мистеръ Рокландъ,—если этотъ туманъ затянется, намъ не добраться до мѣста завтра.

— Что ты, папа!—воскликнула миссъ Анни.

— Ты, дочка, пожалуй, не особенно посѣтуешь на это? Плаваніе на этотъ разъ было довольно удачно для тебя.

— Я пробыла бы въ пути сколько угодно,—сказала тихо миссъ Анни.

— Да, восхитительные дни подходятъ къ концу,—замѣтилъ съ грустью Кетиль Боргъ.— Отъ нихъ останется лишь одно воспоминаніе... Для меня это вышелъ далеко не сухой переѣздъ по дѣламъ черезъ Атлантъ... позвольте мнѣ принести за это глубокую благодарность г-ну и г-жѣ Рокландъ... хотя ее трудно выразить словами. Что за чудные часы провелъ я въ вашемъ интимномъ кружкѣ: чужеземецъ, принятый въ немъ, какъ свой. И вамъ, миссъ Анни!—Онъ посмотрѣлъ на нее взволнованнымъ взглядомъ.

— Дорогой другъ! Вѣдь мы, конечно же, не разстанемся здѣсь,—прервалъ его сердечно мистеръ Рокландъ.—Вы, разумѣется, навѣстите насъ въ Нью-Іоркѣ? Надѣюсь даже, что вы будете бывать у насъ каждый день?

— Вы должны посмотрѣть, какъ живутъ американцы,—добавила съ горячностью мистрисъ Рокландъ.—Я даже думаю, отчего бы вамъ не оказать намъ чести и не поселиться у насъ на время вашего прибыванія въ Нью-Іоркѣ? Что ты скажешь на это, Рокландъ?

Миссъ Анни сидѣла съ опущенными глазами.

— Что можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ продлить это незабвенное для меня время пребыванія въ вашемъ обществѣ,—разсыпался въ увѣреніяхъ Кетиль Боргъ...

. . . .

Мэри Іонсонъ сидѣла и грызла миндаль послѣ десерта.

— Ну что,—сказала она Грипу, который показался въ дверяхъ, вытирая свою отсырѣвшую черную бороду,—вотъ и туманъ! И въ роялѣ отъ сырости лопнула струна! Вотъ видите, что вышло изъ всего, что я разсказывала вамъ вчера. Капитанъ почти ничего не различаетъ впереди судна.

— А вы полагаете, капитанъ самъ стоитъ на вахтѣ?

— Ну, это все равно, кто тамъ изъ нихъ... только я ужасно боюсь.

— А я вижу по вашимъ глазамъ, что вы ни чуть не боитесь.

— Вотъ какъ! Такъ вы тоже читаете чужія мысли?

— Когда мнѣ очень захочется узнать что-либо.

— А что вамъ хотѣлось бы узнать про меня?

— Это я скажу когда-нибудь въ другой разъ.

— Въ другой разъ? Но вѣдь мы же никогда больше не

встрѣтимся. Завтра вы направитесь въ свою сторону, а я въ свою, по желѣзной дорогѣ въ Чикаго.

— Тамъ есть, говорятъ, первоклассная рояльная фабрика, которую не мѣшаетъ посмотрѣть.

-- Вотъ что! Какая это?

— Не помню хорошенько, но она записана у меня въ записной книжкѣ.

„Ага, вотъ и попался“!—подумала Мэри.—Ну, а если вы не найдете этого въ вашей записной книжкѣ, то заверните въ Murkeens street № 33, тамъ ужъ я доставлю вамъ всѣ нужныя свѣдѣнія.

— Скажите: всѣ молодыя дѣвушки въ Чикаго такія бѣдныя...

— Какъ я, хотите вы сказать? Тамъ совсѣмъ *нѣтъ* другихъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Будто? Ну, это мы посмотримъ!

— Хотите побиться объ закладъ?—спросила она и протянула ему двойчатку миндаля, которую только что разгрызла. Кто первый скажетъ: „Vielliebchen“ дома, на улицѣ Murkeen...

. . . .

Въ залахъ время проводилось самымъ разнообразнымъ образомъ—за вистомъ, пикетомъ, шахматами и домино. Въ музыкальномъ залѣ знаменитый піанистъ Янко восхищалъ собравшихся вокругъ него слушателей жемчужными переливами...

. . . .

Лопасти пароходнаго винта ударяли все слабѣе и отъ замедленнаго хода раскачиванія парохода дѣлались все ощутительнѣе. Всѣ чувствовали себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ прибыть въ Америку на слѣдующій день вечеромъ.

. . . .

Къ вечеру разнеслась ужасная вѣсть: въ одной изъ угольныхъ ямъ наткнулись лопатой на трупъ какого-то человѣка, который, вѣроятно, спрятался туда, чтобы тайкомъ перебраться въ Америку, но задохся отъ спертаго воздуха или умеръ съ голоду.

Нѣкоторые узнали въ немъ исчезнувшаго съ парохода кочегара.

Это событіе отнюдь не подѣйствовало оживляющимъ образомъ на общее настроеніе среди туманной атмосферы: платный или безплатный, а все же пассажиръ.

— Такъ вотъ печальная разгадка вздоховъ и стоновъ, которые слышались въ предшествующія ночи!

Всѣ дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями тихо, почти шопотомъ: вотъ, молъ, она, жизнь-то наша, тяжкая!

Теперь неумѣстно было играть на рояли, и это дали понять

легкомысленнымъ молодымъ особамъ, которыя направились было въ музыкальный залъ.

Покойника надо было въ тотъ же вечеръ опустить въ море. Корабельный врачъ осмотрѣлъ трупъ; одежду сняли и рѣшили спрятать для наведенія справокъ о незнакомцѣ. Капитанъ рѣшилъ совершить похороны съ обычной церемоніей.

Вспомнили о пасторѣ, сѣвшемъ на пароходъ въ Кинстоунѣ, и рѣшили обратиться къ нему.

Его застали обвязаннымъ платкомъ, такъ какъ онъ совсѣмъ простудился.

— Книги, нужныя для молитвеннаго ритуала,—пояснилъ онъ, кашляя и отхаркиваясь,—къ сожалѣнію, остались вмѣстѣ съ другими вещами въ Кинстоунѣ. Къ тому же я не могу взять на свою совѣсть — хоронить покойника, не зная его настоящей религіи.

— Да вы, батюшка, только стойте у борта, шевелите губами и бормочите что-нибудь, а ужъ присутствующіе подскажутъ себѣ слова, примѣнительно къ своей религіи,—энергично вмѣшался въ дѣло одинъ изъ флотскихъ офицеровъ.

— Мѣсто, мѣсто батюшкѣ,—скомандовалъ онъ...

Церемонія совершилась въ присутствіи нѣсколькихъ пассажировъ и вышла очень торжественной.

Всѣ были рады счастливой случайности, что въ числѣ пассажировъ оказался почтенный пастырь, и по рукамъ пошелъ подписной листъ на пріобрѣтеніе всѣхъ необходимыхъ вещей, которыхъ онъ, бѣдняжка, лишился,—о чемъ недурно было бы вспомнить пораньше.

. . . .

Докторъ сидѣлъ съ книгой въ рукѣ въ углу залы, но взглядъ его скользилъ мимо книги.

На другомъ концѣ большой залы Арна старалась занять Исака. Докторъ не отрывалъ отъ нея глазъ: сегодня она не та, что была вчера до разговора съ нимъ! — Она напугана! Слова: „Тайна разоблачится здѣсь на кораблѣ“ произвели на нее сильное впечатлѣніе. Кому пріятно обнаруживать тайны! Еще бы! При всей ея отважности ей не по себѣ! Я только подошелъ и взглянулъ на мальчика, и на меня тотчасъ же былъ кинутъ удивительно чужой, безпокойный взглядъ. Въ ней появилась какая-то пугливость, которой я не замѣчалъ раньше. Она прячется отъ меня... да... да... прячется! Изъ любви къ мужу не хочетъ огорчить его! Вотъ и ходи съ рогами das Leben lang... не подозрѣвая существованія этого головного убора... пока не перейдешь въ вѣчность... За то тебя „не огорчили!“

Арна стала на колѣни передъ диваномъ, на которомъ были разложены игрушки...

— Моя бѣдная красивая щебетунья-пташка... куда ты дѣлась?—сказалъ со вздохомъ докторъ.—Онъ закрылъ себѣ лицо книгой.—Она попалась въ западню жизни... Твои глаза прекрасны, какъ прозрачный алмазъ, но въ нихъ есть одно единственное пятнышко и это пятнышко убиваетъ меня. Она страдаетъ, я вижу это! Она не привыкла къ такимъ суровымъ заглядываніямъ въ ея душу... И не знаетъ, что дѣлать... въ страхѣ передо мной! Она не можетъ вырваться на волю изъ-за рѣшетки своей клѣтки, какъ ни пытается сдѣлать это ея измученный духъ. И чего бы я не далъ, чтобы имѣть возможность протянуть ей свою спасительную руку. Если бы я могъ сдѣлать это обычнымъ людскимъ путемъ—путемъ прощенія. Вѣдь есть столько ошибочныхъ браковъ, когда довольствуются посредственнымъ счастьемъ, посредственной радостью. Прощаютъ съ обѣихъ сторонъ и живутъ себѣ среди обломковъ... на новыхъ началахъ: хорошо и это за неимѣніемъ лучшаго... Бѣдняжка, развѣ я тоже не могу принести для тебя какую-нибудь жертву? Неужели я долженъ допустить ее истомиться на моихъ глазахъ? Гдѣ сегодня ея смѣлый, гордый видъ? Ей пригнетаютъ голову тяжелыя мысли, а она играетъ съ Исакомъ. Эта болтовня съ ребенкомъ ничто иное, какъ нервность. Если бы можно было избавить ее отъ душевной борьбы и снова увидѣть ея ясное, веселое личико!..

Арна и Исакъ начали новую игру.

Докторъ всталъ и подошелъ къ нимъ.

— Вамъ очень весело вдвоемъ?

Эти слова даже для его собственнаго уха прозвучали жестко, рѣзко. Они строили домики изъ кубиковъ, и Арна показывала мальчику, кто живетъ въ отдѣльныхъ пристройкахъ: все знакомыя семьи изъ городка, откуда они уѣхали.

— Вотъ что! Ну, кто же живетъ вотъ тутъ?—спросилъ докторъ ласково Исака.

— Вотъ здѣсь мы... Здѣсь Гротъ, здѣсь Брунъ, вонъ тамъ Рейнгольдъ,—весело отвѣтилъ мальчикъ,—а вонъ тамъ въ углу Фольтмаръ, а тамъ...

Докторъ быстро повернулся, взялъ шляпу и скрылся въ туманѣ.

Къ Арнѣ подошелъ Бельге Хавсландъ и тотчасъ же долженъ былъ отправиться съ Исакомъ по его домамъ и дѣлать покупки у него въ лавкѣ.

Ему приходилось все болѣе и болѣе говорить, вмѣсто мамы, за продавца.

— Хавсландъ, говорили вы сегодня съ Іономъ?—спросила Арна тихонько.

Скрипачъ покачалъ головой; онъ понялъ, что произошло что-то неладное.

— Да, дай-то Господи, чтобы мы вернулись домой,—шепнула она.—Ахъ, я такъ тревожусь за него... Мнѣ такъ хотѣлось бы быть теперь дома, у себя, среди нашей скромной дѣятельности. Я вѣдь вижу, какъ все дѣйствуетъ на него; онъ дѣлается все страннѣе и, чего добраго, умретъ подъ тяжестью взятой на себя задачи! У него такой характеръ, что онъ ни за что не сдастся... Къ тому же вѣдь обыкновенно чѣмъ непосильнѣе работа, тѣмъ притягательнѣе ея сила!—закончила она въ сильномъ волненіи.

— Ну, въ такомъ случаѣ я скорѣе согласенъ съ тѣмъ, что вы говорили раньше, что его излѣчитъ болѣе широкая дѣятельность...

Хавсландъ подсѣлъ къ ней и задумался, точно вглядываясь въ положеніе дѣлъ.

— Знаете что,—сказалъ онъ весело,—такіе мужья—сущіе деспоты. Они хотятъ быть непремѣнно центромъ своего любовнаго романа, и это не столь опасно, если, вотъ какъ у васъ въ данномъ случаѣ, жена играетъ на сердечной струнѣ мужа. Только не робѣйте... Не сдавайтесь... Закрутите его вокругъ пальца такъ, чтобы онъ не пошевельнулся.

Арна не могла удержаться отъ улыбки, какъ ни грустно ей было...

. . . .

Знаменитый піанистъ Янко метался въ отчаяніи: изъ-за этого тумана они, навѣрно, опоздаютъ, по крайней мѣрѣ, на сутки, а его первый концертъ въ Нью-Іоркѣ объявленъ на послѣзавтрашній день.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ, въ сотый разъ справляясь о погодѣ, бѣсновался и заставлялъ пѣвицу надѣть шубу, чтобы она не охрипла.

Отчего не прибавятъ огня и не прибавятъ ходу? Что ему изъ того, что корабль придетъ въ 8, 9 или 10 часовъ, когда *его* время будетъ пропущено?

Глаза на блѣдномъ лицѣ метали искры.

Казалось, что этотъ расходившійся господинъ вотъ-вотъ взлетитъ на воздухъ.

За нимъ очень внимательно наблюдали двѣ совершенно противоположныхъ личности: его коллега Бельге Хавслундъ, взглядъ котораго какъ бы прибивалъ Янко къ стѣнѣ, напоминая ему о конкурренціи... неумолимой, безпощадной,— и мингеръ ванъ - Титуфъ, который, закинувъ голову, разглядывалъ его съ глубочайшимъ, серьезнымъ вниманіемъ и вдругъ перевелъ свой взглядъ съ удивительной

гримасой къ потолку, точно ему казалось, что піанистъ долженъ исчезнуть туда...

. . . .

Коричневое пальто прозябъ и схватилъ простуду на палубѣ, среди сырого, леденящаго тумана.

Онъ лежалъ, завернувшись въ мѣховую куртку, и восхвалялъ свое благоразуміе, подсказавшее ему захватить эту вещь съ собой.

Въ ней такъ тепло и хорошо!

Въ такомъ видѣ можно, пожалуй, лежа убивать своего врага лиходѣя—время.

Онъ лежалъ и покачивался на пароходѣ, который давалъ такіе сигналы среди тумана, что отъ нихъ въ ушахъ трещало

Туманъ окуталъ море, и море вертѣлось вмѣстѣ съ землею такъ незамѣтно, что никому не приходило въ голову видѣть въ этомъ что-либо особенное.

Покачиваніе навѣвало покой и сонъ, не смотря на крики и шумъ.

Такая погода съ густымъ сѣрымъ туманомъ была какъ разъ по немъ: она дѣйствовала умиротворяюще на его нервы и какъ бы заставляла его углубляться въ сущность бытія.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ готовъ былъ перейти въ царство сна, онъ повернулся на подушкѣ и замѣтилъ висѣвшіе на стѣнѣ карманные часы, которые вдругъ затикали.

Онъ сталъ прислушиваться: изящные золотые часики ходили почти беззвучно, но время отъ времени ни съ того ни съ сего принимались стучать такъ громко, что въ нихъ что-то звенѣло, почти пѣло. Должно быть, въ стѣнѣ былъ какой-нибудь акустическій фокусъ.

Чѣмъ больше онъ прислушивался, тѣмъ сильнѣе дѣлалось тиканье, точно пробуждалось какое-то насѣкомое.

Эти „тикъ-такъ, тикъ-такъ“ вытягивали изъ него мысли и водили вокругъ всего печальнаго на свѣтѣ. Минуты казались такими долгими, что онъ могъ бы за это время десять разъ зажечь свѣчку и десять разъ потушить ее.

Стрѣлки часовъ держались спокойно, но внутренность ихъ такъ и рвалась наружу.

Ему хотѣлось вскочить и посмотрѣть, не спрятался ли за часы сверчокъ...

Онъ сегодня еще ни разу не видѣлъ ни фрэкенъ Морландъ, ни ея воспитанника.

Удивительно нѣжное существо и съ такими твердыми убѣжденіями!.. Очень развитая и съ пламенной вѣрой въ чувство.

Она, повидимому, не изъ состоятельныхъ, не изъ тѣхъ,

которые могутъ защитить себя отъ холода шубой и водить ребенка въ соболяхъ.

Такія дѣти уносятся холодомъ наряду съ насѣкомыми...

Онъ приподнялся на локоть и снова легъ. Но его охватила какая-то смутная тревога.

Онъ вскочилъ...

Въ дверь каюты фрэкенъ Морландъ раздался стукъ, и она встала открыть ее.

Передъ дверью стоялъ Коричневое пальто и молча указывалъ на свою мѣховую куртку.

— Сыро и холодно...—сказалъ онъ. Хотите употребить въ дѣло вотъ это?

Фрэкенъ Морландъ оторопѣла.

— Благодарю васъ, очень, очень, но мнѣ не холодно...— отвѣтила она въ смущеніи.

— Такъ и зналъ! Какъ же—неприлично!.. Пускай лучше любимое дитя валяется вотъ... въ такомъ видѣ.

— Господи, что вы! Вѣдь я держу его въ теплѣ, къ тому же мы играли и бѣгали...

— Но предохранить его и согрѣть этимъ мѣхомъ... неприлично...

— Ахъ, Господи, ужъ если вы непремѣнно хотите...

Она взяла куртку и усадила въ нее мальчика, который до того сидѣлъ на диванѣ, завернутый въ большой платокъ.

— Погладь, Гуннаръ. Просунь сюда ручки: ахъ, какъ тепло и хорошо! Мы можемъ тутъ и играть, не вставая: вотъ этотъ рукавъ будетъ собака, а этотъ—кошка.

— Да, да,—бормоталъ Коричневое пальто, заперевъ дверь и направляясь къ себѣ:—завертывать свою совѣсть въ мѣха... это помогаетъ во многихъ случаяхъ...

. . . .

Люди то выходили изъ тумана, то снова исчезали въ немъ. Изъ буфета безпрестанно требовались ромъ и виски съ горячей водой.

Матіасъ Вигъ ходилъ взволнованный. Онъ послалъ Элленъ записку, въ которой умолялъ ее о послѣдней встрѣчѣ.

Собственно говоря, слѣдовало бы выпить сегодня на прощанье! — подумалъ онъ съ горечью, — увѣнчать торжество исковерканной жизни кубкомъ воспоминаній... славный путь героя въ различныхъ стадіяхъ его стремленій къ цѣли... всегда книзу: цѣлая серія картинъ съ каскадами паденія... съ того времени, какъ его прочили въ профессора до странствующаго по Америкѣ фотографа включительно.

— Земля даетъ трещины. Міръ рушится. И тѣ, которые составляютъ одно цѣлое, разлучаются,—говорилъ онъ, почти рыдая.

Цѣлая радуга иллюзій пропала! Вѣдь Матіасъ Вигъ стремился не къ какой попало цѣли, что-то трепетало въ немъ; у него былъ совершенно своеобразный взглядъ на вещи...

Что такое *порокъ*?

Матіасъ Вигъ медленно покачалъ головой. На это можетъ отвѣтить только тотъ, кто шелъ за порокомъ, кто былъ порабощенъ имъ.

Люди безсердечны; они не понимаютъ, какъ человѣкъ, находясь во власти злого духа, ненавидитъ его и боится; готовъ пожертвовать жизнью, лишь бы выбраться изъ его когтей; но дьявольская сила захватываетъ его, вливая огонь въ его кровь... пожираетъ все...

— Нѣтъ, это не легкое дѣло,—бороться съ дьявольской силой! Ты должна пожалѣть меня, Элленъ,—почти закричалъ онъ:—я борюсь. И гдѣ же состраданіе? Здѣсь лежитъ изувѣченный и видитъ, какъ всѣ проходятъ мимо него... и даже ты, мое единственное сокровище во всемъ мірѣ!.. Ни одного милосердаго самарянина... Если бы ты пришла въ былые годы, я самъ отослалъ бы тебя... Дальше, дальше отъ прокаженнаго! Скажи мнѣ лишь сегодня, въ послѣдній разъ, моя дорогая, куда ты направишься, чтобы мнѣ знать, гдѣ ты и жива ли... Можетъ быть, я смогу когда-нибудь сказать тебѣ: „Вотъ исправившійся человѣкъ, тотъ, кому ты помогла только тѣмъ, что онъ зналъ о твоемъ существованіи. Приди... Приди..."

Она!.. И онъ схватилъ ее за руку.

Восьмой день.

На слѣдующее утро опять тѣ же мѣрные, слабые взмахи пароходнаго винта...

Горизонтъ такъ сузился, что окружилъ судно точно матовымъ стекляннымъ колпакомъ.

Туманъ не только не начиналъ рѣдѣть, но, напротивъ, сгустился еще больше.

Съ кормы казалось, будто носъ парохода врѣзался въ сѣрую массу и исчезъ въ ней.

Снасти съ ночи усѣялись блестками глазури, а не реяхъ висѣла хлопьями копоть.

Сирена ревѣла; почти не переставая, звонили колокола, паровой свистокъ давалъ одинъ за другимъ пронзительные сигналы.

Изъ тумана выдѣлился Вангенстенъ и наткнулся на фотографа.

— Ты, Матіасъ Вигъ? Здравъ и невредимъ,—сказалъ онъ весело,—и можешь еще зажигать спички въ такую сырость!..

А людямъ не мѣшаетъ иногда струхнуть немножко; это наталкиваетъ ихъ на такую двигательную силу, какъ идея взаимности...

— Такъ... Значитъ, въ случаѣ течи, всѣхъ ихъ къ насосамъ?

— Ты опять за свое...—Вангенстенъ обтеръ носовымъ платкомъ длинные черные волосы на затылкѣ: — Мнѣ нерѣдко приходило на умъ, какъ такой скептикъ, какъ ты, рѣшительно уклоняющійся отъ общепринятаго хода мысли, сталъ бы держать себя въ случаѣ, если бы корабль пошелъ ко дну?.. За что бы онъ ухватился?

— Да, что и говорить, вышло бы скверно.

— Остроты были бы ни къ чему?

— Гм... тогда я, навѣрно, позаимствовался бы у тебя твоими позолоченными пилюлями... съ объясненіемъ ихъ употребленія.

— Ты опять балаганничаешь.

Вангенстенъ отошелъ отъ Вига.

. . . .

Бельге Хавсландъ вышелъ пройтись по палубѣ. Онъ ходилъ съ приподнятымъ до ушей воротникомъ и время отъ времени останавливался, хлопая руками, чтобы согрѣться.

Онъ направился въ сторону мингера ванъ-Титуфъ, необычайные жесты котораго привлекли къ себѣ его вниманіе.

Мингеръ, повидимому, прекрасно чувствовалъ себя среди тумана.

Стоя у борта, онъ то просто свистѣлъ, то подражалъ свисткамъ и другимъ сигналамъ парохода.

— Превосходно... изъ этого выйдетъ славная штучка!— повторялъ онъ нѣсколько разъ подрядъ самому себѣ: Густой туманъ, завываніе сирены, звонъ колоколовъ, гарканье въ трубу... Общая суматоха... испугъ и вопли пассажировъ, которые напираютъ другъ на друга...—картинно разрисовывалъ онъ передъ собою:—Оглушительная команда капитана, оранье въ рупоръ. А затѣмъ,—и онъ вытянулъ впередъ руки,—трряхъ! Два судна столкнулись. Вопли ужаса и крики: тонемъ! Спасательныя лодки... Борьба людей въ водѣ... Куда ни взглянешь, — все головы, головы... Заключительная сцена: весь экипажъ, точно рой мухъ, взбирается на мачты и реи тонущаго корабля. Электрическое освѣщеніе... Золотой родникъ, а не идея!—кивнулъ онъ восторженно скрипачу, который стоялъ и слушалъ, не понимая ни слова.

— Для цирка?—спросилъ наугадъ Хавсландъ.

— Всенепремѣннно! — отвѣчалъ тотъ, потирая руки, и принялся разглядывать мачты, сирену и пароходные свистки.

— Не составляетъ ли мингеръ пантомимы... или не выскочилъ ли у него какой винтъ?—подумалъ Больге Ховсландъ.

. . . .

Кетиль Боргъ прогуливался среди тумана съ цѣлымъ роемъ думъ въ головѣ и чувствовалъ себя прекрасно.

Теперь это были уже не мечты и не воздушные замки, а планы, разсчеты и счеты...

Онъ чувствовалъ, что нашелъ примѣненіе своимъ дарованіямъ и уже видѣлъ себя состоятельнымъ человѣкомъ, съ силой и вліяніемъ.

Затѣмъ его мысли перешли на другой предметъ.

Положимъ, она прекрасная дѣвушка, съ теплымъ сердцемъ и изящной, благородной натурой... страстная въ любви, но въ высшей степени избалованная: ее всю жизнь носили на рукахъ! Къ тому же у нея тѣлесный недостатокъ. А развѣ онъ ничего не кладетъ съ своей стороны на чашку вѣсовъ? Развѣ ничего не значитъ, что онъ, такъ богато надѣленный духовно и тѣлесно, жертвуетъ собою для нея?

Онъ увѣренъ, что будетъ для нея вѣрнымъ и любящимъ мужемъ,—въ этомъ отношеніи онъ никогда не обманетъ ее. Но вѣдь не можетъ же онъ вѣчно выдерживать роль пылающаго, влюбленнаго мужа. Онъ человѣкъ дѣловой, съ массою другихъ интересовъ: не сидѣть же ему и болтать любовный вздоръ.

Но, авось, она современемъ тоже найдетъ себѣ другіе интересы. А до тѣхъ поръ!.. Не легкое бремя—постоянно разыгрывать роль любовника, летать на крыльяхъ амура!

Онъ взглянулъ раза два на часы, прежде чѣмъ снова направился въ залу.

— У васъ совсѣмъ мокрые волосы,—обратилась къ нему миссъ Анни съ блестящими глазами, когда онъ сѣлъ рядомъ съ ней.—Не правда-ли, въ туманѣ есть что-то удивительно-торжественное? Нашъ пароходъ представляется мнѣ цѣлымъ міромъ... Ничего не знаешь за его предѣлами...—сказала она задумчиво . . . .

. . . .

Мэри Іонсонъ должна была сходить за своимъ альбомомъ съ фотографическими карточками, и они съ Грипомъ тотчасъ же принялись перелистывать его.

Г-нъ Грипъ, повидимому, былъ заинтересованъ портретами, разспрашивая подробности о каждомъ изъ нихъ и справляясь о друзьяхъ и знакомыхъ Мэри.

Мэри наскоро давала объясненія, удивляясь, какъ это онъ не могъ угадать сразу, что вотъ этотъ ужасно скучный, а тотъ—ужасно милый и веселый.

— Этотъ? Это дядя Адамъ, тяжелодумъ; онъ добирается

до смысла перваго разсказа тогда, когда ужъ успѣли дойти до половины второго.

— А этотъ? Это старикъ Ведекинъ, папинъ компаньонъ. А это—Антонъ.

— Антонъ?

— Да, т. е. Антонъ Ведекинъ. Какъ мнѣ хотѣлось поразить его моей новой тросточкой! Я и ему везу прехорошенькую... Мы такъ хвастались бы ими на прогулкахъ... Только моя ужъ успѣла сломаться!

— Вотъ оно что,—Грипъ началъ въ задумчивости раскачивать ногой.—Увасъ кольцо на пальцѣ... — сказалъ онъ съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Да, кольцо дружбы.

— Отъ кого же это, смѣю спросить?

— Отъ Ведекина.

— Ведекина? Отъ этого стараго господина?

— Ну, нѣ-ѣтъ,—и Мэри громко разсмѣялась,—отъ Антона! Онъ на три года старше меня.

Грипъ нѣсколько разъ провелъ рукой по бородѣ.

— Господинъ Ведекинъ... этотъ господинъ, слѣдовательно, вашъ...

— Да, Антонъ Ведекинъ папинъ компаньонъ со смерти отца.

Грипъ вдругъ поднялся и нѣсколько рѣзко отодвинулъ отъ себя стулъ.

— Фрэкенъ, — онъ холодно поклонился ей,—я прощусь съ вами здѣсь... Мое намѣреніе побывать въ Чикаго было лишь мимолетной мыслью.—Онъ закусилъ губу, чтобы скрыть дрожь, поклонился еще разъ и вышелъ изъ залы.

. . . .

Докторъ разгуливалъ себѣ въ отсырѣвшей курткѣ и промокшей шляпѣ.

Время отъ времени онъ останавливался, вглядывался въ туманъ и снова принимался шагать...

Завтра они будутъ уже въ Америкѣ, и онъ засядетъ за работу, надъ которой просидитъ три-четыре года! Тогда ужъ некогда будетъ предаваться постороннимъ мыслямъ.

Онъ надѣялся герметически закупорить гложущее его сомнѣніе, надѣялся работой, въ сущности основанной на честолюбіи, оглушить себя, захлороформировать отъ всякихъ впечатлѣній съ извѣстной стороны.

Всѣ его помыслы должны направиться въ одну сторону. Погоня за наукой и ея великимъ покоемъ возмѣститъ ему то, что онъ утратилъ въ жизни.

Мысль была вѣрна въ теоріи, но не на практикѣ.

Сколько мрачныхъ думъ народилось въ немъ за одни

только эти 8 дней, которые онъ провелъ, сложа руки, на пароходѣ.

„А тамъ живетъ Фольтмаръ“... — вспомнилъ онъ слова Исака: Фольтмаръ пустилъ такіе же глубокіе корни въ душѣ ребенка, какъ отецъ и мать!..

Бѣдная Арна! она томится и силится загладить!..

— И она лжетъ, и я лгу. Для обоюднаго „счастья“ мы должны тянуть эту лямку... О, если бы можно было сдѣлать хорошій разрѣзъ въ груди, чтобы обнажить сердце каждаго изъ насъ и убѣдиться, наконецъ! А то я на той же точкѣ, что и раньше. Каждый разъ, какъ я смотрю на нее, мнѣ все кажется, что она невинна, и что я долженъ вѣрить ей... Пойти къ ней... покаяться... Заранѣе знаю, что не вымолвлю ни слова! Подозрѣніе такъ и витаетъ надъ ея бѣдной головкой.

И онъ снова заходилъ, не присаживаясь, повертывая какъ разъ у того мѣста палубы, гдѣ выходила, позвякивая, цѣпь руля.

. . . .

Только часамъ къ тремъ послѣ полудня туманъ началъ какъ будто рѣдѣть.

Нѣсколько корабельныхъ офицеровъ, все еще въ видѣ безформенныхъ сѣрыхъ фигуръ, собрались у штурманской рубки. Они смотрѣли въ подзорную трубу и прислушивались къ отвѣтамъ и сигналамъ, которые имъ подавали сверху изъ корзины, прикрѣпленной къ мачтѣ.

Пріятная новость, пробѣжавшая какъ огонь по засохшей травѣ, донеслась до пассажировъ всѣхъ 3-хъ классовъ:

— Завтра вечеромъ въ Нью-Іоркѣ!

Всѣ сразу повеселѣли.

Никто не чувствовалъ себя болѣе въ осадномъ положеніи, и даже туманъ началъ казаться прозрачнѣе.

Всѣ заторопились, сдѣлались дѣятельными, отдавали распоряженія.

Нѣкоторые принялись уже теперь приводить въ порядокъ и укладывать свои вещи.

Въ разговорахъ говорилось о пріѣздѣ, о встрѣчѣ съ друзьями и родственниками. Снова слышался смѣхъ и отовсюду доносилась оживленная болтовня.

Вдругъ съ носа парохода, изъ 3-го класса, послышался необычайный шумъ и суматоха.

Громкіе голоса, крики и возгласы женщинъ пронизывали дымку тумана. Упоминалось о капитанѣ.

Боцманъ безъ шапки, весь красный, выскочилъ на палубу и спросилъ, не на рубкѣ-ли капитанъ.

Не дожидаясь отвѣта, онъ кинулся вверхъ по лѣстницѣ; за нимъ по пятамъ мчались врачъ и одинъ изъ офицеровъ.

— Никого не выпускать изъ 3-го класса!—крикнулъ боцманъ, едва переводя дыханіе.

Суматоху вызвалъ клочекъ скомканной бумаги, найденный въ карманѣ покойнаго кочегара, платье котораго было, по распоряженію доктора, вывѣшено въ машинномъ отдѣленіи для просушки и дезинфекціи.

Капитанъ поспѣшно взялъ бумажку и принялся разбирать написанное. Онъ сразу сталъ внимательнѣе и началъ читать записку вслухъ офицерамъ.

Надпись и заглавныя буквы были въ готическомъ стилѣ, красными чернилами.

Должно быть, это былъ очень красивый документъ, пока не испортился отъ лежанія въ карманѣ покойнаго.

Тамъ стояло: „Я, одинъ изъ семи мстителей на морѣ, размахиваю огромнымъ мечемъ-судіей: пароходъ „Виндхюа" осужденъ! Адская машина, которая должна взорвать его на воздухъ, поставлена и разчитана по минутамъ и секундамъ. Въ слѣдующую субботу, въ 4 четыре часа пополудни, океанскій пароходъ „Виндхюа" пойдетъ ко дну, и я, гроза морей, припечатываю приговоръ своей кровью. Я—никто".

Печать была нарисована кровью.

— Одна крестьянка съ ребенкомъ здѣсь — наскоро передавалъ боцманъ,—разсказывала, что въ то время, какъ она садилась на пароходъ, къ ней подошелъ какой-то странный человѣкъ, похлопалъ ребенка по головѣ и сказалъ: „Въ субботу черезъ 8 дней, около 4-хъ часовъ, молись Богу за себя и за твоего ребенка"! И многіе изъ нижнихъ пассажировъ припоминаютъ его и говорятъ, что онъ былъ какой то странный.

Капитанъ и окружающіе были блѣдны.

— Что-жъ, господа? Смерть малаго—на лицо,—началъ капитанъ дрожащимъ голосомъ,—я останусь на своемъ посту до послѣдней минуты, и отъ васъ, господа, жду, что каждый изъ васъ исполнитъ свой долгъ; самое главное—дѣйствовать обдуманно и спокойно.

Онъ взглянулъ на часы.

— Въ нашемъ распоряженіи 35 минутъ. Мы должны употребить это время, какъ подобаетъ смѣлымъ и разсудительнымъ людямъ. Итакъ,—скомандовалъ онъ,—опустить лодки! Самыхъ надежныхъ изъ экипажа для охраны ихъ! Дѣтей и женщинъ спасать прежде всего, безъ различія классовъ; пусть добровольцы осмотрятъ хорошенько угольную яму. Запасъ угля тамъ не очень великъ. Если адская машина найдется, я приду вытаскивать ее... вытащимъ и выкинемъ въ море!

Вопли испуга и крики ужаса расходились все дальше съ одной палубы на другую.

— Динамитъ!

— Адская машина въ трюмѣ!

— Судно взорветъ на воздухъ.

Обезумѣвшая толпа ринулась къ лѣстницамъ 2-го класса, но столкнулась здѣсь съ караульными, которые угрожали револьверами и пробовали водворить спокойствіе тѣмъ, что, молъ, спасательныя люки уже спускаютъ... офицеры и весь экипажъ останутся на суднѣ.

Караульные оказались безсильными.

Лишь только лодки были спущены, нѣсколько мужчинъ бросились спасать свою жизнь, дѣлая самые отчаянные, смѣлые прыжки, спускаясь по веревкѣ, или кидаясь въ лодку, прежде чѣмъ ея киль успѣвалъ коснуться воды.

Капитанъ видѣлъ съ своего мѣста, какъ толпа накинулась на лодки, и отдавалъ встрѣчныя распоряженія офицерамъ и послушному экипажу въ сто съ лишкомъ человѣкъ.

Началась страшная толкотня и давка, такъ какъ всѣ знали, что разъ кто попалъ въ лодку, какъ бы онъ ни былъ слабъ и трусливъ, будетъ защищать свое мѣсто, какъ жизнь, и когда лодка не сможетъ вмѣстить больше ни одного человѣка, она неумолимо отчалитъ, а также неумолимо проплыветъ мимо утопающаго, не протянувъ ему руки.

У борта толпились люди, крича, зовя, безумно жестикулируя, воя и просясь въ лодки...

Въ изступленіи бросались къ спасательнымъ снарядамъ, вырывали ихъ другъ у друга и тѣмъ не менѣе медлили броситься въ воду. Ихъ удерживала перспектива остаться во власти яростнаго моря, когда пароходъ затонетъ: переполненныя лодки все равно не смогутъ принять ихъ, развѣ только явится какое-либо спасительное судно.

А внизу шла такая же дикая суматоха: толпа людей, обезумѣвшихъ отъ ужаса, неистово требовала водки, коньяку и шампанскаго, врывалась въ буфетъ и кладовую. Видны были лишь смертельно блѣдныя лица.

Ужасный, леденящій призракъ смерти встрѣчался и здѣсь, какъ повсюду, различно, смотря по натурѣ каждаго.

Тутъ были и возвышенныя души, любвеобильныя сердца, первымъ инстинктивнымъ движеніемъ которыхъ былъ не страхъ, а готовность идти навстрѣчу судьбѣ и, забывая себя, помогать другимъ.

Были и мелкія сердца, которыя до того съежились и сразу какъ бы завяли отъ холоднаго дыханія смерти, что почти теряли сознаніе и ходили взадъ и впередъ, какъ помѣшанные. Узкія души, которыхъ жизнь никогда глубоко

не захватывала, и теперь, въ моментъ разлуки съ нею, стояли, какъ нѣмые.

Господствующимъ чувствомъ было: „не опоздать бы"!.. Черезъ минуту раздастся трескъ, и судно уйдетъ изъ-подъ ногъ.

Женщины съ дѣтьми на рукахъ дико вырывались изъ рукъ, которыя хотѣли посадить ихъ въ лодки, и, внѣ себя, кидались обратно къ мужьямъ, которые отсылали ихъ назадъ.

Слова прощанья, полныя отчаянія, любви, ободренія, заглушаемыя рыданіями, произносились рядомъ съ самыми различными именами на всевозможныхъ языкахъ, какъ со стороны остававшихся на палубѣ, такъ и со стороны ихъ женъ и дѣтей, сыновей и дочерей, которые съ воплями протягивали къ нимъ руки изъ лодокъ.

Напоръ толпы обезумѣвшихъ людей становился все сильнѣе, и пришлось прибѣгнуть къ предохранительнымъ мѣрамъ противъ давки.

Но шутка сказать: 1.300 пассажировъ, нѣсколько минутъ въ запасѣ и усаживаніе въ лодки при сильной качкѣ!

Палуба была биткомъ набита подавленными отчаяніемъ людьми, которымъ не было спасенія; тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти.

Они то кидались къ носу парохода, то собирались у кормы, чтобы быть какъ можно дальше отъ угольной ямы во время взрыва, который ожидался съ такимъ мучительнымъ замираніемъ сердца.

Народъ устремлялся черезъ всѣ классы безъ различія: въ этотъ моментъ всѣ сравнялись.

Нѣкоторые судорожно хватались за ближайшаго сосѣда и, не отпуская его, молили о спасеніи.

Другіе, въ какомъ-то затменіи, кидались то къ тому, то къ другому, спрашивая, дѣйствительно ли такъ опасно.

Одна женщина ухватилась за свой сундукъ, точно хотѣла унести его съ собой на тотъ свѣтъ.

Иные катались по палубѣ, рѣшительно ни о чемъ не думая. Сирена ревѣла все время самымъ ужасающимъ образомъ, въ то время какъ люди сновали блѣдные, точно выходцы съ того свѣта.

Одна группа мужчинъ и женщинъ настоятельно требовала пастора. Какой-то малый бросился разыскивать его.

Требовалось утѣшеніе.

Пасторъ показался на палубѣ.

Онъ былъ съ открытой головой, быстро растегнулъ застегнутый наглухо черный сюртукъ и въ изступленіи кинулся на колѣни.

— Проклятая маммона!—неистово крикнулъ онъ,—вотъ она, вотъ, на-те, берите ее!..—и бросилъ на палубу сперва мѣшокъ, въ которомъ зазвякали золотыя монеты, а затѣмъ хорошо увязанный пакетъ.

— Ухъ, теперь легче... 75 тысячъ... Ха-ха-ха! теперь, небось, никто даже не подниметъ! Знайте, знайте всѣ: я бѣглый кассиръ, обо мнѣ объявлено во всѣхъ газетахъ! Вотъ я! Вотъ! Тюрьмой будетъ морская пропасть... морская пропасть... пропасть... Сидѣть бы, сидѣть бы дома, за кассой... довольствоваться насущнымъ хлѣбомъ,—стоналъ онъ, лежа, совсѣмъ обезсиленный.

. . . .

Подъ навѣсомъ каютъ сидѣлъ Торъ Вангенстенъ, склонивъ голову и безпомощно опустивъ руки на стоявшій передъ нимъ столъ.

Такая внезапная возможность потерять жизнь совершенно сломила его. Онъ сидѣлъ, какъ оглушенный, одрябшій, безчувственный. Передъ его цѣпенѣвшимъ сознаніемъ начинала вырисовываться страна, отъ которой онъ не видѣлъ прежде даже и тѣни, холодная, мертвая, безцвѣтная, голая пустыня, подобно лишенной всякой растительности, застывшей лунѣ.

Обломки досокъ торчали изъ крупнаго песка, напоминая собою гробовыя доски съ какой-то выцвѣтшей надписью. Онъ видѣлъ ихъ все съ возраставшей ясностью, по мѣрѣ того, какъ сгущался окружающій мракъ.

Отъ нихъ вѣяло холодомъ, холоднымъ дуновеніемъ чудовищнаго равнодушія бытія.

Онъ вздрогнулъ и всталъ.

— Надо пользоваться моментомъ. Лодки... Лодки...

. . . .

Фрэкенъ Морландъ ходила блѣдная, но съ какимъ-то лучезарнымъ лицомъ.

Послѣ перваго оглушающаго впечатлѣнія ужаса, ее охватило чувство облегченія и освобожденія отъ чего-то.

Теперь всѣ человѣческія преграды и условности разсыпались, какъ гнилушки... Она была передъ лицомъ одного Бога, а Онъ видѣлъ то, чего не видѣли люди: передъ нимъ она стояла, какъ мать своего ребенка.

Въ ней пробудилось страстное желаніе кинуть всѣмъ въ лицо: „Это мое дитя, мое, мое... я—*мать* Гуннара, слышите-ли?.. Это позоръ, позоръ! Но я беру его на себя... Въ немъ все мое счастье. Я измѣнила собственному ребенку изъ страха передъ людьми, но я искупила это страданіемъ и слезами“.

— Теперь ничего этого нѣтъ больше, крошка моя,—приговаривала она, лаская Гуннара,—ты ничего не понимаешь.

Скоро насъ съ тобой ужъ не будетъ среди людской толпы, среди лжи и правды. Можетъ быть, я попаду вмѣстѣ съ тобой въ царство небесное... а тамъ ты узнаешь, что *я*—твоя мать, и что мнѣ не за что краснѣть передъ тобой. Можетъ быть, такъ лучше для насъ обоихъ, дорогой мой мальчикъ... Милый докторъ Ангелль,—крикнула она доктору, завидя его съ семьей,—Гуннаръ—*мое* дитя... *мой* сынъ!.. Я такая же мать ему, какъ вы, г-жа Ангелль, мать Исака. Но у Исака есть и отецъ, и мать!

Она ходила изъ угла въ уголъ съ оттѣнкомъ счастья на лицѣ, какъ бы получивъ законную почву подъ ноги.

Кругомъ кричали, что взрывъ будетъ сію минуту.

Къ ней направлялся Коричневое пальто. Лицо его было страшно блѣдно.

— Это мой сынъ,—обратилась къ нему фрэкенъ Морландъ съ полнымъ сознаніемъ,—Гуннаръ—*мой* ребенокъ!

— Вы, значитъ, жили и страдали... А я не жилъ!.. И въ загробной жизни *не* буду жить.

У него тряслись губы.

— Вы думаете, я не увижусь тамъ съ Гуннаромъ?—воскликнула она,—что мой Гуннаръ—краденое добро, счастье лишь въ здѣшней жизни!

Коричневое пальто тяжело опустилъ ей руку на плечо.

— Я думаю, что въ васъ есть искра Божія, и такой жалкій, окоченѣвшій человѣкъ, какъ я, чувствуетъ себя около васъ, какъ у источника тепла. Скоро... Скоро!.. Нашъ пароходъ ужъ представляется мнѣ лежащимъ на днѣ... вода хлынула въ каюты... міровоззрѣнія висятъ, какъ перегнившіе канаты... а я и тамъ все брожу по палубѣ.

— Вы вѣдь тоже были ребенкомъ,—утѣшала она его, — и Тотъ, кто могъ создать человѣка, конечно, предначерталъ ему и пути.

— Помогите мнѣ! Поддержите!.. — молилъ онъ въ отчаяніи.—Мнѣ страшно... Я пришелъ изъ пустоты и снова долженъ погрузиться въ необъятную пустоту...

. . . .

Изъ-за тумана, порѣдѣвшаго пока лишь надъ верхушками мачтъ, проглянуло солнце въ видѣ матоваго желтаго шара; а внизу, подъ прикрытіемъ его дымки, шла борьба за жизнь, и ужасъ передъ смертью выражался въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, смотря по индивидуальностямъ каждой натуры.

Нѣкоторые съ мольбою простирали руки къ небу. Иные катались по палубѣ въ полномъ отчаяніи, а откуда-то доносилось „ура“ и звонъ стакановъ.

. . . .

Грипъ лихорадочно метался то туда, то сюда, разыскивая кого-то.

— Наконецъ-то! Вотъ она!

Громко всхлипывая, съ красными отъ слезъ глазами, Мэри Іонсонъ въ отчаяніи бросалась на шею то къ отцу, то къ матери.

Родители, пришибленные ужасомъ, лишь стонали. Они похлопывали, поглаживали ее, судорожно прижимали къ сердцу, повторяя:

— О милая, милая... дорогая!..

Грипъ ломалъ руки съ глазами, полными слезъ.

Сцена была слишкомъ трогательна.

Онъ подошелъ къ Мэри и дотронулся до ея руки.

— Если бы я могъ помочь вамъ... спасти васъ... для вашего жениха!—сказалъ онъ тихо.

— Какого жениха?—и Мэри взглянула на него сквозь слезы.

— Да, Мэри Іонсонъ! Я пожертвовалъ бы своей жизнью для вашего спасенія, для вашего жениха, г-на Ведекина. Да, жизнь бы отдалъ!

— Скажи ему, папа...—сказала она сквозь рыданія,—что Антонъ Ведекинъ вовсе не женихъ мнѣ... Что мы съ дѣтства росли, какъ братъ и сестра... Антонъ и я... Скажи, папа!—И Мэри разрыдалась сильнѣе.

— Мэри Іонсонъ! Мэри Іонсонъ! Вы стали для меня все... Если бы вы могли быть моей. Я вдругъ почувствовалъ, что вы для меня—все.

Глаза Мэри засіяли.

— И умереть... теперь... Не уходите отъ насъ... Не оставляйте насъ,—просила она, хватая его за обѣ руки.

— Да, мы встрѣтимъ смерть всѣ вмѣстѣ,—произнесъ онъ дрожащими губами и захватилъ ихъ всѣхъ въ свои объятія...

. . . .

Добровольный проповѣдникъ съ какого-то возвышенія призывалъ къ покаянію толпу, въ дикомъ отчаяніи бросившуюся на колѣни.

Руки тянулись кверху и глухіе вопли на всевозможныхъ языкахъ возсылались къ небу.

. . . .

Піанистъ Янко и Бельге Хавсландъ неожиданно столкнулись другъ съ другомъ.

Они кинули взглядъ отчаянія на небо, вздернули плечами и какъ бы остолбенѣли.

— Вотъ и конецъ нашей блестящей карьеры,—воскликнулъ мрачно Бельге Хавсландъ.

— Свистокъ вопитъ точно въ день страшнаго суда,—сказалъ Янко съ содроганіемъ. — А у васъ было больше генія, чѣмъ у меня.

— За то у васъ больше красокъ и огня... больше темперамента. Завтра вечеромъ вы будете играть въ царствѣ небесномъ...

— Быть не можетъ!—крикнулъ онъ внѣ себя.— Навѣрно, есть какая нибудь возможность спастись... хоть на доскѣ. Не захочетъ же Богъ погубить такіе молодые таланты.

Янко сталъ озираться широко раскрытыми отъ ужаса глазами, ища средства спасенія... скамейки или доски, на которой можно бы было удержаться на водѣ.

— О! этого добра найдется сколько угодно, — подскочилъ къ нимъ мингеръ ванъ-Титуфъ.—Бомба пробьетъ дно парохода и расщепитъ палубу, такъ что будетъ на чемъ плыть, только бы уцѣлѣть отъ взрыва и добраться до воды...— пояснялъ онъ дѣло съ практической стороны.—Но мои дорогія, чудныя, чистокровныя лошади, съ которыми я думалъ открыть циркъ въ Америкѣ!—воскликнулъ онъ, закатывая глаза.—Для нихъ нѣтъ спасенія! — добавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—А я привыкъ смотрѣть въ лицо смерти каждый вечеръ.

— Такъ, по вашему, еще не все пропало?—обратился къ нему Янко.—Вы должны знать... Вы волтижёръ... клоунъ? Что теперь дѣлать? За что схватиться?

— Надо уловить моментъ, не терять хладнокровія. Хладнокровіе прежде всего,—наставлялъ мингеръ.

И онъ снова заходилъ взадъ и впередъ, окидывая взглядомъ каждый предметъ, настороживаясь и нацѣливаясь, какъ левъ передъ прыжкомъ.

— Вамъ придется бросить эту штуку, — сказалъ Янко, указывая на скрипку, которую Бельге Хавсландъ держалъ въ ремняхъ.

— Бросить? Моего Страдиваріуса? Много, много разъ переплывалъ я на немъ въ трудныя минуты жизни, — отвѣтилъ тотъ почти съ нѣжностью...

. . . .

На палубу выбѣжала миссъ Анни Рокландъ; она забыла въ эту минуту о себѣ и о своей хромотѣ и ходила то туда, то сюда, останавливаясь, поджидая, всматриваясь.

Неужели онъ не придетъ? Можетъ быть, онъ въ эту минуту ищетъ ее въ толпѣ.

Секунды казались ей минутами...

А какихъ воздушныхъ замковъ она настроила себѣ, какъ безотлучно была съ нимъ въ мысляхъ!

И что это была бы за жизнь! Будущность рисовалась ей въ видѣ волшебнаго замка.

Она постаралась бы быть для него всѣмъ: вошла бы въ его идеи и мысли, поддерживала бы его, помогала бы ему во всемъ. Онъ могъ бы привести въ исполненіе всѣ свои глубокіе замыслы, стремленія и благородные планы.

И теперь, когда ее застигла ужасная вѣсть, она тревожилась лишь о *немъ*, о *немъ* одномъ.

Онъ умретъ, не успѣвъ осуществить своихъ замысловъ; прекрасныя мечты завянутъ, сила подкосится. Возможно ли? Это такъ жестоко, такъ безконечно жестоко...

Безсмысленно, чтобы такая жизненная сила погибла!

И она не можетъ утѣшить его хотя однимъ словомъ... вмѣстѣ перейти за рубежъ этой жизни!

Вдругъ она встрепенулась. Вонъ онъ, вонъ онъ! Все затрепетало въ ней отъ радости.

Онъ стоялъ со спасательнымъ кругомъ въ рукѣ и оглядывался по сторонамъ острымъ, умнымъ, сознательнымъ взглядомъ, который все подмѣчалъ и соображалъ: передъ нимъ была проблема.

Она вдругъ разрыдалась и кинулась къ нему.

— Кетиль Боргъ! Кетиль Боргъ!—и она повисла у него на рукѣ.—Мы должны хоть умереть вмѣстѣ, если намъ не довелось вмѣстѣ жить. Но благодарю, благодарю за всѣ чудные дни, чудные часы! Они дали смыслъ моей жизни.

Кетиль Боргъ нетерпѣливо мотнулъ головой и отстранилъ ее отъ себя спокойно и рѣшительно.

— Здѣсь не мѣсто фразамъ и миндальничанью... Не смѣйте трогать меня и вѣшаться на меня! Если въ критическую минуту мнѣ представится возможность спастись, я ничѣмъ не долженъ быть стѣсненъ!

Онъ потрясъ руками, какъ бы стряхивая съ себя все лишнее.

— Увѣряю васъ, миссъ Анни, что я, при всемъ желаніи, ничего не могу сдѣлать для васъ. Разсудокъ говоритъ, что и одному человѣку, ничѣмъ не связанному, мало шансовъ на спасеніе.

Миссъ Анни отшатнулась.

Она стояла, сперва ничего не понимая, какъ бы не слыша, но затѣмъ повалилась съ душу раздирающимъ крикомъ...

— Бѣдняжка... — пробормоталъ Кетиль Боргъ взволнованно, — а все же съ какой радости идти ко дну изъ-за нея!

. . . .

На доктора и Арну ужасная новость подѣйствовала, какъ ударъ молній.

Они до сихъ поръ были поглощены исключительно своими личными интересами, а теперь очутились вдругъ лицомъ къ лицу съ всепоглощающимъ, леденящимъ кровь Медузой-бытіемъ.

Докторъ, ходившій наверхъ узнать, въ какомъ положеніи дѣло, поспѣшно вошелъ въ каюту.

Арна, цѣпенѣя отъ ужаса, бросилась на грудь мужу.

— Господи, Господи... что-то будетъ! А Исакъ... Исакъ...

Докторъ слегка отстранилъ ее отъ себя.

Она обвила его шею руками.

— Іонъ, Іонъ, все чернѣетъ!

Онъ снова отстранилъ ее словами:

— Не время!

Арна откинулась и посмотрѣла на него.

— Если бы только я знала, что ты былъ счастливъ со мною, Іонъ,—сказала она грустно.

— Счастливъ!..—пробормоталъ докторъ.—Даже стоя между небомъ и морской пучиной, даже теперь не проникнешь въ истину!—думалъ онъ про себя, связывая въ ремни кое-какія дорожныя вещи.—Даже передъ глазными впадинами смерти и передъ моремъ, готовымъ поглотить наши трупы, надъ водяной пропастью въ нѣсколько тысячъ саженъ глубины, начни я допрашивать, предложи одинъ какой-нибудь вопросъ, который выдалъ бы ей то, что я передумалъ за эти годы, проведенные бокъ о бокъ съ нею, она отвѣтила бы мнѣ взглядомъ, полнымъ презрѣнія, и на моихъ глазахъ потухла бы любовь, которой одною держится вся моя жизнь. Охъ, охъ...—стоналъ онъ,—скорѣй бы, скорѣй бы хлынуло море! Я хочу, я жажду этого!

— Надѣвай же пальто, Арна, торопись,—уговаривалъ онъ ее,—я пока буду завертывать Исака въ платокъ. Куски хлѣба я кладу въ карманъ; вотъ и эти остатки вина пригодятся.

Она повиновалась ему машинально, ничего не сознавая.

— Вотъ и это тоже,—онъ взялъ пальто ребенка.—Потомъ одѣнешь его какъ слѣдуетъ. — Ну, поторапливайся. Исакъ, кончай скорѣе яйцо, скорѣй, скорѣй! Обвяжи этимъ длиннымъ шерстянымъ шарфомъ его и себя; такъ тебѣ легче будетъ держать его. Я подержу мальчика, пока вы не сядете въ лодку.

Онъ захватилъ руку Арны своей свободной рукой и потянулъ ее вонъ изъ каюты.

— Въ лодку? Исакъ и я? Безъ тебя?—воскликнула Арна.

— Не болтай, а торопись! Медлить нельзя. Дѣлай, что я велю.

— Нѣтъ! Исакъ и я остаемся тамъ, гдѣ ты,—сказала она рѣшительно.

Докторъ съ сыномъ на рукахъ былъ уже въ дверяхъ.

— Тутъ нѣтъ выбора,—сказалъ онъ.

— Что ты говоришь! Что думаешь?—крикнула она испуганно и потянула его назадъ въ каюту.—Ты такъ долго былъ занятъ только собой и своей... теперь ты обязанъ подумать объ Исакѣ и обо мнѣ! Выскажимся хоть теперь, должно же когда нибудь!.. Знай Іонъ,—это для меня та же смерть!

Ея голосъ дрожалъ, глаза метали искры.

— Ты молода и передъ тобой цѣлая жизнь впереди, — прервалъ ее докторъ, — Исакъ — сильный, крѣпкій мальчикъ, и... вѣдь Фольтмаръ остается! — пропустилъ онъ сквозь стиснутые зубы.—Ты знаешь, что онъ никогда не оставитъ васъ. На него ты можешь положиться.

— Господи, Господи, Іонъ! Что значитъ для меня въ эту минуту Фольтмаръ и всѣ остальные друзья! — отвѣтила она, ломая въ отчаяніи руки.—Развѣ ты, я и Исакъ не составляемъ одно? Не такъ ли, Исакъ? Не правда ли?—заливалась она слезами,—ты вѣдь не хочешь уйти отъ папы и мамы? Не хочешь, чтобы тебя воспитали другіе среди забавъ и удовольствій... Ты хочешь быть папинымъ мальчикомъ. Спроси папу, отчего мы, ты и я, не нужны ему больше? Онъ смотритъ на насъ такъ, что дѣлается страшно. Ахъ, если бы ты зналъ, что одинъ только лучъ моего *прежняго* Іона наполнилъ бы мою душу блаженствомъ! Неужели твое честолюбіе стоитъ всего нашего счастья, Іонъ? Я спрашиваю серьезно,—обратилась она къ нему. — Дай мнѣ хоть эти нѣсколько минутъ, которыя намъ остается жить, провести вблизи тебя... какъ прежде... теперь, когда насъ съ тобой зовутъ на иной путь... Можетъ быть, это и къ лучшему!

Суровость въ лицѣ доктора начала быстро таять, уступая мѣсто удивительно хорошему выраженію.

— Наконецъ-то, наконецъ, ты опять моя!—сказалъ онъ тихо,—и я могъ сомнѣваться въ тебѣ!

— Сомнѣваться? Во мнѣ, Іонъ? Да въ чемъ же?

— Приди, приди ко мнѣ, моя оскорбленная!—прошепталъ докторъ.—Мой! нашъ сынъ! Теперь Арна, нить, связывающая насъ, не порвется и послѣ смерти.

. . . .

Туманъ сильно порѣдѣлъ, горизонтъ расширился. Вдали видны были лодки, переполненныя женщинами и дѣтьми, которыя, крича и рыдая, махали платками и руками.

Среди большого катера, готовившагося отчалить, стоялъ Вангенстенъ, какими-то судьбами очутившійся тамъ. Онъ и

тутъ распоряжался энергично и рѣшительно, распредѣляя и указывая мѣста. Среди общей сумятицы на него смотрѣли, какъ на ниспосланную небомъ опору.

„Обоюдная помощь—спасеніе!.. Ссоры и разногласіе—гибель!“ гремѣло среди общаго шума.

Двѣ лодки, отъѣхавъ небольшое разстояніе отъ парохода, покачивались на веслахъ.

Метавшіеся по палубѣ люди удѣляли другъ другу не больше вниманія, чѣмъ обитатели сумасшедшаго дома: каждый былъ занятъ своей собственной душевной мукой.

Многіе протягивали руку въ карманъ за часами, но рука безсильно опускалась: ни у кого не хватало мужества взглянуть на часы; казалось, что сердце перестанетъ биться при одномъ взглядѣ на стрѣлку.

Нѣсколько пассажировъ 1-го класса собрались на передней части корабля, казавшейся имъ самымъ надежнымъ убѣжищемъ, тогда какъ еще большее количество, изъ 3-го класса, въ силу того же соображенія, столпились у кормовой части.

На одной изъ скамеекъ у борта сидѣли рука въ руку Матіасъ Вигъ и Элленъ Брандтъ. Блѣдные, съ выраженіемъ безропотной покорности волѣ Божьей на лицахъ, они говорили мало.

— Намъ даровано лишь полчаса, чтобы пережить вновь наше счастье.

— Дѣло не въ продолжительности, Матіасъ, а въ томъ, какія воспоминанія мы унесемъ съ собой туда.

— Мало хорошаго, Элленъ! - отвѣтилъ онъ, прижимая ея руку къ своему влажному лбу.—Такая жизнь, какъ моя—однѣ развалины!

— Но за то мы съ тобой пробудились для многаго, что чуждо другимъ, не пережившимъ ничего подобнаго. Мнѣ кажется, что для насъ могло бы быть еще какое то счастье, пока скрытое отъ насъ. Я часто мечтала о томъ, какъ бы хорошо умереть вмѣстѣ съ тобой, Матіасъ. Жить съ тобой я не могла, а умереть — другое дѣло. Я буду держаться за тебя до самаго конца. Не бойся, Матіасъ, мое больное дитятко!

— О, Элленъ, я не выпущу тебя до тѣхъ поръ, пока не отпадутъ мои руки.

— Я знаю, Матіасъ, что ты не выпустишь меня до тѣхъ поръ, пока море не наполнится водкой...

— Начинается!—сказалъ онъ и взялся было за часы, но снова опустилъ руку.

Она бросилась къ нему на грудь, и онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ. Оба закрыли глаза и лишь изрѣдка обмѣнивались какимъ-нибудь словомъ или восклицаніемъ.

Стоя въ преддверіи вѣчности, они осторожно, почти бо-

язливо, стали обмѣниваться отдѣльными словами и воспоминаніями юныхъ дней и... сошлись снова.

Онъ, какъ бывало, прижался головой къ ея теплымъ рукамъ и закрылъ глаза.

Но смерть не давала убаюкать себя. Отдаваясь своему счастью, Матіасъ въ то же время чувствовалъ ея ужасное приближеніе. Ему послышался какой-то глухой трескъ, сопровождавшійся криками и возгласами нѣсколькихъ сотенъ голосовъ.

Всѣ заметались, какъ въ бреду.

Зеленыя стѣны моря поднимались все выше и выше. Носъ судна все больше и больше зарывался въ воду, а кормовая часть выпячивалась.

Зашипѣло, запѣнилось.

Пароходъ стало втягивать въ морскую бездну, точно въ крутящуюся воронку.

Матіасъ крѣпче ухватился за Элленъ.

— Ну... Ну...

— Матіасъ,—окликнула его Элленъ,—прислушайся!

Крики не смолкали, но въ нихъ слышалось теперь что-то радостное, ликующее. Они разростались, расходились.

Матіасъ Вигъ торопливо вынулъ часы.

— Четверть 5-го—четверть часа сверхъ срока.

Капитанъ перегнулся черезъ перила своего мостика и весело кивалъ, а офицеры разносили во всѣ стороны одну и ту же вѣсть:

— Опасность миновала! Опасность миновала!

Угольныя ямы были тщательно осмотрѣны. Вмѣсто адской машины, разрывной бомбы или другого какого нибудь заводного механизма, тамъ оказался простой деревянный ящикъ съ нѣсколькими тонкими желѣзными обручами, стальная проволока въ формѣ спирали и свертокъ обыкновенной ваты.

Ящикъ стоялъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ нашли мертваго кочегара.

— Да это скорѣе всего не додѣланная мышеловка для корабельныхъ крысъ,—сказалъ одинъ изъ кочегаровъ,—черезчуръ маловато, чтобы взорвать такое огромное судно.

Вслѣдъ за тѣмъ появился корабельный врачъ и показалъ рубашку, снятую съ покойнаго. Вышитая на ней мѣтка указывала на одинъ изъ домовъ для умалишенныхъ въ томъ городѣ, откуда они выѣхали.

Малый былъ, слѣдовательно, не въ своемъ разумѣ.

. . . .

Матіасъ Вигъ сжился съ мыслью, что они съ Элленъ умрутъ вмѣстѣ и что конецъ насталъ.

И вотъ онъ снова передъ будничной дѣйствительностью!..

Она должна снова приняться за свои обязанности, по вчерашнему. А онъ?

— Да, не долго это было, Элленъ!—сказалъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ. — Лучъ счастья заглянулъ и въ нашу разрушенную избу безъ оконъ. Завтра каждый изъ насъ направится своей одинокой дорогой.

— Лучъ счастья? Нѣтъ, Матіасъ, теперь мы вдвоемъ будемъ продолжать строить и чинить нашу избу. Сегодня, въ ожиданіи зеленой волны, я поняла, что такое—не имѣть около себя никого, кто могъ бы заглядывать тебѣ въ душу, кому хотѣлось бы повѣрить все. Ты, Матіасъ, единственный, кто можетъ заронить радость въ мою душу, единственный, изъ-за котораго я выплакала бы себѣ глаза!

— Ты хочешь... рѣшаешься,—и онъ пытливо посмотрѣлъ ей въ глаза.—Элленъ, я точно во снѣ... но знай, я вѣрю, я увѣренъ теперь, что ты можешь исправить Матіаса Вигъ.

. . . .

Пароходъ разукрасили флагами. Лодкамъ даны были сигналы, и тамъ начали мало-по-малу соображать, въ чемъ дѣло.

Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ взмаховъ веслами, на лодкахъ начали грести все увѣреннѣе и сильнѣе по направленію къ судну, которое стояло на своемъ мѣстѣ.

Мужья и отцы съ борта успокоительно кивали своимъ близкимъ, а изъ лодокъ жены и матери въ слезахъ, взволнованныя, протягивали имъ дѣтей.

У трапа происходили трогательныя сцены встрѣчъ, точно послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, и слѣдовалъ обмѣнъ впечатлѣній, объясненія.

На палубѣ царила тишина, словно не хотѣли нарушить торжественности момента.

На лицахъ, послѣ перенесеннаго потрясенія, лежало выраженіе какого-то оцѣпенѣнія.

Всѣ перечувствовали слишкомъ много, и нервы не могли такъ скоро настроиться на иной ладъ: переходъ, хотя бы и къ счастью, былъ слишкомъ рѣзокъ.

Душа каждаго пережила кризисъ. Событія дня сурово раскрыли передъ ними нѣчто иное, невѣдомое доселѣ, скрывавшееся за желѣзнымъ занавѣсомъ.

Многіе, очень многіе скрылись по каютамъ...

Толпа служащихъ хлопотала надъ приведеніемъ всего въ порядокъ, въ буфетѣ шла сильная спѣшка. Нужно было не опоздать съ главной трапезой, съ обѣдомъ.

Изъ каютъ получался приказъ за приказомъ, — подать обѣдъ отдѣльно.

Пароходъ шелъ снова полнымъ ходомъ. Электрическое

освѣщеніе заливало всѣ комнаты и всѣ уголки судна, и въ волнахъ снова отражался дворецъ фей.

Девятый день.

Новый мѣсяцъ плылъ между несущимися облаками, то показываясь, то исчезая, разрывая облако своимъ короткимъ рогомъ и сыпля искрами.

Волны среди мглы то поднимались горами, то разливались лощинами за пароходомъ.

Лодки были развѣшены по своимъ прежнимъ мѣстамъ и вздрагивали въ тактъ съ желѣзнымъ корпусомъ корабля.

Гигантскія машины работали, посылая черезъ трубы густые клубы дыма.

Вахтенные тихо ходили взадъ и впередъ среди ночной мглы. Только внизу, въ кочегарномъ отдѣленіи, слышался стукъ то закрывавшихся, то открывавшихся желѣзныхъ дверецъ и громыханіе желѣзными засовами, лопатками и кочергами. Два, три офицера въ штурманской рубкѣ слѣдили черезъ подзорныя трубы за виднѣвшимися вдали огоньками другихъ судовъ.

А подъ палубой нервное напряженіе пережитаго дня сказывалось, послѣ перваго тяжелаго сна, вызваннаго усталостью, сновидѣніями, сплетенными изъ только что испытанныхъ впечатлѣній.

Снова, въ смертельномъ страхѣ, толкались и давили другъ друга, стараясь попасть въ лодку.

Добравшись благополучно до лодки, кричали, внѣ себя, чтобы скорѣе отчаливали, иначе всѣ они полетятъ на воздухъ... Но весла словно приросли... лодка не могла двинуться...

Матери силились пробраться къ трапу, чтобы перекинуть въ лодку своихъ дѣтей, но не могли пошевельнуть ни рукой, ни ногой.

Въ безумномъ ужасѣ или бросались къ выходамъ и на палубу или... застывали въ дверяхъ каютъ.

Пахло нефтью и успокоительными каплями.

Многіе, очень многіе дорого бы дали, если бы можно было взять назадъ высказанное ими въ тотъ страшный часъ, и терзались теперь раскаяніемъ.

Настало свѣтлое, ясное утро съ свѣжимъ вѣтеркомъ и искрящимся моремъ.

Палуба кишѣла народомъ.

Всѣ чувствовали себя какъ бы въ другомъ слоѣ воздуха. Вчерашнее отодвинулось назадъ, уступая мѣсто волненію и хлопотамъ по случаю скораго прибытія въ Америку.

Въ общемъ переѣздъ прошелъ удачно, лишь съ приключеніемъ...

Янко ходилъ, потирая руки.

Всѣ шансы на то, что пароходъ войдетъ въ Нью-Іоркскій докъ немного послѣ полудня... Концертъ состоится!

— Поздравляю съ удачей,—поздоровался съ нимъ подошедшій Бельге Хавсландъ.—Спѣшу высказать это, пока мы не успѣли сойти съ корабля и перестать быть людьми. Скоро мы снова будемъ не люди.

— Ужъ и натерпѣлся же я страху!—воскликнулъ Янко.

— Да, пренепріятный былъ вчерашній денекъ,—подтвердилъ Хавсландъ.

— Вчера! Я подразумѣваю концертъ; если бы онъ сорвался, всю мою программу, все турнэ, разсчитанное по днямъ и часамъ въ различныхъ городахъ, пришлось бы передѣлать... Бомба... да!—мотнулъ онъ головой,—тоже своего рода номеръ!

— Скажите, пожалуйста,—обратился Хавсландъ къ Титуфу,—что это вамъ вздумалось разыгрывать роль мингера?

— Я заплатилъ за свое мѣсто!—отвѣтилъ тотъ съ апломбомъ.—Разъ имѣешь капиталъ, отчего не воспользоваться его благами. А кромѣ того,—добавилъ онъ откровенно,—не могъ же я предстать въ I классѣ клоуномъ. Теперь я ѣду къ себѣ на родину, въ Америку; я тамъ вложилъ свой капиталъ въ одинъ циркъ. Поджидаютъ только меня да двухъ красивыхъ чистокровныхъ лошадей для школы верховой ѣзды, чтобы открыть дѣло. А сверхъ всего прочаго,—добавилъ онъ съ размашистымъ жестомъ и стрѣльнувъ въ нихъ взглядомъ,—я имѣлъ неоцѣнимое удовольствіе познакомиться съ двумя такими свѣтилами искусства, вдобавокъ въ такой трудный моментъ, когда мы, такъ сказать, готовились сдѣлать прыжокъ на тотъ свѣтъ... Если бы высокоуважаемые господа почтили своемъ присутствіемъ представленіе, которымъ мы откроемъ сезонъ, это послужило бы для насъ колоссальной рекламой: ваши прогремѣвшія на весь міръ имена аршинными буквами на афишахъ!

И онъ закатилъ глаза, представляя себѣ эту картину.

. . . .

Фрэкенъ Морландъ, держа за руку Гуннара, пришла возвратить мѣховую куртку. Ее не покидалъ самоувѣренный видъ, появившійся въ ней съ момента, когда она порвала со всѣми условностями.

Вмѣсто обычной нервности, въ ней проглядывало теперь какое-то особенное спокойствіе, присущее людямъ, взявшимъ на себя извѣстную миссію.

Коричневое пальто ходилъ своей тяжелой походкой въ

сопровожденіи слуги, у котораго въ рукахъ было нѣсколько чемодановъ и чехолъ отъ зонтика.

Онъ приводилъ въ порядокъ свои чемоданы, ставилъ на нихъ мѣтки, затягивалъ ремни и запиралъ на ключъ.

Расплатившись со слугою, онъ подошелъ къ фрэкенъ Морландъ.

— Я ѣду въ знойную Индію. Скажите на милость, къ чему мнѣ тамъ мѣха?—сказалъ онъ, когда она стала возвращать ему куртку.—Здѣсь передъ вами зима и американскій холодъ. Оставьте ее у себя и заверните въ нее малютку... Ну, теперь все уложено и готово. Мой адресъ: „Бенаресъ, poste restante". Пришлите мнѣ вашъ, когда онъ будетъ у васъ.—Онъ взглянулъ на часы.—Еще долго до завтрака. Теперь въ Санъ-Франциско, оттуда въ Іокогаму... а затѣмъ—въ Бенаресъ. Когда еще пріѣду туда!..

И онъ грустно поплелся прочь.

. . . .

Грипъ и Мэри Іонсонъ гуляли по палубѣ въ это ясное утро; имъ надо было многое сказать другъ другу.

Они пришли попрощаться съ обезьяной, которая, собственно, была кузнецомъ ихъ счастья.

Обезьяна теперь кувыркалась и выдѣлывала въ честь ихъ самые удивительные прыжки, а послѣдніе два дня она была въ самомъ дурномъ расположеніи духа, сильно зябла и, дрожа, сидѣла, прижавшись въ уголъ клѣтки.

Итакъ, они скоро будутъ въ Чикаго!

Мэри очень занимала перспектива представить Грипа Антону Ведекину.

То ли дѣло явиться такимъ образомъ, чѣмъ съ изящной тросточкой, которую она сломала, когда „Черномазый" такъ уставился на нее, проще говоря, преслѣдовалъ ее.

Ну, ужъ и будетъ же Антонъ смотрѣть своимъ однимъ глазомъ!

Родители чувствовали себя среди идилліи, восторгались красивой парочкой и тѣмъ, что породнились съ землякомъ.

. . . .

Агентъ страхового общества „The Mutual" не показывался еще послѣ вчерашняго приключенія.

Но вотъ, наконецъ, послѣ полудня появилась его изящная фигура. Торъ Вангенстенъ окидывалъ взглядомъ палубу, элегантно приподнималъ шляпу, здороваясь съ тѣмъ или другимъ изъ знакомыхъ, и остановился съ необычайно дружелюбнымъ видомъ возлѣ Матіаса Вигъ.

— „The Mutual" сдѣлало хорошее дѣльце за этотъ путь, благодаря всеобщему испугу, — сказалъ онъ съ интимной улыбкой.—Весь секретъ, видишь ли, въ томъ, что свѣтъ на-

бить трусами и боязливыми людьми, и въ виду этого факта приходится прибѣгать къ извѣстнымъ мѣрамъ. Въ данномъ случаѣ подписанные полисы, если бы мы пошли ко дну, послѣдовали за нами и не всплыли бы оттуда ранѣе дня страшнаго суда; подумай, сколько бы осталось обездоленныхъ семей!.. Поэтому я былъ обязанъ во имя справедливости спасти и себя, и бумаги... Избранной идеѣ не служатъ ложью! Теперь наши пути расходятся, Матіасъ! А всетаки тебѣ слѣдовало воспользоваться поддержкой товарища, — закончилъ онъ многозначительно, поднявъ указательный палецъ.

— Я думаю направиться въ Бостонъ, — сказалъ Матіасъ Вигъ, — и постараюсь выбраться на мое прежнее научное поприще.

. . . .

Придя въ себя послѣ того, какъ Кетиль Боргъ оттолкнулъ ее въ минуту ея мучительной душевной тревоги, миссъ Анни съ трудомъ добралась до каюты родителей, безъ словъ и безъ всякаго выраженія во взглядѣ, точно сомнамбула.

Отъ нея нельзя было добиться ни слова въ отвѣтъ на всѣ разспросы.

— Это у нея съ испугу,—думали родители, судя по себѣ.

Анни упала на полъ и забилась въ конвульсіяхъ.

— Она въ безпамятствѣ,—сказала мистрисъ Рокландъ,—и слава Богу: по крайней мѣрѣ, ударъ постигнетъ ее въ безсознательномъ состояніи.

Ухаживаніе за нею заставило ихъ забыть собственный страхъ; они усадили ее на диванъ, и мать прижала къ своему сердцу ея голову.

Болѣзненное, слабое созданіе напоминало собою надломленную тростинку... Ни движенія... ни звука.

Минуты мучительнаго страха прошли, и всѣ начали приходить въ себя, какъ бы оживать. Но миссъ Анни была все въ томъ же положеніи.

Докторъ сказалъ, что это, по всей вѣроятности, нервный припадокъ, который продолжится еще нѣкоторое время.

Анни уложили въ постель.

Она пролежала весь вечеръ въ убійственномъ молчаніи, съ выраженіемъ страданія на блѣдномъ лицѣ.

У матери нѣсколько отлегло отъ сердца, когда она время отъ времени стала пожимать ей руку.

Убавивъ на ночь свѣтъ въ каютѣ, родители легли спать.

Время отъ времени слышался то сдержанный вздохъ, то стонъ Анни, и они думали, что она засыпаетъ.

Они чувствовали большую усталость послѣ пережитаго волненія, и ими сталъ овладѣвать сонъ.

— Видѣла?—вдругъ спросилъ мистеръ Рокландъ и вскочилъ въ испугѣ.

Анни, вся въ бѣломъ, прошмыгнула по полутемной каютѣ.

Онъ кинулся за нею съ быстротою молніи.

Когда онъ прибѣжалъ на верхъ, она стояла уже у перилъ; онъ едва успѣлъ схватить ее за одежду и, взявъ на руки, снесъ обратно въ каюту.

Слышались лишь тяжелые стоны и сдерживаемые вздохи, вскорѣ перешедшіе въ судорожныя рыданія. Вскорѣ мистрисъ Рокландъ кивкомъ дала знать мужу, что Анни уснула.

Она спала, какъ убаюканное дитя.

Мало-по-малу дыханіе стало дѣлаться глубже и ровнѣе, но она долго еще вздрагивала.

Анни проснулась лишь на другой день далеко за полдень. Она лежала молча, съ открытыми глазами.

Вотъ у нея изъ глазъ выкатилась слеза, крупная и тяжелая, которая скапливалась въ глазу постепенно по мѣрѣ того, какъ припоминались подробности вчерашняго дня; затѣмъ еще и еще одна, и слезы полились струею, смочивъ ей все лицо. Это были слезы безграничнаго отчаянія, слезы, которыми оплакивается молодость. Онѣ лились по мѣрѣ того, какъ одна за другою скатывались и потухали ея иллюзіи.

Она оплакивала первую и единственную любовь своей юности.

. . . .

Кетиль Боргъ за цѣлый день ни разу не показался на палубѣ. Ему нужно было привести въ порядокъ свои вещи и обдумать запущенную корреспонденцію.

Онъ то бралъ платья, то снова откладывалъ ихъ въ сторону, все больше и больше задумываясь и глядя неподвижными глазами во внутренность пустого чемодана.

Передъ его мысленнымъ взоромъ рисовались построенныя имъ жилища для рабочихъ и горделиво выступавшій надо всѣмъ господскій домъ — огромный, переливавшійся всевозможными оттѣнками лопнувшій пузырь. Онъ долженъ былъ теперь разрушать всѣ возведенныя имъ постройки, вытаскивая оттуда гвоздь за гвоздемъ, доску за доской, балку за балкой...

Надо всѣмъ пронесся бѣшеный ураганъ!..

Водопадъ продолжалъ пѣниться въ своей дикой красотѣ, но уже не уносилъ больше его мысли къ милліонамъ; весь его грохотъ теперь ни къ чему; да и едва ли его силы хватитъ на то, чтобы привести въ движеніе мельницу, а онъ замышлялъ вымалывать на немъ золото!

Отъ всѣхъ предпріятій и замысловъ осталась лишь груда

щебня и песку, да никуда негодная земля, до которой не касается лопата.

Фабричныя постройки, которыя его воображеніе уже освѣтило электричествомъ; ландшафтъ, весь околотокъ, надъ которымъ онъ, при помощи капитала, господствовалъ бы и въ соціальномъ и въ экономическомъ положеніи; чувство хозяина и ощущеніе невидимой для глазъ короны власти, которая украшала бы его голову въ могучемъ замкѣ на горѣ, сіявшемъ зеркальными окнами; высокая гора для салютовъ и вышка, которая указывала бы издалека, съ моря и пролива, гдѣ живетъ Кетиль Боргъ,—все, все рухнуло! Все поглотила вчера морская бездна вмѣстѣ съ милліономъ.

У него явилась жгучая потребность еще разъ, прежде чѣмъ стать прежнимъ Кетилемъ Боргъ, инженеромъ и спортсмэномъ, перебрать въ умѣ все, что онъ намѣревался вызвать къ жизни съ капиталами мистера Рокландъ.

Онъ долженъ былъ дать себѣ время освоиться съ мыслью о разгромѣ, дать себѣ своего рода каникулы, прежде чѣмъ засѣсть на кучу мусора и приняться по необходимости за корреспонденцію.

Средства прежняго Кетиля Боргъ не дозволяли ему слишкомъ долго предаваться горю, онъ жалѣлъ теперь даже о дорогихъ сигарахъ, которыми угощалъ мистера Рокландъ, и въ то время, какъ его взглядъ былъ неподвижно устремленъ во внутренность пустого чемодана, его положеніе выяснялось передъ нимъ все больше и больше, словно сквозь рѣдѣющій туманъ.

Да, собственно говоря, что-жъ особеннаго онъ сдѣлалъ? Обстоятельства сложились такъ, что едва-ли и одинъ человѣкъ могъ разсчитывать на спасеніе, а вдвоемъ—и подавно.

— Если бы мы были мужемъ и женой, тогда, конечно, было бы моей обязанностью раздѣлить съ ней судьбу...

Все это такъ ясно, что, казалось, стоило пойти къ мистеру Рокландъ и привести ему всѣ эти доводы... и тѣмъ не менѣе всякое объясненіе невозможно! Проклятіе!

Кетиль Боргъ вскочилъ и топнулъ ногою объ полъ. Эдакая незадача!

Ничего больше не остается, какъ пойти и взять обратный билетъ.

. . . .

Маленькій Исакъ сдѣлалъ открытіе, что его папа —просто прелесть!

Прежде только и слышалось: „мама, мама!“ а теперь цѣлый день раздавалось: „папа, папа“!..

Мальчикъ не отставалъ отъ отца, все время держа его

за руку. Онъ нисколько не боялся его теперь и обращался съ нимъ, какъ съ товарищемъ.

Докторъ и его жена сидѣли по обѣимъ сторонамъ раскрытаго чемодана; время отъ времени Исакъ, взобравшись сперва на стулъ, перебирался оттуда на спину отцу и усаживался верхомъ на его шею.

— Вѣдь ты такимъ образомъ разрушишь всѣ свои планы!— воскликнула Арна въ изумленіи.—Ты, кажется, не прочь взять обратный билетъ!

— Что жъ, я не прочь,—отвѣтилъ спокойно докторъ.—Конечно, немного жалко порвать съ наукой, но моя страсть отгадывать загадки во всякомъ случаѣ прошла, и я начинаю раздумывать: правильно-ли по отношенію къ нашему сыну перетаскивать его съ мѣста на мѣсто? Я думаю устроиться нѣсколько иначе; напримѣръ, я совершенно удовольствовался бы годикомъ пребыванія въ одномъ изъ столичныхъ городовъ Европы.

Арна стала глядѣть ему въ глаза пристальнымъ взглядомъ. Она, казалось, хотѣла заглянуть въ самую глубину его души, но на лицѣ ея отражалось все больше и больше недоумѣніе.

— Я рѣшительно отказываюсь понять тутъ что-нибудь,— воскликнула она,—или ты скрываешь что-то отъ меня.

Докторъ схватилъ ея руки и сталъ осыпать ихъ поцѣлуями.

— Я долженъ сказать тебѣ кое-что, Арна, довѣрить тебѣ кое-что... сдѣлать одно признаніе,—добавилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.—У меня была idée fixe, своего рода помѣшательство... Дѣло касалось тебя. Я не вполнѣ довѣрялъ тебѣ... сомнѣвался въ тебѣ... А мнѣ легче разстаться съ жизнью, чѣмъ потерять хоть одну частицу тебя.

— Меня?.. меня?.. Такъ ты изъ-за меня былъ въ такомъ ужасномъ настроеніи?

— Могу тебя успокоить: этого никогда больше не повторится. Болѣзнь прошла,—прибавилъ онъ тихо, почти нѣжно.

Арна вспыхнула.

— Теперь я начинаю понимать!.. Іонъ, Іонъ,—прибавила она, положивъ обѣ руки ему на плечо,—ты самый глупый изъ всѣхъ мужей...

Пароходъ подъѣзжалъ къ Нью-Іорку, оставивъ позади себя два еще не зажженныхъ маяка Sandy-Hooks.

Вмѣсто бурливаго моря, пароходъ очутился въ бухтѣ, защищенной отъ валовъ и бурь океана группою острововъ. Берегъ и входъ въ гавань съ каймою красивыхъ возвышенностей и построекъ, съ людьми и множествомъ судовъ ка-

зался убѣгавшимъ отъ взгляда съ быстротою американскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Черезъ часъ машина перестанетъ дѣйствовать, и пароходъ будетъ стоять съ безжизненными трубами и неподвижнымъ винтомъ, вытряхнувъ пассажировъ, переселенцевъ и кладь.

Тысяча триста эмигрантовъ хлынутъ вонъ, чтобы тутъ же просѣяться черезъ таможню и карантинъ и частью сдѣлаться добычей агентовъ, которые отправятъ ихъ дальше по разнымъ желѣзнымъ дорогамъ: вырванныя съ корнями деревья, они должны найти себѣ опору въ чужой землѣ, которая очаровала ихъ фантазію и соткала паутину изъ мечтаній о счастьѣ въ томъ воздушномъ замкѣ, въ который имъ предстоитъ вступить твердой ногой.

Колоссальная статуя свободы привѣтствовала ихъ съ факеломъ въ поднятой рукѣ, начавъ лить среди сумерекъ струи свѣта на море и сушу.

На палубѣ толпились пассажиры съ чемоданами и багажемъ. Эмигранты сплошной массой стояли около своихъ вещей и ждали, что-то будетъ теперь.

Они отважно пошли навстрѣчу неизвѣстному, теперь это неизвѣстное должно обнаружить себя...

Воздухъ былъ переполненъ кликами, перекрестными вопросами и отвѣтами на всевозможныхъ языкахъ.

Дали тихій ходъ.

Вошли во внутреннюю гавань.

Электрическій свѣтъ ярко освѣщалъ набережную и докъ и мало-по-малу залилъ весь огромный городъ моремъ свѣта.

Весь фальшбортъ былъ усѣянъ лицами, съ любопытствомъ заглядывавшими внизъ, въ цѣлый мірокъ людей, которымъ предстояло разсыпаться по разнымъ дорогамъ.

Съ капитанскаго мостика былъ данъ въ машинное отдѣленіе сигналъ для остановки.

Въ трубѣ зашипѣло... Выкинуло цѣлый дождь теплыхъ водяныхъ брызгъ.

Изъ теоріи и практики крестьянскаго хозяйства.

I.

Въ сферѣ крестьянскихъ отношеній для насъ еще много неяснаго. Съ особою силою приходится сознавать это въ моменты, подобные настоящему. Крайне серьезные признаки хроническаго разстройства въ народно-хозяйственномъ организмѣ настойчиво требуютъ вниманія къ быту и хозяйству многомилліонной крестьянской массы, а острыя проявленія этого недомоганія властно напоминаютъ о дальнѣйшей невозможности замалчивать и игнорировать ея нужды. Между тѣмъ, не только ассортиментъ средствъ, необходимыхъ для разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ его современной постановкѣ, но и комплексъ причинъ, обусловившихъ таковую, далеко еще нельзя считать уясненными. Присматриваясь и прислушиваясь къ тому, что дѣлается и говорится по крестьянскому вопросу, невольно начинаешь опасаться, какъ бы въ переживаемую нами трудную минуту общественное вниманіе цѣликомъ не было увлечено въ какой-либо тупой уголъ, вродѣ нелѣпо извращеннаго вопроса объ общинѣ, и какъ бы общественная мысль окончательно не заблудилась въ томъ лабиринтѣ мелочей, который усердно сооружаютъ присяжные попечители о народномъ благѣ. Даже въ той части общества, которая настроена болѣе чутко и менѣе склонна увлекаться мелочами, господствующія воззрѣнія на крестьянское дѣло страдаютъ односторонностью и отсутствіемъ цѣльности и связности. На ряду съ довольно яснымъ пониманіемъ и единодушнымъ признаніемъ основной причины правовыхъ невзгодъ трудящейся массы, мы встрѣчаемъ крайнее разнообразіе во взглядахъ на причины экономическаго ея оскудѣнія, а, стало быть, и на ближайшія задачи экономической политики. Сколько нибудь стройной и дальновидной системы мѣропріятій, которыя могли бы вновь наладить хозяйственную жизнь деревни, сейчасъ никто предложить не въ силахъ. Приходится блуждать въ потьмахъ, идти ощупью...

Эта общественная растерянность передъ однимъ изъ кардинальныхъ вопросовъ современной жизни, несомнѣнно, находится въ связи съ тѣмъ програмнымъ кризисомъ, который мы переживаемъ. Крестьянство, какъ соціологическій фактъ, до сихъ поръ не получило надлежащаго себѣ истолкованія, а какъ соціальный факторъ—надлежащей оцѣнки. Сейчасъ болѣе, чѣмъ когда либо, мы недоумѣваемъ, какія можно и должно ставить цѣли и питать надежды, исходя изъ факта его существованія. Еще недавно многимъ эти вопросы казались совершенно ясными. Крестьянство разсматривалось, какъ обломокъ прошлаго, быстрое исчезновеніе котораго несомнѣнно и желательно. Забѣгая впередъ и провидя разслоеніе его на болѣе понятные классы, увлекающіеся люди, благородство побужденій которыхъ, однако, никто не заподозритъ, готовы были воспѣвать дифирамбы кулачеству и истолковывать въ прогрессивномъ смыслѣ обнищаніе деревенской массы. Жизнь не замедлила, однако, убѣдить, что этотъ непрочный, ненужный и неважный, какъ казалось, обломокъ обладаетъ неимовѣрною живучестью, а по своему соціальному вѣсу можетъ перевѣсить всѣ другіе классы въ ихъ совокупности. Общественныя программы, изъ которыхъ крестьянство,—и какъ цѣль, и какъ средство,—было выброшено, пришлось осложнить спеціально крестьянскими придатками. Даже ортодоксальные ученики Маркса, занявшіе въ послѣднее время позицію „правовѣрнаго центра“ въ русской прогрессивной арміи, къ своей строгой, заграничнаго покроя, сутанѣ должны были сдѣлать надставку въ русско-крестьянскомъ стилѣ.

Но все это не болѣе, однако, какъ придатки и надставки. Включить крестьянство въ качествѣ органическаго элемента въ програму, отвести ему подобающее его значенію мѣсто въ своемъ міровоззрѣніи, сдѣлать эти милліоны людей центромъ и опорой своей общественной дѣятельности, — даже тѣмъ, кто искренно желалъ бы этого,—мѣшаетъ тотъ недостатокъ знаній о крестьянскомъ бытѣ и хозяйствѣ, съ указанія на который мы начали. У насъ нѣтъ до сихъ поръ,—констатируетъ одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей, — научно-обоснованной „теоріи крестьянскаго хозяйства“, каковое довольно хорошо изучено въ его статикѣ и вовсе почти неизвѣстно намъ въ его динамикѣ. Съ другой стороны, мы крайне смутно представляемъ себѣ психологію крестьянина, принужденнаго жить и работать въ атмосферѣ мѣнового хозяйства; крестьянина, совмѣщающаго въ своемъ лицѣ товаропроизводителя и потребителя, предпринимателя и рабочаго; крестьянина, еще не вполнѣ избавившагося отъ тяжелыхъ оковъ крѣпостного состоянія и уже извѣдавшаго острые шипы капиталистическаго строя. Мы увѣрены, что сорокъ лѣтъ пореформенной жизни прошли для него не даромъ. Мы, пожалуй, знаемъ, что крестьянская мошна за это время не потол-

стѣла, а мужицкая душа усложнилась. Обо всемъ остальномъ мы можемъ только догадываться, по аналогіи съ психологіей другихъ классовъ и эволюціей другихъ хозяйственныхъ формъ. Какіе процессы за это время происходили въ крестьянской жизни, что въ нихъ было плодомъ внутренняго, органическаго развитія даннаго соціальнаго типа, что явилось результатомъ воздѣйствія опредѣленной исторической среды, что, наконецъ, было привнесено политикой,—и, съ другой стороны, какими послѣдствіями сказалось все пережитое крестьянствомъ на его численности и составѣ, на его хозяйствѣ, на семейномъ и общественномъ бытѣ, на его воззрѣніяхъ, чувствахъ и привычкахъ,—въ точности намъ неизвѣстно. Чтобы вскрыть эти тайны мужицкой психики и крестьянской экономики, нужны новые бытописатели-художники, нужны новые неутомимые изслѣдователи...

Когда заходитъ рѣчь объ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства, то мысль невольно обращается къ земской статистикѣ, уже оказавшей русскому обществу неоцѣненныя услуги въ дѣлѣ изученія родины. Основныя земско-статистическія изслѣдованія были, въ сущности, первымъ и до сихъ поръ остаются, можно сказать, единственнымъ источникомъ систематическихъ знаній о крестьянской экономической жизни. Теперь, когда важнѣйшіе результаты земско-статистическихъ описаній, при посредствѣ многочисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статей, сдѣлались общимъ достояніемъ, трудно себѣ и представить, сколь много новизны въ нихъ было въ свое время. Крестьянскія земли съ „отрѣзами" отъ нихъ и скрытыми въ нихъ „западнями", формы землевладѣнія и землепользованія, арендныя отношенія съ пресловутыми „верхами" и „отработками", разные виды сельскохозяйственнаго найма съ его зимними задатками и „круговыми десятинками", условія деревенскаго кредита, условія покупки и продажи продуктовъ и т. д. и т. д.—впервые подверглись тогда объективному описанію; ѣдоки и рабочіе, земля и постройки, скотъ и орудія, посѣвы и урожаи, мѣстные и отхожіе промыслы, платежи и недоимки и т. д. впервые были учтены внутри каждой отдѣльной клѣтки народно-хозяйственнаго организма,—внутри двора-хозяйства; эти дворы впервые подверглись учету и группировкѣ по степени ихъ хозяйственной мощи и экономическаго достатка. На почвѣ этого всесторонняго ознакомленія съ условіями и обстановкой народнаго труда могло бы вырости широкое общественное хозяйство, освѣдомленное о пользахъ и нуждахъ населенія и умѣло пользующееся его силами и достатками. Съ другой стороны, въ данныхъ основного описанія могло найти себѣ опору практическое обществовѣдѣніе, внимательно слѣдящее за всѣми измѣненіями въ жизни и потребностяхъ населенія. Къ сожалѣнію, исторія далеко не вполнѣ оправдала эти возможности. Въ сферѣ общей политики данныя земско-статистическихъ

описаній остались почти вовсе неиспользованными; въ сферѣ земскаго хозяйства, ограниченнаго крайне тѣсными рамками, а потомъ и вовсе суженнаго, они были использованы лишь въ незначительной своей части. Лучше, казалось, обстояло дѣло со статистикою. Немедленно по окончаніи основного описанія, а то и одновременно съ нимъ, изслѣдователи спѣшили организовать регистрацію важнѣйшихъ текущихъ явленій, возлагая въ то же время главныя свои надежды на повторныя изслѣдованія. Время для послѣднихъ настало. Въ связи съ оцѣночными работами по закону 8 іюня 1893 г. и другими стоящими на очереди нуждами, они уже начаты во многихъ мѣстахъ. Но... исторія земской статистики имѣла свою судьбу.

Успѣшно начатое дѣло было очень скоро заторможено вмѣшательствомъ извнѣ. Земская статистика сдѣлалась своего рода камнемъ преткновенія: ее то хвалили и ставили въ образецъ, то порицали и всячески ограничивали; одной рукой ей отпускали пособіе, другой—отнимали у нея лучшія силы; ей поручали работы и въ тоже время воспрещали ихъ. Въ этой смѣнѣ случайностей можно было бы, конечно, найти своего рода законосообразность, неизмѣнно дававшую непріятнымъ элементамъ перевѣсъ надъ пріятными. Какъ бы то ни было, исторія земской статистики наполнилась неожиданными задержками, рѣзкими потрясеніями и острыми конфликтами. Дѣло было расшатано и въ концѣ концовъ доведено до кризиса *). Сейчасъ, въ самый разгаръ большой работы, земскую статистику опять постигъ цѣлый рядъ неожиданностей. На очередь поставленъ вопросъ даже о ея существованіи...

Мы уже упомянули, что повторныя изслѣдованія начаты, матеріалы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже собраны. Но когда послѣдуетъ ихъ публикація и дождемся ли мы ея, въ виду трудныхъ обстоятельствъ, которыя переживаетъ земская статистика, сказать немыслимо. Въ виду этого мы и рѣшаемся использовать въ настоящей замѣткѣ, на ряду съ данными основныхъ изслѣдованій, хотя бы тѣ матеріалы повторнаго характера, которые уже имѣются въ опубликованномъ видѣ. Они скудны и отрывочны. Правда, они относятся къ довольно разнообразнымъ губерніямъ, но въ большинствѣ случаевъ къ очень небольшимъ районамъ **).

---

*) Болѣе подробно объ этомъ кризисѣ, его причинахъ и характерѣ мнѣ пришлось уже говорить въ статьѣ «Кризисъ въ земской статистикѣ» (Р. Б. 1901 г. 12) и въ докладѣ, прочитанномъ въ подсекціи статистики X съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей: «Внѣшнія условія земско-статистическихъ работъ».

**) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы воспользуемся въ большей или меньшей степени данными извѣстныхъ намъ повторныхъ переписей по слѣдующимъ мѣстностямъ: по Шумской волости (946 дворовъ) С.-Петербургской губерніи (первое изслѣдованіе 1882 г., второе 1894 г., данныя опубликованы

Собранные по разнымъ спеціальнымъ поводамъ, нѣкоторые изъ нихъ лишь съ очень немногихъ сторонъ охватываютъ крестьянское хозяйство. Наконецъ, по методическимъ пріемамъ, которыми они получены, они не всегда сравнимы между собою и, главное, съ данными первыхъ переписей по тѣмъ же мѣстностямъ. Они не годятся, такимъ образомъ, для широкихъ обобщеній и увѣренныхъ выводовъ. Но и за всѣмъ тѣмъ въ нихъ можно встрѣтить не лишенныя интереса указанія на общій ходъ крестьянской экономической жизни,—указанія, далеко не всегда совпадающія съ обычными на этотъ счетъ представленіями.

Свою замѣтку намъ придется наполнить сухими цифровыми

въ «Статистическомъ сборникѣ по С.-Петербург. губ.» 1895 г.), по Крестецкому у. Новгородской губ. (1882 и 1897 гг., статья Шапошникова въ «Саратовской земской недѣлѣ» 1902 г. № 5), по Петровскому у. (1884, 1894 и 1897 гг.), а также и по нѣкоторымъ другимъ уу. Саратовской губ. «Сборникъ статист. свѣд. по Петровскому у.» в. I; «Труды ветеринарнаго отдѣленія Саратовск. губ. з. управы» т. III, «Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства» Н. Н. Черненкова гл. I—V и др.), по Фатежскому у. Курской губ. (1883 и 1896 гг. «Сборникъ оцѣночно-экономическихъ данныхъ», т. I, в. I), по 5 волостямъ (4532 двора) Михайловскаго у. Рязанской губ. (1885 и 1898 гг.), «Результаты обслѣдованія экономич. состоянія 5 волостей Михайловскаго у.»), по Вяземскому у. Смоленской губ. (1884 и 1900 гг. «Матеріалы по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, оцѣнка фабрикъ, заводовъ и мелкихъ промышленныхъ заведеній»), по 4 волостямъ (3963 двора) Дорогобужскаго уѣзда той же губерніи ($188^6/_7$—$189^9/_{1900}$ гг., «Данныя подворнаго обслѣдованія четырехъ волостей Дорогобужскаго уѣзда въ 1899 г. Изд. Дорогоб. уѣздн. земства»), по слободѣ Ровенькѣ (1238 дворовъ) Острогожскаго у. Воронежск. губ. (1885 и 1900 гг. «Крестьянскіе бюджеты» Ф. А. Щербины), по двумъ сельскимъ обществамъ (196 дворовъ) Повѣнецкаго у. Олонецкой губ. (1895, 1899 и 1901 г., «Опытъ изслѣдованія измѣненій въ хозяйствѣ 14 селеній Повѣнецк. у».) и по Павловскому сталеслесарному району (7 волостей, 9288 дворовъ) Горбатовскаго у. Нижегородской губ. (1889 и 1901 гг., «Павловскій сталеслесарный районъ», в. 1, О. Э. Шмидта). Переписныя данныя объ отдѣльныхъ сторонахъ крестьянскаго хозяйства имѣются еще по нѣкоторымъ мѣстностямъ; напр., для скотоводства по Вятской губ., по Уфимской и т. д. Въ текстѣ для сокращенія всѣ перечисленныя мѣстности мы будемъ обозначать названіями губерній и уѣздовъ, къ которымъ онѣ относятся.

Данныя по нѣкоторымъ изъ названныхъ мѣстностей отчасти использованы Н. Н. Черненковымъ въ упомянутомъ уже трудѣ: «Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства», основнымъ матеріаломъ для какового послужили данныя по Петровскому у. Къ сожалѣнію, эта работа, выдающаяся по своимъ научнымъ достоинствамъ и оригинальной постановкѣ вопроса, будетъ закончена, повидимому, не скоро (она печатается въ «Саратовской земской недѣлѣ» и за два года ея появилось 5 главъ). Какъ бы то ни было, въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ нерѣдко придется слѣдовать цѣннымъ указаніямъ, уже сдѣланнымъ Н. Н. Черненковымъ.

Кромѣ земско-статистическихъ переписей, повторные матеріалы о крестьянскомъ хозяйствѣ имѣются еще въ данныхъ военно-конскихъ переписей. Эти послѣднія, на ряду съ другими статистическими данными, использованы въ крайне интересной работѣ П. А. Вихляева: «Очерки изъ русской сельскохозяйственной дѣйствительности» (безплатное приложеніе къ журналу «Хозяинъ» за 1901 г).

данными. Мы знаемъ, какъ непріятны они журнальному читателю. Но что дѣлать, если „живыхъ цифръ“ изъ крестьянской жизни такъ мало въ современной литературѣ. Онѣ, конечно, еще будутъ. Но пока нѣтъ способныхъ увлечь насъ художественныхъ образовъ, не будемъ пренебрегать статистическими данными.

II.

Въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ крестьянство можетъ и должно быть изучаемо не иначе, какъ совокупность отдѣльныхъ, живущихъ самостоятельною жизнью, дворовъ или хозяйствъ. Представляя изъ себя довольно сложный аггрегатъ людей и имущества, совмѣщая въ своихъ нѣдрахъ семью и хозяйство, объединяя производительныя силы населенія и его потребительныя нужды, крестьянскій дворъ въ своихъ хозяйственныхъ функціяхъ является живымъ и цѣльнымъ организмомъ, не подлежащимъ искусственному дробленію на части. Принадлежность къ такому, проникнутому единствомъ организаціи и связанному общностью бюджета, хозяйству роковымъ почти образомъ опредѣляетъ экономическое бытіе каждой входящей въ составъ его личности, ея роль въ производствѣ и ея долю въ потребленіи. Но обладая указанными, общими всѣмъ имъ, соціологическими признаками, крестьянскіе дворы представляютъ въ тоже время значительное разнообразіе въ своемъ составѣ и строеніи. Экономическое положеніе всего крестьянства, поэтому, можно опредѣлить не иначе, какъ исходя изъ данныхъ о силахъ и достаткахъ каждаго отдѣльнаго двора, а крестьянская экономическая жизнь можетъ быть изучена только какъ совокупность процессовъ, въ которыхъ принимаетъ активное или пассивное участіе каждая такая соціальная клѣтка. Не даромъ земская статистика въ своихъ изслѣдованіяхъ крестьянской экономики придаетъ громадное значеніе сплошному хозяйственному учету явленій или такъ называемой подворной переписи. И намъ въ дальнѣйшемъ изложеніи главное вниманіе придется сосредоточить на отдѣльныхъ крестьянскихъ дворахъ и на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ нихъ самихъ и въ ихъ группировкѣ.

Начнемъ съ численности крестьянскихъ хозяйствъ. Во всѣхъ восьми мѣстностяхъ, по которымъ имѣются соотвѣтствующія повторныя данныя, число крестьянскихъ дворовъ увеличилось, но это увеличеніе не было, однако, равномѣрнымъ. Приводя промежутки между переписями въ видахъ однообразія къ десятилѣтнему сроку, мы найдемъ, что въ Повѣнецкомъ или Новоладожскомъ уѣздахъ приростъ дворовъ за этотъ періодъ оказался равнымъ 13%, тогда какъ въ Петровскомъ уѣздѣ—лишь 7, а въ Михайловскомъ—даже 1%. Въ общемъ для четырехъ нечерно-

земныхъ мѣстностей съ довольно ясно выраженнымъ промысловымъ характеромъ (Повѣнецкаго, Новоладожскаго, Крестецкаго и Горбатовскаго уѣздовъ) увеличеніе въ числѣ крестьянскихъ дворовъ за 10 лѣтъ опредѣлилось въ 10,5%, а для четырехъ земледѣльческихъ (Острогожскаго, Фатежскаго, Петровскаго и Михайловскаго уѣздовъ)—въ 6,7%.

Не лишне будетъ замѣтить, что въ Михайловскомъ уѣздѣ, рѣзко выдающемся изъ ряда другихъ ничтожнымъ приростомъ въ числѣ дворовъ, изслѣдованіе было произведено послѣ ряда неурожайныхъ лѣтъ и было вызвано желаніемъ выяснить „общія причины, угнетающимъ образомъ дѣйствующія на крестьянское благосостояніе“. Описаны здѣсь были, повидимому, наиболѣе обездоленныя волости, гдѣ, по словамъ кн. Волконскаго, „были такія общества, въ которыхъ при сплошномъ обходѣ поселка изъ двора во дворъ нельзя было найти и пяти избъ, населеніе которыхъ не представляло бы тяжелыхъ признаковъ нужды“. По Острогожскому уѣзду, наоборотъ, повторныя данныя относятся какъ разъ къ такой слободѣ, благосостояніе которой несомнѣнно улучшилось, при чемъ приростъ хозяйствъ въ ней оказался наибольшимъ среди черноземныхъ мѣстностей, а именно за 10 лѣтъ превысилъ 10%. Это наводитъ на мысль, что явленіе, о которомъ мы говоримъ, находится въ связи съ общимъ экономическимъ положеніемъ населенія. И дѣйствительно, если данныя объ измѣненіяхъ въ численности хозяйствъ сопоставить съ такимъ важнымъ для земледѣльческихъ мѣстностей признакомъ, какъ измѣненія въ общемъ количествѣ скота, то мы получимъ такія характерныя цифры.

	Промежутокъ между переписями (лѣтъ).	Въ процентахъ. Измѣненія въ количествѣ скота (въ переводѣ на крупный).	Въ процентахъ. Приростъ хозяйствъ.
Въ Острогожскомъ уѣздѣ . . .	15	+ 65	15,3
» Фатежскомъ » . . .	13	+ 1	12,2
» Петровскомъ » . . .	13	— 4	7,2
» Михайловскомъ » . . .	13	— 35	1,5

Не смотря на крайнюю сложность, какъ увидимъ ниже, того и другого явленія, между ними наблюдается, такимъ образомъ, извѣстный параллелизмъ. Попытаемся, насколько возможно, осмыслить эту связь между общимъ направленіемъ экономической жизни и темпомъ прироста крестьянскихъ хозяйствъ.

Приведенныя цифры (за исключеніемъ Новоладожскаго уѣзда) относятся не ко всѣмъ приписнымъ хозяйствамъ, а только къ наличнымъ *) изъ нихъ, т. е. къ такимъ, которыя связаны съ

*) По установившейся въ земской статистикѣ терминологіи, наличныя хо-

крестьянствомъ данной мѣстности не только общностью происхожденія и находящихся въ зависимости отъ этого юридическихъ нормъ, но и общностью бытовыхъ и экономическихъ условій. Измѣненія въ численности такого рода хозяйствъ являются результатомъ нѣсколькихъ, перекрещивающихся между собою процессовъ*).

Важнѣйшимъ факторомъ въ дѣлѣ образованія новыхъ крестьянскихъ хозяйствъ являются семейные раздѣлы. Въ 6 волостяхъ Петровскаго уѣзда за три года (1894—1897 гг.) возникло, такимъ образомъ, около 7% новыхъ дворовъ, въ 14 селеніяхъ Сердобскаго уѣзда за 14 лѣтъ (1885—1899 гг.)—около 27, въ 134 селеніяхъ Орловской губерніи за 19 лѣтъ (1868—1887 гг.)—свыше 40, въ Магсельскомъ обществѣ Повѣнецкаго уѣзда за 6 лѣтъ (1895—1901 гг.)—около 10%. Въ среднемъ за годъ для всѣхъ вообще перечисленныхъ мѣстностей приростъ отъ семейныхъ раздѣловъ составилъ около 2%.

Одновременно съ этимъ процессомъ размноженія хозяйствъ, происходилъ другой, прямо ему противоположный,—процессъ вымиранія семей и соединенія ихъ съ другими. По тѣмъ же мѣстностямъ и за тѣ же сроки убыль хозяйствъ отъ „обмиранія", какъ крестьяне называютъ оба послѣднія явленія, оказалась равной: для Петровскаго уѣзда—2,5, для Сердобскаго—7,3, для Орловской губерніи—8,5 и для Повѣнецкаго уѣзда—2,1% первоначальнаго общаго числа ихъ. Въ среднемъ за годъ это составитъ около $^1/_2$%.

Такимъ образомъ, общеизвѣстная прибыль крестьянскихъ хозяйствъ отъ семейныхъ раздѣловъ въ значительной своей части—на цѣлую четверть—парализуется малоизвѣстной и не считавшейся доселѣ сколько-нибудь замѣтною убылью ихъ отъ обмиранія. Въ результатѣ этихъ двухъ процессовъ получается приростъ дворовъ, который можно назвать естественнымъ, но который, въ силу другихъ осложняющихъ процессовъ, можетъ далеко не совпадать съ дѣйствительнымъ. Среди этихъ послѣднихъ процессовъ наибольшею общеизвѣстностью пользуется уходъ цѣлыми хозяйствами на сторону. Но эта освѣдомленность о явленіи далеко не всегда совпадаетъ съ достаточно ясными представленіями о его размѣрахъ и значеніи. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые наши публицисты

зяйства противополагаются отсутствующимъ, т. е. хотя и сохранившимъ юридическую связь съ своимъ обществомъ, но проживающимъ *въ полномъ своемъ составѣ* на сторонѣ. Наличнымъ хозяйствомъ считается, стало быть, такое, *всѣ или нѣкоторые* члены котораго въ моментъ переписи проживаютъ въ мѣстѣ приписки. Дворы, выписавшіеся изъ общества, т. е. порвавшіе съ нимъ и юридическія связи, обыкновенно или вовсе не регистрируются, или регистрируются въ качествѣ особой категоріи—выселившихся и переселившихся.

*) Впервые эти процессы были подвергнуты детальному изученію Н. Н. Черненковымъ. Въ его работѣ мы находимъ и цифровыя данныя по этому вопросу для 6 волостей (7445 дворовъ) Петровскаго уѣзда, для 14 селеній (874 двора) Сердобскаго и для 134 селеній (4273 двора) Орловской губерніи.

еще недавно обнаруживали склонность переоцѣнивать его и даже изображать въ видѣ „исшествія“ крестьянства изъ деревни. Такая переоцѣнка въ значительной мѣрѣ объясняется игнорированіемъ другого, прямо противоположнаго процесса—возврата ранѣе ушедшихъ хозяйствъ въ деревню. Въ дѣйствительности же наблюдается, какъ подмѣтилъ извѣстный беллетристъ, „тяга“ не только изъ деревни на фабрику, но и въ обратномъ направленіи—съ фабрики въ деревню, при чемъ нельзя сказать, чтобы послѣдняя имѣла ничтожное значеніе. Правда, въ общемъ уходъ цѣлыми семьями въ города, нужно думать, до сихъ поръ превосходилъ возвратъ въ деревню. Но для нѣкоторыхъ періодовъ и для нѣкоторыхъ мѣстностей въ настоящее время можно считать констатированнымъ обратное соотношеніе между этими двумя процессами. Во всякомъ случаѣ возвратъ ранѣе ушедшихъ семей въ значительной мѣрѣ парализуетъ убыль ихъ отъ ухода на сторону.

Въ Петровскомъ уѣздѣ „перепись 1894 г. насчитала отсутствующихъ семей на 850 больше, чѣмъ перепись 1884 г.; между тѣмъ, въ дѣйствительности, размѣры ухода на сторону, говорятъ изслѣдователи, были значительно больше, а именно въ 185 общинахъ, въ которыхъ количество живущихъ на сторонѣ увеличилось за 10 лѣтъ, общая сумма такого увеличенія равняется почти 1510; но, съ другой стороны, въ 113 общинахъ съ сокращеніемъ числа отсутствующихъ (обусловленнымъ, *главнымъ образомъ*, ихъ возвращеніемъ) общая сумма такого сокращенія равняется, приблизительно, 660; только въ результатѣ наличности этихъ двухъ противоположныхъ явленій и получается конечная цифра увеличенія числа отсутствующихъ семей. На самомъ дѣлѣ,—говоритъ г. Черненковъ,—положеніе является еще болѣе сложнымъ: мы брали здѣсь *цѣлыя общины* съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ отсутствующаго населенія, тогда какъ и въ одной и той же общинѣ обыкновенно имѣютъ мѣсто тѣ же два противоположныя явленія, взаимно компенсирующія другъ друга“. По цѣлому разряду крестьянъ, а именно бывшихъ государственныхъ, составляющихъ болѣе половины всего населенія Петровскаго уѣзда, оба эти процесса,—уходъ семей на сторону и возвращеніе ушедшихъ на родину,—за 10 лѣтъ оказались равными по размѣрамъ, такъ что цифра отсутствующихъ хозяйствъ за этотъ періодъ абсолютно почти не измѣнилась, а относительно даже уменьшилась (въ 1884 г.—9% и въ 1894 г.—8,5% всего числа хозяйства). По другимъ мѣстностямъ повторныя данныя констатировали уменьшеніе даже абсолютной цифры отсутствующихъ хозяйствъ. Такъ, въ Фатежскомъ уѣздѣ при переписи 1883 г. было насчитано 545 семей, проживавшихъ на сторонѣ съ промышленными цѣлями, а по переписи 1896 г. отсутствующихъ семей оказалось 322. По Горбатовскому уѣзду процентъ отсутствующихъ

хозяйствъ за 12 лѣтъ уменьшился съ 5 до 4, а абсолютное число ихъ сократилось почти на 10% *). По сл. Ровенькѣ Острогожскаго уѣзда число отсутствующихъ хозяйствъ за 15 лѣтъ уменьшилось съ 145 до 26, т. е. на 82%.

Такъ какъ отсутствующія хозяйства крайне трудно поддаются регистраціи, и всегда возможны, поэтому, сомнѣнія относительно точности послѣдней, то особенно цѣнными представляются матеріалы по данному вопросу, добытые саратовскими статистиками по 6 волостямъ Петровскаго уѣзда и по 14 селеніямъ Сердобскаго уѣзда. Въ этихъ мѣстностяхъ повторная перепись была произведена, исходя изъ данныхъ предшедствующаго изслѣдованія, такъ что статистики могли поименно установить, какія изъ ранѣе существовавшихъ хозяйствъ ушли на сторону и какія изъ отсутствовавшихъ возвратились. По этимъ, уже точнымъ матеріаламъ соотношеніе процессовъ, о которыхъ мы говоримъ, въ названныхъ мѣстностяхъ представляется въ такомъ видѣ. Въ Петровскомъ уѣздѣ за три года ушли на сторону 243 двора, а вернулось 108, т. е. послѣдніе по отношенію къ первымъ составили 44%; въ Сердобскомъ уѣздѣ за 14 лѣтъ ушло 72, вернулось 31, т. е. тоже 40% съ лишкомъ. По отношенію къ общему числу наличныхъ хозяйствъ по первой переписи это составитъ (въ процентахъ):

	За все время.		По приводѣ къ десятилѣтію	
	Ушедшіе.	Возвратившіеся.	Ушедшіе.	Возвратившіеся.
Въ Петровскомъ уѣздѣ	3,5	1,5	11,5	5,0
» Сердобскомъ »	9,4	4,0	6,8	3,0

Едва-ли нужно говорить, какъ сильно оба эти процесса могутъ измѣнять тотъ естественный приростъ крестьянскихъ дворовъ, о которомъ мы говорили выше и который колеблется, какъ мы видѣли, около 1,5% въ годъ или 15% за десятилѣтіе.

Между тѣмъ, кромѣ описанныхъ уже процессовъ, общихъ въ большей или меньшей степени почти всей деревенской Россіи, могутъ имѣть мѣсто и еще нѣкоторые другіе, какъ, напримѣръ, приписка къ сельскимъ обществамъ новыхъ дворовъ и перечисленіе въ другія общества или выписка изъ сословія старыхъ. Въ большинствѣ случаевъ эти процессы имѣютъ, впрочемъ, крайне ограниченное значеніе и не могутъ существенно повлiять на

*) Абсолютныя цифры отсутствующихъ дворовъ по Павловскому району не опубликованы, и потому послѣднюю цифру мы могли установить по даннымъ въ работѣ г. Шмидта процентнымъ отношеніямъ.

численность крестьянскихъ хозяйствъ. Изъ процессовъ подобнаго рода лишь одинъ, для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностей, можетъ имѣть серьезное значеніе—это переселенія, которыя, какъ мы упоминали, земская статистика отличаетъ отъ ухода хозяйствъ на сторону безъ разрыва юридическихъ связей и чаще всего съ промысловыми (а не земледѣльческими, какъ переселенія) цѣлями.

Въ Фатежскомъ уѣздѣ за 13 лѣтъ переселившіеся дворы составили 5,7% всего наличнаго числа хозяйствъ по первой переписи. Какое значеніе это явленіе можетъ имѣть для общаго прироста хозяйствъ, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ по тому же уѣзду:

	Быв. государств.		Быв. помѣщ.	
	% переселившихся.	% прироста наличн. дворовъ.	% переселившихся.	% прироста дворовъ.
Общины безъ переселившихся	—	15,9	—	23,4
» съ пересел. до 10%	5,0	11,7	6,2	13,7
» » » св. 10%	16,3	8,1	25,0	3,5

Въ общинахъ съ значительнымъ числомъ переселившихся прироостъ наличныхъ хозяйствъ оказался въ 2 и даже 7 разъ меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ переселеній не было.

Если вдуматься въ описанные процессы, болѣе или менѣе сильно вліяющіе на численность наличныхъ крестьянскихъ дворовъ, то не трудно будетъ понять, въ какой сильной зависимости размѣры каждаго изъ нихъ должны находиться отъ измѣненій въ экономическихъ условіяхъ. Извѣстно, какъ сильно въ тяжелые для трудящейся массы годы уменьшается брачность и рождаемость и увеличивается смертность, т. е. замедляется естественный приростъ населенія. Между тѣмъ, количество семейныхъ раздѣловъ сильнѣе, чѣмъ что-либо другое, опредѣляетъ именно этотъ приростъ. Само собой понятно, что чѣмъ медленнѣе наростаютъ многодушныя семьи, чѣмъ меньше среди населенія брачныхъ паръ, способныхъ основать новыя хозяйства, тѣмъ медленнѣе должно происходить возникновеніе послѣднихъ. Но и помимо этого вліянія, имѣющаго мѣсто при посредствѣ физіологическихъ факторовъ, экономическія условія должны очень сильно сказываться, и при томъ непосредственно, на количествѣ семейныхъ раздѣловъ. Когда эти условія ухудшаются, то уменьшается экономическая возможность возникновенія новыхъ хозяйствъ въ виду недостатка необходимаго для этого имущества и средствъ производства. Двору трудно дѣлиться, когда у него одна только лошаденка, одна соха и такія узенькія полосы, на которыхъ въ случаѣ раздѣла нельзя уже будетъ обернуть эту соху и лошадь

тому, кто ихъ получитъ. Не менѣе властно экономическія условія опредѣляютъ размѣры и противоположнаго процесса—„обмиранія" семей. При ухудшеніи экономической обстановки чаще, конечно, должны встрѣчаться совершенно вымершія хозяйства и настолько дезорганизовавшіяся по своему семейному и имущественному составу, что дальнѣйшее существованіе ихъ въ качествѣ самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ становится невозможнымъ.

Уходъ цѣлыми семьями на сторону и возвратъ ихъ на родину уже всецѣло почти опредѣляются экономическими условіями. Ниже мы увидимъ, что отсутствующіе дворы по своему семейному составу рѣзко отличаются отъ наличныхъ хозяйствъ и должны быть разсматриваемы съ этой стороны, какъ въ значительной уже мѣрѣ дезорганизованные: ихъ численный составъ очень не великъ, а нормальное соотношеніе между полами—въ виду рѣзкаго преобладанія мужчинъ—оказывается явно нарушеннымъ. Само собой понятно, что чѣмъ больше ненормальностей въ брачности, рождаемости и смертности населенія, тѣмъ больше должно получаться хозяйствъ, по своему семейному составу не могущихъ удержаться на родинѣ и вынужденныхъ уйти на сторону. Не менѣе сильно должно сказываться въ томъ же направленіи имущественное разстройство крестьянскихъ хозяйствъ, утрата скота, земли, построекъ, лишающая всякой возможности вести земледѣльческое хозяйство и дѣлающая дальнѣйшее пребываніе семьи въ деревнѣ безцѣльнымъ. Наоборотъ, возстановленіе нормальнаго состава семьи, пріобрѣтеніе ею достатка, улучшеніе экономической обстановки на родинѣ, равно какъ и ухудшеніе ея на сторонѣ нерѣдко влекутъ за собою возвратъ ушедшихъ уже хозяйствъ на родину. Промышленникъ, обзаведшійся семьею на сторонѣ, нерѣдко отсылаетъ свою бабу и ребятъ въ деревню и такимъ образомъ вновь начинаетъ, казалось, уже исчезнувшее хозяйство. Подобные случаи, пожалуй, не менѣе часты, чѣмъ и выписыванье своихъ семей изъ деревни хорошо устроившимися на сторонѣ промышленниками. Да и такая выписка нерѣдко происходитъ съ разсчетомъ на возвратъ потомъ уже всей семьей на родину. Если вы проѣдетесь по Ярославскому уѣзду, то будете поражены значительнымъ количествомъ новыхъ, нерѣдко лучшихъ въ деревнѣ домовъ, стоящихъ заколоченными. Это удачливые „питерцы" исподволь подготовляютъ для себя возвратъ на родину. Мечта пожить подъ старость въ деревнѣ, въ своемъ хозяйствѣ, „какъ бы на дачѣ", очень сильна еще у нашихъ промышленниковъ, нерѣдко устающихъ отъ сутолоки городской жизни и настрадавшихся отъ терній зависимаго положенія на службѣ у царя-капитала. Еще большее значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ общее улучшеніе деревенскихъ или ухудшеніе городскихъ условій существованія. Послѣ пониженія выкупныхъ платежей и отмѣны подушной подати, имѣвшихъ мѣсто въ первой половинѣ 80-хъ

годовъ, наше крестьянство пережило громадный по своимъ размѣрамъ и крайне важный по своимъ послѣдствіямъ процессъ, извѣстный въ статистической литературѣ подъ именемъ „обращенія къ землѣ“. Значительное уменьшеніе процента отсутствующихъ хозяйствъ, констатированное, какъ мы видѣли, для нѣкоторыхъ мѣстностей повторными изслѣдованіями, нужно думать, въ значительной своей части объясняется этимъ процессомъ, получившимъ особую силу къ концу 80-хъ годовъ. Теперь, въ виду начавшагося промышленнаго кризиса, деревня должна ожидать новаго сильнаго прилива ранѣе ушедшихъ семей. Не найдя работы въ городахъ, промышленники, и по собственной волѣ, и по приказанію начальства, прямымъ сообщеніемъ и по этапу, массами возвращаются уже на старыя пепелища, въ обнищалую деревню, которая остается для нихъ послѣднимъ пристанищемъ.

О переселеніяхъ и тѣсной связи ихъ съ общей экономикой деревни много говорить не приходится. Не смотря на всѣ усилія правительства сдержать это стихійное явленіе, оно отвоевало себѣ уже видное мѣсто въ наиболѣе обездоленныхъ губерніяхъ. Не смотря на всѣ усилія измѣнить составъ переселяющихся, къ этому послѣднему средству мирно устроить себѣ сносное существованіе прибѣгаютъ, главнымъ образомъ, маломочныя, малоземельныя и малоимущія хозяйства. Само собою понятно, что чѣмъ больше такихъ хозяйствъ, тѣмъ сильнѣе, при прочихъ равныхъ условіяхъ, можетъ развиться переселеніе, и тѣмъ сильнѣе можетъ повліять оно на общую цифру прироста крестьянскихъ хозяйствъ въ данной мѣстности.

Достаточно извѣстно, насколько неблагопріятно складывалась экономическая жизнь деревни за послѣднія десятилѣтія, и какъ много притягательной силы за это время было дано городу. Ниже мы увидимъ, что въ большинствѣ повторно-изслѣдованныхъ мѣстностей экономическія условія крестьянскаго хозяйства также измѣнились къ худшему. И если не смотря на это прибыль дворовъ перевѣсила въ нихъ убыль, то, очевидно, очень сильные стимулы заставляютъ населеніе держаться за деревню и собственное хозяйство въ ней. Во всякомъ случаѣ говорить объ „исшествіи“ изъ нея крестьянства не приходится. Напротивъ, мы должны ожидать, что оно надолго еще удержитъ за собой первенствующую роль въ хозяйственной жизни страны, а въ случаѣ благопріятнаго для него поворота въ экономической политикѣ сумѣетъ и увеличить свой удѣльный вѣсъ въ сферѣ соціальныхъ отношеній.

III.

Разсмотрѣнные въ предыдущей главѣ процессы, помимо того вліянія, какое они оказываютъ на численность крестьянскихъ хозяйствъ и соотношеніе между наличными и отсутствующими дворами, имѣютъ еще одно крайне важное послѣдствіе, а именно постоянное и непрерывное, какъ выражается одинъ изъ изслѣдователей, „обновленіе“ тѣхъ и другихъ. Изъ 7.202 наличныхъ дворовъ, зарегистрированныхъ въ Петровскомъ уѣздѣ въ 1897 г., 994 или почти 14% были новыми сравнительно съ 1894 г. Одни изъ нихъ возникли благодаря семейнымъ раздѣламъ, другіе— вернулись со стороны. Въ Масельгскомъ обществѣ Повѣнецкаго уѣзда процентъ такихъ же хозяйствъ за 6 лѣтъ оказался равнымъ 18, въ 14 селеніяхъ Сердобскаго уѣзда за 14 лѣтъ—почти 40. При такомъ темпѣ въ 30—40 лѣтъ всѣ крестьянскіе дворы должны оказаться „обновленными“.

Не менѣе быстро этотъ процессъ обновленія происходитъ среди отсутствующихъ хозяйствъ. Мы видѣли, что возвращающіеся составляли до 40% уходящихъ. По отношенію къ общему числу хозяйствъ, проживавшихъ во время первой переписи на сторонѣ, возвратившіеся за 14 лѣтъ въ Сердобскомъ уѣздѣ составили почти 30%, а вновь ушедшіе по отношенію къ общему числу дворовъ, отсутствовавшихъ во время второй переписи,— свыше 50%. Такимъ образомъ, проживающихъ даже цѣлыми семьями на сторонѣ крестьянъ нельзя считать совершенно порвавшими свои связи съ деревней, и мыслить всецѣло, какъ городское сословіе. Слишкомъ близка еще къ нимъ деревня въ прошломъ, слишкомъ вѣроятна она для нихъ въ будущемъ. Едва ли нужно говорить, какое серьезное психологическое, экономическое и соціологическое значеніе имѣетъ этотъ фактъ постояннаго обновленія хозяйствъ.

Само собою понятно, что и въ тѣхъ хозяйствахъ, которыхъ не коснулись раздѣлы и миграція, положеніе не оставалось неизмѣннымъ. Въ однихъ дворахъ появились новые члены, въ другихъ—сошли со сцены прежніе; въ однихъ подросли новые работники, въ другихъ безсмѣнно состарились старые; одни поженили своихъ сыновей, другіе повыдали дочерей въ замужество. Столь же незамѣтно, хотя столь же неуклонно, измѣнялось, конечно, и имущественное положеніе хозяйствъ. Одни проѣли послѣднихъ лошаденокъ, другія выростили новыхъ; тотъ построилъ себѣ новую избу, а у этого окончательно развалилась прежняя; одинъ прикупилъ себѣ земельки, а у другого и ранѣе купленная пошла съ молотка. На фонѣ этихъ медленныхъ и частичныхъ измѣненій, хотя и имѣющихъ въ окончательномъ счетѣ

очень важное значеніе, такія явленія, какъ раздѣлы, миграція, „обмираніе“, представляются особенно яркими. До извѣстной степени ихъ можно разсматривать какъ итоги постепенно накоплявшимся измѣненіямъ; по своему же характеру это цѣлые перевороты въ жизни крестьянскихъ хозяйствъ, сразу и радикально измѣняющіе ихъ составъ и строеніе и нерѣдко перекидывающіе ихъ съ одного конца доступной имъ соціальной лѣстницы на другой. Въ виду этого, съ одной стороны, представляется особенно важнымъ, а съ другой—оказывается вполнѣ возможнымъ уловить общую тенденцію, свойственную этимъ выдающимся явленіямъ въ жизни отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ.

Наиболѣе полные матеріалы по этому вопросу были получены по 6 волостямъ Петровскаго уѣзда, гдѣ повторная перепись, какъ мы упоминали, произведена была съ соблюденіемъ крайне цѣнныхъ методическихъ пріемовъ. И вотъ что мы видимъ:

Въ хозяйствахъ:	Средн. число душъ обоего пола на семью. Въ 1894 г.	Въ 1897 г.
Вымершихъ и соединившихся	2,73	—
Не дѣлившихся и оставшихся	5,69	5,97
Раздѣлившихся и оставшихся	9,06	5,09
Вообще не участв. въ миграціи	5,84	5,86
Ушедшихъ изъ недѣлившихся	4,59	3,32
» » раздѣлившихся	—	2,89
Вообще ушедшихъ	—	3,16
Возвратившихся	—	4,07

Семейный составъ не дѣлившихся и оставшихся въ деревнѣ хозяйствъ оказался наиболѣе близкимъ къ среднему: въ 1894 г. онъ былъ нѣсколько ниже послѣдняго, въ 1897 г.—нѣсколько выше. Такимъ образомъ, интересующіе насъ процессы пертурбаціоннаго характера какъ бы обходятъ среднія хозяйства и сосредоточиваются въ крайнихъ группахъ, захватываютъ хозяйства по преимуществу, если не исключительно, мало и много-душныя. Наиболѣе далекимъ отъ средняго оказался семейный составъ, съ одной стороны, „обмершихъ“ хозяйствъ, а съ другой—раздѣлившихся. Семьи первыхъ уже въ 1894 г. были значительно ниже тѣхъ, какія должны быть среди населенія не только увеличивающагося, но даже остающагося только неизмѣннымъ въ своей численности. Легко понять, какъ сильно каждая смерть должна была дѣйствовать на эти хозяйства и какъ немного нужно было смертей, чтобы вовсе прекратить или сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее ихъ существованіе въ качествѣ самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ. Раздѣлившіяся хозяйства отличались при первой переписи, напротивъ, особенно большимъ семейнымъ составомъ, на 55% превосходившимъ средній размѣръ семьи для крестьян-

ства данной мѣстности. Раздѣлы, однако, значительно сократили его, приблизивъ къ среднему и даже отклонивъ нѣсколько въ противоположную сторону.

Семейный составъ хозяйствъ, принявшихъ участіе въ миграціонномъ движеніи, въ общемъ, оказался значительно ниже средняго, хотя и не одинаковымъ для отдѣльныхъ категорій ихъ. Численный составъ семей, имѣвшихъ самостоятельное хозяйство и потомъ оставившихъ родину, уже при первой переписи былъ очень невеликъ; послѣ того онъ еще замѣтно уменьшился. Уходъ ихъ на сторону, такимъ образомъ, можно ставить въ связь съ частичнымъ вымираніемъ, происходившимъ среди этой группы населенія. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно предполагать даже, что самое выселеніе явилось послѣдствіемъ такого вымиранія, лишившаго захваченныя имъ крестьянскія хозяйства нормальнаго состава. Изъ числа раздѣлившихся ушли на сторону также семьи съ наименьшимъ, далеко уклонившимся отъ нормы, семейнымъ составомъ: въ то время, какъ оставшіеся на родинѣ изъ числа раздѣлившихся имѣли болѣе 5 душъ на семью, въ ушедшихъ—семейный составъ былъ менѣе 3 душъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ этимъ хозяйствамъ также является вѣроятнымъ предположеніе, что незначительность семейнаго состава явилась одной изъ ближайшихъ причинъ ихъ выселенія. По отношенію къ возвратившимся хозяйствамъ столь же правомѣрнымъ представляется прямо противоположное допущеніе. Семейный составъ въ нихъ, хотя онъ и не достигалъ средняго размѣра, оказался всетаки значительно выше, чѣмъ въ выселившихся хозяйствахъ. Такимъ образомъ, самый возвратъ крестьянскихъ хозяйствъ на родину можно ставить въ связь съ увеличеніемъ ихъ семейнаго состава и приближеніемъ его къ нормѣ. Если всмотрѣться внимательнѣе въ цифры приведенной таблички, то можно допустить, что четыре души, — нормальный составъ семьи при неизмѣняющейся численности населенія (отецъ, мать и двое дѣтей), являются тѣмъ предѣломъ, съ котораго начинаются, съ одной стороны, „обмираніе“ и выселеніе, а съ другой—возвратъ на родину и вообще возникновеніе новыхъ хозяйствъ.

Не менѣе характерныя цифры повторная перепись по Петровскому уѣзду дала для полового и возрастнаго состава хозяйствъ, захваченныхъ разсматриваемыми нами процессами. Такъ, по первой переписи въ „обмершихъ“ потомъ хозяйствахъ на 100 мужчинъ приходилось болѣе 132 женщинъ (въ среднемъ для всѣхъ переписанныхъ хозяйствъ—103), а мужчины-работники составляли лишь 20,8% всего населенія (при средней въ 24%), т. е. половой и возрастныйихъ составъ уже въ то время представлялся явно ненормальнымъ. Почти столь же ненормальнымъ, хотя по причинѣ отклоненія въ противоположную сторону, оказался половой и возрастный составъ семей, ушедшихъ между двумя переписями на сторону. Въ этихъ

семьяхъ были констатированы значительное преобладаніе мужского пола и очень высокій процентъ мужчинъ - работниковъ (свыше 33%). Такимъ образомъ, характеръ процесса, которымъ можетъ быть захвачена мало-душная крестьянская семья, находится въ тѣсной связи съ ея половымъ и возрастнымъ составомъ. Для семей, въ которыхъ преобладаютъ женщины, лица старческаго возраста и дѣти, наиболѣе вѣроятный удѣлъ — вымираніе на родинѣ и соединеніе съ другими семьями; для тѣхъ же, въ которыхъ преобладаютъ мужчины и взрослые, — болѣе вѣроятнымъ, какъ болѣе возможный, представляется уходъ на сторону. Въ возвратившихся хозяйствахъ процентъ мужчинъ работниковъ (27%) оказался значительно ниже, чѣмъ въ ушедшихъ. Такимъ образомъ, возвратъ на родину приходится ставить въ связь не только съ увеличеніемъ семьи, но и съ измѣненіемъ полового и возрастнаго ея состава, а именно съ приближеніемъ ея въ томъ и другомъ отношеніи къ средней семьѣ, нормальной для крестьянства данной мѣстности. Можно думать, что и семейные раздѣлы находятся въ связи съ возстановленіемъ нормальнаго соотношенія между возрастами и полами въ наличныхъ хозяйствахъ. При первой переписи, т. е. до раздѣла, въ раздѣлившихся потомъ семьяхъ замѣчался повышенный процентъ мужчинъ вообще, и мужчинъ рабочаго возраста въ частности. При второй переписи, послѣ раздѣла, отличіе ихъ въ этомъ отношеніи отъ недѣлившихся семей оказалось уже малозамѣтнымъ; т. е. въ промежуткѣ оно сгладилось — путемъ-ли пополненія семей новыми членами или путемъ выдѣла нарушавшихъ равновѣсіе прежнихъ, ушедшихъ потомъ на сторону.

Всѣ другія, имѣющіяся въ статистической литературѣ данныя по вопросу о семейномъ составѣ крестьянскихъ хозяйствъ находятся въ полномъ согласіи съ только что изложенными результатами повторнаго изслѣдованія по Петровскому уѣзду. Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, напримѣръ, семейный составъ раздѣлившихся потомъ хозяйствъ до раздѣла равнялся почти 12 душамъ, тогда какъ средній для всего населенія не превышалъ въ то время 6 душъ; послѣ раздѣла первый оказался почти тождественнымъ со вторымъ. Точно также всѣми, насколько намъ извѣстно, земскими переписями отсутствующія хозяйства характеризуются малымъ размѣромъ семьи, преобладаніемъ мужчинъ надъ женщинами и т. д. Мы считаемъ, однако, излишнимъ загромождать свою статью относящимися сюда цифровыми данными. Нарисованная по матеріаламъ Петровскаго уѣзда картина возникновенія и исчезновенія крестьянскихъ хозяйствъ въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ представляется столь логичной, а въ общемъ—столь согласной съ имѣющимися свѣдѣніями о крестьянскомъ семейномъ бытѣ, что сомнѣваться въ ея жизненности и типичности не приходится. Больше того. Если данныя по небольшому району, со-

стоящему только изъ шести волостей, и за незначительный періодъ времени,—всего лишь за три года,—позволяютъ возстановить эту картину въ столь чистомъ и незатуманенномъ видѣ, то это доказываетъ особую силу созидающихъ ее факторовъ. Читатель можетъ даже сѣтовать на насъ, что мы столь долго задерживаемъ его вниманіе на такихъ простыхъ и въ общемъ, казалось бы, извѣстныхъ явленіяхъ крестьянской жизни. Но только такимъ путемъ мы могли подойти къ выводу, крайне важному для уразумѣнія крестьянскаго хозяйства, какъ особаго соціальнаго типа. Этотъ выводъ, какъ увидитъ сейчасъ читатель, тоже очень простъ, но онъ до сихъ поръ какъ-то не останавливалъ на себѣ вниманія изслѣдователей.

Мы видѣли, что процессы распаденія, соединенія и вымиранія, выселенія и вселенія захватываютъ главнымъ образомъ крайнія группы хозяйствъ, обходя среднія. При этомъ всѣ эти процессы дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, приводятъ къ исчезновенію старыхъ хозяйствъ, по своему семейному составу уклонившихся отъ средняго типа для данной мѣстности, и къ возникновенію новыхъ, соотвѣтствующихъ или, по крайней мѣрѣ, приближающихся къ этому типу. Чрезмѣрно большія семьи дѣлятся, чрезмѣрно малыя „обмираютъ" или уходятъ на сторону, съ тѣмъ, чтобы вновь, быть можетъ, вернуться, когда размѣры семьи увеличатся. Также непрочно положеніе хозяйствъ, въ которыхъ наблюдается ненормальное преобладаніе мужчинъ или женщинъ, въ которыхъ ощущается избытокъ или недостатокъ мужчинъ-работниковъ. Наиболѣе устойчивой оказывается средняя семья, пока въ силу естественнаго движенія населенія ее не захватитъ одинъ изъ разсмотрѣнныхъ нами процессовъ. Такимъ образомъ, процессъ „обновленія" крестьянскихъ хозяйствъ, съ указанія на который мы начали настоящую главу, имѣетъ ясно выраженную общую тенденцію: при его посредствѣ жизнь стремится всѣ наличныя хозяйства данной мѣстности со стороны ихъ семейнаго состава привести къ одному уровню, къ *среднему* типу *).

---

*) Само собой понятно, что этотъ процессъ никогда не можетъ оказаться завершеннымъ. Въ то время, какъ вымираютъ однѣ семьи, множатся другія; однѣ только что подѣлились, а въ другихъ уже наростаетъ потребность въ раздѣлѣ; къ ушедшимъ вчера на сторону сегодня примкнутъ новые, уже опредѣлившіеся кандидаты на выселеніе; кадры возвращающихся на родину также никогда нельзя считать исчерпанными. При такихъ условіяхъ, въ каждый данный моментъ могутъ встрѣтиться хозяйства, крайне разнообразныя по своему семейному составу и въ связи съ этимъ рѣзко разнящіяся по степени свойственной имъ устойчивости. Земскими переписями обыкновенно и констатируется такая разнородность крестьянскихъ хозяйствъ. Но легко понять, что изъ одного этого факта отнюдь нельзя сдѣлать вывода объ отсутствіи или безсиліи нивеллирующихъ факторовъ. Наши представленія о динамикѣ крестьянской жизни тѣмъ, главнымъ образомъ, и грѣшатъ, что то или иное состояніе ея мы отождествляемъ съ процессомъ. Напримѣръ, изъ

Какъ могъ замѣтить читатель, это тяготѣніе крестьянскихъ хозяйствъ *къ срединѣ, а не къ краямъ* могло быть вскрыто нами внѣ связи съ какими либо временными или мѣстными условіями: оно вытекаетъ изъ самой природы крестьянскаго двора или, правильнѣе, лежащей въ основѣ его семьи, неустанно стремящейся къ устойчивому равновѣсію и цѣлостному единству. Но тотъ же самый дворъ, какъ было упомянуто, является носителемъ не только семейныхъ, но и хозяйственныхъ функцій крестьянскаго населенія. Мы вправѣ поэтому ожидать, что вліяніе отмѣченной тенденціи сказывается не только въ сферѣ семейно-бытовыхъ, но и въ области соціально-экономическихъ отношеній. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

VI.

„Семья,—говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ изслѣдователей, составляетъ центръ тяжести въ крестьянскомъ хозяйствѣ и самое хозяйство существуетъ только для семьи" *). Семья, а именно рабочій составъ ея, является важнѣйшимъ факторомъ хозяйства; таже семья,—а именно потребительными своими нуждами,—опредѣляетъ конечныя его цѣли; она же несетъ на себѣ всѣ послѣдствія той или иной его организаціи. Важнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ крестьянскаго хозяйства, какъ особой формы соціально-экономическихъ отношеній, и служитъ то именно обстоятельство, что оно существуетъ при посредствѣ семьи и ради семьи. Это одна изъ формъ объединенія (до извѣстной, какъ увидимъ ниже, степени) въ одномъ и томъ же субъектѣ,—а именно въ нѣкоторой коллективной единицѣ,—предпринимателя и рабочаго, производителя и потребителя. Въ грядущемъ намѣчаются для этого иныя формы, болѣе чистыя, мощныя и широкія. Но какой бы путь къ нимъ ни считать нормальнымъ и ближайшимъ, мы не должны игнорировать аналогичныхъ имъ чертъ въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Изучая послѣднее, мы не только можемъ, но и обязаны исходить изъ представленія о крестьянскомъ дворѣ, какъ объ ячейкѣ, не только совмѣщающей въ своихъ нѣдрахъ, но и объединяющій въ нѣчто цѣльное и единое семью и хозяйство.

Считая необходимымъ въ настоящемъ мѣстѣ напомнить о той неразрывной связи, какая констатирована основными земскими пе-

---

факта неоднородности крестьянской массы мы дѣлаемъ выводъ о дифференціаціи ея, каковой въ дѣйствительности можетъ и не быть. Неправильность такого рода заключеній на примѣрѣ семьи обнаруживается съ особою наглядностью.

*) Ф. А. Щербина. «Сводный сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губ.», Воронежъ, 1897, стр. 322.

реписями между указанными органическими элементами крестьянскаго двора, мы воспользуемся для этого только что цитированной работы Ф. А. Щербины, особенно много потрудившагося надъ выясненіемъ вопроса о роли семьи въ хозяйственной жизни крестьянскаго населенія. Правда, его изслѣдованіе относится только къ одной губерніи, но факты, на которые онъ опирается въ своемъ анализѣ, не представляютъ чего-либо исключительнаго. По общему своему характеру они вполнѣ совпадаютъ съ данными по всѣмъ другимъ мѣстностямъ, подвергшимся земско-статистическимъ описаніямъ. Преимущество воронежскихъ работъ заключается лишь въ томъ, что соотвѣтствующіе факты зарегистрированы въ нихъ въ болѣе полномъ и изложены въ болѣе систематичномъ видѣ.

Обращаясь къ этимъ фактамъ мы прежде всего находимъ, что размѣры крестьянской семьи измѣняются вмѣстѣ съ размѣрами хозяйства. Такъ, если мы сгруппируемъ хозяйства по размѣрамъ владѣемой ими земли, то получимъ такія цифры:

По хозяйствамъ:	На дворъ приходится душъ обоего пола.
Безземельнымъ	3,46
Имѣющимъ до 5 дес. на дворъ	5,05
» отъ 5 до 15 дес.	6,50
» отъ 15 до 25 десятинъ	8,91
» свыше 25 дес. на дворъ	12,63
Въ среднемъ	6,89

Если мы возьмемъ группировку по работникамъ, то цифры для семьи дадутъ столь же правильный рядъ; а именно на дворъ приходится душъ:

въ хозяйствахъ	безъ работника	3,40
» »	съ 1 работникомъ	5,52
» »	съ 2 работниками	8,01
» »	съ 3 и болѣе	12,28

Если за основаніе группировки взять рабочій скотъ, то вмѣстѣ съ измѣненіемъ количества его будетъ измѣняться и средняя семья. Такъ она равна:

Въ хозяйствахъ	безъ рабочаго скота	4,50	душъ.
» »	съ 1 лошадью	5,92	»
» »	съ 2—3 лошадьми	8,37	»
» »	съ 4 и болѣе	12,96	»

Такимъ образомъ, крупныя хозяйства вмѣстѣ съ тѣмъ являются многосемейными, мелкіе и безхозяйные дворы — малосемейными. Расчленяя еще болѣе хозяйства, вводя въ группировку одновременно нѣсколько признаковъ, мы получимъ еще болѣе рѣзкую

разницу въ среднихъ размѣрахъ семьи. Такъ, если мы возьмемъ, съ одной стороны, дворы не имѣющіе земли, лошади и работника, т. е. такъ называемые „упалые" или безхозяйные, а съ другой— хозяйства, имѣющія земли болѣе 25 дес. и не менѣе 3 работниковъ и 4 лощадей, то найдемъ, что средняя семья равна:

въ первыхъ	1,79 душъ
» послѣднихъ	18,10 »

Т. е. въ то время, какъ въ безхозяйныхъ дворахъ семья состоитъ менѣе, чѣмъ изъ 2 человѣкъ, въ группѣ наиболѣе крупныхъ хозяйствъ она достигаетъ уже почти до 20 душъ, т. е. вторая превосходитъ первую болѣе, чѣмъ въ 10 разъ.

Въ совершенно упалыхъ, безхозяйныхъ дворахъ семья приближается, такимъ образомъ, къ своему физическому минимуму— къ бобылю-одиночкѣ. Съ появленіемъ первыхъ же признаковъ хозяйственной самостоятельности, средніе размѣры семьи начинаютъ возрастать, а съ ихъ умноженіемъ—все больше и больше приближаться къ нормальнымъ. Такъ она равна:

Въ хозяйствахъ:	
Безъ земли, безъ работника и безъ лошади	1,79 душъ
» » » » но съ 1 лошадью . . .	2,75 »
» » но съ 1 работникомъ и 1 лошадью . .	3,94 »
Съ землею до 5 дес., съ 1 работн. и 1 лошадью . .	4,07 »

Едва ли нужно приводить другія доказательства столь ясно выраженному параллелизму среднихъ размѣровъ семьи и хозяйства.

Въ дѣйствительности связь хозяйства и семьи еще крѣпче. Вмѣстѣ съ размѣрами перваго измѣняется не только численный, но также половой и возрастный составъ послѣдней. Такъ, сравнивая хозяйства, различно обезпеченныя землею, мы найдемъ:

Въ хозяйствахъ:	На 100 мужч. прих. женщ.	Изъ 100 душъ обоего пола: Въ рабоч. возрастѣ.	Въ нерабочемъ.	Въ т. ч. дѣтей до 13 лѣтъ.
Безземельныхъ	122	52,69	47,31	29,57
Имѣющихъ до 5 дес. на дворъ . . .	113	50,81	49,19	36,55
» отъ 5 до 15 дес.	102	49,46	50,54	37,82
» отъ 15 до 25 дес.	91	48,56	51,44	38,51
» свыше 25 дес.	89	47,95	52.05	39,42
Въ среднемъ . . .	99	49,36	50,64	37,81

Населеніе лишь средней группы хозяйствъ по своему половому и возрастному составу почти совпадаетъ со среднимъ для всей мѣстности. Чѣмъ мельче хозяйство, тѣмъ сильнѣе преобладаютъ въ немъ женщины, чѣмъ крупнѣе оно—тѣмъ большій пе-

ревѣсъ приходится на долю мужчинъ. На ряду съ этимъ, въ мелкихъ хозяйствахъ наблюдается большій процентъ лицъ въ рабочемъ возрастѣ и меньшій процентъ дѣтей, чѣмъ въ крупныхъ.

Въ интересахъ дальнѣйшаго изложенія не лишне будетъ отмѣтить, что болѣе высокій процентъ лицъ рабочаго возраста въ мелкихъ хозяйствахъ сравнительно съ крупными объясняется, главнымъ образомъ, разницею въ числѣ работницъ. Что касается мужчинъ-работниковъ, то колебанія въ относительномъ числѣ ихъ по земельнымъ группамъ очень невелики: отъ средней по всѣмъ хозяйствамъ (23,3%) оно отклоняется не болѣе какъ на ½% (23,8 — во второй группѣ и 22,8 — въ пятой). Въ безземельныхъ же хозяйствахъ процентъ мужчинъ-работниковъ (19,7) оказывается даже значительно ниже, чѣмъ въ остальныхъ группахъ. Ненормальности полового и возрастнаго состава въ совершенно упалыхъ хозяйствахъ достигаютъ прямо поразительныхъ размѣровъ. Такъ въ хозяйствахъ безъ земли, безъ работника и безъ лошади на 100 мужчинъ приходится 780 женщинъ, т. е. въ нихъ не только нѣтъ мужчины-работника въ настоящее время, но и не предвидится почти въ будущемъ.

Упалое хозяйство чаще всего совмѣщается такимъ образомъ съ дезорганизованной семьей. Чрезмѣрно малый размѣръ служитъ однимъ изъ отличительныхъ признаковъ послѣдней. Что касается полового и возрастнаго состава, то въ вымирающей семьѣ онъ можетъ измѣняться, казалось бы, въ двухъ направленіяхъ. Мы видѣли, что упалые наличные дворы характеризуются преобладаніемъ женскаго пола и взрослыхъ лицъ надъ мужчинами и дѣтьми. Куда же дѣваются малосемейные дворы съ преобладаніемъ мужчинъ и дѣтей? Нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ слѣдующія данныя:

	Прих. душъ обоего пола на семью.	На 100 мужчинъ прих. женщинъ.	На 100 д. об. пола прих. мужч.-работ.
Въ хозяйствахъ бездомовыхъ	3,9	89	27,5
Въ хозяйствахъ съ домами	6,9	98	23,5

Есть, такимъ образомъ, группа упалыхъ дворовъ съ малой семьей, но съ преобладаніемъ мужчинъ надъ женщинами и съ повышеннымъ процентомъ мужчинъ-работниковъ, но она не велика и не можетъ существенно повліять на половой и возрастный составъ упалыхъ хозяйствъ. Своимъ отклоненіемъ въ противоположную сторону она только смягчаетъ указанныя выше характерныя для послѣднихъ черты, которыя безъ этого были бы еще рѣзче. Отчего эта группа не велика, читателю послѣ сказаннаго въ предыдущей главѣ догадаться не трудно. Отсутствіе собственнаго жилища—слишкомъ характерный признакъ для крестьянской семьи. При такихъ условіяхъ связь ея съ родиной представляется особенно непрочной. Бездомовыя семьи—это въ

сущности первые кандидаты на выселеніе. Бабы и дѣти еще удерживаютъ ихъ на родинѣ, заставляя перебиваться по чужимъ хатамъ, но стоитъ только семейному составу ихъ еще болѣе уклониться въ сторону преобладанія взрослыхъ мужчинъ,—и онѣ, конечно, уйдутъ на сторону, куда ушли уже многія другія дезорганизованныя въ томъ же направленіи семьи. Для женщинъ такой уходъ на сторону менѣе возможенъ и потому даже одиночки изъ нихъ несравненно крѣпче держатся за свои хаты, чѣмъ бобыли-мужчины. Это ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

	Имѣютъ хаты.	Не имѣютъ.
Изъ 100 бобылей	58	42
Изъ 100 бобылокъ	95	5

Куда дѣваются дезорганизованныя семьи, состоящія главнымъ образомъ изъ дѣтей, фактическихъ указаній мы не имѣемъ, но догадаться объ этомъ опять-таки не трудно. Самостоятельное существованіе въ видѣ даже упалыхъ дворовъ для нихъ почти невозможно и единственный исходъ для нихъ—это соединеніе въ той или иной формѣ съ другими хозяйствами.

Количество земли, скота, построекъ опредѣляетъ не только размѣры крестьянскаго хозяйства, но и имущественное его положеніе. Мы вправѣ поэтому сказать, что семейный составъ измѣняется вмѣстѣ съ размѣрами крестьянскаго достатка. Не останавливаясь на этомъ, послѣ сказаннаго, достаточно ясномъ выводѣ, посмотримъ теперь, въ какой связи семейный составъ находится съ организаціей хозяйства, съ его внутреннимъ строемъ, который при однихъ и тѣхъ же размѣрахъ можетъ если не быть, то мыслиться различнымъ *).

Со стороны хозяйственной своей организаціи современный крестьянскій дворъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ пред-

*) Къ сожалѣнію, въ статистической литературѣ, не смотря на крайне важное значеніе семьи въ жизни крестьянскихъ хозяйствъ, до сихъ поръ, какъ это ни странно, нѣтъ группировки ихъ по семейному составу. Нѣкоторымъ суррогатомъ ея можетъ отчасти служить лишь встрѣчающаяся въ статистическихъ сборникахъ группировка по работникамъ. Съ другой стороны, хозяйственные признаки организаціоннаго характера также очень рѣдко брались за основаніе для группировки. Въ воронежскихъ сборникахъ, наиболѣе богатыхъ комбинаціонными подсчетами, мы встрѣчаемъ лишь двѣ такихъ группировки. Ими мы и воспользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Но такъ какъ намъ придется говорить о промысловой дѣятельности крестьянства и данныя по земледѣльческой Воронежской губерніи могутъ показаться не типичными, то, гдѣ возможно, на ряду съ ними мы будемъ приводить однородные факты еще по Мышкинскому уѣзду Ярославской, т. е. одной изъ самыхъ промышленныхъ губерній. Сборникъ по этому послѣднему уѣзду (Статистическое описаніе Ярославской губ. т. I. Мышкинскій у. в. 1. Ярославль 1900 г.) по богатству содержащагося матеріала и по детальности его разработки представляется исключительнымъ среди другихъ статистическихъ публикацій по нечерноземной Россіи.

ставляетъ крайне сложную величину. Объединенное въ немъ населеніе участвуетъ не только въ сельскомъ хозяйствѣ, но и въ очень многихъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности и торговой дѣятельности. Оно ведетъ хозяйство за свой страхъ и въ тоже время принимаетъ широкое участіе въ чужихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ. Отчуждая въ значительныхъ размѣрахъ свою рабочую силу, оно въ тоже время само прибѣгаетъ къ найму рабочихъ. Соотношеніе этихъ разнообразныхъ функцій крестьянскаго двора можетъ варьироваться почти до безконечности. Въ связи съ этимъ, само собой понятно, должно измѣняться и его строеніе. По своей хозяйственной организаціи онъ можетъ быть болѣе простымъ или болѣе сложнымъ, приближаться то къ чистоземледѣльческому, то къ чисто-промысловому типу, имѣть болѣе или менѣе ясно выраженный денежный или натуральный характеръ, напоминать хозяйство рабочаго или капиталиста-предпринимателя.

Установившаяся въ земской статистикѣ терминологія наиболѣе строго различаетъ два вида производительной дѣятельности крестьянскаго населенія: веденіе, съ одной стороны, собственнаго земледѣльческаго хозяйства и, съ другой, —подъ общимъ именемъ „промысловъ“—всѣ прочія отрасли такой дѣятельности, какъ сельско-хозяйственной (по найму въ чужихъ предпріятіяхъ), такъ и торгово-промышленной (за собственный страхъ и по найму). Группировка наличныхъ дворовъ по ихъ отношенію къ земледѣлію и промысламъ представляется въ такомъ видѣ:

Изъ 100 хозяйствъ:	Воронежской губ. (среди всего населенія).	Ярославск. губ. *). Среди надѣльнаго.	Ярославск. губ. *). Среди всего наличнаго.
Не занимаются ни земледѣліемъ, ни промыслами	0,4	0,3	0,3
Занимаются только промыслами	3,9	1,0	5,7
Занимаются только земледѣліемъ	27,3	23,5	24,1
Занимаются и земледѣліемъ и промыслами	68,4	75,2	69,9

Дворы, не занимающіеся ни земледѣліемъ, ни промыслами, живущіе, такъ сказать, неизвѣстно чѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, ничтожны по численности. Простыя хозяйства, исключительно-промысловыя или исключительно-земледѣльческія также

*) Въ сборникѣ по Мышкинскому уѣзду комбинаціонныя таблицы имѣются только для надѣльнаго населенія. Для сравнимости съ воронежскими данными мы должны были присоединить и безнадѣльное, для чего—допустить, что процентъ не занимающихся ни земледѣліемъ, ни промыслами среди нихъ тотъ же, что и среди надѣльнаго населенія. Возможная при такомъ допущеніи погрѣшность во всякомъ случаѣ не могла замѣтно повлiять на цифры по другимъ группамъ.

составляютъ меньшинство, первыя малозамѣтное, вторыя—болѣе значительное. Главная же масса крестьянскихъ дворовъ (свыше $^2/_3$, а среди надѣльнаго населенія—даже свыше $^3/_4$) представляетъ изъ себя сложныя хозяйства, занимающіяся и земледѣліемъ, и промыслами. Разница между земледѣльческой Воронежской и промышленной Ярославской губерніей во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ общемъ незначительна. Въ послѣдней выше нѣсколько процентъ исключительно-промысловыхъ хозяйствъ, но и то за счетъ, главнымъ образомъ, безнадѣльнаго населенія.

Въ какомъ же отношеніи къ этой группировкѣ дворовъ находится семейный составъ ихъ? Къ сожалѣнію, ни по той, ни по другой мѣстности мы не имѣемъ свѣдѣній о средней семьѣ, занимающейся только промыслами и не занимающейся земледѣліемъ. Но такъ какъ безпосѣвные дворы принадлежатъ почти исключительно къ безземельнымъ и малоземельнымъ группамъ, отличающимся, какъ мы видѣли, малой семьей, то можно съ увѣренностью полагать, что исключительно промысловые дворы—вмѣстѣ съ тѣмъ малосемейные. Что касается дворовъ, занимающихся только земледѣліемъ и незанимающихся промыслами, то семейный составъ ихъ въ той и другой губерніи также замѣтно меньше, чѣмъ въ остальныхъ хозяйствахъ; а именно въ Воронежской губерніи на 7, а въ Ярославской даже на 30%. Эта связь семейнаго состава съ размѣрами собственнаго земледѣльческаго хозяйства, съ одной стороны, и съ участіемъ въ промыслахъ, съ другой, еще яснѣе видна изъ слѣдующей таблички:

Группы хозяйствъ:	Приходится душъ на семью въ губерніяхъ: Воронежской. Занимающ. промыслами.	Воронежской. Незанимающ. промыслами.	Ярославской. Занимающ. промыслами.	Ярославской. Незанимающ. промыслами.
Безземельныя	2,67	1,98	—	—
Имѣющія до 5 дес. на дворъ	4,41	4,00	4,65	3,09
» » 5—15 » » »	6,65	6,00	6,38	4,74
» » 15—25 » » »	9,74	8,88	9,04	6,80
» свыше 25 » » »	14,68	12,97		

Такъ какъ количество собственной земли сильнѣе, чѣмъ что либо другое, опредѣляетъ размѣры собственнаго земледѣльческаго хозяйства, то мы вправѣ сказать, что при одинаковыхъ размѣрахъ послѣдняго участіе въ промыслахъ связано съ бо́льшимъ семейнымъ составомъ. Такимъ образомъ, не только размѣры хозяйства, но и его сложность—при прочихъ равныхъ условіяхъ—находятся въ связи съ численностью крестьянской семьи.

Эти прочія условія, однако, неодинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ. Если читатель присмотрится нѣсколько внимательнѣе

къ цифрамъ послѣдней таблички, то легко замѣтить, что размѣры семьи по земельнымъ группамъ измѣняются въ Воронежской губерніи быстрѣе, чѣмъ въ Ярославской, и, наоборотъ, разница въ численномъ составѣ промысловой и непромысловой семьи въ Ярославской губерніи больше, чѣмъ въ Воронежской. Изъ этого слѣдуетъ, что въ одной изъ этихъ губерній, а именно въ Воронежской, численность семьи находится въ болѣе тѣсной связи съ размѣрами собственнаго земледѣльческаго хозяйства, въ другой—Ярославской—съ фактомъ (а вѣроятно и размѣрами) участія ея въ промыслахъ. Этимъ, нужно думать, объясняется слѣдующій любопытный фактъ:

	% хозяйствъ, занимающихся промыслами:	
	Воронежская губ.	Ярославская губ.
Безземельные	88,3	68,6
Имѣющіе до 5 дес.	79,0	72,5
» 5—15 »	71,8	76,5
» св. 15 »	69,5	88,5
Въ среднемъ	72,3	75,5

Въ Воронежской губерніи процентъ промысловыхъ хозяйствъ вмѣстѣ съ расширеніемъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства уменьшается, въ Ярославской, наоборотъ, увеличивается. Такимъ образомъ, фактически въ первой изъ этихъ губерній промысловыя хозяйства по преимуществу вербуются изъ малоземельныхъ группъ, не смотря на то, что онѣ малосемейны; въ Ярославской же губерніи—главнымъ образомъ изъ многоземельныхъ группъ, вѣроятно, потому, что онѣ многосемейны.

Наряду съ этимъ наблюдается другое характерное различіе между земледѣльческою и промысловою мѣстностями. А именно: на 100 мужчинъ приходится женщинъ:

Въ хозяйствахъ:	Воронежская губ.	Ярославская губ.
Занимающихся промыслами	99,9	108,6
Незанимающихся промыслами	99,5	146,3

Въ Воронежской губерніи, гдѣ, какъ мы видѣли, половой составъ семьи находится въ такой тѣсной связи съ размѣрами собственнаго земледѣльческаго хозяйства, онъ не оказываетъ никакого вліянія на фактъ участія двора въ промыслахъ. Въ Ярославской губерніи, напротивъ, между промысловою и непромысловою семьями наблюдается рѣзкая разница въ половомъ ихъ составѣ. Не занимаются промыслами въ ней семьи, явно ненормальныя въ отношеніи полового состава, а именно отличающіяся рѣзкимъ преобладаніемъ женщинъ надъ мужчинами.

Такимъ образомъ, въ земледѣльческой губерніи дезорганизованныя по своему численному, половому и возрастному составу

семьи не имѣютъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства или ведутъ его въ ограниченныхъ размѣрахъ; въ промысловой губерніи такія же семьи—не участвуютъ въ промыслахъ. Какъ бы то ни было, тамъ и здѣсь семейный составъ находится въ тѣсной, хотя и не вполнѣ тождественной, связи съ организаціей крестьянскаго хозяйства, съ фактомъ и размѣрами его участія въ земледѣліи и промыслахъ.

Этимъ, однако, указанная связь не ограничивается. Она идетъ дальше и сказывается, можно думать, даже въ деталяхъ свойственнаго крестьянскому хозяйству строя. Такъ, по отношенію къ промысламъ можно установить прямую и несомнѣнную связь семейнаго состава съ ихъ характеромъ. По Мышкинскому уѣзду, напримѣръ:

Въ хозяйствахъ:	Средній составъ семьи.	На 100 мужчинъ приходится женщ.	% лицъ въ рабоч. возрастѣ.
Безъ промысловъ	4,3	146,3	45,8
Съ домашними промыслами . .	5,3	125,6	46,8
» мѣстными » . .	5,5	122,8	47,2
» отхожими » . .	6,1	105,6	52,0
» разными » . .	7,2	100,8	52,7
Въ среднемъ .	5,7	114,8	50,0

Чѣмъ дальше семья отпускаетъ своихъ промышленниковъ тѣмъ она крупнѣе, тѣмъ менѣе замѣтно въ ней преобладаніе женщинъ, тѣмъ выше въ ней процентъ лицъ въ рабочемъ возрастѣ и, стало быть, тѣмъ ниже процентъ стариковъ и дѣтей. Подобную же связь для семейнаго состава можно было бы установить съ временемъ и сроками пребыванія промышленниковъ на сторонѣ, съ характеромъ доступныхъ имъ профессій и т. д. Въ еще болѣе неразрывной связи съ семейнымъ составомъ должна находиться вся организація земледѣльческаго хозяйства. Составъ содержимаго скота, пропорція посѣвовъ, аренда и сдача земли и т. д. и т. д. въ значительной мѣрѣ опредѣляются именно потребительными нуждами и производительными силами входящаго въ составъ двора населенія *). Мы не будемъ, однако, останавливаться на этомъ, чтобы не удлиннять безъ особой нужды наше изложеніе. Пользуясь богатыми воронежскими данными мы позволимъ себѣ коснуться еще лишь одной крайне важной, если не по фактическому, то по принципіальному своему значенію, стороны крестьянскаго хозяйства, а именно отношеній его къ найму рабочихъ въ сферѣ земледѣльческаго производства.

*) Объ этомъ намъ приходилось уже говорить въ другой нашей статьѣ: «Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ», Р. Б. 1897 г.

Если мы возьмемъ хозяйства, отпускающія батраковъ, а, съ другой стороны, нанимающія ихъ, то увидимъ, что въ хозяйствахъ:

	Средній составъ семьи.	На 100 мужч. приходится женщинъ.	На 100 душъ об. пола мужчинъ-работн.
Отпускающихъ батраковъ . . .	6,47	85	27,2
Нанимающихъ » . . .	8,45	108	22,5

т. е. первыя характеризуются малымъ размѣромъ семьи, преобладаніемъ мужескаго пола и высокимъ процентомъ мужчинъ-работниковъ; семейный составъ послѣднихъ имѣетъ какъ разъ обратные признаки. Надо сказать, что хозяйства, отпускающія батраковъ, принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ безземельнымъ и малоземельнымъ группамъ, а хозяйства, нанимающія ихъ,—къ многоземельнымъ. Если мы возьмемъ, поэтому, тѣ же данныя въ связи съ размѣрами землевладѣнія, то увидимъ, что по численному составу семьи батрачныя хозяйства очень мало уклоняются отъ среднихъ величинъ по соотвѣтствующимъ группамъ, но по своему половому составу, а отпускающія батраковъ—и по рабочему, очень далеко отходятъ отъ нихъ. Такъ, беря крайнія группы, мы найдемъ, что въ безземельныхъ хозяйствахъ на 100 мужчинъ приходится 121 женщина, а въ тѣхъ изъ нихъ, которыя отпускаютъ батраковъ—лишь 86; мужчины-работники въ первомъ случаѣ составляютъ 19,9% всего населенія, а во второмъ—24,8%. Въ хозяйствахъ, имѣющихъ свыше 25 дес., на 100 мужчинъ приходится 90 женщинъ, а въ тѣхъ изъ нихъ, которыя нанимаютъ батраковъ,—101. Такимъ образомъ, при однихъ и тѣхъ же размѣрахъ земельнаго хозяйства, такая особенность въ его организаціи, какъ отпускъ или наемъ батраковъ сопровождается замѣтнымъ уклоненіемъ семейнаго состава отъ нормы, свойственной хозяйствамъ соотвѣтствующей группы.

Изложенныхъ фактовъ, полагаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы настаивать на неразрывной связи семьи и хозяйства, объединенныхъ въ одной соціальной клѣткѣ—въ крестьянскомъ дворѣ.

V.

Попытаемся теперь нѣсколько осмыслить эту связь въ ея причинахъ и послѣдствіяхъ.

Однимъ изъ первыхъ и самыхъ интересныхъ представляется при этомъ вопросъ: что̀ въ данномъ случаѣ служитъ основнымъ факторомъ и что̀ является производною функціей, т. е. семья ли опредѣляетъ собою размѣры хозяйства и его организацію или, наоборотъ, хозяйственныя силы и строеніе двора сказываются на его семейномъ составѣ? Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ результатомъ крайне сложнаго процесса взаимо-

дѣйствія семьи и хозяйства, попеременно являющихся то причиною, то слѣдствіемъ наблюдаемыхъ различій между крестьянскими дворами. Такъ, съ одной стороны, несомнѣнно, что размѣры хозяйства въ значительной мѣрѣ опредѣляются предыдущею исторіей семьи. Болѣе крупныя хозяйства въ значительной своей части соотвѣтствуютъ болѣе старымъ семьямъ, а болѣе мелкія— „обновленнымъ", путемъ ли семейныхъ раздѣловъ или при посредствѣ другихъ процессовъ. Такъ, въ Воронежской губерніи дѣлившихся за послѣдніе пять лѣтъ оказалось:

Среди хозяйствъ,	имѣющихъ	до 5 дес.	. . . .	17,2%
»	»	» 5—15 »	. . . .	14,6 »
»	»	» 15—25 »	. . . .	12,2 »
»	»	» св. 25 »	. . . .	10,3 »

Совершенно тождественное явленіе имѣетъ мѣсто и въ такихъ промысловыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, Козельскій уѣздъ Калужской губерніи. Въ немъ:

Группы хозяйствъ:	Средній составъ семьи.	% дѣлившихся за послѣднія 10 лѣтъ.	% недѣлившихся болѣе 20 лѣтъ.
Засѣвающіе до 3 десятинъ . .	5,9	28,8	37,9
» 3—6 » . .	7,3	23,3	44,6
» 6—9 » . .	9,4	21,1	44,5
» 9—12 » . .	11,1	20,0	51,2
» свыше 12 » . .	13,1	16,6	62,1

Это и понятно. Семейный раздѣлъ дробитъ не только семью, но и хозяйство. Это одна изъ характерныхъ особенностей хозяйственныхъ предпріятій мелкаго и, въ частности, крестьянскаго типа. Владѣльцы крупнаго капиталистическаго предпріятія въ случаѣ семейнаго раздѣла дѣлятъ между собою паи и акціи, оставляя самое хозяйство въ его прежнемъ видѣ. Послѣднее можетъ существовать и расти независимо отъ тѣхъ измѣненій и пертурбацій, какія происходятъ въ семьяхъ ихъ владѣльцевъ и даже въ ихъ бюджетѣ. Владѣльцы могутъ нарождаться и умирать, дѣлить и соединять свои семьи, богатѣть и бѣднѣть, уходить отъ дѣла одни и притекать другіе,—и все это можетъ вовсе не затрогивать акціонернаго предпріятія, живущаго своею самостоятельною жизнью. За то, чѣмъ дальше хозяйство отъ этого наиболѣе яркаго капиталистическаго типа, тѣмъ теснѣе его судьбы связаны съ судьбами владѣльца. Въ крестьянскомъ дворѣ всякая смерть и болѣзнь, всякое появленіе новаго члена или выбытіе прежняго, а тѣмъ болѣе такіе процессы, какъ семейные раздѣлы, немедленно и властно сказываются въ его хозяйственной жизни. Родился новый членъ семьи—и вотъ, хотя „въ полномъ разгарѣ страда деревенская", но „надо ребенка качать"; „бѣдная баба изъ силъ выбивается" и всетаки права свекровь: „немного съ нимъ нажнешь". Растетъ этотъ ребенокъ, ему еще только шестой годокъ миновалъ, а онъ ужъ помощникъ въ хозяйствѣ:

И шествуя важно въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ-уздцы . . . .
. . . . «Изъ лѣсу, вѣстимо,
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу!..

Заболѣлъ мужикъ—и бабѣ

Въ полѣ одной-то надсадно,
Въ полѣ одной неповадно...

Умеръ хозяинъ—

И некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разумъ наставить...

Волей-неволей приходится сдавать ей послѣдній надѣлъ и рушить хозяйство...

Съ другой стороны, столь же несомнѣнно, что хозяйство вліяетъ на семью, на ея размѣры, на возрастный и половой составъ ея. Вліяетъ оно сильнѣе всего при посредствѣ бюджета, уровень котораго всецѣло почти опредѣляется мощью хозяйственной организаціи. Яркой иллюстраціей этой зависимости могутъ служить слѣдующія данныя по Воронежской губерніи:

Хозяйства.	% больныхъ.	% калѣчныхъ.	% умершихъ.	% прироста населенія.
Безземельныя	0,97	3,91	3,41	0,62
Имѣющія до 5 десят. . .	0,58	1,78	3,50	1,68
» » 5—15 » . .	0,42	1,47	3,32	2,06
» » 15—25 » . .	0,32	1,15	2,86	2,44
» свыше 25 » . .	0,25	0,88	2,62	2,95
Въ среднемъ . . .	0,42	1,43	3,16	2,16

Чѣмъ мельче хозяйство, тѣмъ больше болѣзненность, тѣмъ больше калѣчность, тѣмъ выше смертность и тѣмъ меньше приростъ населенія (при одинаковой, приблизительно, рождаемости). Разница между крайними группами достигаетъ прямо поразительной величины: болѣзненность и калѣчность населенія въ самой многоземельной группѣ почти въ четыре раза меньше, чѣмъ въ безземельныхъ хозяйствахъ, а приростъ населенія -- почти въ 5 разъ больше. Такія же данныя мы имѣемъ по Козельскому уѣзду Калужской губерніи—и въ этой промысловой мѣстности размѣры земледѣльческаго хозяйства также властно вліяютъ на естественное движеніе населенія и, стало быть, на семейный составъ крестьянскихъ дворовъ.

Большая или меньшая сложность хозяйства также, несомнѣнно, оказываетъ вліяніе на семью и въ свою очередь находится подъ ея вліяніемъ. По Воронежской губерніи, гдѣ промысловая дѣятельность населенія, какъ мы видѣли, сравнительно слабо свя-

зана съ семейнымъ составомъ, процессъ взаимодѣйствія между ними выражается, какъ показываетъ слѣдующая табличка, въ сравнительно небольшихъ величинахъ:

Въ хозяйствахъ:	Средній составъ семьи.	% дѣлившихся за 5 лѣтъ.	% умершихъ за годъ.
Незанимающихся промыслами	7,19	20,4	3,17
Занимающихся промыслами	7,65	19,0	2,85
Въ томъ числѣ:			
Занимающихся сельскохоз. промысл. .	7,29	19,6	2,92
» торг.-пром. промысл. .	11,08	16,5	2,62

Но если бы мы имѣли такія же данныя по промысловымъ мѣстностямъ, то, конечно, получили бы болѣе рѣзкія цифры.

Едва-ли нужно говорить, что всякое измѣненіе въ семьѣ, явившееся послѣдствіемъ той или иной хозяйственной организаціи, немедленно получаетъ обратную силу и является причиной дальнѣйшихъ измѣненій въ самомъ хозяйствѣ. И, наоборотъ, всякая перемѣна въ хозяйствѣ, обусловленная измѣненіями въ семейномъ составѣ, немедленно получаетъ силу дѣйствующаго фактора въ обратномъ направленіи. Такимъ образомъ, семья и хозяйство находятся подъ постояннымъ и непрерывнымъ воздѣйствіемъ другъ на друга.

Каково же общее направленіе этого двухсторонняго процесса? Изъ сказаннаго видно, что онъ долженъ, съ одной стороны, вести къ равновѣсію въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ семьи и хозяйства, а, съ другой стороны, усиливать разницу между отдѣльными дворами въ семейномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Если бы въ какомъ либо дворѣ при малой семьѣ оказалось большое и сложное хозяйство, то или послѣднее будетъ уменьшено и упрощено, или семья, пользуясь приносимымъ имъ достаткомъ, быстро разростется до соотвѣтствующихъ размѣровъ. И, наоборотъ, если бы при маломъ и несложномъ хозяйствѣ оказалась большая семья, то она или расширитъ и усложнитъ это хозяйство или сама, захваченная вымираніемъ, опустится до соотвѣтствующаго ему уровня. Въ дворахъ, въ которыхъ это равновѣсіе семьи и хозяйства уже достигнуто, процессъ непрерывнаго взаимодѣйствія ихъ долженъ сказываться совершенно иными послѣдствіями. Большія семьи и соотвѣтствующія имъ крупныя и сложныя хозяйства подъ его вліяніемъ должны все болѣе и болѣе увеличиваться и усложняться, а малыя семьи, мелкія и простыя хозяйства должны все болѣе и болѣе вымирать, сокращаться и упрощаться. Такимъ образомъ, крайніе типы хозяйства должны, казалось бы, все болѣе и болѣе отходить отъ среднихъ. Но этому расхожденію, этому движенію отъ средины къ краямъ имѣются естественные предѣлы въ тѣхъ

процессахъ пертурбаціоннаго характера, о которыхъ мы говорили въ предыдущихъ главахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, семья не можетъ разростаться безконечно. Рано или поздно для нея наступитъ моментъ семейнаго раздѣла, а вмѣстѣ съ большой семьей исчезнетъ крупное и сложное хозяйство. Мѣсто ихъ займутъ семьи и хозяйства, близкія къ среднимъ и, быть можетъ, даже ниже среднихъ. Съ другой стороны, мельчаніе семей и хозяйствъ имѣетъ свой предѣлъ, еще болѣе близкій, еще болѣе неизбѣжный. Семья можетъ вымереть вся до единаго человѣка, всякіе признаки самостоятельнаго хозяйства могутъ исчезнуть. Но даже прежде, чѣмъ наступитъ этотъ физическій конецъ, крестьянскій дворъ, вѣроятнѣе всего, прекратитъ свое соціальное существованіе, соединившись съ другимъ или выселившись на сторону. Крайнія группы семей и хозяйствъ такимъ образомъ, имѣютъ лишь временное, преходящее бытіе; въ ихъ средѣ, какъ мы видѣли раньше, быстрѣе всего происходитъ процессъ „обновленія".

Что дѣло обстоитъ именно такъ, въ этомъ легко убѣдиться, стоитъ лишь внимательнѣе всмотрѣться въ тѣ данныя о возрастномъ и половомъ составѣ населенія, которыя были приведены выше и которыя мы не вводили въ цѣпь послѣднихъ разсужденій. Мы видѣли, что крупныя хозяйства характеризуются не только большею численностью семьи, но также преобладаніемъ въ ней мужчинъ надъ женщинами и повышеннымъ процентомъ лицъ нерабочаго возраста, главнымъ образомъ, дѣтей. Извѣстно, что мальчиковъ родится больше, чѣмъ дѣвочекъ. Преобладаніе мужескаго пола въ крупныхъ хозяйствахъ и падаетъ, главнымъ образомъ, на долю мальчиковъ (въ хозяйствахъ, имѣющихъ свыше 25 дес., въ до-рабочемъ возрастѣ на 100 м. приходится 81 ж., а въ рабочемъ — 99). Меньшая смертность населенія въ этихъ хозяйствахъ является гарантіей, что эти мальчики не умрутъ въ дѣтскомъ возрастѣ, а выростутъ. Когда же они достигнутъ рабочаго возраста, то семейный составъ двора, владѣющаго крупнымъ хозяйствомъ, будетъ характеризоваться уже иными признаками: наряду съ большесемейностью и преобладаніемъ мужескаго пола въ немъ будетъ наблюдаться и повышенный процентъ мужчинъ-работниковъ, т. е. онъ будетъ имѣть какъ разъ ту совокупность признаковъ, которая свойственна семьямъ наканунѣ ихъ раздѣла. Прежде раздѣла подростки-работники, конечно, поженятся и начнутъ обзаводиться дѣтьми. Преобладаніе мужескаго пола исчезнетъ, процентъ мужчинъ-работниковъ опять понизится. Семейный составъ двора будетъ имѣть уже тѣ признаки, которыми характеризуются среднія группы. При слѣдующей переписи такой дворъ и окажется въ ихъ средѣ, но только раздробленнымъ на части, имѣющія самостоятельное уже существованіе.

Въ мелкихъ хозяйствахъ половой и возрастный составъ населенія имѣетъ, какъ мы видѣли, иной характеръ. При незначительномъ количествѣ дѣтей и при высокой смертности ихъ вѣроятность естественнаго разростанія семьи въ этомъ случаѣ очень мала; напротивъ, высокій процентъ лицъ въ старческомъ возрастѣ указываетъ на близкую возможность дальнѣйшаго ея сокращенія. Рѣзкое преобладаніе женщинъ надъ мужчинами въ рабочемъ возрастѣ дѣлаетъ мало вѣроятнымъ пополненіе такой семьи при посредствѣ браковъ; въ виду возможнаго выхода дѣвушекъ и вдовъ въ замужество, вѣроятнѣе и въ этомъ случаѣ дальнѣйшее ея сокращеніе. Наряду съ этимъ, рабочій составъ такого двора, не пополняемый притокомъ новыхъ членовъ извнѣ и слабо освѣжаемый малочисленными подростками, долженъ старѣть и постепенно сокращаться. Съ каждымъ годомъ семья должна, такимъ образомъ, по своему составу все болѣе и болѣе приближаться къ семьямъ, обреченнымъ на „обмираніе". Вмѣстѣ же съ семьей исчезнетъ и хозяйство.

Само собой понятно, что эти процессы разростанія и дѣленія однихъ дворовъ, разрушенія и исчезновенія другихъ — въ дѣйствительной жизни протекаютъ въ болѣе осложненномъ видѣ, чѣмъ какой приданъ имъ въ нашихъ схематичныхъ набросках. Съ нѣкоторыми изъ такихъ осложненій мы еще встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Сейчасъ же для насъ важно было уяснить лишь общее направленіе, въ которомъ должна складываться бытовая и экономическая жизнь крестьянства.

Въ основѣ ея, какъ мы видѣли, лежатъ двѣ тенденціи: съ одной стороны, въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ сказывается стремленіе уравновѣсить производительныя силы и потребительныя нужды входящаго въ его составъ населенія (семьи) съ размѣрами и организаціей принадлежащаго ему хозяйственнаго предпріятія; съ другой, — всѣмъ крестьянскимъ дворамъ свойственно тяготѣніе къ нѣкоторому общему и среднему для всѣхъ ихъ семейному и хозяйственному уровню. Это, такъ сказать, органическія свойства того строя соціальныхъ отношеній, который мы называемъ крестьянствомъ и который опирается на семью, объединенную въ одно неразрывное цѣлое съ хозяйствомъ.

А. Пѣшехоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЛЮБОВЬ КУКЛЫ.

Повѣсть.

VIII.

Въ обители было тихо. Это была чутко-дремлющая, жуткая тишина...

Половецкій прожилъ въ обители уже цѣлый мѣсяцъ и чѣмъ дольше жилъ, тѣмъ точно дальше уходилъ отъ нея. Это было странное, двоившееся чувство, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчета. Ему казалось, что монахи сторонятся его, какъ чужого человѣка. А между тѣмъ, у нихъ была своя жизнь, и они понимали другъ друга съ полуслова. Какая то стѣна отгораживала Половецкаго отъ внутренняго міра этой монашеской крестьянской артели. Собственно даже не было и монаховъ въ общепринятомъ смыслѣ, а просто самые обыкновенные крестьяне въ монашескомъ платьѣ. У обители существовала своя живая связь съ окружающимъ крестьянскимъ міромъ. Каждый день у обительскихъ вратъ появлялись крестьянскія телѣги. Большинство приходило пѣшкомъ. У каждаго было свое дѣло. Стояла страдная пора, и попусту никто не отрывался отъ работы. Половецкаго особенно поразилъ одинъ бородастый типичный мужикъ, пріѣхавшій верхомъ. У него было такое простое славное русское лицо.

— Мнѣ бы игумна повидать... — обратился онъ къ Половецкому.

— А что?—невольно спросилъ тотъ.

— А такъ... поговорить... Значитъ, сынъ, большакъ, померъ... Двое ребятъ осталось... жена...

Игуменъ принималъ всѣхъ и во всякое время. Мужикъ прошелъ въ игуменскую келью, и Половецкій видѣлъ, какъ онъ возвращался черезъ полчаса, шагая по монастырскому двору тяжелой мужицкой походкой. Онъ шелъ, держа шапку въ рукахъ, и встряхивалъ головой, въ которой, видимо, плохо укладывались слова пастырскаго утѣшенія. Онъ неторопливо

отвязалъ свою лошадь, тяжело подпрыгнулъ на нее и съ трудомъ сѣлъ. Половецкій долго смотрѣлъ, какъ онъ ѣхалъ, болтая руками и ногами.

Между прочимъ, особенностью обители „Нечаянныя Радости" было то, что въ ней рѣдко можно было встрѣтить профессіональныхъ странниковъ и богомолокъ, за исключеніемъ праздниковъ.

— Наша обительская пища скудная, вотъ и нечего здѣсь дѣлать,—коротко объяснилъ братъ Павлинъ.—Да и богатыхъ богомольцевъ совсѣмъ мало бываетъ...

Мѣсячный срокъ пребыванія Половецкаго прошелъ очень быстро.

— Вамъ ужъ пора домой, милостивый государь,—съ обычной дерзостью заявилъ братъ Ираклій.—У насъ уставъ...

Половецкій отправился переговорить съ о. игуменомъ и предложилъ уплатить деньги.

— Мнѣ хотѣлось бы пожить у васъ еще съ мѣсяцъ, если конечно, это васъ не стѣснитъ...

— По уставу не полагается, Михайло Петровичъ. А денегъ мы не принимаемъ, тоже по уставу... Для этого при странопріимницѣ есть кружка.

— Но вѣдь я могу заболѣть, о. Мисаилъ?

— Конечно, можете...

— Я и сейчасъ серьезно боленъ...

— Дѣло ваше. Я не гоню, а только уставъ... Хотя апостолъ Павелъ и сказалъ, что по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ. Мое дѣло сказать вамъ...

Половецкій ушелъ отъ игумена ни съ чѣмъ. Братъ Ираклій уже поджидалъ его съ торжествующимъ злорадствомъ.

— Возжелали прельстить инока златомъ? Совершенно напрасно-съ... У насъ уставъ. Есть, конечно, одинъ способъ... да... Отправляйтесь въ Бобыльскъ денька на три, а потомъ и начнете снова свой мѣсяцъ въ обители.

— Благодарю васъ за хорошій совѣтъ...

Братъ Павлинъ взглянулъ на дѣло гораздо проще и посовѣтовалъ оставаться въ обители безъ всякихъ объясненій.

— А тамъ видно будетъ, что и какъ,—прибавилъ онъ съ кроткой улыбкой.—Вѣдь вы даже работали на обитель, такъ что къ другимъ нельзя приравнять.

Половецкому сдѣлалось грустно. Куда онъ могъ идти? Такого мѣста не было... Онъ уже начиналъ свыкаться съ обительской тишиной, съ длинными монастырскими службами, съ монастырской работой, которую велъ подъ руководствомъ брата Павлина. Всего больше ему нравились рыбныя ловли на озерѣ, хотя лѣтомъ рыба и ловилась плохо.

Въ дальнемъ концѣ озера было нѣсколько болотистыхъ

островковъ, обложенныхъ озерными камышами. Сюда Половецкій и уѣзжалъ съ братомъ Павлиномъ иногда дня на три. Они ночевали подъ открытымъ небомъ около огонька, а въ ненастную погоду укрывались въ шалашикѣ изъ еловыхъ вѣтвей, прикрытыхъ сверху берестой и еловой корой. Наступала уже осень, дни дѣлались короче, и Половецкій съ наслажденіемъ проводилъ около огня цѣлые часы въ созерцательномъ настроеніи. Ахъ, какъ все прошлое было далеко-далеко... Кругомъ ни души. Ночная тишина нарушалась только ропотомъ озерной волны да гомономъ разной птицы, гнѣздившейся по камышамъ. Братъ Павлинъ въ эти моменты дѣлался какъ-то особенно разговорчивъ, вѣрнѣе сказать—онъ любилъ думать вслухъ. Эта дѣтски-чистая душа воспринимала впечатлѣнія природы съ какимъ-то религіознымъ экстазомъ и видѣла вездѣ Бога, вездѣ чудо и вездѣ несказанное словомъ поученіе.

— А человѣку все мало...—думалъ вслухъ братъ Павлинъ.—А человѣкъ все неистовствуетъ въ своей неистовой слѣпотѣ... да. Пріѣзжалъ къ намъ въ обитель года два назадъ одинъ старичокъ и навелъ сомнѣніе. Очень даже вредно говорилъ. „Вы, говоритъ, спасаете душу, значитъ, хотите непремѣнно быть лучше другихъ, и ваше монашеское смиреніе паче гордыни“. Потомъ много говорилъ вреднаго на счетъ нашей монашеской одежи и пищи... Зачѣмъ вотъ мы рыбу ѣдимъ. „Человѣку, говоритъ, этого нигдѣ не указано“. Съ нимъ сцѣпился Ираклій и началъ говорить отъ писанія, а старикъ ему наоборотъ: „Все это, говоритъ, надо понимать иносказательно“. И даже весьма ядовитымъ оказалъ себя, т. е. старичокъ. По писанію совсѣмъ загонялъ нашего Ираклія... А какъ вы полагаете, Михайло Петровичъ, на счетъ этой самой рыбки? Вѣдь она тоже чувствуетъ, хотя сказать этого и не умѣетъ...

— Право, не знаю, братъ Павлинъ. По моему, дѣло совсѣмъ не въ томъ, во что человѣкъ одѣнется и что онъ ѣстъ. Важно то, какъ онъ вообще живетъ, а ѣда и платье пустяки.

— Вотъ, вотъ... У насъ есть и деревенская поговорка такая: рыбку-то ѣшь, да рыбака не ѣшь.

— Если кто можетъ обойтись даже безъ рыбки—отлично. Я увѣренъ, что въ будущемъ не будутъ ѣсть ни мяса, ни рыбы, потому что это несправедливо, но дѣло всетаки не въ этомъ. По моему, это мести лѣсенку съ нижней ступеньки...

— А я опять такъ думаю, Михайло Петровичъ: ну, хорошо, никто не будетъ ѣсть говядину, а куда же тогда скотъ дѣнется? Зачѣмъ же я буду даромъ кормить бычка или сви-

нушку?.. Куда, напримѣръ, дѣнутся лишніе пѣтушки, которые ежели сверхъ числа? Ну, на быкѣ еще можно и ѣздить, и землю пахать, а на пѣтухѣ или на свиньѣ далеко не уѣдешь.

— Тогда превратятся въ дикое состояніе, какъ сейчасъ есть дикіе олени или дикія утки и разная дичь.

— А что-же, вѣдь въ самомъ дѣлѣ все возможно, Михайло Петровичъ!.. И даже очень просто...

Эта мирная рыбная ловитва была нарушена неожиданнымъ появленіемъ брата Ираклія. Возвращаясь на свой островъ вечеромъ, когда всѣ сѣти были выметаны, Половецкій замѣтилъ горѣвшій у ихъ балагана огонь. Не нужно было говорить, какой гость пожаловалъ. Братъ Павлинъ только угнетенно вздохнулъ, предчувствуя непріятность. Дѣйствительно, это былъ братъ Ираклій, сидѣвшій около костра.

— Вы это зачѣмъ пожаловали къ намъ?—довольно сурово спросилъ Половецкій.

— Я-то? А по серьезному дѣлу... Казусъ.

— Доносъ написали?

— Именно-съ...

— Очень интересно...

— Не знаю, какъ понравится, а только старался. Кстати я захватилъ и документикъ съ собой... Завтра пойдетъ къ владыкѣ. Нарочно пріѣхалъ, чтобы показать вамъ.

— Пожалуйста, избавьте меня,—замѣтилъ Половецкій, снимая промокшій кожаный рыбацкій фартукъ.—Я не страдаю любопытствомъ...

— Однако-же... Зачѣмъ я въ такомъ случаѣ ѣхалъ сюда и даже чуть не утонулъ?

Братъ Ираклій какъ-то весь сжался, ехидно улыбался и грѣлъ свои красныя руки надъ огнемъ. Братъ Павлинъ поставилъ надъ костромъ котелокъ съ водой для ухи. Гдѣ-то со свистомъ пролетѣло стадо дикихъ утокъ, отправлявшихся на ночную кормежку.

— Такъ я вамъ прочитаю...—продолжалъ братъ Ираклій, вынимая изъ-за пазухи свернутый въ четверо листъ бумаги.

Онъ присѣлъ на корточки къ огню и принялся за чтеніе, время отъ времени поглядывая на Половецкаго. Доносъ представлялъ собой самое нелѣпое произведеніе, какое только можно было себѣ представить, начиная съ того, что Половецкій обвинялся въ идололатріи, а его кукла называлась идоломъ. По пути обвинялся игуменъ, мирволившій занесенному въ обитель идолопоклонству и не въ примѣръ другимъ позволившему проживать идололатру въ обители свыше мѣсяца, положеннаго уставомъ. Заканчивался доносъ тѣмъ,

что въ новое идолопоклонство вовлеченъ скудный умомъ братъ Павлинъ.

— Что-же, не дурно, — похвалилъ спокойно Половецкій, когда чтеніе доноса кончилось.—Скажу даже больше: мнѣ нравится стиль... Кстати, могу только пожалѣть почтеннѣйшаго владыку, который будетъ читать ваше произведеніе.

IX.

На озерѣ поднимался шумъ разгулявшейся волны. Это дѣлалъ первыя пробы осенній вѣтеръ. Глухо шелестѣли прибережные камыши, точно они роптали на близившуюся осеннюю невзгоду. Прибережный ивнякъ гнулся и трепеталъ каждымъ своимъ листочкомъ. Пламя отъ костра то поднималось, то падало, разсыпая снопы искръ. Дымъ густой пеленой разстилался къ невидимому берегу. Братъ Ираклій попрежнему сидѣлъ около огня и грѣлъ руки, морщась отъ дыма. Онъ показался Половецкому такимъ худенькимъ и жалкимъ, какъ зажаренный цыпленокъ.

— Вамъ не совѣстно, братъ Ираклій?—неожиданно спросилъ его Половецкій.

— Мнѣ? Нѣтъ, я только исполняю волю пославшаго мя и обличаю... Вамъ все это смѣшно, милостивый государь, потому-что... потому-что... Да, въ васъ нѣтъ настоящей вѣры.

— Позвольте...

— Нѣтъ, ужъ вы мнѣ позвольте... Вѣрующихъ въ Бога много, и таковые встрѣчаются даже между корреспондентами. А вотъ господа интеллигентные люди не желаютъ вѣрить въ бѣса... Не нравится имъ. Да... А это невозможно. Ежели есть Богъ, долженъ быть и бѣсъ... Очень просто.

— Вы не правы. Есть цѣлѣй рядъ сектъ...

— Знаю-съ и даже очень. Напримѣръ, люциферіанизмъ, сатанизмъ, культы Изиды, Пана, Діониса—и еще много другихъ. Но это все другое... Тутъ важенъ только символъ, а не сущность. Діаволъ, демонъ, сатана, люциферъ, Мефистофель—это только отвлеченныя понятія... да. А бѣсъ живой, онъ постоянно около насъ, и мы постоянно въ его бѣсовской власти. Вотъ вамъ даже смѣшно меня слушать, а, между тѣмъ, въ Кормчей что сказано: къ простому человѣку приставленъ одинъ бѣсъ, къ бѣлому попу—семь бѣсовъ, а къ мниху—четырнадцать. А вотъ вы вѣрите въ куклу...

— Да, вѣрю. Я уже говорилъ вамъ... Для меня она нѣчто живое, даже нѣсколько больше, потому-что она живетъ и не умираетъ.

— Вотъ-вотъ, какъ бѣсъ... Въ ней сидитъ бѣсъ, принявшій образъ и подобіе.

Вопросъ о куклѣ не выходилъ изъ головы брата Ираклія все это время и мучилъ его своей таинственностью. Тутъ было что-то непонятное и таинственное, привлекавшее къ себѣ именно этими свойствами. Братъ Ираклій, конечно, докладывалъ о куклѣ игумену, но тотъ отвѣтилъ всего одной фразой:

— Не наше дѣло.

Уѣзжая на рыбную ловлю, Половецкій куда-то пряталъ свою котомку, и братъ Ираклій напрасно ее искалъ по всѣмъ угламъ страннопріимницы. Онъ жалѣлъ, что тогда не истребилъ ее, какъ слѣдовало сдѣлать по настоящему.

— Вѣры не хватило...—укорялъ самого себя братъ Ираклій.

Между прочимъ, и на острова онъ отправился съ тайной цѣлью отыскать на рыбачьей стоянкѣ проклятую куклу. Но ея и здѣсь не оказалось.

Братъ Павлинъ умѣлъ варить великолѣпную уху, а сегодня она была какъ-то особенно хороша. Ѣли всѣ прямо изъ котелка деревянными ложками, закусывая монастырскимъ ржанымъ хлѣбомъ, тоже замѣчательнымъ произведеніемъ въ своемъ родѣ. Братъ Ираклій и ѣлъ, не какъ другіе: торопился, обжигался, жмурилъ глаза и крошилъ хлѣбъ.

— Зачѣмъ сорить напрасно даръ Божій?—сурово замѣтилъ ему братъ Павлинъ.

Это было еще въ первый разъ, что братъ Павлинъ сдѣлался строгимъ, а братъ Ираклій не нашелся, что ему возразить.

— Чайку бы хорошо теперь выпить...—какъ-то по-дѣтски проговорилъ братъ Ираклій, когда уха была кончена.

— Ничего, хорошо и такъ,—прежнимъ тономъ отвѣтилъ братъ Павлинъ.—Чревоугодіе.

Вечеръ былъ теплый. Ложиться спать рано никому не хотѣлось. Братъ Павлинъ нарубилъ дровъ для костра на цѣлую ночь и даже приготовилъ изъ травы постель для брата Ираклія.

— Настоящая перина...—похвалилъ онъ.

— Отлично,—согласился братъ Ираклій, вытягиваясь на своей перинѣ.

Половецкій сидѣлъ на обрубкѣ дерева и долго смотрѣлъ на огонь, въ которомъ для него всегда было что-то мистическое, какъ символъ жизни. Вѣдь и человѣкъ такъ же сгораетъ, какъ горѣли сейчасъ дрова. И жизнь, и обновленіе, и перемѣна только формы существованія.

— Вы видали, господа, фонографъ?—спросилъ Половецкій послѣ долгой паузы.

Братъ Павлинъ не имѣлъ никакого понятія о граммофонѣ, а братъ Ираклій видалъ его у покойнаго Присыпкина. Половецкому пришлось объяснить его устройство.

— Господи, до чего только люди дойдутъ!—удивлялся братъ Павлинъ.—Даже страшно подумать...

— Страшного, положимъ, ничего нѣтъ, а интересно,—продолжалъ Половецкій.—Благодаря телефону сдѣлано удивительное открытіе, на которое почему-то до сихъ поръ не обращено никакого вниманія. Именно, голоса своихъ знакомыхъ узнаёшь, а свой голосъ не можешь узнать... Я самъ продѣлывалъ этотъ опытъ.

— И что-же изъ этого? — спрашивалъ братъ Ираклій.—По моему, рѣшительно ничего особеннаго...

— Нѣтъ, есть особенное. Этотъ опытъ доказываетъ, съ поразительной очевидностью, что человѣкъ знаетъ всего меньше именно самого себя. Скажу больше—онъ имѣетъ цѣлую жизнь дѣло съ собой, какъ съ таинственнымъ незнакомцемъ.

— Познай самого себя,—какъ сказалъ греческій мудрецъ.

— Вотъ именно этого-то познанія человѣку и не достаетъ. Въ этомъ корень всѣхъ тѣхъ ошибокъ, изъ какихъ состоитъ вся наша жизнь. Найдите мнѣ человѣка, который въ концѣ своей жизни сказалъ бы, что онъ доволенъ вотъ этой прожитой жизнью и что если бы имѣлъ возможность прожить вторую жизнь, то не прожилъ бы ее иначе. Счастливѣйшій изъ завоевателей Гарунъ-аль-Рашидъ передъ смертью сказалъ, что въ теченіе своей долгой жизни былъ счастливъ только четырнадцать дней, а величайшій изъ поэтовъ Гете признавался, что былъ счастливъ всего четверть часа.

— Все зависитъ отъ того, какія требованія отъ жизни,—спорилъ братъ Ираклій.—Богатому жаль корабля, а нищему кошеля... Вотъ богатому-то и умному и трудно быть счастливымъ. Вотъ вы, напримѣръ—я увѣренъ, что вы были очень богатымъ человѣкомъ, все вамъ надоѣло и вотъ вы пришли къ намъ въ обитель.

— Вы почти угадали, хотя и не совсѣмъ. Относительно я и сейчасъ очень богатый человѣкъ, но въ обитель пришелъ не потому, что пресытился богатой жизнью.

— Извините, это я такъ, къ слову сказалъ... Не имѣю права допытываться. Павелъ Митричъ Присыпкинъ въ послѣднее время такъ вотъ какъ тосковалъ и даже плакалъ.

Половецкому хотѣлось что-то высказать, что лежало камнемъ на душѣ, но онъ почему-то удержался, хотя и подходилъ уже совсѣмъ близко къ занимавшей его всецѣло темѣ. Брату Ираклію надоѣло лежать, и онъ присѣлъ къ огню. Половецкій долго разсматривалъ его лицо, и оно начинало ему

нравиться. Есть такія особенныя лица, внутренее содержаніе которыхъ открывается постепенно.

— А вы знаете, отчего погибнетъ Европа со всей своей цивилизаціей?—неожиданно спросилъ братъ Ираклій, обращаясь къ Половецкому.

— Мудреный вопросъ...

— И нисколько не мудреный... Я много думалъ объ этомъ и пришелъ къ своему собственному заключенію.

— Изъ газетъ вычиталъ,—замѣтилъ братъ Павлинъ.

— Кое-какіе факты, конечно, бралъ изъ газетъ. Люблю почитать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ... Такъ не можете ничего сообразить? Такъ и быть скажу: Европа погибнетъ отъ чумы... да-съ.

— Почему-же именно отъ чумы, а не отъ какой-нибудь другой болѣзни?—полюбопытствовалъ Половецкій.—Кажется, нынче принимаются всѣ средства для борьбы съ чумой...

— У докторовъ свои средства, а у чумы свои. Прежде-то она пѣшечкомъ приходила, а нынче по желѣзной дорожкѣ прикатитъ или на пароходѣ пріѣдетъ, какъ важная генеральша. Очень просто... Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

— Вотъ и послушайте его,—добродушно замѣтилъ братъ Павлинъ, качая головой.—Тоже и скажетъ человѣкъ...

— Я правду говорю... да. И всегда скажу. А, знаете, почему именно нашу Европу съѣстъ эта самая чума? А за наши грѣхи... Охъ, сколько этихъ грѣховъ накопилось... Страшно подумать... Вездѣ паровыя машины, телеграфы, пароходы, револьверы, швейныя машины, велосипеды, а черному простому народу все хуже да хуже. Богатые богатѣютъ, а бѣдные бѣднѣютъ. Все, кажется, придумали, а вотъ машину, чтобы хлѣбъ приготовляла—не могутъ... И никогда не придумаютъ. А почему? Ну-ка, братъ Павлинъ, раскинь умомъ? Нѣтъ, лучше и не безпокойся. А дѣло-то самое простое: хлѣбъ есть даръ Божій. Безъ ситца, безъ машины, безъ самовара можно прожить, а безъ хлѣба не проживешь.

Братъ Ираклій молчалъ, дожидаясь возраженій.

— А еще какіе грѣхъ у Европы?—спросилъ Половецкій.

— Есть и еще грѣхи: оскверненіе женщины. Тутъ и дворцы, и желѣзная дорога, и броненосцы, и Эйфелева башня, и подводный телеграфъ, а дѣвица осквернена. И такихъ дѣвицъ въ Европѣ не одинъ милліонъ да еще ихъ же разсылаютъ по всему свѣту на позоръ... да.

— Развратъ существовалъ всегда, въ самой глубокой древности.

— Развратъ-то существовалъ, но онъ прятался, его стыдились, блудницъ побивали каменьями, а нынѣшняя блудница ходитъ гордо и открыто. Гдѣ же любовь къ ближнему?

Гдѣ прославленная культура, гуманизмъ, великія идеи братства и свободы? Вотъ для нея, для дѣвицы, не нашлось другого куска хлѣба... Она хуже скота несмысленнаго. Это нашъ грѣхъ, общій грѣхъ... Мы ее видѣли и не помогли ей, мы ее не поддержали, мы ее оттолкнули отъ нашего сердца, мы насмѣялись надъ ней.

Въ голосѣ брата Ираклія послышались слезы. По его тонкому лицу пробѣгала судорога, а длинныя руки дрожали.

— Всетаки, наука сдѣлала много,—заговорилъ Половецкій, глядя на огонь.—Напримѣръ, нѣтъ прежнихъ ужасныхъ казней, какъ сажанье на колъ, четвертованіе, сожженіе на кострахъ. Нѣтъ, наконецъ, пытокъ... Человѣкъ-звѣрь еще, конечно, остался, но онъ уже стыдится проявлять свое звѣрство открыто, всенародно, на площади. А это много значитъ...

— Нѣтъ, человѣкъ-звѣрь только притаился и сдѣлался хитрѣе,—спорилъ братъ Ираклій.—Вы только подумайте, что въ такихъ центрахъ цивилизаціи, какъ Парижъ или Лондонъ, люди могутъ умирать съ голоду. А всякая новая машина развѣ не звѣрь? Она у кого-нибудь да отнимаетъ хлѣбъ, т. е. работу. А польза отъ нея идетъ въ карманы богатыхъ людей. Египетскія работы, про которыя сказано въ писаніи, пустяки, если сравнить ихъ съ работой гдѣ-нибудь въ каменноугольной шахтѣ, гдѣ человѣкъ превращается въ червя. И еще много другихъ цивилизованныхъ жестокостей, какъ, напримѣръ, наши просвѣщенныя войны, гдѣ убиваютъ людей десятками тысячъ въ одинъ день. Ваша святая наука лучшія свои силы отдаетъ только на то, чтобы изобрѣтать что-нибудь новое для истребленія человѣчества.

— А Наполеонъ?—съ улыбкой спросилъ братъ Павлинъ.

Братъ Ираклій какъ-то весь встрепенулся и отвѣтилъ убѣжденнымъ тономъ:

— Наполеонъ—геній, и его нельзя судить простыми словами. Да... Это былъ бичъ Божій, посланный для вразумленія погрязшей въ грѣхахъ Европы.

— Любитъ онъ Наполеона,— объяснилъ братъ Павлинъ, обращаясь къ Половецкому.—Нѣтъ ему пріятнѣе, какъ прочитать про этого самаго Наполеона.

Время пролетѣло незамѣтно. Братъ Павлинъ посмотрѣлъ на небо и сказалъ:

— Пора спать... Часовъ десять есть.

У Половецкаго давно смыкались глаза отъ усталости, и онъ быстро заснулъ. А братъ Ираклій долго еще сидѣлъ около огня, раздумывая относительно Половецкаго, что это за мудреный баринъ и что ему понадобилось жить въ ихъ обители. А тутъ еще эта кукла... Ну, къ чему она ему?

X.

Братъ Ираклій занималъ отдѣльную, довольно большую келью, служившую и монастырской канцеляріей. У него была „мірская“ обстановка, т. е. на стѣнахъ картины свѣтскаго содержанія, на окнахъ цвѣты и занавѣски, шкафикъ со свѣтскими книгами и т. д. Впрочемъ, все это „свѣтское“ ограничивалось культомъ Наполеона: библіотечка состояла исключительно изъ книгъ о Наполеонѣ, картины изображали его славные военные подвиги. На стѣнахъ висѣло до десятка портретовъ Наполеона въ разные періоды его бурной жизни. Но главной драгоцѣнностью брата Ираклія былъ бронзовый бюстъ Наполеона со скрещенными на груди руками. Это была своего рода реликвія. Почему и какъ образовался этотъ культъ, трудно сказать, и самъ братъ Ираклій вѣроятно, могъ бы объяснить меньше всѣхъ.

— Ты бы выбросилъ эту дрянь, — совѣтовалъ игуменъ, когда по дѣлу приходилъ въ келью Ираклія.—Не подобаетъ для обители...

Братъ Ираклій упорно отмалчивался, но оставался при своемъ. Игуменъ его, впрочемъ, особенно не преслѣдовалъ, какъ человѣка, который былъ нуженъ для обители и котораго считалъ немного тронутымъ. Пусть его чудитъ, благо, вреда отъ его причудъ ни для кого не было.

Второй слабостью брата Ираклія были газеты, которыя онъ добывалъ всѣми правдами и неправдами. Въ этомъ случаѣ онъ считалъ себя виноватымъ и хитрилъ. Онъ даже выписывалъ свою газету, которую получалъ на имя одного городского знакомаго. Для брата Ираклія было истиннымъ праздникомъ, когда онъ изъ Бобыльска получалъ съ какой-нибудь „оказіей“ кипу еще нечитанныхъ газетъ. Этотъ зарядъ газетнаго яда онъ проглатывалъ съ жадностью, какъ наркотикъ. Читать приходилось украдкой, по ночамъ, съ необходимыми предосторожностями. Начитавшись, братъ Ираклій испытывалъ жгучую потребность съ кѣмъ-нибудь подѣлиться почерпнутымъ изъ газетнаго кладезя матеріаломъ, но братія состояла изъ еле грамотныхъ простецовъ, и жертвой являлся безотвѣтный братъ Павлинъ.

— Ничего я не понимаю... — кротко признавался братъ Павлинъ.—Темный человѣкъ...

— А ты слушай,—настаивалъ братъ Ираклій.

— Только не говори мудреныхъ словъ, Христа ради. Можетъ быть, и слушать-то тебя грѣшно... Вотъ ежели бы почиталъ божественное...

— Нѣтъ, ты слушай!.. Какая теперь штука выходитъ съ нѣмцемъ... Охъ, и хитеръ же этотъ самый нѣмецъ!.. Не дай Богъ... Непремѣнно хочетъ завоевать весь міръ, а тамъ американецъ лапу протягиваетъ, значитъ, не согласенъ...

Появленіе въ обители Половецкаго дало брату Ираклію новую пищу. Помилуйте, точно съ неба свалился настоящій образованный человѣкъ, съ которымъ можно было отвести душу вполнѣ. Но тутъ замѣшалась проклятая кукла... Заведетъ братъ Ираклій серьезный разговоръ, Половецкій дѣлаетъ видъ, что слушаетъ, а по лицу видно, что онъ думаетъ о своей куклѣ. И что только она ему далась, подумаешь!.. Разъ братъ Ираклій пригласилъ къ себѣ Половецкаго напиться чаю. Это было послѣ ночной бесѣды на островѣ. Половецкій сразу началъ относиться къ брату Ираклію иначе.

— Вотъ посмотрите, Михаилъ Петровичъ... — говорилъ братъ Ираклій, съ гордостью указывая на своихъ Наполеоновъ.—Цѣлый музей-съ. Одобряете-съ?

— Дѣло вкуса... Лично я въ Наполеонѣ уважаю только геніальнаго стратега, а что касается человѣка, то онъ мнѣ даже очень не нравится.

— Очень даже напрасно-съ... Великаго человѣка нельзя судить, какъ обыкновеннаго смертнаго. Ему данъ даръ свыше... И угодники прегрѣшали, а потомъ искупали свою вину великими подвигами.

Между прочимъ, одно пустое обстоятельство привлекло Половецкаго къ брату Ираклію, именно, будущій инокъ съ какой-то болѣзненной страстностью любилъ цвѣты, и всѣ обительскіе цвѣты были выращены имъ. Половецкому почему-то казалось, что такой любитель цвѣтовъ непремѣнно долженъ быть хорошимъ человѣкомъ.

— Значитъ, по вашему, Наполеонъ просто геніальный разбойникъ, Михайло Петровичъ?

— Около этого...

— Такъ-съ... А какъ понимать по вашему господъ американцевъ?

Половецкій уже привыкъ къ неожиданнымъ вопросамъ и скачкамъ мысли въ головѣ брата Ираклія и только пожалъ плечами.

— Американцы — негодяи!.. — рѣшительно заявилъ братъ Ираклій, дергая шеей.

— Я не понимаю, какая-же тутъ связь: Наполеонъ и американцы?

— А есть и связь: Наполеонъ хотѣлъ завоевать міръ мечемъ, а гг. американцы своимъ долларомъ. Да-съ... Что лучше? А хорошія слова всѣ на лицо: свобода, братство, равенство... Посмотрите, что они продѣлываютъ съ китай-

цами,—нашему покойнику Присыпкину впору. Не понравилось, когда китаецъ началъ жать янки своимъ дешевымъ трудомъ, выдержкой, выносливостью... Ха-ха!.. На словахъ одно, а на дѣлѣ совершенно наоборотъ... По мнѣ ужъ лучше Наполеонъ, потому что въ силѣ есть великая притягивающяя красота и безконечная поэзія.

Они наговорились обо всемъ, т. е. говорилъ собственно братъ Ираклій, перескакивая съ темы на тему: о значеніи религіознаго культа, о таинствахъ, о великой силѣ чистаго иноческаго житія, о покаяніи, молитвѣ и т. д. Половецкій ушелъ къ себѣ только вечеромъ. Длинные разговоры его утомляли и раздражали.

Братъ Ираклій, проводивъ рѣдкаго гостя, не утерпѣлъ и прокрался черезъ кухню въ страннопріимницу, чтобы подсмотрѣть, что будетъ дѣлать Половецкій. Въ замочную скважину братъ Ираклій увидѣлъ удивительную вещь. Половецкій распаковалъ свою котомку, досталъ куклу и долго ходилъ съ ней по комнатѣ.

— Ты довольна?—говорилъ онъ такимъ тономъ, какъ говорятъ съ маленькими дѣтьми, — Тебѣ хорошо здѣсь? Ахъ, милая, милая...

Потомъ онъ усадилъ ее на столъ, а самъ продолжалъ ходить.

— Ты у меня маленькая язычница... да?..—думалъ Половецкій вслухъ.—Нѣтъ, нѣтъ, я пошутилъ... Не слѣдуетъ сердиться. Мы будемъ всѣхъ любить... Вѣдь въ каждомъ живетъ хорошій человѣкъ, только нужно умѣть его найти. Такъ? Безконечная доброта — это религія будущаго и доброта дѣятельная, а не отвлеченная. Ты согласна со мной? Такъ, такъ... сейчасъ человѣкъ хуже звѣря, а будетъ время, когда онъ сдѣлается лучше.

— Да онъ сумасшедшій!.. — въ ужасѣ рѣшилъ братъ Ираклій, стараясь уйти отъ двери неслышными шагами.—Да, настоящій сумасшедшій... Еще зарѣжетъ кого-нибудь.

Изъ страннопріимницы братъ Ираклій отправился прямо къ игумену и подробно сообщилъ о сдѣланномъ открытіи. Игуменъ терпѣливо его выслушалъ и довольно сурово отвѣтилъ:

— Не наше дѣло... Худого онъ ничего для насъ не дѣлаетъ. Человѣкъ сурьезный! А что касается этой куклы, такъ опять не наше дѣло. Доносъ-то послалъ, что-ли?

— Какъ же, отправилъ-съ...

— Вотъ это похуже куклы будетъ... Въ тебѣ бѣсъ сидитъ.

Братъ Ираклій ушелъ ни съ чѣмъ, обдумывая, какъ написать второй доносъ, чтобы онъ попалъ въ самую точку.

XI.

Самымъ непріятнымъ временемъ въ обители для Половецкаго были большіе годовые праздники, когда стекались сюда толпы богомольцевъ, а главное—страннопріимница наполнялась самой разношерстной публикой. Даже въ корридорѣ и на кухнѣ негдѣ было повернуться. Въ качествѣ своего человѣка въ обители, Половецкій уходилъ на скотный дворъ къ брату Павлину, чтобы освободить свою комнату для пріѣзжихъ богомольцевъ. Братъ Павлинъ ютился въ маленькой каморкѣ около монастырской пекарни. Здѣсь всегда пахло кожей, дегтемъ, веревками и прочими принадлежностями конюшеннаго хозяйства.

— Потѣснимся какъ нибудь, — извинялся каждый разъ братъ Павлинъ.—Въ тѣснотѣ да не въ обидѣ...

Онъ уступалъ гостю свое мѣсто на лавкѣ, а самъ забирался на печку, не смотря ни на какой жаръ.

Въ обители большимъ праздникомъ считался Успеньевъ день, когда праздновался „престолъ" въ новой церкви. Впередъ дѣлались большія приготовленія, чтобы накормить сотни богомольцевъ. Вся братія была погружена въ хозяйственныя заботы, и даже братъ Ираклій долженъ былъ помогать на кухнѣ, гдѣ мѣсилъ тѣсто, чистилъ капусту и картофель. Половецкій забрался къ брату Павлину за два дня и тоже принималъ участіе въ общей братской работѣ въ качествѣ пекаря.

Наплывъ богомольцевъ нынче превзошелъ всѣ ожиданія. Между прочимъ, въ этой пестрой толпѣ Половецкій замѣтилъ повара Егорушку, который почему то счелъ нужнымъ спрятаться. Затѣмъ онъ встрѣтилъ Егорушку уже въ обществѣ брата Ираклія. Они о чемъ то шептались и таинственно замолчали, когда подошелъ Половецкій.

— Ты какъ сюда попалъ?—спросилъ Половецкій смущеннаго Егорушку.

— А такъ, ваше высокоблагородіе, — по солдатски вытянувшись, отвѣтилъ Егорушка.—Грѣхи отмаливать пришелъ. Значитъ, на нашемъ пароходѣ „Братѣ Яковѣ" ѣхалъ нашъ губернаторъ... Подаю ему щи, а въ щахъ, напримѣръ, тараканъ. Ужъ какъ его, окаяннаго, занесло въ кастрюлю со щами—ума не приложу!.. Ну, губернаторъ сейчасъ капитана, ногами топать, кричать, а капитанъ сейчасъ, значитъ, меня въ три шеи... Выслужилъ, значитъ, пенсію въ полномъ смыслѣ: четыре недѣли въ мѣсяцъ жалованья сейчасъ получаю. Вотъ и пришелъ въ обитель грѣхъ свой замаливать...

— Экъ тебя угораздило!—жалѣлъ братъ Ираклій.

— Куда же вы теперь?—спросилъ Половецкій.

— А вотъ ужъ этого, ваше высокоблагородіе, я никакъ даже не могу знать. Изъ всей родни есть у меня одинъ племянникъ, только не дай Богъ никому такую родню. Глазъ то вѣдь онъ мнѣ выткнулъ кнутовищемъ, когда я воротился со службы... Какъ же, онъ самый!.. Я значитъ, свое сталъ требовать, что осталось послѣ упокойнаго родителя, разспорились, а онъ меня кнутовищемъ да прямо въ глазъ...

— Однимъ словомъ, веселый племянникъ,—подзадоривалъ братъ Ираклій.

Въ теченіе дня Половецкій нѣсколько разъ встрѣчалъ Егорушку въ обществѣ брата Ираклія, и Половецкому казалось, что солдатъ къ вечеру былъ уже съ порядочной мухой. У нихъ были какія то тайныя дѣла.

Комнату Половецкаго въ страннопріимницѣ занялъ бобыльскій купецъ Теплоуховъ, пріѣхавшій на богомолье съ женой, молодой и очень видной женщиной.

— Ну теперь онъ будетъ тише воды—ниже травы,—объяснилъ братъ Павлинъ, — потому боится своей Пелагеи Семеновны и въ глаза ей смотритъ. Очень сурьезная женщина, хотя и молодая...

Дѣйствительно, Теплоуховъ держалъ себя, какъ совсѣмъ здоровый человѣкъ. Онъ поздоровался съ Половецкимъ, какъ со старымъ знакомымъ.

— Ну, какъ вы тутъ живете?—довольно фамильярно спросилъ онъ Половецкаго.—Настоящее воронье гнѣздо... х-ха!..

— Кому что нравится,—уклончиво отвѣтилъ Половецкій.— Вотъ вы пріѣхали-же?..

— Жена притащила, а потомъ особливый случай вышелъ...

Половецкому совсѣмъ не хотѣлось разговаривать съ истеричнымъ купчикомъ, но Теплоуховъ не отставалъ. Они прошли на скотный дворъ, а потомъ за монастырскую ограду. День выдался теплый и свѣтлый, съ той печальной ласковостью, когда солнце точно прощается съ землей и даритъ ее своими послѣдними поцѣлуями. Въ самомъ воздухѣ чувствовалась близость холоднаго покоя.

— А всетаки хорошо...—думалъ вслухъ Теплоуховъ, когда они вышли на монастырскій поемный лугъ, выступавшій въ озеро двумя лѣсистыми мысками. — Вѣдь вотъ чего проще: заливной лугъ. Мало ли у насъ такихъ луговъ по р. Камчужной, а вотъ, подите, монастырскій лугъ кажется особеннымъ... да... И хлѣбъ обительскій тоже особенный, мы его съ женой домой увозимъ, и щи, и каша. Да все особенно...

Они присѣли на сваленное бревно, гнившее безъ всякаго

основанія. Теплоуховъ оглянулся и заговорилъ уже другимъ тономъ:

— А вѣдь я тогда обманулъ игумна... Ей Богу! Вѣдь нарочно пріѣзжалъ ему каяться, а словъ то и не хватило. Нѣту настоящихъ словъ—и шабашъ. У меня такая бываетъ смертная тоска... Слава Богу, кажется, все есть, и можно сказать, что всего есть даже черезъ число. Нѣтъ, тоска... А тутъ... Да, тутъ вышелъ совсѣмъ даже особенный случай...

Онъ сдѣлалъ остановку, перевелъ духъ, оглядѣлся кругомъ и заговорилъ уже шопотомъ:

— Мнѣ все исправникъ Палъ Митричъ представляется... Тогда ѣду въ обитель, а онъ спрятался за сосну и этакъ меня пальчикомъ манитъ. Въ такомъ родѣ, что вотъ-вотъ скажетъ: „Голубчикъ, Никаноръ Ефимычъ, выпьемъ по маленькой"... Ей Богу! Трясетъ меня, потомъ холоднымъ прошибло, а онъ все по сторонѣ дороги за мной бѣжитъ... И вѣдь какъ ловко: то за дерево спрячется, то за бугорокъ, то въ канавку скачетъ. Откуда прыть, подумаешь... А мой кучеръ какъ есть ничего не видитъ. Еле живъ я тогда до обители добрался. Ну, думаю, игуменъ отмолитъ навожденіе... Два дня прожилъ, а сказать ничего не могъ.

— Можетъ быть, вы много пили передъ этимъ?—спросилъ Половецкій безъ церемоніи.

— Напитки принимаемъ, это дѣйствительно, но только свою плепорцію весьма соблюдаемъ и никогда въ запойныхъ не состояли...

— А вашъ отецъ пилъ?

— Ну, это другой фасонъ... Тятенька отъ запоя и померши. Такъ это разсердились на кучера, посинѣлъ, пѣна изъ устъ и никакого дыханія. Это, дѣйствительно, было-съ. Тятенька пили тоже временами, а не то, чтобы постоянно, какъ пьютъ дьякона или вонъ поваръ Егорка. А я-то испорченъ... Была одна женщина... Самъ, конечно, виноватъ... да... Холостымъ былъ тогда, ну баловство... Она-то потомъ вотъ какъ убивалась и руки на себя непремѣнно хотѣла наложить. Ну, а добрые люди и научили...

Наступалъ тихій осенній вечеръ съ своей грустной красотой. Озеро чуть шумѣло мелкой осенней волной. Половецкій задумался, какъ это бываетъ въ такіе вечера, когда на душѣ и грустно, и хорошо безъ всякой побудительной причины. Его изъ задумчивости вывелъ Теплоуховъ.

— Смотрите, смотрите, какъ святой отецъ удираетъ...—шепнулъ онъ, показывая головой на кусты ивняка, обходившіе зеленой каймой невидимое моховое болотце.

Дѣйствительно, на опушкѣ стоялъ, покачиваясь, поваръ

Егорушка, а между кустами мелькала сгорбленная фигура брата Ираклія.

— Эй, отецъ, куда ты торопишься?—окликнулъ его Теплоуховъ. — Иди къ намъ, поговоримъ... Соскучился я о тебѣ, братчикъ.

Братъ Ираклій нерѣшительно остановился, но, увидѣвъ Половецкаго, вышелъ изъ кустовъ. Очевидно, ему не хотѣлось показать себя трусомъ.

— Что же, я и подойду... — говорилъ онъ, дергая своей жилистой шеей.—Даже очень просто...

— Ну, садись рядкомъ да поговоримъ ладкомъ,—приглашалъ Теплоуховъ.—Про тебя все Палагея Семеновна спрашиваетъ... Соскучилась, говоритъ. Заходи ужо къ намъ чайку испить...

Присѣвшій было на бревно братъ Ираклій вскочилъ, какъ ужаленный. Онъ какъ-то жалко улыбался и смотрѣлъ на Теплоухова испуганными глазами.

— Да, пришелъ бы, братчикъ,—продолжалъ Теплоуховъ.— Палагея Семеновна малиновымъ вареньемъ угоститъ... А ты разсказалъ бы ей какой-нибудь сонъ.

Братъ Ираклій весь побѣлѣлъ, плюнулъ и бѣгомъ бросился къ монастырской оградѣ.

— Ей, отецъ, воротись!—кричалъ Теплоуховъ, надрываясь отъ смѣха.—Ха-ха... Не любитъ.

— Вы его чѣмъ-то обидѣли?—замѣтилъ Половецкій.

— Нѣтъ, такъ... къ слову... Вѣдь онъ дѣвственникъ и боится женщинъ. А Палагея Семеновна очень его любитъ. Она у меня особенная... Весьма все божественное уважаетъ. Училась-то по псалтыри да по часовнику...

— А сны при чемъ?

— Ахъ, это совсѣмъ другое... Больной онъ, Ираклій, и человѣкъ строгой жизни. Я его тоже очень люблю... Днемъ-то у него все хорошо идетъ по части спасенія души, а по ночамъ разные неподобные сны одолѣваютъ. И то, и другое приснится, и на счетъ женскаго полу случается... Ну, ему это и обидно, что благодать отъ него отступаетъ.

— Такого человѣка можно пожалѣть, а не смѣяться надъ нимъ...

— Совершенно вѣрно изволите выражаться. Но строптивецъ онъ, доносы разные пишетъ на всю братію... Ну, пусть и самъ потерпитъ. Въ ихнемъ званіи это даже полагается... Терпи—и конецъ тому дѣлу. Которая дурь-то и соскочитъ сама собой...

Половецкій потомъ видѣлъ мелькомъ Палагею Семеновну. Это была красивая, рослая молодая женщина,—не красавица, но съ однимъ изъ тѣхъ удивительныхъ женскихъ русскихъ

лицъ, къ которымъ такъ идетъ эпитетъ „ясноликая“. У нея всякое движеніе было хорошо, а особенно взглядъ большихъ, сѣрыхъ, глубокихъ глазъ. И говорила она особенно—ровно и пѣвуче, съ какими-то особенно-нѣжными воркующими переливами въ голосѣ.

XII.

По случаю „престола“ въ обители публика толклась дня три. Половецкій съ европейской точки зрѣнія могъ только удивляться, сколько у этой публики свободнаго, ненужнаго времени. Между прочимъ, и Теплоуховы не представляли исключенія.

— Эхъ, пора домой!—повторялъ Теплоуховъ, когда встрѣчалъ Половецкаго.—И зачѣмъ только мы проѣдаемся въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ?.. Терпѣть не могу монаховъ, всѣ они дармоѣды.

— Ну, это вы говорите лишнее и даже не думаете того, что говорите.

— А у меня разныя мысли: дома—однѣ, въ дорогѣ—другія, въ обители—третьи...

Когда Теплоуховы уѣхали, и ихъ комната въ страннопріимницѣ освободилась, Половецкій опять хотѣлъ ее занять. Онъ отыскалъ свою котомку, спрятанную подъ лавкой, за сундучкомъ брата Павлина. Котомка показалась ему подозрительно тяжелой. Онъ быстро ее распаковалъ и обомлѣлъ: куклы не было, а вмѣсто нея положено было полѣно. Свидѣтелемъ этой нѣмой сцены опять былъ братъ Павлинъ, помогавшій Половецкому переѣзжать на старую квартиру. Для обоихъ было ясно, какъ день, что всю эту каверзу устроилъ братъ Ираклій.

— Михайло Петровичъ, Богъ съ вами...—бормоталъ братъ Павлинъ, перепуганный случившимся.

А Половецкій стоялъ блѣдный, съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ и смотрѣлъ на него дикими, ничего невидѣвшими глазами. Въ этотъ моментъ дверь осторожно пріотворилась, и показалась голова брата Ираклія. Половецкій, какъ дикій звѣрь, однимъ прыжкомъ бросился къ нему, схватилъ его за тонкую шею, втащилъ въ комнату и, задыхаясь, заговорилъ:

— Гдѣ кукла, несчастный?!.. Гдѣ кукла?!..

— Я... я... нне зна...аю...—бормоталъ братъ Ираклій, безсильно барахтаясь въ желѣзныхъ рукахъ обезумѣвшаго Половецкаго.—Я... я...

— Гдѣ кукла?!..

— Ираклій, отдай...—просилъ братъ Павлинъ.—Для чего она тебѣ?..

— Н-нѣ-ѣтъ у мменя ни-че-го... Отпустите меня...

— Гдѣ кукла?!—рычалъ Половецкій, не помня себя отъ ярости.

Брату Ираклію досталось-бы совсѣмъ плохо, если бы не вступился за него братъ Павлинъ.

— Михайло Петровичъ, опомнитесь... Михайло Петровичъ, Богъ съ вами...

Половецкій бросилъ брата Ираклія на лавку, какъ котенка, и загородилъ собою дверь.

— Ты отсюда живой все равно не выйдешь...—глухо говорилъ онъ.—Да, не уйдешь...

Братъ Павлинъ всталъ между ними и уговаривалъ брата Ираклія добромъ отдать куклу. Тотъ тяжело дышалъ и смотрѣлъ на Половецкаго злыми глазами.

— Нѣтъ у меня никакой куклы...—повторилъ онъ.

— А куда ее дѣлъ?—допытывалъ братъ Павлинъ.—Вотъ до чего довелъ Михайлу Петровича, строптивецъ... Ну, покайся добромъ, Ираклій...

На Ираклія напало непобѣдимое упрямство, и онъ даже улыбнулся кривой улыбкой, что опять взорвало Половецкаго.

— Га-а-а!..—зарычалъ онъ, бросаясь опять къ нему.—Тебѣ смѣшно, негодяю? Га-а-а...

Брату Павлину стоило большого труда предупредить новую схватку. Половецкій весь трясся отъ охватившаго его бѣшенства, а братъ Ираклій забился въ передній уголъ и устроилъ баррикаду изъ стола.

— Ираклій, голубчикъ, покайся... — умолялъ его братъ Павлинъ.—Вѣдь ты это такъ сдѣлалъ, не отъ ума... Злой духъ напалъ на тебя...

Почувствовавъ себя до нѣкоторой степени въ безопасности, братъ Ираклій проговорилъ:

— Что вы привязались ко мнѣ съ куклой? Можетъ, она сама ушла изъ обители...

Половецкій по какому-то наитію сразу понялъ все. Въ его головѣ молніей пронеслись сцены таинственныхъ переговоровъ брата Ираклія съ Егорушкой. Для него не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что куклу унесъ изъ обители именно поваръ Егорушка. Онъ даже не думалъ, съ какой это цѣлью могло быть сдѣлано, и почему унесъ выкраденную Ираклiемъ куклу Егорушка.

— Братъ Павлинъ, идемте...—рѣшительно заявилъ онъ.—Мнѣ васъ нужно...

Братъ Павлинъ повиновался безпрекословно. Когда они

вышли изъ комнаты, Половецкій спросилъ, не видалъ-ли онъ, когда ушелъ изъ обители поваръ Егорушка.

— А недавно... Съ часъ время не будетъ, Михайло Петровичъ.

— Это онъ унесъ куклу... Ради Бога, пойдемте со мной. Мы его еще успѣемъ догнать...

Прошло минутъ десять, пока братъ Павлинъ бѣгалъ отпрашиваться къ игумену. Половецкій ждалъ его за воротами.

— Ради Бога, скорѣе, -- умолялъ онъ. — Мы его догонимъ...

Они быстро зашагали по монастырской дорогѣ. Впереди никого не было видно. Половецкій молчалъ. Братъ Павлинъ едва поспѣвалъ за нимъ.

— Ахъ, какой случай...—повторялъ онъ.—Какой это вредный человѣкъ братъ Ираклій...

Такъ они прошли до самой повертки, гдѣ монастырскій проселокъ выходилъ на трактовую дорогу. Половецкій еще издали замѣтилъ курившійся подъ елью огонекъ и рѣшилъ про себя, что это сдѣлалъ привалъ поваръ Егорушка. Дѣйствительно, это былъ онъ.

— Да вѣдь это Егорка!... — изумился братъ Павлинъ. — Недалеко ушелъ...

Поваръ Егорушка лежалъ, уткнувшись лицомъ въ траву, и спалъ мертвымъ сномъ. Рядомъ съ нимъ въ качествѣ corpus delicti валялась пустая сороковка. Дорожная котомка замѣняла сначала подушку, а теперь валялась въ сторонѣ. Половецкій бросился къ ней и первое, что увидѣлъ — двѣ выставлявшихся изъ котомки кукольныхъ ноги.

— Я говорилъ... да...—радостно шепталъ Половецкій, торопливо развязывая котомку.

Проснувшійся Егорушка принялъ брата Павлина и Половецкаго за разбойниковъ и даже крикнулъ: караулъ! Но братъ Павлинъ зажалъ ему ротъ рукой.

— Это моя кукла, зачѣмъ ты ее стащилъ?—строго заговорилъ Половецкій.—Какъ ты смѣлъ...

— Никакъ нѣть-съ, вашескородіе... Это мнѣ Ираклій подсунулъ, чтобы я съ бумагой владыкѣ передалъ. Моей причины тутъ никакой нѣтъ... А чья кукла — спросите Ираклія.

Половецкій торопливо завязалъ куклу въ платокъ, сунулъ какую-то мелочь Егорушкѣ и молча зашагалъ обратно къ обители. Братъ Павлинъ едва его догналъ уже версты за двѣ.

— Михайло Петровичъ, знаете, какую штуку устроилъ нашъ Ираклій?—говорилъ онъ, едва переводя духъ. — Онъ написалъ на васъ новый доносъ, а къ доносу приложилъ

вашу куклу, чтобы Егорушка передалъ владыкѣ уже все вмѣстѣ. Вотъ вѣдь какую штуку удумаетъ вредный человѣкъ...

Половецкій ничего не отвѣчалъ. Онъ все еще не могъ успокоиться отъ пережитаго волненія.

Вечеромъ, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, Половецкій развернулъ узелокъ, посадилъ, какъ дѣлалъ обыкновенно, куклу на столъ и побѣлѣлъ отъ ужаса. Ему показалось, что это была не та кукла, не его кукла... Она походила на старую, но чего-то не хватало. Вѣдь не могъ же Ираклій ее поддѣлать...

— Нѣтъ, не та...—шепталъ Половецкій побѣлѣвшими отъ волненія губами.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

Если хочешь—я буду молчать,
Крикъ страданья въ груди затаю,
Пѣсню цѣпью холодной скую,
На уста наложу я печать.

Но тревоги мятежной души
Засверкаютъ во взорѣ моемъ
Гнѣвной молніи жгучимъ огнемъ...
Вырви очи, огонь потуши!

Но, слѣпой и нѣмой,—пока живъ,—
Я въ смиреньи поруки не дамъ:
Вѣдь Самсонъ отомстилъ же врагамъ,
Мощь въ десницѣ своей ощутивъ!..

С. Травиновъ.

Отпавшіе отъ православія въ язычество и магометанство.

Для тѣхъ, кто не живалъ въ восточныхъ окраинахъ Европейской Россіи, со словами, приведенными въ заголовкѣ нашей статьи, едва ли соединяется какое-нибудь опредѣленное, конкретное представленіе: религіозная жизнь нехристіанскихъ племенъ нашего отечества вообще очень мало у насъ извѣстна. А между тѣмъ, здѣсь, на инородческомъ востокѣ, вопросъ объ „отпавшихъ" очень большой и больной вопросъ, затрогивающій интересы широкихъ слоевъ инородческаго населенія. „Отпавшіе"—одна изъ самыхъ несчастныхъ группъ этого населенія, расплачивающаяся за грѣхи и ошибки—не свои, а предыдущихъ поколѣній. Въ сущности, названіе „отпавшихъ" совершенно неправильно присвоивается этой группѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ „отпавшіе" въ дѣйствительности никогда и не были христіанами, а только назывались ими, такъ что и „отпадать" имъ было не отъ чего.

Какъ извѣстно, въ сравнительно недалекомъ еще прошломъ обращеніе инородцевъ, магометанъ и язычниковъ, въ христіанство совершалось очень легко и быстро, цѣлыми массами; но дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала при этомъ видимости. „Обращенные" инородцы и послѣ того, какъ они зачислены были въ ряды православныхъ, — оставались на самомъ дѣлѣ такими же язычниками и магометанами, какими были ранѣе. Такъ выросли цѣлыя поколѣнія, мирно пребывавшія въ своемъ „двоевѣріи". Но порой это противорѣчіе между легальною видимостью и дѣйствительностью рѣзко вскрывается, — иногда благодаря какимъ-нибудь случайностямъ, чаще — въ моменты оживленія и подъема религіознаго настроенія этихъ номинальныхъ христіанъ, ведущаго за собою явныя „оказательства" ихъ непринадлежности къ тому исповѣданію, въ которомъ они законно „числятся". Они переходятъ тогда въ разрядъ „отпавшихъ" и несутъ на себѣ всѣ легальныя послѣдствія „отпаденія". И чѣмъ искреннѣе и глубже было то религіозное возбужденіе, которое

заставило ихъ разорвать съ номинальнымъ своимъ исповѣданiемъ тѣмъ тяжелѣе оказывается создающееся для нихъ вслѣдствiе этого „отпаденiя" положенiе—положенiе людей, не приставшихъ ни къ тому, ни къ другому берегу и не имѣющихъ возможности выполнять открыто обряды ни той, ни другой религiи.

Краснорѣчивую иллюстрацiю къ исторiи отпаденiй составляютъ судьбы секты „кугу-сортинцевъ", возникшей среди инородческаго населенiя Вятской губернiи въ послѣдней четверти прошлаго вѣка.

Въ послѣднiя десятилѣтiя въ средѣ инородцевъ восточной окраины вообще замѣчается какое-то особенное движенiе, свидѣтельствующее объ ихъ духовномъ ростѣ и о новыхъ, назрѣвшихъ въ ихъ нѣдрахъ, духовныхъ запросахъ. Неудовлетворяясь своими старыми языческими вѣрованiями и въ то же время не вѣдая истинной христiанской религiи, инородцы въ своемъ стремленiи удовлетворить этимъ запросамъ создаютъ новыя вѣроученiя, вкладывая въ нихъ свое новое мiросозерцанiе.

Такое вѣроученiе и появилось лѣтъ 20—25 въ Яранскомъ уѣздѣ, Вятской губернiи, въ средѣ крещеныхъ черемисъ, которые послѣ этого открыто отказались отъ православiя. Вѣроученiе это извѣстно подъ именемъ „кугу̀-сорта̀", — отъ названiя большой свѣчи, которая зажигается при моленiи.

Къ сожалѣнiю, „вѣроученiе „кугу̀-сорта̀" литературѣ нашей неизвѣстно",—говоритъ авторъ посвященной ему статьи: „Черемисское вѣроученiе", въ „Истор. Вѣст.," 1895 г., сентябрь. Это вѣрно почти буквально, ибо это ученiе послужило предметомъ содержанiя только двухъ брошюръ, напечатанныхъ въ Вяткѣ, въ 1893 году. Одна изъ нихъ называется: „Извлеченiе изъ дневника епархiальнаго миссiонера"—протоiерея о. Василiя Мышкина, а другая носитъ названiе: „Секта „кугу̀-сорта̀" среди черемисъ Яранскаго уѣзда", издана безъ означенiя имени автора. Сверхъ того, въ № 208 и № 209 „Прав. Вѣстника" за 1890 годъ, въ фельетонахъ, посвященныхъ особенностямъ быта инородцевъ волжско-камскаго края, по поводу казанской промышленной выставки 1890 г., есть нѣсколько интересныхъ строкъ, касающихся ученiя „кугу̀-сорта̀". Кромѣ того, можно еще указать на „Петерб. Вѣдомости" (№ 167, отъ 21 iюня 1898 г.), въ которыхъ помѣщена довольно большая статья о кугу̀-сортинцахъ, и на замѣтку г. Грумова въ „Красноярскихъ Губ. Вѣдомостяхъ".

А между тѣмъ, это вѣроученiе заслуживаетъ самого глубокаго вниманiя, свидѣтельствуя о чрезвычайно важномъ духовномъ кризисѣ, который теперь переживается нашими инородцами. Позволяемъ себѣ, поэтому, нѣсколько остановить на немъ вниманiе читателей. Въ дальнѣйшемъ изложенiи мы воспользуемся извлеченiями изъ упомянутыхъ двухъ брошюръ, приводимыми въ статьѣ „Истор. Вѣстника", опуская лишь все описанiе обрядовой стороны новаго черемисскаго вѣроученiя.

Послѣдователи вѣроученія „кугу-сорта“ утверждаютъ, что Богомъ создано и старой библіей установлено 77 вѣръ, по особой вѣрѣ для каждаго человѣческаго племени, и этимъ столько же разъединились народы, какъ разъединены Богомъ различныя древесныя породы: ель, липа, осина, береза и проч. Нѣкоторые черемисы говорятъ, что *старою* библіей установлено шесть вѣръ книжныхъ и одна не книжная, а языческая,—*язычная*... Признавая лишь устныя преданія, черемисы считаютъ, что существующая библія выдумана попами для обрусенія черемисъ, а старая, настоящая библія, по одному мнѣнію, скрыта попами, по другому—взята на небо, а по третьему—хранится за морями... Но, отрицая существующую библію, кугу̀-сор̀тинцы почитаютъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, особенно Авраама, и даже называютъ свою вѣру *авраамовскою*. „Для смягченія сердецъ“, кугу̀-сортинцы, по примѣру царя Давида, играютъ при моленіяхъ на гусляхъ...

Въ началѣ возникновенія этого вѣроученія мѣстное духовенство, стоящее въ сторонѣ отъ инородцевъ, не обращало на него большого вниманія. И только тогда, когда послѣдователи „кугу̀-сорта̀“, 27-го декабря 1887 г., подали прошеніе государю о дозволеніи имъ безпрепятственно исповѣдывать новую вѣру, а затѣмъ стали открыто заявлять о своемъ отпаденіи, тогда начались дознанія и разслѣдованія.

На вопросъ о томъ, какой они вѣры, „отпавшіе“ называли себя „изустно язычествующими бѣлыми черемисами“, а ученіе свое—„вѣрованіемъ древне-бѣло-черемисской, потомственно-обычной вѣры и обряда кугу̀-сорта̀“; они объясняли, что царь не запрещаетъ языческой вѣры; что Богъ далъ шесть вѣръ книжныхъ и одну *язычную*, которую они и признаютъ; что эта вѣра передается словами, изустно, отъ предковъ къ потомкамъ и для нихъ нѣтъ письменнаго божественнаго закона, нѣтъ таинствъ, и они знаютъ только *одного Бога, сотворившаго міръ*, которому и молятся, каждый про себя. Эта „легкая“ вѣра, какъ они называютъ, дана имъ, по ихъ мнѣнію, потому, что они, черемисы, люди неграмотные; обязанностей по этой вѣрѣ они никакихъ не несутъ и повинностей за нее не платятъ, не даютъ ни на церкви, ни на духовенство. Они утверждали, что предки ихъ не были христіанами и приняли христіанскую вѣру не по своей охотѣ и всегда оставались тайными язычниками; сами они также были записаны христіанами только для счета, *) а нынѣ желаютъ слѣдовать

*) Значеніе этого «счета» и его величины будетъ ясно, если мы приведемъ здѣсь «вопросъ и отвѣтъ» изъ «Церковнаго Вѣстн.» за прошлый годъ, на которые указываютъ «С.-Пет. Вѣд.» (№ 40, 1902 г.). *Вопросъ*: «Который изъ двухъ священниковъ можетъ получить орденъ св. Анны 3 ст. по статуту—*склонившій къ присоединенію къ православію* болѣе 100 раскольниковъ или же *только* совершившій надъ ними *обрядъ присоединенія*?»

примѣру предковъ. Какъ на причину отпаденія въ язычество, они указывали на денежную притязательность духовенства, особенно при вѣнчаніяхъ и похоронахъ, и на тяжесть платежа руги, а затѣмъ также и на то, что они не могутъ быть хорошими христіанами уже по одному тому, что не понимаютъ церковно-славянскаго языка и обрядовъ православной церкви, а духовенство не знаетъ ихъ языка. Они убѣждены, что духовенство возбудило противъ нихъ преслѣдованіе изъ-за отказа ихъ платить ругу, ибо когда они раньше изъ робости исправно отдавали ругу и вносили платежи на церковь и содержаніе причтовъ, то духовенство, хорошо зная, что они язычники—молчало.

Царя язычники считаютъ земнымъ Богомъ, но признаютъ обязательными для себя лишь законы гражданскіе, не имѣющіе никакого отношенія къ вѣрѣ. Отбывать воинскую повинность и общественныя службы по выборамъ они соглашаются, но только подъ условіемъ, если они не будутъ при этомъ принимать присягу.

„Чистымъ и свѣтлымъ духомъ поклоняемся мы Высочайшему Единому Богу, Вседержителю Міра,—говорили черемисы на допросахъ.—Поклоняемся, безъ сотворенія кумира. А чернаго духа, кереметя, отвергаемъ!..“

Вмѣстѣ съ тѣмъ, они не признаютъ и кровавыхъ жертвъ, которыя приносились ихъ предками.

„Моленіе у насъ бываетъ такъ, — описывали черемисы въ своемъ прошеніи, поданномъ въ судъ,—всѣ стоимъ на ногахъ; не крестясь, одними поклонами всѣ до одного съ усердіемъ просимъ Высочайшаго Бога, чтобы онъ простилъ намъ грѣхи, далъ здоровья намъ и нашему скоту, урожай хлѣбовъ, сохранилъ бы отъ всѣхъ несчастныхъ бѣдствій, благодаримъ Высочайшаго Бога за все прежнее, приносимъ моленіе за Царя и за весь Его Царскій Домъ, за все воинство, начальство и добрыхъ людей, за всѣхъ умершихъ, которые уготовали бы Царство небесное. Моленіе совершаемъ въ домахъ и лѣсныхъ рощахъ древнихъ временъ по принятымъ нами обычаямъ; исполненіе церковныхъ правилъ не требуется, почему и не можемъ ихъ исполнять“.

Какъ видно изъ этого, „между кугу̀-сорта̀ и прежними языческими преданіями черемисъ нѣтъ ничего общаго, — замѣчаетъ авторъ цитированной выше статьи г. С. М. С—овъ *), и ученіе „кугу̀-сорта̀“ представляется совершенно новымъ явленіемъ въ духовной жизни черемисъ, не имѣющимъ еще прочно установившихся формъ, а находящимся въ періодѣ дальнѣйшаго развитія.

Отвѣтъ: «Ни тотъ, ни другой, такъ какъ этотъ орденъ по статуту онаго дается лишь за обращеніе въ православную вѣру 100 язычниковъ». Послѣ этого, конечно, понятно стремленіе каждаго миссіонера увеличить свой «счетъ» елико возможно, заботясь лишь о количествѣ «обращенныхъ»...

*) «Истор. Вѣст.» сентябрь, 1895 г.

Ясно, что въ духовномъ міросозерцаніи сектантовъ „кугу̀-сорта̀“, въ сравненіи съ грубыми вѣрованіями ихъ предковъ, видимъ крупный прогрессъ, направленный на реформированіе прежнихъ языческихъ вѣрованій черемисскаго племени“. Г. С. М. С—овъ приводитъ при этомъ мнѣніе миссіонера г. Романова, изслѣдователя вѣроученія „кугу̀-сорта̀“, находившаго, что религіозное движеніе, свидѣтельствуя о духовномъ прогрессѣ черемисъ, въ то же время свидѣтельствуетъ о развитіи въ черемисахъ національнаго самосознанія и о желаніи сплотить черемисское племя путемъ крѣпкаго охраненія его языка, особенностей быта и главное—самостоятельной вѣры. Считая эту цѣль вполнѣ естественной и законной, г. С. М. С—овъ задается въ то же время вопросомъ: можно ли назвать язычествомъ поклоненіе единому высочайшему Богу?.. Тѣмъ болѣе, что богомоленіе этихъ „отпавшихъ“ представляетъ, въ сущности, близкое подражаніе православному богослуженію, вплоть до таинства причащенія. Поэтому намъ кажется совершенно справедливымъ замѣчаніе автора статьи: „Язычество въ Вятской губ.“ *), что секта „кугу̀-сорта̀“ является по существу христіанской, но только раціоналистическаго характера.

Убѣжденные, что царь не запрещаетъ имъ „вѣрить по своему“, черемисы подавали, между прочимъ, такое прошеніе въ яранское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе: „На церковно-приходскомъ сходѣ села Краснорѣцкаго, Кадалинской волости,—объясняли они,—мы отказались отъ церковныхъ сборовъ и отъ работъ по случаю нашей древне-черемисской языческой вѣры. Не смотря на это, насъ наряжаютъ на таковыя, а потому покорнѣйше просимъ насъ отъ церковныхъ сборовъ и отъ работъ по случаю нашей вѣры освободить“.

Но еще замѣчательнѣе то, что эти „отпавшіе“ экспонировали на казанской выставкѣ въ 1890 году всѣ предметы, употребляемые ими при своихъ богослуженіяхъ (Казань, 1890 г., 107 стр. 1-го научнаго отдѣла каталога — отдѣлъ историко-этнографическій; объ этомъ имѣется также замѣтка въ брошюрѣ И. Н. Смирнова „Этнографія на казанской научно-пром. выставкѣ. Казань, 1890“). Всего было выставлено до 70 предметовъ. За это комитетъ выставки присудилъ медаль „за трудолюбіе“ Ивану Иванову, а обществу крестьянъ деревни Упши похвальный листъ. Послѣдователи „кугу̀-сорта̀“ истолковали эти награды въ томъ смыслѣ, что начальство признало ихъ вѣру, за которую и дало имъ награду.

— Скажите-же пожалуйста, съ какою цѣлью вы представили на выставку принадлежности вашей вѣры?—спрашивалъ черемисъ г. Мошковъ („Городъ Царевококшайскъ“, Ежемѣсячныя приложенія къ „Нивѣ“, за 1901 г., № 5).

---

*) «Жизнь» № 12, 1900 г.

— Мы хотѣли ознакомить съ ними русское общество, хотѣли показать, что въ нашей вѣрѣ нѣтъ ничего вреднаго, позорнаго и запрещеннаго,—отвѣчали они.—Мы ничего и ни отъ кого не скрываемъ: приходи и спрашивай насъ о чемъ угодно, мы ничего не утаимъ, потому что въ нашей вѣрѣ нѣтъ ничего тайнаго. У насъ даже нарочно все время оставался на выставкѣ нашъ человѣкъ, который давалъ публикѣ всѣ объясненія.

Вскорѣ, однако, кугу-сортинцамъ пришлось горько разочароваться въ значеніи полученныхъ ими наградъ. Начальство привлекло ихъ къ суду по 185 статьѣ ул. о наказаніяхъ, какъ отпавшихъ въ язычество. Всѣхъ дѣлъ было разсмотрѣно въ теченіе трехъ лѣтъ, 1890—1892 г., 14. Изъ числа привлеченныхъ къ суду осуждено 23 лица, оправдано 1 лицо, во время слѣдствія и суда 1 лицо вновь присоединилось къ православію и 1 лицо присоединилось послѣ обвинительнаго приговора. Это, вѣроятно, сотскій Ружбѣляевъ, который въ виду взятія въ опеку его имущества и отдачи, по постановленію суда, въ распоряженіе опекуновъ, воскликнулъ: „У меня 15 тысячъ денегъ и я долженъ отдать опекуну распоряженіе ими? Ни за что"!...

Впрочемъ, приведемъ лучше простой и безыскуственный разсказъ самихъ кугу-сортинцевъ о ихъ печальной судьбѣ, слышанный г. Мошковымъ въ г. Царевококшайскѣ. „Мы родомъ не здѣшніе,—разсказывали они,—а изъ Яранскаго уѣзда, изъ разныхъ волостей и изъ разныхъ деревень (Упши, Большого Ерша, Больше-Рудкинскаго и Яштурода). Хотя мы и числились православными, но въ сущности никогда ими не были. Мы православія даже и не знали, никто насъ ему никогда не училъ, такъ какіе же мы православные? Наша языческая вѣра существовала издревле у нашихъ дѣдовъ и отцовъ. Но они скрывали ее изъ страха передъ властями. Мы первые, которые открыто заявили свою вѣру. Начальство, свѣтское и духовное, уже давно знало, что мы не хотимъ быть православными, но не обращало на насъ вниманія. Тогда то мы и представили принадлежности нашего богослуженія на казанскую выставку. Такъ бы мы и жили спокойно до настоящаго времени, да на бѣду мы отказались платить духовенству ругу. Вотъ тогда то и начались наши бѣды. Начальство предложило деревенскому обществу дать приговоръ объ административной высылкѣ насъ, какъ зачинщиковъ, въ Сибирь. Дѣло это сначала не удавалось, потому что нашу сторону принялъ земскій начальникъ; но, въ концѣ концовъ, насъ восьмерыхъ выслали въ Сибирь на поселеніе, половину въ Маріинскій уѣздъ Томской губерніи, а половину въ Ишимскій уѣздъ Тобольской губерніи. Это случилось въ 1893 году *). Жилось намъ въ Сибири очень плохо... Въ 1897 году, по случаю коронаціи, вышелъ манифестъ объ освобожденіи административ-

*) Т. е. послѣ суда уже.

ныхъ ссыльныхъ. Мы, узнавши объ этомъ, подали прошеніе къ губернатору и получили билетъ на свободное возвращеніе обратно въ Россію, только безъ права жить въ нашемъ родномъ уѣздѣ. Однако, мы, какъ только въѣхали въ Россію, такъ и отправились прежде всего домой, въ наши села, потому что намъ некуда было больше идти. Прожили мы тамъ два мѣсяца, а потомъ священники узнали о нашемъ пребываніи и донесли. Высидѣли мы четыре дня въ арестномъ домѣ за переходъ границы, а потомъ насъ по сельскому этапу препроводили сюда. Проживши здѣсь нѣкоторое время, мы попросились у исправника, чтобы онъ позволилъ намъ жить въ деревнѣ Ошламчакша, Арвинской волости, здѣшняго Царевококшайскаго уѣзда (всего верстахъ въ пяти отъ нашей родной деревни). Намъ разрѣшили. Мы прожили тамъ мѣсяцъ или два, а потомъ насъ зовутъ въ волостное правленіе. Туда пріѣхалъ нашъ исправникъ и говоритъ намъ: „Ну, братцы, вамъ надо переѣхать опять въ Царевъ, потому что ваше духовенство не позволяетъ вамъ жить здѣсь". Мы переѣхали сюда и уже больше отсюда не отлучались. Только одинъ изъ насъ нанялся было служить въ селѣ Кутьялахъ, Арвинской волости. Прожилъ онъ тамъ недѣли три, а потомъ разъ ночью пріѣзжаетъ на мельницу урядникъ изъ Яранскаго уѣзда, постучалъ къ нему, посмотрѣлъ на него и уѣхалъ. А потомъ оттуда написали къ нашему исправнику бумагу, человѣкъ нашъ вернулся сюда, и съ тѣхъ поръ мы здѣсь окончательно поселились. Такъ мы устроились и попривыкли здѣсь, люди здѣсь хорошіе, да бѣда только въ томъ, что мы и здѣсь-то еще не приписаны, а числимся все еще въ Сибири. Къ сельскому обществу намъ приписаться нельзя: надо землю свою имѣть; хотѣли было записаться мы въ городскіе мѣщане. Все сначала устроилось хорошо, и городской голова соглашался, и исправникъ, да узнало про это наше яранское духовенство, написало, кому слѣдуетъ, бумагу—и намъ отказали. Все бы ничего, здѣсь жить можно, да приходится каждый годъ выправлять паспорта изъ Сибири. Спасибо здѣшнему исправнику: хорошій онъ человѣкъ, дай ему Богъ здоровья, онъ все насъ жалѣетъ и самъ выписываетъ намъ каждый годъ паспорта,—а то чтобы мы безъ него подѣлали? Вотъ хотимъ теперь подавать прошеніе въ министерство, чтобы намъ дозволили гдѣ нибудь здѣсь приписаться"...

Всѣ мѣста своего разсказа кугу-сортинцы подтверждали соотвѣтствующими бумагами, и вообще они бережно сохраняютъ не только всю переписку по поводу ихъ дѣла, но даже хранятъ всѣ вырѣзки изъ газетъ, заключающія замѣтки и статьи о нихъ и объ ихъ вѣрованіи, при чемъ съ трогательной наивностью ссылаются въ своихъ прошеніяхъ на эти статьи, какъ на законы. „Лицъ, изъ-за которыхъ пришлось пострадать кугу-сортинцамъ, ни одинъ изъ нихъ ни разу не побранилъ,—говоритъ г. Мошковъ,—а о несчастіяхъ своихъ они разсказывали такъ, какъ будто виновни-

ками ихъ были не люди, а какія то непреоборимыя силы природы, вродѣ пожара, наводненія или землетрясенія. Ихъ религіозное движеніе имѣло отдаленное сходство съ нашимъ расколомъ, но только безъ его нетерпимости и ожесточенія. Что касается высокой нравственности царевококшайскихъ кугу̀-сортинцевъ, то оспаривать ее нѣтъ никакого основанія: „Кугу̀-сортинцы" славятся своей необыкновенной честностью и чистотой нравовъ Нѣтъ, говорятъ, человѣка болѣе честнаго и добросовѣстнаго, въ качествѣ ли торговца, служащаго или работника, какъ кугу̀-сортинецъ. Если ему поручить какое-либо дѣло, то можно спать спокойно, — этотъ человѣкъ будетъ заботиться о немъ, какъ о своемъ собственномъ, и не утаитъ ни единаго гроша, хотя бы ему были довѣрены безконтрольно какія угодно суммы. Интересно, что такіе отзывы о кугу-сортинцахъ даютъ не только обыкновенные смертные, но даже служащіе въ полиціи, которые по самой своей профессіи несклонны бываютъ къ иллюзіямъ".

Братья Якмановы и другіе „коноводы" и „зачинщики",—которымъ у насъ, по обыкновенію, приписали все зло и въ этомъ случаѣ,—понесли кару, и оффиціально секта считается уже не существующей, хотя внутренняя духовная эволюція, совершающаяся въ таинственныхъ нѣдрахъ инородческихъ народовъ, разумѣется, продолжается попрежнему. Карой и преслѣдованіемъ „зачинщиковъ" нельзя было, конечно, уничтожить всѣхъ кугу̀-сортинцевъ, которыхъ собиралось до 300 человѣкъ на каждое моленіе *). Теперь они только затаили свои задушевныя стремленія и вѣрованія внутри себя.

Въ Яранскомъ уѣздѣ мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось побывать, а потому не пришлось видѣть лично и „кугу̀-сортинцевъ". Но за то мнѣ случилось познакомиться въ Елабужскомъ уѣздѣ съ „отпавшими отъ православія магометанами".

Хотя встрѣча съ ними была непродолжительна,—во время моей землемѣрской работы; но такъ какъ эти „отпавшіе" представляютъ одно изъ самыхъ печальныхъ явленій нашей жизни, которое къ тому же большинству читателей почти совсѣмъ не извѣстно, то я нахожу не безполезнымъ сообщить о томъ немногомъ, что мнѣ удалось видѣть и узнать о нихъ. Быть можетъ, мои скудныя свѣдѣнія объ „отпавшихъ" обратятъ вниманіе общества на положеніе послѣднихъ, благодаря которому,

---

*) Что «отпавшіе» попрежнему продолжаютъ существовать, видно хотя бы изъ корреспонденціи «Нов. Вр.» (10 февраля 1902 г. № 9317), гдѣ сообщается, что некрещеными и крещеными черемисами Яранскаго и Уфимскаго уѣздовъ и нынѣ совершаются грандіозныя моленія съ жертвоприношеніями, при чемъ послѣднія оправдываются черемисами примѣромъ Авраама и древностью *авраамовой* вѣры предъ христіанской. Въ названіи вѣры—*авраамовой* слышится явный отголосокъ ученія «кугу-сортинцевъ»...

„отпавшіе“ являются лишенными всѣхъ правъ состоянія и какъ бы стоящими внѣ закона.

Къ этому я долженъ еще добавить, что я живу въ такомъ захолустьѣ, гдѣ нельзя достать даже и тѣхъ очень скудныхъ сообщеній, каковыя имѣются въ печати объ „отпавшихъ магометанахъ“, и мнѣ по неволѣ приходится ограничиться передачей только лично слышаннаго и видѣннаго.

Объ „отпавшихъ“ татарахъ я узналъ въ первый разъ, живя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Казани, изъ судебнаго отчета, помѣщеннаго въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“. Въ этомъ отчетѣ сообщалось о томъ, что въ одномъ изъ окружныхъ судовъ судилось нѣсколько человѣкъ уфимскихъ татаръ, которые никакъ не могли понять своей вины и того, за что ихъ судятъ.

— Вѣдь вы православные? Вы были крещены?—спрашивали ихъ.

— Засѣмъ кряшенъ? Ми не кряшенъ... Не православъ... Ми мухаметанъ...—горячо увѣряли они.

— Но вѣдь вотъ метрики. Тамъ вы записаны.

— Засѣмъ писаны?.. Ми не хотимъ писаны... Наша вѣра мухаметанской... Ми мусульманъ...

— Но вѣдь тебя вотъ зовутъ Николаемъ, а тебя Петромъ... Вы такъ и записаны.

— Нитъ, засѣмъ Пэтра? Засѣмъ Микола?.. Я Хабибулла, а туварища Тухватулла... Засѣмъ Пэтра!..

Помню, что, по словамъ отчета, все засѣданіе суда по этому дѣлу прошло именно въ подобныхъ препирательствахъ, въ которыхъ ни судъ, ни подсудимые никакъ не могли разъяснить хорошенько, въ чемъ заключается „преступленіе“ обвиняемыхъ татаръ. Судъ старался подробнѣе и обстоятельнѣе разъяснить имъ, что они не магометане и не имѣютъ права такъ вѣрить, а должны вѣрить по православному, потому что еще ихъ отцы были крещены и записаны въ метрики... Если же они не перестанутъ исповѣдывать магометанство, то они совершатъ тяжкое преступленіе, за которое должны понести суровое наказаніе...

Обвиняемые-же твердили, что они все время были магометанами, всегда исповѣдывали эту религію и не могутъ вѣрить иначе, а о православной вѣрѣ не имѣютъ даже понятія и худого никому ничего не сдѣлали, почему ни какой вины за собой признать не могутъ.

— Вотъ вы служите среди татаръ,—обратился я вскорѣ послѣ прочтенія этого отчета къ знакомому волостному писарю „изъ интеллигентныхъ“, г-ну П. Не можете-ли вы объяснить мнѣ, что это такое за „отпавшіе отъ православія татары“? Давно ли началось ихъ отпаденіе? Какимъ образомъ? Подъ вліяніемъ какихъ причинъ? Каково ихъ настоящее положеніе?..

— Тяжелое ихъ положеніе,—отвѣтилъ мнѣ г. П.,—очень тя-

желое... Это какіе-то паріи и буквально лишенные всѣхъ правъ состоянія... Я хотѣлъ было какъ-то даже написать объ этомъ статейку, да, знаете-ли, все дѣлишки разныя мѣшали, то да се... Такъ и не могъ собраться... А интересно! Давно бы пора обратить на нихъ вниманіе, между тѣмъ, до сихъ поръ ничего дѣльнаго о нихъ не встрѣчалось... Впрочемъ, можетъ быть, и было что, но только мнѣ-то на глаза не попадалось...

— Исторія этихъ „отпавшихъ“ еще требуетъ изученія, требуетъ основательнаго обслѣдованія,—продолжалъ г. П. — Мнѣ, по крайней мѣрѣ, она неясна во многомъ... Служу я писаремъ, правда, еще недавно и достаточно вникнуть въ подробности не успѣлъ. Ну, да и трудненько что-нибудь разузнать: заговоришь объ этомъ съ муллой или съ какимъ умнымъ татариномъ—онъ или притворится, что не понимаетъ, или разговоръ на что-нибудь другое переведетъ...

— Напуганы,—ну, и боятся...

— Какъ извѣстно, еще при покореніи татаръ ихъ крестили силой цѣлыми деревнями. Приводили ихъ силой же въ православную вѣру и потомъ, особенно въ разныя аракчеевскія времена... Крестить то ихъ крестили, но затѣмъ ихъ оставили на полный произволъ. И образъ жизни, и всѣ обычаи крещеныхъ татаръ оставались прежніе. Правда, ихъ гоняли силой въ церковь и заставляли изъ-подъ палки исполнять,—конечно, внѣшнимъ только образомъ,—нѣкоторые христіанскіе обряды. Но при этомъ никто не пытался даже научить новокрещенныхъ хотя бы русской грамотѣ, сообщить хотя самыя краткія понятія о новой вѣрѣ... Да и некому было!.. Священники татарскаго языка не знали. Книгъ духовныхъ на татарскомъ языкѣ не было. Богослуженіе совершалось на церковно-славянскомъ языкѣ, который и русскому то простому человѣку непонятенъ. Что же могъ понять татаринъ, даже если бы и пожелалъ?.. Бѣдное и само, темное духовенство, занятое собираніемъ „руги“, вполнѣ довольствовалось формальнымъ отношеніемъ къ религіи со стороны новыхъ христіанъ. Крещеные же татары, посѣщая для вида церковь, тѣмъ не менѣе всячески старались какъ-нибудь избѣжать исполненія христіанскихъ обрядовъ, особенно крещенія и брака.

Новокрещенцы не жалѣли денегъ, откупаясь отъ исполненія обрядовъ, и послѣдніе поэтому часто не совершались на самомъ дѣлѣ, а лишь заносились въ книги.

Такъ дѣло шло все время. Кое-гдѣ татары открыто переходили снова въ магометанство, но небольшими группами, большею частью отдѣльными семьями. Ихъ жестоко наказывали и ссылали, такъ что отъ нихъ не оставалось и слѣда.

Но, вотъ, лѣтъ тридцать тому назадъ (послѣднія метрическія записи изъ церквей нашей волости имѣются за 1866—1868 года и то уже мало) начались массовыя отпаденія татаръ отъ право-

славія. Христіане-татары прямо заявляли духовенству и начальству, что они исповѣдывать христіанство болѣе не желаютъ, что они вѣрили, вѣрятъ и будутъ вѣрить только такъ, какъ велитъ магометанство, ихъ „родная вѣра".

Тогда ихъ стали приводить обратно въ православіе...

И теперь „отпавшіе" боятся даже говорить о томъ времени, только вздыхаютъ, вспоминая о немъ... Послѣ экзекуцій, многихъ татаръ выслали въ Сибирь, но остальные продолжали „упорствовать". Бились-бились съ ними—ничего не могли подѣлать! Такъ и оставили, наконецъ, ихъ на произволъ судьбы...

„Отпавшіе" вздохнули легче. Христіанство прошло для нихъ совершенно безслѣдно и отъ того времени осталось только празднованіе по привычкѣ такихъ дней, какъ: Никола, Петровки, Михайловъ день. Больше же отъ вѣкового исповѣданія христіанства не осталось ничего... Татарскія имена, прежде скрываемыя, теперь, съ отпаденіемъ отъ православія, открыто замѣнили оффиціальныя христіанскія, и вмѣсто Ивановъ, Никитъ, Николаевъ—всѣ стали Хайбуллами, Мендыбаями, а вмѣсто Акулинъ, Варваръ—Гайни Зямалами и Биби Сазидами... Но такъ какъ они въ метрическихъ книгахъ были записаны христіанскими именами, то эти имена за „отпавшими" и сохранились въ волостныхъ правленіяхъ въ такъ называемыхъ „посемейныхъ спискахъ". Такимъ образомъ, каждый „отпавшій" сталъ имѣть по два имени: одно русское, а другое татарское.

Живутъ „отпавшіе" обыкновенно отдѣльно отъ своихъ единовѣрцевъ-магометанъ, чаще составляя отдѣльныя слободы и улицы. Отъ некрещеныхъ магометанъ они встрѣчаютъ если и не ненависть, то самое меньшее—презрѣніе.

— Онъ крященъ... Онъ не настоящій мусульманъ...—говорятъ про „отпавшаго" остальные татары.

Такъ какъ оффиціально они признаются христіанами, то имъ не позволяется имѣть ни муллъ, ни мечетей; въ церковь же къ священникамъ они не идутъ, конечно, сами. Поэтому у нихъ нѣтъ ни „законныхъ" рожденій, ни „законныхъ" браковъ. Смерть же признается лишь потому, что „на смерть законъ не писанъ"... Бываютъ, правда, такіе муллы, хотя и рѣдко, которые за мзду готовы иногда совершить тайкомъ какой-нибудь обрядъ, но при этомъ „дерутъ", разумѣется, ужасно, и все равно обрядъ,—напр., брачный—не имѣетъ никакой законной силы...

Хотя закономъ 1878 года и заведены въ волостныхъ правленіяхъ метрическія книги для раскольниковъ и „отпавшихъ", но въ этихъ книгахъ съ самаго начала ихъ существованія въ нашемъ правленіи нѣтъ ни одной записи. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ. Причина этого—незнаніе большинствомъ „отпавшихъ" этого закона и недовѣріе ихъ ко всякаго рода распоряженіямъ, касающимся ихъ: очень ужъ памятно имъ то время, когда ихъ „при-

водили въ православіе". Поэтому въ посемейные списки приходится записывать „новорожденныхъ" уже 5—6 лѣтъ, со словъ сосѣдей, а въ военную службу брать по внѣшнему виду...

— Отчего же вы не записываетесь въ метрическую книгу?— спрашиваешь иногда.—Вѣдь это для вашей же пользы!..

— Крестили насъ,—наша же польза, калякали... Приводили опять въ православной вира—опять наша польза была... И се наша польза была, а намъ,—а-яй, бульно тяжела терпѣть была!.. Нитъ, на счетъ насъ, видно, законъ не настуящій, а пистрый... Какъ начальство хочитъ...

Судятся они между собой, по своему обычаю. Да трудно и разбирать ихъ имущественныя права, когда „отпавшіе" стоятъ какъ бы внѣ закона, лишены правъ состоянія и когда ихъ существованіе лишь „терпится"...

Если вздумаетъ „отпавшій" отдать своего сына въ какое-нибудь учебное заведеніе, то приходится брать паспортъ, въ которомъ значится, что мальчикъ „отпавшій отъ православія въ магометанство". А съ такимъ видомъ ни въ какое учебное заведеніе не принимаютъ,—у насъ нѣсколько такихъ случаевъ было... Такимъ образомъ, для „отпавшаго" наглухо закрыта дорога и къ образованію. Да и мало ли что терпятъ еще „отпавшіе". Приходитъ, напр., „отпавшій" съ такимъ паспортомъ наниматься на работу.

— А! Ни нада!—холодно отказываетъ ему единовѣрецъ, некрещеный татаринъ, возвращая ему паспортъ.—Ты кряшенъ... Ты Иванъ Игнатъ...

Идетъ „отпавшій" къ русскому. Тотъ, видя этого „Ивана Игната" въ „сяплашкѣ", говоритъ:

— Какой же ты, братецъ мой, Иванъ, коли ты въ сяплашкѣ? Нѣтъ, ступай съ Богомъ! пожалуй, съ тобой и грѣха недолго нажить...

Въ нашей волости есть семь деревень, въ которыхъ всѣ или половина татаръ „отпавшіе". Много ихъ и въ другихъ волостяхъ. Трудно сказать, сколько всего ихъ въ Казанской, Уфимской, Вятской и Оренбургской губерніяхъ... Насколько мнѣ извѣстно, болѣе или менѣе точныхъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи не предпринималось. Но во всякомъ случаѣ наберется не мало тысячъ"...

Къ этому мы добавимъ отъ себя, что „отпаденія" не прекращаются все время и до сихъ поръ, при чемъ „отпадаютъ" отъ православія въ магометанство то цѣлыя деревни, то отдѣльныя семьи. Послѣдній отчетъ „Братства св. Гурія" въ Казани, по словамъ корреспондента „Русск. Вѣдомостей" (№ 40, 9 февраля 1902 г.),—сообщаетъ, что „помимо такихъ отпаденій встрѣчаются случаи, когда и коренные русскіе отпадаютъ отъ православія. Особенно значительно число христіанъ, отпадающихъ въ магометанство".

Такъ, священникъ Егоровъ доноситъ, что, осматривая въ

прошломъ году порученныя его надзору школы и, объѣзжая съ этою цѣлью селенія, гдѣ онѣ находятся, онъ обнаружилъ такіе факты. Въ с. Большіе Савруши, окруженномъ со всѣхъ сторонъ мусульманскими деревнями, отпало отъ православія 12 крестьянскихъ семействъ, въ д. Яныли болѣе половины жителей „отпавшіе въ магометанство". Въ с. Янсалахъ о. Егоровъ обнаружилъ до 80 домовъ, отпавшихъ въ магометанство крещеныхъ татаръ. Присутствіе „отпавшихъ" въ магометанство онъ наблюдалъ и во многихъ другихъ селеніяхъ, гдѣ имѣются школы братства, а крещеные татары с. Три Сосны еще въ 1869 году даже подавали на высочайшее имя прошеніе о перечисленіи ихъ въ магометанство. Не смотря на такую давность „отпаденія" и упорство „отпавшихъ", о. Егоровъ „велъ съ собравшимся крестьянами продолжительную бесѣду о томъ, что христіанская вѣра есть единственная, истинная, спасительная, Богомъ данная вѣра, а магометанская и другія всѣ суть пагубныя, ложныя вѣры, выдуманныя людьми корыстными и грѣшными".

Другой священникъ отмѣчаетъ о переходѣ чувашъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ магометанство. Такой же переходъ мнѣ пришлось наблюдать самому и въ средѣ вотяковъ Малмыжскаго уѣзда.

Мало того, одинъ изъ наблюдателей за черемисскими школами сообщаетъ, что въ д. Вожеполь (Царевококшайскаго уѣзда) даже коренные русскіе очеремисились и перемѣнили свой русскій костюмъ на бѣлый черемисскій, при чемъ удовлетвореніе религіозныхъ потребностей значительно подчинилось вліянію язычествующихъ черемисъ: соблюдаютъ черемисскіе праздники и ходятъ на черемисскія моленія „ѣсть жертвенное мясо".

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ разсказа г. П*, мнѣ пришлось заѣхать по своимъ землемѣрскимъ дѣламъ въ большую татарскую деревню Турдали, Вятской губерніи.

Когда мы проѣзжали по ея кривымъ улицамъ, то мнѣ прежде всего бросилось въ глаза то, что въ деревнѣ не было мечети. Напрасно я оглядывался вокругъ, отыскивая тонкій, какъ-будто взлетающій къ небу, минаретъ,—его не было нигдѣ...

— Странно!—подумалъ я.—Большая татарская деревня—и безъ мечети!..

На „казенной фатерѣ", куда меня водворили, оказался обитающимъ какой-то мелочной торговецъ. Вмѣстѣ съ молодой женой, онъ ловко метался по комнатѣ, прибирая свой раскиданный скарбъ.

У одного изъ оконъ онъ устроилъ нѣчто вродѣ лавочки, соорудивъ подобіе прилавка изъ пустыхъ деревянныхъ ящиковъ. Округленными, „форсистыми" жестами онъ переставилъ, въ за-

ключеніе, съ мѣста на мѣсто гирьки, сдулъ съ желѣзныхъ чашекъ своего „баланца" пыль—и тѣмъ закончилъ уборку.

— Вы ужъ извините... Мы тутъ расположились на временное пребываніе,—сказалъ онъ, бойко оглядывая меня бѣгающими, какъ мышенки, глазами и потеребливая свѣтлую острую бороденку.

— Русскихъ здѣсь, окромя нашего хозяина, никого нѣтъ,— пропѣла жеманно его жена, запахивая на груди накинутый платочекъ.—А татарьемъ этимъ я оченно брезгую...

— Да-съ, изъ-за нее вотъ только и тѣснимся здѣсь,—подхватилъ мужъ.—Есть тутъ у Незамутона хорошенькое помѣщеньице,— ну, не хочетъ... Духъ, говоритъ, у татаръ чижолый,—отъ кобылятины, значитъ... Не терпитъ-съ! Я то ко всему принюхался, а она вновѣ еще—непривычна...

— Кусокъ въ горло не идетъ, мутитъ, какъ они эфтотъ запахъ противный распустятъ...

— Да-съ, даже не кушаетъ! Ну, я и пристроился, пока что, здѣсь... Недавно еще сюда перебрались, а до этого въ Кузебаевѣ торговали, у вотяковъ... Тоже самый паршивый народъ, надо прямо сказать... грязищи, вонищи у нихъ — не проворотишь, — хуже, чѣмъ свиньи живутъ!

Жена только молча сплюнула.

— Торговлишка ничего себѣ шла, всетаки оправдывала... Ну, только и скупы эти вотяченки, какъ аспиды!.. Жрутъ они всякую гадость—зайцевъ, напримѣръ, тухлыхъ, бѣлокъ—всякую падаль!.. Тошно и смотрѣть-то на нихъ! А хлѣбъ больше черствый, съ отрубями,—чтобы спорѣе былъ... А чтобы, напримѣръ, спичекъ тамъ или чего купить—да онъ скорѣе удавится, чѣмъ на это копѣйкой разорится! Сейчасъ это у него огниво, кремень, трутъ—все приспособлено... Только соль да табакъ и покупаютъ. Мыла даже не покупаютъ: кишокъ поквасятъ съ золой—и моютъ свою лопоть... Вина и то мало берутъ — все кумышку свою лакаютъ... Хоть и запрещена она, но они, подлецы, все продолжаютъ варить... Упрямствуютъ, мыши поганыя! Ужъ имъ-ли не попадаетъ, какъ вѣдь достается за это—и штрафуютъ-то ихъ и садятъ-то, а все не хотятъ покориться!.. Изъ за эстой самой дряни и я-то долждънъ былъ выѣхать-съ...

— Какъ такъ?

— Да оченно просто. Запримѣтилъ я у нихъ одно мѣстечко... потайное, значитъ, гдѣ они эту самую дрянь гонятъ... Погоди, думаю себѣ, устрою я штучку! Увидѣлъ потомъ урядника кумышечнаго... а урядникъ-то какъ разъ больно хорошо знакомъ былъ—Иванъ Иванычъ Благодатскихъ... Не слыхали-съ?.. Ну, я ему и говорю: „хочешь, молъ, деньгу заработать"? А имъ вѣдь съ каждаго штрафа за кумышку-то процентъ идетъ... „Хочу",— говоритъ.—„А угощенье будетъ?"—„Не пожалѣю!.." Ну, ладно

коли такъ, слушай—и выложилъ ему все.. Ну, и какъ дѣйствовать тоже научилъ... Онъ ихъ и покрылъ въ лучшемъ видѣ— трубы тамъ эфти разныя, котлы, весь заводъ ихъ разорилъ-съ... Хе-хе-хе!.. Ну, опосля того на меня вотяченки-то и окрысились: погоди, грозятся, Петырка, узнаешь ты, каковъ скусъ въ кумышкѣ... А я посмѣялся еще тогда: не боюсь, молъ, я васъ, мыши поганыя! Ну, только разъ и заманили они меня, проклятые, въ глухой переулочекъ, вечеркомъ, навалились на меня десятка два—и принялись... Ужъ и били-же, я вамъ доложу-съ!.. Такъ били, такъ били — ну, думаю, видно, смерть моя пришла... Только на мое счастье—вдругъ слышу, динь-динь-динь... Ѣдетъ кто-то! Вотяченки перепугались, меня бросили... Тѣмъ только и спасся! Доползъ кое-какъ до дому, насилу-насилу потомъ отдышался... Сейчасъ-же, значитъ, заявленіе сдѣлалъ,— слѣдствіе было... Какъ же-съ! Уголовное дѣло заведено-съ, какъ слѣдуетъ!.. А правая рука, между прочимъ, и по сейчасъ правильнаго дѣйствія не имѣетъ... не вполнѣ аккуратно дѣйствуетъ... Вотъ, извольте взглянуть — вотъ этакъ подниманіе имѣетъ, а этакъ вотъ уже нельзя—нѣтъ настоящаго владанія...

Лавочникъ живо и ловко, какъ будто радуясь происшедшему, вертѣлъ передо мной искалѣченной рукой.

— А за членовредительство мною особо гражданскій искъ предъявленъ-съ,—заключилъ онъ.—На счетъ обезпеченія по случаю неспособности къ работѣ...

— Вотъ онъ завсегда такой, — улыбаясь и видимо любуясь на молодечество своего мужа, проговорила его жена.—Жилъ бы себѣ тихо-смирно—нѣтъ, надо таки сунуться! Изъ Раменья, отъ столовѣровъ, этакъ-же пришлось убраться...

— А что-же, такъ имъ и давать потачку?—задорно отвѣтилъ лавочникъ.—А на что у насъ установленъ законъ-то? Начальство приказываетъ, и ты должо́нъ слушаться и исполнять всякое правило... а не фордыбачить! Я не могу этого терпѣть—карахтеръ у меня не допущаетъ этого.

— Изъ Раменья тоже пришлось убраться, точно-съ—обратился онъ ко мнѣ, опираясь о прилавокъ всѣми десятью пальцами, какъ настоящій гостинодворецъ. — Такъ вѣдь тамъ народъ-то какой—самые закоренѣлые столовѣры, кержаки сибирскіе... Православный человѣкъ ежели, такъ для нихъ хуже собаки—за поганаго почитаютъ... Развѣ это не обидно? А окромя того, завели себѣ какого-то попа, а впослѣдствіи времени оказательство вышло, что онъ бѣглый солдатъ изъ штрафного батальона... Нешто это порядокъ?

— Ну, и пусть. Тебѣ-то что?—вставила жена.

— Не могу я этого терпѣть! Что же это будетъ?.. Этакъ и я, пожалуй, скажу: какой, молъ, я чистопольскій мѣщанинъ,—я архіерей, молъ!.. Ну, а на ту пору пріѣзжаетъ какъ разъ стано-

вой... Митрій Семенычъ, фартовый такой становой былъ,—спуску эфтимъ кержакамъ не давалъ, ни Боже мой!.. Я ему и тово-съ... все по порядку и выложилъ... и про попа, и про богослуженія-то ихнія-съ... Онъ ихъ и сцапалъ. Ага, голубчики! Ну-ка, гдѣ онъ у васъ, попъ-то новоявленный?.. Хе-хе-хе!.. Такой шутникъ былъ становой!.. Зашли мы это въ ихнюю молельню—вся старыми иконами уставлена... Я возьми да нарочно, на зло имъ, и запали папироску—что, молъ, у нихъ будетъ?.. Ухъ, что только съ ними сталося—разорвать готовы были! Н-не любятъ они табачку этого нашенскаго, русскаго, хуже, чѣмъ чортъ ладона!.. Осквернилъ, говорятъ... А я-то запаливаю, я-то запаливаю... Накадилъ такъ, что у самого въ горлѣ запершило... Нна-те! Нюхайте, черти!..

Лавочникъ залился веселымъ, дребезжащимъ смѣшкомъ. Захихикала и жена.

— Такъ за то влетѣло тебѣ,—сквозь смѣхъ произнесла она.

— Такъ что? Эка невидаль!.. Помяли—это точно... И между прочимъ произошелъ нереломъ девятаго ребра и вывихъ ключицы... Самъ уѣздный докторъ Петръ Петровичъ господинъ Крыловъ удостовѣрили... Уголовное дѣло у насъ и по сейчасъ не окончено, потому какъ у насъ все по формѣ заведено и на все есть достовѣрные свидѣтели... Хе-хе-хе!.. Учить ихъ надо, мошенниковъ-съ,—впередъ не разбойничай!..

— Пожалуй, скоро и отсюда уѣзжать придется,—замѣтила загадочно жена.

— Не миновать-съ!..—подтвердилъ лавочникъ, пересыпая рукой какіе-то запыленные пряники, окрашенные пуксиномъ.

— Не миновать-съ,—повторилъ онъ, обернувши ко мнѣ оживленное, задорное лицо.—Очень ужъ эти сяплашки на меня серчаютъ... Проходу вѣдь я имъ не даю, вилкамъ капустнымъ,—дразню все... Вѣдь, они, ваше-скородіе, не настоящіе татары-то они вѣдь крещеные...

— Да?! Такъ вотъ почему у нихъ нѣтъ и мечети-то!—понялъ я теперь.

— Какъ же! По эфтому самому и мечети имъ не дозволяютъ строить. У нихъ и мулловъ не полагается, ничего!.. Есть тутъ у нихъ Ибрагишка, грамотный, поболтаетъ имъ чего—и все тутъ... Въ старину еще они крещены-то были, а потомъ опять въ свою вѣру перемахнули... Вотъ вѣдь какую пакость устроили! Нешто это позволяется? Коли бы ежели они настоящіе татары были,—ну, пущай, вѣруй тамъ, какъ хошь... Чортъ съ тобой! Но ежели ты принялъ святое крещеніе, то ужъ стой, братъ! Магомета-то своего, видно, оставить приходится... А они,—на-ка вотъ!—что выдумали!.. Сегодня онъ—православный, завтра—татаринъ... Что-же это такое? Этакъ-бы всякій вздумалъ... Этакъ и я-бы, пожалуй, волосы бы обренькалъ, сяплашку бы надѣлъ и давай кобылятину жрать...

Оба супруга залились неудержимымъ смѣхомъ.

— Да право!—воскликнулъ ликующій лавочникъ.—Ноги сложу калачомъ, женъ себѣ заведу полдюжины... Чего еще? Сиди да жри маханъ, да валяйся съ бабами на перинѣ... У нихъ, ваше скородіе, у кажнаго обязательно перина есть и самоваръ... И жрать они здоровы—татаринъ супротивъ русскаго втрое съѣстъ... А бабы ихнія только и знаютъ—самовары чистить—хоть смотрись въ него... И въ баню еще каждый день, почитай, ходятъ... Гостямъ тоже первое угощеніе—баня...

— Ну, да, все это я знаю,—безъ церемоніи прервалъ я болтовню лавочника.—А не разскажете-ли вы лучше о томъ, какъ крестились здѣшніе татары? Давно-ли? И почему, и когда они отпали отъ православія?

— Отчего-же, извольте-съ!.. Когда наши татаришки крестились—этого я вамъ доподлинно обсказать не могу: не то при императорѣ Николаѣ, не то еще раньше—не могу сказать... Чего не знаю—такъ не знаю. Врать-съ не стану. Давно только... Тогда вѣдь съ этимъ татарьемъ много не церемонились, крестили безъ разговоровъ—и больше ничего!.. Крестись, такой-сякой, не то въ солдаты на 25 лѣтъ, да и тамъ все равно окрестятъ... Хе-хе-хе!.. Ну, такимъ манеромъ и приводили ихъ, значитъ, въ нашу вѣру... въ россійскую то есть... Окрестили это его, шельму, да и ладно! Начальство прежде было покладистое: погонитъ это татарье въ церкву, а потомъ получаетъ, что слѣдуетъ, и плюнетъ на все... А татаришки и рады! Батюшка тоже въ то время у нихъ былъ человѣкъ расхожій—частенько его домой приволакивали въ ненатуральномъ видѣ... Пригрозитъ онъ имъ придти съ молебномъ или перевѣнчать всѣхъ. Ну, татарье живымъ манеромъ натащатъ ему масла, яицъ, барановъ тамъ и прочаго—только, пожалуйста, оставь въ покоѣ! Писай тамъ, въ книгѣ, что хошь, а наша не трогай!.. Ну, долго-ли—коротко-ли это у нихъ такъ продолжалось—не знаю, но только прослышали они, что въ Казани всѣ крещеные татары опять въ свою вѣру перемахнулись... Взбѣленились и наши сяплашки; какой-то у нихъ пророкъ быдто тоже проявился на ту пору, изъ уфимскихъ башкиръ... Смутьянитъ ихъ, подъуськиваетъ... Галдятъ наши татаришки и отъ работъ совсѣмъ отбились. Писарь мнѣ разсказывалъ, что время яровое сѣять пришло, а татарье и сохъ даже не налаживаетъ... Ходятъ гурьбой, талалакаютъ — сговариваются все... Наконецъ, того, вскочили разъ всѣ на коней—и маршъ верхомъ въ село, куда приходомъ были... Подъѣхали къ поповскому дому, кричатъ: Эй, бачка! Выходи, бачка!.. Ну, тотъ очухался, вышелъ. Чего надо?—спрашиваетъ. А то,—отвѣчаютъ, что мы больше въ церкву ходить не желаемъ, а молиться будемъ опять по своему, какъ наши дѣды молились—въ мечети... Вотъ, тебѣ и весь сказъ! Повернули коней—и были таковы. Думаютъ, дурачье, что и кон-

чено все... Ну, извѣстно, имъ это даромъ не прошло. Нѣ-этъ!.. Хе-хе-хе!.. Сейчасъ, конечно, начальству донесли. Наскакали исправникъ, прокуроръ, чины всякіе... Что такое? Какъ смѣли? Гдѣ пророкъ?.. Въ тюрьму его, бестію! Вы что? Бунтовать? Не хотите православными быть?—Рровогъ!.. Дуй ихъ, такихъ-сякихъ, каналій!.. Ну, что? Будете, по своему вѣрить?.. Будемъ!..—Ага! Еще подсыпь!.. Ну, однако, пороли-пороли... Солдатъ вызывали. Солдатики эти не то что курицъ или барановъ, а почитай, и коровъ-то всѣхъ переѣли... Ничего неймется! Уперлись, подлецы, стоятъ на своемъ: мы мухаметанской вѣры—и больше никакихъ!.. Много тогда господа начальники изъ-за нихъ безпокойства приняли, а подѣлать такъ ничего и не могли. Такъ вѣдь и отступились отъ проклятыхъ!..

Послѣднія слова лавочникъ произнесъ съ видимымъ сожалѣніемъ.

— Ну, я теперь и дразню ихъ: погодите, молъ, сяплашки вы этакіе, свайки, вилки капустные! Вотъ, ужо приведутъ васъ опять въ православную вѣру, такъ ужъ не отбояритесь!.. Не терпятъ они этого, свиные уши! Хе-хе-хе! Не ндравится это имъ!

Въ это время въ избу вошелъ степенный худощавый татаринъ съ серьезными карими глазами и подбритой на щекахъ черной бородкой. Приложивъ руку къ сердцу, онъ красиво поклонился мнѣ и бережно взялъ обѣими ладонями мою протянутую руку.

— Ибрагимъ Ишмоновъ...—произнесъ онъ.

— Это, ваше скородіе, грамотей то ихній, за мѣсто муллы то который,—пояснилъ лавочникъ.

— Какой мулла?.. Нитъ!—скромно отвѣтилъ вошедшій, съ достоинствомъ садясь, по моему приглашенію, на скамейку.—Грамота мала-мала знаемъ... по-татарски... Прусятъ когда наша—молитвы ситаемъ... Баранчукъ (мальчишекъ) усимъ мала-мала...

За Ибрагимомъ вошла еще толпа татаръ. Среди нихъ было нѣсколько стариковъ патріархальнаго вида, съ сѣдыми бородами, въ халатахъ и съ посохами въ рукахъ.

— Саламаликамъ... Будь здоровъ...—говорили они, входя.— Насчетъ какой дѣла будишь? Землямѣръ будишь? Насчетъ земли?..

— Да, насчетъ вотъ одворичныхъ мѣстъ...

— Одворицы повѣрять? Мирять?.. Шулай, шулай! (Такъ, такъ). А мѣсто для мисеть мирять будишь?

— Но вѣдь вамъ мечеть не позволяютъ строить?

— То-то нилза!.. Не позволятъ... Ми думалъ — землямѣръ пріѣхалъ—разрѣшенье вышло... Наша просьбу писалъ... Мнуга писалъ бумажка... давно ужъ посылалъ... псе нисего нитъ, псе нитъ!.. Эка, бида! А-яй, плуха дѣла!..

Татары вздыхали и сокрушенно покачивали головами.

— Такъ вамъ и дозволятъ, дожидайтесь,—вступился сердито лавочникъ.—Э-эхъ, салма безтолковая! По твоему какъ же выходитъ, чья вѣра-то настоящая—наша или ваша?

— Вѣра разной—Богъ одинъ!—тихо и вразумительно проговорилъ Ибрагимъ.—Деревья псякій, лѣсъ—одинъ... Какой стороной на гору пошолъ—псе одно вверху будишь...

— Такъ твои дурацкія разсужденія и станутъ слушать!—презрительно отвѣтилъ лавочникъ.—Эка что выдумалъ: сравнилъ свою вѣру съ нашей!... Наша вѣра настоящая, какъ есть правильная, потому она и называется пра-вос-лав-ной... правильной то есть... Понялъ?

— Твоя слова бульно умна!—тонко усмѣхнулся Ибрагимъ.

— Разумѣется, „умна"!—понявъ иронію, разгорячился лавочникъ.—„Твоя", „моя"—говорить-то какъ слѣдуетъ по человѣчески не умѣете, а туда-же!.. Вы нешто теперь люди? Вы такъ и прозываетесь—отпавшіе... Безъ всякой вѣры, значитъ... И никакого закона для васъ не полагается: женился ты—не женился—все беззаконно... и ребята ваши всѣ вродѣ какъ приблудны... У тебя, вотъ, и имени то два—русское и татарское,—а которое настоящее—неизвѣстно! Нешто это порядокъ? И выходитъ, что ты не человѣкъ, а вродѣ скотины...

— Послушайте!—остановилъ я расходившагося лавочника.—Не лучше-ли вамъ будетъ помолчать. Мнѣ нужно поговорить съ ними о дѣлѣ...

— Можемъ и помолчать-съ,—обиженно сказалъ онъ.—А только что дозволить, какъ нашу вѣру хаютъ, тоже нельзя-съ...

— Ладна! Пускай его... Вѣрно онъ калякаетъ: наша законъ нитъ... бизъ законъ живомъ,—съ горечью усмѣхнулся опять Ибрагимъ.

— Эхъ, какой ты...—съ укоромъ обратился къ лавочнику одинъ изъ стариковъ, тряся бѣлой бородой.—Бульно твоя сердца злой... За што наша лаишь? Чѣмъ тиба наша обидѣлъ? Чѣмъ наша мишàтъ?.. Мало наша и безъ того терпѣлъ?.. Ой - ой! Коли бы разсказать псе...

— Когда-же вы крестились, не можете ли мнѣ сказать?—обратился я къ этому старику.

— Давно это было... дѣды еще... Сначала одинъ бабай (домохозяинъ) крестился... въ солдаты бульно страшно было... не ходилъ... такъ надо сказать, правду надо сказать—въ солдаты не хотѣлъ... Потомъ другой бабай крестили... Силòмъ крестили... Вотъ, такъ... надо сказать...

— Что-же вы и въ церковь ходили, крестились и исполняли всѣ обряды?

— Іокъ! Нитъ!.. Бачка гулятъ—наша ему мала-мала даетъ... бачка—айда мимо, другой изба!.. тамъ опять мала-мала биръмъ... Псѣхъ кунсялъ—айда домой!.. Вотъ, такъ... Правду скажимъ.

— Какимъ-же образомъ и когда вы задумали отпасть совсѣмъ?

— А такъ... другіе калякали—Казанъ тоже своя вѣра держать стала... ну, и мы...

— Да... Казанъ то-же... калякали...—зашамкалъ, вмѣшиваясь въ разговоръ, другой старикъ—и мы тоже... Наша вѣра ми псе держалъ... тиконько... и молитва своя, и ураза (постъ), и коранъ... псе держалъ... какъ наша вѣра велитъ... какъ старики вѣрили—дѣды наши...

— Мало-ль что „дѣды“! А не крестись!—не утерпѣлъ вставить лавочникъ.—А крестился, такъ ужъ шалишь, братъ! Крѣпко!.. Вѣра-то не лапоть, чтобы ее мѣнять...

— Ой, трудно было! А-яй мнуга наша за вѣру терпѣлъ...—не обративъ на него вниманіи, вздыхали татары.—У-у! Солдаты, начальники... Что было!

— Да, не мало перетерпѣли,—съ сочувствіемъ подтвердилъ добродушный хозяинъ квартиры, до этого времени молчавшій.—На моей памятѣ и все это было... Сколько розогъ то однѣхъ измочалили... А все ни къ чему! Силой нешто заставить можно?.. Не такое это дѣло, такъ по-моему...

Я уже сложилъ мензулу. Одинъ изъ низенькихъ, коренастыхъ татаръ бережно положилъ ее на свое плечо. Захватили цѣпь, алидаду, бусоль и, выйдя изъ дому, направились вдоль по улицѣ.

Печальна и уныла показалась мнѣ деревня послѣ всего слышаннаго. Какой-то заброшенностью, пришибленностью вѣяло отъ ея невзрачныхъ избенокъ, унылый видъ которыхъ не могло смягчить и солнце, которое, опускаясь, золотило ихъ своими лучами... Встрѣчные татары казались запуганными, робкими. Некрещеный татаринъ держится всегда самоувѣренно и независимо, чутко сознавая и охраняя свое достоинство, „отпавшіе“ же, встрѣчаясь съ нами, уже издали стаскивали свои малахаи и шляпенки и униженно кланялись своими круглыми головами въ невыразимо замасляныхъ „сяплашкахъ“. Даже ребятишки, которыя у татаръ вдвое подвижнѣе и экспансивнѣе, чѣмъ русскія дѣти, не говоря уже о вялыхъ и худосочныхъ вотскихъ ребятахъ,—здѣсь держали себя какъ-то особенно пугливо и тихо. Завидя насъ, они не окружали насъ живой, шумной, щебечущей стаей, а тревожно озирались и старались куда нибудь спрятаться...

Мелодично позвякивая, тащилась цѣпь по землѣ. Проворные татары шли быстро, такъ что слѣдовавшіе за нами старики изрядно запыхались, стараясь не отставать. Работа спорилась. Снимая и записывая что нужно, почти машинально, по привычкѣ,—я шелъ ровнымъ „землемѣрскимъ“ шагомъ, весь отдавшись своимъ думамъ...

— Такъ нилза мисеть-то ставить? а?.. — доносится до моего уха смиренное тихое шамканье запыхавшагося сторожа, который старается поспѣть за мной на своихъ трясущихся ногахъ.—Сапсимъ нилза? а?.. А въ сукманскую мисеть гулять можна? Бога молйть?..

— Я не знаю... Это не мое дѣло...—бормочу я.

— А можетъ скажешь, та́къ думаемъ... Вотъ мулла сукманскій калякалъ. что праздникамъ можна Бога молить, въ мисеть гулять?.. а?.. Ни знаишь?...

— Нѣтъ, не знаю, не знаю! — мучительно вырывается, наконецъ, у меня.

Между тѣмъ, мы подошли къ большой высокой избѣ съ крыльцомъ, стоявшей отдѣльно отъ другихъ строеній, посреди просторнаго двора, который зеленѣлъ бархатной травкой. Кругомъ избы правильнымъ хороводомъ росли бѣленькія, стройненькія березки, что-то тихо лепетавшія своими листочками. Эти свѣжіе, серебристые листочки приникали къ самымъ стекламъ оконъ, какъ бы заглядывая внутрь избы...

— Вотъ, наша моленный домъ... — съ благоговѣніемъ въ голосѣ, негромко сказалъ кто-то возлѣ меня.

Я остановился, сложивъ записную книжку. Остановилась въ молчаніи и вся толпа татаръ.

Старая, уже посѣрѣвшая и даже слегка покачнувшаяся изба смотрѣла на насъ съ какой-то строгой печалью. Не смотря на ея простоту и даже убогость, отъ нея вѣяло чѣмъ-то молитвеннымъ, полнымъ глубокаго значенія...

А. Барановъ.

ИЗЪ СКИТАНІЙ ПО СИРІИ.

I.

Баядерка *).

Тихо, тихо. Горы Антиливана, облитыя луннымъ свѣтомъ, толпятся, какъ привидѣнія, одна за другой, одна выше другой. По долинамъ полегли черныя бархатныя тѣни и бѣлыя облака. Сѣрыя, нѣмыя скалы покрыты каплями росы. Лунный свѣтъ играетъ въ нихъ и украшаетъ бриллiантами голые камни. Воздухъ прозраченъ и чистъ. Крикнетъ ли невѣдомая птица, закричитъ ли шакалъ,—эхо долго хохочетъ въ ущельяхъ сѣдого Гермона, пока, наконецъ, и Ливанъ не пришлетъ свой глухой, невнятный отзывъ... Не мѣшайте горамъ прислушиваться къ звукамъ земли и неба, прислушайтесь къ нимъ и сами... Въ душѣ возникаютъ какія-то, точно давно забытыя, прекрасныя пѣсни...

Въ одну изъ такихъ-то чудныхъ весеннихъ ночей я и три моихъ спутника-араба подъѣзжали къ Рашайѣ **). Городокъ помѣстился на склонѣ одного изъ предгорій Гермона, на высотѣ пяти тысячъ футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Дорога шла по неровному, тоже довольно высокому плоскогорію между Антиливаномъ и Ливаномъ, извивалась между темными массами застывшей лавы и сѣрыми вывѣтрившимися глыбами другихъ породъ. Днемъ все здѣсь печально, голо. Но лунный свѣтъ все красилъ своей чудной дымкой: все блистало и сверкало, какъ въ волшебномъ замкѣ какой-нибудь благодѣтельной феи. Вдалекѣ, на западѣ, вырисовывалась вся золотая, почти прозрачная громада Ливана, увѣнчаннаго заночевавшими на его вершинѣ пушистыми странниками

---

*) Слово баядерка происходитъ отъ арабскаго слова «баядеръ»—гумно, значитъ—гуменница. Танцовщица, переѣзжающая съ мѣста на мѣсто, останавливающаяся въ палаткѣ, на гумнахъ.

**) Городокъ вблизи Гермона въ Антиливанѣ, въ Сиріи.

небесъ... Мы подъѣзжали уже къ самому подножью рашайской горы. Лошади шли дружно, бодро ступали по камнямъ и фыркали отъ влажнаго воздуха. Сильный и ловкій парень, Михаилъ Хури, гдѣ только можно, пускалъ вскачь свою горячую кобылицу, вертѣлся бѣсомъ между скалъ и, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, присоединялся снова къ намъ. Второй мой спутникъ, учитель Иса, ѣхалъ степенно, изрѣдка подгоняя свою молодую лошадку, которую онъ берегъ и не мучилъ... Обвязавши зябкую голову платкомъ, онъ весь ушелъ въ созерцаніе чудной ночи и только изрѣдка выкрикивалъ: „Какъ прекрасно, мой господинъ! Какъ хорошо!" Третій, совсѣмъ еще молодой парень ѣхалъ за учителемъ Исой и клевалъ носомъ.

Воздухъ все болѣе сырѣетъ. Облака тумана ползутъ подъ нашими ногами и окутываютъ тайной долины и ущелья. А наверху свѣтло, точно въ мечтахъ двадцатилѣтняго юноши. Кругомъ тихо. Не видно ни души. Фалляхи *) уже давно убрались съ полей со своими ослами, коровами и незатѣйливыми сохами. Пастухи разогнали по селамъ стада козъ и барановъ. Путешественниковъ нѣтъ: какой-же мирный гражданинъ Сиріи поѣдетъ безъ всякой надобности ночью, хотя бы это была самая свѣтлая, самая прекрасная ночь. Лучше за чаркой арака **) онъ посидитъ въ такую ночь на крышѣ своего дома и въ пѣснѣ выскажетъ звѣздамъ свои чувства, свои мечты. Однимъ словомъ, въ горахъ не встрѣчался никто. Горныя долины наполняла чуткая тишина, съ какой-то бурной радостью ловившая каждый звукъ и разносившая его по горнымъ ущельямъ. Въ морѣ луннаго свѣта виднѣлись только сіяющія горы, да высокое небо.

Но вотъ вдалекѣ красной точкой заискрился огонекъ. Иногда его загораживала какая-то тѣнь: огонекъ какъ будто нырялъ, прятался въ землю, потомъ снова появлялся.

— Должно быть, египтяне ужинъ варятъ,—сказалъ учитель Иса.

— Будемъ танцы смотрѣть,—рѣшилъ Михаилъ Хури и радостно гикнулъ.

Мы поѣхали на огонекъ... Вотъ уже около костра виднѣются три темныя фигуры. Изъ луннаго свѣта вынырнули ослики и небольшая изодранная палатка въ сторонѣ. Залаяли разными голосами собаки. Звонко засмѣялось въ горахъ эхо. Запахло дымомъ. Наконецъ, мы остановились у костра.

— Миръ вамъ,—степенно сказалъ учитель Иса.

— Добрая ночь!—закричалъ Михаилъ Хури.

*) Крестьяне.

**) Виноградный спиртъ.

— И съ вами миръ! Добрая ночь! Пожалуйте, наши владыки, сдѣлайте честь,—говорилъ невысокій, смуглый египетскій арабъ. Онъ коснулся рукой земли, поднесъ ее къ губамъ и ко лбу.—Пожалуйте, отдохните! Откуда ѣдете?

— Ѣдемъ мы отсюда,—сказалъ неопредѣленно Михаилъ Хури и опустился у огня на рваную подстилку.

У костра сидѣла, скорчившись, старуха и стояла дѣвочка лѣтъ восьми, обѣ въ изодранныхъ платьяхъ, подобранныхъ у таліи подъ цвѣтные кушаки, и въ цвѣтныхъ же широкихъ шальварахъ. Нижняя часть лица старухи была закрыта, вдоль носа ко лбу протянулся мѣдный цилиндрикъ, уходящій подъ платокъ; только два глаза бѣгали по лицу, оживляя ея неподвижную, мертвую позу. Дѣвочка, тоненькая и стройная, какъ тростникъ надъ водами Лейтаніи, стояла у костра, подбирала палочкой угольки и изрѣдка быстро взглядывала на насъ своими черными, большими глазами.

— А эти у тебя пляшутъ, что-ли?—спросилъ Михаилъ Хури араба, показывая головою на женщинъ.

— Конечно, пляшутъ! А господину угодно посмотрѣть?

— Зачѣмъ-же мы и остановились у тебя,—засмѣялся Михаилъ Хури.—Неси свой дурбакке *). А кто у тебя пляшетъ? Эта—старуха, а это—ребенокъ.

— Есть у насъ еще дѣвица, — неохотно проговорилъ арабъ.—Призовемъ. Да вотъ и Нижме (звѣзда) пляшетъ,—указалъ онъ на дѣвочку.

Онъ пошелъ въ палатку. По дорогѣ изругалъ и побилъ все еще рычавшихъ на насъ собакъ, взялъ дурбакке и долго съ кѣмъ-то шептался. Наконецъ, пришелъ къ костру, сѣлъ поодаль, передалъ дурбакке старухѣ, бубенъ—дѣвочкѣ, а самъ ударилъ по струнамъ ауда **) и вдохновенно поднялъ къ небу свою голову, покрытую грязнымъ платкомъ съ окалемъ ***). Мѣрно, въ тактъ звону струнъ, ударила по дурбакке старуха и полились гнусливые, но стройные звуки, застонало въ горахъ эхо, подвинулись поближе и смирно улеглись у костра собаки. „Мы, дескать, теперь поняли, въ чемъ дѣло,—хозяйки наши плясать будутъ". Скоро подъ гнусливый звонъ струнъ зазвучалъ высокій и сильный голоса араба, съ хрипомъ ворвался въ пѣсню надтреснутый голосъ старухи, и полилась, зазвенѣла длинная плясовая пѣсня.

*) Инструментъ, вродѣ глиняного кувшина, у котораго вмѣсто дна натянута барабанная кожа, по которой бьютъ пальцами и ладонями въ тактъ пѣсни.

**) Аудъ—музыкальный струнный инструментъ на подобіе балалайки съ закругляющимся снизу большимъ кузовомъ. Имѣетъ четыре двойныхъ (въ консонансъ) струны. По струнамъ задѣваютъ гусинымъ перомъ.

***) Шнурокъ поверхъ платка вокругъ головы.

О, мой другъ, не обвиняй,
Что люблю я Май, Май *).
Бѣденъ, но царемъ я сталъ,
Только Май увидалъ.
Будемъ пѣть и пить съ тобой,
Разведемъ аракъ водой.
Ты склонись ко мнѣ на грудь,
Понѣжнѣй со мною будь!..

Въ началѣ пѣсни изъ палатки вышла молодая, сильная баядерка, въ такомъ же, какъ и другія женщины, рваномъ, безпорядочномъ платьѣ, босикомъ, съ открытымъ, слегка татуированнымъ по подбородку и носу лицомъ. Она молча взяла бубенъ, встала въ средину нашего круга и, медленно передвигаясь, вся дрожа, ударила по немъ рукой...

Есть много прелести въ вольномъ дикомъ танцѣ баядерки. Куда лучше онъ нашихъ нѣмецкихъ танцевъ! Въ нашихъ театрахъ можно видѣть иногда и восточные танцы, но какая-же громадная разница между театромъ и этой дикой, босоногой настоящей баядеркой въ дикихъ горахъ Антиливана, которая медленно, опустивъ глаза, прямая, точно тополь, движется съ бубномъ по кругу передъ нашими глазами. Дрожитъ каждая жилка молодого тѣла; она *вся* танцуетъ, даже тогда, когда въ неподвижной позѣ на мгновеніе замираетъ на мѣстѣ, какъ бы обдумывая новое, еще невиданное движеніе вольнаго танца. Она то плавно кружится передъ нами, то мечется въ кругѣ, точно пойманная только что птица въ клѣткѣ, и бубенъ ея разсыпается неумолчной трелью; то изовьется, какъ змѣя; то останавливается на одномъ мѣстѣ, за то пляшутъ, трепещутъ ея руки, бедра, грудь, волосы, разсыпавшіеся по лицу черными прядями, изъ-за которыхъ сверкаютъ возбужденные глаза; то раскидывается въ воздухѣ въ красивой, манящей позѣ... Кажется, самый мѣсяцъ и звѣзды остановились на небѣ и смотрятъ съ вышины, какъ въ сладострстныхъ мукахъ дикаго танца вьется и трепещетъ молодое тѣло египетской баядерки...

А гнусливая пѣсня лилась и металась въ ночномъ воздухѣ, припадала къ сѣрымъ скаламъ, стлалась по землѣ, какъ бы боясь подняться въ сверкающую безпредѣльную высь, гдѣ могли затеряться голоса человѣческихъ страстей, безумные звуки любовнаго восторга.

Возлюбленный! станъ твой—стройнѣй кипариса,
Быстрѣй ты газели, отважнѣе льва;

---

*) Май—имя женщины.

Нѣтъ юноши въ мірѣ сильнѣй и прекраснѣй,
Гордятся тобою отецъ твой и мать...
Меня твои черныя очи плѣнили...
Безъ милаго кто приголубитъ меня?
Одна, безъ тебя, обливаюсь слезами,
Приходишь—безумна отъ радости я!

Даже глаза старухи загорѣлись при послѣднихъ словахъ безумнымъ блескомъ; а Михаилъ Хури щелкалъ языкомъ и пальцами, хлопалъ въ ладоши, вскакивалъ и забѣгалъ то съ одной, то съ другой стороны танцовщицы, заглядывая ей въ глаза.

— Хорошо, хорошо, Шафика!—Онъ уже узналъ, какъ ее зовутъ.—Браво!

Онъ простиралъ къ ней объятія, ловилъ ея платье и восторженно вскрикивалъ.

Даже степенный учитель Иса прищелкивалъ и приговаривалъ:

— Тислями, тислями *), Шафика!

А Шафика приближалась къ каждому изъ насъ поочередно, становилась на колѣни и выгибалась медленно-медленно, запрокидывала назадъ голову и руки, и ея трепещущая грудь обрисовывалась подъ грязными лохмотьями одежды; потомъ, точно ужаленная, она перебрасывалась на бокъ, впередъ и пригибала къ самой землѣ копну своихъ черныхъ, разметавшихся вокругъ головы волосъ... Это она дѣлала каждому „салямъ"—привѣтствіе, выраженіе почета. Наконецъ, усталая, она опустилась у костра на землю и уставилась быстро угасшимъ, неподвижнымъ взоромъ въ огонь, точно за минуту передъ тѣмъ совсѣмъ не плясала. Только ея татуированныя ноздри съ небольшими серебряными колечками долго еще вздрагивали, да грудь волновалась сдерживаемымъ дыханіемъ.

Наконецъ, послѣдній гнусливый звукъ оборвался и замеръ въ горлѣ араба... Настало на минуту общее молчаніе. Стало какъ-то грустно, точно вспоминалось о быломъ счастіи. Луна-ли такъ дѣйствовала, или внезапная тишина послѣ веселой пѣсни привела съ собою грусть, но только мнѣ захотѣлось услышать иныя пѣсни. Я спросилъ араба:

— Вотъ ты пѣлъ веселую пѣсню, про то, какъ люди любятъ и чувствуютъ себя счастливыми. А ты спой теперь пѣсню про людское горе...

Арабъ сосредоточенно наморщилъ лобъ, ударилъ нѣсколько разъ по струнамъ, какъ бы спрашивая ихъ, могутъ ли

*) Въ смыслѣ—Богъ тебя спасетъ!

онѣ дать звуки человѣческихъ страданій, потомъ рѣшительно сказалъ:

— Нѣтъ, господинъ! Мы такихъ пѣсенъ не знаемъ.

— Какъ не знаете?—продолжалъ я настаивать.—Неужели же нѣтъ у васъ ни горя, ни заботъ? Развѣ никто изъ васъ не терялъ въ жизни дорогое существо, — отца, мать, сына, мужа?..

Шафика, сидя у костра, вдругъ встрепенулась, но, спохватившись, еще ниже склонила голову, обхвативъ ее руками.

Старуха, до сихъ поръ молчавшая, заговорила. Голосъ ея зазвучалъ грубо, рѣзко, съ хрипотой.

— Нѣтъ у насъ такихъ пѣсенъ, говорятъ тебѣ! Мы не горюемъ и не плачемъ о покойникахъ. Умеръ—воля Бога! Вѣра наша *) не велитъ горевать о покойникахъ (она покосилась на Шафику). А больше въ жизни намъ терять нечего. Всѣ мы тутъ. И грустныхъ пѣсенъ мы не знаемъ. Зачѣмъ намъ? Никто не заставляетъ насъ пѣть грустныя пѣсни...

Вдругъ откуда-то раздались глухія, сдержанныя рыданія. Мы оглянулись по сторонамъ. За первымъ взрывомъ рыданій раздался другой, еще болѣе сдавленный. Тѣло Шафики вдругъ задрожало, спина запрыгала отъ частыхъ всхлипываній. Она не то закричала, не то застонала, вскочила съ искаженнымъ лицомъ, отбѣжала отъ костра въ сторону за сѣрую скалу, бросилась тамъ на землю и начала кататься, рыдать и рвать на себѣ съ визгомъ платье и растрепанные волосы.

— О, Аллахъ! Опять... — съ неудовольствіемъ сказалъ арабъ.—Поди къ ней,—обернулся онъ къ старой женщинѣ.

Та встала, бросила на насъ злобный взглядъ и пошла къ плачущей баядеркѣ.

— Вотъ ужъ недѣля, какъ умеръ ея женихъ, — сказалъ нашъ арабъ.—Съ нами ходилъ, пѣлъ. Красавецъ, сильный, веселый! Вотъ Шафика и плачетъ все. Конечно, глупость... Одинъ умеръ — другой будетъ, другого найдетъ... А въ мертвомъ что толку? Зачѣмъ объ мертвомъ плакать!

А недавно плясавшое и трепетавшее въ страстномъ танцѣ молодое гибкое тѣло Шафики извивалось теперь по землѣ въ судорогахъ страданій. Старуха сѣла около нея, гладила по растрепаннымъ волосамъ и что-то тихо говорила; говорила ласково, но вмѣстѣ и сердито, какъ бурлитъ весной сбѣгающій съ Гермона потокъ. Наконецъ, подняла Шафику на ноги и увела въ палатку.

*) Мусульманская.

Михаилъ Хури, сбитый съ толку такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, сердито отвязывалъ отъ камня свою кобылицу. Онъ ругалъ ее за каждый неловкій поворотъ, наконецъ, вскочилъ на сѣдло и завертѣлся на мѣстѣ. Мы тоже сѣли на лошадей, расплатившись съ хозяиномъ за танецъ Шафики. Тотъ взялъ деньги, положилъ ихъ въ карманъ и сказалъ:

— Завтра пріѣдемъ къ господину въ Рашайю. Шафика хорошо умѣетъ плясать. Завтра она плясать будетъ лучше, чѣмъ сегодня, только не проси пѣть грустныя пѣсни. Съ миромъ, мой господинъ...

Въ палаткѣ было тихо. Мѣсяцъ заглянулъ въ дверь и освѣтилъ двѣ неподвижныя фигуры, провожавшія насъ глазами.

„Грустныхъ пѣсенъ мы не знаемъ. Зачѣмъ намъ. Никто насъ не заставляетъ пѣть грустныя пѣсни"...—вспомнились мнѣ слова старухи. Но глупое человѣческое сердце, очевидно, нуждается иногда въ грустныхъ пѣсняхъ, которыя облегчаютъ горе, смягчаютъ его грубые, тяжелые удары. Мнѣ было досадно на что-то и тяжело. Спутники мои ѣхали молча.

Михаилъ Хури попробовалъ было затянуть пѣсню про ночь, про возлюбленную, но вскорѣ замолкъ. Залаяли собаки. Мы въѣхали въ Рашайю.

— Завтра посмотримъ, какъ будетъ плясать Шафика, — сказалъ Михаилъ Хури, прощаясь со мною.—Хорошо она пляшетъ. Только дура—объ женихѣ плачетъ.

Мы, молча, разъѣхались по домамъ. Араба съ баядеркой я больше никогда не видалъ.

II.

Акулина въ Триполи.

Акулина пріѣхала въ Іерусалимъ года два тому назадъ. По примѣру многихъ старухъ-богомолокъ она рѣшилась умереть въ Святой землѣ. У нея были маленькія деньги, на которыя она могла бы просуществовать въ Іерусалимѣ нѣсколько лѣтъ. Но, разсчитывая прожить еще довольно долго, свыше своихъ средствъ, она должна была искать себѣ работу и попала на службу къ русскимъ барышнямъ-учительницамъ православной русской школы въ Триполи (въ Сиріи).

Здѣсь-то я и увидѣлъ Акулину. Это была уже довольно ветхая старушка съ желтоватымъ, дряблымъ лицомъ, покрытымъ морщинами, съ нависшими бровями, подъ которыми бѣгали еще довольно бойкіе, но злые глаза. Ходила она всегда въ черномъ платкѣ, немного согнувшись, шлепая

туфлями; отвѣчала рѣзко, будто на кого-то сердясь; посуду, ножи и вилки всегда разбрасывала своими кривыми, узловатыми пальцами съ шумомъ и трескомъ, что-то бормоча себѣ подъ носъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она появилась въ Триполи, мирное теченіе домашней жизни сразу нарушилось. Акулина какъ-то умѣла и всѣхъ окружающихъ заставлять чувствовать недовольство всѣмъ свѣтомъ... Въ домѣ начались шумъ, брань, настроеніе постоянной ссоры... Съ особеннымъ озлобленіемъ относилась она къ арабамъ, которыхъ считала низшей расой, чѣмъ-то такимъ, что существуетъ на землѣ совершенно незаконно. Среди арабской прислуги дома она считала себя госпожей и на ней вымещала всю накопившуюся въ сердцѣ злобу противъ арабской націи. Въ первый же день пріѣзда она едва было не побила горничную-арабку Хнине, дѣвушку смирную и очень симпатичную. Разсердилась на нее Акулина по самому ничтожному поводу. Ловила Акулина бѣгавшую по кухнѣ курицу. Хнине вошла въ кухню и остановилась въ двери.

— Что же ты глаза-то вытаращила, дура полоротая! Лови курицу-то!—набросилась на нее Акулина.

— Шу, дижаже? *)—переспросила ее Хнине, не знавшая ни слова по-русски.

— Я вотъ тебѣ дамъ „жажа"!—закричала на дѣвушку и злобно сверкнула глазами Акулина.—Какая „жажа", коли я тебѣ говорю „курица"!—И Акулина полѣзла на нее со своими большими кулаками. Дѣвушка задрожала, поблѣднѣла и начала кричать. Прибѣжала одна изъ хозяекъ.

— Что ты дѣлаешь Акулина, какъ тебѣ не стыдно?!

— Да вотъ, я ей, барышня, говорю—курица, а она мнѣ „жажа"? Какая же это, барышня, „жажа"? Вѣдь это курочка!

— Да это по ихнему, Акулина, по-арабски курица называется дижаже.

— Какой это такой арабскій языкъ? У меня языкъ красный и у ней—красный, больше ничего. А курочка такъ и будетъ курочка, а не „жажа". И какъ это они, барышня, понимаютъ другъ друга? Удивительно! Бормочутъ что-то, а ни слова не разберешь.

Только одна судомойка Жалиле умѣла ладить съ Акулиной и то лишь благодаря чрезмѣрной почтительности. Это была огневая дѣвочка. Она все дѣлала такъ быстро, что, казалось, въ одинъ моментъ была въ пяти мѣстахъ. Она одновременно и мела полъ, и разговаривала, и смѣялась, и грызла фисташки, и пѣла пѣсни, и гоняла кошекъ

*) Что, курицу?

и собакъ, и бросалась по первому зову изъ одного этажа въ другой, какъ птица, какъ вѣтеръ. Говорила она такъ же быстро, какъ и работала. Да она и не говорила, а просто гудѣла, такъ что даже понять ее было трудно. Ея смуглое лицо отражало малѣйшіе оттѣнки настроенія: горе, радость, смѣхъ, печаль, боль, удовольствіе, лукавство—все это, какъ въ калейдоскопѣ, сверкало въ ея бойкихъ, точно два маленькихъ мышенка, глазахъ. Она всюду приносила съ собой оживленіе, точно оно было ея постояннымъ двойникомъ. И вотъ эта дѣвочка сумѣла понравиться Акулинѣ даже съ ненавистнымъ арабскимъ языкомъ. Съ первыхъ же дней появленія Акулины Жалиле поняла, откуда дуетъ вѣтеръ, и выучила по-русски у барышенъ слова: „Здравствуйте, Акулина". На утро пришла Жалиле на кухню, въ акулинино царство, подошла къ Акулинѣ тихо и скромно, точно это была не шалунья Жалилька, и сказала ей, цѣлуя руку:

— Здравствуйте, Акулина!

Акулина руки не отняла, покосилась, но глаза подъ ея нависшими бровями затеплились лаской. Съ этихъ поръ Жалиле здоровалась такъ съ Акулиной каждое утро. За то Акулина никогда ее не бранила, не била, исправно кормила, даже выказывала иногда по отношенію къ ней материнскія заботы.

Своихъ дѣтей у Акулины не было. Оттого, можетъ быть, она и была зла на весь міръ. Живъ былъ еще и мужъ ея, но она давно съ нимъ не жила. Барышнямъ-хозяйкамъ она довольно краснорѣчиво доказывала всѣ выгоды „свободной" жизни.

— И зачѣмъ, барышня, замужъ выходить! Одна только забота. Вонъ у меня двѣ племянницы. Одна замужемъ, — у ней нужда, дѣти; она ни день, ни ночь спокою не знаетъ, по уши въ грязи съ ними возится. А другая у меня племянница не пошла замужъ, живетъ въ монастырѣ. Кроватка у ней бѣленькая, чистенькая, ѣстъ она вдоволь, игуменья ее любитъ... На скрипочкѣ она играетъ, регентшей будетъ. То ли дѣло! Такъ хорошо живетъ, не какъ сестра!

— Да вѣдь ты, Акулина, была же вотъ замужемъ.

— По глупости, матушка, все по глупости! На кой лядъ онъ мнѣ, мужъ-то! Я въ Одестѣ такъ и чиновнику одному сказала... Одинъ стрикулистъ тамъ сталъ у меня видъ отъ мужа требовать. Я ему такъ и сказала: „ужъ ты, батюшка, мнѣ этого не говори,—видъ отъ мужа! Ну, зачѣмъ мнѣ мужъ, да и я ему? А коли тебѣ два цѣлковыхъ въ зубы нужно, такъ и скажи. Возьми вотъ и пропусти"... Одна только забота съ мужемъ-то, матушка, одна забота. Я такъ рада, что у святыхъ мѣстъ одна живу...

Всѣ торговцы въ Триполи на базарѣ, куда ходила за провизіей Акулина, боялись ея строптиваго характера и злобнаго взгляда. Акулина кричала на весь базаръ, бранилась, бросала мяснику корзинку прямо въ лицо, разбрасывала по улицѣ плоды и овощи, а однажды, разсердившись, возвратилась домой совсѣмъ безъ провизіи.

— Я говорю ему, барышня,—ты дай мнѣ мяса не такого, а лучше, отъ ноги дай мнѣ мяса,—а онъ вытаращилъ буркалы-то и не понимаетъ... Будто я ему не русскимъ языкомъ говорю!

— Да ты бы, Акулина, показала ему, что тебѣ нужно. Вѣдь онъ не понимаетъ русскаго языка,—говоритъ хозяйка.

— Какъ не понимаетъ?! И какой это вы арабскій языкъ выдумали!—вдругъ набросилась Акулина на барышню.—Никакого такого арабскаго языка нѣтъ. Вѣдь Христосъ-то, развѣ на арабскомъ языкѣ говорилъ? На ру-у-уско-омъ! Значитъ, арабскій языкъ—одна выдумка, беззаконіе. И чего это нашъ батюшка царь смотритъ! Задала бы я имъ арабскій языкъ! У меня черезъ день они всѣ заговорили бы по-русски.

Уходя, Акулина еще долго бормотала: „Ну, развѣ плохо—разъ, два, три?! И понятно, и хорошо. А у нихъ три—телята (талятатъ); по-русски—мыло, а у нихъ—сапунъ (сабунатъ)... Окаянные, разбойники, арабье проклятое. Обрыдли они мнѣ, какъ собаки!

Такъ шло время. Акулина бранилась и дралась съ „арабьемъ“, выживала изъ дому сторожей и горничныхъ, только бойкую Жалильку всячески ласкала. Барышни терпѣли злобную старуху, ибо найти хорошую кухарку, да еще русскую, въ Триполи—очень трудно. Всѣ русскія старушки жмутся ближе къ святымъ мѣстамъ, чтобы смерть не застала ихъ вдали отъ Гроба Господня. Удаляться отъ Іерусалима рѣшаются весьма немногія.

Акулина ходила иногда съ барышнями на море купаться, гдѣ удивлялась „огню въ водѣ“—свѣтящимся инфузоріямъ. Тамъ, на морскомъ берегу, она собирала раковины, морскія кѣнки, которыя, по ея мнѣнію, годились не то для чистки ножей, не то для настоя отъ лихорадки. Ходя по базарамъ, она удивлялась чернымъ лоснящимся лицамъ негровъ-рабочихъ въ таможнѣ. Про нихъ она говорила: „человѣкъ, какъ человѣкъ, а обшитъ чортовой кожей“. Если негръ на нее заглядывался, то она совала ему почти подъ самый носъ кулакъ и совѣтовала „почистить ваксой рожу“. А дома бранилась и дралась съ арабской прислугой, кормила ее хуже кошекъ и собакъ и ни за что не хотѣла сказать по-арабски ни одного слова.

Съ нѣкоторыхъ поръ по дому началъ разноситься запахъ ладона, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Особенно по вечерамъ Акулинина комната прямо дымилась.

— Акулина, что ты тамъ дѣлаешь?

— Ладономъ курю. Слышите, чай, барышня, запахъ-то.

— Знаю, ладономъ. Да зачѣмъ это? Что ты—чертей, что ли, выгоняешь?

Акулина даже вздрогнула.

— Съ нами крестная сила! Откуда же ты знаешь-то, барышня? И то *его* выгоняю, поганаго. Мучаетъ онъ меня, мучаетъ, покою не даетъ. Жить бы мнѣ, жить въ Русалимѣ! Нѣтъ вотъ, погналась за лакомымъ кускомъ, поѣхала въ Триполи. Анъ врагъ-то и тутъ, какъ тутъ. Старая я кошка, дурища простоволосая.

— Ну, поди, Акулина, я тебѣ „Да воскреснетъ Богъ" почитаю,—говоритъ одна изъ хозяекъ.

Но и „Да воскреснетъ Богъ" не помогло. Акулина все дымила ладономъ и читала по ночамъ молитвы. Днемъ она становилась все злѣе и злѣе. Даже Жалилькѣ и той доставалось. А ужъ остальному „арабью" и подавно. Въ такомъ настроеніи Акулина однажды разбила торговцу объ голову арбузъ за то только, что онъ хотѣлъ его, по обыкновенію, взвѣсить.

— Что это за проклятый народъ,—ругалась Акулина дома. — И продаютъ-то не по-христіански: арбузы, дыни, огурцы вѣшаютъ, а яблоки считаютъ...

Къ довершенію всѣхъ Акулининыхъ несчастій она вдругъ заболѣла триполійской лихорадкой. Пригласили доктора, но Акулина не хотѣла съ нимъ говорить даже черезъ переводчика.

— Коли по-христіански говорить не умѣетъ, какой толкъ отъ его лѣченія!—говорила она. Прописанныя докторомъ лѣкарства она отказалась принимать. Безъ стоновъ, молча, угрюмо лежала она въ своей комнатѣ. Только Жалилька постоянно забѣгала къ ней и приносила съ собой задорное, живое веселье. Она спрашивала Акулину о здоровьѣ, говорила ей ласковыя слова, утѣшала ее, одѣвала и прибирала. Акулина, не понимая ни слова, только слѣдила за Жалилькой ласковыми глазами. А то вздумаетъ Жалиле ей пѣсню спѣть, и, не смотря на жестокую головную боль, Акулина покорно выслушиваетъ гнусливые, однообразные арабскіе напѣвы.

Иногда Акулина говорила:

— Совсѣмъ была бы хорошая дѣвочка, кабы христіанскимъ языкомъ говорила...

А Жалиле въ утѣшеніе Акулинѣ и новую фразу русскую

выучила. Каждое утро, входя въ кухню, она спрашивала, стараясь сдѣлать серьезнымъ свое еще дѣтское лицо:

— Какъ здоровье, Акулина?

Но вотъ Акулина начала поправляться и понемногу ходить. Во время болѣзни у нея уже окончательно выработалось убѣжденіе, что врагъ мучилъ ее и Богъ наказалъ болѣзнью за то, что она, „погнавшись за лакомымъ кускомъ", уѣхала изъ Іерусалима. Однажды утромъ въ четвергъ, въ день прихода изъ Россіи русскаго парохода, Акулина объявила, что уѣзжаетъ. Никто ее не удерживалъ. Изъ дому она вышла злобная, ни съ кѣмъ не простившись. Только Жалильку долго цѣловала въ кухнѣ и крестила со слезами на глазахъ. А та, по обыкновенію, поцѣловала у нея руку и сказала: „До свиданья, Акулина". По уходѣ Акулины изъ дому, дѣвочка около часа была молчалива и тиха, словно о чемъ-то думала. Потомъ вдругъ точно съ цѣпи сорвалась,—начала кувыркаться и гудѣть на оба этажа...

III.

Абу-Масудъ.

Я любилъ Абу-Масуда. Это былъ высокій, статный, красивый старикъ съ открытымъ, величаво-спокойнымъ лицомъ, правильныя черты котораго часто освѣщались хорошею, доброю улыбкой. Хотя ему было уже около 65 лѣтъ, но ходилъ онъ довольно бодро и прямо: его величественную фигуру можно было узнать еще издали въ лабиринтѣ маленькихъ домиковъ горнаго села.

Когда я пріѣзжалъ по своимъ дѣламъ въ Машгару—небольшое селеніе на восточной сторонѣ южнаго Ливана—я завертывалъ всегда къ нему. Я спѣшилъ въ его домъ съ радостнымъ чувствомъ, такъ какъ зналъ, что Абу-Масудъ встрѣтитъ меня привѣтливой улыбкой, раскроетъ передо мной свои широкія объятія, и мы съ нимъ поцѣлуемся, т. е. потремся недѣлю тому назадъ бритыми подбородками и щеками и пожмемъ другъ другу руки. Этотъ обычай завелъ Абу-Масудъ.

— Добро пожаловать! Тысячу разъ добро пожаловать! Отчего долго не пріѣзжалъ?—И Абу-Масудъ почти стаскивалъ меня съ сѣдла, помогая слѣзать.

Навстрѣчу выходила вся семья: жена—маленькая, подвижная старушка, благоговѣвшая передъ своимъ мужемъ; взрослый, красивый—весь въ отца—сынъ, Ибрагимъ; дочь—подростокъ; лѣтъ девяти сынишка; невѣстка съ маленькими дѣтьми—жена старшаго сына, живущаго въ Америкѣ; сбѣгались пѣтухи, куры, собаки; поднимался веселый шумъ,

хлопотливая бѣготня и крики. Выметалась просторная и чистая комната, устилалась коврами; даже ставился жестяной самоварчикъ, нарочно для меня пріобрѣтенный Абу-Масудомъ, ибо онъ зналъ, что русскіе любятъ чай. Онъ даже все населеніе земного шара дѣлилъ только на двѣ породы: люди, пьющіе чай—одна, люди, пьющіе кофе—другая, тоже великая человѣческая раса... Окруженный такимъ ласковымъ вниманіемъ, я чувствовалъ себя всегда прекрасно. Обмѣнявшись взаимными привѣтствіями и любезностями, мы входили съ Абу-Масудомъ въ комнаты, садились рядомъ, снова по арабскому обычаю раскланивались, сидя, и начинали бесѣдовать. Говорилъ Абу-Масудъ всегда оживленно, съ жаромъ, сильно жестикулируя; рѣчь его была выразительна, картинна, даже поэтична. Онъ убѣждалъ всегда примѣрами. Такъ однажды я очень торопился въ обратный путь. По дорогѣ приходилось переѣзжать черезъ Лейтанію *), протекающую по долинѣ ниже Машгары. На мостъ ѣхать было далеко, въ бродъ, можетъ быть, рискованно, такъ какъ дѣло было зимой, во время сильныхъ дождей: рѣка поднялась и бурлила своими желтыми водами.

— Можно-ли, Абу-Масудъ, проѣхать мнѣ прямо?—спросилъ я.

Абу-Масудъ прямо на вопросъ не отвѣтилъ.

— Былъ, мой господинъ, въ Машгарѣ одинъ человѣкъ,—началъ онъ разсказывать.—Онъ точно такъ же, какъ и ты, торопился, не захотѣлъ идти на мостъ, пошелъ черезъ Лейтанію и утонулъ. Послѣ него остались жена и маленькій сынъ. Когда сыну исполнилось десять лѣтъ, онъ спросилъ свою мать,—„Мать, а гдѣ же мой отецъ“?——„Утонулъ въ Лейтаніи“—„Почему, развѣ онъ былъ слѣпъ“?—„Нѣтъ, но онъ не хотѣлъ идти на мостъ, пошелъ прямо черезъ воду и утонулъ“.—„Сколько лѣтъ тому назадъ онъ утонулъ“?—„Вотъ скоро десять лѣтъ“.—„А что, матушка, если бы онъ пошелъ не прямо черезъ рѣку, а на мостъ, то въ эти десять лѣтъ онъ дошелъ бы туда, куда шелъ или нѣтъ“?—„Конечно! Да, тутъ, сынъ мой, и разница-то всего на часъ пути“.—Значитъ, отецъ мой поступилъ неблагоразумно“,—сказалъ мальчикъ...

И по лицу Абу-Масуда разлилась добрая улыбка. Конечно, послѣ такого разсказа я поѣхалъ на мостъ, а не прямо.

Абу-Масудъ чаще всего разсказывалъ мнѣ о дѣлахъ маленькой православной общины въ Машгарѣ, о томъ, какъ онъ двадцать лѣтъ тому назадъ былъ почти одинъ право-

---

*) Древній Леонтесъ.

славнымъ среди уніатовъ, какъ его смущалъ уніатскій патріархъ принять унію, но онъ не захотѣлъ.

— Вотъ былъ тутъ у насъ, недавно, владыка Герасимъ. И уніатскому митрополиту, который тоже былъ здѣсь, онъ сказалъ: „У меня здѣсь немного паствы, но я уловилъ газелей, а ты—хромыхъ и безухихъ ословъ".

И по лицу Абу-Масуда снова разливалась та улыбка, которую я такъ любилъ. Я охотно соглашался, что вся православная община Машгары состоитъ изъ „газелей", хотя достойные ея представители, обыкновенно сидѣвшіе при этомъ въ комнатѣ Абу-Масуда, на газелей ни въ какомъ случаѣ не походили...

А то о политическихъ и общественныхъ новостяхъ разговаривали мы съ Абу-Масудомъ. Молодое поколѣніе, подобно другимъ старикамъ, онъ не порицалъ, хотя имѣлъ на то полное право. Уже больше пяти лѣтъ прошло, какъ уѣхалъ въ Америку его старшій сынъ на заработки; на рукахъ старика онъ оставилъ жену съ двумя малолѣтними дѣтьми и не присылалъ ни гроша денегъ, даже писалъ очень рѣдко...

— Скоро вся Машгара въ Америку уѣдетъ. Всѣ собираются. Завидно. Пріѣхалъ Насыфъ, привезъ съ собой пятьсотъ золотыхъ, пріѣхалъ Мансуръ—триста золотыхъ. Вотъ и всѣмъ хочется заработать.

— А давно-ли, Абу-Масудъ, стали ѣздить изъ Сиріи въ Америку?

— Лѣтъ пятнадцать, не больше. Сначала изъ Ливана стали ѣздить, торговать въ Америкѣ. Купятъ товару и ходятъ тамъ по селамъ и городамъ, продаютъ. Такъ и зарабатываютъ. Скоро, должно быть, вся Сирія поѣдетъ въ Америку. Только правительство наше не позволяетъ.

— Какъ же уѣзжаютъ теперь?

— Возьмутъ maskupe *) до Яффы, напримѣръ, или до Кайфы. Ну, а попадутъ въ море—и прости—прощай! Въ Америкѣ паспортовъ, говорятъ, не требуютъ... Только работа эта унизительная. Не такъ жили наши дѣды, не такъ я жилъ!—съ какимъ-то горделивымъ упрекомъ восклицалъ Абу-Масудъ.

— Чѣмъ же унизительная работа?

— Чего хорошаго—ходить съ коробкой товару по домамъ. Въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ, говорятъ, нашихъ до ста тысячъ человѣкъ. И всѣ торгуютъ. Природные американцы какъ завидятъ нашихъ торговцевъ, такъ велятъ слугамъ гнать ихъ отъ дверей... Унизительная работа, потому что лишняя. Да и бѣдствуютъ же тамъ наши сирійцы! Деньги

*) Паспортъ.

наживаютъ немногіе. А страна наша пустѣетъ. Жены безъ мужей развратничаютъ; да и мужчины живутъ въ Америкѣ безъ женъ, всякія болѣзни съ собой домой привозятъ... Плохое дѣло, мой господинъ!

— А сынъ твой тоже торгуетъ?

— Нѣтъ. Онъ въ Бразиліи хлѣбъ сѣетъ...

— Хорошо онъ тамъ работаетъ?

— Хорошо, должно быть, коли ничего не пишетъ,—говорилъ Абу-Масудъ и улыбался при этомъ очень грустно; потомъ призывалъ внучку, маленькую четырехлѣтнюю дѣвочку, и училъ ее:

— Скажи: „Я Рабби! *)

— Я Лабби,—лепетала дѣвочка.

— Принеси мнѣ моего отца!

— Плинеси мнѣ моего отца!

Дѣвочка повторяла за старикомъ слова, била себя, по его примѣру, кулачкомъ въ грудь и закатывала къ небу большіе, темнокаріе глазки. Послѣ этого Абу-Масудъ давалъ ей гостинца—кусокъ сахару или апельсина, цѣловалъ и отсылалъ къ матери.

Обыкновенно вечеромъ въ день моего пріѣзда къ Абу-Масуду въ домъ собирались гости, чтобы сдѣлать мнѣ „салямъ“—привѣтствіе. Сидѣли они, обыкновенно, молчаливо. Больше всѣхъ говорилъ Абу-Масудъ, сидя на коврѣ около манкала **) и непрестанно кипятя черный кофе. Говорилъ онъ, что всѣ православные сирійцы любятъ Россію и постоянно молятъ Бога, о томъ, чтобы Россія защищала сирійскихъ православныхъ отъ притѣсненій мусульманъ и дала имъ свободу жить на своей милой родинѣ... Онъ разсматривалъ при этомъ рисунки журналовъ и газетъ, которые я возилъ всегда съ собою, и съ самой благодушной улыбкой, держа книгу „вверхъ ногами“, передавалъ сидящему рядомъ съ нимъ Абу-Абдаллѣ, говоря:

— Возьми, почитай намъ.

Абу-Абдалла бралъ журналъ, конфузливо усмѣхался, но, чтобы поддержать шутку, передавалъ дальше со словами:

— Развѣ, вотъ, Абу-Насыфъ прочитаетъ.

Такъ, попивая черный кофе, проводили мы время до ужина, за которымъ хлопотала женская половина дома. Если я пріѣзжалъ вечеромъ, Абу-Масудъ предупреждалъ меня арабской пословицей: „Кто пріѣхалъ вечеромъ, тому нѣтъ ужина“. Но ужинъ, конечно, всегда являлся... Приглашались и гости. Нѣкоторые ужинали съ нами, а нѣкоторые послѣ.

---

*) О, Господь мой!

**) Жаровня съ углями.

Самъ Абу-Масудъ уже не слѣдовалъ арабскому обычаю, чтобы хозяинъ служилъ гостю за столомъ, и ѣлъ всегда вмѣстѣ со мною, усердно потчуя. На широкій, мѣдный, круглый подносъ ставились, обыкновенно, всѣ кушанья сразу. Мы всѣ, сидя на подушкахъ, ѣли по выбору, кто чего хотѣлъ. Хозяйка, стоя окола стола, всегда извинялась за недостойный такого высокаго гостя ужинъ.

— Какъ хочешь, мой господинъ! Мы мужики. Хочешь — осудишь, хочешь—нѣтъ,—добавлялъ Абу-Масудъ.

Послѣ ужина, передъ сномъ, мы любили съ Абу-Масудомъ помечтать, сидя на площадкѣ передъ домомъ. Площадка падала обрывистой стѣной на нижнюю террасу въ садъ Абу-Масуда. Весною оттуда поднимались ароматы цвѣтущихъ абрикосовъ, миндаля, грушъ и яблокъ. Едва слышно прокрадывалась тамъ по оросительнымъ каналамъ вода. Ниже, въ темнотѣ, перемѣшанныя съ кудрявою зеленью тутовыхъ деревьевъ и тополей, виднѣлись плоскія крыши домовъ, скатывающихся по обрыву внизъ къ шумящей по камнямъ рѣчкѣ. Надъ нами поднималось высокое южное небо съ сіяющими звѣздами. Позади, почти надъ самыми нашими головами, висѣли сѣрыя, вѣчныя скалы Ливанскаго хребта. Шумъ горныхъ водъ, говоръ тополей, чуткое эхо горъ—все сливалось въ одинъ непрерывный, таинственный гулъ... Казалось иногда, что всѣ эти горы, всѣ эти звѣзды только на мгновеніе застыли на мѣстѣ, что гигантскій размахъ природы остановился не надолго. Минута—и все начнетъ двигаться, разрушаться: задрожитъ богатырь-Ливанъ и стряхнетъ съ себя на насъ сѣрыя глыбы; заволнуется небо, и попадаютъ на горы трепещущія въ своихъ свѣтлыхъ одеждахъ южныя звѣзды... Но нѣтъ, все оставалось неподвижно и величаво попрежнему...

Абу-Масудъ разговаривать въ это время много не любилъ и сидѣлъ молча, съ нахмуренными сѣдыми бровями, но я чувствовалъ, что его старческое сердце, какъ и мое молодое, сжимается и трепещетъ одинаковымъ томленіемъ чего-то недосказаннаго, неразгаданнаго. Время отъ времени онъ все же бросалъ мнѣ обрывки своихъ невеселыхъ, большею частью, думъ.

— Вотъ смотрю я такъ на небо, на звѣзды и часто думаю,—сказалъ онъ однажды,—какъ это все тамъ на верху одинаково: маленькимъ я былъ, смотрѣлъ на небо,—тамъ было весело и хорошо; теперь старикомъ сталъ, смотрю,—все такъ же весело и хорошо. А у насъ здѣсь какъ все быстро перемѣняется! О, великій Боже!

— Все въ жизни измѣняется, но не всегда же къ худшему,—сказалъ я осторожно...

— Можетъ быть!—быстро согласился Абу-Масудъ.—Но, мой господинъ! Только расточительный хозяинъ строитъ новый домъ, а старый бросаетъ совершенно во власть змѣй, волковъ и лисицъ. Хозяинъ добрый всегда возьметъ изъ стараго дома всѣ лучшіе камни, обдѣлаетъ ихъ и поставитъ въ новый домъ, даже на видное мѣсто. И всегда будетъ онъ гордиться ими и говорить: „Вотъ этотъ камень обтесалъ мой дѣдъ, а этотъ мой отецъ“. О, мой господинъ! Кто любитъ дѣдовъ, тотъ любитъ и дѣдовскіе камни...

Въ это время въ комнатѣ готовилась постель. Невѣстка приносила тазъ съ водой и, не смотря на всѣ мои отказы, принималась по восточному обычаю мыть мнѣ ноги. „Это твоя служанка“,—говорилъ мнѣ Абу-Масудъ, показывая на невѣстку. И спокойно засыпалъ я подъ тотъ же горный таинственный шумъ, врывавшійся въ плохо притворенныя окна чистой и высокой комнаты. Но Абу-Масудъ долго еще разговаривалъ съ гостями въ сосѣдней комнатѣ и отдавалъ женѣ приказанія на завтра.

Такъ съ виду тихо и спокойно проходила жизнь Абу-Масуда. Весною онъ занимался выкармливаніемъ личинокъ шелкопряда, при чемъ двѣ большія комнаты отдавались подъ подъ глиняные и деревянные круги, наполненные прожорливыми червячками. Абу-Масудъ показывалъ мнѣ различныя породы личинокъ, разсказывалъ объ ихъ привычкахъ, о выгодахъ занятій шелководствомъ... Во все же остальное время года Абу-Масудъ сидѣлъ дома, курилъ собственнаго производства табакъ, неистово коптя свои роскошные бѣлые усы, и только иногда вмѣшивался въ политическую жизнь Машгары, въ отношенія разныхъ вѣроисповѣданій другъ къ другу. То православные изъ-за пустяковъ поссорятся другъ съ другомъ,—нужно ихъ помирить, иначе обиженный перейдетъ въ католичество. То протестантскій проповѣдникъ придетъ проповѣдывать свободное пониманіе Библіи... Хотя врядъ-ли кто-либо изъ православныхъ понималъ священное писаніе и по православному толкованію, однако, нужно было проповѣднику помѣшать, чтобы онъ тѣмъ или инымъ путемъ не совротилъ съ истиннаго пути немногихъ членовъ машгарской православной общины. А то случится въ Машгарѣ какое-либо преступленіе. Правительство пришлетъ солдатъ и размѣститъ ихъ по домамъ. Тѣ пьютъ, ѣдятъ и безчинствуютъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Нужно постараться освободить православную общину отъ такой тяготы.

Но на душѣ у Абу-Масуда было неспокойно. Дѣти смущали его. Абу-Масудъ все чаще и чаще съ грустью посма-

тривалъ украдкой на невѣстку и нѣжнѣе прежняго начиналъ ласкать маленькихъ дѣтей — двухъ дѣвочекъ. Его второй сынъ, красавецъ Ибрагимъ, уѣхалъ въ сосѣдній городъ на службу, но и о немъ мало слышалъ Абу-Масудъ хорошаго. Ибрагимъ пьянствовалъ и развратничалъ. Разговаривая о дѣтяхъ, Абу-Масудъ глубоко вздыхалъ, а жена его начинала тотчасъ же тихонько плакать и ласкать маленькаго, теперь единственнаго, сына.

Болѣе полугода не былъ я въ Машгарѣ и не видѣлъ Абу-Масуда. Слышалъ только, что умеръ его сынъ, красавецъ Ибрагимъ, сгубившій свое здоровье развратнымъ поведеніемъ...

Когда я пріѣхалъ, наконецъ, въ Машгару, то по обстоятельствамъ, долженъ былъ, противъ обыкновенія, остановиться не у своего пріятеля. Однако, не успѣлъ я слѣзть съ лошади, какъ внизу между плоскими крышами уже завидѣлъ его крупную фигуру. Онъ шелъ, опираясь, по обыкновенію, на большую палку, переступая медленными, но широкими шагами по камнямъ, казалось, попрежнему могучій и крѣпкій. Но когда Абу-Масудъ подошелъ ближе, я чуть не ахнулъ. Бѣдный старикъ, какъ онъ измѣнился! Глаза, хорошіе, добрые глаза его смотрѣли ужасно грустно; лицо потемнѣло; подбородокъ, давно небритый, покрылся густою щетиной; платье въ безпорядкѣ. Медленно и молча раскрылъ онъ свои объятія и мы поцѣловались. Онъ молчалъ, тяжело дыша и силясь улыбнуться. Я съ состраданіемъ смотрѣлъ на него.

— Слыхалъ я, Абу-Масудъ, про твое горе. Не тоскуй!— попробовалъ я утѣшить старика.

— Надѣюсь на Бога,—сказалъ Абу-Масудъ. Но вдругъ его небритый подбородокъ задрожалъ, и изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей потекли крупныя слезы. Онъ весь какъ-то опустился, осѣлъ, положилъ мнѣ на плечи обѣ руки и на одну изъ нихъ склонилъ свою трясущуюся отъ тихихъ слезъ голову.

— Богъ далъ, Богъ и взялъ—говорилъ онъ, какъ древній Іовъ.—Только больно мнѣ. Сердце болитъ... Сдѣлать съ собой ничего не могу. Да и жену жалко. Знаешь ты, мы— арабы ужъ такіе люди: если *ушелъ* одинъ... Тоска... Приходи же ко мнѣ, коли найдешь время.

Занятый дѣлами, я все время видѣлъ, какъ Абу-Масудъ сидѣлъ передъ своимъ домомъ на площадкѣ, тамъ, гдѣ мы такъ любили съ нимъ проводить вечера. Онъ, какъ будто, совсѣмъ не смотрѣлъ въ мою сторону, но, видно было, ждалъ меня и боялся, что я не приду... Уже къ вечеру пошелъ я къ Абу-Масуду. Онъ сидѣлъ все тамъ же, но, увидавъ меня,

отвернулся. Дескать, не жду я тебя, а придешь—милости просимъ...

Грустно смотрѣли свѣтлыя, неубранныя комнаты Абу-Масуда. И на нихъ лежала печать какого-то упадка и запустѣнія. Старуха не показывалась, издали только слышалъ я какіе-то жалобные стоны... Дрожащими руками поставилъ Абу-Масудъ свой жестяной самоварчикъ и, не смотря на всѣ мои отговоры, угостилъ чаемъ.

— Вотъ одинъ у меня остается,—сказалъ онъ, показывая на десятилѣтняго сына.—Одинъ въ Америкѣ, не пишетъ и не ѣдетъ, а другой... если бы и хотѣлъ, такъ ужъ не можетъ пріѣхать...

IV.

Почтовый день въ Рашайѣ.

Сегодня пятница—въ Рашайѣ почтовый день. Городъ проснулся раньше обыкновеннаго. На улицахъ виднѣются разноцвѣтныя фески, бѣлые изары *) и синія юбки друзокъ **). На улицахъ замѣтно гораздо болѣе оживленія, чѣмъ во всякое другое время. Собаки сбѣгаются отовсюду и заводятъ драку. Ослики, проходя мимо почты съ кувшинами воды, положенными на спинѣ въ плетеныя корзины, гораздо глубокомысленнѣе, чѣмъ въ обыкновенное время, машутъ своими длинными ушами. Даже слѣпой Тума вышелъ изъ дому и, постукивая палкой по камнямъ, плетется къ почтѣ.

На плоской крышѣ почтоваго дома я уже вижу тучную фигуру Симана, рьянаго рашайскаго политикана и приверженца Россіи. Онъ стоитъ въ позѣ ожиданія, играя отъ нечего дѣлать перламутровыми четками и перебрасываясь иногда отдѣльными словами съ публикой, столпившейся на дворѣ. Его лицо, фигура, частые, нетерпѣливые взгляды на дамасскую дорогу, откуда приходитъ почта—все обличаетъ въ немъ большое волненіе и нетерпѣніе. Почта бываетъ разъ въ недѣлю и больше не откуда ждать никакихъ новыхъ вѣстей! Какъ же не волноваться?..

Сапожникъ Мильхимъ сегодня также всталъ ранѣе обыкновеннаго и давно работаетъ въ своей мастерской на рашайскомъ базарѣ, ожидая Симана съ новостями.

Священники раньше обыкновеннаго отслужили обѣдню. Изъ города никто не выѣзжалъ на работу. Всѣ ждутъ ново-

---

*) Изаръ—женское головное покрывало.

**) Друзы—особая, спеціально-сирійская религіозная секта.

стей. Кто изъ Америки отъ родственниковъ писемъ, кто газетъ, а кто и вовсе для себя ничего не ждетъ, но интересуется, что̀ будетъ новаго другимъ. Дѣти и пѣтухи кричатъ громче. Рашайя оживилась, какъ муравейникъ, въ который шалунъ-мальчишка всунулъ палку.

Но вотъ на почтовый дворъ въѣхалъ нагруженный кожаными мѣшками мулъ. Толпа зашевелилась и загудѣла...

Черезъ полчаса почтовый слуга, Шагинъ, важно сидя на крыльцѣ подъ аркой, выкрикивалъ имена адресатовъ и бросалъ въ толпу письма. На улицахъ образовались разноцвѣтныя кучки людей: тамъ читались новости. Оставленный хозяиномъ осликъ попробовалъ было ревомъ выразить сочувствіе одной изъ читающихъ группъ, но его прогнали палками.

Симанъ раньше всѣхъ протискался на почту, взялъ свою газету „Любовь" и уже нетерпѣливо впился глазами въ газетные столбцы. На одномъ мѣстѣ онъ остановился, передвинулъ раза два на головѣ феску, немного присѣлъ, даже подпрыгнулъ и почти бѣгомъ побѣжалъ на базаръ, гдѣ его давно ожидалъ сапожникъ Мильхимъ.

— Добрый день, господинъ Мильхимъ!

— Какъ дѣла въ Европѣ?—спросилъ Мильхимъ, не отвѣчая даже на привѣтствіе.

— Японія поссорилась съ Россіей изъ-за Манчжуріи...

— Гм...—сказалъ Мильхимъ, продергивая дратву.

— Да пишутъ еще, что Англія будетъ поддерживать Японію, такъ какъ онѣ съ нею въ дружбѣ.

— Гмъ... Это ясно!—сказалъ Мильхимъ, осматривая шовъ.

— Еще французскій начальникъ,—Луба прозывается,—поѣхалъ въ Петербургъ, къ царю въ гости...

Мильхимъ задумался. Долго онъ молчалъ, дѣлая стежки, наконецъ, отложилъ въ сторону башмакъ и шило и таинственно сказалъ:

— Богъ свидѣтель—Англія пропала!..

— Почему?—удивился Симанъ и разинулъ ротъ.

— Ужъ если французскій начальникъ поѣхалъ въ Россію, значитъ, не даромъ. Ты думаешь, цари-то, какъ мы съ тобой,—сѣлъ да и поѣхалъ такъ себѣ, безъ всякаго дѣла? Нѣтъ! Вотъ теперь англичане увидятъ, что значитъ Россія!..

Симанъ былъ пораженъ сообразительностью Мильхима и съ торжествомъ крикнулъ проходящему мимо протестантскому учителю, своему заклятому политическому врагу:

— Англіи конецъ,—учитель! Русскіе покажутъ англичанамъ, что значитъ Россія! Слышишь ли, мой господинъ? Покажутъ!

— Почему русскіе покажутъ? — спросилъ протестантскій учитель.

— Русскіе объявятъ Англіи съ Японіей войну. Россія съ Франціей противъ Англіи съ Японіей!!. Пропала Англія!..

— Англія побѣдитъ,—отвѣчалъ увѣренно учитель.

— О, мой братъ, побѣдитъ Россія!

— Мой отецъ, Англія!

— Мой господинъ, побѣдитъ Россія, говорю тебѣ! Мильхимъ, докажи!

Собралась толпа. Бабы, не получившія ничего съ почты, шли уныло и разочарованно. Услыхавъ шумъ, онѣ подошли къ толпѣ, желая поинтересоваться чужими новостями. Вдругъ одна замахала руками и визгливо закричала:

— Конечно, Россія побѣдитъ! Русскій царь,—да дастъ ему Богъ побѣду,—сильнѣе всѣхъ. Когда была война въ Китаѣ, онъ взялъ со своей шеи платокъ, надѣлъ на китайскую царицу и говоритъ ей: „Иди въ Пекинъ, никто тебя въ моемъ платкѣ не тронетъ“. Царица и пошла къ себѣ въ домъ, и теперь тамъ живетъ спокойно.

Всѣ разинули рты отъ изумленія. Симанъ разсердился, что не онъ первый узналъ такую важную политическую новость, и закричалъ на бабу:

— Чего ты понимаешь! Иди отсюда! Слышалъ, что сказала эта женщина? Побѣдитъ Россія, мой учитель! Слышалъ, какая сила у русскаго царя?!

— Что она знаетъ? Такъ говоритъ. Вретъ.

— Нѣтъ, не вретъ. Женщина не можетъ выдумать ничего подобнаго. Это правда. Россія побѣдитъ!

— Нѣтъ, Англія!

— Что такое?—слышались въ толпѣ вопросы.

— Да говорятъ, Россія воюетъ съ Англіей за Манчжурію...

— О, Боже! Россія побѣдитъ.

— Нѣтъ, Англія!—кричалъ протестантскій учитель.

— Хочешь держать закладъ!..—Симанъ раздраженно выбросилъ на дорогу французскую лиру *).

— Да я безъ заклада знаю, что Англія побѣдитъ,—сказалъ протестантскій учитель.

— А если знаешь, тѣмъ лучше для тебя.

Толпа одобрительно гудѣла. Протестантскій учитель сконфузился и сказалъ:

— Если хочешь, на межиди **). Больше со мной нѣтъ.

Симанъ усмѣхнулся и досталъ межиди.

— Отдайте Мильхиму! Мильхиму отдайте!—загудѣла толпа.

Два межиди отдали Мильхиму. Тотъ положилъ ихъ въ новый, только что сдѣланный имъ башмакъ и сказалъ:

---

*) 7 р. 50 коп.

**) Межиди—1 р. 60 коп.

— Россія побѣдитъ! Ты проигралъ, учитель!

— Да что вы, русскіе или арабы?—спросилъ учитель.

— А ты кто? Ты скажи мнѣ, ты кто? англичанинъ? —лѣзъ на учителя Симанъ.

— Я... англичанинъ. Я въ Англіи былъ,—неувѣренно сказалъ учитель.

— И оселъ Сурсука *) можетъ сказать, что онъ изъ семьи Сурсука. Но Сурсукъ сажаетъ на него своихъ слугъ. Такъ и ты,—сказалъ Мильхимъ, продергивая новую дратву.

— Какъ! Значитъ, я оселъ? Сами вы ослы!

— Ты собака и сынъ собаки! Какъ ты смѣешь ругать насъ!? Ты—сынъ тысячи башмаковъ!

— Всѣ вы дураки и ничего не понимаете! А еще въ газеты носъ суете.

— Подожди! Да ты долгъ мнѣ отдай сначала,—выскочилъ изъ толпы лавочникъ.

— Отдай долгъ, тогда ругайся!

Учителя окружили. Не сдобровать бы ему, но въ это время на морѣ раздался протяжный, отчаянный женскій крикъ. Къ этому голосу вскорѣ присоединилось еще нѣсколько женскихъ голосовъ. Они нарушили ровный гулъ жизни маленькаго восточнаго городка. Этотъ крикъ не могло сгладить своими мягкими, успокоивающими откликами даже услужливое эхо. Но крикъ на то и былъ разсчитанъ. Нужно было, чтобы всѣ въ Рашайѣ узнали, что на свѣтѣ однимъ человѣкомъ стало меньше... Протестантскій учитель воспользовался случаемъ и ушелъ. Толпа двинулась туда, откуда слышались крики. Почта принесла горестную вѣсть о смерти одного изъ рашайцевъ въ Америкѣ. Его жена, ломая свои руки, кричала:

— Горе мнѣ,—я убита! Горе мнѣ,—домъ мой разрушенъ! Съ кѣмъ я буду жить безъ тебя, о мой милый, любимый?! О, если бы я тебя не знала!..

И долго еще раздавались эти хватающіе за душу вопли. А къ дому вдовы стекались со всѣхъ концовъ города люди. Всѣ ахали и вздыхали. Симанъ съ газетой въ рукахъ тоже былъ тамъ. Отдавъ дань уваженія покойнику, онъ уже разсуждалъ и тамъ о политикѣ. Изъ разговоровъ выяснилось, что Японія давно хотѣла быть въ союзѣ съ Россіей, только Россія требовала отъ Японіи перемѣны языческой вѣры на православную. Ну, а для Англіи, какъ извѣстно, всѣ вѣры равны... Вотъ Японія и подружилась съ нею.

Весь день Симанъ ходилъ съ газетой въ рукахъ по городу

---

*) Сурсукъ—извѣстный сирійскій богачъ.

и доказывалъ всѣмъ, что Россія побѣдитъ. Споръ съ протестантскимъ учителемъ задѣлъ его за живое.

Наконецъ, городъ утихъ. Величавыя горы столпились кругомъ, точно сдвинулись тѣснѣе и, кутаясь въ облака, мирно заснули. Заснулъ и городокъ, затерявшійся въ красноватыхъ грудахъ Антиливана, заснулъ тихо, точно ребенокъ. Только изрѣдка раздавались неясныя всхлипыванія, похожія на печальное воркованіе горлинки...

V.

Могильщикъ.

(Изъ Рашайской хроники).

На немъ лежала обязанность хоронить всѣхъ мертвецовъ въ Рашайѣ, небольшомъ сирійскомъ городкѣ, заброшенномъ въ отрогахъ дикаго Антиливана. Онъ зарывалъ ихъ и въ одиночку на кладбищѣ, клалъ и въ общую пещеру, смотря по желанію родственниковъ умершаго. Въ пещерѣ ему былъ извѣстенъ каждый гробъ такъ же хорошо, какъ музыканту клавиши рояля. Тамъ онъ разставлялъ гробы рядами, при чемъ наиболѣе уважаемымъ мертвецамъ отводилъ и наиболѣе почетныя мѣста, ближе къ переднему углу пещеры. Разсердившись на родственниковъ какого-либо мертвеца, онъ производилъ въ пещерѣ перестановку, при чемъ виноватый получалъ менѣе почетное мѣсто. Когда пещера наполнялась, могильщикъ выбрасывалъ оттуда всѣ гробы, кости сгребалъ въ одну кучу и зарывалъ въ яму, а изъ досокъ дѣлалъ новыя домовины для своихъ мрачныхъ и молчаливыхъ гостей.

Всѣ въ городкѣ уважали могильщика Исбира и даже боялись его. Боялись его не потому, что онъ занимался такимъ мрачнымъ и страшнымъ ремесломъ. Нѣтъ. Въ маленькомъ городкѣ дикаго Антиливана жизнь текла такъ тихо, такъ мало отличалась отъ смерти, что и самая смерть не казалась такой ужасной, какой она кажется у насъ, въ большихъ оживленныхъ городахъ. Здѣсь, на высотѣ шести тысячъ футовъ надъ морскимъ уровнемъ, среди сѣрыхъ неподвижныхъ скалъ, въ горной пустынѣ, жизнь примирялась со смертью и почти безъ страха подавала ей свою трепетную руку... Жилъ человѣкъ тихо; умеръ—тоже лежитъ тихо подъ раскаленными солнцемъ камнями. Могильщика Исбира боялись и уважали просто потому, что онъ и съ живыми людьми обращался такъ же беззастѣнчиво и властно, какъ и съ мертвыми. Онъ не дѣлалъ большой разницы между тѣми и другими, на всѣхъ людей привыкнувъ смотрѣть, какъ на сво-

ихъ должниковъ, которые должны рано или поздно къ нему придти и заплатить свою обычную дань. Богатымъ онъ прямо говорилъ:

— Ну, а съ тебя я никакъ меньше меджиди взять не могу, хоть и не торгуйся...

И богачъ старался куда-нибудь спрятаться отъ безцеремоннаго могильщика Исбира.

— Дешева теперь смерть,—жаловался Исбиръ.—Дешева, дешевле рѣдьки. Яму ему вырой между скалами, опусти его туда, зарой, смотри, какъ бы шакалы его не поѣли, и за все это какихъ-нибудь шесть піастровъ! *) Священнику даютъ столько же, какъ и мнѣ. А развѣ у него такая работа, какъ у меня? Помашетъ кадиломъ, попоетъ, почитаетъ—и дѣлу конецъ. Развѣ это трудно? Нѣтъ, дешева теперь стала смерть. Раньше я развѣ столько получалъ!..

Вѣчно счастливое для всѣхъ далекое прошлое!..

Кромѣ этого ремесла, у Исбира было и другое, на которое онъ смотрѣлъ, впрочемъ, какъ на занятіе побочное. У него была замѣчательно прочная голова. Головой этой онъ кололъ орѣхи, разбивалъ доски, ломалъ палки... Если ему случалось съ кѣмъ-нибудь повздорить и подраться, то рукъ онъ никогда не пускалъ въ ходъ, а билъ противника головой. Ударитъ его лбомъ по головѣ, тотъ и завертится на мѣстѣ, какъ больная овца, и упадетъ. Вотъ Исбиръ и кололъ своей головой на потѣху публики все, что ни попало. Дѣлалъ онъ это, конечно, не иначе, какъ за деньги, и только передъ турецкими чиновниками. Исбиръ ихъ уважалъ и боялся, во-первыхъ, потому, что они были—власть, во-вторыхъ, потому, что въ его обязанности совсѣмъ не входило хоронить мусульманскихъ покойниковъ. Христіанамъ же, „своимъ“, будущимъ кліентамъ, развѣ могъ онъ, могильщикъ Исбиръ, выставлять себя на потѣху?

Возьметъ, напримѣръ, Исбиръ штукъ пять большихъ орѣховъ, придетъ къ каймакаму **) на домъ и скажетъ:

— Миръ тебѣ, владыка!

— И тебѣ миръ,—отвѣтитъ каймакамъ.—Что скажешь новаго, Исбиръ?

— Вотъ пришелъ я, мой господинъ, съѣсть эти орѣхи въ твою честь.

— Ну, ѣшь,—скажетъ каймакамъ.

Положитъ Исбиръ орѣхъ на каменный полъ, нагнется, стукнетъ лбомъ, разобьетъ и съѣстъ. И такъ сдѣлаетъ со

*) Около 40 копѣекъ.

**) Уѣздный начальникъ.

всѣми... Каймакамъ посмѣется и дастъ ему за искусство бишликъ *), а то и больше.

Главной чертой Исбирова характера была страшная нелюбовь ко всему новому. Привыкши имѣть дѣло съ мертвецами, которые повиновались ему во всемъ и безпрекословно, онъ хотѣлъ, чтобы и живые люди его слушались такъ же безропотно. Не любилъ онъ новшества ни въ чемъ. Онъ требовалъ, чтобы гробы были одинаковой формы, чтобы одѣвали мертвыхъ тоже одинаково, по его указаніямъ.

— Развѣ я не знаю, какъ мертвецу лучше! Дѣлайте такъ, какъ я говорю вамъ,—прикрикивалъ онъ на плачущихъ родственниковъ.

Нетерпимость Исбира выходила далеко за кругъ его постоянныхъ обязанностей. Онъ вмѣшивался и въ другія дѣла города, всюду внося свою раздражительность и вражду къ новшествамъ. Такъ, въ Рашайѣ не было ключевой воды. Весь городъ пилъ круглый годъ изъ особыхъ ямъ, наполнявшихся въ зимнее время дождевою водою. А въ концѣ лѣта мѣсяца два рашайцамъ приходилось даже возить воду изъ сосѣдней долины, часа два пути отъ города. Начали рашайцы поговаривать о проведеніи воды съ Гермона по трубамъ; Исбиръ сталъ смѣяться:

— Продайте своихъ женъ, лошадей и ословъ, проведите хорошую воду по трубамъ, да некому будетъ ее пить. Свѣжей воды захотѣли. Дѣды ваши хуже васъ были, хуже васъ жили!..

Надоѣло рашайцамъ ѣздить по горнымъ тропинкамъ. Вздумали они просить турецкое правительство прислать имъ знающаго человѣка, который построилъ бы имъ шоссированную дорогу. Исбиръ опять началъ смѣяться:

— Вотъ построитъ вамъ правительство дорогу на ваши деньги, а дома ваши разрушитъ... И будутъ по хорошей дорогѣ бѣгать къ вамъ волки да шакалы. Потомъ придутъ сюда другіе люди и купятъ у васъ землю за гроши, сядутъ на вашей землѣ, сами разбогатѣютъ, а васъ выгонятъ или въ батраки возьмутъ...

И не проводили рашайцы воду, и дорогу не строили.

Изъ христіанъ Исбиръ болѣе всѣхъ уважалъ учителя, и то, можетъ быть, потому, что тотъ отличался не меньшимъ властолюбіемъ, чѣмъ онъ самъ. Привыкнувъ въ школѣ распоряжаться учениками, какъ вещами, учитель не допускалъ въ людяхъ никакой свободы, и на всѣ ихъ поступки направлялъ свою сокрушающую критику.

Исбиръ весьма одобрялъ строгости учителя и иногда на-

*) Около 20 к.

рочно приходилъ въ день порки учениковъ полюбоваться ихъ страданіями. Виновные выстраивались въ рядъ, безропотно выходили одинъ за другимъ и безъ словъ подставляли подъ удары свои пятки.

Два ученика закручивали въ фаляка *) ноги ученика, а учитель, сидя на стулѣ, медленно и сосредоточенно колотилъ по пяткамъ, высчитывая положенные удары. Исбиръ одобрительно кряхтѣлъ и говорилъ наказаннымъ, что эта благодать зачтется имъ въ царствіи небесномъ. Говорилъ это онъ увѣренно, и всѣ соглашались съ нимъ. Кому же, какъ не могильщику, знать всѣ правила и обычаи небеснаго царствія?..

Насладившись поучительнымъ зрѣлищемъ, Исбиръ шелъ къ своимъ мертвецамъ и долго копался тамъ, роя запасныя ямы или расчищая кладбище отъ камней.

Однажды въ городокъ первый разъ отъ сотворенія міра заѣхалъ какой-то еврейчикъ съ европейскимъ товаромъ. Привезъ онъ вещи невиданныя. То были черные, стальные, дешевые карманные часы и зонтики. Еврей навѣшалъ себѣ на грудь и животъ цѣлые десятки часовъ, развернулъ надъ собой зонтикъ и прошелся по базару. Весь городокъ собрался посмотрѣть на диковиннаго человѣка въ шляпѣ, принесшаго съ собой невиданныя вещи. О часахъ жители городка еще имѣли нѣкоторое смутное представленіе: они слышали о существованіи желѣзной машины, показывающей время, но о такихъ маленькихъ часахъ, которые можно положить въ карманъ, они еще не слыхали; о зонтикахъ и подавно. Такія диковинныя вещи—и такъ дешево.

Заволновался городокъ. Къ еврею потянулись покупатели. Скоро торговецъ распродалъ почти все, что привезъ. По улицамъ, на фонѣ красновато-сѣрыхъ скалъ и такого же цвѣта домовъ, замелькали темныя пятна зонтиковъ. На кунбазахъ **) противъ живота заболтались часы со стальными блестящими цѣпочками. Обыватели сразу разукрасились и почти совсѣмъ не сидѣли дома. Всѣ бродили по базару. Всѣмъ пріятно было полюбоваться, какъ играютъ на цѣпочкѣ солнечные лучи, справиться посреди улицы—который часъ, или пройтись, хотя бы безъ дѣла, подъ горячими лучами сирійскаго солнца, спрятавшись подъ тѣнь диковинной ходячей палатки.

Могильщикъ Исбиръ въ это время какъ разъ производилъ поправку въ своей мрачной пріемной. Возвращаясь къ обѣду домой и проходя по базару, онъ вдругъ увидѣлъ

*) Фаляка—петля на палкѣ.

**) Кунбазъ—легкая верхняя одежда, на подобіе длинной рубахи, въ обтяжку.

стараго Фаргуда, который разставилъ высоко надъ головой какую-то странную, круглую, черную палатку. Исбиръ остановился, оглядѣлъ его съ ногъ до головы и мрачно прохрипѣлъ:

— Откуда это? Что такое? Смотрите, люди добрые, какую онъ себѣ палатку купилъ! Растаять боится, умирать не хочетъ! Нѣ-ѣ-ѣтъ, придешь ко мнѣ, сколько ни закрывайся отъ солнца! Солнца испугался?! А!

Фаргудъ поспѣшилъ поскорѣе сложить свой зонтъ и юркнуть за уголъ.

Идетъ Исбиръ дальше. Смотритъ: у Дагера на животѣ какая-то свѣтлая штучка мотается.

— Что это?—спросилъ Исбиръ мрачно.

— Часы!—отвѣтилъ Дагеръ и хотѣлъ было улизнуть.

— Часы!—воскликнулъ Исбиръ.—Да ты развѣ эффенди, чиновникъ, что тебѣ часы понадобились? Твой отецъ развѣ носилъ часы!? Безъ часовъ жилъ, безъ часовъ я и закопалъ его. Не зналъ онъ даже—сколько лѣтъ на землѣ жилъ. А ты хочешь, чтобы я тебя положилъ въ землю съ часами? Сниму, мой господинъ, сниму. Ни на этомъ, на ни томъ свѣтѣ часовъ тебѣ не нужно, мой господинъ. Великій Боже! Кажется, сегодня всѣ одурѣли.

Ходитъ Исбиръ по базару и смотритъ всѣмъ прямо на животы, украшенные часами, смотритъ такъ, точно дыру въ животѣ глазами вертитъ. Кто ни увидитъ Исбира, прикроетъ руками часы и прошмыгнетъ въ первую лавку.

А зонтики такъ и разбѣгаются отъ него по переулкамъ въ узкіе проходы между сѣрыми домами.

Попытались было и надъ Исбиромъ посмѣяться. Досадно было, что онъ всѣхъ учитъ. Выбрался такой смѣльчакъ, подошелъ къ нему и говоритъ:

— Возьми съ меня, Исбиръ, піастръ и похорони у меня осла. Умеръ сегодня, бѣдняга!

Исбиръ смѣрилъ дерзкаго взглядомъ съ ногъ до головы, потомъ отвѣтилъ:

— Если ты и самъ умрешь, то цѣна тебѣ не дороже будетъ твоего осла. Но ты, повидимому, его глупѣе, потому похороню тебя даромъ.

И пошелъ. Убилъ и пошелъ! Пошелъ онъ прямо къ учителю, которому и разсказалъ, что видѣлъ въ городѣ. Долго они о чемъ-то разговаривали. Наконецъ, Исбиръ вышелъ на базаръ и, многозначительно осматриваясь по сторонамъ, направился прямо къ торговцу новыми диковинными вещами. Пришелъ и... купилъ себѣ часы и зонтикъ.

Быстрѣе молніи разнеслась по городу вѣсть, что могиль-

щикъ Исбиръ самъ купилъ себѣ часы и зонтъ. Всѣ вздохнули свободнѣе.

— Слава Богу! Значитъ, теперь не будетъ другихъ попрекать,—подумалъ каждый.

Но могильщикъ Исбиръ, очевидно, что-то замышлялъ. Часовъ онъ на себя не надѣвалъ, зонтика надъ собой не раскрывалъ, ходилъ мрачно и сосредоточенно.

Въ первый же воскресный день, послѣ обѣда, базаръ наполнился народомъ. Всѣ навѣсили на себя часы и раскрыли надъ головами зонтики, намѣреваясь пощеголять купленными заморскими вещами. Какіе хитрые эти „франжи" *). Чего только они не выдумаютъ!

Вдругъ, въ концѣ базара появился могильщикъ. Шелъ онъ медленно, важно, точно за гробомъ самаго богатаго покойника. Но кто это съ нимъ рядомъ? Какое чудовище?

У Исбира была собака. Онъ купилъ ее въ Курдистанѣ маленькимъ щенкомъ, вскормилъ ее, вмѣстѣ съ ней ѣлъ и чуть ли не спалъ. Курдскія собаки отличаются громадною силою, смышленностью и ловкостью. Исбировъ песъ удался на удивленіе. Это былъ не песъ, а левъ. Громадный, съ красными глазами и всклокоченной шерстью, онъ всегда медленно шелъ за Исбиромъ на могилы, готовый по первому знаку хозяина растерзать и человѣка, и привидѣніе.

А теперь Исбиръ нарядилъ своего друга по праздничному: на шеѣ у него болтались на стальной цѣпочкѣ часы, а надъ мохнатой его головой Исбиръ самъ несъ новомодную палатку. Такъ они обошли весь базаръ.

Черезъ полчаса не было видно кругомъ ни одного зонтика, ни однихъ часовъ!

VI.

Узналъ, узналъ!

— Великій Боже! Какъ хорошо теперь дома!—думалъ отецъ Рашида, возвращаясь съ мельницы домой на своемъ ослѣ. Уѣхалъ онъ еще съ утра къ рѣкѣ Лейтаніи, которая протекаетъ около Ливана. Тамъ провелъ онъ почти цѣлый день, исполнилъ возложенное на него женой порученіе—смололъ мѣшокъ муки и только теперь вечеромъ, съ поспѣшностью Ноева ворона, возвращался въ свою Рашайю, къ снѣжному Ермону.

— Какъ бы хорошо быть теперь въ своемъ домѣ, сидѣть

*) «Франжъ»—общее названіе всѣхъ европейцевъ, отъ слова французъ.

около малкала *), поѣсть, выпить чашку кофе, выкурить наркили **) и уснуть...

Но до Рашайи еще далеко. По горамъ безъ дорогъ ходятъ тучи, заглядываютъ и опускаются во всѣ долины, точно ищутъ тамъ потерянное счастье. Вѣтеръ мечется въ ущельяхъ и сѣчетъ отца Рашида по голымъ ногамъ дождемъ, какъ сердитый турецкій чиновникъ за неуплату податей. Начинаетъ темнѣть. Какъ ни хорошо дома, но сегодня до Рашайи отцу Рашида, очевидно, не добраться. Оселъ усталъ, да и самъ онъ чувствуетъ, какъ холодъ, точно назойливый гость, пробирается во всѣ углы его дыряваго абаи ***).

— Заночую я въ Баккифе, это недалеко. А завтра утромъ буду въ Рашайѣ,—рѣшилъ отецъ Рашида и погрузился снова въ свои думы.

Сидя на мѣшкѣ муки, положенномъ черезъ спину осла, онъ клевалъ носомъ и думалъ... О чемъ онъ въ это время думалъ? Этого не разгадалъ бы самый великій арабскій мудрецъ. Мысли бродили въ его головѣ, точно слѣпые нищіе въ селѣ, когда они останавливаются передъ каждою дверью и просятъ милостыню... А на лицѣ отца Рашида прочитать что-нибудь было такъ же трудно, какъ разобрать надписи на ассирійской гробницѣ... Что касается дороги въ Баккифе, то отецъ Рашида вполнѣ былъ увѣренъ, что его оселъ думаетъ одинаковую съ нимъ думу и даже больше его самого желаетъ заночевать гдѣ нибудь поближе. Вѣдь у осла дома въ Рашайѣ нѣтъ ни жены, ни дочери, ни сыновей. Отецъ Рашида такъ сжился съ своимъ осломъ, что понималъ всѣ его желанія. Какъ же было и ослу не понимать желаній отца Рашида, когда они столько лѣтъ прожили вмѣстѣ? У нихъ даже настроенія были одинаковы. Теперь, напримѣръ, оселъ, какъ и отецъ Рашида, чувствуетъ на сердцѣ нѣкоторую тоску и грустно помахиваетъ мокрыми ушами.

Такъ ѣхали они долго. Тучи свивались и развивались надъ ними, опуская полы своихъ одеждъ въ долины и окутывая ими отца Рашида вмѣстѣ съ его осломъ.

Отъ неба къ землѣ тянулись длинныя бѣлыя нити, точно на станкѣ у дамасскаго ткача, — частыя и прямыя бѣлыя нити дождя. Онѣ мочили отца Рашида, начиная съ его головы и нечесаной бороды и кончая башмаками, надѣтыми на босыя ноги. Становилось холоднѣе и холоднѣе. Въ декабрѣ сирійскія горы смотрятъ очень невесело. Куда это солнце дѣвалось, куда ушло? Неужели когда нибудь оно

*) Жаровня съ углями.

**) Кальянъ.

***) Широкая одежда съ прорѣзами на мѣстѣ рукавовъ.

снова засвѣтитъ ласково надъ горами, все пригрѣетъ и оживитъ?.. А теперь кругомъ все такъ сѣро, такъ печально. Камни плачутъ холодными слезами и утираются бѣлымъ туманомъ. О чемъ они плачутъ? Можетъ быть, о горячемъ лѣтѣ, о теплой, зеленой веснѣ?

Путники ѣхали такъ очень долго. Отецъ Рашида думалъ свое, оселъ свое. Отецъ Рашида сидѣлъ на ослѣ, а оселъ шелъ и шелъ. Наконецъ, онъ остановился. Отецъ Рашида поднялъ голову: передъ нимъ торчалъ какой-то домъ. Было почти темно. Шелъ мелкій снѣгъ, одѣвая бѣлой пеленой плоскія крыши домовъ и сѣрые камни.

— Слава и благодареніе Господу живыхъ!—сказалъ отецъ Рашида. — Пріѣхали на ночлегъ въ Баккифе. А завтра будемъ и въ Рашайѣ...

Оселъ посмотрѣлъ на хозяина съ удивленіемъ, на какое только способенъ былъ его философскій умъ, но промолчалъ и принялся за подставленную ему въ мѣшкѣ мякину. Отецъ Рашида снялъ съ осла муку, положилъ ее на сухое мѣсто, отыскалъ узелокъ съ лепешками и пошелъ въ домъ. На порогѣ онъ встрѣтилъ женщину, по всей видимости, хозяйку, ибо она по неосторожности выплеснула ему на бороду помои. Изругавъ ее въ сердцѣ за оскорбленіе, отецъ Рашида, однако, гнѣва не обнаружилъ, а смиренно ее привѣтствовалъ:

— Да будетъ счастлива для тебя эта ночь, госпожа моя! Позволь намъ съ осломъ переночевать у тебя сегодня.

Хозяйка сказала только „входи"! — и вышла изъ дому. Когда она проходила мимо отца Рашида, ему показалось, что женщина эта очень походитъ на его жену. Подивившись такому сходству, онъ развязалъ лепешки, сѣлъ у двери и принялся за сухой ужинъ. Прибѣжали дѣти. Возвратилась и хозяйка. Взяла она большой мѣдный кругъ, положила его среди комнаты на камень, а на него наклала лепешекъ, сыру, маслинъ и зажгла свѣтильникъ. Около круга разсѣлись дѣти ужинать. Отецъ Рашида удивлялся все больше и больше.

— И дѣти—точь въ точь мои дѣти,—думалъ онъ.—Вотъ старшій, какъ мой Рашидъ, второй, какъ мой Фарисъ, третій, какъ мой Нажибъ. Да и дѣвочка такъ похожа на мою Фадуа! Великъ Богъ! Нѣтъ ни жизни, ни силы безъ великаго Бога! Не достаетъ только, чтобы мужъ этой женщины походилъ на меня такъ же, какъ его жена походитъ на мою жену и его дѣти — на моихъ дѣтей. Но, должно быть, бѣдная женщина—вдова,—рѣшилъ отецъ Рашида и снова сталъ думать.

— Можетъ быть у нея найдется такой же оселъ, какъ у меня?

При этомъ отецъ Рашида разсмѣялся, т. е. наморщилъ лобъ и скривилъ ротъ, точно заплакать собирался. Люди еще

могли походить другъ на друга, но ослы — никогда. Этого отцу Рашида встрѣчать не доводилось совсѣмъ. Каждый оселъ чѣмъ нибудь да отличался отъ другого осла, хотя бы и своего брата.

Наконецъ, хозяйка сказала:

— Что же ты, отецъ Рашида, не садишься ужинать съ дѣтьми? Что ты сидишь у двери?

— И имя мое знаетъ эта женщина,—подумалъ отецъ Рашида и вслухъ сказалъ:—Да увеличитъ Богъ твое добро, госпожа моя! Я поужиналъ. Теперь бы мнѣ уснуть.

Женщина промолчала, только покосилась на отца Рашида.

Дѣти поужинали. Отецъ Рашида сходилъ посмотрѣть своего осла. Хозяйка постлала постель и уложила съ краю дѣтей. Отецъ Рашида вошелъ и началъ прилаживаться на ночлегъ у двери.

— Ложись сюда спать, отецъ Рашида! — сказала хозяйка.—Зачѣмъ ты хочешь спать у двери?

— Прошу у Бога прощенія, госпожа моя! Я не такой человѣкъ... Я лягу у двери, а ты ложись одна и спи съ миромъ. У меня въ Рашайѣ есть своя жена и свои дѣти...

— Должно быть, очень озябъ отецъ Рашида, точно совсѣмъ съума сошелъ,—подумала хозяйка и легла спать.

На утро погода прояснилась. Лишь только солнце освѣтило бѣлую голову стараго Ермона, а голубой сумракъ ночи попрятался въ его морщинахъ, отецъ Рашида уже проснулся и вышелъ изъ комнаты. Онъ навалилъ на спину осла мѣшокъ съ мукой, отточилъ поострѣе деревянный гвоздь, которымъ щекоталъ осла подъ хвостомъ, чтобы тотъ лучше бѣжалъ, почесалъ себѣ покрѣпче спину, подтянулъ въ дорогу поясомъ животъ и хотѣлъ уже выѣхать со двора, какъ вдругъ вышла хозяйка. Отецъ Рашида къ ней.

— Да увеличитъ Богъ твое добро, госпожа моя! Да дастъ тебѣ долгую жизнь! Пусть Богъ хранитъ тебѣ твоихъ дѣтей и твоихъ родныхъ за твою щедрость. Мы съ осломъ отдохнули у тебя, какъ въ раю. Теперь, съ твоего позволеніи, мы поѣдемъ въ Рашайю...

Но не успѣлъ отецъ Рашида что-нибудь сообразить и сдѣлать, какъ женщина эта начала о чемъ-то плакать, кричать и, наконецъ, убѣжала со двора. Отецъ Рашида слышалъ только, что она твердила: „О, Боже, мой мужъ! О, Боже, что съ нимъ случилось“...

— Должно быть, вспомнила объ умершемъ мужѣ бѣдная женщина,—подумалъ отецъ Рашида и хотѣлъ было уже убраться поскорѣе со двора... Но не успѣлъ онъ сѣсть на осла, какъ хозяйка возвратилась въ сопровожденіи нѣсколькихъ женщинъ и одного мужика. Всѣ окружили отца Рашида

и его осла, начали кричать и махать руками. Отецъ Рашида сидѣлъ на ослѣ и ничего не понималъ. Онъ слышалъ только, какъ визжала и била себя въ грудь женщина, похожая на его жену. И голосъ у нея былъ страшно похожъ на голосъ его жены: такой же тонкій и высокій, выше самаго высокаго дамасскаго минарета... Его жена точь въ точь такъ же кричала и плакала, когда у нихъ помирали дѣти. А у нихъ померло нѣсколько дѣтей. Отецъ Рашида не зналъ, сколько именно, ибо счета имъ не велъ, но все же ему было ихъ жалко. Онъ хотѣлъ было задуматься и погрустить объ умершихъ дѣтяхъ, какъ почти подъ самымъ своимъ ухомъ услышалъ голосъ одной изъ женщинъ:

— Ты съума сошелъ, ты одурѣлъ! О, Господи! Ты не узнаешь своего дома, своей жены, своихъ дѣтей?! Должно быть, шайтанъ говорилъ съ тобой на мельницѣ!..

Но мужикъ отнесся къ дѣлу гораздо проще. Онъ подошелъ къ отцу Рашида поближе и спросилъ:

— Ты что, мой господинъ? Смѣешься надъ женой, или пьянъ? Пришелъ въ свой домъ, въ Рашайю, а говоришь, что спишь въ Баккифе...

Сказавъ это, онъ размахнулся и ударилъ отца Рашида прямо по уху. Отецъ Рашида свалился съ осла на землю, потомъ медленно поднялся, отряхнулъ штаны и феску, почесалъ ушибленное мѣсто и спросилъ:

— За что ты бьешь меня?

— Ты еще не понялъ? Ахъ, ты недодѣланный! Да вѣдь домъ-то это твой, и жена твоя, и дѣти твои! Не видишь?!.

И онъ снова хотѣлъ ударить отца Рашида.

— О, Боже!—воскликнулъ отецъ Рашида,—узналъ, узналъ... Не дерись! Говорю тебѣ, всѣхъ узналъ. Я еще вчера и жену, и дѣтей узналъ, только не вѣрилось мнѣ,—думалъ, что въ Баккифе пріѣхалъ.

— Узналъ!—радостно воскликнули женщины. — Слава Богу, мать Рашида! Твой мужъ узналъ тебя!

И всѣ начали понемногу расходиться. Отецъ Рашида поставилъ осла обратно въ хлѣвъ, снялъ съ него мѣшокъ и внесъ въ избу. Тамъ онъ снова оглядѣлся кругомъ. Долго онъ стоялъ, все осматривая, и, наконецъ, изрекъ:

— Великъ Богъ. Правда, мой домъ, моя жена, мои дѣти. Нѣтъ ни силы, ни жизни безъ великаго Бога!

С. Кондурушкинъ.

ВѢРНАЯ СЛУЖАНКА.

Разсказъ *Уйда.*

Переводъ съ англійскаго Е. И. Синерукой.

Нерина Лаккари была сорокапятилѣтняя баба, смуглая, статная, полная, крѣпкая, красиво сложенная, съ привѣтливой улыбкой, съ бѣлыми, какъ у собаки, зубами и темнокарими глазами, въ которыхъ подчасъ вспыхивала цѣлая буря, когда глупость или злоба людская раздражали ее. Она родилась въ маленькомъ поселкѣ въ Сабинскихъ горахъ, высоко, высоко, въ такомъ мѣстѣ, откуда бѣжали потоки и гдѣ часто накоплялись снѣга; а внизу далеко разстилался одинъ изъ самыхъ дивныхъ и величественныхъ видовъ на свѣтѣ, какъ раскрытая книга передъ Іеговой на фрескахъ старинныхъ мастеровъ.

Четырнадцати лѣтъ ее выдали замужъ за пастуха изъ Кампаньи, а въ двадцать ей уже были знакомы почти всѣ жизненныя бѣдствія: голодъ, побои, ношеніе и утрата дѣтей, изнурительный трудъ и несправедливость супруга, требовавшаго, чтобъ она чуть ли не камни превращала въ хлѣбъ.

Когда ей было около тридцати лѣтъ и ей казалось, что она цѣлую вѣчность прострадала, ея мужъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ воловъ: животное, справедливо пришедшее въ ярость отъ его жестокости, повалило его на землю и, поднявъ на рога, подбросило его, послѣ чего все стадо побѣдоносно прошло по его тѣлу и превратило его въ окровавленную массу. Сама Нерина не узнала его, когда его на носилкахъ принесли въ избушку.

Очутившись безъ всякой поддержки и получивъ отъ владѣльцевъ стада приказаніе очистить избу, гдѣ она жила вмѣстѣ съ мужемъ, она вернулась на родину, въ горы и оттуда поступила на службу въ знакомую семью, желая избавиться отъ многихъ тяжелыхъ воспоминаній, да отъ голода и непосильнаго труда, выпавшихъ ей на долю въ Agro

Romano. Рожденная въ горахъ, она ненавидѣла жару и вѣтры равнинъ. Маленькій городъ, въ которомъ жили ея господа, находился на самой вершинѣ одной изъ горъ ея родныхъ Сабинскихъ Апеннинъ. Это было маленькое, сѣренькое, старенькое мѣстечко, съ гигантскими стѣнами, мраморными руинами и домами X вѣка, лѣпившимися вокругъ Лонгобардской церкви. Въ городкѣ этомъ еще сохранились валы XIII вѣка; глубокая, хотя и узкая, рѣченка пѣнилась подъ стѣнами города, стремилась внизъ по скаламъ и черезъ ущелья впадала въ Сицензу, въ свою очередь поившую Аніо, прежде чѣмъ Аніо вливался въ Тибръ.

Здѣсь она мирно прожила шестнадцать лѣтъ, работая съ утра до ночи. За то ее считали членомъ семьи, и она, какъ собака, привязалась къ своимъ господамъ. Это были единственные люди, отъ которыхъ она когда-либо видѣла ласку. Ея барыня, Екатерина Лоренцетти, называемая сосѣдями и прислугой „Madama“ Тина, былъ вдова. У нея было три сына. Ея средства позволяли ей жить съ извѣстнымъ комфортомъ, хотя очень просто и скромно, въ небольшомъ почтенномъ домѣ, расположенномъ у самаго вала. Далеко внизу виднѣлась долина Аніо.

Домъ этотъ вытерпѣлъ не мало осадъ и приступовъ во времена борьбы папъ съ князьями Тиволи, Палестрины, Субіако и Олидано и всѣхъ укрѣпленныхъ деревень и мрачныхъ крѣпостей, освѣщенныхъ и въ тѣ времена лучами заходящаго солнца.

Нерина любила красивыхъ, добродушныхъ, веселыхъ мальчугановъ, но мать ихъ она обожала за то, что она ни разу не сказала ей рѣзкаго слова, не смотря на то, что она своей неловкостью, неумѣлостью и горячностью въ первые годы сильно испытывала терпѣніе Madama Тины, воспитанной въ монастырѣ и по натурѣ своей любившей порядокъ, спокойствіе и тишину.

— Если я ее прогоню,—говорила добрая старушка въ отвѣтъ на совѣты сосѣдей,—я возьму грѣхъ на душу, потому что она глубоко невѣжественна, а характеръ у нея горячій. Съ отчаянія она на все способна, но сердце у нея доброе, и я надѣюсь наставить ее на вѣрный путь, такъ что она сумѣетъ смѣло жить одна, когда меня уже не будетъ на свѣтѣ.—Терпѣніе ни разу не измѣнило ей, и задачу свою она исполнила на славу. Изъ Нерины вышла привязанная и умѣлая прислуга. Миролюбивой, тихой или безукоризненно умѣлой она такъ и не сдѣлалась, но за то была безконечно старательна, хорошо ухаживала за больными, исполняла домашнюю тяжелую работу и страстно, тѣломъ и душой, была предана любимой своей Madama Тинѣ и тремъ цвѣтущимъ

мальчикамъ, надѣленнымъ античной красотой итальянцевъ. Если они ей иногда и надоѣдали, за то любили ее горячо.

Всю воду, нужную въ домѣ, Нерина сама приносила въ бронзовыхъ кувшинахъ, наполняя ихъ у колодца на валу; она ходила за молокомъ и закупала на рынкѣ провизію; она пекла хлѣбъ и варила „поленту"; она чистила мѣдь, скребла и мыла лѣстницу; во всякую погоду она въ пять часовъ утра шла къ заутрени; она стирала бѣлье на рѣчкѣ, протекавшей подъ стѣнами города; а въ немногіе свободные часы ткала и шила на свою госпожу и на себя. Жизнь была тяжелая, но она была ею довольна, и каждый часъ доставлялъ ей удовольствіе, какъ это и естественно при здоровой натурѣ, стойкомъ темпераментѣ и благородной душѣ. Для нея такъ много значила возможность спать безъ боязни, что ее грубо столкнутъ ногой съ постели, устроенной изъ сухихъ листьевъ на землѣ; счастьемъ казалось ей, что она слышитъ спокойный голосъ своей барыни и веселыя пѣсни дѣтокъ, вмѣсто проклятій пастуховъ и ихъ грубыхъ шутокъ, когда они бывали пьяны.

Она объ одномъ только просила святыхъ, чтобы такая жизнь продолжалась до конца дней ея. „Только бы мнѣ быть достойнѣе", молилась она каждый разъ, опускаясь на колѣни въ темномъ уголкѣ лонгобардской церкви, куда она ходила исповѣдываться.

Въ этомъ городкѣ, пріютившемся на такой вышинѣ, что даже скалы Sagro Speco расположены ниже его, зима страшно холодная, а лѣто бываетъ нестерпимо жаркое. Въ серединѣ лѣта камни такъ накаляются, что обжигаютъ ноги, а зимой ледяныя сосульки свѣшиваются съ фонтановъ и водосточныхъ трубъ, и вѣтры воютъ вокругъ укрѣпленныхъ стѣнъ съ такимъ шумомъ, съ какимъ нѣкогда воины Борджіа и Фарнезе, Орсини и Барберини носились вдоль вала, когда вся окрестность пылала отъ междоусобныхъ войнъ духовенства и свѣтскихъ властей.

Но Нерина была крѣпкая баба и не обращала вниманія на такіе пустяки, какъ жара или холодъ. Она сама, подобно урагану, носилась по крутымъ спускамъ внизъ и вверхъ, впередъ и назадъ.

Къ ней сватались многіе изъ города и съ сосѣднихъ горъ и равнинъ, но она всѣмъ отказывала.

— Не нужно мнѣ больше хозяина,—говорила она своей барынѣ. — Я выпуталась изъ сѣтей птицелова и никогда больше не попадусь. Никогда!

И это спокойное, незатѣйливое теченіе ея жизни могло бы продолжаться до самой смерти, если бы другіе не заволновались и не потянули ее за собой, какъ быстрая рѣка

уноситъ кусочекъ мху, пожелтѣлый листъ, сломанную вѣтвь.

Красавцы-мальчики выросли и ушли одинъ за другимъ: старшій, принявшій духовный санъ, былъ посланъ своей церковью въ Бразилію; второй отбывалъ воинскую повинность въ Африкѣ; третій отправился въ Венецію изучать живопись.

Молодой художникъ пріѣзжалъ домой отъ времени до времени, но очень рѣдко; двое старшихъ ни разу не возвращались, и старый сѣрый домъ сдѣлался мрачнымъ и скучнымъ.

Обѣ старухи плакали вмѣстѣ, и всякая разница въ ихъ положеніи и воспитаніи была забыта въ общемъ горѣ. Въ извѣстной степени всетаки пламенная, преданная душа Нерины радовалась: „У madama Тина теперь никого нѣтъ, кромѣ меня“, думала она. А потомъ лучшія чувства брали верхъ, и она упрекала себя за себялюбіе. Какъ могла она когда-нибудь замѣнить матери трехъ отсутствующихъ сыновей? „Я только бѣдная глупая служанка“,—полная раскаянія говорила она себѣ.

Младшій, художникъ, по имени Романино, былъ юноша двадцати-пяти лѣтъ, съ лицомъ Ганимеда, ласковый, порывистый, съ головой мечтателя и темпераментомъ героя. Мать его сильно безпокоилась за него, но не могла объяснить мало развитой служанкѣ причины своей тревоги. Нерина, впрочемъ, смутно понимала тѣ грезы, изъ-за которыхъ ея любимецъ подвергался опасности.—Онъ хочетъ передѣлать свѣтъ на-ново,—говорила она, — а свѣтъ слишкомъ дуренъ, слишкомъ старъ и слишкомъ жестокъ; онъ только разобьетъ себѣ сердце, какъ бѣдные мулы ломаютъ себѣ спину, таская тяжести вверхъ по камнямъ нашихъ крутыхъ дорогъ.

Она понимала лишь немногое, и то неясно. Но кое-что она всетаки поняла: Романино такъ много говорилъ съ ней въ дѣтствѣ, положивъ курчавую головку къ ней на колѣни, забывая про слабыя способности своей слушательницы въ пылу собственнаго краснорѣчія.

— Онъ хочетъ, чтобы не было больше голодныхъ или бездомныхъ,—говорила она своей барынѣ.—Милая добрая душа! Это все равно, что онъ бы захотѣлъ камни съ вала превратить въ мои булки. Въ жизни по одну сторону стоятъ пресыщенныя свиньи, по другую—голодныя собаки; и это всегда такъ было и всегда такъ будетъ. Скажите ему это, madama.

Мать его говорила ему то же самое, но молодость Романино вѣрила въ свою способность двигать горы, какъ великодушная, благородная, святая молодость всегда вѣритъ

и будетъ вѣрить до скончанія вѣковъ. Гора за милліонъ лѣтъ не сдвинулась ни на вершокъ, а все вновь прибывающіе посѣтители жизненной сцены бросаются на нее и погибаютъ напрасно. Но молодежь, если у нея сердце доброе и душа возвышенная, не вѣритъ этому: она такія истины принимаетъ за преувеличеніе циниковъ.

Въ это тяжелое время Нерина, несчастная сама, стала еще заботливѣе и внимательнѣе относиться къ своей госпожѣ. Она всегда умудрялась достать и принести домой то персикъ, то медъ сотовый, свѣжую рыбу изъ рѣки, букетъ розъ, бутылку стараго вина подъ праздникъ, а по ночамъ она едва рѣшалась уснуть изъ боязни, что ея барыня можетъ ночью захворать и нуждаться въ ея помощи.

Все это, конечно, не могло разсѣять печали встревоженной матери, но привязанность простодушной служанки глубоко трогала ее.

Какъ это бываетъ у многихъ въ дни тревогъ и страданій, приходъ почты былъ главнымъ событіемъ дня. Нерина видѣла, что изрѣдка получаемыя письма чаще заставляли ея барыню плакать, чѣмъ улыбаться, и каждый разъ, какъ она брала письмо изъ рукъ почтальона, она трясла его, обнюхивала, осматривала и душу отдала бы за то, чтобы узнать, что въ немъ сказано, и если содержаніе можетъ взволновать madama Тина, сжечь его.

Если бъ она умѣла читать, у нея не было бы никакихъ сомнѣній относительно своего права вскрывать конвертъ и смотрѣть, какія вѣсти въ немъ скрыты. Если бъ она нашла ихъ непріятными, она считала бы себя вправѣ уничтожить ихъ такъ, какъ она уничтожила бы гада. У натуръ сильныхъ и непосредственныхъ преданность не останавливается передъ дурнымъ поступкомъ; если зло можетъ избавить любимаго человѣка отъ бѣды, оно становится уже не зломъ, а долгомъ, добродѣтелью, геройствомъ.

Нерина не могла разсуждать объ этомъ, но таковы были ея чувства. Не было преступленія, которое не казалось бы ей священной обязанностью, если бы она этимъ могла спасти свою барыню отъ огорченія.

Одну зиму особенно эти, непонятные для нея, исписанные листочки, обладавшіе (она это видѣла) чудесной способностью терзать или радовать, сильнѣе обыкновеннаго разстраивали madama Тина. Хуже всѣхъ дѣйствовали письма отъ Романино.

— Опять уже онъ мучитъ себя,—думала Нерина.—О Боже! отчего ему мало его кистей да палочекъ изъ угля! Работалъ бы онъ ими и предоставилъ бы свѣту либо исправиться, какъ умѣетъ, либо, по желанію, полетѣть изъ чистилища въ адъ

Она никогда не слыхала про il. Moretto da Brescia, но его образъ жизни она избрала бы для своего молодого барина: жить всегда въ одномъ и томъ же маленькомъ городѣ, всегда писать картины святыхъ, состариться на родинѣ и по смерти оставить свое имя на попеченье согражданъ. Всю жизнь Il Moretto былъ благороднымъ, спокойнымъ, всѣми любимымъ человѣкомъ, отъ колыбели до гроба проходившимъ все по тѣмъ же дорогамъ. И даже послѣ его смерти о немъ вспоминали съ любовью и уваженьемъ.

Съ наступленіемъ весны 1898 года по всей странѣ произошли смуты, во многихъ провинціяхъ были бунты, голодная толпа все громила и жгла, и грохотъ пушекъ будилъ эхо многихъ улицъ, многихъ городовъ, пока страхъ не заставилъ замолкнуть стоны истерзаннаго народа.

Въ маленькомъ городкѣ, гдѣ жила madama Тина, царило полное спокойствіе: эхо пальбы и стоны раненыхъ не подымались до вершины этой высокой скалы. Здѣсь колокольный звонъ раздавался такъ же мѣрно, какъ всегда; вдоль рѣки расцвѣтали цвѣты, солнце всходило и закатывалось, лунный свѣтъ падалъ на красновато-сѣрыя, поросшія мхомъ кровли домовъ, и только madama Тина знала про страшное волненіе и отчаяніе страны: ей разсказывали объ этомъ письма,—бѣлые злые вѣстники бѣдъ, какими они казались Неринѣ.

Романино уѣхалъ изъ Венеціи, чтобы раздѣлить судьбу революціонеровъ и вмѣстѣ съ толпой сражался на улицахъ Милана. Какая судьба постигла его, этого никто не зналъ: его видѣли и о немъ слышали въ Ломбардіи,—это мать его узнала отъ чужихъ. Въ одинъ день, когда почтальонъ уже въ седьмой разъ прошелъ мимо дверей, не останавливаясь, madama Тина, чувствуя непреодолимую потребность хоть съ кѣмъ-нибудь раздѣлить муку тревоги, разсказала Неринѣ все, чего боялась. Она безпокоилась за всѣхъ: за старшаго въ Америкѣ, за средняго въ Эритреѣ, но больше всего за младшаго, за своего красавца мальчика съ альтруистическими видѣніями, которому пришлось столкнуться со всей жестокостью грубой дѣйствительности. Теперь онъ, вѣроятно, спасался бѣгствомъ черезъ Альпы Ломбардіи.

— О, Романино, Романино, — рыдала Нерина, закрывъ лицо передникомъ: она держала его на колѣняхъ и ласкала его, когда онъ былъ четырехлѣтнимъ ребенкомъ съ лицомъ, напоминавшимъ золотокудрую головку надъ церковнымъ алтаремъ.

Въ душѣ Нерина сердилась и осуждала его за то, что онъ заставлялъ страдать свою мать. „Какое ему дѣло до другихъ людей“, съ гнѣвомъ думала она.

— Вы не должны были отпускать его, Madama!—сказала

она.—Вы должны были задержать его здѣсь, вдали отъ всѣхъ этихъ злыхъ, сумасшедшихъ людей.

— Насильно?—отвѣчала мать,—чтобъ видѣть, какъ онъ умираетъ, точно птичка въ неволѣ и бьется объ рѣшетку клѣтки? О, нѣтъ! Да и, повѣрь мнѣ, онъ правъ. Онъ поступилъ по совѣсти.

Нерина, боясь, какъ бы сгоряча не отвѣтить лишняго, ушла къ своей печкѣ на кухнѣ, и крупныя слезы одна за другой катились по лицу ея и обильно падали на горячіе угли и на пальмовый листъ, которымъ она старалась раздуть огонь, точно вѣеромъ.

Онѣ даже не знали, убитъ ли онъ въ Миланѣ или брошенъ въ какую-нибудь биткомъ набитую людьми темницу, вмѣстѣ съ многими другими. Такъ прошла вся недѣля, за ней другая, третья, а новостей все не было. Никто ничего не зналъ, кромѣ отрывистыхъ газетныхъ извѣстій. Ничего положительнаго не было извѣстно.

Прошли еще три недѣли, а Madama Тина все еще ничего не знала про своего сына. Она боялась наводить справки, чтобы не повредить ему; быть можетъ, онъ въ заточеніи, или умеръ. Она не могла ни ѣсть, ни спать. Никогда не была она особенно крѣпка, а теперь силы окончательно оставили ее. Нерина ничѣмъ не могла ее утѣшить или успокоить. Madama Тина съ трудомъ добиралась до церкви и тамъ по часамъ молилась за своихъ дорогихъ мальчиковъ. Никогда въ жизни никто не слышалъ отъ нея жалобы, но теперь страданье сломило ея терпѣніе: она громко стонала.

— Мы въ мукахъ родимъ ихъ и съ трудомъ выращиваемъ, и къ чему все это? Мы подобно бѣднымъ козамъ, коровамъ или овцамъ переносимъ всю муку родовъ только для того, чтобъ видѣть, какъ дѣтей нашихъ хватаютъ и убиваютъ.

— Что мнѣ съ ней дѣлать?—съ отчаяніемъ думала Нерина.—Я съ радостью дала бы себѣ отрѣзать правую руку ради нея, и я ничѣмъ не могу ей помочь!

Съ каждымъ днемъ, проходившимъ безъ извѣстій, Madama Тина все худѣла и блѣднѣла. Она не слушалась доктора, не принимала никакихъ лѣкарствъ.

— Для меня нѣтъ другого лѣкарства, кромѣ голоса моего Романино,—говорила она.

А голосъ этотъ, быть можетъ, на вѣки затихъ!

— Послушай,—сказалъ какъ-то старый докторъ Неринѣ, когда она полоскала бѣлье на рѣкѣ,—если твоя барыня получитъ какое-нибудь письмо, ты должна принести его ко мнѣ, прежде чѣмъ она его увидитъ. Если въ немъ будутъ дурныя извѣстія о мальчикѣ, она можетъ умереть на мѣстѣ.

— Принести письмо вамъ?—нерѣшительно повторила Нерина.

— Да, да,—сказалъ врачъ,—потому что если, какъ я полагаю, Романино разстрѣляли, ей это надо разсказать осторожно, очень даже осторожно. Сердце у нея слабое.

Врачъ, единственный въ городѣ, былъ старый другъ дома. Это былъ сѣдой, длинный, сухой старикъ, съ загорѣлымъ лицомъ, во всякую погоду носившій длинный черный плащъ и широкополую шляпу, надвинутую на глаза.

Его часто можно было встрѣтить на валу или на узкихъ улицахъ. Онъ держалъ аптеку, гдѣ кувшины, вазы и пузатыя бутылки изъ старой маіолики находились въ обществѣ пакетиковъ сушеныхъ травъ и чудодѣйственныхъ средствъ среднихъ вѣковъ. Его очень уважали въ городѣ.

— Какъ же я буду знать, что письмо отъ него? Для меня всѣ письма равны,—сказала Нерина.

— Въ такомъ случаѣ приноси мнѣ всѣ,—отвѣтилъ докторъ Лилло, какъ называли его больные.—Для Madama Тина это вопросъ жизни и смерти. Отъ неожиданности она можетъ умереть.

Онъ возвращался къ этому вопросу такъ часто, такъ серьезно и такъ настойчиво, что ей, наконецъ, стало казаться, будто жизнь ея барыни въ ея рукахъ. Письма, жестокія письма были ядомъ для ея госпожи.

— Мнѣ часто хочется бросить ихъ въ печку,—вслухъ сказала Нерина,—они, какъ ножъ, рѣжутъ ей сердце.

— Нѣтъ, нѣтъ сжигать ихъ нельзя,—отвѣтилъ ей докторъ.—Они не твои, и уничтожать ихъ ты не имѣешь права. Приноси ихъ ко мнѣ, я посмотрю, не могутъ ли они ей повредить. Конечно, все, что въ нихъ сказано, она должна рано или поздно узнать. Но только ее надо подготовить постепенно съ величайшей осторожностью.

Слѣдовало ли послушаться его? Нерина была озадачена. Она видѣла, что всѣ уважали доктора Лилло и слушались его. Онъ былъ человѣкъ ученый, умѣлъ читать и писать, держалъ въ своихъ рукахъ ключи могилъ; она была глупа и невѣжественна, смѣла ли она противорѣчить ему? Ей казалось, что сомнѣнія рвутъ ее на части.

— Ну, что-жъ!—сказалъ ей какъ-то врачъ, теряя терпѣніе послѣ многихъ споровъ.—Что-жъ! Убей Madama Тина, если ты этого такъ хочешь! Не даромъ она пріютила тебя и кормила всѣ эти годы! Дѣлай по своему, злая дура! И никогда не смѣй звать меня къ своей барынѣ, даже если она будетъ умирать.

Такъ уколами и угрозами онъ заставилъ ее повѣрить, что она дѣйствительно убьетъ Madama Тина, если та, непод-

готовленная, узнаетъ про смерть или заточенье своего младшаго сына.

— Боюсь, что Нино накуролесилъ не мало,—мрачно сказалъ докторъ,—если онъ еще живъ, онъ прячется гдѣ-нибудь, какъ всѣ участники возмущенія, и голова его навѣрно оцѣнена. Да, да, хорошій онъ мальчикъ, я-то это знаю: только сбитъ онъ съ толку, ошибается и попадетъ въ тюрьму, какъ многіе молодые лунатики въ наши дни!

Своими рѣчами докторъ дѣйствовалъ на ея боязнь всякаго письма и довелъ ее до того, что она не посмѣла бы передать своей барынѣ ни одного листочка исписанной бумаги, какъ не посмѣла бы ударить по лицу Мадонну, изображенье которой висѣло надъ входной дверью.

Когда письмо, наконецъ, получилось, она на полъ-дорогѣ встрѣтила почтальона, остановила его на улицѣ, вырвала у него письмо изъ рукъ, спрятала подъ передникъ и бросилась бѣжать къ доктору. Тотъ взялъ письмо и ушелъ съ нимъ въ магазинъ; она не видѣла, что онъ съ нимъ сдѣлалъ, но минутъ черезъ пятнадцать врачъ вернулся и отдалъ ей письмо запечатаннымъ. Не было замѣтно, чтобы онъ его вскрылъ.

— Добрыя вѣсти,—сказалъ онъ,—но вѣсти отъ Джино.— Джино былъ старшій сынъ.—Отнеси своей Madama и, понятно, ни слова не говори обо мнѣ.

Нерина, не смотря на то, что была здоровенная баба, вся дрожала. Она подумала, что онъ прочелъ письмо, не вскрывая его, при помощи какихъ-нибудь волшебныхъ чаръ.

Еще два письма было получено, но они были отъ дальнихъ родственниковъ и ничего общаго съ Романино не имѣли. Они прошли черезъ ловкія руки врача, но Madama Тина ни о чемъ не догадалась.

Только Нерина боялась встрѣчаться съ ней глазами. Докторъ сказалъ, что она поступаетъ правильно, исполняя его приказанія, но совѣсть говорила ей, что это нехорошо.

Лѣто прошло, наступила осень, а отъ Романино все не было извѣстій.

Разъ, вечеромъ, когда Нерина качала воду изъ колодца и было тихо и темно, изъ чащи лавровыхъ деревьевъ и олеандровъ вышелъ молодой человѣкъ, иностранецъ, и несмѣло прошепталъ надъ самымъ ея ухомъ:

— Вы Нерина Лаккари, служанка Madama Катерины Лоренцетти, неправда ли?

Нерина съ шумомъ опустила на землю полное ведро воды и, подозрительно оглядывая незнакомца, коротко отвѣтила, что это она.

— Передайте ей это, когда она будетъ одна,—сказалъ юноша, передавая ей записку, и снова скрылся въ кустахъ.

— Стой!—крикнула Нерина, но онъ не остановился и исчезъ въ тѣни деревьевъ. Записка осталась у нея въ рукахъ. Она съ меньшимъ ужасомъ смотрѣла бы на змѣю.

— Здѣсь, навѣрное, говорится про Романино,—подумала она, съ проницательностью, порожденной любовью.

Противъ колодца находилась крутая лѣстница, спускавшаяся въ одну изъ улицъ города. На этой улицѣ помѣщалась аптека. Нерина задумалась, сердце сильно билось. Потомъ она съ рѣшительнымъ видомъ поставила ведро на край колодца, бѣгомъ спустилась по всѣмъ восьмидесяти гранитнымъ ступенямъ, истоптаннымъ сотнями ногъ, и влетѣла въ темную, пропитанную удушливымь запахомъ конуру, гдѣ докторъ Лилло какъ разъ зажигалъ масляный красный фонарь.

— Ser, глядите,—запыхаясь, крикнула она.—Это должно быть отъ Романино. Мнѣ только что кто-то подалъ письмо и скрылся.

Странная радость отразилась на сухомъ, суровомъ лицѣ старика. Онъ выхватилъ у нея посланіе и просмотрѣлъ его, конвертъ не былъ запечатанъ; черезъ минуту онъ возвратилъ ей записку.

— Добрыя вѣсти,—весело сказалъ онъ,—отнеси письмо барынѣ, это будетъ для нея лучшимъ лѣкарствомъ.

Нерина перекрестилась, и радостная улыбка озарила ея круглое лицо. Съ быстротой молніи поднялась она по ступенькамъ, схватила ведро и отправилась домой.

Не прошло и десяти минутъ, какъ Madama Тина узнала, что младшій сынъ ея будетъ у нея въ полночь.

— Я приду къ калиткѣ сада,—писалъ онъ.—Скажи Send Неринѣ, чтобъ она была на-сторожѣ, потому что, если меня поймаютъ, мнѣ грозитъ семилѣтнее тюремное заключеніе. Меня приговорилъ военный судъ, но мнѣ удалось бѣжать.

Въ полночь Нерина и Madama Тина стояли въ маленькомъ сыромъ садикѣ за домомъ. Калитка вела оттуда на городскую стѣну. Бѣдная мать совершенно преобразилась: она снова казалась молодой и сильной, полной радостнаго трепета ожиданья.

Ея здоровая толстая служанка волновалась не менѣе ея.

Была темная октябрьская ночь, на небѣ ни звѣздочки, кругомъ ни звука, только рѣка бѣжала подъ стѣной. Слышался запахъ сырой травы, увядшихъ листьевъ, позднихъ розъ.

Обѣ женщины опустились на корточки передъ калиткой, притаивъ дыханіе, стараясь уловить какой-нибудь звукъ, или сигналъ, или шопотъ у замочной скважины. Когда часы

на церковной башнѣ пробили двѣнадцать, молодой голосъ прошепталъ чуть слышно:

— Это я, Нино; отворите.

Нерина распахнула настежъ тяжелую дверцу, мать бросилась впередъ и упала въ объятія своего сына.

Въ ту же минуту три жандарма схватили его, выпрыгнувъ изъ чащи, вытащили его изъ рукъ матери и ударили Нерину такъ, что она упала.

Она поднялась съ земли, ослѣпленная; ей было дурно и голова у нея кружилась.

— Звѣри!—крикнула она.—Откуда вы узнали?

Жандармы грубо засмѣялись и увели Романино въ темную даль, слабо освѣщенную лампой, съ направленными на него дулами пистолетовъ и со связанными руками.

Съ Madama Тина сдѣлался нервный припадокъ, ее подняли и отнесли въ домъ: черезъ часъ ея не стало. Докторъ стоялъ у ея кровати, тщетно перепробовавъ всѣ находившіяся въ его распоряженіи средства. Онъ казался добрымъ, сострадательнымъ, благоразумнымъ.

— Бѣдняжка, вамъ слѣдовало бы пойти къ себѣ прилечь послѣ такого удара,—сказалъ онъ Неринѣ, безмолвно сидѣвшей возлѣ трупа.

Она не произнесла ни слова со времени ареста Романино.

Было около полудня. Она не сводила съ врача сухихъ разъяренныхъ глазъ, и взоръ ихъ смущалъ и безпокоилъ его.

— Я ничего не могу сдѣлать больше,—съ сожалѣніемъ сказалъ онъ минуту спустя, всталъ и ушелъ изъ комнаты покойницы; приходскій священникъ ушелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Послѣдній долгъ отдала Нерина своей барынѣ: никому не дала она дотронуться до тѣла Madama Тина. Тридцать часовъ не отходила она отъ постели, сторожила гробъ, казалась нѣмой, глухой, слѣпой.

Когда все было кончено и она одна проводила покойницу, закрывъ голову и лицо черной шерстяной шалью, и ни разу не показавъ вида, что замѣчаетъ, что дѣлается кругомъ, она, какъ потерянное раненое животное, притаилась въ тѣни той церкви, гдѣ на вѣки почила ея барыня, лежа въ металлическомъ гробу рядомъ съ прахомъ своихъ отцовъ.

Ясно, среди вихремъ носившихся въ головѣ ея мучительныхъ думъ, выступала одна мысль, точно начертанная огненными буквами. Какъ могли они узнать о его возвращеніи? Кто могъ имъ объ этомъ разсказать? Медленнымъ шагомъ плелась она по дорогѣ изъ церкви къ дому, гдѣ она провела столько мирныхъ лѣтъ, и увидѣла худую, черную, высокую фигуру, переходившую улицу. Это былъ докторъ.

Внезапный свѣтъ, какъ электрическая искра среди темной ночи, освѣтилъ ея отупѣвшій мозгъ. Тамъ стоялъ предатель! Тамъ!

Однимъ прыжкомъ она очутилась рядомъ съ нимъ, схватила его за плечо, судорожно сжимая руку, сухіе впалые глаза ея вперились въ его лицо.

— Ты продалъ ихъ тайну!

Ошеломленный и сбитый съ позиціи ея неожиданнымъ нападеніемъ, онъ пробормоталъ отрицаніе, посинѣлъ, задрожалъ всѣми членами.

— Ты продалъ ихъ тайну!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я только исполнилъ свой долгъ. Закону нужно повиноваться.

— Ты продалъ ихъ тайну!

Теперь ей все было ясно, точно чей-то голосъ съ неба или изъ ада говорилъ надъ самымъ ея ухомъ.

Онъ подставилъ ей ловушку, чтобъ узнать правду, и ему заплатили, какъ Іудѣ.

Онъ заставилъ ее предать покойницу; онъ заставилъ ее предать и живого.

— Ты продалъ ихъ тайну,—въ четвертый разъ сказала она, читая вину на его лицѣ, на которое падалъ мерцающій свѣтъ лампады, горѣвшей передъ образомъ.

— Ахъ ты негодяй, животное! Іуда ты!—кричала она надъ его ухомъ и изо всей силы обхватила его своими крѣпкими руками, поднявъ его надъ землею, точно сломанное, съ корнемъ вырванное дерево. Съ сокрушающей мощью, словно буря вошла въ нее и передала ей свою силу, она помчала его черезъ дорогу къ рѣкѣ, протекавшей подъ стѣной.

Онъ напрасно старался высвободиться и стряхнуть съ себя ея руки. Онъ былъ слабъ и старъ, всегда былъ трусомъ, а теперь, сознавая свою вину, трусилъ больше, чѣмъ когда-либо.

Какъ ураганъ гонитъ сухія вѣтви, такъ мчала она его вдоль вала. Силы ея увеличились во сто разъ отъ горя, раскаянія и ненависти; она подняла его слабое тѣло надъ низкой стѣной и вмѣстѣ съ нимъ прыгнула въ рѣку.

Вода была глубока отъ недавно выпавшихъ первыхъ осеннихъ дождей: оба пошли ко дну, точно камни. Поутру тѣла ихъ были найдены на полъ-мили ниже, унесенные потокомъ.

Руки Нерины крѣпко обхватили плечи старика, а зубы ея вонзились ему въ шею.

---

* * *

Играетъ вѣтеръ бѣшеной волной,
О груды скалъ дробитъ ее сурово...
А мѣсяцъ тусклъ. Лѣнивый и тупой,
Едва бредетъ онъ скучною тропой—
Ему вокругъ ничто, ничто не ново!

Какъ вѣчный жидъ, онъ странствуетъ одинъ
И Божій гнѣвъ выноситъ молчаливо...
Пустого неба грустный властелинъ,
Кочующій средь голубыхъ равнинъ,
Онъ смерти ждетъ, какъ челнъ—волны прилива.

Подъ нимъ земля томится хмурымъ сномъ;
Какъ черный духъ, печаль надъ міромъ рѣетъ...
И міръ молчитъ и видитъ въ снѣ больномъ,
Какъ бродитъ мѣсяцъ въ сумракѣ ночномъ,
И какъ подъ нимъ людская мука зрѣетъ!

Н. Шрейтеръ.

ОСЕНЬ.

Угасъ послѣдній яркій день
Безсильно гибнущаго лѣта:
Кипучей жизни пѣсня спѣта,
На землю смерти пала тѣнь.
Увялъ цвѣтущій лугъ давно
И смолкъ, туманами повитый;
Надъ рѣчкой жалко и смѣшно
Нагія треплются ракиты.
Оборванъ наглою рукой,
Какъ нищій, стонетъ лѣсъ дремучій,
И поле мертвое тоской
Кругомъ одѣлося, какъ тучей.
Луны сурово-блѣдный ликъ
Горитъ холоднымъ блескомъ стали,
И полонъ вѣщей птицы крикъ
Слѣпого страха и печали...
— И надо мною скорби тѣнь:
Моихъ надеждъ, моихъ мечтаній,
Въ волнахъ житейскихъ испытаній,
Угасъ послѣдній яркій день!

С. Травиновъ.

Русское машиностроенiе въ связи съ протекцiонизмомъ.

Горнопромышленный кризисъ, затянувшiйся у насъ почти на два года, останавливаетъ на себѣ вниманiе и общей, и спецiальной печати. Въ общей печати мы находимъ цѣлый рядъ обличительныхъ статей, ратующихъ за потребителя, а въ спецiальной—обвиненiе все того же злосчастнаго потребителя въ косности и малокультурности, которая крайне вредно отзывается на ростѣ нашей крупной промышленности.

Изъ образцовъ литературы послѣдняго рода отмѣтимъ любопытную статью проф. Ив. Тиме въ „Горно-Заводскомъ Листкѣ" (№ 20, 21, 1901 г.). Въ своихъ „Размышленiяхъ о современномъ горнопромышленномъ кризисѣ" г. Тиме обвиняетъ русскаго потребителя въ „рутинности, халатности и отсутствiи инициативы". Въ подкрѣпленiе этихъ „размышленiй", которыя у специалистовъ, по обыкновенiю, заканчиваются воззванiемъ къ казеннымъ заказамъ,—проф. Тиме доказываетъ рутинность русскаго потребителя желѣза тѣмъ, что въ южномъ горнопромышленномъ раiонѣ, въ деревняхъ и селахъ, прилегающихъ къ заводамъ, „преобладаютъ соломенныя крыши, телѣги съ деревянными осями и нерѣдко безъ шинъ". Проф. Тиме, какъ и лидеръ южной горнопромышленности, инж. Авдаковъ („Нов. Вр." № 9205), констатируютъ почти полное отсутствiе у насъ частнопотребительскаго рынка и поэтому спасенiе металлургической и желѣзодѣлательной промышленности видятъ въ казенныхъ заказахъ. Но оба эти специалиста имѣютъ, повидимому, нѣсколько смутное представленiе о нашемъ рынкѣ, или, быть можетъ, умышленно избѣгаютъ приводить цифры, ограничиваясь только патетическими восклицанiями. Мало того, южные горнопромышленники впадаютъ въ явное противорѣчiе самимъ себѣ, то жалуясь на отсутствiе частнопотребительскаго рынка, то отвѣчая мини-

стру финансовъ на его запросъ *), что все обстоитъ благополучно, и успѣхи горнопромышленности столь велики, что Россія, получая изъ-за границы десятки милліоновъ пудовъ угля и металла, въ общемъ строѣ международнаго обмѣна не выдѣляется неблагопріятно изъ ряда другихъ странъ. Цифры XXVI очередного съѣзда южныхъ горнопромышленниковъ гласили, что ввозъ въ Россію металла и металлическихъ издѣлій ничтоженъ по отношенію къ мѣстному производству и равняется только 16%, тогда какъ даже Англія получаетъ 11%, Германія—13½%, Франція—22%, Австрія— 14%, а Бельгія—59%. Но эти цифры по истинѣ фальшивы, такъ какъ южные горнопромышленники умолчали о самомъ существенномъ—именно, о пошлинѣ и вывозѣ этихъ странъ. Оказывается, что пошлина на чугунъ не въ дѣлѣ превышаетъ въ Россіи наибольшую пошлину—въ Австріи—въ 4, 5 разъ; Бельгія и Англія получаютъ безпошлинно, а Бельгія кромѣ того экспортируетъ 61% всего своего металлическаго производства.

Такимъ образомъ, если-бы мы пожелали воспользоваться трудами нашихъ промышленниковъ въ выясненіе вопроса русской желѣзодѣлательной промышленности въ связи съ протекціонизмомъ, то были бы поставлены въ большое затрудненіе. Поэтому, волей-неволей, намъ приходится обращаться къ громоздкимъ томамъ статистическихъ сборниковъ департамента таможенныхъ сборовъ и торговли и мануфактуръ. Къ сожалѣнію, послѣдній источникъ не содержитъ въ себѣ позднѣйшихъ данныхъ, такъ какъ въ изданіи 1900 г. мы находимъ цифры только кончая 1897 г., и намъ иногда приходилось обращаться къ болѣе или менѣе случайному и разбросанному матеріалу въ газетныхъ отчетахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Чтобы опредѣлить ростъ нашей желѣзодѣлательной промышленности и въ частности машиностроенія, нужно прежде всего прослѣдить, какъ велико у насъ производство основного матеріала—чугуна; затѣмъ, насколько это производство удовлетворяетъ спросу и, наконецъ, какъ вліяетъ наша протекціонная система на производство и развитіе машиностроенія. А такъ какъ наибольшій ростъ желѣзодѣлательной промышленности наблюдается за послѣднее десятилѣтіе и болѣе точныя цифры мы находимъ лишь за этотъ періодъ, то разсмотрѣніемъ этого десятилѣтія мы и ограничимся.

*) Извѣстный запросъ XXVI-му горнопромышленному съѣзду въ Харьковѣ (въ ноябрѣ 1901 года).

Производительность чугуна въ Россіи по раіонамъ
(въ милліонахъ пудовъ).

	Южная Россія.	Уралъ.	Ц. Польское.	Центр. Россія.	Финляндія.	Всего.
1890	13,2	27,7	7,8	5,7	1,3	56,6
1900	91,7	49,0	18,3	14,0	1,6	175,5
Увеличеніе: (во сколько разъ).	*7,0*	*1,7*	*2,3*	*2,4*	—	*3,1*

Такимъ образомъ, за періодъ отъ 1890—1900 г., общая производительность увеличилась въ 3,1 раза, причемъ наибольшее увеличеніе падаетъ на Южную Россію, гдѣ увеличеніе достигаетъ 600%.

На что же идетъ этотъ чугунъ и насколько удовлетворяетъ ростущее его производство спросъ, предъявляемый потребительскимъ рынкомъ?

Нѣкоторый отвѣтъ на это могутъ дать слѣдующія цифры.

Въ 1899 г., общее производство чугуна равнялось 163 мил. пудамъ (безъ Финляндіи), изъ нихъ въ этомъ же году потребовалось на постройку желѣзныхъ дорогъ, оборудованіе и ремонтъ ихъ—95,84 мил. пуд. Такимъ образомъ, на частное мелкое потребленіе и нужды машиностроенія оставалось 67,16 мил. пуд. т. е. 41% всего производства. Эту же цифру для частнаго потребленія можно считать просто нищенской, если принять въ соображеніе, что одно только сносно оборудованное сельское хозяйство требуетъ ежегоднаго потребленія до 110 мил. пуд. чугуна.

Этого не могутъ отрицать и сторонники существующей покровительственной системы. Такъ, докладчикъ XXVI горнопромышленнаго съѣзда по вопросамъ машиностроенія г. Стекольщиковъ, выясняя причины современнаго машиностроительнаго кризиса, не могъ не отмѣтить тотъ фактъ, что наша желѣзодѣлательная промышленность сосредоточила все свое вниманіе на казенныхъ заказахъ и совершенно не заботится объ ознакомленіи съ требованіями частнаго рынка. Въ этомъ заявленіи, конечно, нѣтъ ничего новаго (весьма обстоятельныя изслѣдованія по этому вопросу можно найти въ брошюрѣ извѣстнаго статистика г. Радцига—„Производство и потребленіе желѣза на всемъ свѣтѣ“), но мнѣніе г. Стекольщякова это интересно постольку, поскольку оно принадлежитъ одному изъ знатоковъ русскаго машиностроенія изъ лагеря протекціонистовъ.

Итакъ, на нужды частнаго потребленія у насъ расходуется отъ 30—40% за послѣдніе 4—5 лѣтъ всего производства чугуна, но и эти 40% распредѣляются на весьма ограниченное количество потребителей,—именно: они идутъ на оборудованіе сред-

нихъ промышленныхъ предпріятій (крупные заводы и фабрики почти сплошь оборудованы заграничнымъ производствомъ), оборудованіе городовъ трамваями, водопроводами и проч. и, наконецъ, оборудованіе среднихъ помѣщичьихъ сельско-хозяйственныхъ единицъ (крупныя также оборудованы заграничнымъ производствомъ). Но естественно, что этихъ 40% производства чугуна не хватаетъ частному потребленію. Ежегодная потребность чугуна только въ сельскомъ хозяйствѣ фиксируется весьма внушительной цифрой — 110 мил. пудовъ *); поэтому русскій потребитель обращается къ заграничному производству, ввозъ котораго выражается въ такихъ любопытныхъ цифрахъ:

	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1899 г.
		(милліоновъ пудовъ).			
Ввозъ чугуна и мет. издѣлій .	23,68	17,62	17,40	27,81	35,60
Ежегодное потребленіе	78,89	77,65	81,46	96,53	198,60

Эти цифры подтверждаютъ ту мысль, что громадный процентъ частнаго потребленія, удовлетворяемаго иностраннымъ рынкомъ, падаетъ на сельское хозяйство, которое, какъ мы увидимъ ниже, почти совершенно игнорируется нашимъ машиностроеніемъ: рѣзкое паденіе цифръ перваго ряда въ голодные 1891 и 1892 гг. наглядно иллюстрируютъ это. Наоборотъ, второй рядъ прогрессивно возрастающихъ цифръ показываетъ, что наша желѣзодѣлательная промышленность развивается совершенно внѣ требованій частно-потребительскаго рынка, который у насъ до основанія потрясается неурожайными годами, не нарушающими, однако, благоденствія горнопромышленниковъ.

---

*) Въ основу вычисленій беремъ слѣдующія статистическія данныя изслѣдованія за 1898 г. вятскаго губернскаго земства для своей губерніи: на дворъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ требуется *только* на ремонтъ, возобновленіе и добавленіе инвентаря, *не считая* земледѣльческихъ орудій и машинъ,— по 1 пуд. 12 ф. желѣза и по 5 ф. чугуна. Въ переводѣ желѣза на чугунъ это составитъ 74 ф. чугуна. Считая въ среднемъ 5 душъ на дворъ, получимъ около 15 ф. на душу. Такимъ образомъ, при сельскомъ населеніи въ 100 мил. человѣкъ, цифра нормальнаго потребленія чугуна въ формѣ домашняго инвентаря достигаетъ 37,5 мил. пудовъ. Далѣе, г. Радцигъ въ своей послѣдней книгѣ «Производство и потребленіе овса на всемъ свѣтѣ», предлагаетъ считать годовое потребленіе чугуна на десятину посѣва, въ видѣ плуга и желѣзной бороны, равнымъ одному пуду. Въ 1901 г. въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи насчитывалось 71,5 мил. десятинъ посѣва (не принимая въ разсчетъ запашекъ подъ чечевицу, бобы, картофель и свеклу); слѣдовательно, наше сельское хозяйство по экономному подсчету требуетъ 109 мил. пуд. чугуна. Но если у нашего крестьянина даже *промышленныхъ губерній* (см. въ той же книгѣ г. Радцига) нѣтъ ни плуговъ, ни желѣзныхъ боронъ,— о молотилкахъ, сортировкахъ и вѣялкахъ ужъ и говорить не приходится,— а на 4½ десятины посѣва приходится 1 соха, деревянная борона и доисторическій цѣпъ,—то потребленіе чугуна 100 милліоннымъ населеніемъ врядъ ли достигаетъ 10 мил. пуд., т. е. въ 11 разъ меньше противъ нормальнаго.

Г. Стекольщиковъ, въ упомянутомъ уже докладѣ своемъ, говоритъ, что наши заводы, — отчасти по невѣдѣнію, отчасти потому, что ихъ вниманіе было сосредоточено на казенныхъ заказахъ,—игнорировали или прозѣвали спросъ на машины по оборудованію кирпичныхъ заводовъ, цементныхъ, заводовъ очистки и пресовки хлопка (въ Ташкентѣ), куда помимо спеціальныхъ машинъ требуются паровые котлы и машины (всѣ они оборудованы заграничнымъ производствомъ) торфяного производства и мн. др. Но помимо и главнѣе этого, наше машиностроеніе не удовлетворяетъ требованіямъ сельскаго хозяйства, мукомольнаго производства, технологіи дерева и технологіи волокнистыхъ веществъ. Между тѣмъ именно эти отрасли русской промышленности нужно признать коренными въ развитіи русской народнохозяйственной жизни; только онѣ въ состояніи вполнѣ обезпечить нашу желѣзодѣлательную промышленность и въ частности машиностроеніе.

У насъ насчитывается 490 машиностроительныхъ заводовъ и 207 заводовъ спеціально сельскохозяйственныхъ машинъ; казалось бы, достаточно, чтобы удовлетворить существующій спросъ, но ничего подобнаго мы не находимъ въ дѣйствительности. Прежде всего, изъ 207 сельскохозяйственныхъ заводовъ можно насчитать едва-ли десятокъ таковыхъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; но и изъ этого десятка такія крупные заводы, какъ Липгартъ (въ Москвѣ), Гельферихъ-Саде (въ Харьковѣ), Эльворти (въ Елисаветгардѣ) и нѣкоторыхъ др. снабжаютъ своихъ потребителей на $^3/_4$ выпуска всѣхъ машинъ заграничнымъ производствомъ. Изъ „множества“ заводовъ машинъ мукомольнаго производства мы знаемъ только два: Доброва и Набгольцъ да Харьковскій бельгійскій—и оба они находятся подъ опекой администраціи, а послѣдній въ январѣ этого года окончательно ликвидировалъ свои дѣла съ дефицитомъ въ полмилліона рублей.

Громадное большинство „множества“ заводовъ мукомольныхъ и сельскохозяйственныхъ машинъ—въ сущности полукустарныя мастерскія съ примитивнымъ оборудованіемъ; они изготовляютъ простѣйшія машины, какъ, напр., жерновой поставъ, металлическую обойку (конусъ) или простой конный приводъ, плугъ и борону; все наше громадное мукомольное производство оборудовано почти во всей Россіи до Иркутска торговой фирмой Эрлангера, имѣющаго въ 20 городахъ свои отдѣленія. Это тоже въ своемъ родѣ знаменитый Кнопъ; фирма Эрлангеръ и К°, монополизировала не только постройку мельницъ въ Россіи, но и представительство заграничныхъ заводовъ ходовыхъ мельничныхъ машинъ. Оборудованіе лѣсопильныхъ, паркетныхъ и др. деревообдѣлочныхъ заводовъ, какъ и заводовъ технологіи волокнистыхъ веществъ, также находится во власти торговаго капитала и русское машиностроеніе въ этой области играетъ довольно жалкую роль. Заводы сельско-

хозяйственныхъ машинъ также являются лишь подспорьемъ иностранному ввозу къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, наши 207 заводовъ вырабатываютъ только *на 13,697* тыс. рублей, тогда какъ ввозъ простирается до *21,212* тыс. руб. Производство 490 машиностроительныхъ заводовъ равняется 122 мил. руб., а ввозъ достигаетъ 67 мил. руб. и распредѣляется такъ: машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ—20 мил. руб., мельничныхъ машинъ—24 мил. руб. и особо непоименованныхъ—23 мил. руб.

Мы остановимся нѣсколько детальнѣе на потребленіи у насъ сельскохозяйственныхъ машинъ.

Первый докладъ инжен. Стекольщикова, бросившаго упрекъ русскимъ машиностроителямъ въ ихъ жадности къ казеннымъ заказамъ, привелъ въ умиленіе нашу либеральную печать. Но почему-то не проникъ въ печать второй докладъ г. Стекольщикова, который выразилъ столь неумѣренно протекціонистскія поползновенія, что привелъ въ ужасъ даже такихъ закоснѣлыхъ протекціонистовъ, какъ г. Гришенко, извѣстный харьковскій милліонеръ, пивоваръ и крупный посѣвщикъ хмеля. Дѣло дошло до того, что г. Стекольщиковъ предложилъ воскресить пошлины, уничтоженныя въ 1897 г., на тѣ машины, которыя у насъ даже и не производятся. Однако, какъ ни комбинируй цифры въ пользу протекціонистскихъ вожделѣній нашихъ горнопромышленниковъ,—правда остается правдой. За десять лѣтъ горнопромышленнаго оживленія, нельзя было и разсчитывать, чтобы металлообрабатывающее производство шло навстрѣчу нуждамъ частнаго потребленія. А съ другой стороны наше сельское хозяйство вынуждено было создавать эту „свободную наличность“, усиливая производство хлѣба для экспорта и частью получая взамѣнъ машины иностранныхъ заводовъ.

Такимъ образомъ, будутъ понятны нижеприведенныя цифры потребленія иностранныхъ машинъ, общая сумма которыхъ приведена ранѣе.

Ввезено (пудовъ):	1898 г.		1901 г. *)	
Жатвенныя машины съ самосбрасыв. аппарат.	2,057	пуд.	201,000	пуд.
Сѣноворошилки и конныя грабли. . .	1,096	»	109,000	»
Плуги, бороны и др. мелкія машины .	941,890**)	»	1,116.000	»
Локомобили для сельскохоз. нуждъ. .	243,125	»	364,000	»

Кромѣ первой группы, производство всѣхъ этихъ машинъ существуетъ и у насъ, и нельзя сказать, чтобы заводы съ приличнымъ техническимъ оборудованіемъ терпѣли нужду въ заказахъ до 1899 г. Уже это одно указываетъ, что нашъ рынокъ сельско-

*) За 9 мѣсяцевъ.
**) За 1895 г.

хозяйственныхъ машинъ далеко не насыщенъ. Нѣтъ, конечно, перепроизводства и въ другихъ отрасляхъ машиностроенія.

Такимъ образомъ, получается нѣчто чрезвычайно странное: съ одной стороны, нашъ рынокъ представляетъ благодарное поле для дѣятельности русскаго машиностроенія, а съ другой—это же машиностроеніе подверглось болѣе чѣмъ какая либо отрасль промышленности разрушающему дѣйствію кризиса. О размѣрахъ этого кризиса можно судить уже потому, что число рабочихъ на однихъ машиностроительныхъ заводахъ сократилось почти вдвое, на другихъ же количество рабочаго времени сокращено вдвое съ соотвѣтствующимъ сокращеніемъ платы.

Какъ уже раньше было сказано, проф. Тиме обвиняетъ русскаго потребителя въ косности, но наше обращеніе за металломъ и металлическимъ производствомъ къ внѣшнимъ рынкамъ опровергаетъ это обвиненіе. Гораздо ближе къ сути дѣла подходитъ проф. Гатцукъ въ своей статьѣ о русскомъ машиностроеніи („Россія въ концѣ XIX вѣка", изд. подъ редакціей В. И. Ковалевскаго); онъ говоритъ, что развитіе нашего машиностроенія „нѣсколько тормозится дороговизной основныхъ матеріаловъ". Но проф. Гатцукъ упускаетъ другое и при томъ наиболѣе существенное обстоятельство, такъ сказать, первопричину,—это недостатокъ основного строительнаго матеріала, вызывающій дороговизну металла. Настоящіе таможенные тарифы болѣе или менѣе уравниваютъ цѣны на внутреннее и внѣшнее производство той или другой машины, а ходовое производство, какъ, напр., простѣйшихъ сельскохозяйственныхъ машинъ у насъ даже дешевле заграничнаго (конечно, послѣ того, какъ оно пройдетъ черезъ таможню), и тѣмъ не менѣе при увеличеніи, за десятилѣтіе 1890—1900 г., добычи чугуна въ 3, 1 раза ввозъ машинъ и аппаратовъ увеличился за тотъ же періодъ почти въ 4, 5 раза.

Думаю, что этихъ общихъ цифровыхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы установить первое положеніе,—а именно: крайне слабое развитіе нашего машиностроенія обусловлено недостаточностью и дороговизною основного строительнаго матеріала. Вотъ почему машиностроительные заводы находятся въ постоянной враждѣ съ металлургическими, и протекціонистскія тенденціи первыхъ идутъ въ разрѣзъ съ таковыми же вторыхъ. Эта непріязнь особенно рѣзко выразилась въ отзывѣ директора правленія Путиловскихъ заводовъ, который въ отвѣтъ на приглашеніе южныхъ горнопромышленниковъ прислать делегата на съѣздъ машиностроителей, пріуроченный ими къ экстренному горнопромышленному съѣзду, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Онъ признаетъ полезность машиностроительныхъ съѣздовъ, но внѣ зависимости отъ горнопромышленниковъ, которые могутъ оказать давленіе на исходъ того или другого вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, въ періодъ максимальнаго подъема нашей крупной промышленности машиностроительные и вообще передѣлочные заводы (кромѣ рельсопрокатныхъ, паровозо-и вагоностроительныхъ), работающіе на частно-потребительскій рынокъ всегда дрожали за свою участь и нѣкоторые задолго до общаго кризиса вынуждены были ликвидировать свои дѣла. Ожиданіе полгода и болѣе сдѣланныхъ заказовъ на чугунъ тормазило производство машиностроительныхъ заводовъ, лишало ихъ заказовъ и причиняло имъ убытки. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что южные передѣлочные заводы сплошь да рядомъ получаютъ чугунъ и желѣзо съ Урала. А между тѣмъ, это фактъ и не далѣе, какъ въ октябрѣ прошлаго года, съ Урала на югъ было привезено 260 вагоновъ желѣза и чугуна и 48 вагоновъ простѣйшихъ издѣлій. Въ 1900 г. Бельгійскій машиностроительный заводъ дѣлалъ заказы на Саратовскій сталелитейный; въ 1899 г. Путиловскій заводъ получалъ заказы на провозные цилиндры отъ Харьковскаго паровозостроительнаго, но Путиловскій заводъ, въ свою очередь, дѣлалъ заказы заграничнымъ заводамъ на тѣ же цилиндры. Эти частные факты тѣмъ болѣе характерны для русскаго машиностроенія, что они еще разъ подтверждаютъ и иллюстрируютъ основное положеніе—не хватаетъ чугуна, даже и въ сердцѣ нашей горнопромышленности, въ южномъ раіонѣ.

Заявленіе о дороговизнѣ и недостаткѣ чугуна было сдѣлано и на машиностроительномъ съѣздѣ въ Харьковѣ (при экстренномъ горнопромышленномъ съѣздѣ), но оно не было принято во вниманіе и, къ удовольствію южныхъ горнопромышленниковъ, машиностроители высказались за „болѣе точную тарификацію“ иностраннаго ввоза машинъ, т. е. попросту говоря, за повышеніе пошлинъ. А тотъ же инж. Стекольщиковъ, предсѣдательствовавшій въ секціи сельскохозяйственнаго машиностроенія, потребовалъ повышенія пошлины даже на сельскохозяйственные локомобили.

Рядъ докладовъ секцій желѣзопередѣлочныхъ заводовъ безъ изъятія настаиваетъ на организаціи синдикатовъ по отдѣльнымъ отраслямъ металлообрабатывающаго производства. Инж. Каменскій (предсѣд. секціи о заводахъ, изготовляющихъ мосты и др. желѣзныя конструкціи) настаивалъ на необходимости учредить „общую контору“ для безубыточнаго распредѣленія заказовъ; инж. Горяиновъ въ докладѣ о спеціализаціи заводовъ также рекомендуетъ „общую контору“ для продажи чугунныхъ трубъ; инж. Антошинъ съ такою же настойчивостью рекомендуетъ организовать „союзъ“ сталелитейныхъ заводовъ. И всѣ эти проекты, выражающіе желаніе машиностроительныхъ секцій, были восторженно приняты южными горнопромышленниками. Разумѣется, это ни больше, ни меньше, какъ организованный походъ на потребителя; но въ смыслѣ подъема русскаго машиностроенія—это, такъ сказать, покушеніе съ негодными средствами. Да заботы о развитіи машиностроенія и

не входятъ въ сущности, въ программу нашихъ промышленниковъ—они стремятся только удержать за собой то привилегированное положеніе, которое, по ихъ мнѣнію, можетъ быть упрочено повышеніемъ таможеннаго тарифа; всѣ же слова о нуждахъ русскаго потребленія—только патріотическія фразы.

Какъ бы то ни было, но упадокъ нашего машиностроенія съѣздъ машиностроителей въ Харьковѣ объяснялъ слабыми таможенными пошлинами—съ одной стороны и ослабленіемъ пошлинъ на нѣкоторыя сельскохозяйственныя машины—съ другой, что и привело, по его мнѣнію, къ ликвидаціи въ минувшемъ году до 15-ти заводовъ сельскохозяйственныхъ машинъ. Вотъ въ этихъ то протекціонистскихъ объясненіяхъ и интересно разобраться, чтобы судить о томъ, въ какой мѣрѣ современная промышленная политика способствуетъ у насъ росту машиностроенія.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ, касающихся желѣзодѣлательной промышленности, М. И. Туганъ-Барановскій утверждаетъ, *) что „протекціонизмъ не только не развивалъ, но скорѣе убивалъ наше желѣзнодорожное производство, приводя къ повышенію цѣнъ на желѣзо и къ полному застою техники". Оба послѣднія замѣчанія совершенно справедливы; но въ то же время общій ростъ производства у насъ чугуна со времени введенія конвенціоннаго тарифа (этотъ тарифъ можно считать запретительнымъ—30 к. по морской границѣ и 35 по сухопутной золотомъ на пудъ чугуна не въ дѣлѣ) показываетъ, что ультра-протекціонный тарифъ способствовалъ увеличенію производства въ 3, 1 раза; тогда какъ въ Великобританіи, Соединенныхъ Штатахъ и Германіи производство чугуна увеличивалось за тотъ же періодъ менѣе чѣмъ въ 2 раза. Въ исторіи крупной промышленности ни въ одной странѣ мы не находимъ такого громаднаго роста металлургическаго производства, какое наблюдалось у насъ за послѣднее десятилѣтіе. Сравнительныя цифры послѣдняго десятилѣтія таковы.

	1890 г.	1900 г.
Великобританія	490 мил. п.	552 мил. п.
Соединенные Штаты	461 »	839 »
Германія	284 »	518 »

Такимъ образомъ, огульное заключеніе г. Туганъ-Барановскаго о вредномъ вліяніи протекціонизма по отношенію къ нашей желѣзодѣлательной промышленности находится въ противорѣчіи съ безспорными фактами. Если дореформенный запретительный тарифъ не создалъ у насъ металлургическаго и желѣзодѣлательнаго производства, то только потому, что создавая этотъ тарифъ, правительство не позаботилось, какъ теперь, о созданіи казеннаго рынка, не говоря уже о томъ, что общій укладъ дореформенной

*) «Русская фабрика», изд. II-е, стр. 364.

жизни нашей страны, съ натуральнымъ хозяйствомъ, меньше всего благопріятствовалъ капиталистическому производству. Совсѣмъ иное мы видимъ въ послѣднее десятилѣтіе. Разумѣется, по мановенію или предписанію министерства финансовъ не могло быть предложено горнозаводской промышленности нормальнаго, т. е. частнопотребительскаго рынка, но за то казенные заказы вполнѣ гармонировали съ конвенціоннымъ тарифомъ, и они то способствовали колоссальному развитію нашего горно и металлообрабатывающаго производства. Увлекаясь своей теоріей рынковъ, г. Туганъ-Барановскій говоритъ, что притокъ къ намъ иностранныхъ капиталовъ былъ вызванъ въ 90-хъ годахъ переселеніемъ его изъ старокапиталистическихъ странъ, потому только, что ростъ его въ старокапиталистическихъ странахъ „за свой счетъ“ не давалъ такого дивиденда, какъ тамъ, гдѣ онъ могъ рости за счетъ вытѣсненія старыхъ формъ хозяйства. Однако, мы не видимъ, чтобы эти капиталы притекали къ намъ въ 70-хъ годахъ, когда либералы-фритредеры одержали побѣду надъ протекціонистами. Естественно, что промышленный капиталъ, находясь и въ старокапиталистическихъ странахъ, могъ рости за счетъ вытѣсненія старыхъ формъ русскаго хозяйства, посылая къ намъ продукты своего производства; поэтому и нельзя было ожидать, чтобы западно-европейскій промышленный капиталъ двинулся въ 70-хъ годахъ со всею своею тяжелой артиллеріей фабрикъ и заводовъ для покоренія русскаго рынка. Совсѣмъ другое мы видимъ съ возвратомъ нашей экономической политики на путь протекціонизма, и особенно съ начала 90-хъ годовъ, когда казенные заказы вполнѣ обезпечиваютъ металлургическое и желѣзодѣлательное производство. Иностранные капиталы сосредоточиваются почти исключительно въ донецкомъ бассейнѣ, гдѣ производство и обработка металла достигаетъ громадныхъ размѣровъ, а желѣзодѣлательные заводы приспособляются почти всѣ сплошь къ производству рельсовъ, вагоновъ и паровозовъ. Въ промышленныхъ странахъ каждая новая желѣзнодорожная вѣтка открываетъ новый рынокъ. Въ земледѣльческой Россіи каждая желѣзная дорога является насосомъ по отношенію къ мѣстности, гдѣ она проходитъ, насосомъ вытягивающимъ производительныя силы пахаря и оставляющимъ взамѣнъ получаемаго сырья деньги, идущія на уплату податей, которыя въ свою очередь идутъ на поддержаніе желѣзодѣлательной промышленности, но потребляется это желѣзо только въ видѣ рельсовъ, паровозовъ и вагоновъ. Такимъ образомъ, только 30 тыс. верстъ желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ за послѣднее десятилѣтіе, давали жизнь и развитіе нашей желѣзодѣлательной промышленности. Желѣзодѣлательная промышленность развивалась и должна была придти къ кризису не путемъ насыщенія рынка своими фабрикатами, а коль скоро будетъ прекращена постройка же-

лѣзныхъ дорогъ. Это превосходно понимаютъ и наши горнопромышленники, почему они и настаиваютъ на продолженіи усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ для уничтоженія кризиса *).

Итакъ, протекціонизмъ въ связи съ усиленной постройкой желѣзныхъ дорогъ вызвалъ у насъ общее горнопромышленное оживленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почти совершенно не далъ возможности развиться машиностроенію для нуждъ частнаго потребленія, ибо дороговизна и недостатокъ чугуна сдѣлали недоступнымъ это производство главному, но экономически слабому потребителю—крестьянству. Ослабленіе экономической мощи трудящихся классовъ признается естественнымъ процессомъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, но этотъ естественный процессъ былъ значительно ускоренъ политикой усиленнаго протекціонизма, въ связи съ поощреніемъ промышленниковъ казенными заказами; поэтому-то развитіе нашей крупной горнопромышленности не дало даже и тѣхъ минимальныхъ благъ, которыхъ можно было ожидать. Не смотря на громадный ростъ нашей горнозаводской промышленности, русскій крестьянинъ и по сіе время обрабатываетъ свой надѣлъ доисторической сохой и деревянной бороной. Безъ сомнѣнія это и есть та коренная причина, которая вызвала за послѣднее десятилѣтіе 1 милліардъ рублей дефицита въ народномъ хозяйствѣ только на однихъ недородахъ; но помимо этого милліарда изъ народной кассы взятъ съ несомнѣнной очевидностью еще одинъ милліардъ, ушедшій на постройку 30 тыс. верстъ желѣзныхъ дорогъ. Эквивалентомъ этихъ двухъ милліардовъ является не оборудованіе сельскаго хозяйства желѣзомъ, а снабженіе его тѣмъ насосомъ, какимъ являются у насъ желѣзныя дороги по отношенію къ крестьянскому хозяйству. Я отнюдь не отрицаю громаднаго значенія желѣзныхъ дорогъ въ экономической жизни страны, но указываю еще разъ на то, что постройка ихъ, такъ сказать, оттянула все то желѣзо, которое должно было пойти на оборудованіе крестьянскаго хозяйства. Такимъ образомъ, вторымъ положеніемъ можно выставить слѣдующее: ничтожное развитіе нашего машиностроенія обусловлено также крайне ослабленной покупательной способностью нашего крестьянства. Вотъ почему у насъ нѣтъ массового производства даже такихъ простѣйшихъ машинъ-орудій, какъ плугъ и борона. Болѣе сложныя машины въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ сѣялки, вѣялки и молотилки, требуютъ правильно организованнаго производства обработки дерева, точно такъ же, какъ того же требуетъ и производство мельничныхъ машинъ; но опять-таки у насъ нѣтъ ни того, ни другого, потому что современная экономическая политика для поддержанія универсальнаго протекціо-

*) Горн. инж. Авдаковъ, «Къ вопросу о положеніи желѣзной и каменноугольной пром. на югѣ Россіи»,—«Нов. Вр.» № 9205.

низма *вынуждаетъ* экспортировать на міровой рынокъ наше зерно. Наша горнозаводская промышленность была очень ужъ спѣшно создана, чтобы за десятилѣтній періодъ можно было разсчитывать на развитіе у насъ мукомольнаго производства и раціональную постановку сельскаго хозяйства въ смыслѣ техническаго оборудованія. Намъ надо было такъ же спѣшно вывозить зерно за границу, чтобы успѣвать оплачивать постройку желѣзныхъ дорогъ, т. е. „способствовать“ развитію горнозаводской промышленности, какъ спѣшно была создана эта послѣдняя. Система „универсальнаго“ протекціонизма, не дѣлающая исключеній ни для какого ввоза, создала внутри страны противорѣчія интересовъ различныхъ отраслей промышленности, часто родственныхъ. Творцы такой системы воображаютъ, что они убиваютъ двухъ зайцевъ: покровительствуютъ производству и достигаютъ фискальныхъ цѣлей. Но если высокая пошлина на чугунъ способствовала развитію нашей металлургической промышленности (конечно, въ связи съ поощрительными заказами), то она же препятствовала развитію отечественнаго машиностроенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что высокая пошлина на машины при настоящихъ условіяхъ, т. е. недостаткѣ основного строительнаго матеріала, не могла у насъ создать машиностроенія. Но для насъ несомнѣнно и то, что если-бы машиностроителямъ, работающимъ для нуждъ частнаго потребленія, былъ предоставленъ безпошлинный ввозъ чугуна, желѣза и стали, то къ концу десятилѣтія мы не получали бы заграничныхъ машинъ на 99 мил. рублей, а, можно полагать, втрое или даже вчетверо меньше. Здѣсь мы должны оговориться, что отнюдь не причисляемъ себя къ лагерю фритредеровъ; въ капиталистическомъ хозяйствѣ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть мѣста для такъ называемой „свободной торговли“. Экономисты-фритредеры величайшіе утописты нашего времени, въ этомъ убѣждаетъ насъ историческій процессъ развитія капиталистическаго производства. Капиталы различныхъ странъ ведутъ между собой ожесточенную борьбу за рынки, и если „классическая“ страна свободной торговли — Англія, добилась этой свободы, то это была одна изъ тѣхъ формъ свободы, которая давала ей возможность поработить міровой рынокъ; манчестерская банда фабрикантовъ, добиваясь свободной торговли, заботилась не о благѣ англійскаго рабочаго класса и потребителя, а о томъ, чтобы имѣть дешевое сырье и дешевый трудъ. И вотъ теперь, полвѣка спустя, когда на міровой рынокъ выступаютъ Германія и Соединенные Штаты, англійскіе „фритредеры“-капиталисты вынуждены вновь возвратиться на путь протекціонизма, оставивъ фритредеровъ-идеологовъ въ одиночествѣ. Фритредерскія идеи во всемъ ихъ объемѣ можно отнести къ области такихъ же утопій, какъ и идеи всеобщаго разоруженія, ибо пока существуетъ капиталистическое производство, до тѣхъ поръ нужны

будутъ и таможенныя и иныя пушки. Слѣдовательно, говорить о нарушеніи протекціонизма можно постольку, поскольку это нарушеніе ведетъ къ развитію производственныхъ силъ страны. Это развитіе производительныхъ силъ создастъ не одно только благополучіе капиталистовъ, но и культурный ростъ страны.

Интересы машиностроительныхъ заводовъ идутъ въ разрѣзъ съ металло-добывающими и требуютъ снятія или пониженія пошлины на ввозимый металлъ. Въ этомъ смыслѣ, казалось бы, нужно было ожидать постановленій машиностроительнаго съѣзда, бывшаго при экстренномъ горнопромышленномъ съѣздѣ въ Харьковѣ. Однако, машиностроители такъ любезно были приняты горнопромышленниками, что не захотѣли отплатить зломъ за радушный пріемъ и не рѣшились заявить о самой насущной нуждѣ русскаго машиностроенія. Они детально разработали вопросъ о синдикатахъ и объ усиленіи таможеннаго тарифа на ввозимыя машины, а о дороговизнѣ металла и не заикнулись. Синдикаты и повышенныя пошлины, конечно, вызовутъ повышеніе цѣнъ на наше производство и пониженіе спроса, что поведетъ къ сокращенію производства. При такихъ условіяхъ нельзя надѣяться, чтобы наше производство сырья улучшилось качественно и количественно *). И теперь уже мы вынуждены экспортировать хлѣбъ за счетъ своего недоѣданія, а тогда недоѣданіе распространится и на машиностроителей, ибо нельзя же думать серьезно, что „оскудѣвшій центръ“, обрабатываемый сохой вмѣсто плуга, расцвѣтетъ обиліемъ плодовъ и дастъ благополучіе странѣ.

Наша экономическая политика родила тучныхъ фараоновыхъ коровъ—промышленниковъ, но она же рождаетъ и тощихъ коровъ—оскудѣвающее земледѣліе. Слѣдуетъ помнить мудрое толкованіе фараонова сна—мудрость его теперь намъ весьма кстати. Намъ необходимо дать раціональное техническое оборудованіе земледѣлію, также какъ и обрабатывающему производству. Каково же можетъ быть практическое рѣшеніе этого вопроса? Отвѣтъ данъ уже давно американцами. Какъ характерный образчикъ разсужденій на эту тему, мы приведемъ слова предсѣдателя съѣзда американскихъ банкировъ въ Девнерѣ 1898 г.—„Долгое время,—говорилъ этотъ почтенный президентъ цвѣта американской буржуазіи,—мы были житницей міра; теперь же хотимъ быть его мастерской, а затѣмъ пожелаемъ быть его разсчетной палатой. Для этого у насъ въ рукахъ три козыря: желѣзо, сталь и уголь“.

У насъ эти три козыря покоятся въ нѣдрахъ необозримыхъ равнинъ и безконечныхъ горныхъ цѣпей. Если наши капиталисты добываютъ эти козыри только для игры съ казной, идя только на вѣрную ставку, то производству для нуждъ частнаго потребленія надо дать желѣзо, сталь и уголь нашихъ со-

*) Главнымъ образомъ, производство хлѣба, свекловицы и пр.

сѣдей, т. е. понизить запретительную пошлину на этотъ матеріалъ до терпимыхъ размѣровъ. Только въ такомъ случаѣ намъ возможно будетъ сдѣлаться мастерской для самихъ себя.

Однако, мастерская для себя—это вопросъ отдаленнаго будущаго, а теперь необходимо приступить къ неотложнымъ мѣропріятіямъ: надо теперь же дать оскудѣвающему не по днямъ, а по часамъ крестьянскому хозяйству сносное техническое оборудованіе; а это возможно только въ томъ случаѣ, когда пошлина совершенно будетъ снята съ машинъ, идущихъ для нуждъ крестьянскаго хозяйства. Смѣемъ думать, что такая мѣра не будетъ въ ущербъ русскому машиностроенію, которое до сихъ поръ снабжало только зажиточнаго потребителя и было совершенно недоступно едва ли не 80 милліонамъ земледѣльческаго населенія страны.

П. Козьминъ.

Новыя книги.

Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Т. I. Спб. 1902.

А. Т. Грабина. Преждепогибшіе. Спб. 1902.

Всякій громкій литературный успѣхъ,—какъ, впрочемъ, и всякій другой успѣхъ,—сосредоточивая на себѣ общее вниманіе, естественно вызываетъ подражателей. На однихъ онъ дѣйствуетъ почти гипнотически, овладѣвая ими помимо воли и сознанія; другіе влекутся къ подражанію сознательными мотивами вродѣ стремленія угодить порожденной успѣхомъ модѣ данной минуты или попасть въ озаренное лучами успѣха пространство; инымъ успѣхъ открываетъ глаза на явленія жизни, дотолѣ мало обращавшія на себя вниманіе, или какъ-бы открываетъ двери ихъ собственнымъ наблюденіямъ и житейскимъ выводамъ, которыхъ они раньше, по недостатку иниціативы или по чему другому, не выносили на арену литературы. Было бы удивительно, если бы всего этого не вызвалъ необычайный успѣхъ, выпавшій на долю г. Горькаго. Его писанія производятъ столько шума, объ немъ столько говорятъ и пишутъ, что естественно у многихъ и многихъ является желаніе, иногда, можетъ быть, даже не сознанное, попробовать себя въ этомъ родѣ. Въ книжкахъ гг. Скитальца и Грабины, заглавія которыхъ выписаны выше, мы имѣемъ образчики такихъ вольныхъ или невольныхъ подражаній; образчики далеко не равноцѣнные.

Книжка г. Грабины состоитъ изъ четырехъ небольшихъ разсказовъ. Одинъ изъ нихъ, „Пріятели“, есть просто плоскій анек-

дотъ, неизвѣстно почему попавшій въ серію „преждепогибшихъ“, хотя это претенціозное заглавіе и вообще не совсѣмъ удобопонятно. Нѣкій Козелковъ, изъ „баръ“, какъ говоритъ о немъ его кухарка, повелъ свою жену, у которой болѣлъ зубъ, къ знакомому доктору. Въ пріемной доктора ждало нѣсколько человѣкъ больныхъ, но Козелковъ, какъ знакомый, проникъ къ доктору не въ очередь, чтобы попросить его поскорѣе осмотрѣть жену. Докторъ завтракалъ и пригласилъ Козелкова заняться тѣмъ же. Выпили по рюмкѣ, по другой, третьей, десятой и напились оба пьяны, забывъ про ожидавшихъ въ пріемной больныхъ. Дѣло кончается скандаломъ. Вотъ и все. Фабулы остальныхъ трехъ разсказовъ—„Романъ босяка“, „Тріо“, „Раклы“—взяты изъ того міра босяковъ и бродягъ, который составилъ успѣхъ г. Горькаго. Но эти разсказы представляютъ собою не больше, какъ анекдоты, изложенные бойкимъ фельетоннымъ языкомъ. Вотъ, напримѣръ, начало „Романа босяка“:

Я былъ босъ не по своей винѣ. По выходѣ изъ одного государственнаго зданія, гдѣ я въ продолженіи трехъ мѣсяцвъ пользовался безплатною квартирою и столомъ за счетъ казны, я очутился опять на мостовой. Не имѣя постоянной квартиры, кромѣ общественныхъ улицъ и площадей, я широко пользовался этими послѣдними и, бродя по нимъ ночью въ качествѣ любознательнаго туриста, обращалъ невольное вниманіе на вещи, заслуживавшія, по моему мнѣнію, вниманія. Я въ этомъ отношеніи не былъ притязателенъ: отворенное окно, незапертая дверь рисовали въ моемъ воображеніи цѣлыя картины. Вслѣдствіе такой живости воображенія я, въ концѣ концовъ, какъ то почти автоматически вскочилъ въ одно отворенное окно. И т. д.

Такова форма. Что касается содержанія, то вотъ, напримѣръ, три ракла (такъ на югѣ называются мазурики), Пила, Топоръ и Долото, рѣшили ограбить нѣкоего „вѣрнаго человѣчка“, которому долго сбывали краденое, но который, наконецъ, отказался отъ своей профессіи. Грабежъ не удался и ракловъ арестовали. Ни обобщающихъ чертъ г. Горькаго, ни его гнѣвныхъ нотъ и нервнаго надрыва, ни его идеализаціи бродячихъ людей г. Грабина себѣ не усвоилъ. Получились босяки, такъ сказать, безъ цвѣта и запаха. Языкъ г. Грабины есть, какъ уже сказано, языкъ бойкаго фельетона, но попадаются у него довольно-таки странныя выраженія вродѣ: „денекъ разобрался хорошій“, „начинало смеркать“, „дверь была наразстежь“, „за вами соскучилась тюрьма“, „благодарностныя рукопожатія“, „ѣдьте (т. е. поѣзжайте) съ нимъ“,

Несравненно интереснѣе и значительнѣе „Разсказы и пѣсни“ г. Скитальца. Это писатель не фельетонной пустопорожней бойкости, порхающей по поверхности, при томъ же босякъ, настоящій босякъ встрѣчается у него, собственно говоря, только одинъ. И тѣмъ не менѣе, вліяніе г. Горькаго на немъ отражается гораздо сильнѣе, чѣмъ на г. Грабинѣ, вѣроятно, именно потому, что проникаетъ глубже.

У г. Горькаго есть въ разсказѣ „Тоска“ превосходная сцена разгула и пѣнія въ трактирѣ. Г. Горькій въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ не разъ рисовалъ подобныя же сцены, но это все были уже только блѣдныя, безжизненныя копіи. У г. Скитальца нѣтъ ни одного разсказа, въ которомъ не было бы пѣнія—въ кабакѣ, въ трактирѣ, на рѣчномъ просторѣ, въ острогѣ, въ церкви. Въ сказкѣ „Газетный листъ“ даже двѣ лягушки—самецъ и самка—съ чувствомъ поютъ дуэтъ: „Не искушай меня безъ нужды“. Это выходитъ немножко однообразно. Авторъ съ такою любовью описываетъ голоса трактирныхъ, острожныхъ и т. д. пѣвцовъ и профессіональныхъ церковныхъ пѣвчихъ, въ такія подробности словесныхъ текстовъ и музыкальныхъ мотивовъ пѣнія входитъ, что, очевидно, хорошо знакомъ съ этимъ дѣломъ; и мы имѣемъ здѣсь, вѣроятно, случай не прямого подражанія г. Горькому, а самостоятельнаго слѣдованія по проложенному пути. Яснѣе дѣло съ идеализаціей излюбленныхъ героевъ. Одинъ читатель замѣтилъ, что босяки г. Горькаго совсѣмъ не босяки, а „Аммалатъ-Беки, съ которыхъ авторъ снялъ сапоги“,—замѣчаніе остроумное, но слишкомъ злое и, въ мѣру этой злости, несправедливое. Но вѣрно, что герои г. Горькаго часто черезчуръ обременены красивыми достоинствами, ярко блещущими и въ омутѣ нищеты, порока и преступленія. Главное изъ этихъ достоинствъ, помимо чисто-физическихъ,—энергія, высоко поднимающая героевъ г. Горькаго надъ окружающими и направленная иногда на благо этихъ жалкихъ окружающихъ, иногда на зло имъ, а иногда представляющая нѣчто самодовлѣющее, нѣчто вродѣ безпредметной игры мускулами для собственнаго удовольствія.

Герой главнаго разсказа г. Скитальца—„Сквозь строй“, Гаврила Петровичъ,—отецъ разсказчика, тоже обремененъ красивыми достоинствами. Крѣпостной по происхожденію, онъ видѣлъ на своемъ вѣку много горя, но начало разсказа застаетъ его бодрымъ и энергичнымъ. Онъ—кабатчикъ, сидѣлецъ отъ богача-хозяина, владѣльца почти всѣхъ кабаковъ въ уѣздѣ. Дѣла его идутъ превосходно, народъ къ нему валомъ валитъ въ кабакъ, привлекаемый веселымъ остроуміемъ, игрой на гусляхъ и пѣніемъ кабатчика. Его часто переводили изъ одного села въ другое, гдѣ „торговля“ шла плохо. И „какъ только появлялся онъ съ своими гуслями, село начинало пьянствовать и торговля шла бойко. Гусли и пѣсни и симпатичная личность кабатчика окружали кабакъ ореоломъ поэзіи, влекли туда даже непьющихъ и совращали ихъ въ пьянство“. Не особенно, значитъ, хорошо направлялъ Гаврила Петровичъ свои таланты, но авторъ, повидимому, не придаетъ никакого значенія этому факту, онъ пропадаетъ для него въ „ореолѣ поэзіи“. Поссорившись съ владѣльцемъ кабака, Гаврила Петровичъ рѣшилъ избрать карьеру странствующаго гусляра, прихвативъ съ собой и сына, котораго онъ еще въ кабакѣ

научилъ подзванивать его гуслямъ желѣзной палочкой по стальному треугольнику. Онъ обѣщалъ давать ему каждый день по пятаку на сказку.

„Въ это время,—говоритъ разсказчикъ,—я былъ одержимъ страстью къ чтенію сказокъ. Я жилъ въ чудномъ мірѣ подвиговъ Еруслана Лазаревича, Бовы Королевича и Францыля Венеціана, хотѣлъ каждый день читать новую сказку. „Идемъ!"—отвѣчалъ я, чувствуя въ себѣ духъ Еруслана и Бовы". Дорогой, на пароходѣ, потомъ въ Нижнемъ на ярмаркѣ, и въ другихъ городахъ отецъ съ сыномъ то играли и пѣли передъ публикой, то бесѣдовали между собой. Отецъ разсказывалъ о разныхъ разностяхъ, но особенно, Копка (такъ звалъ Гаврила Петровичъ сына) былъ пораженъ художественнымъ разсказомъ о Стенькѣ Разинѣ. Любопытно, что тѣ самыя сцены изъ жизни Разина и легенды о немъ, которыя поразили Копку, взволновали и Коновалова у г. Горькаго. Г. Горькій разсказываетъ:

Казалось, что какія-то узы крови, неразрывныя и не остывшія за три столѣтія, до сей поры связываютъ этого босяка со Стенькой, и босякъ со всею силою живого и крѣпкаго тѣла, со всею страстью тоскующаго безъ «точки» духа, чувствуетъ боль и гнѣвъ пойманнаго триста лѣтъ тому назадъ вольнаго сокола».

А у г. Скитальца читаемъ:

Я полюбилъ Разина за его мужество и страданія. Я настроенъ былъ сказочно, на богатырскій ладъ, и въ моихъ глазахъ онъ былъ гордый и мятежный волжскій духъ. Прикованный къ утесу, онъ жилъ въ этихъ горахъ. Мало того, онъ былъ въ моемъ отцѣ и во мнѣ. Вѣчный духъ безпокойства, мученіямъ котораго никогда не бываетъ конца — вотъ что было въ насъ. Намъ была по душѣ дерзость Разина, намъ, оторваннымъ отъ всего уклада жизни, отрицаемымъ ею, одинокимъ, чуждымъ всѣмъ. Мы оба любили героевъ непокорныхъ, одинокихъ, сильныхъ и воинственныхъ.

Неизвѣстно почему Копка считалъ себя и отца одинокими и оторванными отъ всего уклада жизни: Гаврила Петровичъ женатъ, у него и, кромѣ Копки, есть дѣти, съ которыми онъ временно находится въ разлукѣ, но позже всѣ соединяются и живутъ семьей; затѣмъ онъ только что оставилъ службу въ кабакѣ, гдѣ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью. Очевидно, и здѣсь замѣшался „ореолъ поэзіи". Но ореолъ этотъ обнимаетъ не только одинокихъ и мятежныхъ. Гаврила Петровичъ разсказывалъ Копкѣ и про устройство парохода, и про звѣзды, планеты, луну и проч., а—

съ луны и звѣздъ мы опять спускались на землю, но не къ нашей печальной жизни, не въ тѣсныя каморки и бѣдныя хижины, хорошо знакомыя намъ, а въ роскошные дворцы и пышныя залы, къ жизни богатыхъ и счастливыхъ. Отецъ водилъ мою жадную мысль по безчисленнымъ сказочнымъ амфиладамъ, безъ конца отворяя предо мной все новыя и новыя двери съ яшмовыми рукоятками, съ зеркальными стеклами, съ дивными звѣрями у

мраморныхъ ступеней крыльца... Разсказы отца отвѣчали въ моей душѣ подвигамъ Бовы и Еруслана и относили въ аристократическій міръ героизма и рыцарства.

И хотя Гаврила Петровичъ впослѣдствіи не разъ совѣтовалъ Копкѣ помнить объ униженныхъ и оскорбленныхъ, и самъ „боролся за угнетенныхъ“ (конечно, не за тѣхъ, которыхъ онъ спаивалъ въ кабакѣ), но въ Копкѣ, можетъ быть, такъ навсегда въ одномъ и томъ же ореолѣ поэзіи и остались и „борьба за угнетенныхъ“, и яшмовыя ручки, и зеркальныя стекла „аристократическаго міра“. Копка—теперь ужъ, конечно, давно Капитонъ Гаврилычъ,—разсказываетъ, между прочимъ, такой эпизодъ. Въ городѣ, гдѣ они жили, случился пожаръ. Въ такихъ случаяхъ люди, даже не особенно энергичные и героически-настроенные, стремятся ввязаться въ борьбу со свирѣпой стихіей, хотя бы для того, чтобы помѣряться съ ней силой. Но городъ, „объятый пламенемъ, сталъ дивно прекраснымъ“, — разсказываетъ Капитонъ Гавриловичъ,—

Отецъ мой сидѣлъ на узлѣ, курилъ трубку и задумчиво смотрѣлъ на погибающій городъ.

— Гори, гори, чортъ-те дери!—сказалъ онъ и сплюнулъ. Потомъ взялъ гусли, подумалъ немного и заигралъ что-то стройное и трогательное.

«Коль славенъ нашъ, Господь въ Сіонѣ»—пѣлъ онъ своимъ струннымъ голосомъ.

А городъ пылалъ.

Вѣдь это ужъ что-то вродѣ Нерона, любующагося на пылающій Римъ!

Гаврила Петровичъ не только прекрасно поетъ и играетъ на гусляхъ, и не только обладаетъ даромъ художественнаго разсказа. Вездѣ, куда бы ни занесла его судьба, а не только въ кабакѣ, онъ, благодаря своимъ разнообразнымъ дарованіямъ, становится центромъ вниманія. Въ деревнѣ „больные, минуя фельдшера и доктора, обращались къ нему“. По юридической части онъ также блисталъ и искуснымъ веденіемъ крестьянскихъ дѣлъ такъ озлобилъ одного мирового судью, что тотъ затѣялъ противъ него какой-то „кляузный процессъ“. Дѣло долго тянулось и, наконецъ, въ третьей инстанціи Гаврила Петровичъ самъ говорилъ защитительную рѣчь. „Что эта была за рѣчь!—восклицаетъ разсказчикъ.—Уничтожающая, мощная, вдохновенная! Онъ разбилъ ею козни своихъ враговъ съ какимъ-то богатырскимъ размахомъ, словно Еруслапъ Лазаревичъ, срубающій головы семиглавому змѣю, онъ, какъ Бова, разогналъ ихъ метлою“! Увлекшись механикой, Гаврила Петровичъ изобрѣлъ нѣчто вродѣ велосипеда, и вызвалъ замѣчаніе сельскаго учителя: „Вотъ, кабы такому человѣку образованіе! Богъ знаетъ, что бы изъ него вышло. Можетъ быть—геній“! Попавъ въ кружокъ молодежи — семинаристовъ, сельскаго учителя, письмоводителя мирового судьи, онъ не только

быстро усвоилъ ихъ „новыя идеи“, но и самъ сталъ для нихъ „учителемъ жизни“. И, не смотря на все это великолѣпіе, мы думаемъ, что Гаврила Петровичъ, какъ онъ изображенъ г. Скитальцемъ, не могъ имѣть хорошаго вліянія на сына. Картинность, живописность рѣчей, разсказовъ, поступковъ, всей фигуры отца прикрыла для сына и спаиваніе народа въ кабакѣ, и странное поведеніе во время пожара, и еще многое другое.

Однажды Копка стащилъ у отца пятакъ, чтобы купить себѣ книжку. Отецъ его за это жестоко высѣкъ, при чемъ „долго, краснорѣчиво и съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ“ говорилъ о томъ, какой это ужасный порокъ воровство. „На свѣтѣ,—говорилъ онъ, между прочимъ, уже расширяя тему своей филиппики,— такъ устроено, чтобы одни были бѣдные, а другіе богатые. И въ которомъ бѣднякѣ заводится такой духъ, чтобы завидовать богатымъ и не покоряться своей низкой долѣ, то этотъ бѣднякъ погибаетъ, какъ мошка отъ дождя“. И много еще громилъ Гаврила Петровичъ сына за похищенный на покупку книжки пятакъ, и выпоролъ. Но каково же было положеніе этого сына, когда впослѣдствіи отецъ въ его присутствіи „обѣлялъ татей“ передъ судомъ,—въ этомъ спеціально состояла его юридическая практика,—и ругалъ воровъ не за воровство, а за неумѣніе концы схоронить! Или, напримѣръ, онъ очень уважалъ науку вообще, въ томъ числѣ и врачебную, а самъ лѣчилъ мужиковъ какимъ-то заговоромъ или молитвою, сначала прочитанною, потомъ записанною и привязанною къ шейному кресту. Правда, читая этотъ заговоръ, онъ былъ чрезвычайно живописенъ: „Могучая экзальтація овладѣваетъ имъ: онъ блѣденъ, какъ полотно, и отъ волненія трясется всѣмъ тѣломъ, словно какая-то сила исходитъ изъ него, голосъ измѣняется, прерываясь отъ чувства и слезъ, каждое слово проникаетъ въ душу, какъ огненное“...

Остальные разсказы г. Скитальца проще и лучше, лучше именно потому, что проще, жизненнѣе, безъ Еруслановской чрезмѣрности, или чрезмѣрнаго еруслановства. Къ сожалѣнію, обиліе въ нихъ пѣнія, да еще колокольнаго звона, дѣлаетъ ихъ въ общемъ однообразными. Авторъ несомнѣнно талантливъ, но онъ, повидимому, знакомъ, — и хорошо знакомъ — лишь съ очень небольшимъ уголкомъ жизни.

Два слова о его стихахъ или „пѣсняхъ“, какъ онъ ихъ называетъ. Они по большей части хорошо задуманы и неуклюже написаны. И всѣ они представляютъ собою перепѣвы „Пѣсни о соколѣ“ и „Буревѣстника“ г. Горькаго. Только соколъ и буревѣстникъ замѣняются мѣстоименіемъ *я*:

> Я—гулкій мѣдный ревъ, рожденный жизни бездной,
> Злой крикъ набата я. И т. д.

Или:

> ...не жаль мнѣ, что къ солнцу я гордо стремился,

Что на крыльяхъ орлиныхъ недолго парилъ...
Пусть о твердыя скалы я грудью разбился,
Только мигъ—но я жилъ!

Лучше другихъ и даже прямо хорошо стихотвореніе „Нищіе".

К. Григорьевъ. Бредъ жизни. Повѣсти. Разсказы. Спб. 1902.

Описывать въ повѣстяхъ и разсказахъ жизнь—дѣло нелегкое. Описывать бредъ жизни—еще того труднѣе. Легче просто самому бредить—и это довольно успѣшно дѣлаетъ г. Григорьевъ.

Первый бредъ о чертяхъ. Заглавіе просто: „Черти, провинціальный этюдъ". Отставной чиновникъ Михаилъ Михайловичъ спился, обнищалъ и бесѣдуетъ съ чертями, преимущественно въ образѣ своихъ бывшихъ сослуживцевъ. Дѣло происходитъ въ провинціи, поэтому это и „провинціальный этюдъ". Михаилъ Михайловичъ хотя и спился, но остается очень порядочнымъ человѣкомъ, что и видно изъ разговоровъ его съ чертями, а также изъ того, что онъ продалъ послѣднія вещи, чтобы заплатить попу за обѣдню.

Этотъ бредъ—сравнительно невинный. Иное дѣло—повѣсть „Книга Бернштейна". Герои и героини—молодые люди какой-то странной, неопредѣленной марки: декаденты не декаденты, нигилисты не нигилисты. Дѣвицы однимъ глазамъ читаютъ какую-то „соціалъ-демократію", другимъ — подмигиваютъ ухажевателямъ. Кавалеры цитируютъ Ничше, взглядываютъ на дѣвицъ „съ нескрываемымъ восхищеніемъ" и дуютъ дюжинами пиво. И въ концѣ концовъ совершенно невѣдомо, что авторъ хотѣлъ всѣмъ этимъ сказать. Если авторъ думаетъ, что является въ этой „повѣсти" бытописателемъ современной молодежи, то онъ ошибается: это просто пасквиль, нелѣпый и пошлый; и нелѣпый онъ потому, что авторъ, очевидно, ненамѣренно сочинилъ пасквиль. Чтобы понять, почему это такъ вышло — слѣдуетъ пробѣжать остальную часть книжки. Тамъ мы находимъ, между прочимъ, разсказъ „Принцесса крови". Описывается проститутка и какой-то довольно сомнительнаго свойства субъектъ, рекомендуемый авторомъ, какъ поэтъ. Проститутка не обыкновенная, а особенная: принцесса крови. Этимъ она плѣняетъ героя, который, однако, трактуетъ ее только какъ „особенную" проститутку, а не хотя бы какъ обыкновеннаго человѣка. Вотъ эта любовь къ „особеннымъ" проституткамъ и составляетъ основной тонъ произведеній г. Григорьева.

Мы ничего не говоримъ противъ избранія въ героини такъ называемой „падшей" женщины. Мы воздадимъ хвалу писателю, который сумѣетъ вскрыть и подчеркнуть художественнымъ изображеніемъ какую-нибудь яркую звѣздочку въ самой темной душѣ. Для писателя это великая и благодарная задача, потому

что этимъ онъ научаетъ другихъ искать въ каждомъ человѣкѣ хорошее и любить это хорошее. Но что сказать о беллетристѣ, который поступаетъ совершенно обратно: ради прихоти или испытываемаго при этомъ удовольствія—забрасываетъ грязью то немногое хорошее, что онъ способенъ разсмотрѣть, и потомъ съ торжествомъ выкапываетъ это хорошее на свѣтъ Божій? Именно такъ поступаетъ г. Григорьевъ со своими героями и героинями. Только во многихъ случаяхъ онъ грязи набрасываетъ столько, что ничего хорошаго за нею и самъ не можетъ сыскать.

Э. Ренанъ. Собраніе сочиненій. Переводъ съ французскаго подъ редакціей В. Н. Михайлова. Томъ III. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902.

У насъ различаютъ полное собраніе сочиненій и просто собраніе сочиненій; послѣднее можетъ быть неполнымъ,—и это дало право издателю произведеній французскаго писателя назвать свой сборникъ собраніемъ сочиненій Ренана. Но, кажется, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чрезмѣрною растяжимостью понятія; собраніе сочиненій можетъ быть недостаточно полно; оно можетъ обойтись безъ того или другого, болѣе или менѣе второстепеннаго произведенія. Но когда намъ представляютъ сборникъ, изъ котораго исключены наиболѣе важныя и извѣстныя произведенія писателя, мы, очевидно, не имѣемъ предъ собою собранія сочиненій въ общепринятомъ смыслѣ. И Ренанъ безъ тѣхъ капитальныхъ трудовъ по исторіи христіанства, которые издателю, разумѣется, не удастся дать въ русскомъ переводѣ,—какой же это Ренанъ? Интереснаго въ этихъ двѣнадцати томахъ, предположенныхъ русскимъ издателемъ, будетъ, разумѣется, не мало; но, несомнѣнно, что подлинное собраніе сочиненій Ренана можно составить скорѣе изъ трудовъ, которые волею небесъ останутся за предѣлами русскаго изданія.

На эти мысли съ особенной настойчивостью наводитъ содержаніе тома, лежащаго предъ нами. Онъ посвященъ „критическимъ и этическимъ очеркамъ“ и заключаетъ съ дюжину статей, весьма различнаго значенія, которыя, однако, всѣ были бы, конечно, забыты, если бы не принадлежали Ренану. Въ качествѣ нѣкотораго прибавленія къ его основнымъ трудамъ онѣ имѣютъ интересъ, но сами по себѣ едва-ли. Пожалуй, однако,—для того, кому личность Ренана интереснѣе его научныхъ трудовъ, онѣ важнѣе послѣднихъ. Онѣ принадлежатъ къ первой половинѣ дѣятельности французскаго историка—предисловіе подписано 1859 годомъ—но ужъ и къ этому времени онъ успѣлъ пережить не одну стадію своего многообразнаго развитія. Онъ даже отрекается отъ воззрѣній, высказанныхъ въ одной статьѣ, вошедшей въ сборникъ. Въ то время, какъ онъ писалъ эту статью, онъ былъ еще „полонъ предразсудковъ“ относительно французской революціи и формы обще-

ства, ею созданной. „Я не видѣлъ еще яда, скрывающагося въ соціальной системѣ, созданной французскимъ духомъ; я не замѣчалъ еще, что революція со своей жестокостью, со своимъ кодексомъ, основаннымъ на совершенно матеріалистическомъ пониманіи собственности, съ своимъ презрѣніемъ къ личнымъ правамъ, со свойственной ей манерой считаться лишь съ индивидуумомъ и видѣть въ немъ лишь мимолетное существо безъ всякихъ нравственныхъ узъ, заключаетъ зародышъ разрушенія, который вскорѣ долженъ былъ привести къ властвованію посредственности и слабости, къ уничтоженію всякой крупной иниціативы". Теперь онъ прозрѣлъ— и прочія статьи, собранныя здѣсь, рисуютъ его во весь ростъ въ его новомъ видѣ. Робкій политикъ заслоняетъ въ нихъ смѣлаго мыслителя и дѣлаетъ изъ него развѣ блестящаго собесѣдника, тонкаго, возвышенно и религіозно — въ лучшемъ смыслѣ слова — настроеннаго, но слабаго своей общественной философіей. Недовѣріе къ жизни, недовѣріе къ людямъ — наиболѣе выдающаяся ея черта. Подчасъ это недовѣріе, обращенное къ конкретнымъ явленіямъ и основанное на знакомствѣ съ извѣстнымъ порядкомъ фактовъ, такъ сказать, недовѣріе a posteriori, вполнѣ основательно. Такъ, указывая на то, что былая свобода Французской Академіи была обусловлена ея непосредственнымъ подчиненіемъ королю, онъ говоритъ: „не сама абсолютная власть, принадлежащая одному человѣку, дѣлаетъ деспотизмъ столь тягостнымъ и превращаетъ его въ концѣ концовъ въ разрушителя всего либеральнаго и возвышеннаго; причиной этого является скорѣе раздѣленіе этой власти между чиновниками, изъ которыхъ самое положеніе дѣлаетъ посредственныхъ и придирчивыхъ людей" (стр. 167). Въ такой опредѣленной формѣ убѣжденіе, что люди дурно исполнятъ ввѣренное имъ дѣло, болѣе чѣмъ законно. Но у Ренана оно есть лишь выраженіе общаго недовѣрія къ человѣку, недовѣрія настолько глубокаго, что практически оно пожрало все свободомысліе философа. „Если теоріи хороши—пожалуй, скажетъ мнѣ кто-нибудь—то онѣ должны быть вполнѣ хороши въ приложеніи къ жизни.—Конечно, да, но только въ томъ случаѣ, если бы человѣчество было достойно этого и способно сдѣлать это. Теорія всегда представляетъ изъ себя идеалъ: время ея осуществленія придетъ тогда, когда въ мірѣ не будетъ ни злыхъ, ни глупыхъ." Такого времени, конечно, никогда не будетъ, и ждать его въ бездѣйствіи значило-бы только умножать число злыхъ и глупыхъ; впрочемъ, для философа, насквозь проникнутаго убѣжденіемъ въ негодности человѣка быть хозяиномъ въ своихъ дѣлахъ, это число едва-ли можетъ быть увеличено.

Въ этюдѣ о Ламенне читатель найдетъ извѣстный афоризмъ Ренана, столь часто цитируемый, столь глубокій и столь неудачно примѣняемый самимъ авторомъ: „истина въ оттѣнкахъ".

Это, конечно, значитъ, что вѣрное сужденіе объ извѣстномъ явленіи принимаетъ въ разсчетъ его индивидуальныя особенности; нельзя основывать характеристику конкретнаго случая на одномъ обобщеніи, къ нему относящемся; жизнь сложна, и на каждомъ индивидуальномъ явленіи сталкиваются многообразные законы; выводъ изъ ихъ комбинаціи и будетъ истиной въ сужденіи о данномъ случаѣ. Сами-же законы—при всей относительности этого обозначенія—могутъ быть просты, къ какой бы области знаній и явленій они ни относились. Не такъ судитъ Ренанъ. „Въ геометріи и алгебрѣ, гдѣ всѣ принципы просты и безусловно вѣрны,—говоритъ онъ,—можно заняться комбинированіемъ формулъ и спокойно сочетать ихъ, нисколько не заботясь о скрывающихся за ними реальностяхъ. Напротивъ, въ наукахъ политическихъ и моральныхъ, гдѣ всѣ положенія, вслѣдствіе несовершенства своего выраженія и пристрастнаго отношенія, отчасти основаны на вѣрныхъ основахъ, отчасти на ложныхъ, результаты мышленія могутъ имѣть законное значеніе только подъ условіемъ, что они на каждомъ шагу провѣряются опытомъ и здравымъ разсудкомъ... Логика не улавливаетъ оттѣнковъ, а между тѣмъ, всѣ истины моральнаго порядка состоятъ именно изъ оттѣнковъ". Многое можно сказать по поводу этого противоположенія, начиная хотя бы съ того, что такъ называемый здравый смыслъ бываетъ нерѣдко прямолинейнѣе любой „логики", и это ставятъ ему въ заслугу тѣ, которые такъ боятся хитросплетеній и сложности „самовольнаго умствованія", то есть той же логики. Но еще важнѣе то, что не всегда оттѣнки заключаютъ моральную истину. „Онъ бросался на истину,—говоритъ Ренанъ о Ламенне,—съ тяжелой стремительностью дикаго кабана, но она легко уклонялась въ сторону, и ему никогда не удавалось поймать ее вслѣдствіе своей неловкости". Едва-ли эта игра достойна истины; не всегда дается она и тѣмъ, кто, крадучись, подбирается къ ней, желая одновременно охватить ее со всѣхъ сторонъ и о комъ сложилась поговорка, что онъ изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса. Нерѣдко грубые умы, вродѣ Ламмене, чуютъ истину и именно въ вопросахъ нравственно-соціальныхъ по преимуществу—во всей ея стихійной простотѣ, а тонкіе искатели ея неуловимыхъ оттѣнковъ удовлетворяются эпикурейскимъ наслажденіемъ ея исканія. Вопреки своимъ теоріямъ, Ренанъ, разумѣется, принадлежалъ скорѣе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Критики любили отмѣчать его мужицкую натуру и приводить въ связь его происхожденіе съ его произведеніями. И въ послѣднихъ читатель не разъ встрѣтитъ прямое и простое рѣшеніе сложныхъ вопросовъ, которое лишь покажетъ, какъ напрасно бываетъ въ нихъ исканіе тонкихъ нюансовъ. Прекраснымъ образцомъ его можетъ служить основная мысль, которою авторъ желаетъ связать собранные въ его книгѣ этюды. „Всѣ они сводятся къ мысли, которую я ставлю выше

всѣхъ мнѣній и гипотезъ,—мысли, что мораль есть нѣчто важное и истинное по преимуществу, и что она сама можетъ сообщить жизни смыслъ и цѣль... Она представляетъ несомнѣнную основу, которой не сломитъ никакой скептицизмъ и въ которой люди до конца своихъ дней будутъ находить во всѣхъ своихъ колебаніяхъ твердую почву: добро есть добро, зло есть зло. Для того, чтобы ненавидѣть послѣднее и любить первое, не нужно никакой системы".

Вотъ истины, не таящіяся въ неуловимыхъ оттѣнкахъ. Онѣ составляютъ основу пытливаго исканія послѣднихъ и именно онѣ были силой Ренана, что бы онъ самъ объ этомъ ни думалъ.

Намъ неизвѣстно, какія литературныя заслуги заставили издателя избрать редакторомъ своего изданія г. В. Н. Михайлова; одно изъ двухъ—мы предоставляемъ ему выборъ—или редакторъ не читалъ перевода, подлежавшаго его редакціи, или онъ пригоденъ для чего-нибудь иного, но не для того дѣла, за которое взялся. Мы не имѣемъ подъ рукой подлинника, но и безъ свѣрки ясно, что переводчикъ не знаетъ, какъ слѣдуетъ, языка, съ котораго переводилъ, и не имѣетъ свѣдѣній, необходимыхъ для перевода, хотя при извѣстномъ вниманіи могъ легко почерпнуть ихъ изъ любого энциклопедическаго словаря. Не говоримъ ужъ о томъ, что переводчикъ не знаетъ транскрипціи самыхъ обыкновенныхъ историческихъ именъ, которыя, очевидно, встрѣтилъ въ первый разъ въ жизни и потому пишетъ Жіотто, Арнольдъ Бресскій (Брешіанскій), Скапинъ, Аукассинъ, Тримальсіонъ; но Кретьенъ де Труа, французскій поэтъ, обратился у него въ „христіанина изъ Труа". Весьма недурно также то, что у французскаго историка XII вѣка оказываются подражатели не только провансальскіе и греческіе, но и *георгіанскіе* (géorgiens—грузинскіе?). И это бы еще ничего; но переводчикъ говоритъ о „четырехстахъ бандитахъ изъ Ногарета", хотя Ногаретъ былъ рыцарь, а не городъ, и Ренанъ, очевидно, имѣлъ въ виду солдатъ, которыхъ онъ привелъ съ собою, чтобы взять въ плѣнъ папу. Наконецъ, обративъ человѣка въ мѣстность, переводчикъ превращаетъ мѣсто въ человѣка и говоритъ о картинѣ Жіотто (Джіотто) „на портикѣ храма св. Латрана". Святой Латранъ г. Михайлова, конечно, займетъ въ католическихъ святцахъ мѣсто, достойное его,—вѣроятно, послѣ св. Кьоды доктора философіи Филиппова; но ни такого святого, ни такого храма не существуетъ, а изображеніе Бонифація VIII, о которомъ говоритъ Ренанъ, находится въ Римѣ, въ храмѣ S. Giovanni in Laterano, перестроенномъ изъ дворца рода Laterani. Еще перлъ: „Что касается меня, то я сожалѣю о томъ времени, когда хорошенькое четверостишіе, написанное однимъ дворяниномъ, было прозвищемъ академіи". Не понявъ текста, весьма простого, переводчикъ не остановился предъ очевидной нелѣпостью и рѣшилъ, что *четверостишіе* могло быть *прозвищемъ*. Рѣ-

шаемся предложить гипотезу: думаемъ, что въ текстѣ этому роковому прозвищу соотвѣтствуетъ слово titre, которое можетъ также значитъ право. Ренанъ сожалѣетъ о томъ времени, когда академиками были свѣтскіе люди, и одно элегантное стихотвореніе уже давало право на вступленіе въ академію; въ этомъ убѣждаетъ непосредственно слѣдующая фраза: „эпиграмма представляла изъ себя гарантію за отсутствіемъ другихъ".

Понятно, что предъявлять болѣе повышенныя требованія— вродѣ сохраненія несравненной красоты рѣчи Ренана—къ этой нескладицѣ не приходится. Думается, что, получая безданно-беспошлинно оригиналъ, можно бы относиться къ нему съ большимъ почтеніемъ и, пользуясь формальной безнаказанностью, не представлять его русскому читателю въ уродливомъ видѣ.

Максъ Нордау. Собраніе сочиненій. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. В. Н. Михайлова. Т. VI. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902.

Лежащій предъ нами томъ собранія сочиненій Нордау посвященъ „современнымъ французамъ". Это живые и бойкіе очерки французской литературы, написанные по преимуществу въ обличительномъ настроеніи и духѣ нашумѣвшаго „Вырожденія". Этимъ опредѣляется ихъ цѣна,—съ тою разницей, что литературныя явленія, „отдѣлываемыя" здѣсь нѣмецкимъ критикомъ, въ большинствѣ случаевъ настолько ничтожны, что даютъ ему полное право на это отношеніе. Борнье и Бріе, Эрвье и Донай, Ніонъ и Кюрель—все это, конечно, величины болѣе чѣмъ сомнительнаго значенія. Является только вопросъ: стоило ли съ ними возиться. Но авторъ считаетъ ихъ произведенія не случайными и разрозненными явленіями, а характернымъ порожденіемъ современной Франціи. По существу Нордау не критикъ; литература мало занимаетъ его сама по себѣ, и онъ подходитъ къ ея произведеніямъ съ настроеніемъ, которое менѣе всего можетъ способствовать ихъ пониманію. Но онъ не глупый человѣкъ, многое, хоть и не глубоко, знающій и о многомъ, хоть и не до конца, думавшій; его замѣчанія бываютъ интересны, особенно тогда, когда онъ не разноситъ, а въ самомъ дѣлѣ разбирается въ характерѣ писателя; удачную оцѣнку такого рода онъ даетъ въ небольшой главѣ, посвященной Анатолю Франсу, въ характеристикѣ Диркса, въ статьѣ о „Сирано" Ростана. Но главы о Гонкурѣ или Мопассанѣ поражаютъ своей несправедливостью, каррикатурной хлесткостью и развязностью, съ которой бойкое перо обрабатываетъ тѣхъ, кто ему не по вкусу. Особенно странное впечатлѣніе производитъ положительно болѣзненная настойчивость, съ которой Нордау выслѣживаетъ и обличаетъ мотивы вольнаго характера. Конечно, у французовъ этихъ мотивовъ много больше, чѣмъ нужно, а Нордау называетъ

себя борцомъ противъ порнографіи; но есть предѣлъ и въ этомъыскѣ. Потому что видѣть въ лицѣ Мопассана „физіономію жаждущаго легкаго воскреснаго приключенія унтеръ-офицера“, а въ его парижскомъ памятникѣ изображеніе того, какъ дама показываетъ свои выразительные dessous, а Мопассанъ на нихъ смотритъ,—видѣть въ его произведеніяхъ одну грязь, можетъ, конечно, только тотъ, кто ничего кромѣ грязи видѣть не въ состояніи. Какъ ни гнусна подчасъ грязь Мопассана, она не помѣшала ни Толстому, ни Тургеневу, ни Зола видѣть въ немъ замѣчательнаго писателя. Зола и получаетъ за это отъ строгаго критика; онъ назвалъ Мопассана „латиняниномъ съ хорошей, сильной и свѣтлой головой, создателемъ прекрасныхъ сокровищъ, которыя обладаютъ блескомъ золота и чистотою алмазовъ“. Въ отвѣтъ на это Нордау напоминаетъ прежде всего, что эта „хорошая, сильная и свѣтлая голова“, какъ извѣстно всему свѣту, была загнана ужасной судьбой въ сумасшедшій домъ“: аргументъ, особенно выразительный въ устахъ глубокаго почитателя ученія Ломброзо; ужъ Нордау навѣрное, лучше чѣмъ кто-либо, знаетъ безспорно выдающихся художниковъ и мыслителей, кончавшихъ психической болѣзнью. Но для разноса все годится; годятся и такіе намеки: „если Зола увѣряетъ, что несчастный паралитикъ „есть здоровье и сила націи“, то онъ уже, навѣрное, хорошо это знаетъ, потому что кто же болѣе компетентенъ въ вопросахъ о здоровьи и особенно объ алмазной чистотѣ, чѣмъ творецъ „Нана“ и „Pot-Bouille“!

Не лишенной интереса показалась намъ одна черточка въ новомъ произведеніи Макса Нордау; кажется, въ прежнихъ его сочиненіяхъ она не проглядывала съ такой настойчивостью. Это—преувеличенное представленіе о своемъ значеніи. Говоря о Верленѣ, Нордау вспоминаетъ главу, посвященную покойному французскому поэту въ „Вырожденіи“: „Какъ могъ я сказать о немъ то, что я считалъ истиннымъ, не причиняя ему страданія? Какъ смѣлъ я причинять страданія человѣку, котораго преслѣдовала судьба? Но какъ же могъ я пройти мимо него съ закрытыми глазами, когда самые вредные среди литературныхъ карьеристовъ Молодой Франціи избрали его своимъ вождемъ и къ нимъ можно было добраться только черезъ его трупъ. Ради одного Верлена я отказался бы отъ моей работы, если бы моя совѣсть не успокоила меня, говоря мнѣ, что я долженъ исполнить свой долгъ, не смотря ни на какія страданія“. Это великолѣпно. Нордау полагаетъ, что могъ имѣть вліяніе на литературное движеніе Франціи, что поэтъ, настолько далекій отъ нѣмецкаго критика, какъ будто тотъ жилъ на другой планетѣ, могъ страдать отъ книги, гдѣ наряду съ нимъ объявлены сумасшедшими Толстой и Зола, Вагнеръ и Ибсенъ. „Для меня было большимъ утѣшеніемъ узнать, что Верленъ не особенно

принялъ къ сердцу мою безпощадную (!) критику". Правъ или неправъ былъ Верленъ,—онъ могъ только смѣяться надъ нею. Смѣялся, вѣрно, и драматургъ Бріе, когда прочелъ—если прочелъ—въ новой книгѣ Нордау: „видно, что Бріе съ пользой прочелъ отрывокъ о „Супружеской лжи" изъ моей „Условной лжи". Тѣ выраженія, которыя онъ вкладываетъ въ уста Жюли, не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Но я думаю, что подобная критика общественныхъ золъ есть дѣло философа, а не художника". Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ философомъ; русскій издатель этого, очевидно, не зналъ: сочиненіями Нордау у него начинается „Библіотека избранныхъ публицистовъ". Но, конечно, Протей-мыслитель неисчерпаемъ: „здѣсь, — говоритъ онъ объ одной французской пьесѣ,—виновная жена предлагаетъ мужу то разрѣшеніе, которое въ моемъ „Правѣ любить", какъ кажется, болѣе согласно съ истиной, болѣе ясно и болѣе нравственно предлагаетъ оскорбленный". Все это, конечно, вполнѣ послѣдовательно: малая доля скромности могла бы лишь испортить цѣльное впечатлѣніе читателя.

За свои грѣхи Нордау изрядно потерпѣлъ отъ русскаго переводчика,—того самаго г. В. Н. Михайлова, который, у того же издателя, уродуетъ Ренана. „Wahlverwandschaften" Гете у него обращается въ „Выборныя братства", а парижскій Théâtre libre Антуана (по нѣмецки—freie Bühne)—въ „открытую сцену". Онъ говоритъ, что одно стихотвореніе Малларме нашло многочисленныхъ издателей, изъ коихъ одни искали въ немъ глубокаго смысла, „другіе же, какъ Жюль Леметръ, совершенно не заслуживаютъ довѣрія". Это безсмысленно и было бы совершенно непонятно, если бы нѣмецкія слова Verleger—издатель и Ausleger—истолкователь не звучали сходно для неопытнаго уха. Но при такой неопытности надо учиться, а не браться за редакцію переводовъ.

Томасъ Карлейль. Sartor Resartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельсдрека. Пер. съ англійскаго Н. Горбова. Москва, 1902.

Одни кончаютъ жизненное поприще изложеніемъ своей житейской философіи, другіе съ этого начинаютъ. Карлейль не принадлежитъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Онъ написалъ свою книгу на половинѣ жизненной дороги и ушелъ отъ недостатковъ, свойственныхъ произведеніямъ неустановившейся или усталой мысли. Юношескій идеализмъ не покидалъ его никогда, и зрѣлость міровоззрѣнія не мѣшала ему быть не только возвышеннымъ, но подчасъ дѣтски-восторженнымъ.

О чемъ говорится въ книгѣ Карлейля? Обо всемъ. Это Speculum mundi—зерцало міра, какъ назывались средневѣковыя энциклопедіи. Автобіографія въ видѣ жизнеописанія несуществующаго нѣмецкаго профессора съ несуразнымъ и непри-

стойнымъ прозвищемъ, — произведеніе Карлейля граничитъ, съ одной стороны, съ безуміемъ, съ другой—съ банальностью. Всегда граничитъ, но никогда не сливается: ибо и безуміе, и банальность—намѣренны; это особенность даже не натуры автора, а его стиля. Если крупицы безумія въ самомъ дѣлѣ были въ ирраціональномъ умѣ великаго англійскаго мыслителя, то банальность видимая, не настоящая—была удобнымъ флагомъ, который прикрывалъ нѣчто противоположное: ересь. И мы имѣемъ въ причудливомъ Sartor Resartus одну изъ наиболѣе не только своеобразныхъ,—что говорило бы больше о формѣ,—но одну изъ наиболѣе еретическихъ книгъ, написанныхъ въ прошломъ вѣкѣ. Это не значитъ, что она излагаетъ нѣчто совершенно неизвѣстное. Настоящее художественное произведеніе, въ которомъ автору удалось простыми средствами дать подкупающее изображеніе сложной и глубокой личности своего героя и привлечь къ нему, его мыслямъ и его судьбѣ всѣ симпатіи читателя. Безтрепетный и самоотверженный искатель правды человѣческихъ отношеній, нѣмецкій профессоръ Діогенъ Тейфельсдрекъ могъ бы стать любимымъ образомъ изящной литературы, если бы дидактическія намѣренія его создателя не дѣлали его нѣсколько схематичнымъ.

Внѣшняя форма книги невѣроятна: истина въ одеждѣ мистификаціи, мудрость подъ видомъ нелѣпости, глубокая философія жизни подъ прикрытіемъ ненужной философіи одежды; безпорядочная, но въ полной внутренней послѣдовательности рѣчь просто идетъ de rebus omnibus et quibusdam aliis. О человѣческой одеждѣ, разумѣется, больше всего — вся книга вѣдь посвящена одеждѣ, — но это только ея оболочка, ея символъ: ея одежда. За этимъ скрываются разсужденія о предметахъ, которые невозможно перечислить, хотя авторъ попытался сдѣлать это въ подробномъ оглавленіи и алфавитномъ указателѣ: о полетѣ ласточекъ и о значеніи метафоръ въ языкѣ, объ употребленіи фартуковъ и смыслѣ жизни, о молчаніи и о любви, о горныхъ видахъ и безплодности метафизики, о Джорджѣ Фоксѣ и о божественныхъ глубинахъ страданія. Почти половину книги занимаетъ вымышленная біографія ея вымышленнаго составителя. Ересь заключаетъ не непремѣнно новыя мысли, но непремѣнно мысли, не принятыя въ обиходѣ. И Карлейль могъ бы сказать подобно Рескину: „Мнѣ было бы стыдно, если бы въ моемъ сочиненіи нашлась истина, не высказанная кѣмъ-нибудь раньше меня, и при томъ не повторенная тысячу и нѣсколько тысячъ разъ; да, здѣсь встрѣчаются лишь самыя обыкновенныя мысли, столь же ясныя для честнаго человѣчества, какъ и восходъ солнца, повторяющійся каждый день, столь же необходимыя, какъ и насущный хлѣбъ“. Эти истины, касающіяся по преимуществу установившихся сторонъ нашей нравственно-общественной жизни, не охватываютъ ея во всей полнотѣ, но даютъ хорошую оцѣнку многаго, что принято считать непоколебимымъ. Никто

не обязанъ соглашаться съ Карлейлемъ; многіе не согласятся ни съ чѣмъ, и, быть можетъ, никто не согласится со всѣмъ, что сказано въ этой книгѣ. Но всякій, кто примется за нее, не сможетъ отъ нея оторваться, пока не дочитаетъ, и о многомъ, многомъ передумаетъ, пока дойдетъ до конца.

В. Ѳ. Лазурскій. Западно-европейскій романтизмъ и романтизмъ Жуковскаго. Одесса, 1902.

Предположивъ выяснить въ своей торжественной рѣчи разницу между романтизмомъ западно-европейскимъ и тѣмъ русскимъ романтизмомъ, представителемъ котораго онъ считаетъ Жуковскаго, авторъ естественно пришелъ къ необходимости принять какое-нибудь изъ пригодныхъ опредѣленій этого сложнаго литературно-общественнаго движенія. Онъ совершенно справедливо указываетъ, что въ разговорной рѣчи мы очень охотно играемъ словами: романтикъ, романтизмъ, романтическій, но что если бы чаще задавали другъ другу вопросъ: „что вы подъ этимъ разумѣете“? — то можно было бы предсказать, что спрошенный или съ заминками отвѣтитъ что нибудь туманное и сбивчивое, или попроситъ времени на размышленіе. Ходячія опредѣленія романтизма разнообразны и покрываютъ лишь ту сторону уясняемаго явленія, которая показалась наиболѣе выдающеюся и характерной ихъ авторамъ. Изъ этихъ попытокъ исчерпать сущность романтизма въ сжатой и многообъемлющей формулѣ г. Лазурскій беретъ одну, покоющуюся, по его мнѣнію, на серьезномъ и глубокомъ основаніи; формулу, принятую имъ, онъ считаетъ „единственно возможной, если формула романтизма должна покрывать большое количество разнообразныхъ явленій, именуемыхъ романтическими“. По этой формулѣ романтизмъ характеризуется, какъ „преобладаніе чувства и фантазіи надъ разумомъ и разсудкомъ“.

У насъ есть грубоватая, но глубокая поговорка: „пальцемъ въ небо“; ее примѣняютъ ко всякой ошибкѣ, но по существу она имѣетъ одинъ опредѣленный и любопытный смыслъ. „Небо велико, и ткнуть пальцемъ въ него не трудно: куда ни ткнешь, все будетъ небо, а вотъ опредѣленную точку указать въ небѣ пальцемъ—вотъ это трудно“; такъ объяснялъ значеніе поговорки одинъ замѣчательный русскій филологъ. Такимъ неумѣстно-многообъемлющимъ и потому лишеннымъ содержанія представляется намъ опредѣленіе, положенное авторомъ въ основу его разсужденій, а за нимъ и кой-что изъ этихъ разсужденій. Онъ боится, что если кто усвоитъ это опредѣленіе механически, не провѣривъ его справедливости на многихъ примѣрахъ, тому такая отвлеченная формула будетъ говорить слишкомъ мало, быть можетъ, даже ничего. Опасеніе болѣе чѣмъ основательное. Ибо то, что представляется г. Лазурскому формулой, есть не формула, а туман-

ное пятно, и кто не наполнитъ его содержаніемъ, тотъ ровно ничего изъ него не почерпнетъ. Отъ опредѣленій не случайно требуется логикой differentia specifica; ибо безъ этого специфическаго признака всякій въ правѣ сказать: мало ли гдѣ еще чувство преобладало надъ разумомъ; неужто это общее мѣсто въ самомъ дѣлѣ *опредѣляетъ* точно и ясно тѣ разнообразныя явленія, которыя объединяетъ романтизмъ? Нѣтъ, оно только накидываетъ на нихъ общую туманную оболочку, въ которой они теряютъ индивидуальность и совсѣмъ скрываются изъ нашихъ глазъ.

Этотъ эпизодъ не представляется намъ значительнымъ, и менѣе, чѣмъ кто либо, мы позволили бы себѣ обратиться къ автору съ требованіемъ дать настоящее опредѣленіе романтизма. Но его опредѣленіе—его исходная точка, и оно весьма характерно въ этомъ смыслѣ. Ибо и дальше мы встрѣчаемъ одну неопредѣленность.

Авторъ предполагаетъ показать, что „Жуковскій не былъ на Руси родителемъ ни нѣмецкаго, ни англійскаго, ни французскаго романтизма", но что „по качествамъ своей натуры, онъ могъ быть родителемъ лишь одного романтизма—своего собственнаго". Казалось бы, для этого есть одинъ путь, не легкій, но ясный: найти характерныя особенности романтизма западно-европейскаго и на произведеніяхъ Жуковскаго показать, что его поэзія чужда этихъ особенностей, но, имѣя свои характерныя отличія, должна по такимъ то причинамъ считаться также романтической. Мы не найдемъ ничего такого въ рѣчи г. Лазурскаго; нѣсколько случайныхъ указаній на то, что Жуковскій изъ нѣмцевъ переводилъ не романтиковъ, а поэтовъ разныхъ литературныхъ группъ, что онъ рекомендовалъ пріятелю бросить чтеніе Шеллинга, что онъ любилъ Вальтеръ-Скотта и Байрона не за ихъ романтизмъ, что онъ съ уваженіемъ отзывался о французскихъ классикахъ, но молчитъ о Гюго. Это удовлетворяетъ автора, ведущаго дальнѣйшее изслѣдованіе по тому же удобному методу, который такъ принятъ въ наши дни и который мы назвали бы методомъ общихъ мѣстъ. Предполагается выяснить, въ чемъ состоялъ романтизмъ Жуковскаго, каково его отношеніе къ современной ему русской литературѣ и современному общественному настроенію въ Россіи. Съ этой цѣлью разсказана прежде всего исторія любви Жуковскаго; она должна показать намъ, что Жуковскій повліялъ на выработку у насъ понятія „романтической любви"— „любви-дружбы, вѣрной, неизмѣнной, исполненной поэзіи цѣломудрія и самопожертвованія". Меланхолія Жуковскаго—въ противоположность популярной у насъ тогда салонной дѣланной меланхоліи — была глубока и искренна. Онъ былъ религіозенъ, сперва внѣ опредѣленнаго догмата, затѣмъ „пришелъ ко взгляду, что нужно подчинить свою поэтическую религію догматическому

авторитету церкви, т. е. сдѣлалъ такъ, какъ дѣлали многіе изъ нѣмецкихъ романтиковъ", но опирался при этомъ не на католическую догматику, а на православную. Наконецъ, онъ былъ монархистъ, рисовавшій себѣ—подобно западно-европейскимъ романтикамъ—идеальную монархію въ видѣ патріархальныхъ отношеній отца къ дѣтямъ. Право, это все существенное. И изъ этого, посредствомъ таинственнаго логическаго перехода, слѣдуетъ выводъ: „Онъ романтикъ. Волновавшія его чувства и живая фантазія всегда преобладали у него надъ теоретическимъ разумомъ и практическимъ разсудкомъ. Но его романтизмъ самобытенъ, потому что всегда былъ искреннимъ; его романтизмъ лишенъ всего болѣзненнаго, нездороваго, потому что чувства въ немъ преобладали надъ разумомъ, но не подавляли его". Очень пріятно, но изъ чего это слѣдуетъ?

Ни о романтизмѣ Жуковскаго, ни о романтизмѣ вообще изъ рѣчи г. Лазурскаго представленіе вынести невозможно. Это—сплошное „вокругъ да около", изъ тѣхъ, которыя по обычаю составляютъ больное мѣсто юбилейныхъ торжествъ и поминальныхъ годовщинъ.

Г. I. Брюнгесъ. Рескинъ и Библія. Изд. «Посредника». Москва. 1902 г.

Одинъ изъ русскихъ противниковъ принципа чистаго искусства какъ-то бросилъ характерный для него афоризмъ: гдѣ много эстетики, тамъ мало этики. Онъ исходилъ изъ оцѣнки конкретныхъ явленій, и они, эти грустныя явленія, а не онъ, виноваты въ злой правдѣ этого изреченія. Пусть въ теоріи этика и эстетика не только превосходно мирятся, но составляютъ одно нераздѣльное, гармоничное цѣлое — тѣмъ грубѣе ихъ разрывъ въ жизни, тѣмъ настоятельнѣе необходимость сорвать эстетическіе покровы съ тѣхъ теорій, которыя прикрываютъ ими свою этическую наготу, подъ предлогомъ, что этика и эстетика едино суть. Но вотъ — Рескинъ: эстетъ, бывшій энергичнымъ и самоотверженнымъ общественнымъ дѣятелемъ; опровергаетъ онъ своей жизнью и дѣятельностью жестокій афоризмъ или, наоборотъ, подкрѣпляетъ его? Книга Брюнгеса не даетъ рѣшенія этого вопроса, но представляетъ кой-какія данныя для его рѣшенія. Она, во всякомъ случаѣ, много шире своего заглавія. Автора какъ будто интересовалъ только вопросъ о вліяніи Ветхаго и Новаго Завѣта на развитіе идей англійскаго мыслителя; но онъ не захотѣлъ ограничиться внѣшнимъ сближеніемъ, не удовлетворился сопоставленіемъ формъ, также достаточно доказательнымъ, а нашелъ нужнымъ пойти глубже. Это естественно привело его къ необходимости остановиться на идейномъ развитіи автора „Современныхъ живописцевъ". Для него даже эта книга, сплошь посвященная безъидейному искусству, „навѣяна больше вѣрой, чѣмъ кра-

сотой" — и кто знаетъ, съ какими нравственно-религіозными завѣтами вышелъ въ жизнь Рескинъ, тому понятно все значеніе этихъ словъ. Онъ не остановился на церковной религіи, онъ пережилъ мучительный разрывъ съ протестантствомъ, но и во время борьбы и послѣ нея нравственное ученіе Библіи оставалось для него непоколебимымъ. И онъ далъ опытъ такого сращенія этики и эстетики, подобнаго которому до него, пожалуй, не было сдѣлано. „Въ „Современныхъ живописцахъ",—говорилъ онъ,—я указалъ на общую связь безпредѣльной природы съ сердцемъ человѣка, указалъ, что скала, волна и былинка являются необходимыми элементами его духовной жизни. Теперь же, заклиная васъ украшать землю и охранять ея красоту, я только восполняю то, чему училъ прежде, и что является логическимъ слѣдствіемъ моихъ предъидущихъ работъ". Это „логическое слѣдствіе" нѣсколько неожиданно для того, кто привыкъ думать, что этика и эстетика отъ вѣка и по самой своей сущности распредѣляются вездѣ въ обратной пропорціи. „Въ „Камняхъ Венеціи" я сообщилъ законы строительнаго искусства и поучалъ тому, какъ красота каждаго творенія, каждаго зданія, воздвигнутаго людьми, зависитъ отъ счастія жизни рабочихъ". Теоретически это было естественнымъ логическимъ выводомъ; практически—оно отодвинуло непосредственное увлеченіе искусствомъ и красотою на второй планъ. Тѣ, которые привыкли видѣть въ Рескинѣ эстета, почему то и какимъ то образомъ мирившаго свой эстетизмъ съ соціальной работой, просто заблуждаются: искусство привело его къ общественной дѣятельности, но этимъ оно исполнило свое назначеніе. И кто въ этомъ сомнѣвается, тотъ пусть вспомнитъ рѣшающія слова Рескина: „Намъ нужно любить не фрески, а Бога и Его тварей". И въ дальнѣйшемъ онъ давалъ развитіе этого классическаго афоризма: „Людямъ нужны добродѣтели прежде всякихъ знаній искусствъ, странѣ нужна соціальная организація, основанная на справедливости и честности, прежде любой школы искусствъ; прежде чѣмъ воспѣвать людямъ красоту, нужно прислушаться къ страшному призыву человѣческихъ бѣдствій о помощи". И святое слово святой книги получаетъ новое содержаніе, по истинѣ освященное новымъ взглядомъ на жизнь; Брюнгесъ хорошо формулируетъ эту перемѣну. „Садомъ Божьимъ являются не привилегированныя картины горъ, деревьевъ и цвѣтовъ, а юдоль бѣдствій, гдѣ прозябаютъ нѣжные живые цвѣты съ порванными листьями и поломанными стеблями, которые скрываются тамъ—во мракѣ сырыхъ улицъ. Тамъ тоже былъ тотъ садъ, который мы должны были охранять, тамъ было стадо, ввѣренное намъ, такъ какъ земля Господня, а не господъ, и Господь поставилъ насъ пастырями своего народа. Но садъ опустошенъ, и стадо разсѣяно".

Быть можетъ, не лишено интереса, что новое направленіе въ

жизни и идеяхъ Рескина связано по времени съ трагическимъ переломомъ въ его судьбѣ: его любимая жена покинула его, и онъ имѣлъ силу присутствовать на ея вѣнчанiи. Но, очевидно, годы тяжелаго сосредоточеннаго одиночества прошли не даромъ для философа, — и сдѣлали изъ художественнаго критика общественнаго дѣятеля: „съ тѣхъ поръ,—по словамъ его бiографа,—искусство служило ему иногда текстомъ, но рѣдко темой". И эстетическая точка зрѣнiя на его произведенiя, превосходная, какъ и слѣдовало ожидать, съ точки зрѣнiя формы, стала для дѣятельнаго мыслителя тягостной. „Я всю жизнь говорилъ людямъ, но они,—горько жаловался онъ,—обращали вниманiе не на то, что я говорю, а на мой слогъ. Они восхищались способомъ выраженiя, а не сущностью моихъ мыслей. Для нихъ значенiе имѣетъ скорлупа, а не самое ядро. Они читаютъ фразы, находятъ ихъ красивыми и продолжаютъ идти по прежнему пути". Однако,—было ли все это разрывомъ съ искусствомъ? Ни въ малой степени. Искусство и художественная точка зрѣнiя проникли насквозь новую дѣятельность Рескина; но своими художественными сокровищами онъ сталъ дѣлиться съ тѣми, за чье благоденствiе и духовное развитiе онъ считалъ себя отвѣтственнымъ предъ своей совѣстью.

И личность Рескина, какъ бы ни казалась она подходящей для категорическаго рѣшенiя вопроса объ отношенiи этики и эстетики, не дастъ этого рѣшенiя тому, кто думаетъ найти его въ столь энергичной, но не всегда пригодной формулѣ, какъ вышеприведенная. Вопросъ сложенъ—и жизнь отвѣчаетъ на него сложными явленiями; его не охватить кургузыми афоризмами съ ихъ частичной правдой.

Ив. Забѣлинъ. Исторiя города Москвы. Часть первая. Изданiе Московской городской думы. М. 1902 г.

Московская дума еще въ 1881 г. постановила издать на средства города подробное историческое описанiе Москвы. Руководство дѣломъ собиранiя необходимыхъ для такого описанiя архивныхъ матерiаловъ и составленiе самаго описанiя были тогда же поручены думой извѣстному археологу и историку Московской Руси—И. Е. Забѣлину. Вслѣдъ затѣмъ въ 1884 г. вышла въ свѣтъ подъ редакцiею названнаго лица первая часть „Матерiаловъ для исторiи, археологiи и статистики города Москвы", а въ 1891 г. появилась вторая часть тѣхъ же „Матерiаловъ". Наконецъ, теперь передъ нами и первая часть самого описанiя Москвы, составленнаго г. Забѣлинымъ. Въ предисловiи къ этому послѣднему труду авторъ сообщаетъ, что впредь изданiе матерiаловъ будетъ имъ „составляться въ обработанномъ видѣ, т. е. въ извлеченiяхъ только однихъ фактическихъ свѣдѣнiй, устраняя канцелярскiя формальности", при чемъ эти фактическiя свѣдѣнiя

будутъ сгруппированы по своему содержанію въ различные отдѣлы. „Само собою разумѣется, — оговаривается авторъ, — что такое собираніе матеріаловъ по крупицамъ, особо въ каждый отдѣлъ или на каждую тему, требуетъ, кромѣ усердной работы, и много-премного времени“. Въ свою очередь, и составленіе „Исторіи города Москвы“ представляетъ собою, по словамъ автора, „задачу, по своему содержанію столь обширную, разнообразную и сложную и настолько мелочную въ своей обработкѣ, что выполнить ее въ желанномъ порядкѣ возможно только въ теченіе долгаго времени, главнымъ образомъ по той причинѣ, что не существуетъ полныхъ подробныхъ источниковъ и исторію приходится собирать по крупицамъ, разсѣяннымъ во множествѣ книгъ и рукописей, не говоря объ архивномъ матеріалѣ, гдѣ и самыя крупицы добываются съ утратою премногаго времени“ (XIII).

Вышедшая въ настоящее время первая часть работы г. Забѣлина заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ исторію московскаго Кремля. Въ этой первой части авторъ сообщаетъ результаты археологическихъ разысканій о древнихъ поселеніяхъ въ окрестностяхъ нынѣшней Москвы, изслѣдуетъ сказанія о поселеленіи самой Москвы, затѣмъ передаетъ исторію ея постепенной обстройки и, наконецъ, даетъ подробное историко-археологическое описаніе Кремля, ведя такое описаніе по отдѣльнымъ улицамъ и отдѣльнымъ дворовымъ усадьбамъ на нихъ. Подробность и точность этого описанія придаютъ ему большую цѣну, хотя нельзя не замѣтить, что порою авторъ заходитъ черезчуръ ужъ далеко въ своемъ стремленіи собрать какъ можно больше матеріала и расширить рамки своего описанія. Стремясь поставить свой разсказъ въ связь съ общей политической и культурной исторіей страны, онъ пересыпаетъ его большимъ количествомъ отдѣльныхъ замѣчаній и цѣлыхъ экскурсовъ общаго характера, при чемъ содержаніе этихъ экскурсовъ въ большинствѣ случаевъ является чрезмѣрно устарѣлымъ. Съ другой стороны, онъ, не довольствуясь рамками собственно историческаго описанія города, вплетаетъ въ это описаніе такъ много мелочныхъ біографическихъ и бытовыхъ подробностей, что подъ конецъ онѣ становятся уже нѣсколько утомительными. Правда, по замѣчанію автора, „такія подробности, хотя и обременяютъ теченіе рѣчи, но за то всегда болѣе или менѣе ярко окрашиваютъ бытъ населенія“ (XIV). Однако же, той долей истины, какая есть въ этомъ замѣчаніи, не слѣдовало бы злоупотреблять. Чрезмѣрное обиліе мелочныхъ подробностей, къ сожалѣнію, дѣлаетъ трудъ г. Забѣлина удобочитаемымъ развѣ для спеціалистовъ, которые едва ли нуждаются въ такой попутной характеристикѣ бытовыхъ условій и для которыхъ во всякомъ случаѣ бо̀льшая часть этихъ подробностей является давно извѣстной. Къ тому же эти подробности, далеко не всегда и характерныя, создаютъ немало повтореній

уже въ первомъ томѣ работы г. Забѣлина и, несомнѣнно, создадутъ такія же повторенія и въ дальнѣйшихъ томахъ, если тѣ будутъ носить тотъ же самый характеръ. Въ виду этого, намъ кажется, уважаемый авторъ поступилъ бы правильнѣе, придавъ своему труду нѣсколько большую систематичность и постаравшись избѣжать чрезмѣрнаго обремененія его мелочнымъ матеріаломъ. Соблюденіе этихъ условій, быть можетъ, позволило бы ему ускорить и выпускъ слѣдующихъ томовъ своей любопытной и цѣнной работы. Возвращаясь къ вышедшему уже тому ея, мы должны еще прибавить, что къ нему приложенъ авторомъ древній планъ Кремля, составленный въ 1600 г. Прекрасный снимокъ съ этого плана хорошо иллюстрируетъ разсказъ г. Забѣлина.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка 1729—1730 г. (Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, издаваемые подъ редакціею Н. П. Василенка. Выпускъ I.). Изданіе редакціи «Земскаго Сборника Черниговской губерніи». Черниговъ, 1901.

Подъ именемъ „генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ“ въ нашей исторіографіи извѣстенъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ памятниковъ по исторіи землевладѣнія въ гетманской Малороссіи. Названный памятникъ явился результатомъ общей переписи имѣній, произведенной въ 1729—31 гг. по распоряженію гетмана Апостола во всѣхъ десяти полкахъ, на которые дѣлилась тогда лѣвобережная Малороссія. Цѣли этой переписи или „слѣдствія“ заключались въ провѣркѣ правъ малорусскихъ владѣльцевъ на находившіяся въ ихъ обладаніи имѣнія и въ опредѣленіи количества имѣній, никому еще не отданныхъ во владѣніе и остававшихся, слѣдовательно, „свободными“. Эти цѣли были достигнуты путемъ опроса мѣстныхъ старожиловъ о всѣхъ настоящихъ и бывшихъ владѣльцахъ имѣній и ихъ правахъ на владѣніе и отбора отъ самихъ владѣльцевъ копій со всѣхъ документовъ, дававшихъ имъ тѣ или иныя права на имѣнія. Собранный такимъ образомъ въ отдѣльныхъ полкахъ матеріалъ затѣмъ былъ разсмотрѣнъ генеральной старшиной Малороссіи вмѣстѣ съ полковниками и полковою старшиною, и въ результатѣ всѣ имѣнія были раздѣлены на шесть разрядовъ: наслѣдственныя имѣнія частныхъ владѣльцевъ, имѣнія монастырскія, ранговыя или приписанныя къ должностямъ, ратушныя или принадлежащія городамъ, сомнительныя или спорныя и, наконецъ, свободныя войсковыя. Въ полномъ видѣ книги „генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ“ и составились изъ двухъ частей: въ первой заключалось произведенное въ полку слѣдствіе объ имѣніяхъ, во второй—сокращенное извлеченіе изъ него и приговоръ, постановленный генеральною старшиною и полковниками по поводу каждаго

имѣнія о зачисленіи его въ тотъ или другой разрядъ; сверхъ того, въ приложеніи къ слѣдствію помѣщались копіи съ представленныхъ владѣльцами документовъ. Легко представить себѣ, какъ велика важность подобнаго источника, своими показаніями охватывающаго какъ разъ то время, въ теченіе котораго складывались главные порядки землевладѣнія гетманской Малороссіи. Такъ какъ занесенныя въ слѣдствіе „сказки" старожиловъ объ отдѣльныхъ селахъ, нерѣдко ведущія ихъ исторію отъ гетманства Богдана Хмельницкаго, отличаются большою точностью, то изслѣдователь получаетъ возможность, опираясь на нихъ, возстановить характеръ владѣнія имѣніями въ лѣвобережной Малороссіи за XVII и начало XVIII столѣтія съ гораздо бóльшею обстоятельностью, чѣмъ это можно было бы сдѣлать по сохранившимся въ сравнительно небольшомъ количествѣ актамъ этой поры.

Изданіе книгъ „генеральнаго слѣдствія" начато было еще покойнымъ А. М. Лазаревскимъ, напечатавшимъ въ 1892 г. Черниговское слѣдствіе. Послѣ того были изданы слѣдствія полковъ Кіевскаго, Гадяцкаго, Переяславскаго и Прилуцкаго. Теперь издатель Кіевскаго и Гадяцкаго слѣдствій, Н. П. Василенко, напечаталъ слѣдствіе Нѣжинскаго полка. Сохранившаяся рукопись слѣдствія по этому полку заключаетъ въ себѣ только вторую изъ упомянутыхъ выше частей „генеральнаго слѣдствія". Эта вторая часть съ приложеніемъ документовъ и воспроизведена въ изданіи г. Василенка, снабдившаго ее обстоятельнымъ предисловіемъ. Привѣтствуя это цѣнное изданіе, можно только пожалѣть, что редакторъ не приложилъ къ нему достаточно полныхъ указателей. Имѣющійся въ немъ указатель географическихъ именъ охватываетъ лишь самое „слѣдствіе", но не сопровождающіе его документы, указатель же личныхъ именъ совершенно отсутствуетъ въ книгѣ. Между тѣмъ, нѣтъ надобности разъяснять, что въ подобныхъ изданіяхъ эти указатели далеко не являются безполезною роскошью. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ изданіе г. Василенка свободно отъ упрековъ.

О. М. Лернеръ. Одесская старина. Историческіе очерки. Одесса. 1902 г.

Въ своей брошюрѣ, носящей немного громкое для нея заглавіе „историческихъ очерковъ", г. Лернеръ собралъ нѣсколько мелочныхъ, но не лишенныхъ интереса свѣдѣній о прошломъ Одессы изъ архива бывшаго новороссійскаго генералъ-губернатора. Въ первой части брошюры составитель ея приводитъ инструкцію, данную въ 1803 г. министромъ коммерціи гр. Румянцовымъ первому одесскому градоначальнику, дюку де-Ришелье, и сообщаетъ хронологическія даты относительно времени управленія всѣхъ послѣдующихъ градоначальниковъ вплоть до на-

стоящей поры. Болѣе интересна вторая часть брошюры. Здѣсь г. Лернеръ передаетъ собранныя имъ архивныя данныя, касающіяся одесскаго городского театра, создавшагося уже въ первые годы существованія Одессы. И эти данныя не особенно богаты, но они во всякомъ случаѣ заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, обрисовывающихъ какъ бытъ актеровъ и антрепренеровъ въ Одессѣ, такъ и взгляды на театральное дѣло, существовавшіе у мѣстной администраціи въ началѣ и въ серединѣ XIX вѣка. Въ этомъ отношеніи брошюра г. Лернера можетъ дать кое-какой матеріалъ будущему историку театральнаго искусства въ Россіи.

М. Ю. Лахтинъ, д-ръ мед., приватъ-доцентъ. Императорскаго Московскаго Университета. **Краткій біографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ.** Спб. 1902.

Исторія медицины не принадлежитъ къ числу наукъ процвѣтающихъ. Каѳедры этого предмета въ русскихъ университетахъ остаются бо́льшей частью вакантными. Немногимъ, кажется, лучше обстоитъ это дѣло и на Западѣ. Изъ русскихъ оригинальныхъ трудовъ по общей исторіи медицины у насъ, если не ошибаемся, есть только одинъ трудъ д-ра Ковнера, доведенный до среднихъ вѣковъ включительно и оставшійся неоконченнымъ за смертью автора. Изъ переводныхъ сочиненій мы имѣемъ „маленькаго“ Гезера (сокращеніе классическаго Lehrbuch der Geschichte der Medicin того же автора) и переводъ исторіи медицины проф. Guardia. Такая бѣдность исторической медицинской литературы невольно заставляетъ относиться съ большимъ интересомъ ко всякому труду въ этой области. Въ словарѣ знаменитыхъ медиковъ несомнѣнно ощущается необходимость. Многія болѣзни, операціи, инструменты, даже отдѣльныя части человѣческаго тѣла извѣстны въ медицинѣ по имени лицъ, ихъ описавшихъ. Да и въ публикѣ многія такія названія пользуются большой извѣстностью. Кто не знаетъ доверовыхъ порошковъ, брайтовой болѣзни, иноземцевскихъ капель и т. п.? Между тѣмъ, о жизни этихъ созидателей медицинской науки и врачебнаго искусства мало что кому извѣстно, не исключая и лицъ, непосредственно пользующихся плодами трудовъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ.

Словарь д-ра Лахтина въ русской литературѣ первый опытъ общаго біографическаго медицинскаго словаря (Спеціально о русскихъ врачахъ есть трудъ д-ра Змѣева). Произведеніе это, однако, довольно далеко отъ совершенства. „Никакая другая область,— говоритъ авторъ въ своемъ введеніи,—не запечатлѣна въ такой высокой степени субъективизмомъ, какъ историческое изслѣдованіе“, которое „можетъ быть съ полнымъ правомъ поставлено на одинъ уровень съ художественнымъ творчествомъ, индивидуальный характеръ котораго уже никѣмъ не оспаривается“. Въ

нашу задачу не входитъ обсужденіе такого руководящаго для историковъ указанія, но мы можемъ подтвердить, что въ выборѣ именъ для своего словаря д-ръ Лахтинъ руководствовался, очевидно, только „художественнымъ творчествомъ“. Многихъ и многихъ почтенныхъ именъ мы не нашли въ его словарѣ. Не нашли мы Ленэка, который ввелъ ежедневно употребляемый врачами стетоскопъ (трубку для выслушиванія), не нашли „отца дерматологіи“ Гебры, основателя гомеопатіи Ганемана, извѣстнаго московскаго профессора Захарьина, Рокитанскаго, Траубе, Коха, Ломброзо, Гельмгольца, Бильрота и многихъ другихъ, имена которыхъ менѣе извѣстны, но несомнѣнно имѣютъ всѣ права на помѣщеніе хотя бы и въ краткій словарь, тѣмъ болѣе, что въ него вошли и такіе dii minorum gentium, забвеніе которыхъ ни для кого не составило бы ущерба. Обошелъ авторъ своимъ вниманіемъ и русскихъ врачей-литераторовъ: Бѣлоголоваго, Даля, Е. Покровскаго, Кетчера, Мина, Н. Курочкина и др. Помѣщая въ словарѣ знаменитыхъ врачей геолога Агассиса и зоолога Жерве, д-ръ Лахтинъ не нашелъ возможнымъ дать здѣсь мѣсто біографіямъ такихъ лицъ, какъ Дарвинъ, Гальвани, Фарадей, Пастеръ, Рентгенъ, Дюнанъ, которые хоть и не были врачами, но оказали на развитіе врачебныхъ наукъ гораздо больше вліянія, чѣмъ добрая половина всѣхъ собранныхъ въ словарѣ знаменитостей. А вотъ пастору Кнейпу (тоже не врачу) посчастливилось: ему авторъ, при обидной краткости многихъ біографій, отвелъ цѣлыхъ $3^1/_2$ столбца. И когда мы прочли біографію Кнейпа, намъ сдѣлалось горько и обидно, что нѣтъ въ словарѣ нашего родного Кузьмича, трава котораго такъ же, какъ и вода Кнейпа, способна излѣчивать всѣ болѣзни.

Въ введеніи д-ръ Лахтинъ выражаетъ предположеніе, что словарь его доживетъ до второго изданія. Всяко бываетъ! Но тогда, не посягая на „художественное творчество“ въ выборѣ именъ, мы посовѣтовали бы автору пояснить нѣкоторыя имена указаніемъ на національность (Жерерденъ, Венцель, Зоммеръ, Коттуни, Крузе и др.) и время жизни (Алансонъ, Антипатеръ, Евдоксъ, Ейфорбусъ, Краузе Вильгельмъ, Барсукъ-Моисеевъ и пр.). Въ біографіи нельзя же пренебрегать такими существенными элементами, какъ указаніе на національность и время жизни.

Отчетъ о дѣятельности Московскаго столичнаго попечительства о народной трезвости за 1901 г. М. 1902.

Одинъ публицистъ, излагавшій недавно свои мысли по поводу народнаго образованія, писалъ, что народнаго образованія въ собственномъ смыслѣ у насъ нѣтъ, а есть только одинъ *терминъ*, выражающій это понятіе; все равно, какъ есть у насъ „народное здравіе“, не препятствующее ужасному санитарному поло-

женію нашихъ городовъ и деревень,—есть „народное продовольствіе“, не устраняющее постояннаго недоѣданія и острыхъ вспышекъ голода. Просвѣщеніе, здравіе, продовольствіе—все это только термины (Н. Шишковъ, Что намъ нужно? „Образованіе“ 1902, III). Еще съ бо́льшимъ, кажется, правомъ можно приложить такой „терминологическій“ взглядъ на попеченіе о народной трезвости. Послѣднее не ставитъ себѣ конечной цѣлью уничтоженіе пьянства, какъ, напримѣръ, дѣлаютъ это общества трезвости. „Нисколько не предаваясь надеждамъ о возможности достигнуть, при содѣйствіи попечительствъ о народной трезвости, совершеннаго прекращенія употребленія населеніемъ крѣпкихъ напитковъ, уставъ объ этихъ попечительствахъ возлагаетъ на нихъ болѣе близкую и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ осуществимую задачу—огражденіе населенія отъ злоупотребленія крѣпкими напитками“. Такъ говорится въ „Руководящихъ указаніяхъ для дѣятельности попечительствъ о народной трезвости, одобренныхъ министромъ финансовъ 28 января 1897 года“. Но понятно, что *злоупотребленіе* возможно только тамъ, гдѣ существуетъ *употребленіе*, а уничтожить употребленіе, напримѣръ, закрыть въ какой-нибудь деревнѣ винную лавку по приговору крестьянскаго общества „не представляется возможнымъ“. Нельзя не согласиться со словами д-ра Д. Н. Жбанкова, сказанными имъ на послѣднемъ (VIII) Пироговскомъ съѣздѣ: „Пока бо́льшая часть государственнаго бюджета доставляется водкой, вопросъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ не можетъ быть правильно разрѣшенъ, и эта борьба не дастъ прочныхъ результатовъ.“ Такимъ образомъ, оффиціальному попеченію о народной трезвости и закономъ, и жизнью уже заранѣе предуказанъ предѣлъ, его же не прейдеши. Не даромъ какой-то юмористъ предлагалъ новымъ попечительствамъ избрать своимъ девизомъ фамилію купленнаго Чичиковымъ у Собакевича Григорія Доѣзжай-не-доѣдешь. Уже въ одномъ этомъ лежитъ солидный залогъ неуспѣха попеченій о трезвости. Самый составъ попечительствъ, состоящихъ изъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ, до нѣкоторой степени тоже предопредѣляетъ не совсѣмъ успѣшное веденіе дѣла борьбы съ „злоупотребленіемъ крѣпкими напитками“. Въ ряду губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, занятыхъ попеченіями о народномъ благѣ и состоящихъ, какъ и попечительства о народной трезвости, изъ такихъ же оффиціальныхъ лицъ, мы имѣемъ не одно учрежденіе, прекрасное по мысли, но почти совершенно бездѣятельное на практикѣ. Таковы тюремныя отдѣленія, комитеты общественнаго здравія, оспенные комитеты и др. Эта, такъ сказать, внутренняя недостаточность состава попечительствъ признается теперь уже оффиціально. Въ члены комитетовъ въ настоящее время приглашаются съ правомъ голоса особые „обязательные“ члены изъ числа членовъ-соревнователей, изъявившихъ согласіе на постоянное участіе въ

засѣданіяхъ комитетовъ, а при губернскихъ попечительствахъ, кромѣ того, учреждена еще платная должность непремѣнныхъ членовъ съ особой инструкціей. Можетъ быть, впослѣдствіи признаютъ возможнымъ расширить также и права членовъ-соревнователей, вся роль которыхъ по дѣйствующему уставу сводится только на исполненіе того, что́ имъ прикажутъ, а на такую незавидную роль немного найдется охотниковъ.

Лежащій передъ нами отчетъ московскаго попечительства вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Изданъ онъ прекрасно, снабженъ 24, исполненными у Шерера и Набгольца, снимками преимущественно внутреннихъ помѣщеній, десятью планами народныхъ домовъ и планомъ Москвы съ обозначеніемъ учрежденій попечительства. Эти приложенія несомнѣнно увеличили стоимость изданія, но какая въ нихъ была необходимость для отчета, совершенно непонятно. Какое, напримѣръ, отношеніе къ цѣлямъ трезвости имѣютъ изображенія довольно обыкновенныхъ домовъ Генералова и Базыкина, часть которыхъ снята для учрежденій попечительства? Немного поучительнаго можно вынести и изъ созерцанія внутренняго вида столовыхъ и чайныхъ (десять похожихъ другъ на друга изображеній). Планы зданій, гдѣ помѣщаются учрежденія попечительства, имѣли бы значеніе, если бы эти зданія были спеціально устроены для чайныхъ, читаленъ и т. д. Тогда бы они могли служить хоть образцами для устройства такихъ учрежденій, а теперешніе планы частныхъ домовъ, на скорую руку приспособленныхъ для цѣлей попечительства, неизвѣстно для чего могутъ быть полезными.

Блестящая внѣшность отчета не вполнѣ гармонируетъ со скудостью его внутренняго содержанія. Но принимая во вниманіе, что попечительство дѣйствовало всего полгода, а бо́льшая часть устроенныхъ имъ учрежденій открылась только въ декабрѣ отчетнаго года, нельзя и ожидать, чтобы оно за это время во многомъ обнаружило свою дѣятельность. Въ отдѣльности можно отмѣтить крупную цифру бюджета—300,000 рублей на полгода, незначительное число членовъ-соревнователей—34 (это въ Москвѣ то!) и стереотипную жалобу на ограниченность каталога книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, для безплатныхъ народныхъ читаленъ. „Не смотря на то, что читальни, говорится въ отчетѣ, постоянно пополняются книгами по мѣрѣ требованія читателей, многія требованія остаются неудовлетворенными, такъ какъ желаемыя публикой книги или не вошли въ число книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ читаленъ, или книги, предлагаемыя читателю, по своему изложенію и содержанію не удовлетворяютъ народъ“. Такой же отзывъ о неудовлетворительности читаленъ имѣется и въ напечатанномъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ отчетѣ о дѣятельности попечительствъ за первое пятилѣтіе ихъ суще-

ствованія. „Народныя библіотеки, говоритъ тамъ г. Минцловъ, ревизоръ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, содержатъ въ себѣ газеты, книги и журналы, наименѣе разсчитанные на спросъ и годные скорѣе для дѣтей, чѣмъ для взрослыхъ людей". Послѣднее вполнѣ подтверждается довольно подробными свѣдѣніями московскаго отчета о составѣ читателей въ устроенныхъ попечительствомъ читальняхъ. Отъ 30 до 50% читателей составляютъ учащіеся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и такой же приблизительно процентъ требованій падаетъ на дѣтскія книги. Вообще свѣдѣнія о читальняхъ съ раздѣленіемъ читателей на 14, а читаемыхъ книгъ на 16 разрядовъ, представляютъ, пожалуй, самую интересную часть московскаго отчета. Жаль только, что составители не позаботились свести эти свѣдѣнія въ одну общую таблицу, а по читальнѣ народнаго дома въ Грузинахъ вмѣсто свѣдѣній за ноябрь, по недосмотру, перепечатали другой разъ таблицу за октябрь.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Собраніе сочиненій ***Артура Шопенгауера.*** Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Ахенвальда. Изданіе Д. П. Ефимова. Вып. VII. М. 1902. Ц. за все изданіе 8 р., съ перес. и доставкой 10 р.

Собраніе сочиненій ***Георга Брандеса.*** Переводъ съ датскаго подъ редакціей М. В. Лучицкой. Изданіе Б. К. Фукса. Т. V. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе 5 р., съ перес. и доставкой 6 р.

Полное собраніе сочиненій ***Н. Г. Помяловскаго.*** Съ портретомъ и біографіей автора, составленной Н. А. Благовѣщенскимъ. 9-е изданіе. Спб. 1902. Ц. 2 р. 75 к.

Собраніе сочиненій ***Элизы Ожешко.*** Переводъ съ польск. подъ редакціей С. С. Зелинскаго. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Т. VIII. Ц. за все изданіе 4 р., съ перес. и доставкой 5 р.

В. Оскольскій. Стихотворенія. Харьковъ. 1902. Ц. 25 к.

Altalena. Министръ Гаммъ (Кровь). Въ 3-хъ картинахъ. Одесса. 1901. Ц. 50 к.

Свыше нашей силы. Драма ***Бьёрнстерне-Бьернсона.*** Въ переводѣ Э. Маттерна и А. Воротникова. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Ц. 50 к.

Германъ Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь! Драма въ 5-ти актахъ. Переводъ А. Заблоцкой. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Ц. 60 к.

И. Н. Потапенко. Пьесы. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Графъ Аранда. Драматическія сцены изъ XVIII вѣка. ***И. Рановичъ.*** Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Книга разсказовъ и стихотвореній ***Л. Н. Андреева, И. А. Бѣлоусова, И. А. Бунина, М. Горькаго, Е. П. Гославскаго, С. Глаголя, С. Я. Елпатьевскаго, Н. Н. Златовратскаго, Б. К. Зайцева, П. А. Кожевникова, А. И. Куприна, Д. Н. Мамина-Сибиряка, С. Д. Махалова, В. М. Михеева,***

И. И. Митропольскаго. А. Мирославича, С. Т. Семенова, Н. Д-р Телешова, Н. И. Тимковскаго, Е. Н. Чирикова, А. М. Өедорова. Изданіе кн. магазина С. Курнина и К°. М. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

В. Авсѣенко. Люди и жизнь. Повѣсти и разсказы. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія В. И. Раппа и В. И. Потапова. Харьковъ. 1902. Ферганскій орленокъ. Очеркъ изъ жизни каторжныхъ. ***Л. Мельшинъ***. Ц. 6 к.—Въ степи. Очеркъ ***В. Вересаева***. Ц. 3 к.

Л. А. Богоявленскій. Въ новомъ мірѣ. Романъ. Изданіе Г. К. Таценко. Кіевъ. 1902. Ц. 75 к.

Буки-бенъ-Іогли (Д-ръ Каценельсонъ). Мысли и грезы. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Генералъ Онагренко и другіе разсказы ***К. М. Длусскаго***. Спб. 1902. Ц. 1 р.

В. Михеевъ. Разсказы. Изданіе С. Курнина и К°. М. 1902. Ц. 60 к.

В. Михеевъ. Фрося и Пестрянка. Съ иллюстраціями. Изданіе С. Курнина и К°. М. 1902. Ц. 25 к.

П. Засодимскій. Въ зимнія сумерки. Сборникъ бывальщины, разсказовъ и сказокъ. Изданіе С. Курнина и К°. М. 1901.

Ив. Наживинъ. Дешевые люди. Очерки и разсказы. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Ц. 1 р.

Фридрихъ Паульсенъ. Шопенгауэръ, Гамлетъ, Мефистофель. Три очерка изъ исторіи пессимизма. Изданіе Г. К. Таценко. Кіевъ. 1902. Ц. 1 р.

Докторъ Штокманъ. Драма Г. Ибсена. Очеркъ ***А. Бѣляева***. Уральскъ. 1902. (Изъ газеты «Уральскій Листокъ»).

С. Смирновъ. Передъ Некрасовскими днями. Ярославль. 1902. Ц. 25 к.

П. Морозовъ. Минувшій вѣкъ. Литературные очерки. Изданіе редакціи «Образованія». Спб. 1902. Ц. 2 р.

Библіографическій указатель переводной беллетристики въ русскихъ журналахъ за пять лѣтъ. 1897—1901. Составилъ и издалъ ***Д. Брагинскій***. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Ф. Гецъ. Объ отношеніи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу. Съ приложеніемъ. 2-е изданіе. М. 1902. Ц. 30 к.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Вып. XX.

П. Ө. Николаевъ. Вопросы жизни въ современной литературѣ. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Ц. 2 р.

Антонъ Чеховъ. Этюдъ ***виконта Е. М. де-Вогюэ***. Переводъ съ франц. Вл. Г. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Ц. 20 к.

Гр. Е. М. де-Вогюэ. Максимъ Горькій, какъ писатель и человѣкъ. Переводъ Ал. Ачкасова. М. 1902. Ц. 30 к.

Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія. Подъ редакціей С. Н. Южакова. Издатели: Библіографическій Институтъ (Мейеръ) и Т-во «Просвѣщеніе». Спб. 1902. Вып. 91—93. Ц. 1 р. 50 к.—94—96. Ц. 1 р. 50 к.—97—98. Ц. 1 р.

Библіотека современныхъ знаній. ***Д. Моргаузъ***. Хаосъ міровъ. Круговоротъ жизни звѣздъ. Съ рис. въ текстѣ. Переводъ съ англ. Изд. А. Большакова и Д. Голова. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Библіотека современныхъ знаній. ***Луи Бурдо***. Вопросъ о жизни. Очеркъ общей соціологіи. Перевелъ съ франц. Е. Предтеченскій. Изданіе А. Большакова и Д. Голова. Спб. 1902. Ц. 1 р. 75 к.

Проф. ***Д. Кудрявскій***. Какъ жили люди въ старину. Очерки первобытной культуры. Изданіе 2-е. Юрьевъ. 1902. Ц. 40 к.

Древнѣйшая исторія востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. ***З. А. Рагозиной***. Съ 113 рис. и 2-мя картами. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изданіе 3-е. Спб. 1902.

С. Князьковъ. Какъ начался расколъ русской церкви. Историческій очеркъ. Изданіе С. Курнина и К°. М. 1902. Ц. 35 к.

В. И. Ясевичъ-Бородаевская. Сектантство въ Кіевской губ. Баптисты и Малеванцы. Спб. 1902.

Н. Н. Оглобинъ. Красноярскій бунтъ 1695—1698 годовъ. Томскъ. 1902.

Н. А. Рожковъ. Городъ и деревня въ русской исторіи. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). Спб. 1902. Ц. 40 к.

Труды «Общества изслѣдователей Волыни». Т. I. Съ 11 литограф. рис. Житомиръ. 1902.

Дневникъ пребыванія царя-освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г. Составилъ ***Л. М. Чичаговъ***. Изданіе 3-е. Спб. 1902. Ц. 60 к.

В. Желѣзновъ. Очерки политиче-

ской экономіи. (Библіотека для самообразованія). М. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Проф. ***Ив. Озеровъ***. Итоги экономическаго развитія XIX вѣка. Спб. 1902.

Григорій Вольтке. Законы о пограничныхъ жителяхъ и пограничныхъ сношеніяхъ. Ихъ исторія, современное значеніе и желательныя измѣненія. Спб. 1903. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

Очередные вопросы въ царствѣ Польскомъ. Этюды и изслѣдованія подъ редакціей ***В. Спасовича*** и ***Э. Пильца***. Т. I. Изданіе 2-е. Спб. 1902. Ц. 1 р.

М. Г. Моргулисъ. Вопросы еврейской жизни. Изданіе 2-е. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ русскаго гражданскаго права. Проф. ***Г. Ф. Шершеневича***. 4-е изданіе. Казань. 1902. Ц. 5 р.

Азбука законовѣдѣнія ***Н. П. Дружинина***. Изданіе Харьковской частной женской воскресной школы. М. 1902. Ц. 10 к.

С. А. Мусинъ-Пушкинъ. Очерки Моложскаго уѣзда. Ярославль. 1902.

О сельско-хозяйственныхъ нуждахъ Тульской губ. Составилъ ***А. Новиковъ***. Изданіе Департамента Земледѣлія. Спб. 1902.

Врачъ ***Н. И. Тезяковъ***. Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственные пункты. Вып. I. Спб. 1902.

Ю. Н. Лавриновичъ. Народное образованіе въ Петербургѣ. Изданіе редакціи «Техническаго Образованія». Спб. 1902.

Высшее женское образованіе и университеты ***Евгенія Дюринга***. Съ нѣм. перевелъ Дм. Ройтманъ. Изданіе редакціи «Образованія». Спб. 1902. Ц. 40 к.

Подвижныя игры. Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся. Составилъ руководитель игръ Тенишевскаго училища и гимназіи Гуревича ***П. Н. Бонинъ***. Съ 81 рис. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Замѣтки ***Стараго Инвалида***. О примѣненіи суворовской методы обученія войскъ къ современному состоянію военнаго искусства. О государственномъ ополченіи. Спб. 1902. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Льготы учащимся и дѣтямъ, призрѣваемымъ благотворительными обществами при проѣздѣ ихъ по желѣзнымъ дорогамъ. Извлекъ изъ оффиціальныхъ изданій ***С. А. Педашенко***. Изданіе кн. магазина Ф. В. Булыгина (О. Скорова). М. 1902. Ц. 40 к.

А. К. Арнольди. Ясли. Опытъ практическаго руководства къ устройству дѣтскихъ яслей. Спб. 1902.

Е. Д. Максимовъ. Учебно-показательныя мастерскія въ ряду другихъ учреждений ремесленнаго обученія. Спб. 1902.

Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ редакціей А. А. Ивановскаго. Изданіе кн. магазина С. Курнина и К°. М. 1901—1902. Аварцы. Составилъ ***А. Д. Солодовниковъ***. Ц. 10 к. — Якуты и ихъ страна. Составила ***Е. С. Ромодановская***. Ц. 10 к.—Чукчи. Составила ***Н. И. Яньшинова***. Ц. 10 к.—Буряты. Составила ***Н. Б. Веселовская***. Ц. 10 к. — Великоруссы. Составилъ ***В. В. Воробьевъ***. — Прибалтійскій край. Составила ***В. Н. Пирамидова***. Ц. 10 к.—Киргизы. Составила ***Э. С. Вульфсонъ***. Ц. 10 к.—Самоѣды. Составила ***Е. А. Полторанова***.—Вотяки. Составилъ ***И. М. Катаевъ***.—Остяки. Составила ***А. Ф. Добрянова***.—Амурскій край и наши переселенцы. Составила ***Е. Д. Веселовская***. Ц. 10 к.

Земля и ея жизнь. Общедоступныя книжки подъ редакціей А. А. Ивановскаго. Изданіе кн. магазина С. Курнина и К°. М. 1891. Вѣчный снѣгъ и ледъ. Составилъ ***С. С. Анисимовъ***. Ц. 10 к.—Солнце. Составила ***О. А. Сакмина***. Ц. 10 к.

Первое знакомство съ природой. Вып. I. Въ полѣ и въ лѣсу. Составилъ по А. Беслей и др. ***В. Н. Львовъ***. Съ рис. и цвѣтн. таблицами. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1902. Ц. 49 к.

Дм. Кайгородовъ. Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семьѣ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 1 р. 30 к.

Озонированіе воды, какъ средство для устраненія недостатковъ ея фильтрованія при городскихъ водопроводахъ. ***Н. П. Зимина***, главнаго инженера московскихъ водопроводовъ. М. 1902.

Природныя условія промышленности въ Терской области. ***И. Н. Стрижовъ***. Владикавказъ. 1902.

А. Безчинскій. Путеводитель по Крыму. М. 1902.

О-во для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ («Литературный фондъ»). Отчетъ за 1891 годъ. Спб. 1902.

Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Отчетъ за 1901—1902 учебный годъ. М. 1902

Полтавское уѣздное земство. Отчетъ по народному образованію за 1901 годъ.—Отчетъ управы о мѣропріятіяхъ по содѣйствію экономическому благосостоянію населенія за 1901 годъ. Полтава. 1902.

Литература и жизнь.

О г. Мережковскомъ.—О жестокости, сладострастіи и проч.

Книга г. Мережковскаго „Религія Л. Толстого и Достоевскаго“ составляетъ второй томъ сочиненія „Христосъ и Антихристъ въ русской литературѣ. Л. Толстой и Достоевскій“. Въ первомъ томѣ Толстой и Достоевскій занимали г. Мережковскаго, какъ люди и художники, во второмъ идетъ рѣчь о нихъ, какъ „религіозныхъ мыслителяхъ“. Давая въ библіографическомъ отдѣлѣ „Русскаго Богатства“ отчетъ о первомъ томѣ, мы отказались отъ обсужденія точки зрѣнія автора въ виду ея крайней неясности и въ надеждѣ, что она выяснится во второмъ томѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы указали на извѣстную цѣнность нѣкоторыхъ изъ узоровъ, вышитыхъ г. Мережковскимъ на этомъ туманномъ фонѣ, хотя рядомъ съ ними были и совершенно другого сорта узоры. То, что было названо у насъ узорами, представляетъ собою отдѣльныя критическія замѣчанія о Толстомъ и Достоевскомъ, иногда очень тонкія и вѣрныя, иногда грубыя и произвольныя, но въ большей своей части они были или казались результатомъ очень тщательнаго и даже какъ бы слишкомъ тщательнаго изученія. Нѣкоторые читатели находили, что г. Мережковскій переходитъ за предѣлы благопристойности, безцеремонно роясь въ душѣ Толстого. Этотъ упрекъ не совсѣмъ справедливъ. Для своихъ выводовъ г. Мережковскій пользовался біографическими матеріалами, уже опубликованными самимъ Толстымъ, его родственниками и почитателями, и собственно отъ себя ни одного новаго факта не привелъ, и не его вина, если Толстой давно живетъ точно подъ стекляннымъ колпакомъ. Порицанія заслуживаетъ не это повтореніе давно обнародованныхъ фактовъ въ лично г. Мережковскому принадлежащемъ освѣщеніи, а какой то до странности злобный характеръ, который по временамъ принимаетъ это освѣщеніе. Г. Мережковскій писалъ въ первомъ томѣ: „я сознаю, что по первой главѣ моего изслѣдованія читатель можетъ заподозрить меня въ предубѣжденіи противъ Л.

Толстого въ пользу Достоевскаго. Но если я былъ одностороннимъ, даже какъ будто несправедливымъ, то это—преднамѣренно и предварительно; я не остановлюсь на этой ступени изслѣдованія". И онъ, дѣйствительно, не останавливается. Но и воздавая должное Толстому, онъ прорывается, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томѣ, злобными противъ него выходками, образчикъ которыхъ мы видѣли въ прошлый разъ. Мы этимъ образчикомъ и удовольствуемся, минуя всѣ этого рода узоры г. Мережковскаго.

При чтеніи второго тома мы нѣсколько усомнились въ томъ, что въ основаніи иногда удачныхъ отдѣльныхъ критическихъ замѣчаній лежитъ тщательность или даже чрезмѣрная тщательность изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что г. Мережковскій склоненъ, подобно г. Розанову, къ каламбурному мышленію, то есть къ мышленію по пути не логической и фактической связи между мыслями или фактами, а звукового сходства между словами.

Достоевскій замѣтилъ какъ то, что главныя дѣйствующія лица въ романахъ и повѣстяхъ Толстого по происхожденію принадлежатъ къ „средне-высшему" кругу общества. Это выраженіе очень понравилось г. Мережковскому, и онъ, забывая, что въ произведеніяхъ Толстого фигурируютъ, съ одной стороны, и представители такъ называемаго высшаго свѣта вплоть до императоровъ Александра, Наполеона и Франца, а съ другой всякіе Поликушки и Ерошки,—утверждаетъ уже, что всѣ герои Толстого, какъ и самъ онъ,—„средне-высшаго" круга. Затѣмъ начинаются каламбуры: средне-высшій, срединный, посредственный, „смѣшанный" и, наконецъ, „смѣшной". И такую важность имѣетъ этотъ плохой каламбуръ въ глазахъ г. Мережковскаго, что читатель найдетъ его на стр. 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 356, 361, 367, 373, 387, 389, 445, 456, и, вѣроятно, я нѣсколько страницъ еще пропустилъ. Любопытно, что сочетаніе средне-высшаго, срединнаго и посредственнаго встрѣчается и раньше, напримѣръ, на стр. 80 и др., и лишь на 347 стр. г. Мережковскій наталкивается мыслью на нѣкоторое звуковое сходство словъ—„смѣшанный" и „смѣшной", а разъ натолкнувшись на него, уже безъ устали ѣздитъ на этомъ конькѣ, готовый видѣть въ немъ даже что-то „нуменальное". Тяготѣя вмѣстѣ съ г. Розановымъ къ „по-ту-стороннему знанію", къ „нуменамъ", къ сокровенной сущности вещей, онъ на дѣлѣ удовлетворяется звуковымъ составомъ словъ, которыя, будучи переведены на какой-нибудь другой языкъ, утратятъ и свое звуковое сходство. И многое изъ того, что казалось намъ у г. Мережковскаго результатомъ внимательнаго изученія, есть въ дѣйствительности случайная игра словъ. Иногда случай наталкиваетъ его на дѣйствительно любопытныя, хотя и не первостепенной важности совпаденія.

Небезынтересно, напримѣръ, его указаніе на то, какъ часто

фигурируетъ въ произведеніяхъ Достоевскаго безобразное и злое животное вродѣ паука, тарантула, фаланги, скорпіона. Такъ Ипполитъ въ „Идіотѣ“ видитъ во снѣ животное „вродѣ скорпіона, но не скорпіона, а гаже и гораздо ужаснѣе“; въ „Бѣсахъ“ Лиза говоритъ Ставрогину: „мнѣ всегда казалось, что вы заведете меня въ какое-нибудь мѣсто, гдѣ живетъ огромный злой паукъ въ человѣческій ростъ, и мы тамъ всю жизнь будемъ на него глядѣть и бояться его“; въ „Преступленіи и наказаніи“ Свидригайловъ представляетъ себѣ вѣчность въ видѣ „одной комнатки, этакъ вродѣ деревенской бани, закоптѣлой, а по всѣмъ угламъ пауки“; „Подростокъ“ въ злую минуту чувствуетъ въ себѣ „душу паука“; Дмитрій Карамазовъ разсказываетъ: „Разъ меня фаланга укусила, я двѣ недѣли отъ нея въ жару пролежалъ, ну такъ вотъ и теперь вдругъ за сердце, слышу, фаланга укусила, злое то насѣкомое“; онъ же декламируетъ стихи: „насѣкомымъ сладострастье, ангелъ Богу предстоитъ“; въ извѣстной пушкинской рѣчи, по поводу „Египетскихъ ночей“, Достоевскій уже отъ себя говоритъ о „сладострастіи пауковой самки, съѣдающей своего самца“. Кириловъ въ „Бѣсахъ“ говоритъ: „Я всему молюсь. Видите, паукъ ползетъ по стѣнѣ, я смотрю и благодаренъ ему за то, что онъ ползетъ“. „И здѣсь—паукъ“, съ торжествомъ замѣчаетъ г. Мережковскій. Положимъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ паукъ вызываетъ не страхъ и отвращеніе, а, напротивъ, благодарность; положимъ, далѣе, что паукъ—не насѣкомое, но это не важно. Достоевскій часто ставилъ дѣйствующихъ лицъ своихъ романовъ въ сходныя и почти тождественныя положенія и влагалъ имъ въ уста сходныя и даже прямо одни и тѣ же слова. Эти пункты, которыми онъ, значитъ, особенно дорожилъ, представляютъ для изслѣдователя особенный интересъ. Можетъ быть, къ числу ихъ принадлежитъ и фактъ, прослѣженный г. Мережковскимъ. Но слово „паукъ“ вызываетъ въ памяти критика драку пауковъ, которою забавлялся Спиноза, затѣмъ сама философія Спинозы представляется ему въ видѣ „висящей въ воздухѣ, тонкой и прозрачной паутины геометрическихъ линій—теоремъ, постулатовъ, схолій, а въ центрѣ паутины самъ паукъ Спиноза“ или его „Субстанція“; припоминается въ оторванномъ отъ сосѣднихъ фразъ видѣ выраженіе Ничше: „Gott wurde Spinne“, и у автора является удивительный вопросъ: не есть ли этотъ такъ часто повторяющійся у Достоевскаго паукъ—предсказанный Апокалипсисомъ „Звѣрь, выходящій изъ бездны передъ кончиною міра“? И во всякомъ случаѣ, набравъ въ разныхъ мѣстахъ столько пауковъ и паутины, г. Мережковскій считаетъ себя вправѣ объявить, что паукъ Достоевскаго есть „нуменальный образъ“. Что это значитъ—„нуменальный образъ“—онъ не объясняетъ, хотя оно и не мѣшало бы.

Въ „Бѣсахъ" юродивая Марья Лебядкина передаетъ свой разговоръ съ одной старицей. „Богородица что есть, какъ мнишь?—спросила старица.—Великая мать, отвѣчаю, упованіе рода человѣческаго.—Такъ, говоритъ, Богородица великая мать сыра земля есть, и великая въ томъ для человѣка радость заключается". Это опредѣленіе полоумной старицы поднимаетъ въ мозгу г. Мережковскаго цѣлый запутанный переплетъ изъ словъ „мать" и „земля". Тутъ и языческая Magna Mater и „подземныя таинства", и слова Заратустры: „bleibt mir treu der Erde", и слова старца Зосимы: „землю цѣлуй" и проч. При этомъ смыслъ словъ „мать" и „земля" или игнорируется, или искажается. Г. Мережковскій цитируетъ, между прочимъ, слѣдующій отрывокъ изъ бесѣды Ивана Карамазова съ братомъ Алешей: „Не хочу я, чтобы мать (—) обнималась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына! Не смѣетъ она прощать ему! Если хочетъ, пусть проститъ за себя, пусть проститъ мучителю материнское безмѣрное страданіе свое; но страданіе своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ права простить мучителю, хотя бы самъ ребенокъ простилъ ихъ ему". Тамъ, гдѣ у меня стоитъ знакъ (—), г. Мережковскій вставляетъ отъ себя такой комментарій: „здѣсь, конечно, разумѣетъ онъ (то есть Иванъ Карамазовъ или самъ Достоевскій) „Великую Матерь", „упованіе рода человѣческаго". Г. Мережковскому хочется и сюда, хоть какъ-нибудь бокомъ, пристегнуть философію полоумной старицы и юродивой Лебядкиной. Въ дѣйствительности Иванъ Карамазовъ говоритъ, какъ вѣроятно помнитъ читатель, совсѣмъ не о какой-то полуязыческой, полухристіанской Великой Матери, а просто о крестьянкѣ, на глазахъ которой помѣщикъ затравилъ собаками ея восьмилѣтняго сына.

Таковы узоры. Попутно мы встрѣтимся съ ними, вѣроятно, и ниже, а теперь перейдемъ къ фону книги г. Мережковскаго. Къ сожалѣнію, онъ во второмъ томѣ этого огромнаго труда не только не выясняется, какъ мы разсчитывали, говоря о первомъ, но, если это возможно, еще болѣе затуманивается. Какая то сложная и, очевидно, очень дорогая автору идея безсильно бьется въ каждой строкѣ книги, ища и не находя себѣ выхода. Онъ безъ счета повторяетъ одни и тѣ же выраженія,—собственныя и чужія,—которыя кажутся ему исчерпывающими и рѣшающими; мечетъ громы гнѣва, льетъ слезы умиленія и восторга, спускаетъ съ туго натянутой тетивы стрѣлы ироніи,—и изо всего этого всетаки ничего не выходитъ. И хотя онъ не разъ говоритъ отъ имени какой-то сильной, если не количествомъ, то качествомъ группы единомышленниковъ, онъ приходитъ въ концѣ концовъ къ тому грустному заключенію, что „все равно сейчасъ никто или почти никто не услышитъ", то есть не пойметъ его. Я думаю, что и это много. Я думаю, что и самъ себя г. Мережковскій не совсѣмъ понимаетъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ существованію его едино-

мышленниковъ, ибо много нынѣ людей, которыхъ непонятное притягиваетъ именно какъ непонятное.

Г. Мережковскій—человѣкъ необыкновенно впечатлительный и стремительный. Не разъ уже мѣнялъ онъ свой духовный обликъ, и всякій разъ это было подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь рѣзкаго толчка, полученнаго со стороны. Получивъ откуда-нибудь этотъ толчокъ, онъ съ такою быстротой несется въ данномъ направленіи, что не успѣваетъ хорошенько оглянуться, вдуматься въ свои мысли, и въ такомъ недодуманномъ видѣ торопливо излагаетъ ихъ въ печати. Въ послѣднее время онъ получилъ съ разныхъ сторонъ два такихъ толчка и потому съ головокружительною быстротой, такъ что въ глазахъ рябитъ, вертится, какъ волчокъ, на одномъ мѣстѣ. Одинъ изъ этихъ толчковъ данъ Ничше, другой—можетъ-быть, Достоевскимъ, а можетъ быть, только г. Розановымъ. Съ послѣднимъ у него во всякомъ случаѣ много общаго. Онъ называетъ „вопросъ пола“ „по преимуществу нашимъ (то есть г. Мережковскаго и К°) новымъ вопросомъ, отъ котораго зависитъ все будущее христіанства“, и тѣмъ самымъ примыкаетъ къ „новой концепціи христіанства“ г. Розанова. Не касаясь христіанства, какъ мы это и относительно г. Розанова сдѣлали, и выдѣляя затѣмъ основное житейское положеніе г. Мережковскаго изъ окружающаго его мистическаго тумана, мы получимъ очень простую и здравую мысль: требованія плоти сами по себѣ не только не постыдны, но такъ же естественны, законны, такъ же, если угодно, „святы“ („святая плоть“—одно изъ излюбленныхъ выраженій г. Мережковскаго), какъ и требованія духа. Люди, для которыхъ природа человѣка представляетъ собою нѣчто единое, „цѣлокупное“, а не раздѣленное какою-то непереходимою трещиною на духъ и тѣло, не найдутъ въ этомъ положеніи ничего новаго или трудно постигаемаго. Трудности начинаются за предѣлами этого общаго положенія, въ частностяхъ, когда вслѣдствіе сложности жизни приходится жертвовать однимъ требованіемъ природы ради другого, признаваемаго высшимъ или же только неотложнымъ. Можно бы было вполнѣ сочувствовать нѣкоторымъ разсужденіямъ г. Мережковскаго о „Крейцеровой сонатѣ“ или „Аннѣ Карениной“, какъ и нѣкоторымъ соображеніямъ г. Розанова о правахъ плоти, если бы эти разсужденія и соображенія не были облечены въ совершенно ненужную мистическую одежду. А для обоихъ этихъ почтенныхъ писателей это даже не одежда, а именно самая суть дѣла. Но въ этой сути они не совсѣмъ сходятся. Г. Розановъ вводитъ въ свою „новую концепцію“ неудобопонятную „религію пола“, текстами св. писанія (кромѣ собственныхъ открытій въ области біологіи) стараясь доказать, что аскетическая мораль есть результатъ ошибочнаго и именно односторонняго пониманія христіанства. Г. Мережковскій же видитъ „новую концепцію“ въ сліяніи, въ высшемъ „синтезѣ“ этой при-

знаваемой и имъ односторонности съ односторонностью языческою или „анти-христіанскою“.

Сообразно этому центръ вниманія г. Розанова составляетъ семья, ради которой дозволительно, какъ мы видѣли, „продать“ отечество; г.-же Мережковскій провидитъ „всемірное единеніе“, ради котораго „все позволено“ и неудачные образцы котораго даны въ римской имперіи, въ папствѣ, въ имперіи Наполеона, а окончательно создастся оно на русской почвѣ.

Въ 1896 г. былъ напечатанъ романъ г. Мережковскаго „Отверженный“ или „Смерть боговъ“. Въ предисловіи авторъ объяснилъ, что романъ этотъ есть первая часть трилогіи „Христосъ и Антихристъ“, въ которой будутъ изображены три момента изъ исторіи борьбы христіанства и язычества. Съ тѣхъ поръ появилась и вторая часть трилогіи—„Воскресшіе боги“. Третья часть—„Петръ и Алексѣй“—не вышла до сихъ поръ, вѣроятно, потому, что, готовя ее, авторъ увлекся новой грандіозной задачей, которую и рѣшаетъ въ двухтомномъ сочиненіи „Христосъ и Антихристъ въ русской литературѣ“. Повидимому, это увлеченіе было результатомъ нѣкоторой перемѣны взглядовъ г. Мережковскаго. Намѣчая въ предисловіи къ „Отверженному“ содержаніе третьей части трилогіи, г. Мережковскій говорилъ, между прочимъ, о „новыхъ галилеянахъ, народныхъ герояхъ Льва Толстого и Достоевскаго, нерѣдко темныхъ, слабыхъ и немудрыхъ, но открывающихъ божественную тайну міра въ страданіяхъ и любви“. Теперь для г. Мережковскаго иначе освѣщаются какъ „народные герои“ Льва Толстого и Достоевскаго, такъ и вообще вся ихъ литературная дѣятельность. И онъ съ обычною своею стремительностью предъявляетъ намъ это новое освѣщеніе, откладывая окончаніе трилогіи на неопредѣленное время; тѣмъ болѣе, что во второй части онъ настолько запутался въ историческихъ подробностяхъ и мелочахъ, что изъ-за нихъ еле усмотрѣть можно идею романа, а въ своемъ новомъ трудѣ онъ возвращается къ тому же сопоставленію или противопоставленію Христа и Антихриста.

Уже въ планѣ трилогіи заставляло призадуматься слѣдующее обстоятельство. Г. Мережковскій имѣетъ въ виду „вѣчную борьбу двухъ началъ, двухъ истинъ, двухъ міровъ“, вѣчную и всемірную или даже „премірную“—странный терминъ, принадлежащій ему вмѣстѣ съ г. Розановымъ. Но, не говоря о томъ, что борьбѣ этой, какъ увидимъ, предстоитъ конецъ, и чуть ли не очень близкій, въ „высшемъ синтезѣ“ враждующихъ началъ, она ведется на пространствѣ лишь такъ называемаго цивилизованнаго міра и лишь между греко-римскимъ язычествомъ и христіанствомъ. Всѣ другіе виды язычества, равно какъ юдаизмъ, буддизмъ, магометанство, которыя въ совокупности исповѣдываются въ настоящее время 70-ю процентами населенія земного шара, оста-

ются внѣ кругозора г. Мережковскаго; какова ихъ роль во всемірной и премірной борьбѣ,—неизвѣстно. И любопытно, что, цѣпляясь вездѣ, гдѣ только можно, за слово „антихристъ“, *) г. Мережковскій обходилъ молчаніемъ Вл. Соловьева, для котораго грядущее пришествіе антихриста какъ-то связывалось съ пробужденіемъ Китая и Японіи и новымъ нашествіемъ монголовъ, чуждыхъ какъ христіанскому, такъ и греко-римскому міру. Задача г. Мережковскаго безспорно очень грандіозна, но „вѣчность“ и „всемірность“ или „премірность“ тутъ всетаки не при чемъ. Размышляя о судьбахъ всего „міра“, онъ оперируетъ надъ весьма въ сущности малою частью исторіи человѣчества, да и ту съуживаетъ, наконецъ, до того, что разрѣшенія „вѣчнаго“ противорѣчія между язычествомъ и христіанствомъ, Христомъ и антихристомъ, ждетъ, чуть ли не отъ завтрашняго дня, и произойдетъ оно, по его мнѣнію, гдѣ-то совсѣмъ близко около него, въ Россіи. Во всякомъ случаѣ онъ то уже предчувствуетъ его, различаетъ очертанія того „символа“, въ которомъ оно выразится...

Въ задаткѣ онъ, этотъ символъ, по мнѣнію г. Мережковскаго, уже имѣется у насъ въ поэзіи Пушкина. Но Пушкинъ намекнулъ только на великую тайну и унесъ ее съ собой въ могилу. Изъ него вышли Толстой и Достоевскій, „близкіе и противоположные другъ другу, какъ двѣ главныя, самыя могучія вѣтви одного дерева, расходящіяся въ противоположныя стороны своими вершинами, сросшіяся въ одномъ стволѣ своими основаніями“. Они какъ бы подѣлили между собою великое наслѣдство Пушкина, усвоивъ себѣ одинъ — Толстой, „тайновидѣцъ плоти“ — языческую радость плотского бытія и довѣрія къ жизни, другой — Достоевскій, „тайновидѣцъ духа“ — христіанское углубленіе въ радости и скорби духа. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, однако, что, не смотря на все величіе ихъ вклада въ литературу не только русскую, но и всемірную, оба они не только односторонни, а и въ своей односторонности непослѣдовательны. Толстой двойственъ. Онъ великъ въ своей безсознательной языческой стихіи, напоминая собою одно изъ своихъ собственныхъ лучшихъ созданій—дядю Ерошку въ „Казакахъ“. Старикъ Ерошка—здоровый, сильный, жизнера-

*) Вездѣ, гдѣ можно и даже гдѣ нельзя. Часть неоконченной книги Ничше «Der Wille zur Macht» озаглавлена «Der Antichrist». Г. Мережковскій переводитъ это заглавіе словомъ «Антихристъ», какъ если бы у Ничше шла рѣчь объ опредѣленной личности, имѣющей явиться передъ концомъ міра. Въ дѣйствительности Antichrist у Ничше буквально значитъ «анти-христіанинъ», а переводить это слово слѣдуетъ: «анти-христіанство» или: «противъ христіанства». Съ другой стороны. упоминая о Петрѣ Великомъ и Наполеонѣ, въ которыхъ простой русскій народъ и раскольничьи начетчики видѣли антихристовъ, г. Мережковскій ни слова не говоритъ о Неронѣ и Магометѣ, которыхъ признавали антихристами многіе авторитеты.

достный, умный, есть осколокъ языческой младенчески-животной жизни, въ которой добро и зло еще не раздѣлились. Онъ живетъ и мыслитъ „по ту сторону добра и зла“. Вспоминая одного пріятеля, онъ говоритъ: „молодецъ былъ, пьяница, воръ, охотникъ,—ужъ какой охотникъ; я его всему научилъ“. Онъ и себя аттестуетъ также: „я настоящій джигитъ былъ: пьяница, воръ, табуны въ горахъ отбивалъ, пѣсенникъ, на всѣ руки былъ“; „я человѣкъ веселый“. Онъ обѣщаетъ „достать красавицу“ Оленину и на замѣчаніе послѣдняго, что вѣдь это грѣхъ, возражаетъ: „Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ? На хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Али любить ее грѣхъ? Это у васъ такъ? Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасенье. Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. Такъ на хорошую дѣвку смотрѣть не грѣхъ. На то она и сдѣлана, чтобы ее любить, да на нее радоваться“. „Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть со звѣря примѣръ возьми. Онъ и въ татарскомъ камышѣ живетъ, и въ нашемъ. Куда придетъ, тамъ и домъ. Что Богъ далъ, то и лопаетъ. А наши говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, все одна фальшь, что уставщики говорятъ“. „Ты свинью убить хочешь, а она по лѣсу гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она свинья, а все она не хуже тебя, такая же тварь Божія“.

Такъ вотъ этотъ дядя Ерошка кажется г. Мережковскому воплощеніемъ лучшей, „языческой“ стороны Толстого; въ ней онъ живетъ одною жизнью съ природой, ею великъ въ непосредственныхъ созданіяхъ своего творчества. Но это его безсознательная стихія, съ которою чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и упорнѣе борется его христіанское или яко-бы христіанское сознаніе. Оно яко-бы христіанское, потому что, по мнѣнію г. Мережковскаго, Толстой неправильно толкуетъ ученіе Христа, во-первыхъ, упраздняя его божественный характеръ, и во-вторыхъ, сводя его исключительно на аскетическую мораль отреченія отъ благъ жизни. И въ этомъ отношеніи г. Мережковскій не находитъ достаточно словъ для характеристики фальшивости, грубости, цинизма, узости и проч. пониманія Толстого. Относительно Достоевскаго онъ не позволяетъ себѣ ничего подобнаго. Онъ замѣчаетъ, однако, что и этотъ „тайновидѣцъ духа“, проникнувшій въ сокровеннѣйшія глубины человѣческой души и вмѣстѣ съ тѣмъ приподнявшій завѣсу, скрывавшую отъ насъ грядущія судьбы человѣчества,—непослѣдователенъ. Въ чемъ тутъ дѣло, мы увидимъ ниже. Во всякомъ случаѣ наступитъ время,—и оно близко,—когда оправдается хорошенькое символическое стихотвореніе г-жи Гиппіусъ „Электричество“, разъ пятнадцать цитируемое г. Мережковскимъ:

Двѣ нити вмѣстѣ свиты,
Концы обнажены.
То «да» и «нѣтъ» не слиты,
Не слиты—сплетены.
Ихъ темное сплетенье
И тѣсно и мертво;
Но ждетъ ихъ воскресенье,
И ждутъ онѣ его:
Концы соприкоснутся,
Проснутся «да» и «нѣтъ»,
И «да» и «нѣтъ» проснутся
И смерть ихъ будетъ Свѣтъ.

Противоположныя односторонности Толстого и Достоевскаго, христіанство и язычество, „святой Духъ" и „святая Плоть", Христосъ и Антихристъ сольются и наступитъ... Свѣтъ? Не знаю, можетъ быть, и Мракъ, мракъ небытія. Не знаю также, какую роль сыграетъ при этомъ русская литература, въ лицѣ Достоевскаго и Толстого достигшая всемірнаго значенія.

Въ самомъ началѣ перваго тома книги г. Мережковскаго (стр. 5) читаемъ:

Если пророчество Достоевскаго: «Россія скажетъ величайшее слово всему міру, которое тотъ когда-либо слышалъ»—оказалось преждевременнымъ, то лишь потому, что самъ онъ не договорилъ этого слова до конца, не довелъ своего сознанія до послѣдней степени возможной ясности, испугался послѣдняго вывода изъ собственныхъ мыслей, сломилъ ихъ остріе, притупилъ ихъ жало,—дойдя до самаго края бездны, отвернулся отъ нея, и чтобы не упасть, снова ухватился за неподвижныя, окаменѣлыя историческія формы славянофильства; тѣ самыя, для разрушенія которыхъ онъ, можетъ быть, сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-либо. Нужна, въ самомъ дѣлѣ, великая ясность и трезвость ума, чтобы безъ головокруженія, безъ опьянѣнія народнымъ тщеславіемъ, признать всемірность идеи, открывающейся въ русской литературѣ. Можетъ быть, для нашего слабаго и болѣзненнаго поколѣнія въ этомъ признаніи больше страшнаго, чѣмъ соблазнительнаго,—разумѣю страшную, почти невыносимую тяжесть отвѣтственности.

Итакъ, пророчество Достоевскаго было только преждевременно, но оно исполнится, русской литературѣ предстоитъ великая задача продолженія и объединенія дѣла Толстого и Достоевскаго. И, возвращаясь къ этой мысли въ концѣ перваго тома (стр. 366), г. Мережковскій увѣщеваетъ „русскихъ людей новаго религіознаго сознанія" торопиться, потому что иначе будетъ уже поздно. „Русскимъ людямъ новаго религіознаго сознанія слѣдуетъ помнить, что отъ какого-то неуловимаго движенія воли въ каждомъ изъ нихъ,—отъ движенія атомовъ, можетъ быть, зависятъ судьбы европейскаго міра".

Но въ концѣ второго тома (стр. 526 и далѣе) оказывается, что „Анна Каренина" и „Братья Карамазовы" — „двѣ крайнія, высшія точки, до которыхъ достигла русская литература".

За этими двумя вершинами начинается перевалъ черезъ какой-то великій горный кряжъ, то постепенный, то стремительный спускъ, начинается не

поправимое одичаніе, запустѣніе, какъ бы внезапное изсякновеніе всѣхъ живыхъ родниковъ русскаго слова... Самое важное изъ происходящаго нынѣ въ Россіи происходитъ внѣ литературы, помимо нея, даже вопреки ей; великое русло жизни уклонилось въ сторону, глубокія воды отхлынули и литература осталась на мели. То, о чемъ теперь мы говоримъ и думаемъ, важнѣе того, о чемъ мы пишемъ. Самаго важнаго и нужнаго не принимаетъ, не выноситъ современная литература: это—жидкость такой плотности, что предметы съ удѣльнымъ вѣсомъ пробки и щепокъ всплываютъ на ея поверхность, а все болѣе твердое, вѣское идетъ ко дну. Двадцать лѣтъ со дня смерти Достоевскаго и отреченія Л. Толстого отъ художественнаго творчества намъ нужно было, чтобы понять, что это такъ, что въ настоящее время мы переживаемъ не случайное «вырожденіе», не временный «упадокъ», не навѣянное будто бы съ Запада «декадентство», а давно подготовлявшійся, естественный и необходимый *конецъ русской литературы* (курсивъ г. Мережковскаго). Намъ страшно въ этомъ признаться, но, можетъ быть, конецъ русской литературы то есть великаго русскаго созерцанія, есть начало великаго русскаго дѣйствія.

Итакъ, г. Мережковскій читаетъ отходную той самой русской литературѣ, которой только что рекомендовалъ взять на себя, и при томъ немедленно, великую задачу. Русская литература кончилась или кончается, такъ что и труду г. Мережковскаго предстоитъ либо въ видѣ пробки плавать на поверхности, либо утонуть на днѣ. Печально!.. „Писалъ—не гулялъ!“ какъ говорятъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ мужики о составителяхъ толстыхъ лексиконовъ. И вдругъ — либо пробка, либо какъ ключъ ко дну!.. Правда, въ концѣ цитаты г. Мережковскій подставляетъ вмѣсто русской литературы „великое русское созерцаніе“ и утѣшаетъ насъ грядущей замѣной его „великимъ русскимъ дѣйствіемъ“. Этимъ въ принципѣ утѣшиться, конечно, можно,—въ принципѣ, потому что позволительно сомнѣваться, чтобы то, что г. Мережковскій называетъ великимъ дѣйствіемъ, было и въ самомъ дѣлѣ велико. Однако, неужто въ этомъ дѣйствіи такъ-таки и нѣтъ мѣста слову, литературѣ? Но за то почти вѣрно, что „то, о чемъ мы теперь говоримъ и думаемъ, важнѣе и нужнѣе того, о чемъ мы пишемъ“,—почти вѣрно, потому что есть счастливыя исключенія. Взять хоть бы самого г. Мережковскаго: вѣдь онъ написалъ свои безъ малаго 1000 печатныхъ страницъ именно о томъ, что онъ считаетъ наиболѣе важнымъ и нужнымъ. Мы, не составляющіе исключенія изъ указаннаго имъ правила, можемъ завидовать ему, какъ и другимъ счастливцамъ, но если правило указано имъ вѣрно, то истолковано оно совсѣмъ не вѣрно, лучше сказать, совсѣмъ не истолковано. Почему, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ говорить и думать о томъ, что считаемъ важнымъ, а пишемъ... ну хоть о внутреннихъ ввернутостяхъ и внѣшнихъ вывернутостяхъ г. Розанова? Руки у насъ отвалились или письменно излагать свои собственныя мысли мы разучились? Вѣдь о ввернутостяхъ и вывернутостяхъ не разучились же, почему же о важномъ то, что сами считаемъ важнымъ и нужнымъ, о чемъ и

говоримъ и думаемъ,—писать не можемъ? Мудрый Эдипъ, разрѣши! А и не хитрая, казалось бы, задача.

И еще разъ обращается г. Мережковскій къ концу русской литературы, но на этотъ разъ не всей литературы, а только декадентской, хотя приходитъ къ выводу, еще болѣе широкому. „Мы—„декаденты“, „упадочники“,—съ скромною гордостью или съ горделивою скромностью говоритъ онъ,—хотя, можетъ быть, и „декадентство“ наше есть нѣчто родное, народное, русское, не извнѣ, а изнутри идущее, не изъ Западной Европы, а изъ глубины, изъ самыхъ кровныхъ материнскихъ нѣдръ русской земли; можетъ быть, и наше „декадентство“ есть также нѣчто исторически-естественное, необходимое, ибо что же мы такое, какъ не естественный и необходимый *конецъ русской литературы*, которая сама есть конецъ чего то еще большаго?“

Если вся литература наполнится „фіолетовыми руками на эмалевой стѣнѣ“, „тѣнью несозданныхъ созданій“, „на льду олеандрами“, „мертвецами, освѣщенными газомъ“, незакрытыми, „блѣдными ногами“ и прочими и прочими продуктами декадентскаго творчества, съ придачей внутренныхъ ввернутостей и внѣшнихъ вывернутостей, то, несомнѣнно, это будетъ концомъ русской литературы. Но я думаю, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюетъ г. Мережковскій. И когда эти пузыри, выскочившіе на теперешней стоячей водѣ, благополучно лопнутъ, русская литература, думаю, не пострадаетъ. Но какой „конецъ еще чего-то большаго“ знаменуютъ или предуказываютъ собою эти пузыри?—„конецъ міра, конецъ всемірной исторіи“, совершенно серьезно отвѣчаетъ г. Мережковскій. Народится, а, можетъ быть, уже и народился Антихристъ и—„конецъ всему“... Да, если всему конецъ, то, надо полагать, будетъ конецъ и г. Бальмонту, и г-жѣ Гиппіусъ, и г. Емельянову-Кохански, и г. Мережковскому, и г. Розанову. Они сами это знаютъ. Г. Мережковскій съ пророческимъ паѳосомъ говоритъ отъ ихъ лица: „Мы вѣримъ въ конецъ, видимъ конецъ, хотимъ конца, ибо мы сами—конецъ или, по крайней мѣрѣ, начало конца. Въ глазахъ нашихъ выраженіе, котораго никогда еще не было въ глазахъ человѣческихъ: въ сердцахъ нашихъ—чувство, котораго никто изъ людей не испытывалъ вотъ уже девятнадцать вѣковъ“.

Нельзя не повѣрить людямъ съ такимъ выраженіемъ глазъ, но если такъ близокъ „конецъ всемірной исторіи“, „конецъ всего“, то въ чемъ же должно состоять „великое русское дѣйствіе“, которое замѣнитъ собою „великое русское созерцаніе“? Конецъ, неизбѣжный, непредотвратимый, казалось бы, можно именно только созерцать, пока не закроются всѣ выразительные и невыразительные глаза...

О пришествіи Антихриста у насъ еще будетъ рѣчь. Къ нему надо подготовиться.

Когда то я назвалъ Достоевскаго „жестокимъ талантомъ". Слово это вообще, кажется, привилось, но время отъ времени раздавались противъ него негодующіе голоса. Мнѣ ни разу, однако, не попадались какія нибудь возраженія, опроверженія, что-нибудь доказательное и мотивированное. Видно, что слово не нравится, но никто даже не пытается объяснить, почему оно не нравится, и тѣмъ менѣе доказать, что оно невѣрно. Вотъ и г. Мережковскій и въ первомъ, и во второмъ томѣ своей книги не разъ возвращается къ этому слову, видимо имъ недовольный, но не представляетъ ни одного возраженія, а лишь иронизируетъ, прибавляя для пущей ироніи къ эпитету „жестокій" слово „*только* жестокій". Позволю себѣ замѣтить почтенному автору, что я никогда не называлъ Достоевскаго *только* жестокимъ талантомъ. Напротивъ, съ ясностью, не оставляющею мѣста никакимъ сомнѣніямъ и перетолкованіямъ, я ставилъ это *только* совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Именно, оговорившись, что я не берусь исчерпать всего Достоевскаго, я предложилъ читателю „посмотрѣть *только* на тѣ черты... которыя оправдываютъ заглавіе статьи. жестокій талантъ" (Сочиненія, V, 5). А вотъ образчики ироніи г. Мережковскаго: „Существуютъ простодушные читатели съ размягченною дряблою современною чувствительностью, которымъ Достоевскій всегда будетъ казаться „жестокимъ", только „жестокимъ талантомъ". И въ самомъ дѣлѣ, въ какія невыносимо безвыходныя, неимовѣрныя положенія ставитъ онъ своихъ героевъ. Чего онъ только надъ ними не продѣлываетъ. Черезъ какія бездны нравственнаго паденія, духовныя пытки, не менѣе ужасныя, чѣмъ тѣлесная пытка Ивана Ильича, доводитъ онъ ихъ до преступленія, самоубійства, слабоумія, бѣлой горячки, сумасшествія... Да, во истину это — палачъ, сладострастникъ мучительства, Великій Инквизиторъ душъ человѣческихъ,—„жестокій талантъ" (I, 286). Пустивъ далѣе стрѣлу въ читателей, „одаренныхъ такъ называемою „душевною теплотою", которую иногда хотѣлось бы назвать „душевною оттепелью", г. Мережковскій прибавляетъ: „можетъ быть, они и правы, можетъ быть, дѣйствительно Достоевскій жестокъ, даже болѣе жестокъ, хотя ужъ, конечно, и болѣе милосердъ, чѣмъ они могутъ себѣ представить".

Мимоходомъ сказать, я не знаю, почему г. Мережковскій такъ напираетъ на „современную чувствительность" и „размягченность". Пусть онъ припомнитъ хоть англо-бурскую войну во всѣхъ ея подробностяхъ или недавнія китайскія событія, доселѣ не завершенныя и грозящія новыми вспышками, кажется, не чувствительности и размягченности, пусть вообще оглянется вокругъ себя и — утѣшится. Но какъ характерно для г. Мережковскаго, да и для всѣхъ господъ, проникающихъ въ міръ „нуменовъ", это порханіе черезъ феномены, черезъ явленія, казалось бы, достаточно яркія и громкія: кругомъ призывы

къ оружію, пальба, окровавленные трупы, а они, съ своего, какъ выражается одинъ субъектъ у Успенскаго, „птичьяго дуазо", ничего не видятъ и не слышатъ,—какая, дескать, дряблость, размягченность, чувствительность... Теперь, впрочемъ, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что Достоевскій-то вѣдь всетаки оказывается жестокъ, даже „болѣе жестокъ", только онъ, кромѣ того, еще милосердъ. Это во всякомъ случаѣ не опроверженіе. А если тутъ припуталась сбивающая съ толку иронія, то вотъ что пишетъ г. Мережковскій уже безъ малѣйшей тѣни ироніи: „Описаніе самоубійства Кирилова — это *одно изъ тѣхъ созданій Достоевскаго* (курсивъ, какъ и дальше въ этой цитатѣ, — мой), гдѣ онъ переступаетъ за предѣлы искусства; это то, о чемъ нельзя писать, почти говорить нельзя: это цинично, *жестоко*, можетъ быть преступно, не только художественно, но и нравственно преступно. Это своего рода *вивисекція*, анатомическое разсѣченіе живой души: заглядывая въ эту зіяющую рану, окровавленныя внутренности человѣческой души, мы *съ отвращеніемъ и съ любопытствомъ ужаса* слѣдимъ за ихъ послѣдними содроганіями" (II, 446). Неужели же и г. Мережковскій „простодушенъ"?! Неужели и этотъ желѣзный, непреклонный, въ непроницаемую броню одѣтый человѣкъ заразился презрѣнною „современною чувствительностью"?! Никогда не повѣрю!.. А впрочемъ, какъ не повѣрить, когда фактъ на лицо? Но почему же г. Мережковскій не говоритъ о жестокости Достоевскаго прямо и просто, безъ гримасъ? Почему это странно двойственное, не прямое отношеніе къ предмету, его сильно занимающему, мало того,—къ одному изъ центральныхъ пунктовъ всей его работы?

Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" есть странный разговоръ почти еще подростка Алеши Карамазова съ такимъ же еще почти подросткомъ Лизой Хохлаковой. Г. Мережковскій приводитъ слѣдующіе два отрывка изъ него.

— Есть минуты, когда люди любятъ преступленіе,— задумчиво проговорилъ Алеша.

— Да, да, вы мою мысль сказали, любятъ, всѣ любятъ, и всегда любятъ, а не то что «минуты». Знаете, въ этомъ всѣ какъ будто когда то условились лгать, и всѣ съ тѣхъ поръ лгутъ. Всѣ говорятъ, что ненавидятъ дурное, а про себя всѣ его любятъ. Послушайте, теперь вашего брата судятъ за то, что онъ отца убилъ, и всѣ любятъ, что онъ отца убилъ.

— Любятъ, что отца убилъ?

— Любятъ, всѣ любятъ. Всѣ говорятъ, что это ужасно, но про себя ужасно любятъ. Я первая люблю.

— Въ вашихъ словахъ про всѣхъ есть нѣсколько правды, —проговорилъ тихо Алеша.

— Ахъ, какія у васъ мысли!—взвизгнула въ восторгѣ Лиза.— Это у монаха-то!

Разговоръ продолжается въ томъ же тонѣ, и, наконецъ, Лиза спрашиваетъ:

— Алеша, правда ли, что жиды на Пасху дѣтей крадутъ и рѣжутъ?

— Не знаю.

— Вотъ у меня одна книга, я читала про какой то гдѣ то судъ, и что жидъ четырехлѣтнему мальчику сначала всѣ пальчики обрѣзалъ на обѣихъ ручкахъ, а потомъ распялъ на стѣнѣ, прибилъ гвоздями и потомъ сказалъ на судѣ, что мальчикъ умеръ скоро, черезъ четыре часа. Эка скоро! Говоритъ стоналъ, все стоналъ, а тотъ стоялъ и на него любовался. Это хорошо.

— Хорошо?

— Хорошо. Я иногда думаю, что я сама распяла. Онъ виситъ и стонетъ. а я сяду противъ него и буду ананасный компотъ ѣсть. Я очень люблю ананасный компотъ. Вы любите?

Алеша молчалъ.

Г. Мережковскій приводитъ только два эти клочка изъ разговора Алеши съ Лизой, а остальное пропускаетъ. Между тѣмъ, и въ остальномъ есть любопытныя черточки. Такъ, Лиза выражаетъ желаніе: „Хочу, чтобы меня кто-нибудь истерзалъ, женился на мнѣ, а потомъ истерзалъ, обманулъ, ушелъ и уѣхалъ“. Или: „Я все хочу зажечь домъ. Я воображаю: какъ это я подойду и зажгу потихоньку, непремѣнно, чтобы потихоньку. Они то тушатъ, а онъ то горитъ. А я знаю да молчу“. Про нѣкоего Колганова Лиза говоритъ: „онъ какъ кубарь; завертѣть его и спустить, и стегать, стегать, стегать кнутикомъ. Выйду за него замужъ, всю жизнь буду спускать“. „Я хочу дѣлать злое“, — говоритъ она далѣе. Въ концѣ разговора Лиза дала Алешѣ письмо для передачи брату его, Ивану. А сама, тотчасъ по уходѣ Алеши, пріотворила капельку дверь, вложила въ щель свой палецъ и, захлопнувъ дверь, изо всей силы придавила его. „Секундъ черезъ десять, высвободивъ руку, она тихо, медленно прошла на свое кресло, сѣла, вся выпрямившись, и стала пристально смотрѣть на свой почернѣвшій пальчикъ и на выдавившуюся изъ подъ ногтя кровь. Губы ея дрожали и она быстро-быстро шептала про себя: Подлая, подлая, подлая!“ Алеша исполнилъ ея порученіе. Иванъ тотчасъ узналъ ея почеркъ. „А, это отъ того бѣсенка! — разсмѣялся онъ злобно и, не распечатавъ конверта, вдругъ разорвалъ его на нѣсколько кусковъ и бросилъ на вѣтеръ. Клочья разлетѣлись.—Шестнадцати лѣтъ еще нѣтъ, кажется, и уже предлагается! — презрительно проговорилъ Иванъ. — „Какъ предлагается“?—воскликнулъ Алеша.—Извѣстно, какъ развратныя женщины предлагаются“. Алеша пораженъ, но Иванъ круто обрываетъ разговоръ, отказываясь дать какія-нибудь объясненія. Позже, уже послѣ бесѣды своей съ чортомъ, Иванъ возвращается къ этому предмету. „Что ты давеча мнѣ говорилъ про Лизу?—началъ онъ. — Мнѣ нравится Лиза.. Я сказалъ тебѣ про нее что-то скверное. Я солгалъ, мнѣ она нравится“. Но опять разговоръ оборвался и перешелъ на другое, и далѣе, до самаго конца романа, ни взаимныя отношенія Ивана и Лизы, ни сама она уже не поминаются, если не считать, что она прислала

цвѣтовъ на гробъ Ильюшечки. Весь эпизодъ съ письмомъ такъ, неразъясненный, и утонулъ безслѣдно въ послѣднихъ событіяхъ романа.

Лиза—больная дѣвочка. Во-первыхъ, она паралитичка,—у нея ноги парализованы, во-вторыхъ, въ ней сидитъ зачатокъ какой-то психической болѣзни; это ей и Алеша говорилъ. Дѣло, можетъ быть, въ переживаемомъ ею критическомъ возрастѣ (ей четырнадцать лѣтъ) и мы имѣемъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда, по справедливому замѣчанію г. Розанова, „психіатръ обычно ищетъ помощи и указаній, разъясненій у акушера", у гинеколога. Но г. Мережковскій не любитъ простыхъ объясненій. „Веревка—вервіе простое", а надо подыскать что-нибудь „нуменальное", „премірное". По его мнѣнію, поведеніе Лизы отнюдь нельзя объяснить „одною случайною (?) болѣзнью", какъ не объясняется оно и „случайнымъ пошлымъ развратомъ" или „случайными порочными вліяніями". Признавая въ Лизѣ „нѣчто похожее на садизмъ, сладостратно-жестокое, паучье", онъ рѣшительно утверждаетъ, что „это въ ней — самое первоначальное, первозданное, премірное, предшествующее какой-бы то ни было нравственности, волѣ, сознанію, идущее, можетъ быть, изъ тѣхъ же мистическихъ глубинъ, изъ которыхъ вышло и ея цѣломудріе". Какъ смотрѣлъ на дѣло самъ Достоевскій, — мы не знаемъ, потому что образъ Лизы остался не законченнымъ и выяснился бы только въ ненаписанной, но уже намѣченной части „Братьевъ Карамазовыхъ", гдѣ—можно догадываться—Лизѣ предстояло играть одну изъ первыхъ ролей, рядомъ съ Алешей. Во всякомъ случаѣ въ Лизѣ, даже незаконченной, имѣются всѣ элементы, особенно занимавшіе Достоевскаго, въ зачаточномъ видѣ, конечно, потому что всетаки дѣвочка, почти ребенокъ.

Въ статьѣ „Жестокій талантъ" я по особымъ соображеніямъ не касался послѣднихъ и наиболѣе сильныхъ произведеній Достоевскаго, лишь оговариваясь, что и въ нихъ, и даже въ большей степени, онъ блещетъ все тѣмъ же жестокимъ талантомъ. Возвращаясь попутно къ Достоевскому теперь, черезъ двадцать лѣтъ, я не беру назадъ ничего изъ того, что писалъ тогда, но имѣю нѣчто прибавить, — уже не о талантѣ его, который продолжаю дерзать называть жестокимъ, а объ одной чертѣ въ содержаніи именно позднѣйшихъ, сильнѣйшихъ его произведеній.

„Дикая, безпредѣльная власть, хоть надъ мухой,—своего рода наслажденіе"; „человѣкъ деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ"; „человѣкъ иногда до страсти любитъ страданіе",—таковы афоризмы, предвосхищенные героями „Игрока" и „Записокъ изъ подполья" у Ницше и приложимые къ большинству героевъ Достоевскаго. Приложимы они и къ Лизѣ Хохлаковой. Желаніе выйти замужъ, чтобы сдѣлать изъ мужа кубарь и „стегать, сте-

гать, стегать его кнутикомъ“; аппетитъ, съ которымъ она въ мечтѣ ѣстъ ананасный компотъ предъ лицомъ распятаго ею, стонущаго мальчика и проч.,—что это, какъ не подтвержденіе афоризмовъ: „дикая, безпредѣльная власть, хоть надъ мухой—своего рода наслажденіе“ и „человѣкъ деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ“. А физическая боль, намѣренно и добровольно причиненная себѣ Лизой прищемленіемъ пальца, и духовная казнь руганью „подлая, подлая, подлая“—не свидѣтельствуетъ ли о томъ, что „человѣкъ иногда до страсти любитъ страданіе“? Такого рода примѣровъ жажды власти и мучительства, какъ и самомучительства, приведено въ статьѣ „Жестокій талантъ“ достаточно. Но въ Лизѣ Хохлаковой есть черты, которыхъ мы тамъ не коснулись. Въ ней, какъ и г. Мережковскій признаетъ, сидитъ зародышъ маркиза де-Сада, который, послѣ цѣлаго ряда гнусностей въ половой сферѣ, былъ казненъ за ужасающія звѣрства, совершенныя имъ надъ жертвами его сладострастія. Это разъ. Затѣмъ, опять таки въ зародышѣ, въ задаткѣ, въ Лизѣ есть склонность къ религіознымъ эксцентричностямъ. Ей иногда снится такой сонъ: ее обступаютъ со всѣхъ сторонъ черти, хотятъ схватить, уже хватаютъ, а она вдругъ перекрестится, и черти отступаютъ, но не уходятъ совсѣмъ, а стоятъ въ дверяхъ и по угламъ; потомъ ей вдругъ вздумается вслухъ бранить Бога, и черти опять подступаютъ, хватаютъ, а она опять перекрестится. Любопытно, что сонъ этотъ, который Лиза разсказываетъ Алешѣ Карамазову, бываетъ и у него. Въ немъ и на яву происходитъ рядъ колебаній между Богомъ и чортомъ; ему же Достоевскій, устами другихъ дѣйствующихъ лицъ романа, предсказываетъ, что и въ немъ проснется карамазовское сладострастно-жестокое „насѣкомое“.

Это сочетаніе властнаго мучительства, самомучительства, сладострастія и религіозныхъ волненій проходитъ черезъ всѣ позднѣйшія произведенія Достоевскаго. Иногда одного какого-нибудь изъ этихъ элементовъ не достаетъ, иногда всѣ они на лицо. О Карамазовыхъ, имя которыхъ обратилось въ нарицательное для обозначенія сочетанія „идеала Мадонны съ идеаломъ Содомскимъ“ и въ которыхъ, по ихъ собственному сознанію, сидитъ „жестокое и сладострастное насѣкомое“, краткости ради, говорить не буду. Приведу только одно замѣчаніе Ивана Карамазова:

Я положительно утверждаю, что есть особенное свойство у многихъ въ человѣчествѣ—это любовь къ истязанію дѣтей, но однихъ дѣтей. Ко всѣмъ другимъ субъектамъ человѣческаго рода эти же самые истязатели относятся даже благосклонно и кротко, какъ образованные и гуманные европейскіе люди, но очень любятъ мучить дѣтей, любятъ даже самихъ дѣтей въ этомъ смыслѣ. Тутъ именно незащищенность то этихъ созданій и соблазняетъ мучителей, ангельская довѣрчивость дитяти, которому некуда дѣться и не къ кому идти.—вотъ это то и распаляетъ гадкую кровь истязателя. Во всякомъ человѣкѣ, конечно, таится звѣрь—звѣрь гнѣвливости, звѣрь сладострастной распаляемости отъ криковъ истязуемой жертвы, звѣрь безъ удержу спущен-

наго съ цѣпи, звѣрь нажитыхъ въ развратѣ болѣзней, подагръ, больныхъ печенокъ и проч.

Такіе звѣри несомнѣнно существуютъ. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый современникъ Іоанны Даркъ, маршалъ Жиль де Лаваль де Ре, гнусно изнасиловавшій и до смерти замучившій въ теченіе восьми лѣтъ восемьсотъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Трупы замученныхъ сжигались, но нѣкоторыя особенно красивыя головки сохранялись на память. Онъ былъ поклонникомъ красоты, этотъ сверхъ-звѣрь—потому что просто звѣрь на такую сложную гнусность неспособенъ—и въ оправданіе свое ссылался на искушенія дьявола, какъ бы подтверждая изреченіе Дмитрія Карамазова: „Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы — сердца людей". Если, однако, подобные изверги и сквернятъ время отъ времени лѣтопись человѣческихъ дѣлъ, то едва ли нужно доказывать произвольность обобщенія Ивана Карамазова: „свойство многихъ въ человѣчествѣ", „во всякомъ человѣкѣ". Тѣмъ не менѣе это убѣжденіе раздѣляютъ и нѣкоторыя другія дѣйствующія лица романовъ и разсказовъ Достоевскаго, съ тою разницею, что они еще раздвигаютъ предѣлы обобщенія: не „однихъ дѣтей", а всякую тварь любитъ мучить человѣкъ, въ томъ числѣ и самого себя. Самъ Достоевскій, съ особеннымъ вниманіемъ вглядываясь въ людскую жестокость, почти всегда осложняетъ ее сладострастіемъ, самомучительствомъ и религіозными эксцентричностями.

Свидригайловъ, холодно-жестокій циникъ, бьетъ и, повидимому, убиваетъ свою жену, и не ее одну; пытается изнасиловать Дуню Раскольникову; растлѣваетъ дѣвочку (сцена этого растлѣнія, въ виду ея жестокаго реализма, не появилась въ печати); его циничный разсказъ о невѣстѣ вызываетъ замѣчаніе Раскольникова: „чудовищная разница лѣтъ и развитій возбуждаетъ въ васъ сладострастіе". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Свидригайловъ самъ называетъ себя „отчасти мистикомъ" и говоритъ о „прикосновеніи къ мірамъ инымъ".

Ставрогина, властнаго и „злобнаго", Шатовъ уличаетъ въ томъ, что онъ „принадлежалъ въ Петербургѣ къ скотскому сладострастному обществу", что маркизъ де-Садъ „могъ бы у него поучиться", что онъ „заманивалъ и развращалъ дѣтей". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть, или былъ носителемъ нѣкоторой оригинальной религіозной идеи, о которой мы узнаемъ изъ отрывочныхъ сообщеній его учениковъ. Способный на всякую жестокость, онъ и на себя можетъ наложить мучительную эпитемью. Вытерпѣвъ пощечину отъ поклоняющагося ему Шатова, онъ, по словамъ Достоевскаго, былъ въ положеніи „человѣка, который схватилъ бы, напримѣръ, раскаленную до-красна желѣзную полосу и зажалъ въ рукѣ съ цѣлью измѣрить свою твердость и затѣмъ, въ

продолженіи десяти секундъ, побѣждалъ бы нестерпимую боль". (Вспомните прищемленный палецъ Лизы Хохлаковой). Г. Мережковскій комментируетъ этотъ эпизодъ такъ: „Многолѣтнее само-умѣрщвленіе, медленный искусъ отшельниковъ сосредоточилъ Ставрогинъ въ эти сташныя десять секундъ, прошелъ его весь до конца".

Отецъ „Подростка", Версиловъ, носилъ вериги и „мучилъ себя дисциплиной, вотъ той самой, которую употребляютъ монахи"; онъ постоянно колеблется между горячей вѣрой въ Бога, и невѣріемъ, доходя до кощунства; онъ знаетъ „паучью" любовь—ненависть и „по дѣвочкамъ, по неоперившимся дѣвочкамъ" бѣгалъ. Самъ Подростокъ мечтаетъ о богатствѣ, огромномъ Ротшильдовскомъ, но единственно ради власти надъ людьми, даже ради одного сознанія своего могущества. „Съ самыхъ первыхъ мечтаній моихъ, — говоритъ онъ,—т. е. чуть ли не съ самаго дѣтства, я иначе не могъ вообразить себя, какъ на первомъ мѣстѣ, всегда и во всѣхъ оборотахъ жизни" (Вспомните Раскольникова, о которомъ потомъ). „Я не знаю, — разсуждаетъ Подростокъ послѣ первой встрѣчи съ женщиной, насчетъ которой у него есть особые планы,—я не знаю, можетъ ли паукъ ненавидѣть ту муху, которую намѣтилъ и ловитъ! Миленькая мушка! Мнѣ кажется, жертву любятъ; по крайней мѣрѣ, можно любить. Я же вотъ люблю моего врага; мнѣ, напримѣръ, ужасно нравится, что она такъ прекрасна. Мнѣ ужасно нравится, сударыня, что вы такъ надменны и величественны... вы моя жертва... Какъ обаятельна эта мысль"! „Мнѣ мерещилась женщина, гордое существо высшаго свѣта, съ которою я встрѣчусь лицомъ къ лицу; она будетъ презирать меня, смѣяться надо мной, какъ надъ мышью, даже не подозрѣвая, что я властелинъ судьбы ея... Эта мысль пьянила меня... Я ненавидѣлъ эту женщину, но уже любилъ ее, какъ мою жертву".

Въ „Подросткѣ" есть одно побочное, вводное лицо—Ламбертъ. Это товарищъ Подростка по пансіону, часто билъ его, но былъ какъ-то привязанъ къ нему. Когда онъ ѣздилъ на конфирмацію, то къ нему пріѣхалъ его духовникъ, аббатъ Риго, поздравить съ первымъ причастіемъ, и они обнимались и оба плакали отъ умиленія; но потомъ Ламбертъ объявилъ, что все, что аббатъ говорилъ о причастіи,—вздоръ. Однажды онъ, укравъ у матери пятьсотъ рублей, повезъ съ собой Подростка кутить. Началось съ того, что Ламбертъ купилъ канарейку, привязалъ ее ниткой къ дереву и въ упоръ выстрѣлилъ въ нее изъ ружья. Потомъ поѣхали въ гостиницу, взяли номеръ, пили шампанское и пригласили извѣстнаго сорта даму. Ламбертъ раздѣлъ ее до гола и сталъ дразнить и ругать, а потомъ хлестать по голымъ плечамъ хлыстомъ. Въ концѣ романа Ламбертъ является главою шайки отъявленныхъ негодяевъ, занимающихся, между прочимъ,

и такими гнусностями, на которыя авторъ рѣшается только намекнуть, хотя одинъ изъ этихъ негодяевъ очень трогательно говоритъ о Богѣ и о божественномъ. Любовница Ламберта съ ужасомъ разсказываетъ о его свирѣпости, но остается его покорной рабой.

Такъ занимало Достоевскаго сочетаніе въ разныхъ пропорціяхъ жажды власти, жестокости, самомучительства, сладострастія и религіознаго, точнѣе, мистическаго элемента. Психіатрія свидѣтельствуетъ, что такое сочетаніе, дѣйствительно, существуетъ, иногда въ формахъ еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ тѣ, какія далъ Достоевскій, хотя она, психіатрія, и не согласится на обобщеніе: многіе изъ человѣчества, каждый человѣкъ; она, напротивъ, признаетъ подобныя явленія болѣзненными исключеніями. Исторія, съ своей стороны, укажетъ намъ рядъ не только одинокихъ извергoвъ во вкусѣ Ставрогина или Ламберта, но и массовыхъ явленій этого рода, принимавшихъ въ древности, а отчасти и въ средніе вѣка, и въ новое время характеръ опредѣленнаго религіознаго культа.

Г. Мережковскій неправильно ставитъ аскетизмъ исключительно на счетъ христіанства. Онъ былъ хорошо знакомъ и язычникамъ, съ тою разницею, что въ языческихъ культахъ посты, бдѣнія, самобичеванія, вообще всякаго рода умерщвленіе плоти сочетались съ ея разнузданностью, выражавшеюся въ для насъ непонятно безстыдныхъ символахъ, жестахъ, поступкахъ. Такъ, во дворѣ Храма Сирійской богини (Dea Syra) стояли два высокихъ столба, воздвигнутые по преданію Вакхомъ послѣ его возвращенія изъ Индіи. На этихъ столбахъ два раза въ годъ помѣщались люди и въ теченіе недѣли оставались тамъ безъ сна,—по необходимости, потому что, уснувъ, они должны были свалиться съ высоты и разбиться. Чѣмъ не христіанскіе столпники первыхъ вѣковъ? Но дѣло въ томъ, что столбы, на которыхъ происходили эти благочестивыя упражненія были—фаллусы. Празднества въ честь Великой Матери, которую г. Мережковскій, во славу словесности, ставитъ рядомъ съ Божіей Матерью, „упованіемъ рода человѣческаго“ и „матерью сырой землей“, сопровождались невѣроятно-отвратительными ужасами: полуголые жрецы, возбужденные пѣніемъ, музыкой и плясками, бичевали себя, наносили себѣ раны ножами и пили текущую изъ ранъ кровь и затѣмъ одни оскопляли себя, а другіе предавались распутству. О римскихъ вакханаліяхъ, обнаруженныхъ властями около 180 до Р. Х., имѣется подробный разсказъ Тита-Ливія. Въ этомъ тайномъ обществѣ происходили всякія гнусности: женщины и мужчины обезчещивались, а сопротивляющихся убивали, вообще „ничто не считалось непристойнымъ“. И все это совершалось подъ покровомъ божества.

Кое-какіе факты этого же рода я приводилъ въ статьѣ „О буд-

дизмѣ" („Сочиненія" VI). Спрашивается, какъ объяснить это сочетаніе, по выраженію Крафта-Эбинга, „преувеличеннаго религіознаго рвенія", жестокости, самомучительства и сладострастія,—комбинацію, хорошо извѣстную историкамъ, психіатрамъ, художникамъ вродѣ Достоевскаго, но нѣкоторыя подробности которой кажутся на первый взглядъ до невозможности, до немыслимости противоестественными.

Найти это объясненіе у г. Мережковскаго—нельзя надѣяться. Объяснить что-нибудь значитъ свести непонятное и неизвѣстное къ чему-нибудь извѣстному и понятному, съ соблюденіемъ, разумѣется, извѣстныхъ предосторожностей, дабы не утратился самый смыслъ того, что подлежитъ объясненію. Г-нъ же Мережковскій такъ тяготѣетъ къ непонятному и неизвѣстному, что, сказавъ: „это мистично", или: „это нуменально, премірно, первозданно" и т. п., полагаетъ свою задачу разрѣшенною. Такъ что и обращаться къ нему за помощью намъ не зачѣмъ, да онъ и отказалъ бы намъ въ ней, потому что слишкомъ презираетъ все понятное и слишкомъ цѣнитъ все непонятное.

Обратимся къ Достоевскому. Это—беллетристъ и лишь въ „Дневникѣ писателя" говоритъ лично отъ себя, да и тамъ часто вкладываетъ собственныя излюбленныя мысли своимъ художественнымъ созданіямъ. Но въ данномъ случаѣ это для насъ не важно: отъ кого бы мы ни получили нужное объясненіе, лишь бы получить.

Въ „Подросткѣ" нѣкій молодой человѣкъ Васинъ сообщаетъ герою романа свои мысли объ его отцѣ, Версиловѣ: „Онъ—очень гордый человѣкъ, а многіе изъ очень гордыхъ людей любятъ вѣрить въ Бога, особенно нѣсколько презирающіе людей. У многихъ сильныхъ людей есть, кажется, натуральная какая-то потребность—найти кого-нибудь или что-нибудь, предъ чѣмъ преклониться. Сильному человѣку иногда очень трудно переносить свою силу... Тутъ причина ясная: они выбираютъ Бога, чтобъ не преклоняться передъ людьми, разумѣется, сами не вѣдая, какъ это въ нихъ дѣлается; преклоняться передъ Богомъ не такъ обидно. Изъ нихъ выходятъ чрезвычайно горячо вѣрующіе,—вѣрнѣе сказать, горячо желающіе вѣрить; но желанія они принимаютъ за самую вѣру. Изъ этакихъ особенно часто бываютъ подъ конецъ разочаровывающіеся".

Нѣкоторый намекъ на эту же мысль есть въ рѣчахъ другого дѣйствующаго лица „Подростка", не имѣющаго ничего общаго съ Васинымъ,—Макара Ивановича. Но съ насъ довольно и приведеннаго. Прежде всего, что такое у героевъ Достоевскаго „сильный человѣкъ"? Одинъ изъ бывшихъ учениковъ и почитателей Ставрогина, Шатовъ, говоритъ о его „безпредѣльной силѣ", и самъ Ставрогинъ заявляетъ, что онъ „пробовалъ вездѣ свою силу, она оказывалась безпредѣльною". Другому почитателю, Кирилову,

Ставрогинъ самъ же говоритъ: „я знаю, что я ничтожный характеръ, но я не лѣзу въ сильные“, и Кириловъ подтверждаетъ: „и не лѣзьте, вы не сильный человѣкъ“. Версиловъ говоритъ о себѣ, что онъ „безконечно силенъ“. Но онъ силенъ способностью пассивнаго сопротивленія, которую мы не безъ основанія привыкли называть слабостью. „Я,—говоритъ онъ,—силенъ непосредственною силою уживчивости съ чѣмъ бы то ни было“; „я могу чувствовать преудобнѣйшимъ образомъ два противоположныхъ чувства въ одно и то же время“. Г. Мережковскій этому очень радъ, какъ и всякой трещинѣ, которая цѣнна именно тѣмъ, что ея края съ теченіемъ времени стянутся „высшимъ синтезомъ“,— „двѣ нити вмѣстѣ свиты, не свиты—сплетены“ и т. д. Но намъ то всетаки нужно знать, что разумѣетъ Васинъ подъ словомъ „сильный человѣкъ“. Мы знаемъ, что физически сильный человѣкъ можетъ быть слабъ духомъ, что сильный чувствомъ бываетъ слабъ умомъ, что бываетъ вѣрна характеристика поэта: „страсти могучи, воля слаба“, словомъ, возможны очень разнообразныя и рѣзко между собою различающіяся приложенія эпитета „сильный“. О какой же силѣ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ? Отвѣта надо искать уже не у Васина, потому что онъ не углубляется въ эту тему, а у другихъ дѣйствующихъ лицъ Достоевскаго. И я думаю, что отвѣтъ этотъ данъ уже приведенными афоризмами: „дикая, безпредѣльная власть хотя бы надъ мухой есть своего рода наслажденіе“; „человѣкъ—деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ“; „человѣкъ до страсти любитъ страданіе“. Возможностью властвовать, мучить другихъ и себя веригами и эпитемьями мучить мѣряется та сила, о которой говоритъ Васинъ. Возможность же эта дается иногда даже просто физическими условіями, какъ въ случаѣ мучительства дѣтей, о которомъ съ такимъ негодованіемъ говоритъ Иванъ Карамазовъ, или Ротшильдовскимъ богатствомъ, о которомъ мечтаетъ Подростокъ, или общественнымъ положеніемъ, или обаяніемъ женской красоты, или особенными качествами духа, какъ это было съ самимъ Достоевскимъ и его жестокимъ талантомъ. Не смотря на всѣ свои ироническія гримасы, г. Мережковскій признаетъ, что Достоевскій бывалъ не просто жестокъ, а даже „преступно“ жестокъ въ своихъ мучительныхъ картинахъ и образахъ; и, конечно, не могъ и самъ не испытывать мученій, вынашивая и мысленно переживая эти ужасы; и точно также несомнѣнно, что, властвуя надъ читателемъ своимъ алантомъ, онъ испытывалъ особое наслажденіе,—припомните „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ и разсказъ Ивана Петровича о слезахъ Наташи. Наконецъ, на самомъ Достоевскомъ оправдываются и слова Васина о „горячей вѣрѣ, вѣрнѣе, горячемъ желаніи вѣрить въ Бога“ и о „разочарованіи“ такихъ „сильныхъ“ людей. Достоевскій съ сердитою ироніей писалъ какъ-то о дуракахъ и пошлякахъ, которые „попрекали его ретроградною вѣрою

въ Бога", тогда какъ, дескать, онъ дошелъ до своей вѣры сквозь тьму такихъ глубокихъ сомнѣній, какихъ не переживалъ ни одинъ атеистъ. Я не знаю, кто попрекалъ его „ретроградною вѣрою", да по условіямъ нашей печати попреки въ такихъ выраженіяхъ и невозможны. Я съ своей стороны думаю, что Достоевскій въ теченіе всей жизни, до конца дней своихъ именно страстно желалъ вѣрить и постоянно колебался между вѣрою и невѣріемъ, раздавая то и другое во временное пользованіе своимъ дѣйствующимъ лицамъ. Во всякомъ случаѣ мысль его была постоянно устремлена въ эту сторону.

Итакъ, вотъ найденное нами у Достоевскаго или, вѣрнѣе, выведенное изъ него объясненіе сочетанія религіозной эксцентричности, жестокости и самомучительства. Но мы не коснулись еще одного элемента занимающей насъ комбинаціи—сладострастія. Разумѣю не то сладострастіе, которое составляетъ естественно-законную сторону половой любви и тонетъ въ ней, а сладострастіе братьевъ Карамазовыхъ, маленькой Лизы Хохлаковой, Ставрогина, Свидригайлова, Версилова, Подростка, Ламберта, героя „Записокъ изъ подполья", „Игрока"; сладострастіе, сопряженное со злобой, ненавистью, жестокостью, мучительствомъ.

Попробуемъ всетаки заглянуть въ г. Мережковскаго—это одна изъ излюбленнѣйшихъ его темъ, онъ, да вотъ еще г. Розановъ—спеціалисты по „вопросу пола", отъ котораго зависитъ „все будущее христіанства".

На стр. 473—474 идетъ рѣчь о „святомъ сладострастіи". „Зачѣмъ лицемѣрить"?—говоритъ г. Мережковскій: безъ него „въ условіяхъ человѣческой природы невозможно то окончательное безвозвратное, до разрыва самыхъ кровныхъ узъ, отеческихъ и материнскихъ („покинетъ человѣкъ отца и мать") прилѣпленіе половъ, о которомъ говоритъ Господь: „они уже не два, а одна *плоть*", не одна *душа*, а одна *плоть*; сначала одна плоть, а потомъ уже и одна душа. Таинство брака есть, преимущественно и прежде всего, таинство плоти, тутъ не отъ духа къ плоти, а, наоборотъ, отъ плоти къ духу устремляется святость. Соединеніе душъ возможно и внѣ брака, но совершенно святое единеніе плоти съ плотью не можетъ быть внѣ таинства брака. Господь не только не отвергъ, не проклялъ, но принялъ, какъ незыблемое основаніе бытія, благословилъ и озарилъ до конца своимъ божескимъ сознаніемъ тайну пола—то первозданное, огненное, стихійное, что, безъ этого свѣта божескаго сознанія, всегда казалось и будетъ казаться злымъ, страшнымъ, оргійно-разрушительнымъ, звѣрскимъ".

Такимъ образомъ, „святое сладострастіе" возможно только въ бракѣ и при томъ въ христіанскомъ бракѣ. На него не могутъ разсчитывать ни внѣ-брачныя сожительства христіанъ, ни браки не-христіанъ. Но обратите вниманіе на маленькую двусмыслен-

ность, похожую, пожалуй, на лазейку, въ послѣднихъ словахъ цитаты: сожительство внѣ христіанскаго брака не всегда *было* и *будетъ* „злымъ, страшнымъ“ и т. д., а только „всегда *казалось* и будетъ *казаться*“. То, что намъ „кажется“, вѣдь это только феномены, явленія, а въ мірѣ нуменовъ дѣло обстоитъ, можетъ быть, и иначе. Мы уже знаемъ, что, кромѣ „святого“, есть еще „паучье“ сладострастіе, и оно представляетъ собою нѣчто премірное, нуменальное, предшествующее всякой нравственности, даже сознанію и вѣрѣ. Развѣ можно наложить руку на нуменъ, на сущность вещей? Указаніе на эту невозможность можно найти, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ г. Мережковскаго: „Въ сладострастіи *(слово это я, конечно, понимаю здѣсь въ самомъ глубокомъ мистическомъ смыслѣ)* есть нѣчто „чуждое“, по замѣчанію Китти, нечеловѣческое, *какъ будто* „звѣрское“ (470). Но,—продолжаетъ авторъ,—это только съ толстовской аскетической точки зрѣнія „звѣрское“ значитъ „скотское“, постыдное, скверное, и не даромъ дядя Ерошка, это воплощеніе лучшей стороны Толстого, говоритъ, что звѣрь такая же Божья тварь, какъ и человѣкъ. Въ чемъ именно состоитъ „самый глубокій мистическій смыслъ“ слова „сладострастіе“,—г. Мережковскій такъ и не сообщаетъ своимъ читателямъ. А между тѣмъ, есть и еще какое то „новое, почти никому еще невѣдомое сладострастіе“—въ безплотной и, слѣдовательно, казалось бы, лишенной сладострастія любви князя Мышкина къ Аглаѣ (456—457)...

Нѣтъ, напрасно мы тревожили г. Мережковскаго. Вернемся опять къ Достоевскому.

Властныхъ и жестокихъ женщинъ у Достоевскаго не мало. Полина, Грушенька, Настасья Филиповна, жена Трусоцкаго („Вѣчный мужъ“), да и „мадонна“ Аглая и другія колеблются между любовью и ненавистью и на разные лады мучатъ и своихъ возлюбленныхъ, и своихъ соперницъ, и самихъ себя. Но въ нихъ не хватаетъ „преувеличеннаго религіознаго рвенія“, и полностью вся наша комбинація имѣется, кажется, только въ одной изъ героинь Достоевскаго, да и то въ неразвернувшихся еще чертахъ,—въ малолѣтней или несовершеннолѣтней Лизѣ Хохлаковой. А самое выразительное опредѣленіе смысла и характера половыхъ отношеній находимъ у мужчины, именно у героя „Записокъ изъ подполья“. Онъ знаетъ, что женщина „изъ любви нарочно человѣка можетъ мучить“, а о мужской любви, въ предѣлахъ своего личнаго опыта, говоритъ слѣдующее: „Любить у меня значило тиранствовать и нравственно превосходствовать. Я всю жизнь даже себѣ представить не могъ иной любви и до того дошелъ, что иногда теперь думаю, что любовь то и состоитъ въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать“.

И здѣсь, значитъ, мы имѣемъ все ту же жажду первенства,

власти, ту же „силу“, измѣряемую степенью и количествомъ причиняемыхъ ею страданій; а затѣмъ сюда приложимо и все вышеприведенное разсужденіе Васина. Еще одно маленькое замѣчаніе. „Сильные“ люди обуреваются религіозными эксцентричностями или „преувеличеннымъ религіознымъ рвеніемъ“, потому что не хотятъ поклониться людямъ, но женщины, по наблюденію одного изъ героевъ Достоевскаго, постоянно ищутъ человѣка, передъ которымъ онѣ могли бы преклониться, „жертвою“ котораго онѣ могли бы сдѣлаться. Можетъ быть, именно поэтому среди героинь Достоевскаго одна Лиза Хохлакова является носительницей религіозной эксцентричности.

Таково психологическое объясненіе,—если это можно назвать объясненіемъ,—которое не дано Достоевскимъ, но можетъ быть выведено изъ совокупности рѣчей его героевъ, для связи между жаждою власти, мучительствомъ, самомучительствомъ, сладострастіемъ и „преувеличеннымъ религіознымъ рвеніемъ“.

Къ нему близко подходитъ психологическое же объясненіе Ницше. И для Ницше стремленіе къ первенству, жажда власти (Wille zur Macht) есть коренное, говоря языкомъ г. Мережковскаго, первозданное, хотя и едва-ли „премірное“ свойство человѣческой природы, на основаніи котораго должна быть произведена „переоцѣнка всѣхъ нашихъ цѣнностей“. Эта жажда власти требуетъ жестокости, какъ свидѣтельства силы. „Видъ страданія доставляетъ наслажденіе, причиненіе страданія доставляетъ наслажденіе сугубое“. „Мы хотимъ, чтобы нашъ видъ причинялъ другому страданіе и возбуждалъ въ немъ зависть и чувство своего безсилія и упадка; мы хотимъ заставить его просмаковать горечь его судьбы“. Здѣсь же лежитъ источникъ и самомучительства, жестокой аскетической практики умерщвленія плоти. Подвергая свою плоть разнымъ лишеніямъ и терзаніямъ, умерщвляя ее, человѣкъ уподобляется хищному звѣрю, заключенному въ клѣтку, который яростно ломаетъ рѣшетки этой клѣтки. Онъ при этомъ наслаждается сознаніемъ власти надъ самимъ собой и превосходствомъ надъ другими, неспособными на такіе подвиги. Подъ всѣмъ этимъ, какъ видитъ читатель, могли бы подписаться многіе герои Достоевскаго, если не самъ онъ. Но сладострастію Ницше удѣляетъ гораздо меньше вниманія, чѣмъ нашъ романистъ, а кромѣ того у него отсутствуетъ мистическій элементъ „сильныхъ“ людей. Поэтому его объясненіе,—если опять-таки это дѣйствительно объясненіе и если признать, что Wille zur Macht дѣйствительно есть коренное „первозданное“ и всеопредѣляющее свойство человѣческой природы,—обнимаетъ не всѣ элементы нашей комбинаціи.

Не всѣ они обнимаются и культурно-историческимъ объясненіемъ, въ силу котораго тѣсная связь жестокости и сладострастія есть пережитокъ того времени, когда люди-самцы вели кровавые бои изъ-за самокъ, да и самку добывали насиліемъ, съ бою. Уста-

новившаяся въ тѣ отдаленныя времена связь между жестокостью и сладострастіемъ расшаталась послѣдующимъ ходомъ исторіи, но и нынѣ время отъ времени вспыхиваетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ съ былою яркостью.

Приведу еще одно курьезное объясненіе, данное довольно извѣстнымъ Густавомъ Егеромъ, разоблаченіемъ открытій и изобрѣтеній котораго занялся одно время покойный Манасеинъ, даже до судебнаго процесса

Въ книгѣ „Entdeckung der Seele“, Егеръ развиваетъ слѣдующія мысли.

„Душа“ есть одна изъ составныхъ частей протоплазмы, проявляется она запахомъ испареній и вкусомъ мяса того или другого животнаго, взаимныя отношенія которыхъ и опредѣляются ими. Для травояднаго непріятны, отвратительны вкусъ и запахъ хищника, вслѣдствіе чего оно бѣжитъ отъ него, тогда какъ хищникъ, наоборотъ, наслаждается вкусомъ и запахомъ травояднаго. Когда хищникъ пожираетъ травоядное, то протоплазма послѣдняго теряетъ свою „душу“, которая путемъ ассимиляціи преобразуется въ душу хищника. Различныя обстоятельства въ жизни животнаго видоизмѣняютъ характеръ вещества его „души“, то усиливая, то ослабляя пріятность или непріятность его вкуса и запаха для другого, приходящаго въ соприкосновеніе съ нимъ животнаго. Такъ, между прочимъ, въ животномъ, подъ вліяніемъ страха, образуется особое вещество, Angststoff, усиливающее его пріятность для пожирающаго его врага. Егеръ сообщаетъ такія соображенія нѣкоего д-ра Плячека. Кошка, прежде чѣмъ съѣсть мышь, долго играетъ съ ней, причиняя ей большія мученія, дабы приправить добычу этимъ пріятнымъ на вкусъ и обоняніе Angststoff'омъ, веществомъ страха. Тигръ съ этою же цѣлью часто на далекое разстояніе уноситъ свою жертву живьемъ, вмѣсто того, чтобы на мѣстѣ покончить съ нею ударомъ своей могучей лапы или зубовъ. Одинъ особенно кровожадный видъ медвѣдя пожираетъ добычу медленно, по частямъ, отрывая отъ живого тѣла кусокъ за кускомъ, наслаждаясь образующимся при этомъ Angststoff'омъ. Эти свирѣпые гастрономы, въ своемъ родѣ не хуже человѣка, умѣютъ приправить свое кушанье пріятными для нихъ специями. Съ своей стороны Егеръ, вполнѣ соглашаясь съ Плячекомъ, говоритъ, что онъ не имѣлъ случая заняться изслѣдованіемъ—не вызываетъ-ли въ жестокихъ людяхъ такой же „симпатіи“ запахъ страха (Angststoff) ихъ жертвъ,—будь это животныя или люди. Но,—прибавляетъ онъ,—я былъ бы очень удивленъ, если бы это оказалось невѣрнымъ относительно такихъ звѣрей, какъ Неронъ, Калигула и т. п. Половыя отношенія также опредѣляются пріятностью или непріятностью, симпатичностью или антипатичностью запаховъ самца и самки, мужчины и женщины. Вообще говоря, самецъ относится къ самкѣ въ томъ же

родѣ, какъ хищникъ къ травоядному, но тутъ положеніе осложняется нѣкоторыми особенностями въ исторіи развитія обоихъ половъ, о чемъ мы распространяться не будемъ. Во всякомъ случаѣ родственность сладострастія и жестокости, не подлежащая для Егера сомнѣнію, имѣетъ, по его мнѣнію, свое основаніе въ запахѣ выдѣленій...

Позволю себѣ, наконецъ, напомнить, въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ, объясненіе, когда-то предложенное мною. Существуютъ извѣстныя нормы для удовлетворенія потребностей человѣческой природы. Переходя за предѣлы этихъ нормъ, человѣкъ испытываетъ чувство пресыщенія. Онъ, такъ сказать, объѣлся, ему ничто не мило въ той сферѣ, гдѣ онъ съ такою жадностью искалъ наслажденій, и онъ не только отказывается отъ нихъ, но идетъ навстрѣчу лишеніямъ, ищетъ казни для той плоти, которая соблазнила его. Но тотъ же результатъ получается и въ противоположномъ случаѣ хроническаго неудовлетворенія потребностей. Зовущія къ себѣ, но не дающіяся наслажденія кажутся человѣку грѣховными, онъ стремится затушить требованія своей природы, для чего опять-таки отдается болѣе или менѣе жестокой аскетической практикѣ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возможны бурные, безпорядочные взрывы подавленной природы, вслѣдствіе чего крайности умерщвленія плоти и крайности ея разнузданности стоятъ такъ часто рядомъ. И такъ какъ онѣ чередуются помимо сознанія и воли, то человѣкъ склоненъ относить ихъ къ нѣкоторой нечеловѣческой, фантастической высшей силѣ въ родѣ Великой Матери Кибелы и т. п.

Я не имѣю теперь возможности развивать это ядро теоріи въ подробностяхъ (кое-что читатель найдетъ въ моихъ старыхъ статьяхъ),—мы и безъ того далеко отошли отъ г. Мережковскаго. Это, впрочемъ, вѣроятно, случится и въ слѣдущій разъ, ибо темы г. Мережковскаго гораздо интереснѣе того, что онъ на эти темы пишетъ.

Ник. Михайловскій.

Публицистическая дѣятельность К. Д. Кавелина.

Русская публицистика насчитываетъ себѣ уже не мало времени. У нея есть свое прошлое, богатое содержаніемъ и во многихъ отношеніяхъ поучительное. Но полная исторія этого прошлаго остается еще ненаписанной и врядъ-ли даже можетъ быть написана въ скоромъ времени. Въ силу ряда причинъ, далеко не всегда зависѣвшихъ отъ доброй воли изслѣдователей, историческому изученію подвергались пока лишь отдѣльные эпизоды минувшей жизни русской публицистики. На одномъ изъ такихъ эпизодовъ разсчитываемъ и мы остановить вниманіе читателя въ настоящей статьѣ, посвящаемой разсмотрѣнію работъ недюжиннаго публициста, дѣйствовавшаго на литературной аренѣ въ тотъ знаменательный моментъ, когда старые лагери западниковъ и славянофиловъ сходили съ нея, уступая свое мѣсто представителямъ новыхъ общественныхъ теченій. К. Д. Кавелинъ не принадлежалъ къ числу нашихъ перворазрядныхъ публицистовъ и въ настоящее время его публицистическія произведенія успѣли уже утратить свой непосредственный интересъ. При всѣхъ своихъ частныхъ достоинствахъ они являются теперь въ гораздо большей мѣрѣ любопытнымъ памятникомъ той эпохи, къ которой они относятся, нежели наслѣдствомъ, сохраняющимъ свою цѣну и въ современной жизни. Но памятники прошлаго нерѣдко помогаютъ понять явленія настоящаго, и въ этомъ смыслѣ названныя произведенія Кавелина также имѣютъ извѣстное значеніе. Для выясненія послѣдняго нѣтъ надобности, конечно, разбирать содержаніе этихъ произведеній во всѣхъ его подробностяхъ. Совершенно достаточно остановиться на тѣхъ идеяхъ и тѣхъ пріемахъ, которые легли въ основаніе публицистической дѣятельности Кавелина и обусловили собою ея важнѣйшіе результаты. Характеристикою этихъ идей и пріемовъ мы и займемся на слѣдующихъ страницахъ.

На поприще публицистики Кавелинъ выступилъ уже послѣ того, какъ его научные труды доставили ему громкое литературное имя, и первыя его публицистическія работы были тѣсно связаны съ тѣмъ общимъ возрожденіемъ русской жизни, какое наступило вслѣдъ за окончаніемъ Крымской компаніи. Послѣ неудачнаго исхода войны, явно выказавшей всю отсталость Россіи, всю несостоятельность ея государственныхъ и общественныхъ порядковъ, мысль о необходимости коренной реформы этихъ поряд-

ковъ сдѣлала значительные успѣхи не только въ широкихъ кругахъ общества, но и въ правительственныхъ сферахъ. Убѣжденные сторонники такой реформы, еще недавно находившіеся въ опалѣ и почти лишенные возможности высказывать свои мнѣнія, вновь вздохнули свободнѣе, а не прекращавшійся подъемъ общественнаго настроенія съ каждымъ годомъ окрылялъ ихъ надежды, побуждая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ теоретической критики стараго строя переходить къ работѣ, направленной на созданіе новыхъ порядковъ жизни. Въ свою очередь и литературно-общественные кружки, сложившіеся въ предшествовавшія десятилѣтія, получили теперь возможность развить болѣе энергическую дѣятельность, выдти на болѣе широкую арену и искать на ней практическаго приложенія для своихъ идей.

Къ тому времени, когда открылась такая возможность, кружокъ западниковъ, къ которому принадлежалъ Кавелинъ, успѣлъ, однако, потерять всѣхъ своихъ главныхъ вождей. Бѣлинскій уже нѣсколько лѣтъ покоился въ могилѣ, Герценъ находился за границей и могъ влiять на бывшихъ друзей лишь издали, главнымъ образомъ, путемъ своихъ литературныхъ произведеній, жизнь Грановскаго оборвалась какъ разъ въ моментъ наступленія новой эры для русскаго общества. Эти потери отразились и на самомъ характерѣ кружка. Лишившись своихъ вождей, онъ очень скоро утратилъ и прежнюю свою сплоченность, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ новыхъ обстоятельствахъ многіе его члены обнаружили наклонность къ сближенію съ людьми другихъ партій и кружковъ. Кавелинъ однимъ изъ первыхъ вступилъ на путь такого сближенія. И въ прежніе годы, когда онъ объ руку съ Бѣлинскимъ велъ полемику со славянофилами, эта полемика не мѣшала ему питать извѣстныя симпатіи къ представителямъ славянофильскаго ученія. Друзья подсмѣивались надъ этими симпатіями и Грановскій еще въ послѣдній годъ своей жизни укорялъ Кавелина за ребяческое довѣріе къ противникамъ *). Но не стало Грановскаго,—и надъ его могилой Кавелинъ поспѣшилъ завязать дружескія сношенія уже съ Погодинымъ. „Время теперь такое,—писалъ онъ послѣднему 3 ноября 1855 г., вернувшись въ Петербургъ съ похоронъ Грановскаго,—что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ, и оставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а на первый—единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно,

---

*) «Я до смерти радъ,—писалъ онъ Кавелину по поводу предпринятаго славянофилами изданія «Русской Бесѣды»,—что они затѣяли журналъ... Я радъ потому, что этому воззрѣнію надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красотѣ своей. Придется снять съ себя либеральныя украшенія, которыми морочили они такихъ дѣтей, какъ ты». Т. Н. Грановскій и его переписка. М. 1897, т. II, 457.

а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Теперь больше, чѣмъ когда нибудь, можетъ быть столько же, сколько въ 1612 г., Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не хочетъ ихъ маленькихъ несогласій. Вы не словами, а дѣлами доказали и доказываете, что слышите это требованіе денно и нощно, и потому, будучи точно также настроенъ, я чувствовалъ глубочайшую потребность поговорить съ вами наединѣ хоть одинъ вечерокъ и видитъ Богъ, какъ мнѣ досадно и больно, что это не удалось"... Такимъ образомъ, та публицистическая дѣятельность, или, вѣрнѣе, то безконечное прожектерство, какому предавался въ 50-хъ годахъ Погодинъ въ своихъ рукописныхъ „письмахъ" и какое лишь раздражало и смѣшило Грановскаго, въ Кавелинѣ вызвало, напротивъ, симпатію и уваженіе. Онъ приглашалъ Погодина стать „звеномъ замиренія" между различными партіями и счелъ нужнымъ подѣлиться съ нимъ своими завѣтными публицистическими планами, тѣмъ самымъ какъ бы давая съ своей стороны залогъ такого примиренія и указывая почву для него „Я составляю понемногу,—писалъ онъ,—нѣчто въ родѣ программы того, что бы у насъ должно было быть иначе. Этого конспекта будетъ много тетрадей и обнимать онъ долженъ весь нашъ бытъ... Готово объ управленіи центральномъ, мѣстномъ, земскомъ и сословномъ, о судѣ и участіи выборныхъ въ дѣлахъ управленія. Написана въ треть статья о крѣпостномъ правѣ государственномъ и помѣщичьемъ. Этой статьѣ приписываю особенную важность и потому работаю очень обдуманно. Готовъ по крайнему убѣжденію моему отдать все свое, да вдобавокъ принять лѣтъ на 50 теперешней неурядицы и беззаконія въ Россіи, если бы этими жертвами можно было купить въ пять лѣтъ совершенное освобожденіе мужика съ тою землею, которою онъ теперь владѣетъ, безъ обиды для барина, т. е. съ выкупомъ... А кромѣ того набросано такъ, для памяти, и объ церковныхъ дѣлахъ, и объ народномъ просвѣщеніи, объ иностранцахъ, инородцахъ, о сословіяхъ, о совершенной необходимости сохранить неограниченную власть государя, основавъ ее на возможно широкихъ мѣстныхъ свободахъ и участіи всѣхъ въ мѣстныхъ дѣлахъ и управленіи. Все это со временемъ должно быть обработано въ статьи" *).

Выполненіе этой обширной программы публицистическихъ работъ заняло у Кавелина всю жизнь, но одна изъ нихъ, и именно та, которой онъ самъ придавалъ „особенную важность", была имъ закончена сравнительно скоро. Въ томъ же 1855 году, къ которому относится приведенное письмо, Кавелинъ довершилъ обработку своей извѣстной „Записки объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи", въ которой онъ доказывалъ необходимость немедлен-

*) Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина. XIV, 201—2, 202—3.

наго освобожденія крестьянъ съ землею и предлагалъ проектъ выкупа крестьянскихъ надѣловъ у помѣщиковъ при помощи государства. Эта записка, первоначально ходившая по рукамъ лишь въ рукописи, а затѣмъ напечатанная въ большомъ извлеченіи Чернышевскимъ въ „Современникѣ" безъ имени автора, получила широкое распространеніе и дала серьезный толчокъ разрѣшенію вопроса о крестьянской реформѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не прошла она безслѣдно и въ жизни самого Кавелина: она вызвала къ нему упорную ненависть крѣпостниковъ и отразилась, повидимому, и на его служебномъ положеніи, но съ другой стороны она же доставила его имени широкую популярность въ обществѣ и выдвинула его самого въ первые ряды дѣятелей крестьянской реформы *). При всемъ томъ содержаніе этой „Записки" было довольно скромно, особенно за предѣлами главной ея мысли о необходимости освобожденія крестьянъ и сохраненія ими своихъ земельныхъ надѣловъ. Самъ авторъ усматривалъ въ этой скромности главное достоинство своей работы, обезпечившее ей практическій успѣхъ, и тщательно подчеркивалъ это обстоятельство, объясняя друзьямъ пріемы составленія „Записки" и основную ея тенденцію. „Я убѣжденъ и сердцемъ, и умомъ, и всѣмъ моимъ существомъ,—писалъ онъ Погодину,—что изъ всѣхъ вопросовъ—вопросъ, изъ всѣхъ золъ—зло, изъ всѣхъ несчастій нашихъ—несчастье есть крѣпостное право. Не то, чтобъ мало было у насъ худого и отвратительнаго и безъ того; но все, что вы ни возьмете, прицѣплено къ этому коренному злу и легко измѣнится къ лучшему, когда его не будетъ. Отъ того-то, только что царствованіе смѣнилось, я сталъ писать объ этомъ предметѣ большую статью въ самомъ примирительномъ тонѣ, съ одною мыслью свести всѣхъ къ соглашенію, а не къ враждѣ; я живо представилъ себѣ, что́ бы я сталъ говорить, еслибъ былъ закоренѣлый помѣщикъ, и чего бы потребовалъ, и такъ далѣе, старался войти въ мысль мужика и правительства. Плодомъ этого была большая статья, больше въ видѣ программы... По примирительному своему характеру она принята даже самыми заскорузлыми и деревянными помѣщиками весьма хорошо" **)...

Представленіе Кавлина объ успѣхѣ его записки среди самыхъ

*) Самъ Кавелинъ и свое увольненіе въ 1858 г. отъ должности преподавателя при тогдашнемъ наслѣдникѣ объяснялъ исключительно напечатаніемъ этой записки, особенно настаивая на томъ, что такое напечатаніе было произведено Чернышевскимъ «безъ его согласія и вѣдома» (Сочиненія К. Д. Кавелина, I, 5, прим. 1). Не мѣшаетъ замѣтить, однако, что Кавелинъ горячо просилъ своихъ пріятелей возможно шире распространять его записку (Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, XIV, 214—15). Съ другой стороны, у насъ есть и свидѣтельства, нѣсколько иначе объясняющія увольненіе Кавелина,—см., напр., Записки Оома, Р. Архивъ, 1896, № 6, 248—51).

**) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, XI, 213—14 V.

разнообразныхъ круговъ общества, не исключая и крѣпостническихъ, было, положимъ, нѣсколько преувеличено, но стремленіе добиться такого успѣха, несомнѣнно, существовало у него и замѣтно отразилось на характерѣ его труда. Отстаивая въ послѣднемъ такой порядокъ освобожденія, при которомъ крестьяне сохранили бы полностью находившіеся въ ихъ пользованіи надѣлы, онъ въ то же время доказывалъ необходимость выкупа у помѣщиковъ не только земли, но и личности крестьянина. По его словамъ, выплата помѣщикамъ „денегъ за одну землю, не принимая въ разсчетъ крѣпостныхъ людей, была бы весьма несправедлива и неуравнительна". „Владѣльцевъ,—проектировалъ онъ,—слѣдуетъ вознаградить за выкупаемыхъ у нихъ крѣпостныхъ самымъ простымъ и самымъ справедливымъ образомъ: оцѣнить крѣпостныхъ съ слѣдующею имъ землею по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ, какъ можно добросовѣстнѣе, какъ можно ближе къ истинѣ, и затѣмъ выдавать всю выкупную сумму сполна, при самомъ отчужденіи крѣпостныхъ изъ частнаго владѣнія". Въ соотвѣтствіи съ этимъ общимъ правиломъ онъ предлагалъ установить и личный выкупъ дворовыхъ, не сопровождаемый надѣленіемъ ихъ землею. Съ другой стороны, онъ находилъ, что „нельзя ни предлагать, ни даже желать" немедленнаго общаго выкупа крѣпостныхъ на всемъ пространствѣ государства, и утверждалъ, что такой мѣрѣ должны предшествовать мѣстные опыты и добровольныя сдѣлки помѣщиковъ съ крестьянами. „Примирительный характеръ" Кавелинской „Записки" шелъ, впрочемъ, и дальше. Авторъ ея самымъ рѣшительнымъ образомъ заявлялъ свое согласіе съ тѣмъ мнѣніемъ, по которому „значеніе и вліяніе должны принадлежать въ Россіи не массамъ, а просвѣщенному и зажиточному меньшинству, представляемому дворянствомъ". „Нельзя,—говорилъ онъ,—не раздѣлять убѣжденія, что значеніе и вліяніе должны принадлежать не толпѣ, а образованнѣйшему и зажиточнѣйшему сословію. Если это справедливо для всѣхъ странъ въ мірѣ, то тѣмъ болѣе въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ просвѣщеніе такъ мало развито въ большинствѣ народа". Но достиженіе дворянствомъ того положенія, на которое оно имѣетъ всѣ права претендовать, немыслимо, пока существуетъ крѣпостное право, создающее непримиримый антагонизмъ между высшимъ сословіемъ и массою народа. За то, какъ только рухнетъ крѣпостное право, дворянство займетъ это положеніе, сдѣлавшись естественнымъ и достойнымъ довѣрія представителемъ народа, „потому что, имѣя одни и тѣ же интересы съ простымъ народомъ, оно будетъ имѣть всѣ способы защищать ихъ для себя и вмѣстѣ для черни" *).

Эти послѣднія утвержденія—относительно того благодѣтель-

*) Сочиненія Кавелина. т. II, Спб., 1898. 46. 48, 78—9, 72—3, 66, 67, 71—2.

наго вліянія, какое должно было оказать уничтоженіе крѣпостного права на процвѣтаніе русскаго дворянскаго сословія, были еще съ большею рѣшительностью повторены Кавелинымъ два года спустя, въ его „Мысляхъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія“. Отмѣна крѣпостного права, сопровождаемая полнымъ вознагражденіемъ владѣльцамъ за всѣ понесенные ими, вслѣдствіе освобожденія, потери и убытки, поставила бы дворянъ, по его словамъ, „нравственно и юридически, въ нормальныя отношенія къ простому народу, чѣмъ и было бы положено незыблемое основаніе для образованія у насъ консервативнаго аристократическаго начала, котораго недостатокъ такъ теперь ощутителенъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Наряду съ предсказаніемъ столь стройной гармоніи интересовъ различныхъ классовъ въ будущемъ, только что названное произведеніе содержало въ себѣ и любопытныя указанія на счетъ тѣхъ путей, по которымъ слѣдовало идти къ установленію такой гармоніи. Авторъ рекомендовалъ въ дѣлѣ взысканія съ крестьянъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ не останавливаться передъ „видимою жестокостью“, передъ „спасительною и своевременною строгостью“, но „постановить строгія мѣры и примѣнять ихъ безъ послабленія“. „Такъ можно, напримѣръ,—указывалъ онъ,—установить отдачу неисправныхъ крестьянъ въ отработку помѣщикамъ, отъ которыхъ они откупаются; можно, когда это не влечетъ за собою ущерба для владѣльца, переселять неисправныхъ въ другіе губерніи и края, а землю продавать съ публичнаго торга“. Съ другой стороны, „распоряженіе о выдачѣ крестьянамъ ссудъ (отъ правительства) на выкупъ должно быть сдѣлано секретно и держимо въ тайнѣ отъ крестьянъ... Пусть кредитъ является въ видѣ милости правительства, а не общаго правила; иначе возродятся притязанія на ссуды не только со стороны бѣдныхъ и безпомощныхъ крестьянъ, но даже со стороны богатыхъ, имѣющихъ полную возможность выкупиться своими средствами, безъ посторонней помощи“. Дѣло въ томъ, что крестьяне надѣются на выкупъ ихъ средствами правительства. Поэтому, хотя они и подчинятся выкупнымъ платежамъ, „понимая ихъ справедливость въ отношеніи къ помѣщикамъ“, но подчинятся неохотно и будутъ копить недоимку, ожидая, что правительство сложитъ или заплатитъ ее. Между тѣмъ, „такія мысли опасно поддерживать въ 25 милліонахъ крѣпостного народонаселенія. Напротивъ, надобно со всею строгостью и настойчивостью, для ихъ же счастія, проводить мысль, что они могутъ стать свободны лишь вслѣдствіе собственныхъ усилій и жертвъ, правительство же только облегчаетъ имъ пути къ тому, не принимая на себя выкупа. Такимъ только образомъ освобожденіе крѣпостныхъ будетъ вмѣстѣ и ихъ воспитаніемъ къ гражданской жизни“. *)

---

*) Тамъ же, 93, 99—100.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ дворянству обѣщались немедленное и полное вознагражденіе всѣхъ его потерь и большія выгоды въ будущемъ отъ уничтоженія крестьянской крѣпости, которое должно создать единство интересовъ между высшимъ сословіемъ и крестьянской массой, крестьянъ рекомендовалось воспитывать для гражданской жизни путемъ строгаго принужденія къ исправному платежу помѣщикамъ выкупа за землю и за свою личную свободу. Во всемъ этомъ было много безусловно-искренней наивности, хотя была и своеобразная тактика. Драгоцѣнное сокровище гражданской свободы, которое предстояло пріобрѣсти крестьянамъ, своимъ блескомъ ослѣпляло глаза писателя и это обстоятельство подчасъ лишало его возможности спокойно и беапристрастно взвѣсить все значеніе той цѣны, какою онъ предлагалъ купить это сокровище. Съ другой стороны, стремленіе во что бы то ни стало привлечь къ дѣлу освобожденія симпатіи владѣльческаго класса вело къ такимъ доказательствамъ выгодности освобожденія для этого класса, при которыхъ если не юридическіе, то экономическіе интересы крестьянина отступали уже совершенно на второй планъ передъ пользами помѣщика. Съ особенной реальностью этотъ ходъ мысли и вытекавшія изъ него послѣдствія были вскрыты въ одной любопытной статьѣ Кавелина, оставшейся ненапечатанною въ свое время и появившейся впервые лишь въ недавнемъ полномъ собраніи его сочиненій. Въ этой статьѣ, носящей заглавіе: „Уставная грамота“ и относящейся къ той порѣ, когда крестьянская реформа начала уже приводиться въ исполненіе, Кавелинъ поставилъ себѣ задачею доказать, что при извѣстномъ благоразуміи и терпѣніи помѣщикъ всегда почти можетъ заключить достаточно выгодное для себя полюбовное соглашеніе съ крестьянами. Для иллюстраціи этой мысли онъ подробно и съ чувствомъ полнаго душевнаго удовлетворенія разсказывалъ о томъ, какъ ему удалось добиться „выгоднаго“ соглашенія съ крестьянами своего самарскаго имѣнія, добровольно принявшими четвертной надѣлъ. Много лѣтъ позднѣе самъ Кавелинъ съ горечью говорилъ о тѣхъ людяхъ, которые „выдумали злосчастные сиротскіе надѣлы“. *)

И въ собственныхъ проектахъ крестьянской реформы, и въ своихъ совѣтахъ по поводу осуществленія принятаго правительствомъ плана освобожденія Кавелинъ шелъ, такимъ образомъ, на извѣстныя жертвы въ пользу владѣльческихъ интересовъ. Но нельзя было бы сказать, что готовность къ такимъ жертвамъ вытекала у него изъ вполнѣ яснаго сознанія могущества классовыхъ интересовъ и признанія необходимости считаться съ ними и дѣлать имъ нѣкоторыя уступки ради осуществленія хотя части своихъ плановъ. „Примирительный характеръ“ кавелинскихъ

*) Сочиненія К. Д. Кавелина, II. Спб. 1898, 689—718, 652.

проектовъ имѣлъ нѣсколько иной источникъ. Правда, у Кавелина, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ писателей 40-хъ годовъ, можно порою встрѣтить фразы, какъ будто свидѣтельствующія о признаніи великаго, если не первенствующаго, значенія матеріальнаго фактора въ жизни народовъ. „Никогда,—писалъ онъ въ 1865 г.,—ни въ какой странѣ въ мірѣ обществомъ и государствомъ не двигали безплотныя идеи... Только интересы, положеніе дѣлъ приводятъ за собой перемѣны, а отнюдь не книжки и мысли“ *). Но самъ Кавелинъ и большинство его сверстниковъ вкладывали въ подобныя фразы не совсѣмъ тотъ смыслъ, какой связали бы съ ними представители позднѣйшихъ поколѣній. Такія заявленія, какъ только что приведенное, нисколько не мѣшали Кавелину всецѣло оставаться на почвѣ тѣхъ идеалистическихъ представленій о сущности историческаго процесса, какія были усвоены имъ изъ нѣмецкой исторической и философской литературы, и онъ рѣдко сходилъ съ этой почвы даже при обсужденіи вопросовъ экономическаго быта. Защищая въ 1859 г. русское общинное землевладѣніе, онъ въ этой защитѣ руководился, наряду съ экономическими соображеніями, и иными аргументами, въ его глазахъ едва-ли не болѣе важными. Сама по себѣ личная земельная собственность еще не представлялась ему ненормальной и въ общинѣ онъ видѣлъ не естественнаго ея наслѣдника, а лишь необходимый регуляторъ ея уродливыхъ и, однако, неизбѣжныхъ крайностей. „Личная собственность, какъ и личное начало,—говорилъ онъ,— есть начало движенія, прогресса, развитія; но оно становится началомъ гибели и разрушенія, разъѣдаетъ общественный организмъ, когда въ крайнихъ своихъ послѣдствіяхъ не будетъ умѣряемо и уравновѣшиваемо другимъ организующимъ началомъ землевладѣнія“. Усматривая это другое начало въ общинѣ, писатель вмѣстѣ съ тѣмъ главное ея значеніе видѣлъ не въ преграждeніи пути къ образованію пролетаріата, а въ уменьшеніи нравственнаго вліянія послѣдняго на массу населенія. По его словамъ, „при существованіи общиннаго землевладѣнія, разумѣется въ надлежащей пропорціи съ личною поземельною собственностью, опаснаго для общественной экономіи перевѣса людей бездомныхъ никогда быть не можетъ, какъ бы народонаселеніе ни увеличилось“. Но, „если вокругъ густыхъ массъ осѣдлаго и домовитаго сельскаго народонаселенія обростутъ многочисленные слои бездомныхъ людей, въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды. Бѣда, когда въ быту, въ привычкахъ, въ убѣжденіяхъ массы сельскаго населенія исчезнетъ понятіе о домовитости, о ничѣмъ нетревожимой осѣдлости, о прочности его ежедневной жизни. Когда масса народа глубоко пустила корни въ землю, создается крѣпкій бытъ и крѣпкіе нравы, которые сообщаются и остальному народонаселенію,

*) Тамъ же, 157.

каково бы оно ни было. А въ нравахъ вся сила народа; въ нихъ тотъ геній его, который на дѣлѣ исправляетъ недостатки законовъ и учрежденій и спасаетъ общество въ годины великихъ бѣдствій. Вездѣ, гдѣ сельскія массы домовиты и прочно-осѣдлы, онѣ являются самымъ охранительнымъ общественнымъ элементомъ, о который сокрушаются всѣ невзгоды, внѣшнія и внутреннія. Отвоевывая мало-по-малу изъ-подъ сельскаго класса почву, къ которой онъ прирастаетъ по своему положенію, исключительная личная собственность поражаетъ нравы и крѣпость народную, устойчивость массъ въ самомъ ихъ источникѣ".

Исходя изъ этого туманнаго и расплывчатаго представленія, позволявшаго переносить экономическіе вопросы въ нравственную сферу, и замѣнять заботу о нормальныхъ условіяхъ труда заботою о поддержаніи крѣпкихъ нравовъ въ народной массѣ, трудно было, конечно, придти къ строгому различенію классовыхъ интересовъ и къ правильной оцѣнкѣ ихъ взаимныхъ отношеній и ихъ вліянія на общественную жизнь страны. Въ публицистическихъ построеніяхъ Кавелина такая задача была въ сущности не столько разрѣшена, сколько обойдена и оставлена въ сторонѣ, и это обстоятельство въ значительной мѣрѣ опредѣлило собою характеръ конечныхъ выводовъ писателя. Дѣйствительность скоро убѣдила Кавелина въ ошибочности его разсчетовъ на симпатіи дворянства къ крестьянской реформѣ, показавъ ему, что громадное большинство дворянства питаетъ очень мало желанія разставаться съ крѣпостнымъ правомъ, и во всякомъ случаѣ не склонно считать освобожденіе крестьянъ съ землею сколько-нибудь выгоднымъ для себя. „Дворянство, — писалъ онъ Погодину въ началѣ 1859 года, — гнусно, гнусно и гнусно. Оно доказало, что быть душевладѣльцемъ безнаказанно нельзя: профершпилили и совѣсть, и сердце, да и умъ вдобавокъ" **). Но этотъ горькій урокъ практической жизни мало повліялъ на Кавелина и не поколебалъ его теоретическихъ взглядовъ. Дальнѣйшее ихъ развитіе продолжалось въ однажды усвоенномъ примирительномъ направленіи и, незамѣтно для самого Кавелина, быстро отводило его какъ отъ бывшаго его учителя въ общественныхъ вопросахъ—Герцена, такъ и отъ молодыхъ дѣятелей „Современника", съ которыми его временно сблизило было его участіе въ разрѣшеніи вопроса крестьянской реформы. Еще въ 1859 г. Кавелинъ выступилъ съ горячей апологіей дѣятельности Герцена ***), но уже три года спустя между старыми друзьями произошелъ рѣзкій разрывъ и они разошлись по различнымъ дорогамъ.

---

*) Сочиненія К. Д. Кавелина, II, 186.

**) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, XV, 515.

***) Тамъ же, XV.

Въ короткій промежутокъ времени съ 1855 г. по 1861 г. русское общество успѣло пережить многое. Разъ начавшееся реформаторское движеніе непрерывно разросталось вширь и вглубь, привлекая къ себѣ все новыя силы и пріобрѣтая все бо́льшую опредѣленность. Освобожденіе крестьянъ нанесло первый серьезный ударъ господству старыхъ порядковъ, но этотъ ударъ въ сознаніи общества не былъ рѣшительнымъ и не могъ быть послѣднимъ. Правда, реакція, ознаменовавшая послѣдніе этапы крестьянской реформы, сильно охладила возбужденныя надежды и ожиданія, но тѣмъ настоятельнѣе вставалъ передъ мыслящею частью общества вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи общественной и государственной жизни и о тѣхъ формахъ, въ какія она должна была вылиться. Кавелинъ съ своей стороны попытался дать отвѣтъ на этотъ вопросъ и изложить свою общественную программу. Съ этою цѣлью онъ въ 1862 г. выпустилъ за границей анонимную брошюру: „Дворянство и освобожденіе крестьянъ".

Вопросъ о ближайшемъ будущемъ Россіи былъ поставленъ въ этой брошюрѣ въ формѣ вопроса о томъ положеніи, какое достанется дворянству послѣ крестьянской реформы, и о той роли, какую можетъ и должно сыграть это сословіе въ общей жизни страны. Авторъ какъ нельзя болѣе рѣшительно высказывался противъ того мнѣнія, согласно которому вслѣдъ за паденіемъ крѣпостного права должно было послѣдовать и уничтоженіе дворянства. Онъ соглашался, что служебныя и другія привилегіи должны исчезнуть, но въ его глазахъ уравненіе дворянства въ гражданскихъ правахъ съ массою народа еще не вело къ уничтоженію сословія. Неизбѣжность существованія русскаго дворянства на будущее время, по его мнѣнію, вытекала изъ „общаго, всемірнаго закона", въ силу котораго „въ каждомъ обществѣ непремѣнно нѣкоторая его часть выдѣляется изъ массы народонаселенія и въ томъ или иномъ видѣ первенствуетъ надъ нею". Если въ этомъ утвержденіи сословія смѣшивались съ классами, то въ дальнѣйшемъ незыблемость и вѣчность сословныхъ и классовыхъ дѣленій общества доказывались, совершенно въ духѣ кн. М. М. Щербатова, простою ссылкою на прирожденное неравенство людей. „Неравенство сословій,—по словамъ Кавелина,—дано не обстоятельствами, а самой природой человѣка и человѣческаго общества, и причину его открыть не трудно. Люди по физической природѣ, по умственнымъ и другимъ своимъ способностямъ неравны между собою со дня рожденія. Изъ этого прирожденнаго неравенства вытекаетъ и неравенство внѣшней ихъ дѣятельности". Съ другой стороны, „то, что человѣкъ творитъ во внѣшнемъ мірѣ, становится его собственностью, которую онъ оставляетъ послѣ себя дѣтямъ или завѣщаетъ близкимъ; отсюда источникъ неравенства". Это послѣднее неравенство, имущественное, обладаетъ не меньшею прочностью, чѣмъ физиче-

ское. „Его, повидимому, прекратить очень легко: стоитъ только отмѣнить собственность и наслѣдство. Такія предложенія дѣлались соціалистами, но они оказались совершенно не осуществимыми, потому что противорѣчатъ закону свободы, столько же непреложному, какъ законъ общежитія“. Права собственности и наслѣдства „для огромнаго большинства людей лучшій плодъ и награда трудовъ и усилій“, и безъ нихъ большая часть человѣчества перестала бы трудиться и впала бы въ „умственную и нравственную апатію“. Въ этихъ двухъ правахъ „выражается свобода человѣка, которая ему такъ дорога, безъ которой онъ становится животнымъ, а общество человѣческое—стадомъ барановъ“. Въ свою очередь имущественное неравенство обостряетъ плоды неравенства физическаго, такъ какъ люди обезпеченные пользуются большею возможностью развитія своихъ способностей и талантовъ, чѣмъ неимущіе. „Итакъ,—заключалъ публицистъ,—природныя свойства и собственность суть неискоренимый, вѣчный источникъ неравенства людей и различія высшихъ и низшихъ сословій во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, во всѣ времена, на всѣхъ ступеняхъ развитія“ *).

Прибѣгая въ своемъ анализѣ явленій общественной, и въ частности экономической, жизни къ столь упрощеннымъ пріемамъ изслѣдованія, Кавелинъ и свой общественный идеалъ строилъ на почвѣ тѣхъ же наивныхъ понятій вульгарной политической экономіи. Въ основу этого идеала онъ полагалъ гармонію интересовъ сословныхъ и классовыхъ группъ, въ его представленіи нисколько не нарушаемую ихъ раздѣльнымъ существованіемъ. Не имѣя возможности отрицать существованія вражды между различными классами, онъ видѣлъ, однако, въ этой враждѣ не проявленіе естественнаго антагонизма классовыхъ интересовъ, а исключительно результатъ неправильнаго поведенія высшаго класса, который, ставъ господиномъ и „облѣнившись“, начиналъ ограждать свое положеніе привилегіями и насиліемъ. При нормальныхъ же условіяхъ, по его мнѣнію, высшій классъ, отказавшись отъ привилегій и духа касты, могъ сохранить свое положеніе и тѣсную связь съ другими классами. Эту мысль онъ иллюстрировалъ примѣрами французскаго и англійскаго дворянства, опять-таки смѣшивая при этомъ понятія сословія и класса **).

Вооружившись такимъ критеріемъ, Кавелинъ обращался къ русской жизни. Въ Россіи, по его указанію, высшее сословіе никогда не имѣло большой силы и самостоятельности, благодаря отсутствію у него тѣсной связи съ народной массой. Вельможество московской эпохи, „не имѣло корней въ народѣ, было ему чуждо, стояло къ нему почти враждебно“ и было поэтому легко

*) Сочиненія К. Д. Кавелина, II, 109—114.

**) Тамъ же, 114—15.

раздавлено верховною властью. „Съ реформы Петра В. паденіе вельможества очистило остальному дворянсту путь къ высшимъ государственнымъ степенямъ и власти“. Съ этой поры вплоть до 1825 года дворянство находилось въ крайне благопріятныхъ для него условіяхъ. „Къ несчастью, крѣпостное право поставило это сословіе въ фальшивое, щекотливое положеніе къ цѣлой половинѣ сельскаго народонаселенія имперіи“. Между тѣмъ, дворянство „всѣми силами схватилось за это несчастное право, держалось за него до-нельзя и цѣлымъ рядомъ ошибокъ, бывшихъ неизбѣжнымъ, роковымъ послѣдствіемъ этой основной коренной ошибки, дошло до теперешняго безсилія и ничтожества“. „Печальную картину,—говорилъ писатель,—представляетъ исторія русскаго дворянства за послѣдніе полъ-вѣка. Озабоченное одною мыслью удержать за собою крѣпостное право, оно въ царскихъ совѣтахъ упорно сопротивлялось всякимъ полезнымъ реформамъ, прямо или косвенно затрогивавшимъ крѣпостной вопросъ; подъ вліяніемъ той же задушевной мысли оно мало-по-малу стало во враждебное отношеніе къ литературѣ, къ наукѣ, къ университетамъ и просвѣщенію, во всемъ стало тормозить развитіе народной жизни, гдѣ и какъ и сколько могло. Въ мѣстномъ управленіи оно начало избирать въ представители своего сословія, въ полицію и суды только тѣхъ, которые защищали помѣщиковъ и ихъ драгоцѣнное крѣпостное право, не заботясь и не думая ни о чемъ остальномъ. Стремясь неудержимо все далѣе и далѣе по этому роковому пути, дворянство присвоило исключительно одному себѣ печальную привилегію рабовладѣнія, какъ будто нарочно хотѣло на одномъ себѣ сосредоточить всю силу народнаго негодованія; оно затруднило другимъ классамъ вступленіе въ службу и переходъ въ дворянство и чрезъ это стало все болѣе и болѣе смыкаться въ исключительно привилегированное сословіе. Не имѣя матеріальной необходимости работать и трудиться, оно отвыкло отъ труда и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы предавалось покою и совершенному бездѣйствію въ своихъ имѣніяхъ. Даже воспитаніемъ стало оно пренебрегать, вслѣдствіе того, что крѣпостное право и другія привилегіи освобождали его отъ необходимости вести трудовую жизнь. Дѣти невольно заражались примѣромъ родителей. Словомъ, наше дворянство снова повторило исторію нашего стариннаго вельможества, только уже не въ политической, а въ гражданской сферѣ“. Самое образованіе, проникавшее изъ Европы, при такихъ условіяхъ обращалось скорѣе не на пользу, а во вредъ сословію, прививая къ нему лишь „внѣшній лоскъ образованности, привычки довольства, комфорта и разврата“. Разоренное такими наклонностями дворянство прибѣгло къ ссудамъ подъ свои имѣнія, но кредитъ, служившій лишь для продолженія роскошной не по средствамъ жизни, повелъ „къ окончательному разоренію

большинства помѣщиковъ". „Послѣ того дворянству оставалось одно изъ двухъ: или приняться снова за службу и на счетъ казны и просителей поправить свои дѣла, избѣгая въ то же время кредиторовъ и тюрьмы, или налечь на крестьянъ и пополнять дефициты огромными оброками и усиленными работами подданныхъ. Одни прибѣгли къ первому изъ этихъ способовъ и тѣмъ уронили всякій кредитъ къ служащимъ дворянамъ; другіе обратились ко второму, все болѣе и болѣе раздражая противъ дворянства сельское населеніе; третьи не пренебрегали обоими способами, находя, вѣроятно, соединеніе ихъ наиболѣе для себя выгоднымъ". Наконецъ, наступилъ моментъ, когда крѣпостное право было признано явно непримиримымъ съ дальнѣйшимъ прогрессомъ государственной жизни. Но и тутъ „дворянство отнеслось къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ нехотя, отрицательно, пассивно, и было обойдено. Ему остались на долю одно напрасное сѣтованіе и безсильная злоба" *).

Трудно было бы съ большимъ мастерствомъ набросать въ немногихъ штрихахъ такую яркую и справедливую картину историческаго развитія русскаго дворянства. Но чѣмъ ярче была эта картина, чѣмъ большею вѣрностью дѣйствительности она отличалась, тѣмъ менѣе оправданнымъ являлся переходъ писателя отъ изслѣдованія прошедшаго къ сужденіямъ о настоящемъ. Вступая на почву современности, Кавелинъ какъ будто забывалъ о воспроизведенныхъ имъ самимъ условіяхъ недавняго прошлаго и во всякомъ случаѣ почти не считался съ ними. Благодаря этому, онъ изъ изслѣдователя общественной жизни, изучающаго развитіе въ ней тѣхъ или иныхъ процессовъ, незамѣтно для самого себя обращался въ моралиста чистой воды, поученія котораго могли имѣть тѣмъ менѣе значенія, что въ основѣ ихъ лежало очень малое знакомство съ дѣйствительнымъ характеромъ тѣхъ фактовъ, къ какимъ они были пріурочены. Указывая, что за уничтоженіемъ крѣпостного права неизбѣжно должно послѣдовать постепенное уравненіе дворянъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ съ другими сословіями, Кавелинъ намѣчалъ вытекавшее отсюда измѣненіе характера дворянства. Изъ привилегированнаго, наслѣдственнаго и болѣе или менѣе замкнутаго сословія, принадлежность къ которому опредѣлялась рожденіемъ или пожалованіемъ, оно должно было обратиться въ классъ землевладѣльцевъ. „Зерномъ, главнымъ интересомъ, около котораго сгруппируется это сословіе, будетъ,—утверждалъ Кавелинъ,—крупное землевладѣніе". Съ этимъ фактомъ измѣненія характера дворянства писатель связывалъ самыя розовыя предвидѣнія и ожиданія. „Гибельная разобщенность классовъ прекратится, — предсказывалъ онъ.—Дворянство, переставъ быть замкнутымъ сословіемъ, будетъ

*) Тамъ же, 119, 120—1, 122—3, 124—5.

принимать въ себя новые элементы изъ другихъ классовъ и выдѣлять изъ себя въ низшіе слои народа тѣ, которые стали ему чужды. Вслѣдствіе этого весь народъ составитъ одно органическое тѣло, въ которомъ каждый будетъ занимать высшую или низшую ступень одной и той же лѣстницы; высшее сословіе будетъ продолженіемъ и завершеніемъ низшаго, а низшее—служить питомникомъ, основаніемъ и исходною точкою для высшаго. То, чему весь міръ удивляется въ Англіи, что составляетъ источникъ ея силы, и величія, то, чѣмъ она такъ справедливо гордится передъ прочими народами,—именно правильное, нормальное отношеніе между низшими и высшими классами, органическое единство всѣхъ народныхъ элементовъ, открывающее возможность безконечнаго мирнаго развитія посредствомъ постепенныхъ реформъ, дѣлающее невозможною революцію низшихъ классовъ противъ высшихъ,—все это будетъ и у насъ, если только,—прибавлялъ писатель,—дворянство пойметъ свое теперешнее положеніе и благоразумно имъ воспользуется". Положеніе русскаго дворянства представлялось Кавелину даже гораздо болѣе прочнымъ, нежели дворянства англійскаго. Условіемъ, сообщавшимъ высшему сословію въ Россіи эту особую прочность, было въ глазахъ писателя освобожденіе крестьянъ съ землею. „Этимъ,—утверждалъ онъ,—мы заранѣе навсегда избавляемся отъ голоднаго пролетаріата и неразрывно съ нимъ связанныхъ мечтательныхъ теорій имущественнаго равенства, отъ непримиримой зависти и ненависти къ высшимъ классамъ и отъ послѣдняго ихъ результата,—соціальной революціи, самой страшной и неотвратимой изъ всѣхъ, потрясающей народный организмъ въ самыхъ его основаніяхъ и во всякомъ случаѣ гибельной для высшихъ сословій". Благодаря надѣленію крестьянъ землею классъ землевладѣльцевъ навсегда останется въ Россіи первенствующимъ сословіемъ и землевладѣльческіе интересы будутъ служить въ ней главнымъ основаніемъ для распредѣленія населенія на общественные разряды и группы. Такимъ образомъ, заключалъ Кавелинъ, русскому дворянству предстоятъ „общественное положеніе и будущность, какихъ ни одно высшее сословіе не имѣло ни у одного народа. Надѣленіе всѣхъ крестьянъ землею дало ему гранитный, несокрушимый фундаментъ; общеніе съ другими классами сдѣлаетъ его законнымъ представителемъ страны; а преобладаніе землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ интересовъ свяжетъ его неразрывными узами съ большинствомъ народонаселенія, имѣющаго тѣ же самые интересы, и навсегда сохранитъ за нимъ значеніе высшаго сословія" *).

Полное отожествленіе интересовъ мелкаго и крупнаго землевладѣнія, представителей труда и обладателей ренты, игравшее

*) Тамъ же, 126—9.

такую важную роль въ этихъ предвидѣніяхъ будущаго, само по себѣ уже сообщало имъ чрезмѣрно идиллическій характеръ, разрывая связь между ними и реальною почвою дѣйствительности. Но эта связь становилась еще слабѣе, чтобъ не сказать—призрачнѣе, благодаря другой сторонѣ разсужденій писателя. Рисуя широкіе горизонты будущаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не видѣлъ никакой необходимости въ коренномъ измѣненіи условій настоящаго. Необыкновенная широта и значительность цѣлей въ его планахъ страннымъ образомъ сочетались съ чрезвычайною скромностью и бѣдностью средствъ. Обѣщая дворянству въ Россіи такое положеніе, какого оно не имѣло нигдѣ и никогда, Кавелинъ не предлагалъ ему, однако, добиваться какихъ-либо политическихъ реформъ и, напротивъ, считалъ всѣ реформы такого рода рѣшительно ненужными. Дворянству, по его мнѣнію, надобно было лишь „позаботиться о сохраненіи за собою своихъ имѣній, о возможномъ сближеніи со всѣми классами народа, о пріобрѣтеніи возможно большаго вліянія на мѣстныя дѣла и управленія“. Въ свою очередь все это могло быть достигнуто очень просто. Запутавшимся въ дѣлахъ дворянамъ слѣдовало бросить службу и заняться хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ. Для сближенія съ другими классами „не нужно ни тратъ, ни чрезмѣрныхъ усилій: отсутствіе всякаго чванства и спѣси, ласковость, твердое знаніе дѣла, вѣрность въ словѣ и честность въ разсчетахъ,—вотъ качества, которыя требуются для того, чтобы снискать общее къ себѣ довѣріе и благорасположеніе въ массахъ народа“. Наконецъ, для пріобрѣтенія вліянія въ мѣстности дворянству, по утвержденію писателя, достаточно было пользоваться уже имѣвшимися у него правами „не во вредъ себѣ, не для извлеченія минутныхъ выгодъ и личныхъ протекцій, а на общую пользу, для упроченія за собою виднаго и почетнаго нравственнаго положенія въ глазахъ цѣлой губерніи“ *). Вопросы соціальнаго и политическаго быта переводились такимъ путемъ на почву обыденной морали и на ней уже получали свое рѣшеніе, по необходимости являвшееся въ этихъ условіяхъ крайне узкимъ и обращавшееся въ мало соотвѣтствовавшую дѣйствительной жизни идиллію.

Такой характеръ указанной программы очень мало затушевывался попытками ея автора доказать историческую необходимость проектируемаго имъ пути и поставить свои совѣты и ожиданія въ тѣсную связь съ конкретными условіями русской дѣйствительности текущаго момента. Эти попытки и не шли въ сущности далѣе общихъ, неопредѣленныхъ и подчасъ противорѣчивыхъ ссылокъ на требованія историческаго развитія, трактуемаго при томъ исключительно съ идеалистической точки зрѣнія. Дока-

*) Тамъ же, 132, 132—133, 134—5.

зывая неизбѣжное наступленіе прогрессивныхъ законодательныхъ реформъ помимо всякихъ измѣненій политическаго строя, Кавелинъ ссылался на „силу обстоятельствъ и вещей", требующую такихъ реформъ, на то, что послѣднія всюду были „не столько плодомъ прекрасныхъ чувствъ и благородныхъ мыслей, сколько результатомъ неотложныхъ, практическихъ потребностей" и, довольствуясь такими ссылками, не считалъ нужнымъ входить въ анализъ „обстоятельствъ и вещей", своей силой ведущихъ къ реформамъ *). Во всякомъ случаѣ, отвлекая историческій процессъ „отъ желаній однихъ и сопротивленія другихъ" и связывая его развитіе исключительно съ „неотразимыми практическими нуждами", писатель не придавалъ ему матеріалистическаго характера. Сами по себѣ взятыя, матеріальныя условія быта играли въ представленіи писателя второстепенную роль, и Кавелинъ какъ нельзя яснѣе высказалъ это, вернувшись черезъ три года къ вопросу объ общественной роли дворянства въ Россіи. „У насъ,—писалъ онъ,—есть матеріалъ въ дворянствѣ, двѣ капли воды сходный съ тѣмъ, какой господствовалъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ... Это элементъ достаточныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ... Къ этому превосходному элементу, сильному и прочному, присоединяется у насъ, къ великому нашему счастію, сильное, громадное, въ высшей степени консервативное мужицкое сословіе,—консервативное потому, что оно, къ счастью, теперь тоже землевладѣлецъ. Гдѣ въ мірѣ лучше условія для государственной жизни"?.. „А между тѣмъ,—не особенно послѣдовательно прибавлялъ писатель,—изъ этихъ превосходныхъ условій у насъ ничего не выходитъ, и не выходитъ единственно потому, что дворянство не понимаетъ, да и не хочетъ понимать своего положенія: протестуетъ, сердится, проживается на вздоръ, держитъ себя особнякомъ и по возможности устраняется отъ труда и работы на общее дѣло въ провинціи" **). Такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ формы соціальнаго быта въ представленіи Кавелина не только не имѣли первенствующаго значенія, но всецѣло зависѣли отъ настроенія дворянскаго сословія, и главною задачею своей эпохи онъ признавалъ пересозданіе этого настроенія въ указанномъ выше направленіи.

Программа, проникнутая такимъ наивно-примирительнымъ духомъ, столь неопредѣленная и колеблющаяся въ своихъ исходныхъ пунктахъ и столь неясная въ своихъ результатахъ, естественно, не могла найти себѣ большого сочувствія среди людей, обладавшихъ сколько-нибудь твердыми общественными взглядами. Особенно враждебно встрѣтилъ ее Герценъ. Въ его глазахъ брошюра Кавелина явилась не то вызовомъ, который авторъ бросалъ

*) Тамъ же, 138.
**) Изъ письма къ А. Л. Корсакову. Сочиненія Кавелина, II, 158.

своимъ старымъ друзьямъ, не то ложнымъ тактическимъ пріемомъ, въ основу котораго было положено сознательное лицемѣріе. Самъ Герценъ хорошо зналъ цѣну союза общественныхъ силъ и умѣлъ ограничивать свои практическія требованія отъ данной минуты наиболѣе существенными пунктами, но это ограниченіе никогда не переходило у него въ умолчаніе объ основахъ его убѣжденій и тѣмъ болѣе въ отреченіе отъ нихъ. Къ тяжелому и горькому разочарованію, какое доставилъ ему громогласный отказъ близкаго друга отъ этихъ убѣжденій, присоединилось еще досадливое раздраженіе, вызванное непонятною для Герцена наивностью Кавелина въ обсужденіи вопросовъ государственной жизни. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ Герценъ въ очень рѣзкомъ тонѣ потребовалъ отъ Кавелина объясненій, онъ-ли, дѣйствительно, авторъ брошюры „Дворянство и освобожденіе крестьянъ", и рѣшительно поставилъ ему свой ультиматумъ, требуя отреченія отъ этой брошюры или отъ прежней близости. Напрасно озадаченный Кавелинъ взывалъ къ воспоминаніямъ старой дружбы, напрасно онъ пытался привести свои теоретическіе взгляды въ связь съ недовѣріемъ Герцена къ политическому развитію Запада, напрасно увѣрялъ, что онъ больше и лучше всѣхъ цѣнитъ мысли Герцена и находитъ въ его произведеніяхъ мудрость, скрытую отъ массы читателей и едва-ли не отъ самого автора. Герценъ не пошелъ на уступки, нарушавшія цѣльность его принципіальныхъ взглядовъ. Разрывъ состоялся и бывшіе друзья разошлись по разнымъ дорогамъ, на которыхъ имъ не суждено было болѣе встрѣчаться.

Вскорѣ послѣ того, послѣдовавшее за крестьянскою реформою введеніе земскихъ учрежденій дало поводъ Кавелину высказать свои взгляды еще съ большею полнотою и отчетливостью. Горячо привѣтствуя „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ", какъ удовлетворившее „одну изъ самыхъ первыхъ, настоятельнѣйшихъ потребностей послѣ упраздненія крѣпостного права", онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что „достоинство этихъ учрежденій опредѣляется совсѣмъ не обширностью самоуправленія, которое они предоставляютъ, а правильностью ихъ организаціи и полнотою той доли самостоятельнаго завѣдыванія мѣстными дѣлами, которая дается уѣздамъ и губерніямъ". Въ смыслѣ же самостоятельности мѣстнаго самоуправленія новымъ закономъ, по убѣжденію писателя, было „сдѣлано все, что нужно, и больше дѣлать не слѣдовало". Если бы „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ" не предусматривало возможности неудачъ мѣстнаго самоуправленія и не устанавливало надъ послѣднимъ правительственнаго контроля, оно, продолжалъ Кавелинъ, „показалось бы намъ не серьезнымъ законодательнымъ актомъ, а скорѣе программой на французскій манеръ, которая Богъ знаетъ что сулитъ, а на дѣлѣ даетъ мало, очень мало, почти ничего". Но,—утверждалъ онъ,—„этого-то декораціоннаго характера и не имѣетъ Положеніе: оно производитъ

преобразованіе осторожно, предвидитъ доброе и худое, и именно въ этомъ несомнѣнный залогъ, что мы вступаемъ на новый путь безъ колебаній и сюрпризовъ" *). Этотъ оптимизмъ вытекалъ не только изъ темперамента писателя, но имѣлъ подъ собою и нѣкоторое теоретическое основаніе, стоявшее въ тѣсной связи со всѣми взглядами Кавелина на характеръ общественной жизни. Оставаясь вѣрнымъ духу органической школы историковъ и юристовъ, Кавелинъ считалъ прогрессъ неизбѣжнымъ, но придавалъ ему вполнѣ безличный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ склоненъ былъ сильно преувеличивать его необходимую постепенность. Благодаря такой точкѣ зрѣнія эволюція учрежденій представлялась ему чѣмъ-то совершенно самостоятельнымъ и отдѣльнымъ отъ жизни личностей, создающихъ эти учрежденія и пользующихся ими. „Въ жизни и развитіи учрежденій,—писалъ онъ,—наши прихоти, желанія, мечты и ошибки участвуютъ гораздо меньше, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ. Учрежденія имѣютъ свое начало, свое продолженіе и свой конецъ помимо нашей воли, очень часто даже помимо нашего сознанія" **). Такая точка зрѣнія, явившаяся, какъ результатъ реакціи противъ свойственныхъ XVIII вѣку представленій о безграничной мощи единичнаго человѣческаго разума, въ свое время могла имѣть и, дѣйствительно, имѣла большой смыслъ въ примѣненіи къ явленіямъ прошедшаго, помогая уловить ихъ генетическую связь. Но когда тотъ же самый взглядъ прилагался къ фактамъ текущей жизни, его условность и искусственность рѣзко выступали наружу. Въ этомъ отношеніи и о Кавелинѣ можно было повторить то, что было сказано объ его нѣмецкихъ учителяхъ: какъ они, онъ хорошо понималъ прошлое, но, какъ они же, плохо вглядывался въ настоящее и мало понималъ потребности будущаго. Разъ общественная жизнь въ ея цѣломъ и въ частности развитіе учрежденій признавались стоящими внѣ всякой зависимости отъ идеаловъ и стремленій людей, всецѣло подчиненными „неизмѣннымъ законамъ, которыхъ люди не могутъ передѣлать", то тѣмъ самымъ содержаніе совѣтовъ, съ какими писатель-публицистъ могъ бы обратиться къ своимъ современникамъ, будь то отдѣльныя личности или цѣлые общественные классы, сводилось къ простой морали. И, дѣйствительно, увѣщанія, съ какими Кавелинъ счелъ нужнымъ обратиться къ русскому обществу по случаю введенія земскихъ учрежденій, не шли дальше проповѣди азбучныхъ моральныхъ истинъ. Но при этомъ стремленіе писателя согласовать свои собственныя желанія съ безусловнымъ преклоненіемъ передъ фактами внесло въ его проповѣдь и нѣкоторыя фальшивыя

*) «По поводу губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій». Сочиненія, II, 736, 755, 756.

**) Тамъ же, 765.

ноты. Признавая не только естественнымъ, но и желательнымъ тотъ фактъ, что рѣшительное преобладаніе въ земскихъ учрежденіяхъ досталось на долю дворянства, Кавелинъ вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждалъ послѣднее не преслѣдовать исключительно свои сословныя выгоды, и прецеденты для такой дѣятельности сословія находилъ въ прошломъ. Мы не можемъ забыть, говорилъ онъ между прочимъ, о томъ, что „большинство мировыхъ посредниковъ, взятыхъ изъ среды дворянства, подвергалось нареканіямъ не за излишнее пристрастіе къ интересамъ своего сословія, а, напротивъ, за излишнее увлеченіе въ пользу интересовъ освобождаемыхъ крестьянъ". „Какъ ни дурно всякое пристрастіе,—продолжалъ писатель,—но, ужъ если безъ него нельзя обойтись, то лучше же пристрастіе, противъ своихъ сословныхъ выгодъ, чѣмъ близорукое, узкосердечное, себялюбивое, черствое пристрастіе въ ихъ пользу; пусть люди, живущіе со дня на день, думаютъ объ этой роли дворянъ и дворянства въ дѣлѣ освобожденія, какъ хотятъ; мы считаемъ ее положительной заслугой этого сословія, которая не забудется" *). Едва-ли, однако, Кавелинъ могъ такъ скоро забыть и то, какъ относилось громадное большинство дворянства къ дѣятельности мировыхъ посредниковъ, и то, какъ онъ самъ оцѣнивалъ роль дворянства въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Прошло послѣ того шестнадцать лѣтъ,—и Кавелину пришлось сознаться въ полномъ крушеніи своихъ розовыхъ надеждъ и ожиданій, построенныхъ на столь ненадежномъ фундаментѣ. „Крестьяне,—писалъ онъ о земскихъ учрежденіяхъ въ 1880 г.,—изъ нихъ почти исключены; ихъ тщательно и долго оттирали и, наконецъ, оттерли. Люди хорошіе, знающіе и опытные, къ земскому дѣлу послѣ всего того, что съ нимъ дѣлалось, расхолодѣли и отъ него отшатнулись; а засѣли въ нихъ густой массой почти исключительно дворяне, въ большинствѣ или совершенное ничтожество, или бывшіе крѣпостники, которые продолжаютъ и по сей день вздыхать о блаженномъ старомъ времени, когда имъ жилось легко и привольно, и стараются не мытьемъ, такъ катаньемъ, по возможности подобрать и сохранить крохи, уцѣлѣвшія отъ роскошнаго стола, унесеннаго у нихъ изъ-подъ носу 19 февраля 1861 г.". „Вы въ Петербургѣ,—продолжалъ умудренный житейскимъ опытомъ писатель,—воображаете, что крѣпо-

*) Тамъ же, 767. «Теперь,—писалъ самъ Кавелинъ одиннадцать лѣтъ спустя,—вошло въ моду говорить и повторять, что дворянство совершило безпримѣрный въ исторіи подвигъ самоотверженія, уничтоживъ собственными руками крѣпостное право въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и принеся на алтарь отечества свое матеріальное благосостояніе. Подождали-бы, по крайней мѣрѣ, пока вымретъ поколѣніе, видѣвшее своими глазами, какъ происходило освобожденіе крестьянъ, и тогда бы пустили въ ходъ эту самохвальную фразу!» Тамъ же, II, 885.

стное право умерло, похоронено и память о немъ исчезла? Очень ошибаетесь! Оно живетъ еще во взглядахъ, понятіяхъ, привычкахъ и помѣщиковъ, и крестьянъ, и если будетъ, какъ было до сихъ поръ, поддерживаться администраціей губернской и петербургской, то проживетъ еще долго. Исчезло только мелкое дворянство; среднее, уцѣлѣвшее отъ погрома эманципаціи, и крупное пропитались понятіями промышленниковъ и коммерсантовъ, для которыхъ нажива, во что бы ни стало, есть высшій и единственный идеалъ. Кто посмышленѣй, бывалъ за границей, читалъ кое-что, тотъ умѣетъ прикрывать хищническіе аппетиты громкими фразами, позаимствованными изъ политической экономіи и жаргона европейскихъ буржуа, но подкладка все та же, крѣпостническая. Этотъ слой господствуетъ теперь въ большинствѣ земствъ и давитъ не только крестьянство, но и порядочное меньшинство изъ дворянъ всею тяжестью своего вліянія и своего имущественнаго превосходства" *).

Но если въ своей критикѣ земской дѣятельности Кавелинъ до извѣстной степени сходился съ наиболѣе послѣдовательными сторонниками идеи мѣстнаго самоуправленія на русской почвѣ, то иначе сложилась съ годами положительная сторона его воззрѣній. Пережитый опытъ, разбивъ его прежнія упованія, не научилъ его точнѣе распознавать реальныя силы русской дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ не ослабилъ, а скорѣе даже усилилъ, ту долю безсознательнаго консерватизма, какая и раньше была въ его взглядахъ. Самыя неудачи, постигшія опытъ земскаго самоуправленія, онъ склоненъ былъ относить не столько на счетъ тѣхъ условій, какими былъ окруженъ такой опытъ на практикѣ, сколько на счетъ юной русской общественности, проявившей, по его мнѣнію, въ этомъ случаѣ скудость своихъ нравственныхъ силъ. Сообразно этому воспитаніе въ обществѣ такихъ силъ и являлось въ глазахъ писателя наиболѣе важной задачей, которую онъ прямо противополагалъ кореннымъ реформамъ государственнаго быта, какъ затрогивающимъ лишь поверхность жизни.

Подобный выводъ подкрѣплялся для Кавелина и рядомъ другихъ соображеній. Съ самаго начала своей литературной дѣятельности онъ охотно указывалъ на тотъ фактъ, что Россія по своей соціальной структурѣ отличается отъ государствъ европейскаго Запада, и приписывалъ этому факту чрезвычайно большое значеніе. Съ теченіемъ времени такія указанія пріобрѣтали въ его устахъ все болѣе настойчивый и рѣзкій характеръ и къ концу семидесятыхъ годовъ мысль о коренномъ различіи Россіи отъ Запада, не позволяющемъ ей усваивать себѣ государственные порядки послѣдняго, заняла центральное мѣсто въ общественномъ міросозерцаніи Кавелина, какъ бы вернувшагося на этомъ пунктѣ

*) «Письма изъ медвѣжьяго угла». Сочиненія Кавелина, II, 831—2.

къ доктринѣ славянофильства. Бурный и стремительный потокъ русской общественной жизни въ шестидесятыхъ годахъ, быстро оставившій за собою старые споры западниковъ и славянофиловъ, на время, правда, унесъ было въ своемъ теченіи и Кавелина. Хотя послѣдній и сторонился отъ слишкомъ тѣснаго союза съ тѣми элементами литературнаго и общественнаго движенія, которые самъ онъ называлъ „крайними", онъ все же стоялъ къ нимъ довольно близко и испытывалъ на себѣ ихъ воздѣйствіе. Подъ ихъ вліяніемъ онъ вышелъ за предѣлы тѣхъ вопросовъ, которые охватывались старымъ западничествомъ и славянофильствомъ. Его общественный кругозоръ сталъ въ эту пору шире, его представленія о развитіи русской жизни сдѣлались болѣе конкретными. Но въ существѣ своемъ новое идейное движеніе, подставлявшее на мѣсто абстрактныхъ философскихъ терминовъ соціальныя и экономическія явленія, оставалось чуждымъ Кавелину. Вѣрный ученикъ нѣмецкой идеалистической метафизики, онъ уже не успѣлъ или не сумѣлъ усвоить себѣ новаго реальнаго міровоззрѣнія. Взамѣнъ того онъ поспѣшилъ забыть о самомъ существованіи послѣдняго, какъ только его проявленія въ жизни пріобрѣли менѣе властный характеръ и широко разлившаяся было рѣка общественнаго движенія стала входить въ болѣе узкіе берега. Начиная съ семидесятыхъ годовъ, Кавелинъ либо совершенно игнорировалъ то идейное теченіе въ русскомъ обществѣ, литературными выразителями котораго служили сперва „Современникъ", а потомъ „Отечественныя Записки", либо же третировалъ это теченіе, какъ простое и необдуманное подражаніе европейскимъ образцамъ, на русской почвѣ лишенное всякаго смысла и значенія. Въ этомъ отношеніи онъ не колебался даже сопоставлять взгляды названной части литературы съ стремленіями крайнихъ реакціонеровъ, находя между тѣми и другими полную аналогію въ ихъ безпочвенности. Въ его представленіи все содержаніе умственной жизни русскаго общества сводилось къ борьбѣ западническихъ и славянофильскихъ воззрѣній, и цѣлью собственной дѣятельности въ эту пору онъ ставилъ синтезъ этихъ противорѣчивыхъ программъ. Въ сущности же этотъ мнимый синтезъ все болѣе отклонялъ его въ сторону славянофильства.

До нѣкоторой степени такой поворотъ назадъ, къ пройденной уже однажды стадіи, явился результатомъ послѣдовательнаго развитія взглядовъ, присущихъ Кавелину и ранѣе, въ эпоху его ревностнаго западничества. Та органическая школа, ученикомъ которой выступилъ Кавелинъ въ своемъ истолкованіи русской исторіи, вообще склонна была разсматривать жизнь всякаго народа, какъ прямолинейное развитіе народнаго духа, не допускающее ни уклоненій въ сторону, ни какого-либо воздѣйствія извнѣ. Всецѣло воспринявъ это воззрѣніе, Кавелинъ въ первые годы своей писательской дѣятельности лишь исходилъ изъ него въ

своихъ доказательствахъ закономѣрности русскаго историческаго процесса, но не пытался закрѣплять результаты прошедшаго въ настоящемъ, указывая, наоборотъ, на возможность безконечнаго и разнообразнаго развитія, которое должно было, по его взгляду, приблизить русскій народъ къ западно-европейскимъ націямъ. Но съ годами Кавелинъ измѣнилъ этому первоначальному пониманію указаннаго воззрѣнія и придалъ ему болѣе консервативное истолкованіе, все рѣзче проводя демаркаціонную линію между народнымъ и общечеловѣческимъ, русскимъ и западно-европейскимъ развитіемъ и рѣшительно настаивая на необходимости созданія строго-самобытной національной культуры. Окончательно сложились его взгляды въ этомъ направленіи къ концу семидесятыхъ и началу восьмидесятыхъ годовъ.

Названные годы, бывшіе временемъ остраго кризиса русской жизни, дали сильный толчокъ публицистической дѣятельности Кавелина. Отзываясь на запросы текущаго дня, онъ напечаталъ за это время рядъ статей публицистическаго содержанія въ русскихъ журналахъ и издалъ за границей и въ отечествѣ нѣсколько большихъ произведеній, посвященныхъ обсужденію важнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни Россіи. Въ этихъ произведеніяхъ не было недостатка въ удачныхъ и вѣрныхъ критическихъ замѣчаніяхъ относительно господствовавшихъ въ русской дѣйствительности порядковъ, но вся эта, нерѣдко блестящая, критика частностей вытекала изъ такихъ общихъ представленій, которыя своею неясностью и ошибочностью парализовали ея силу и обращали положительную программу писателя въ безсодержательную утопію. Основное положеніе, на которомъ строилъ Кавелинъ все зданіе своихъ разсужденій по поводу необходимыхъ Россіи реформъ, заключалось въ утвержденіи, что „соціальный строй русскаго государства, въ которомъ нѣтъ рѣзко различенныхъ и враждебныхъ другъ другу сословій, кастъ и общественныхъ слоевъ“, обрекаетъ на безплодность всѣ попытки коренного государственнаго преобразованія и допускаетъ возможность лишь административныхъ реформъ. По отношенію къ послѣднимъ проекты Кавелина въ свою очередь не заходили особенно далеко. Проектированная имъ программа включала въ себя лишь частичныя преобразованія высшихъ государственныхъ учрежденій въ видѣ приданія имъ нѣкоторой самостоятельности и пополненія ихъ состава выборными отъ земства членами, установленіе несмѣняемости и судебной отвѣтственности членовъ администраціи и суда и предоставленіе нѣсколько большей независимости органамъ мѣстнаго самоуправленія и сравнительно бо́льшаго простора — печати *). Дальше этихъ предѣловъ Кавелинъ уже не шелъ. Мало того, — онъ рѣ-

*) См. проектъ 1877 г. въ «Политическихъ призракахъ» (Сочиненія, II, 964 и слѣд.) и проектъ 1881 г. («Бюрократія и общество», тамъ же, 1073—4).

шительно утверждалъ, что такая программа не только соотвѣтствуетъ положенію страны, но и заключаетъ въ себѣ максимумъ желаній всего русскаго общества, равнымъ образомъ не желающаго выступать за ея предѣлы. „Что у насъ желаютъ свободы печати,—писалъ, напримѣръ, онъ въ 1881 г.,—есть клевета и напраслина на Россію. Отдѣльныя лица, и то весьма немногочисленныя, дѣйствительно ея желаютъ, но огромное большинство не только простого народа, но и образованныхъ и полуобразованныхъ слоевъ, о свободѣ печати и не помышляютъ, и если говорятъ о ней, то только не умѣя, по незнанію и малому политическому развитію, называть вещи ихъ собственными именами“ *).

Исходя изъ тѣхъ же самыхъ построеній, Кавелинъ писалъ и главный трудъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни — „Крестьянскій вопросъ“. Въ этой книгѣ опять-таки разбросано не мало цѣнныхъ мыслей, удачныхъ и мѣткихъ обобщеній, но за всѣми ими не трудно разглядѣть чисто утопическую основу разсужденій автора. Послѣдній въ своемъ трудѣ отправляется отъ того утвержденія, что „въ крестьянствѣ ключъ нашего національнаго существованія, что въ немъ разгадка всѣхъ особенностей нашего политическаго, гражданскаго и экономическаго быта, что отъ матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія нашего крестьянства зависѣли и будутъ зависѣть успѣхи и развитіе всѣхъ сторонъ русской жизни и что потому на устройство и развитіе его должны быть направлены, прежде всего, всѣ усилія правительства и частныхъ лицъ“. Но, выставляя такое утвержденіе, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказывался видѣть въ немъ основаніе для какой-либо вполнѣ опредѣленной соціальной и политической программы, выведенной изъ интересовъ даннаго класса Въ русской дѣйствительности онъ не усматривалъ никакихъ реальныхъ интересовъ, которые стояли бы въ противорѣчіи съ интересами крестьянства, и то обстоятельство, что послѣдніе въ государственной и общественной жизни оставались на заднемъ планѣ, объяснялъ исключительно „слабымъ развитіемъ русскаго національнаго самосознанія“. Изъ факта отсутствія въ Россіи крѣпкихъ и сильныхъ сословій онъ заключалъ объ отсутствіи въ русской жизни классовъ и классовыхъ интересовъ, и это давало ему возможность придать русскому соціальному вопросу вполнѣ оригинальную на видъ постановку. „Въ томъ-то и дѣло,—утверждалъ онъ,—что у насъ всѣ интересы, всѣ направленія, всѣ общественные слои, всѣ теоріи и воззрѣнія, всѣ общественныя положенія, словомъ, всѣ разнообразныя явленія русской жизни имѣютъ свой центръ тяжести въ крестьянствѣ, изъ него исходятъ и къ нему сходятся, но въ то же время демократическій принципъ совершенно чуждъ нашему соціальному строю“. Та-

*) Сочиненія, II, 1070.

кимъ путемъ на мѣсто соціальнаго принципа подставлялся національный, и писатель открыто и рѣшительно настаивалъ на необходимости подобнаго подмѣна. „Не демократическій принципъ, которому у насъ нѣтъ мѣста, какъ и аристократическому, —говорилъ онъ,—а русскій національный интересъ, польза родины и государства, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, заставляютъ обратить всѣ помыслы, всѣ средства и усилія прежде всего на устройство, обезпеченіе и поднятіе у насъ крестьянства“. *)

Въ сущности сведеніе соціальныхъ задачъ къ національнымъ не было, конечно, совершенною новостью. Въ то время, когда Кавелинъ писалъ свой „Крестьянскій вопросъ“, оно было лишь крупнымъ шагомъ назадъ, къ той эпохѣ, когда въ наукѣ всецѣло господствовала идеалистическая метафизика органической школы. Не новы оказались и результаты такой постановки вопроса. Отыскивая основанія для своей программы не столько въ реальныхъ явленіяхъ жизни, сколько въ глубинахъ народнаго самопознанія, Кавелинъ мечталъ о великой исторической миссіи русскаго народа, которому, по его убѣжденію, предстояло выразить въ своей жизни совершенно новую, неизвѣстную другимъ народамъ идею. „Одно изъ двухъ,—говорилъ онъ,—или русское государство есть призракъ, фантомъ, случайно возникшій, который долженъ исчезнуть, не оставя послѣ себя другого слѣда, кромѣ громаднаго матеріальнаго факта, подобнаго другимъ колоссальнымъ созданіямъ Азіи, или намъ суждено представить и осуществить новую соціальную и политическую комбинацію и чрезъ нее завоевать себѣ право на историческое бытіе между другими культурными народами. Никакой середины въ этой дилеммѣ нѣтъ—и быть не можетъ“ **). Но самая неопредѣленность и расплывчатость этихъ мечтаній въ значительной мѣрѣ содѣйствовала тому, что выводимая изъ нихъ практическая программа отличалась крайнею скромностью. Въ такую программу Кавелинъ, въ качествѣ наиболѣе существенныхъ ея пунктовъ, включалъ уменьшеніе крестьянскаго малоземелья путемъ прирѣзки сельскимъ обществамъ земли по числу ревизкихъ душъ до размѣровъ высшаго надѣла, установленнаго положеніемъ 19 февраля 1861 г., поднятіе благосостоянія крестьянской массы при помощи уменьшенія податей и созданія мелкаго кредита, сохраненіе общиннаго землевладѣнія съ отмѣною передѣловъ, оставленіе за крестьянствомъ, по крайней мѣрѣ, на время, его отдѣльнаго гражданскаго существованія и улучшеніе народнаго образованія путемъ повышенія уровня народной школы и открытія для интелллигенціи, и въ частности для учащейся мо-

*) Сочиненія Кавелина, II, 577, 579—80, 582.

**) Тамъ же II, 598.

лодежи, возможности сближенія съ народомъ. Для проведенія же въ жизнь всей этой программы, не шедшей далѣе частичныхъ поправокъ къ существующему положенію вещей, писатель рекомендовалъ крайне своеобразное средство. Исходя изъ того соображенія, что провести коренную реформу при помощи однихъ административныхъ органовъ немыслимо, онъ не видѣлъ возможности опереться въ этомъ дѣлѣ и на общественныя силы. Послѣднія, по его мнѣнію, были слишкомъ разъединены „крайнимъ разнообразіемъ мнѣній и взглядовъ, не успѣвшихъ еще сложиться въ ясныя, болѣе или менѣе опредѣленныя направленія общественной мысли, безчисленными недоразумѣніями, дробящими русскую мысль на мелкіе кружки и категоріи, которые не имѣютъ между собою ничего общаго и живутъ въ постоянной враждѣ“. Предсказывая вредныя послѣдствія такой разобщенности для общественнаго дѣла, Кавелинъ не менѣе опасался и того, что въ немъ можетъ повториться то преобладаніе „частныхъ, личныхъ и случайныхъ интересовъ“, какое онъ усматривалъ въ существовавшей земской и сословной организаціи общественныхъ силъ. Наконецъ, отъ самихъ крестьянъ, „по низкой степени ихъ культуры“, онъ не ожидалъ „никакого полезнаго участія въ проведеніи на мѣстахъ крестьянской реформы“. Въ виду всего этого онъ считалъ совершенно необходимымъ „придумать коррективъ, достаточно сильный и дѣйствительный, чтобы обезпечить и государству, и народнымъ массамъ дѣйствительное выполненіе закона по его буквѣ и духу“. Въ выборѣ подобнаго корректива ярко сказались характерныя особенности общихъ взглядовъ Кавелина.

„Такимъ коррективомъ,—писалъ онъ,—могло бы служить участіе въ крестьянской реформѣ всѣхъ людей въ государствѣ, сочувствующихъ дѣлу, въ составѣ правильно организованнаго общества, примыкающаго въ своей дѣятельности въ высшихъ правительственныхъ сферамъ. Всѣ искренно преданные крестьянскому дѣлу люди, разсѣянные по лицу имперіи, не входящіе въ составъ административныхъ и общественныхъ органовъ и дѣятелей реформы, могли бы принять дѣятельное, хотя и косвенное, участіе въ ея осуществленіи, въ качествѣ членовъ такого общества. Единственной задачей его должно быть ни больше, ни меньше, какъ содѣйствіе правильному, точному и справедливому приведенію въ исполненіе крестьянской реформы въ тѣхъ предѣлахъ и въ томъ направленіи, какъ она задумана правительствомъ и выражена въ изданныхъ имъ съ этой цѣлью законахъ и постановленіяхъ. Содѣйствіе общества реформѣ главнымъ образомъ должно заключаться въ наблюденіи за примѣненіемъ ея на мѣстахъ. Не имѣя права прямо вмѣшиваться въ дѣйствія правительственныхъ и общественныхъ органовъ, которымъ поручено ея веденіе, оно должно быть уполномочено знать,

что дѣлается, доставлять свои свѣдѣнія и выражать свой взглядъ на то и другое дѣло и возбуждать, въ законномъ порядкѣ, преслѣдованіе за нарушеніе законовъ и постановленій, относящихся къ реформѣ. Но чтобы дѣйствительно принести пользу своею дѣятельностью, общество само должно съ особенною разборчивостью выбирать своихъ членовъ, агентовъ и корреспондентовъ и тщательно исключать изъ своей среды какъ тѣхъ, которые только принимаютъ на себя личину сочувствія, на самомъ же дѣлѣ суть тайные враги реформы, такъ и тѣхъ, которые, изъ какихъ бы то ни было побужденій, не желаютъ строго сообразоваться съ цѣлью общества и вздумали бы выйти изъ предѣловъ реформы, указанныхъ правительствомъ. Одной изъ главнѣйшихъ обязанностей членовъ общества должно быть публичное наблюденіе другъ за другомъ, чтобы въ этомъ отношеніи оно не подвергалось никакимъ нареканіямъ и чтобы личный его составъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ своему назначенію... Какъ личный составъ, такъ и всѣ дѣйствія и распоряженія общества должны быть извѣстны высшему правительству. Архивы его и переписка должны быть для него всегда открыты". Такимъ образомъ осуществленіе задачъ, продиктованныхъ всею исторіею страны, заложенныхъ въ глубинѣ народнаго самосознанія оказывалось возможнымъ лишь путемъ устройства общества, по своей организаціи близко напоминавшаго то общество „любителей статистики", о какомъ упоминалось въ одномъ изъ очерковъ Салтыкова.

Самъ Кавелинъ, повидимому, совершенно не замѣчалъ злой ироніи, какая заключалась въ этомъ несоотвѣтствіи цѣлей и средствъ. По крайней мѣрѣ, когда одна нѣмецкая газета прямо указала ему на это обстоятельство, назвавъ проектированное имъ общество дикимъ, онъ нашелъ возможнымъ взять назадъ лишь отдѣльныя выраженія, но не суть своей мысли. „Вамъ,— говорилъ онъ въ письмѣ въ редакцію этой газеты,—показался дикимъ взаимный контроль членовъ общества другъ за другомъ. Очень можетъ быть, что я дурно выразилъ совѣтъ—не терпѣть въ составѣ общества ни враговъ крестьянскаго дѣла, прикидывающихся его ревнителями, волковъ въ овечьей шкурѣ, ни людей, которые бы хотѣли идти дальше цѣли, для которой общество устроено, и тѣмъ могли бы существенно повредить его дѣятельности. Другой мысли въ моемъ, можетъ быть, неловкомъ, выраженіи не было и не могло быть". *) Для автора этихъ словъ очевидно, оставалось непонятнымъ, что перемѣна выраженій нисколько не устраняла неловкости самой его мысли. Мечты о перестройкѣ русской жизни ради полнаго воплощенія въ ней національнаго принципа, соединенныя съ обусловленнымъ тѣмъ

*) Тамъ же, II, 585—7, 588, 588—9, 598.

же принципомъ преклоненіемъ передъ существующими фактами и крайнимъ недовѣріемъ къ общественнымъ силамъ, заводили мысль писателя въ глухіе углы, и Кавелинъ выбирался изъ нихъ лишь при помощи такихъ проектовъ, которые онъ, по собственному сознанію, могъ облечь лишь въ „неловкія“ выраженія и которые постороннимъ представлялись дикими. Уже одно это могло бы свидѣтельствовать о непрочности занятой имъ позиціи, если бы даже не существовало болѣе прямыхъ и сильныхъ доказательствъ такой непрочности.

Таковъ былъ заключительный итогъ публицистической дѣятельности Кавелина. Подводя этотъ итогъ, писатель въ очень многихъ и существенныхъ пунктахъ близко подошелъ къ тому ученію, съ которымъ онъ рѣзко полемизировалъ при своемъ выступленіи на литературную арену, къ идеямъ стараго славянофильства. Правда, такое совпаденіе не было полнымъ и безусловнымъ. Кавелинъ менѣе розово, чѣмъ славянофилы, смотрѣлъ на прошлое и настоящее русскаго народа и ожидалъ отъ послѣдняго въ будущемъ бóльшаго положительнаго творчества. Съ другой стороны, Кавелинъ относился къ западно-европейской жизни безъ того пренебрежительнаго высокомѣрія, которое такъ часто звучало въ отзывахъ славянофиловъ. Тѣмъ не менѣе онъ, въ полномъ согласіи съ духомъ славянофильства, утверждалъ, что „западные европейцы забыли внутренній, нравственный, душевный міръ человѣка“, и находилъ въ этомъ „корни болѣзни, которая точитъ европейскую цивилизацію и подкапываетъ ея силы“. „Западный европеецъ,—писалъ онъ еще по этому поводу,—весь отдался выработкѣ объективныхъ условій существованія, въ убѣжденіи, что въ нихъ однихъ скрывается тайна человѣческаго благополучія и совершенствованія; субъективная сторона въ полномъ пренебреженіи“. Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ и свои чаянія отъ будущаго русскаго народа опредѣлялъ согласно съ славянофильствомъ. „Мнѣ думается,—говорилъ онъ,—что новое слово, котораго многіе ожидаютъ, будетъ заключаться въ новой правильной постановкѣ вопроса о нравственности въ наукѣ, воспитаніи и практической жизни и что это живительное слово скажемъ именно—мы“ *). Отсюда и тотъ повышенный интересъ къ вопросамъ личной нравственности, какой проявлялъ Кавелинъ въ послѣдніе годы жизни, съ большимъ усердіемъ, хотя и безъ особеннаго успѣха, разрабатывая эти вопросы въ спеціальныхъ трудахъ, посвященныхъ проблемамъ психологіи и этики.

Въ общественномъ міросозерцаніи Кавелина, перемѣнившаго на своемъ вѣку немало литературныхъ лагерей и успѣвшаго позаимствовать кое-что почти отъ каждаго изъ нихъ, несомнѣнно, была значительная доля эклектизма. И тѣмъ не менѣе, какъ видно

*) «Письмо Ѳ. М. Достоевскому». Сочиненія, II, 1039—40, 1032.

изъ сказаннаго, истинные корни этого міросозерцанія, соединявшаго въ себѣ націоналистическія мечтанія съ преклоненіемъ передъ результатами исторіи и преувеличенную оцѣнку личной нравственности съ противоположеніемъ ея формамъ общественной жизни, лежали въ той метафизикѣ національнаго духа, которой не чуждо было первоначальное западничество и на почвѣ которой особенно пышно расцвѣло славянофильство. Но если въ моментъ зарожденія славянофильства эта метафизика еще пользовалась извѣстнымъ научнымъ авторитетомъ, то къ той порѣ, когда появились публицистическія произведенія Кавелина, такой авторитетъ ея былъ уже подорванъ въ самомъ корнѣ. Благодаря этому публицистическая дѣятельность Кавелина не привлекла къ себѣ вниманія болѣе сознательной и активной части русскаго общества и въ значительной своей части оставалась даже внѣ ея кругозора. Но нельзя было бы сказать, что эта дѣятельность не имѣла никакого вліянія на всѣхъ вообще современниковъ Кавелина и что послѣдній стоялъ между ними совершенно одиноко. Среди литературно-общественныхъ партій семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ существовала и такая группа, для которой Кавелинъ явился однимъ изъ первыхъ и самыхъ видныхъ ея теоретиковъ. Это была именно та фракція народничества, которая группировалась въ свое время вокругъ „Недѣли“ и программа и названіе которой за послѣдніе годы столько разъ, неумышленно и умышленно, переносились на партіи, имѣвшія очень мало общаго съ нею. Воспринявъ основныя воззрѣнія Кавелина, названная группа въ позднѣйшей своей дѣятельности немало, правда, дополняла ихъ, нерѣдко впадая при этихъ дополненіяхъ въ такой же эклектизмъ, какой былъ свойственъ и самому Кавелину. Но все же она никогда не порывала окончательно съ существомъ взглядовъ послѣдняго. Въ силу этого обстоятельства публицистическія произведенія Кавелина сохраняютъ за собою извѣстное право на вниманіе людей, интересующихся историческимъ развитіемъ русской общественности. Вскрывая въ наиболѣе отчетливомъ видѣ теоретическую подкладку дѣятельности указанной группы, эти произведенія въ значительной мѣрѣ разъясняютъ и причины того кратковременнаго успѣха, какой выпалъ на ея долю вслѣдъ за крушеніемъ дѣятельныхъ партій семидесятыхъ годовъ, и смыслъ пораженія, постигшаго ее немедленно вслѣдъ за вновь начавшимся оживленіемъ русскаго общественнаго движенія.

В. Мякотинъ.

Политика.

Борьба съ клерикализмомъ во Франціи.—Примѣненіе закона, сопротивленіе, генеральные совѣты, итоги.—Императоръ Вильгельмъ въ Познани.—Румынія и еврейскій вопросъ.—Смерть Рудольфа Вирхова.

I.

За отчетный періодъ самымъ яркимъ событіемъ политической исторіи была генеральная битва, данная радикальному министерству Комба соединенной оппозиціей правой и центра по поводу примѣненія Комбомъ закона 1 іюля 1901 года о конгрегаціяхъ. Этимъ закономъ установлено, что 1) конгрегація должны испросить и впредь при учрежденіи испрашивать разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ (т. е. только парламентъ вправѣ разрѣшить сохраненіе или новое образованіе конгрегаціи); 2) учрежденія, основываемыя конгрегаціями, разрѣшаются постановленіемъ государственнаго совѣта; и 3) распущеніе (dissolution) конгрегацій и закрытіе (fermeture) основанныхъ ими учрежденій предоставляется совѣту министровъ. Таковы главныя постановленія закона по отношенію къ духовнымъ конгрегаціямъ. Примѣненіе перваго изъ перечисленныхъ требованій выпало на долю кабинета Вальдека Руссо. Значительная часть конгрегацій обратилась съ ходатайствомъ о разрѣшеніи, и парламентъ далъ разрѣшеніе. Остальныя частью сами закрылись и выселились изъ Франціи, частью были закрыты министерскими декретами и принудительно выселены изъ Франціи. Такихъ было немного... Клерикалы пошумѣли, не очень сильно, впрочемъ, и считали дѣло оконченнымъ. Громадное большинство конгрегацій и ихъ учрежденій остались на своихъ мѣстахъ и со своими возстановленными правами, а удалившіяся конгрегаціи (такія, которыя напередъ знали, что разрѣшенія не получатъ) формально закрыли свои учрежденія, въ дѣйствительности же передали ихъ оставшимся конгрегаціямъ, которыя ихъ возобновили въ прежнемъ духѣ и даже почти цѣликомъ съ прежнимъ составомъ воспитателей, преподавателей и руководителей. Клерикалы полагали, что имъ удалось еще разъ обойти законъ и все останется по старому, и будущія поколѣнія станутъ все рѣзче и рѣзче раскалываться на непримиримо враждебные лагери клериковъ и свободомыслящихъ, при чемъ клерикализаціи подвергались преимущественно состоятельные классы. Строгая дисциплина католической іерархіи, составляющей государство въ государствѣ, и ея слѣпое подчиненіе

руководству изъ иностраннаго центра только усиливали опасность, которая росла и съ другой стороны, потому что школьная организація конгрегаціонная росла съ изумительною быстротою. Надо было спѣшить съ закономъ, сказалъ Вальдекъ Руссо, потому что недалеко время, когда было бы поздно. Таково было положеніе дѣлъ, когда власть перешла къ новому кабинету, поставившему во главу своей политической программы неуклонное примѣненіе закона 1 іюля 1901 года.

Мы уже упомянули о школахъ, номинально закрытыхъ неразрѣшенными конгрегаціями, а фактически переданныхъ конгрегаціямъ, испросившимъ разрѣшеніе. Циркуляромъ отъ 27 (14) іюня Комбъ предписалъ закрытіе этихъ школъ. Такихъ было сто тридцать пять. Палата еще засѣдала въ это время, и Кошэнъ, одинъ изъ лидеровъ правой, внесъ немедленно интерпелляцію. Комбъ ее безотлагательно принялъ, и палата, послѣ бурныхъ преній, одобрила политику правительства большинствомъ ста десяти голосовъ. Это дало силу правительству и оно пошло дальше. Мы видѣли выше, что законъ 1 іюля 1901 года требуетъ разрѣшенія государственнаго совѣта для основанія конгрегаціями общественныхъ учрежденій. Полагая, что это требованіе относится только къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя будутъ вновь основываться, конгрегаціи считали фактъ собственнаго разрѣшенія за разрѣшеніе и всѣхъ своихъ учрежденій и спеціальнымъ для нихъ разрѣшеніемъ не запаслись весьма многія конгрегаціи, пропустивъ установленные закономъ 1 іюля сроки. Когда всѣ сроки истекли, Комбъ циркуляромъ 15 іюля предписалъ закрытіе всѣхъ школъ конгрегаціонныхъ, на существованіе которыхъ не было испрошено спеціальнаго разрѣшенія. Такихъ школъ было 2500 со 150000 учащихся и 5000 учащихъ (преимущественно, монахинь). Палата была наканунѣ своихъ вакацій. Это не помѣшало правой внести опять интерпелляцію, но палата, недавно уже высказавшая свое одобреніе анти-клерикальной политикѣ министерства, и на этотъ разъ поддержала Комба. По его желанію, запросъ о циркулярѣ 15 (2) іюля отложенъ до осени, послѣ чего сессія парламента была закрыта, и кабинетъ получилъ полную свободу для примѣненія изданныхъ циркуляровъ отъ 27 іюня и 15 іюля, по скольку, конечно, конгрегаціи не подчинятся имъ добровольно. Большинство конгрегацій дѣйствительно подчинилось требованію циркуляровъ, и свыше двухъ тысячъ школъ были, закрыты самими конгрегаціями въ теченіе недѣли, которая имъ была для этого добровольнаго акта дана. 22 (9) іюля истекла эта недѣля, а 263 школы (въ томъ числѣ 26 въ Парижѣ) отказались исполнить предписаніе упомянутыхъ циркуляровъ. Предстояло теперь ихъ къ тому принудить силою. Это принудительное приведеніе въ исполненіе предписаній циркуляровъ Комба наполнило собою около мѣсяца времени, потому что вызвало въ

нѣкоторыхъ особенно клерикализованныхъ мѣстностяхъ страны самое ожесточенное сопротивленіе населенія.

25 (12) іюля былъ обнародованъ декретъ совѣта министровъ о принудительномъ закрытіи двадцати шести парижскихъ школъ, не подчинившихся циркулярамъ. Однако, 26 (13) іюля утромъ прибывшая къ школамъ полиція нашла двадцать одну изъ школъ покинутыми, и представителямъ власти пришлось только наложить временно печати, впредь до выясненія новаго назначенія очищенныхъ помѣщеній. Пять школъ все же оказались непреклонными и непокорными. Изъ нихъ надо было вывести учащій персоналъ, а помѣщеніе запечатать. Эти принудительныя дѣйствія послужили поводомъ къ шумнымъ демонстраціямъ и анти-демонстраціямъ, глубоко взволновавшимъ столицу Франціи. Уже 25 іюля, въ день обнародованія декрета о принудительномъ закрытіи, глава правой Де-Менъ опубликовалъ воззваніе, призывавшее всѣхъ католиковъ и всѣхъ либераловъ соединиться въ грандіозной демонстраціи 26 іюля, чтобы протестовать противъ тиранніи радикальнаго правительства. Немедленно организовались многочисленные комитеты, мужскіе и дамскіе, чтобы изъ затѣянной де-Меномъ демонстраціи создать нѣчто въ родѣ всенароднаго протеста. Клерикалы, роялисты, бонапартисты, націоналисты и республиканцы-прогрессисты протянули для этого другъ другу руки. Однако, и сторонники министерства не остались позади. На воззванія и прокламаціи они отвѣтили контръ-прокламаціями, приглашавшими народъ къ энергической контръ-манифестаціи, долженствовавшей доказать, что парижскій народъ солидаренъ съ правительствомъ и одобряетъ его анти-клерикальную политику.

Нѣсколько дней Парижъ волновался этими демонстраціями и контръ-демонстраціями. Описывать ихъ всѣхъ здѣсь не мѣсто. Мы дадимъ только понятіе объ этихъ дняхъ описаніемъ важнѣйшей демонстраціи перваго дня (26 іюля). Католическія воззванія приглашали всѣхъ католиковъ и либераловъ собраться 26 іюля днемъ на площади Согласія и оттуда процессіей двинутся къ дворцу президента для заявленія протеста. Въ *Temps* находимъ слѣдующее описаніе происходившаго въ этотъ день на площади Согласія (замѣтимъ, что Temps больше сочувствуетъ католическимъ демонстрантамъ, чѣмъ свободомыслящимъ антидемонстрантамъ):

„*Площадь Согласія. 2 часа 15 м.* Площадь начинаетъ наполняться публикой. Движутся группы съ возгласомъ „A bas la calotte“! *). Можно замѣтить много солдатъ, разсѣянныхъ по площади группами по три по четыре человѣка; они вооружены ружьями съ примкнутыми штыками. Лепинъ, префектъ полиціи, и Ло-

*) La calotte—шляпа, присвоенная католическимъ духовнымъ лицамъ.

ранъ, его секретарь, объѣзжаютъ эти посты. Одинъ патеръ, въ сопровожденіи группы молодыхъ людей, выходитъ изъ вагона трамвая и кричитъ: „Vive la liberté! Vivent les soeurs"! Онъ и его спутники встрѣчены, однако, очень враждебно группою анти-демонстрантовъ, ихъ окружившихъ. Вѣроятно, имъ пришлось-бы пережить довольно неудобныя минуты, если бы полиція не освободила ихъ и предоставила удалиться.

„*2 часа 30 минутъ*. Группы католиковъ и группы соціалистовъ постепенно прибываютъ съ разныхъ сторонъ на площадь и становятся довольно многочисленными. Соціалисты украшены бутоньерками краснаго шиповника, католики имѣютъ въ петличкахъ трехцвѣтныя гвоздики. Тюильерійская терраса переполнена любопытными. Наоборотъ, зрителей очень мало на террасахъ клубовъ. Католики кричатъ „Vive la liberté! A bas les sectaires!" но эти восклицанія скоро заглушаются криками республиканцевъ „Vive Loubet! Vive Combes! A bas la calotte!". Соціалисты группируются около террасы Оранжереи. Они кричатъ „A bas la calotte! Hou! Hou!". Два монаха церковныхъ школъ показываются на площади и немедленно окружены значительною толпою. Католики образуютъ вокругъ нихъ лейбъ-гвардію, соціалисты ихъ провожаютъ враждебными криками. Монахи видятъ себя вынужденными укрыться въ зданіи морского министерства. Въ концѣ концовъ все ограничивается враждебными криками. Противники обмѣниваются оскорбительными попреками „Quarante sous"! (т. е. упрекаютъ въ наймѣ на демонстрацію), но сохраняютъ мирное положеніе.

„Толпа все растетъ. Автомобиль налетаетъ на фіакръ и его опрокидываетъ вмѣстѣ съ пассажиркою.

„*3 часа*. Силы полиціи, хотя и разсѣянныя, довольно значительны. Въ Тюильерійскомъ саду собранъ отрядъ республиканской гвардіи. Группы свободомыслящихъ (libre-penseurs) становятся все многочисленнѣе. Всякій разъ, какъ показывается патеръ, его преслѣдуютъ враждебными кликами, но нападеній не было. Къ тому же, полиція охраняетъ патеровъ. Толпа становится все гуще и столкновенія между враждебными сторонами все чаще.

„*3 часа 30 минутъ*. Республиканская гвардія, занимавшая до сихъ поръ Тюильерійскій садъ, выходитъ и въ видѣ патрулей обходитъ площадь Согласія. Въ это время, группа католиковъ, приблизительно человѣкъ сто, до сихъ поръ стоявшая у зданія морского министерства, начинаетъ шествіе, направляясь къ улицѣ Риволи и восклицая „Liberté! Liberté!!" Немедленно свободомыслящіе, собравшіеся у террасы Тюильери, позади статуи Страсбурга, двигаются имъ на встрѣчу. Происходитъ столкновеніе и обмѣнъ ударами. Другая группа католиковъ, занимавшая террасу, тоже вмѣшивается въ свалку и швыряетъ стульями въ против-

никовъ. Тогда отъ группы свободомыслящихъ отдѣляется отрядъ и аттакуетъ террасу. Католики ихъ не ждутъ, однако, и обращаются въ бѣгство во всѣ стороны. Свободомыслящіе занимаютъ совершенно опустѣвшую террасу. Является, однако, полиція и очищаетъ террасу отъ публики... Католики болѣе не пробуютъ демонстрировать. Ихъ противники стоятъ довольно плотными группами и кричатъ „Vive Loubet! Vive Combes!" Они поютъ *Internationale* или *Карманьолу*.

„3 часа 50 минутъ. Сообщаютъ, что m-me Reille (глава дамской организаціи) покидаетъ свою квартиру въ сопровожденіи около тридцати спутницъ, въ томъ числѣ m-mes De-Mun, Amedée Reille, De-Pomerols и др.

„4 часа 30 минутъ. Мелкія столкновенія на площади Согласія продолжаются, толпа становится все многочисленнѣе. Одного демонстрировавшаго патера изрядно поколотили. Группа дамъ, кричащая „Vivent les soeurs!" окружена молодыми людьми, которые кричатъ „A bas la calotte!" Одна дама, демонстрирующая съ двумя дочерьми дѣвушками у зданія морского министерства, порядочна помята.

„4 часа 40 минутъ. Громадная толпа манифестантовъ съ двумя плакардами „A bas la calotte!" разсѣяна полиціей, а плакарды конфискованы. Не смотря на скопленіе народа, движеніе экипажей и омнибусовъ не прерывается, хотя очень замедлено. Инциденты становятся все чаще. Молодой человѣкъ въ бѣломъ жилетѣ и цилиндрѣ, появившійся съ трехцвѣтною гвоздикою, немедленно окруженъ свободомыслящими, преимущественно женщинами. Онѣ кричатъ „A bas la calotte!", онъ отвѣчаетъ „Vive la liberté!" Молодой человѣкъ выходитъ изъ рукъ манифестантокъ порядочно потрепаннымъ и безъ шляпы. Невдалекѣ элегантную даму сопровождаютъ съ площади два полицейскихъ. Толпа ее провожаетъ криками „A bas la calotte! Hou! Hou!". Группа модно одѣтыхъ молодыхъ людей ей почтительно кланяется. Произведено нѣсколько арестовъ, въ томъ числѣ называютъ аббата Робло, барона и баронессу Клерво.

„5 часовъ 15 м. Ожидаемыя на площади Согласія дамы-демонстрантки, наконецъ, появляются на улицѣ Мариньи, въ числѣ около ста съ m-me Renée Reille во главѣ. Ихъ сопровождаютъ депутаты палаты графъ Де-Менъ и Леролль. Avenue Marigny, однако, преграждена двойнымъ рядомъ муниципальной стражи. Графъ Де-Менъ требуетъ, чтобы полиція пропустила депутацію въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Командиръ отряда отвѣчаетъ, что получилъ приказаніе никого не пропускать. Де-Менъ спрашиваетъ префекта полиціи, его разыскиваютъ, но тотъ присылаетъ отвѣтъ, что получилъ приказаніе не допускать никакихъ делегацій. Манифестанты протестуютъ и расходятся".

Такова была эта самая главная демонстрація противъ декрета

о принудительномъ закрытіи 26 парижскихъ конгрегаціонистскихъ школъ. Всенароднаго протеста не вышло. Напротивъ того, только полиція спасла демонстрантовъ отъ кулачной расправы со стороны анти-демонстрантовъ, а здѣсь были сосредоточены главныя силы демонстрантовъ. Другія демонстраціи происходили у тѣхъ пяти школъ, изъ которыхъ полиція должна была выводить непокорившихся декрету монахинь. Приблизительно тоже самое происходило и здѣсь. Всюду довольно значительныя толпы демонстрантовъ. Всюду анти-демонстрантовъ оказывалось въ концѣ концовъ больше и полиціи приходилось охранять модные костюмы демонстрантовъ отъ порчи ихъ руками блузниковъ. И здѣсь произведено нѣсколько арестовъ, въ томъ числѣ Франсуа Коппе. Въ концѣ концовъ, монахини удалились, сѣли въ вагоны и уѣхали за границу, что подало поводъ къ новымъ крикамъ и новымъ свалкамъ на станціяхъ отправленія.

Покончивъ съ парижскими конгрегаціями и получивъ точныя свѣдѣнія изъ провинціи, совѣтъ министровъ опубликовалъ 2 августа (20 іюля) второй декретъ о принудительномъ закрытіи еще 237 школъ, не закрытыхъ самими конгрегаціями къ 23 (10) іюля, какъ того требовалъ циркуляръ Комба отъ 15 іюля. Эти непокорныя школы распредѣлены между тридцатью двумя департаментами, въ томъ числѣ и въ департаментахъ *Роны*, *Устьевъ Роны*, *Воклюзовъ* и другихъ, гдѣ нельзя было разсчитывать на сочувствіе населенія и гдѣ сопротивленіе монахинь надо объяснять личными качествами школьнаго персонала, потому что въ пятидесяти съ лишнимъ департаментахъ всѣ конгрегаціи безпрекословно подчинились циркуляру. Такихъ не организованныхъ и, повидимому, не входившихъ въ систематическую программу сопротивленія инцидентовъ было 39 въ двадцати двухъ департаментахъ, разсѣянныхъ безъ всякой системы по всей Франціи. Остальныя 198 школъ сосредоточены въ десяти департаментахъ, гдѣ, повидимому, сопротивленіе было систематически организовано и гдѣ вожди движенія надѣялись поколебать положеніе правительства. Эти десять департаментовъ распредѣлены по тремъ мѣстностямъ Франціи. Прежде всего, это западъ страны, гдѣ издавна сильна роялистская партія, и въ настоящемъ случаѣ составившая ядро анти-правительственнаго движеніи. Въ пяти западныхъ департаментахъ (Вандеи, Луары, Морбигана, Саоны-и-Луары, Финистерра) отказались послѣдовать циркуляру Комба—95 школъ; въ четырехъ юго-восточныхъ (горныхъ: Арденъ, Изэръ, Лозэръ, Савоя) непокорныхъ школъ оказалось—94; и, наконецъ, на сѣверѣ въ одиноко стоящемъ департаментѣ Cotes du Nord такихъ школъ было 9, всего сто девяносто восемь. Въ указанныхъ мѣстностяхъ повсюду въ составѣ населенія находятся значительныя группы роялистовъ, какъ на западѣ, или просто клерикаловъ, какъ на юго-востокѣ и частью въ Котъ-дю-Норъ. Всюду, слѣдовательно, при-

нудительное закрытіе вызвало болѣе или менѣе значительныя демонстраціи. На сѣверѣ все этимъ и ограничилось, а также и въ большей части мѣстностей юга-востока и запада. Демонстраціи перешли въ прямое сопротивленіе частью въ Савоѣ (въ Шамбери, деревнѣ, знаменитой, какъ мѣстопребываніе Ж. Ж. Руссо), но особенно въ Бретани (департаментъ Финистерръ). Населеніе плотною толпою окружало школы монахинь, баррикадируя всѣ подступы къ ихъ зданіямъ, и не сходя съ позицій ни днемъ, ни ночью, не допускало полицію и жандармовъ къ обороняемымъ учрежденіямъ, встрѣчая всѣ попытки проникнуть камнями, палками, ушатами грязной воды. Въ одной общинѣ въ Савоѣ (уже упомянутая Шамбери) и въ нѣсколькихъ деревняхъ въ Бретани (особенно въ Плуданіэлѣ) пришлось вызвать вооружѐнную силу. Въ двухъ случаяхъ офицеры отказались вести свои части на сопротивляющееся населеніе. Ихъ замѣнили младшіе офицеры и части эти всетаки приняли участіе въ усмиреніи. По счастью, не пришлось прибѣгнуть къ оружію. Благодаря посредничеству либераловъ, въ этомъ случаѣ всюду стоявшихъ на сторонѣ клерикаловъ, населеніе вездѣ уступило войскамъ безъ битвы, и къ 18 (5) августу всѣ школы, указанныя декретомъ совѣта министровъ отъ 2 августа, были закрыты. Въ видѣ наслѣдія этихъ дней остался рядъ процессовъ о сопротивленіи законнымъ требованіемъ власти, два процесса о нарушеніи воинской дисциплины, рядъ исковъ частныхъ лицъ, будто бы потерпѣвшихъ убытки при закрытіи конгрегаціонныхъ школъ, и очень много общественнаго возбужденія. Эта кампанія сопротивленія, вмѣстѣ съ протестами выдающихся вождей республиканскаго либерализма (Мелина, Энара, Моно, Гобле и др.), съ полемикою въ прессѣ, съ агитаціей по всей странѣ, напомнившей апрѣльскіе и майскіе выборы этого года, все это производило впечатлѣніе очень сильнаго движенія, угрожающаго положенію радикальнаго министерства. Поэтому, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали сессіи генеральныхъ совѣтовъ (провинціальныхъ представительныхъ собраній), которыя имѣли быть во второй половинѣ августа почти во всѣхъ департаментахъ. Оппозиція, и въ томъ числѣ республиканцы-прогрессисты, рѣшилась попытаться осудить министерство при помощи генеральныхъ совѣтовъ. 19 августа, какъ разъ въ первый день послѣ окончательнаго исполненія инкриминируемыхъ декретовъ, среди наивысшаго возбужденія, вызваннаго ими, открылись засѣданія восьмидесяти одного генеральныхъ совѣтовъ (въ 6 департаментахъ, въ томъ числѣ Сенскомъ (Парижъ) и Сѣверномъ, генеральные совѣты не засѣдали). Изъ нихъ 57 въ первый же день вотировали адресы министерству Комба съ поздравленіемъ и благодарностью за энергію, проявленную имъ въ подавленіи клерикализма; въ ихъ числѣ были генеральные совѣты нѣкоторыхъ западныхъ и южныхъ департаментовъ, гдѣ только что завершилась печальная кампанія систематическаго сопротивленія, именно:

Изэръ, Лозэръ, Саона-и-Луара, Савоя. 57 изъ 81 или 57 противъ 24 представляютъ уже крупный успѣхъ министерства, если бы даже всѣ 24 департамента, не поспѣшившихъ 19—20 августа выразить свое сочувствіе министерству, можно было бы считать антиминистерскими. Къ разочарованію анти-министерской коалиціи, нельзя сказать и этого, потому что прямо противъ политики министерства высказалось всего 14 генеральныхъ совѣтовъ, а остальные признали себя некомпетентными, такъ какъ вопросъ о закрытіи конгреганитскихъ школъ нашли вопросомъ, чисто политическимъ, а эти вопросы законъ устраняетъ изъ вѣдѣнія генеральныхъ совѣтовъ. Въ числѣ этихъ десяти генеральныхъ совѣтовъ есть и министерскіе, и антиминистерскіе съ слабымъ большинствомъ въ ту или другую сторону. Между рѣшительно осудившими правительство департаментами находятся, конечно, Финистеръ, Вандея, Котъ-дю-Норъ и т. д., но между ними же встрѣчаются и либеральные съ преобладаніемъ такъ называемыхъ республиканцевъ-прогрессистовъ, Вогезы (департаментъ Мелина), Нижняя Сена и др. Между ними же и департаментъ Сарта, гдѣ предсѣдательствуетъ въ генеральномъ совѣтѣ Кавеньякъ. Положеніе, занятое генеральнымъ совѣтомъ этого департамента, однако, колеблющееся. Онъ вотировалъ большинствомъ 18 голосовъ противъ 5 (при 9 воздержавшихся отъ голосованія) желаніе свободы обученія, почему и зачисленъ нами въ анти-министерскіе, но предложеніе выразить желаніе о немедленной отмѣнѣ циркуляровъ 27 іюня и 15 іюля было отклонено большинствомъ 20 голосовъ противъ 12. Такимъ образомъ, августовская сессія генеральныхъ совѣтовъ явилась побѣдою министерства и завершила собою борьбу его съ клерикальною оппозиціею въ вакаціонное для парламента время.

Другимъ показателемъ настроенія избирателей могутъ служить частные законодательные и сенатскіе выборы, происходившіе въ это время (послѣ обнародованія циркуляровъ). Частные законодательные выборы за это время происходили: 20 іюля въ департаментѣ Nord (избранъ антиминистерскій республиканецъ на мѣсто умершаго депутата того же оттѣнка), 27 іюля въ департаментѣ Loire (избранъ министерскій республиканецъ вмѣсто умершаго того же оттѣнка), 10 августа въ департаментѣ Cantal (избранъ радикалъ вмѣсто анти-минстерскаго республиканца, избраніе котораго было отмѣнено палатою) и въ департаментѣ Seine-et-Oise (избранъ націоналистъ, выборы котораго были кассированы), 18 августа въ департаментѣ Haute Garonne (избранъ рад.-соціалистъ вмѣсто умершаго того же оттѣнка), и 14 сентября въ департаментѣ Gironde (избранъ націоналистъ, выборы котораго были кассированы). Сенатскихъ выборовъ было два: 17 августа въ департаментѣ Indre-et-Loire (избранъ радикалъ вмѣсто умершаго анти-министерскаго республиканца) и 7 сентября въ департаментѣ

Haute Garonte (избранъ радикалъ вмѣсто умершаго радикала-же). Итого изъ восьми избраній въ шести избиратели остались вѣрны прежнимъ партіямъ, а въ двухъ случаяхъ антиминистерскихъ представителей замѣнили министерскими. Кабинетъ Комба не можетъ, слѣдовательно, пожаловаться на неудачу и въ этомъ случаѣ, составляющемъ чрезвычайно важный признакъ движенія среди избирательнаго корпуса. Новое грандіозное усиліе оппозиціи, нынѣ горячо поддержанной республиканскими либералами, не обнаружило никакихъ успѣховъ сравнительно съ достопамятными весенними выборами этого года. Страна осталась вѣрна направленію этихъ выборовъ. Нѣтъ основанія думать, чтобы и парламентъ, имѣющій скоро собраться, не остался ему вѣренъ, хотя и готовится бурная аттака противъ министерства, на этотъ разъ открыто предводимая республиканцами-прогрессистами фракціями Мелина и Рибо. О положеніи, которое намѣрены занять Пуанкарре, Кошери, Энаръ, Дюпюи и др., еще трудно судить.

II.

Послѣ маріенбургской рѣчи императора Вильгельма, всѣ съ интересомъ, иные съ тревогою ожидали его визита въ Познань на торжество открытія памятника императору Фридриху III. Всѣ знали, что императоръ будетъ снова говорить и что все празднество будетъ носить характеръ пангерманскаго наступленія на востокъ. Побывавъ въ Ревелѣ и принявъ итальянскаго короля въ Берлинѣ, Вильгельмъ выѣхалъ съ императрицею, сыновьями, канцлеромъ имперіи и многочисленной свитой въ Познань. Баварскій наслѣдникъ престола и нѣкоторые другіе принцы Германіи отклонили подъ разными предлогами участіе въ торжествѣ. Отклонилъ приглашеніе и эрцъ-герцогъ Францъ-Фердинандъ, наслѣдникъ австрійскаго престола, будущій монархъ многочисленныхъ польскихъ подданныхъ, естественныя чувства которыхъ онъ пожелалъ уважить. Такимъ образомъ, торжество превращалось въ чисто прусское, но нѣмецко-прусское, непріязненное славянскимъ пруссакамъ. Естественно, если эти послѣдніе уклонились отъ всякаго участія или даже присутствія на торжествѣ. Нѣмцевъ въ Познани, однако, уже достаточно, чтобы на торжествѣ былъ и народъ, и общество, и интеллигенція, и національныя оваціи нѣмецкому монарху и нѣмецкой арміи. Торжественная встрѣча, декорація флагами, вечеромъ иллюминація, блестящій смотръ многочисленнымъ войскамъ, все прошло по программѣ, безъ инцидентовъ, и 5 сентября (23 авг.) состоялось и открытіе памятника Фридриху III, едва-ли думавшему, что его память можетъ быть эксплуатируема въ интересахъ нетерпимости и угнетенія. Впрочемъ,

о виновникѣ торжества основательно забыли и говорили о чемъ угодно, только не о немъ.

На церемоніи снятія покрывала присутствовали императоръ, императрица, принцы, канцлеръ имперіи и министры королевства. Засимъ императоръ съ императрицею отправились въ зданіе познанскаго сейма, гдѣ маршалъ провинціи баронъ Моллендорфъ предложилъ имъ vin d'honneur и произнесъ краткое привѣтствіе, на которое Вильгельмъ II отвѣтилъ столь нетерпѣливо ожидаемою рѣчью, именно слѣдующею отъ слова до слова:

„Патріотическое привѣтствіе, которымъ вы встрѣтили здѣсь насъ, меня и императрицу, и которое является выраженіемъ чувствъ, одушевляющихъ Познанскую провинцію, я принимаю съ радостью и признательностью. Оно подтверждается патріотическимъ пріемомъ, который намъ сдѣлалъ городъ Познань. Мы находимся здѣсь въ средѣ вѣрнаго нѣмецкаго населенія. Мы находимся здѣсь въ стѣнахъ вѣрнаго нѣмецкаго города. Выраженіемъ этой вѣрности по отношенію къ намъ является трудъ, поднятый нѣмцами съ цѣлью возвысить культуру этого края. Чтобы это дѣло возвышенія культуры провинціи и ея населенія въ интересахъ всего нѣмецкаго народа достигло этой цѣли, необходимо, чтобы нѣмцы освободились отъ своего наслѣдственнаго недостатка, раздоровъ между партіями, и чтобы каждый нѣмецъ былъ всегда готовъ принести въ жертву свою индивидуальность для общаго совмѣстнаго дѣйствія со всѣми другими и со всею нѣмецкою націей. Именно этого метода держались нѣкогда рыцари тевтонскаго ордена; они, жертвуя личною свободою и личными интересами, объединились въ тѣсный союзъ, благодаря которому ихъ орденъ являлся прочной организаціей для общей солидарной и настойчивой работы насажденія въ краѣ и распространенія нѣмецкой культуры. Съ другой стороны, не менѣе необходимо, чтобы мои чиновники безусловно повиновались моимъ инструкціямъ и повелѣніямъ и примѣняли бы безъ колебанія и послабленія ту политику, которую я считаю наилучшею для блага этой провинціи. Это солидарное сотрудничество нѣмецкаго населенія и администраціи подъ высшимъ руководствомъ короны должно, на протяженіи годовъ, принести желательные плоды для развитія провинціи.

„Я сожалѣю, что одна часть моихъ подданныхъ не германской расы затрудняется въ приспособленіи къ нашему режиму. Причина тому, по моему мнѣнію, въ двухъ ошибкахъ. Во-первыхъ, среди нихъ распространено мнѣніе, что мы покушаемся на неприкосновенность и свободу ихъ религіи. Тотъ, однако, кто утверждаетъ, что моимъ католическимъ подданнымъ создаются какія-либо затрудненія въ исповѣданіи ихъ религіи или что желаютъ ихъ принудить перемѣнить вѣроисповѣданіе, виновенъ въ самой явной лжи. Все мое царствованіе и недавняя моя рѣчь въ Э-ла-Шапель показываютъ, какъ чту я всякую религію, т. е. личныя

отношенія каждаго человѣка къ его Богу. Кто распространяетъ подобную клевету, тотъ наноситъ личное оскорбленіе наслѣднику великаго короля, объявившему, что надо предоставить каждому спасаться по собственному разумѣнію. Другая распространенная ошибка заключается въ предположеніи, что мы стремимся стереть всѣ отличительныя особенности и уничтожить всѣ традиціи населенія другой расы. Это неправда. Прусское королевство возникло изъ сліянія многихъ расъ, которыя каждая цѣнятъ свои особенности и свои традиціи. Это не мѣшаетъ населенію этихъ различныхъ расъ быть прежде всего добрыми и лояльными пруссаками. Необходимо, чтобы мы видѣли то же самое и въ этой провинціи. Традиціи и преданія будутъ уважены, но эти традиціи и преданія должны относиться лишь къ прошедшему. Въ настоящее время всѣ здѣсь могутъ быть только пруссаками, и я обязанъ передъ своими предками стоять на стражѣ ихъ творенія и сохранить эту провинцію навсегда и всецѣло прусскою, навсегда и всецѣло нѣмецкою.

„Этотъ бокалъ, наполненный сокомъ винограда, выросшаго на берегахъ нашего чуднаго Рейна, я поднимаю за благосостояніе провинціи Познани и ея главнаго города Познани на берегахъ Варты“.

Такова эта програмная рѣчь Вильгельма. Она много умѣреннѣе и миролюбивѣе Маріенбургской рѣчи. Она обращается къ прусскимъ полякамъ не какъ къ наслѣдственнымъ врагамъ, а какъ къ подданнымъ, которыхъ историческія воспоминанія и религіозныя предпочтенія „будутъ уважаемы“. Но эта умѣренность лишь чисто словесная. Программа полной германизаціи провозглашена совершенно ясно и несомнительно главною задачею правительственной политики въ прусской Польшѣ. Чиновники призываются слѣдовать этой политикѣ „безъ колебанія и послабленія“. Нѣмецкое населеніе и всѣ нѣмцы приглашаются въ этомъ дѣлѣ отложить всѣ партійные раздоры и взять примѣръ съ тевтонскихъ рыцарей, „жертвуя личною свободою и личными интересами и объединяясь въ тѣсный союзъ для насажденія и распространенія въ краѣ нѣмецкой культуры“. Полякамъ предоставляется вспоминать о старинѣ съ уваженіемъ и симпатіей, но теперь быть добрыми и лояльными пруссаками и больше ничѣмъ инымъ себя не считать. Земля же, которую они издревле населяли и теперь населяютъ, должна быть „навсегда и всецѣло нѣмецкою“. Прусскіе шовинисты, ожидавшіе воинственной риторики вродѣ Маріенбургской импровизаціи Вильгельма, были сначала разочарованы умѣренностью, выраженной императоромъ въ Познани, но, вчитавшись въ текстъ рѣчи, конечно, утѣшились. Какъ и Маріенбургская, познанская рѣчь обѣщаетъ и требуетъ уничтоженія полонизма въ предѣлахъ Пруссіи и эту задачу ставитъ во главу

правительственной политики. Чего же прусскимъ шовинистамъ еще желать? Не прямого же избіенія прусскихъ поляковъ?..

Вильгельмъ II сказалъ въ Познани еще одну маленькую рѣчь, обращенную имъ къ русскимъ офицерамъ, присутствовавшимъ на маневрахъ. Кромѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ словъ привѣтствія, благодарности и дружескаго заявленія, императоръ счелъ нужнымъ прибавить о незыблемости русско-германской дружбы, въ которой онъ такъ увѣренъ, что приказалъ срыть укрѣпленія Познани, ибо противъ друзей крѣпости не строятъ. Познань, или по-нѣмецки Позенъ, первоклассная грозная крѣпость на стражѣ восточной границы прусскаго королевства, на пути прямого наступленія на столицу... Неужели упраздняютъ эту твердыню? Нисколько. Грозные форты, окаймляющіе Познань, стоятъ неприкосновенными, но дѣйствительно будутъ срыты для расширенія города старыхъ временъ польскія крѣпостныя стѣны, при современномъ состояніи военной техники никакого военнаго значенія не имѣющія, но все еще напоминающія своими бойницами и башнями о быломъ величіи Рѣчи Посполитой. Державный ораторъ сказалъ правду, конечно: крѣпостныя стѣны срываются, но онъ немножко увлекся, увидѣвъ въ этомъ фактѣ новое доказательство русско-германской дружбы. Отъ всего сердца желаемъ незыблемости мирнаго сосѣдства Германіи и Россіи, но не думаемъ, чтобы выраженіемъ этой дружбы являлась анти-польская политика прусскаго правительства, однимъ изъ маленькихъ звеньевъ которой является и это уничтоженіе внушительнаго памятника польской старины...

III.

Отъ нетерпимости анти-польской прямой переходъ къ нетерпимости анти-еврейской. Изъ Пруссіи для этого далеко ѣхать не приходится... Мы пригласимъ, однако, нашихъ читателей въ Румынію, это маленькое королевство, созданное берлинскимъ трактатомъ и управляемое тою же династіею Гогенцоллерновъ, къ которой принадлежитъ и державный ораторъ въ Познани. Провозглашая независимость Румыніи и даруя ея князю титулъ короля, берлинскій конгрессъ (ст. 44) постановилъ, что независимость и это королевское достоинство предоставляются Румыніи подъ условіемъ равноправности всѣхъ исповѣданій, послѣдователи которыхъ населяютъ страну. Формальнымъ выполненіемъ этого условія явилось внесеніе въ румынскую конституцію статьи, провозглашающей эту равноправность. Для христіанъ всѣхъ исповѣданій, не исключая даже выходцевъ изъ Россіи скопческой секты, и для магометанъ, перешедшихъ въ румынское подданство вмѣстѣ съ Добруджей, это постановленіе конституціи, отвѣчающее постано-

вленію берлинскаго трактата, дѣйствительно даровало полную равноправность. Румыны, отличающіеся застарѣлымъ юдофобствомъ, сумѣли по отношенію къ евреямъ обойти постановленіе конституціи и берлинскаго трактата и лишить ихъ равноправности, создавъ для нихъ исключительное положеніе, которое смѣло можно квалифицировать, какъ угнетеніе. Для этого они признали населяющихъ Румынію евреевъ (въ числѣ около трехсотъ тысячъ душъ) не румынско-подданными, но иностранцами и создали для этихъ странныхъ „иностранцевъ", не имѣющихъ, однако, никакого иного гражданства или подданства, цѣлое ограничительное законодательство, поставившее еврейское населеніе Румыніи въ самое тягостное, порою прямо бѣдственное положеніе и вынудившее румынскихъ евреевъ къ массовому выселенію, преимущественно въ Америку. На это ненормальное положеніе уже давно обращали вниманіе просвѣщенные и гуманные умы Европы. Въ прессѣ, особенно французской, нѣсколько разъ поднимался вопросъ о необходимости побудить румыновъ въ точности выполнять принятыя ими на себя международныя обязательства, но до послѣдняго времени вопросъ оставался въ сферѣ академическаго обсужденія, и румыны чувствовали подъ собою столь твердую почву, что еще лѣтомъ текущаго года не постѣснились выслать изъ Румыніи французскаго корреспондента за его письма о положеніи евреевъ въ Румыніи.

Эта твердая почва подъ ногами у румыновъ заключалась въ увѣренности, съ одной стороны, что Россія, въ которой права евреевъ ограничены, можетъ оказать румынамъ покровительство и тѣмъ до нѣкоторой степени свяжетъ и свободу дѣйствія своей союзницы Франціи, а съ другой стороны, въ томъ, что, примыкая къ тройственному союзу, Румынія можетъ разсчитывать на поддержку державъ этого союза. Румынія не присоединилась къ тройственному союзу, но она заключила военную конвенцію съ Австріей, которая предвидитъ возможность совмѣстной войны противъ Россіи и славянскихъ задунайскихъ княжествъ и на случай такой войны устанавливаетъ планъ дѣйствій. Румынія не обязана принять участіе въ этой войнѣ, но выразила къ этому склонность. Чѣмъ либо охладить эту склонность не могло бы входить въ разсчеты державъ тройственнаго союза. Вѣдь Румынія свободна стать и на сторону двойственнаго союза и тогда ея 200 тыс. комбатантовъ въ союзѣ съ болгарскими и сербскими арміями явились бы серьезною угрозою всей южной границѣ Австро-Венгріи. Кромѣ этихъ соображеній, вытекающихъ изъ группировки европейскихъ державъ, надо не забывать, что румыны всегда personna grata на Западѣ: у нѣмцевъ, потому что представляютъ клинъ въ тѣлѣ славянской расы, а у французовъ и итальянцевъ, какъ передовой островъ латинской расы. Весь этотъ сложный переплетъ историческихъ обстоятельствъ и позво-

лилъ румынамъ четверть вѣка играть на глазахъ всего цивилизованнаго міра комедію о своихъ евреяхъ, какъ иностранцахъ, лишенныхъ всякаго подданства, а слѣдовательно, и всякой защиты. Евреевъ румынскихъ защищалъ берлинскій трактатъ. но не лучше защищалъ, чѣмъ турецкихъ армянъ или македонянъ.

Когда вспомнятъ объ армянахъ и македонянахъ, неизвѣстно, но о румынскихъ евреяхъ, наконецъ, вспомнили этою осенью, черезъ 24 года по заключеніи берлинскаго трактата, даровавшаго имъ эмансипацію. Напомнила о нихъ Европѣ Америка, сама въ выработкѣ и подписаніи берлинскаго трактата не принимавшая участія. Министръ иностранныхъ дѣлъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки стасъ-секретарь Гай обратился къ семи европейскимъ державамъ, поставившимъ свои подписи подъ берлинскимъ трактатомъ (Австрія, Англія, Германія, Италія, Россія, Турція и Франція), съ циркулярною нотою, въ которой, ссылаясь на упомянутое выше постановленіе берлинскаго трактата, спрашиваетъ, не согласится-ли какая-либо держава взять на себя иниціативу съ цѣлью побудить Румынію къ выполненію принятаго ею на себя еще въ 1878 году обязательства. Вашингтонское правительство уже дѣлало съ своей стороны представленіе бухарестскому правительству о бѣдственномъ положеніи румынскихъ евреевъ, принуждающее ихъ выселяться въ предѣлы Соединенныхъ Штатовъ. Румынское правительство не обратило вниманія на это представленіе, и Соединеннымъ Штатамъ, не имѣющимъ никакихъ правъ по выполненію берлинскаго трактата, осталось только обратиться къ державамъ, такія права имѣющимъ.

„Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, по словамъ циркулярной ноты (*Новости*, 9 сент.), считаетъ желательнымъ, чтобы державы обратили особое вниманіе на этотъ жгучій вопросъ. Онъ надѣется, что слова его не останутся безъ послѣдствій, и что державы примутъ надлежащія мѣры для понужденія румынскаго правительства къ полному пересмотру и пересозданію румынскаго законодательства о евреяхъ. Соединенные Штаты и теперь, какъ и въ прежнее время, смотрятъ въ высшей степени благосклонно на добровольную иммиграцію всѣхъ тѣхъ иностранцевъ, которые способны къ слiянію съ политическимъ организмомъ Америки. Законы Америки заботятся о включеніи этихъ иностранцевъ въ массу туземныхъ гражданъ, давая имъ совершенно одинаковыя права со всѣми прочими жителями Америки. Внутри страны всѣмъ дарованы равныя права, внѣ ея — равная дипломатическая охрана. Почти никто не лишается права иммиграціи, за исключеніемъ людей, совершенно неимущихъ, неспособныхъ къ работѣ, страдающихъ заразительными или неизлѣчимыми болѣзнями. Добровольный характеръ иммиграціи для Америки важнѣе всего. Поэтому ей приходится ограждать свои предѣлы отъ такихъ переселенцевъ, которые эмигрируютъ только

подъ давленіемъ обстоятельствъ, будучи вынуждены къ выселенію гнетомъ мѣстныхъ властей. Цѣлью великодушнаго отношенія къ иммигрантамъ является ихъ собственное благополучіе и процвѣтаніе Соединенныхъ Штатовъ, вовсе, однако, не желающихъ превратиться въ всесвѣтное пристанище, куда каждое государство будетъ выбрасывать нежелательные ему элементы.

„Положеніе румынскихъ евреевъ, которыхъ всего насчитывается около полумилліона, съ давнихъ поръ служитъ предметомъ особаго вниманія со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Преслѣдованіе этой расы вызвало въ 1872 году серьезное представленіе вашингтонскаго правительства турецкому.

„Берлинскій трактатъ вызвалъ въ Америкѣ чувство глубокаго удовлетворенія, какъ желанный и справедливый выходъ изъ ненормальнаго въ правовомъ смыслѣ положенія. Правительство Соединенныхъ Штатовъ отъ всей души привѣтствовало параграфъ трактата, постановившій, чтобы въ Румыніи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ ничѣмъ не отражалось на правовомъ положеніи гражданъ.

„Съ теченіемъ времени румынское правительство превратило большую часть этихъ безусловно справедливыхъ постановленій въ пустую фикцію. Румынскіе евреи лишены доступа къ государственной службѣ, къ свободнымъ профессіямъ, къ владѣнію землей и даже къ занятію земледѣліемъ въ качествѣ простыхъ батраковъ; имъ запрещено даже проживать въ деревенскихъ округахъ. Они совершенно отрѣзаны отъ многихъ отраслей ремеслъ и торговли. Въ городахъ, гдѣ они занимаются ремесленнымъ трудомъ, количество еврейскихъ рабочихъ ограничено извѣстной процентной нормой. Лишенные всякой возможности честнымъ образомъ добывать себѣ пропитаніе, они не видятъ другого исхода изъ своего униженнаго положенія, какъ переселеніе въ другія страны.

„Исторія и опытъ американскаго народа показали, что евреи въ высокой степени обладаютъ умственными и нравственными качествами хорошихъ гражданъ, и никакое племя не можетъ разсчитывать на болѣе гостепріимный и радушный пріемъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Но вашингтонское правительство не можетъ равнодушно относиться къ международной несправедливости. Оно считаетъ своимъ долгомъ протестовать противъ обращенія, которому подвергаются евреи въ Румыніи, и не только потому, что ему неудобны послѣдствія, проистекающія изъ такого положенія дѣлъ, но просто во имя справедливости и человѣчности. Соединенные Штаты не могутъ въ повелительной формѣ ссылаться на постановленія берлинскаго трактата, такъ какъ они не были въ числѣ державъ, подписавшихъ этотъ договоръ, но они считаютъ себя вправѣ сослаться на принципы, лежащіе въ основѣ трактата, такъ какъ эти принципы—аксіомы

международнаго права и вѣчной справедливости и такъ какъ Штаты являлись всегда защитниками широкой терпимости, провозглашенной въ этомъ торжественномъ актѣ. Поэтому вашингтонское правительство всегда готово оказать поддержку тѣмъ державамъ, которыя пожелаютъ добиваться проведенія справедливыхъ постановленій берлинскаго трактата. Образъ дѣйствій Румыніи, затронувъ интересы Америки, тѣмъ самымъ естественно ввелъ ее въ семью заинтересованныхъ европейскихъ державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ".

Благородная инициатива вашингтонскаго кабинета нашла откликъ, прежде всего. въ Англіи, которой румыны совсѣмъ не надобны и для менажированія которыхъ у нихъ нѣтъ никакихъ причинъ. Къ тому же Англія ищетъ возможно полнаго сближенія съ Соединенными Штатами. Поэтому, а отчасти и вообще изъ присущей англичанамъ симпатіи къ свободѣ и законности, британское правительство отозвалось на приглашеніе Америки и, уже въ качествѣ державы, подписавшей берлинскій трактатъ и имѣющей право настаивать на точномъ его выполненіи, обратилась въ свою очередь съ циркулярною нотою, приглашающей державы оказать на Румынію давленіе съ цѣлью принудить ее къ выполненію принятыхъ обязательствъ. Ослабленіе розни между тройственнымъ и двойственнымъ союзами дѣлаетъ румынскій союзъ менѣе цѣннымъ, а давнишнее желаніе и вѣнскаго и берлинскаго правительствъ сблизиться съ лондонскимъ могло-бы облегчить дорогу англо-американской инициативѣ, которая не можетъ встрѣтить препятствія ни въ Римѣ, ни въ Парижѣ... Твердая почва, на которой стояла румынская нетерпимость, могла-бы въ такомъ случаѣ оказаться зыбкой. Впрочемъ, карты этой игры еще не вскрыты и судить о ея исходѣ довольно затруднительно. Не невозможно, что въ Вѣнѣ и Берлинѣ, этихъ очагахъ нетерпимости, сыграютъ двойную игру. Не невозможно, что Румынія отдѣлается дипломатическими непріятностями и какою-либо формальною мѣрою безъ серьезнаго практическаго значенія. Европа живетъ теперь среди такого расцвѣта всяческой нетерпимости, что какъ-то трудно вѣрится, чтобы эта захлеснувшая изъ Америки волна терпимости и гуманности оказала надлежащее желательное дѣйствіе... Конечно, и въ Европѣ существуютъ не безсильные элементы человѣчности и терпимости. Но сплотитъ-ли ихъ американскій призывъ?

Въ Берлинѣ скончался на восемьдесятъ первомъ году жизни одинъ изъ крупнѣйшихъ ученыхъ и благороднѣйшихъ дѣятелей Германіи, Рудольфъ Вирховъ. Годъ тому назадъ („Русское Богатство", 1901, октябрь), по поводу торжественнаго празднованія восьмидесятилѣтія Вирхова, мы остановились на этой замѣчательной личности, больше на его политической, нежели ученой дѣя-

тельности. Не повторяемъ теперь сказаннаго такъ недавно. Тѣмъ болѣе, что „Русское Богатство“ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ предложитъ читателямъ болѣе обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности знаменитаго ученаго.

С. Южаковъ.

Наша текущая жизнь.

(«Вѣстникъ Европы» и «Міръ Божій»—за апрѣль—сентябрь и «Русская Мысль»—за апрѣль—августъ).

Снова послѣ нѣкотораго перерыва принимаясь за обозрѣніе нашей жизни, „текущей“ или вѣрнѣе еле-еле струящейся въ литературѣ, я сначала остановился было въ затрудненіи передъ толстой кипой красныхъ, голубыхъ, сѣрыхъ книжекъ, которыя за время моего молчанія успѣла предъявить публикѣ періодическая печать: какъ, въ самомъ дѣлѣ, въ одной статьѣ познакомить читателя съ содержаніемъ и беллетристическихъ, и научныхъ вещей, заключенныхъ въ полутора дюжинахъ журнальныхъ номеровъ? Но мнѣ пришла на помощь сама пустота нашей современной прессы, пустота, еще рѣзче обыкновеннаго проявившаяся въ твореніяхъ лѣтней литературы... Дѣйствительно, если говорить подробно только о такихъ вещахъ, которыя заслуживаютъ вниманія съ положительной или отрицательной стороны, то лѣтняя журнальная жатва окажется далеко не обильной, и обозрѣвателю будетъ нетрудно поговорить съ читателемъ о произведеніяхъ, которыя стоитъ разсмотрѣть по той или другой причинѣ, и отмѣтить словомъ—двумя остальныя.

Начнемъ съ „Вѣстника Европы“, а въ немъ съ окончанія „Исповѣдниковъ“ г. Боборыкина въ апрѣльской книжкѣ. Мнѣ не хотѣлось бы огорчать многочисленныхъ поклонниковъ нашего романиста,—говорю поклонниковъ, а не самого автора, который, конечно, слишкомъ давно пишетъ, представляетъ собою слишкомъ замѣтную величину въ современной литературѣ и самъ знаетъ лучше насъ съ вами свои достоинства и свои недостатки, чтобы особенно волноваться по поводу не вполнѣ благопріятнаго

отзыва. Но по долгу совѣсти я принужденъ заявить, что остаюсь при прежнемъ мнѣніи о послѣдней повѣсти всегда искуснаго, но не всегда одинаково счастливо „инспирированнаго" писателя. Блѣдность типовъ, книжность изображенія среды, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и даже довольно рѣдкая для г. Боборыкина неинтересность развитія самого дѣйствія,—все это значительно портитъ впечатлѣніе отъ повѣсти, которая должна бы давать намъ яркую картину того духовнаго движенія, что охватило, по мнѣнію г. Боборыкина, современную Россію и вызываетъ религіозное правдоискательство среди массъ и интеллигенціи. Можно, конечно, съ нѣкоторымъ скептицизмомъ относиться и къ самому тезису, положенному романистомъ въ основаніе „Исповѣдниковъ"; можно, напр., полагать, что онъ нѣсколько преувеличилъ интенсивность упомянутаго движенія именно теперь, когда глубоко реальные вопросы пробѣгаютъ замѣтными волнами по „океану народнаго сознанія",—какъ любилъ выражаться одинъ изъ нашихъ беллетристовъ-народниковъ, а метафизика нѣкоторой части нашей интеллигенціи отступаетъ передъ ростомъ болѣе здоровыхъ теченій. Но, во всякомъ случаѣ, самый тезисъ заслуживаетъ вниманія мыслящихъ людей и ждетъ своего художественнаго выраженія.

Именно его-то и не далъ г. Боборыкинъ, который и въ окончаніи продолжаетъ насъ водить кругомъ да около міра сектантовъ, сообщая намъ о томъ, что видитъ одинъ изъ героевъ его повѣсти среди разныхъ религіозныхъ общинъ, что слышитъ на процессѣ „исповѣдниковъ", какіе разговоры ведетъ съ „интеллигентными мужичками", и вызывая у читателя, читающаго не по обязанности, непреодолимое желаніе перевернуть одну—двѣ изъ этихъ монотонныхъ страницъ.

Беру для примѣра описаніе процесса и пусть читатель скажетъ, положа руку на сердце, можно-ли увлечься вотъ хотя бы такимъ „пассажемъ":

Минутъ десять одиннадцатаго вошли въ залу «нàбольшіе»—какъ, по крестьянски, про себя выразился Булашовъ—всѣ въ мундирахъ: непремѣнный членъ, за предсѣдателя, трое «земскихъ» и товарищъ прокурора, сѣвшій за столикъ—сбоку.

«Эксперта» не случилось.

Того «земскаго», который присудилъ осьмерыхъ, каждаго къ шестнадцатирублевому штрафу—только за «пѣніе псалмовъ»—ему тотчасъ же показали. Но дѣло читалъ не онъ, а другой «начальникъ»—молодой, съ лицомъ и тономъ петербургскаго чиновника.—Его отчетливое, сухое чтеніе такъ и рѣзало Булашова по уху.

— Этотъ бы и по сѣренькой съ каждаго присудилъ!—шепнулъ ему кто-то.

Защитнику не стòило много труда, представивъ документы о принадлежности къ молоканству главнаго виновника, и сдѣлавъ ссылку на два сенатскихъ рѣшенія—доказать, что земскій превысилъ свою власть и оштрафовалъ за молитвенное собраніе, не воспрещенное закономъ.

Рѣчь его взяла не больше четверти часа. Товарищъ прокурора—рослый, полный блондинъ—далъ еще болѣе краткое заключеніе. Онъ безъ всякихъ

оговорокъ заявилъ, что считаетъ дѣйствіе земскаго «неправильнымъ». Послѣ того, съѣздъ удалился и минутъ черезъ десять вынесъ оправдательное рѣшеніе.

Лица всѣхъ сіяли. Зерновъ жалъ руку защитника. Весело потряхивалъ курчавыми волосами и главный виновникъ. А солнце заливало свѣтомъ всю залу.

На улицѣ Булашовъ простился съ своими новыми знакомыми (стр. 478—479).

Не правда-ли, это мѣсто исполнено животрепещущаго интереса? А такія страницы далеко не рѣдки въ злополучныхъ „Исповѣдникахъ“.

Въ предшествовавшей книжкѣ мнѣ понравилось было изображеніе того перелома, который произошелъ въ душѣ дряблаго Костровина, ставшаго жертвою религіозной маніи подъ вліяніемъ измѣны жены, извѣстной уже читателю кривляки-декадентки. Но и этотъ наиболѣе удавшійся автору эпизодъ „Исповѣдниковъ“ не выдержанъ съ достаточной силой до конца, такъ какъ въ окончаніи разговоръ уже совсѣмъ свихнувшагося Костровина съ пріятелемъ Булашовымъ черезчуръ переполненъ общими и туманными разсужденіями психопата о мірѣ, который весь погрязъ въ грѣхѣ.

Будемъ надѣяться, что живое и искусное перо г. Боборыкина исправитъ новымъ произведеніемъ пространное lapsus calami, представляемое „Исповѣдниками“.

Въ послѣднихъ своихъ номерахъ „Вѣстникъ Европы“ словно открылъ конкурсъ для беллетристовъ на тему о любви. И замѣчательно, что состязающіеся на этой аренѣ писатели берутъ вопросъ о любви въ странно-отвлеченномъ и самодовлѣющемъ видѣ, по возможности абстрагируя отъ своего сюжета всѣ жизненныя, не скажу даже только соціальныя, но и вообще серьезныя психологическія усложненія и главный центръ своихъ произведеній поставляя въ любви и лишь въ любви. Я имѣю преимущественно въ виду повѣсть г-жи Н. Анненковой-Бернаръ „Бабушкина внучка“, занимающаго три номера „Вѣстника Европы“ (апрѣль, май, іюнь) и повѣсть же г-жи Софьи Витте „Мой романъ“, напечатанную въ іюньской и іюльской книжкахъ журнала. Кстати сказать, эта манера узкой и односторонней обработки, отпрепарированія, если можно такъ выразиться, упомянутой темы типично для нынѣшней литературы, которой не прошло, конечно, даромъ ея недавнее увлеченіе искусствомъ для искусства, декадентствомъ, общественнымъ индифферентизмомъ, игрой въ пустыя психологическія бирюльки и т. п. Не то, чтобы и раньше не было беллетристическихъ произведеній, спеціально посвященныхъ вопросу

о любви. Но они все же попадались сравнительно рѣже; а затѣмъ въ нихъ—хотѣлъ или не хотѣлъ этого авторъ—основная тема далеко не носила такого изолированнаго отъ жизни и среды характера, какимъ поражаютъ теперешнія безконечныя повѣствованія на тему „онъ“ и „она“.

Понятно, что эта узость обработки затрудняетъ прежде всего самихъ авторовъ подобныхъ произведеній, потому что чѣмъ исключительнѣе они трактуютъ свой сюжетъ, абстрагируя его отъ жизненныхъ усложненій и задачъ, тѣмъ труднѣе имъ дать что-нибудь новое и заинтересовать читателя. Шутка-ли сказать: любовь сама по себѣ! Кто изъ великихъ поэтовъ и прозаиковъ не касался этого предмета? Существуютъ даже цѣлыя христоматіи цитатъ, изреченій, отрывковъ изъ писателей всѣхъ временъ и народовъ, посвященныхъ „старой, но вѣчно юной исторіи“. Попробуйте-ка внести что-нибудь свое въ эту эротическую (говорю въ общемъ, а не специфическомъ смыслѣ) сокровищницу, оставаясь на почвѣ исключительнаго выраженія „его“ чувствованій къ „ней“ и „ея“ къ „нему“.

О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты...

Да не только востокъ и югъ, но и всѣ точки горизонта, всѣ уголки и закоулки описаны въ той области, которую мадемуазель Скюдери называла „страною Нѣжнаго“. И придать разнообразія этой любовной антологіи только и можно, разсматривая чувство въ его конкретномъ осложненіи, въ его тѣсной связи съ жизнью, средой, людьми, характеромъ и занятіями ихъ, если только... если только вы не рѣшитесь взяться за смѣлую тему утопическаго психологическаго романа...

Увы, сочинители или—точнѣе говоря—сочинительницы изъ „Вѣстника Европы“ оставшись въ рамкахъ современной избитой психологіи, не постарались усложнить свой сюжетъ и какимъ-нибудь серьезнымъ вопросомъ, вытекающимъ изъ отношеній между полами. „Онъ“ и „она“ и безконечное разматываніе златыхъ волосъ Афродиты, соединяющихъ разнополыя существа,—вотъ и все содержаніе обѣихъ повѣстей:

Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпь, а тонкій волосокъ,

что и требовалось доказать; и горе, если судьба начнетъ рвать эти непрочные узы.

Литературная справедливость требуетъ, однако, расположить обѣ повѣсти въ извѣстной перспективѣ. Произведеніе г-жи Анненковой-Бернаръ недурно написано и стоитъ, по крайней мѣрѣ,

съ точки зрѣнія внѣшней тактики много выше „Романа" г-жи Витте; кромѣ того, въ немъ есть хоть въ слабой степени попытка вдвинуть узкую тему о любви въ нѣкоторую среду, показать развитіе дѣйствующихъ лицъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій. Г-жа же Витте сдѣлала изъ своей повѣсти исторію банальнѣйшаго ухаживанія, хотя и съ драматическими и даже трагическими эпизодами, но лишенную какого бы то ни было серьезнаго интереса; да и самая манера ея писанія не обнаруживаетъ ни большого вкуса, ни даже замѣтнаго литературнаго умѣнья.

„Бабушкина внучка" составомъ своихъ главныхъ или, если хотите, наиболѣе знаменательныхъ — англичанинъ сказалъ бы: representative—лицъ, напоминаетъ извѣстную русскую загадку: это, дѣйствительно, исторія трехъ женскихъ поколѣній, матери съ дочерью, да матери съ дочерью, да бабушки со внучкой, главнымъ же образомъ, какъ указываетъ и заглавіе — именно этой внучки. Познакомимъ же читателей съ нисходящей тріадой дамъ, различіе которыхъ, въ силу самаго характера повѣсти, обнаруживается въ отношеніи къ любви. Бабушка, Марья Львовна, считая любовь истиннымъ царствомъ женщины, старалась удовлетворить прежде всего чувству властолюбія и сознанію своего могущества въ этой сферѣ. Она имѣла немало любовныхъ исторій, но прежде всего любила самое себя, упивалась фиміамомъ похвалъ, комплиментовъ и признаній, и отъ времени до времени бросала съ гордостью королевы свой платокъ избраннику, тщательно производя выборъ и осчастливливая своего временнаго фаворита за особый вкусъ, изящество или выдающійся талантъ. Дочь, Сусанна, и счетъ потеряла своимъ романамъ, но уже совершенно обнажила чувство къ другому полу отъ всякихъ идеальныхъ и даже просто человѣческихъ надстроекъ, ища въ немъ лишь удовлетворенія „темперамента"...

Внучка, Ненси, одаренная живой натурой и добрымъ сердцемъ, могла бы, казалось, и въ сферу любви перенести болѣе широкій и человѣчный идеалъ, и на первыхъ порахъ возбуждаетъ симпатіи читателя своею искренностью и непосредственностью. Но, съ дѣтства систематически отравляемая дикими идеями бабушки насчетъ исключительнаго значенія любви, любви, лишенной одухотворяющаго начала, любви, какъ средства властвовать и блистать, она скоро превращаетъ веселую оперетку своей молодой жизни въ пошлую мѣщанскую драму, а потомъ и цѣлую трагедію; симпатіи же читателя къ ней уступаютъ мѣсто смѣшанному чувству сожалѣнія и досады. Героиня сначала влюбляется въ юношу — музыканта и, не смотря на сопротивленіе милліонерши бабушки, выходитъ замужъ за скромнаго избранника сердца. Но черезъ годъ счастливой жизни, молодая женщина, уже мать крошечной дѣвочки, преспокойно даетъ мужу

уѣхать одному въ Петербургъ, гдѣ онъ хочетъ работать въ консерваторіи и стать на свои ноги, тяготясь жить на чужія средства; а сама, привыкнувъ къ роскошной и праздной жизни и стараясь чѣмъ-нибудь наполнить ее, попадаетъ въ руки изящнаго, хотя и очень пожившаго ловеласа, тщетно хочетъ вырваться изъ сѣтей вульгарнаго адюльтера, разсказываетъ все въ порывѣ откровенности пріѣхавшему мужу, который убиваетъ за то соблазнителя, оправданъ судомъ, но не въ силахъ снова сойтись съ женой. Наконецъ, „бабушкина внучка" уѣзжаетъ за границу со старухой и умираетъ отъ чахотки, послуживъ моделью „Вѣчности" – вотъ оно какъ!—для картины нѣкоего высокоталантливаго художника, съ которымъ у нея, по словамъ автора, оказалась „ни любовь, ни дружба", а „свободное, совсѣмъ свободное единеніе душъ".

Вотъ остовъ повѣсти, вотъ ея канва, по которой г-жа Анненкова-Бернаръ расшила, и расшила порою не безъ нѣкотораго искусства, рядъ то довольно эротическихъ (сцена паденія), то мелодраматическихъ (убійство ловеласа) картинъ. Къ сожалѣнію, не смотря на нѣкоторыя побочныя детали,—недурно рисующія, напр., кой-какія стороны провинціальной жизни,—содержаніе повѣсти, исключительно вертящееся вокругъ того, что одинъ авторъ непочтительно называлъ „касаніемъ двухъ кожицъ и обмѣномъ двухъ фантазій", врядъ-ли удовлетворитъ и заинтересуетъ мыслящаго читателя.

Но его ужъ несомнѣнно и разсмѣшитъ, и раздражитъ „Мой романъ" г-жи Витте. Это опять исканіе родственной души, души—сестры, но изображенное въ формѣ флирта, пикировокъ и будировокъ двухъ очень претенціозныхъ, но очень пустопорожнихъ существъ, не смотря на всѣ видимыя старанія автора представить ихъ въ заманчивомъ свѣтѣ. Героиня—прелестная дѣвица, Марья Сергѣевна Нарская, сестра довольно разбитной дамы, скучающей съ больнымъ мужемъ; герой—загадочный молодой человѣкъ, художникъ Леоновъ, къ несчастію для героини оказывающійся женатымъ на безпутной пѣвичкѣ, хотя уже и разошедшимся съ ней. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ съ обѣихъ сторонъ сцѣпиться крючковатыми атомами двухъ родственныхъ душъ, герой и героиня, наконецъ, познакомились. Но, какъ и полагается такимъ интереснымъ субъектамъ, все время проводятъ то во взаимномъ притягиваніи, то въ отталкиваніи, то въ любви, то въ ненависти—совсѣмъ космогонія Эмпедокла!—и то говорятъ другъ другу комплименты, то обмѣниваются очевидно остроумными, по мнѣнію автора, колкостями. Вотъ образчикъ этой убійственно-тонкой пикировки (діалогъ начинается въ выдержкѣ словами героя):

— Отчего вы не пришли вчера на концертъ?

— А вы тамъ были, не смотря на проливной дождь?

— Я всегда исполняю свои обѣщанія. Правда, что я рисковалъ только промочить ноги, а вамъ, вдобавокъ, грозила опасность испортить ботинки отъ «Пети».

— Ваши свѣдѣнія невѣрны,—произнесла я шутливо.—Хотя я, дѣйствительно, выписываю себѣ обувь изъ Парижа, къ великому негодованію Егора Ильича, который усматриваетъ въ моихъ вырѣзныхъ каблукахъ Louis XV что-то преступное. но мой башмачникъ въ Парижѣ не «Пети» а «Фери».

— Преступная ошибка съ моей стороны, признаюсь и каюсь,—презрительно пробормоталъ Леоновъ, чѣмъ еще больше меня подзадорилъ.

— Не ошибитесь, пожалуйста, если вамъ вздумается ѣхать въ Парижъ, а мнѣ вздумается вамъ дать порученіе на одну пару ботинокъ.

— Нѣтъ, ужъ увольте меня отъ вашихъ порученій. Я никогда не вожусь ни съ женскими тряпками, ни съ женщинами, которыя съ ними возятся (іюнь, 632 стр.)

и т. д., и т. д. Заинтригованныхъ дальнѣйшею судьбою нашихъ Ромео и Джульетты отошлемъ къ самому „роману" г-жи Витте, предупредивъ, впрочемъ, тѣхъ изъ читателей, которые любятъ знать напередъ, „чѣмъ это кончается", что романъ сей кончается ничѣмъ, такъ какъ героиня, похоронивъ Леонова, стоитъ на послѣдней строчкѣ въ позѣ недоумѣнія и сама не знаетъ, выходить ли ей замужъ или нѣтъ за припасеннаго на всякій случай нѣкоего „Андрюшу". Словомъ, совсѣмъ какъ въ старинной пѣснѣ, услаждавшей нашихъ бабушекъ:

Она не знала, что начать:
Казаться или утопать,—
Смутившись въ мысляхъ вся (bis!)

Отмѣтимъ еще двумя-тремя словами прочія беллетристическія произведенія „Вѣстника Европы". Въ „Культурномъ болотѣ" (май и іюнь) г. Покровскій вяло разсказываетъ странную исторію нѣкоего милліонера Бородавкина, который эксплуатируется дѣльцами-чиновниками и неизвѣстно путемъ изъ-за чего учреждаетъ акціонерную компанію для своего и безъ того процвѣтающаго завода. Г. Н. Дружининъ даетъ рядъ непретенціозныхъ, но интересныхъ своей совокупностью сценъ современной деревни („Среди крестьянскихъ дѣлъ", май), которыя читатель сблизитъ не безъ пользы для себя съ помѣщенною въ той же книжкѣ статьею г. Ѳ. Маричева, рисующаго „по личнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ", роль „Волостнаго писаря и волости" въ современномъ же крестьянскомъ обиходѣ. Одинъ независимо отъ другого, одинъ въ болѣе беллетристической, другой болѣе въ публицистической формѣ, но оба автора приходятъ почти къ одному безотрадному выводу: безсильная на добро, сильная на зло, администрація деревни тяжелымъ гнетомъ легла на крестьянство и

своимъ то капризомъ, то формализмомъ остановила развитіе живыхъ общественныхъ силъ въ тѣхъ сѣрыхъ массахъ, которыя до сихъ поръ лежатъ въ основаніи всей русской жизни и такъ нуждаются въ скорѣйшемъ пріобщеніи къ гражданственности помимо сословныхъ барьеровъ.

„На пристани", разсказъ г-жи Юл. Холостовой (іюль) тоже относится къ сельской жизни. Но написанный витіевато-былиннымъ языкомъ, преизобилующій сантиментальными и трогательно-страшными эпизодами, онъ производитъ на читателя впечатлѣніе манерной и дѣланной вещи и, словно патока, скоро набиваетъ оскомину. Это—исторія злодѣтельнаго парня-уродца, который всякими коварствами отбиваетъ любимую дѣвушку у своего брата (по матери), толкаетъ его па самоубійство, но и самъ, женясь на отбитой, впадаетъ въ раскаяніе, оставляетъ ненавидящую его жену и двадцать лѣтъ скитается по монастырямъ, отмаливая свой грѣхъ. Вотъ, для примѣра, эпическое описаніе доблестей брата:

> А и поклоны, и ласка у него для каждаго разные: старымъ людямъ низко, пренизко въ поясъ поклонится, молодымъ мужикамъ да молодкамъ руку протянетъ ласково, да привѣтливо, парнямъ кивнетъ съ улыбкой, дѣвушкамъ подмигнетъ задорно, малыхъ ребятъ и т. д. (стр. 155).

Точно знаменитый эпилогъ „Пѣсни о Калашниковѣ":

> Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
> Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
> Пройдетъ дѣвица—пригорюнится...

Но если г-жа Холостова изображаетъ деревню въ эпическо-романтическомъ вкусѣ, то вотъ г-жа Нат. Стахевичъ изображаетъ ее во вкусѣ натуралистическомъ (см. „Страничка изъ захолустной жизни", августъ): жилъ-былъ на свѣтѣ Максимъ, и хорошій былъ мужикъ да незадачливый, и была у него старуха-мать, была молодая, но совсѣмъ больная жена, былъ братъ Фремка, который съ тѣхъ поръ, какъ вернулся изъ солдатъ, не хотѣлъ работать въ селѣ, была старая лошадь, да была еще мечта прикупить ей на помогу молодую. Увы! Фремку пришлось отпустить въ городъ, жену свезти въ больницу, а тутъ еще неурожай, а тутъ корова издохла, жену же, какъ неизлѣчимую, надо было снова взять къ себѣ. И вотъ везетъ Максимъ жену обратно глухою ночью по лѣсу, напалъ на него страхъ, и стало его преслѣдовать исхудалое, злобное лицо Степаниды: онъ взялъ да и задушилъ ее. Его осудили на нѣсколько лѣтъ каторжныхъ работъ, мать умерла, а мѣстный священникъ Павелъ воскликнулъ:

— Неисповѣдимы пути Господни!... (стр. 651).

Восклицательный знакъ и три точки. И подпись автора. И больше ничего. А читатель, отдавая должное благороднымъ на-

мѣреніямъ писательницы изобразить жизнь деревни съ ея нищетой, мракомъ и безпомощностью, все же не чувствуетъ себя ни взволнованнымъ, ни тронутымъ, ни даже просто заинтересованнымъ: прилично написанная вещь не отличается художественными достоинствами.

Вотъ эти-то среднія, сѣрыя, не теплыя и не холодныя свойства произведеній и удручаютъ читателя современной литературы; и онъ тщетно ищетъ чего-нибудь свѣжаго, хотя бы и съ изъянами, и прочитывая эти нерѣдко и грамотныя, и добросовѣстныя упражненія, поминутно ловитъ себя на вопросѣ: да для чего же все это? да что же это означаетъ? Что означаетъ, напримѣръ, повѣсть „Въ опустѣломъ домѣ“ г. К. Головина (августъ — сентябрь), которая изображаетъ героя качающагося, словно маятникъ, между департаментской карьерой и земской дѣятельностью, между любовью къ дѣвушкѣ-подростку (потомъ молодой женщинѣ) и адюльтеромъ — а затѣмъ и законнымъ бракомъ — съ женой начальника? Или какой интересъ представляетъ изображеніе „Муравейника“ (августъ) въ разсказѣ г. Ольнемъ, который выводитъ на сцену закулисную сторону и литературную стряпню провинціальной газеты? Неужели смыслъ этого произведенія весь въ томъ, что и женщины могутъ быть хорошими и даже болѣе способными, чѣмъ мужчины, секретарями редакціи?

Вотъ почему, за неимѣніемъ лучшаго, съ удовольствіемъ останавливаешься даже на крошечномъ разсказѣ г. Н. Сѣверова „Старый капитанъ“, разсказѣ, который, не блистая особыми художественными достоинствами, по крайней мѣрѣ, заинтересовываетъ читателя самымъ сюжетомъ своимъ. Старый капитанъ—французъ, у котораго авторъ снималъ квартиру въ окрестностяхъ Парижа, разговорился какъ-то съ своимъ жильцомъ и разсказалъ ему коечто о Коммунѣ, въ которой онъ принималъ дѣятельное участіе. Не ищите въ этомъ разсказѣ ничего новаго, особенно послѣ всего, что писалось объ этомъ историческомъ движеніи XIX-го вѣка людьми вродѣ Арну, Малона, Лиссагарэ, Фіо. Не ищите даже особой точности въ характеристикѣ и оцѣнкѣ нѣкоторыхъ событій. Но, во-первыхъ, нашъ средній читатель почти вовсе не знаетъ богатой „литературы вопроса“, какъ выражаются обстоятельные нѣмцы. Во-вторыхъ, г. Сѣверову удалось мѣстами сохранить въ разсказѣ капитана живость и теплоту, которыя должны были ощущаться въ словахъ мало-мальски сознательнаго участника въ событіи. И намъ дѣла нѣтъ до того, точно-ли существовалъ „старый капитанъ“, бесѣдовавшій съ г. Сѣверовымъ, или же авторъ употребилъ этотъ пріемъ, чтобы написать нѣсколько не лишенныхъ интереса страницъ. Только напрасно этотъ капитанъ говоритъ порою странныя вещи. Что, напримѣръ, выражаетъ слѣдующая фраза, рисующая отношеніе разсказчика къ французскому

пролетарію по возвращеніи послѣ амнистіи (значитъ, не ранѣе лѣта 1880 г).

Этого рабочаго не узналъ я: изможденный физически, утратившій энергію, онъ утѣшался бумажнымъ соціализмомъ, дичая въ то же время, теряя нравственное чутье... Всюду царила система лжи и безсердечія, корысти, шпіонства по долгу службы и совѣсти (стр. 815).

Это когда же все происходило? Неужели въ началѣ 80-хъ годовъ, когда французскій рабочій уже опять ожилъ? Намъ кажется, что старый капитанъ перепуталъ нѣсколько года въ своей слабѣющей памяти.

Кромѣ „Стараго капитана" нашъ авторъ далъ (въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы") и разсказъ „Нелли". Но читателю столько разъ приходилось сталкиваться въ литературѣ съ изображеніемъ типа курортныхъ сиренъ и низменныхъ искательницъ приключеній, что врядъ-ли это произведеніе г. Сѣверова скажетъ что-нибудь новое его уму и сердцу.

Да, чуть было не забылъ помянуть о „Письмахъ Владиміра Соловьева къ кн. Д. Н. Цертелеву" (августъ). Они многого не прибавятъ къ литературной славѣ покойнаго. Но лишь хотѣлось бы сказать о нихъ нѣсколько словъ, и сказать хотя-бы уже потому, что, благодаря метафизической реакціи, которая недавно царила въ нѣкоторыхъ слояхъ нашей интеллигенціи, у насъ невозможно было говорить о Вл. Соловьевѣ иначе, какъ падая ницъ передъ нашимъ славнымъ философомъ. Пора бы относиться самостоятельнѣе и въ сущности достойнѣе, т. е. съ меньшимъ идолопоклонствомъ и условною ложью комплиментовъ, къ тому, кто все же искренно любилъ человѣческую личность и ея проявленіе, мысль, и старался жить по убѣжденію.

Бѣда, что у него самого эта мысль носила слѣды смѣшаннаго происхожденія и—выражаясь языкомъ нелюбимаго имъ позитивизма—принадлежала къ различнымъ историческимъ „фазисамъ". Наряду съ свѣжей и ясной мыслью человѣка современнаго періода,—или даже вѣрнѣе не на ряду, а оттѣсняя ее, затопляя ее,—въ его сознаніи жила схоластическая мысль метафизика и даже теологическая мысль первобытнаго дикаря: чего стоитъ одна его вѣра въ чертей, и при томъ чертей, имѣющихъ якобы самое близкое касательство къ жизни. Но не говоря уже объ этихъ печальныхъ курьезахъ психологіи покойнаго, какой странный конгломератъ враждебныхъ элементовъ представляло его общее міровоззрѣніе! Недаромъ его еще неостывшій трупъ тянули въ разныя стороны умѣренные либералы изъ „Вѣстника Европы", и неумѣренные мракобѣсцы изъ „Московскихъ Вѣдомостей", западники и славянофилы или, если хотите, наши „націоналисты", друзья

свободнаго развитія и ненавистники общественнаго прогресса. Дѣло въ томъ, что у покойнаго какъ разъ не было того основного связующаго начала, которое называется логическою стройностью міросозерцанія, которое послѣдовательно выводитъ изъ себя теоретическія и жизненныя заключенія и котораго, по недоразумѣнію, искали у него и пріурочивали къ своимъ идеаламъ люди разныхъ направленій (я не говорю, конечно, о тѣхъ болѣе строгихъ и цѣльныхъ направленіяхъ, которыя у насъ еще такъ недавно совсѣмъ было оказались въ загонѣ). Его общія идеи были не химическимъ соединеніемъ, а механическою смѣсью, и съ этой точки зрѣнія можно было найти у покойнаго отдѣльные взгляды то будто либеральнаго, то какъ бы консервативнаго и даже реакціоннаго пошиба. Оттого-то былъ такъ безрезультатенъ въ сущности поединокъ, который завязали надъ умершимъ его различные поклонники: каждый тащилъ Соловьева къ себѣ, прицѣпясь за отдѣльные взгляды, отдѣльныя мысли, и каждый былъ правъ по своему или, по крайней мѣрѣ, могъ дѣлать видъ, что правъ. Лишь искреннее уваженіе къ человѣческой личности ставитъ Соловьева во всякомъ случаѣ не въ лагерь ея угнетателей.

Покойный былъ человѣкъ не критической, а импульсивной и, пожалуй, въ извѣстной степени творческой, но во всякомъ случаѣ не научной мысли; онъ былъ человѣкомъ убѣжденія, но основаннаго не на знаніи, а на вѣрѣ. Потребность вѣрить была у него преобладающей стороной души; и просто поражаешься, какъ его хваленый скептицизмъ по отношенію къ научнымъ пріобрѣтеніямъ человѣчества умалялся, съеживался до невозможности и совсѣмъ исчезалъ въ области какой-нибудь традиціонной нелѣпицы. Друзья его съ восторгомъ разсказали намъ, что въ юности онъ пережилъ эпидемію самаго грубѣйшаго нигилизма, доходя, напримѣръ, до того, что плевалъ на иконы; но что затѣмъ онъ, на основаніи самыхъ, молъ, серьезныхъ размышленій, вошелъ въ пристань вѣры, дабы уже никогда не оставлять ее. Интересно знать, какія это глубокія размышленія, какая это упорная работа мысли привела его, напримѣръ, къ вѣрѣ въ чертей и къ тому, что они играютъ замѣтную роль даже въ будничной жизни человѣка.

Въ свое время, по поводу защиты Вл. Соловьевымъ магистерской диссертаціи о „Кризисѣ западной философіи“ (въ 1874 г.), „Отечественныя Записки“ остроумно изобразили общее міровоззрѣніе нашего мыслителя въ видѣ тонкаго-претонкаго, прозрачнаго, византійскаго пальца—метафизика, пальца—спирита, который былъ показанъ нашимъ философомъ публикѣ, состоявшей изъ мичмановъ Пѣтуховыхъ, и доставилъ ей большое удовольствіе. Дѣло шло о „всеединомъ духѣ“, который былъ изобрѣтенъ магистрантомъ „отчасти по Гартману, отчасти по Алланъ-Кардеку, отчасти самостоятельно“. Этотъ самый перстъ выросъ

значительно и вызывалъ въ послѣднее время не только удовольствіе, но благоговѣйное удивленіе въ нашей метафизической публикѣ; и этотъ перстъ, конечно, былъ большею частью, какъ и полагается ему, обращенъ въ небо. Но случалось, что этимъ же византійскимъ перстомъ Вл. Соловьевъ наносилъ больные щелчки здѣсь, на землѣ, нѣкоторымъ категоріямъ тѣхъ самыхъ господъ изъ охранительнаго лагеря, которымъ какъ нельзя болѣе были любы метафизическія идеи нашего противника научной мысли (avis разнымъ господамъ Величко!). Такъ этимъ же перстомъ, во имя „свободы духа и развитія", Вл. Соловьевъ жестоко наказалъ нашихъ, по его остроумному выраженію, „назадняковъ", которые и спятъ и видятъ, какъ бы это только загнать имъ злополучную Россію вспять, по крайней мѣрѣ, къ Домострою. Силу этого перста испытали на себѣ и невѣжественные импровизированные богословы изъ „Московскихъ Вѣдомостей", которыхъ Соловьевъ, играючи, забилъ древне-еврейскими цитатами изъ Св. Писанія. Вся эта публицистическая дѣятельность писателя (особенно въ „Вѣстникѣ Европы" начала 90-хъ годовъ) заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны всякаго, кому только дороги интересы русскаго прогресса, а порою представляетъ собою блестящую страницу въ исторіи борьбы свободной русской мысли противъ гнета и мрака.

Но какъ часто—и почти одновременно—эта почтенная роль культурнаго борца смѣнялась у Соловьева неблагодарною функціею совершенно произвольнаго метафизика и комично-серьезнаго теолога изъ свѣтскихъ! Какъ далека была порою его мысль отъ вопросовъ современности! Какъ даже въ жизненныхъ вопросахъ она отличалась самонадѣянностью и вмѣстѣ поразительною слабостью: что можно представить себѣ поверхностнѣе и страннѣе, напр., его разсужденій о нравственномъ принципѣ въ экономической сферѣ и его рѣшеній соціальнаго вопроса! Византійскій перстъ черезчуръ часто попадалъ въ такихъ случаяхъ въ свою родину,—въ небо!..

Письма Вл. Соловьева къ кн. Цертелеву относятся къ 1874—1878 г., т. е. значитъ эпохѣ, когда складывалось, но еще не окончательно сложилось метафизическое міровоззрѣніе нашего философа. Можно было бы думать, что на нихъ отражается такъ или иначе тотъ энтузіазмъ, то броженіе, которое охватываетъ душу всякаго молодого человѣка, достойнаго имени мыслителя. Къ сожалѣнію, въ этихъ эпистолахъ нѣтъ ровно ничего, что заслуживало бы вниманія; приходится предположить, что у кн. Цертелева не хватило настолько чутья, чтобы не предавать тисненію подобныя письма, а въ такомъ случаѣ остается пожалѣть покойнаго. Если не всякое лыко надо ставить въ строку, то и не всякія же записочки друга вытягивать въ печатныя строки: мало ли что человѣкъ можетъ написать на скорую руку и по

поводу какого-нибудь микроскопическаго событія? Въ письмахъ Вл. Соловьева попадаются даже прямо мѣста, обнаруживающія въ нашемъ мыслителѣ,—прославляемомъ за живость и любознательность ума, — поразительное сочетаніе легкомыслія и самоувѣренности. Не угодно-ли вамъ будетъ переварить слѣдующій „пассажъ"? Вл. Соловьевъ пишетъ своему корреспонденту (въ 1876 г.) о своихъ парижскихъ впечатлѣніяхъ и выражается такъ:

Очень радъ и для тебя и для себя, что ты не оставилъ Шопенгауэра. Относительно твоего порученія въ Парижѣ, я могъ спросить только у Ренана (ни съ кѣмъ другимъ изъ этой сферы не имѣлъ случая познакомиться); онъ сказалъ мнѣ, что писать на академическую премію могутъ только французы,—можетъ быть, совралъ, такъ какъ вообще онъ произвелъ на меня впечатлѣніе пустѣйшаго враля. Въ магазинахъ университетскія программы не продаются. Впрочемъ, я при всемъ своемъ стараніи не могъ даже постичь общее устройство высшаго образованія во Франціи, и что такое тамъ значитъ Université. Вообще же на меня въ Парижѣ напала такая тоска, что я при первой возможности, бросивъ всѣ дѣла и занятія, устремился безъ оглядки въ Москву (стр. 434).

Съ этакой развязностью не всегда и какой-нибудь нововременецъ перекувыркнется. Живо видишь передъ собою умнаго, скептически настроеннаго Ренана, а передъ нимъ нашего философа съ его аляповатыми „абсолютами", хихиканіемъ надъ усиліями научной мысли и самоувѣренными отрицаніями и утвержденіями, основанными лишь на импульсивной тенденціи вѣрить! Безподобная, высоко-ироническая сцена—и въ результатѣ правый, скорый и милостивый судъ надъ человѣкомъ, оставившимъ даже своими недостатками глубокій слѣдъ на европейской мысли: „вообще Ренанъ" оказался для Соловьева „пустѣйшимъ вралемъ"! Жаль, что у насъ нѣтъ естественнаго дополненія къ этому приговору, а именно сужденія Ренана о московскомъ разрушителѣ позитивизма. А этотъ отзывъ былъ бы, вѣроятно, цѣлой поэмой, и, конечно, прежде всего не по отношенію лично къ самому Соловьеву, — мало-ли какихъ людей перевидалъ на своемъ вѣку авторъ „Происхожденія христіанства", „Исторіи Израиля", всевозможныхъ филологическихъ, философскихъ и критическихъ этюдовъ и т. д.—а по отношенію къ умственному типу quasi-мыслителей соловьевскаго пошиба. И можетъ быть, было бы не безынтересно представить себѣ продолженіе разговора между москвичемъ и бретонцемъ въ видѣ философскаго діалога—въ царствѣ мертвыхъ.

Какъ бы то ни было, Ренанъ показался, видите-ли, нашему мудрецу до такой степени вралемъ, что ему Соловьевъ не довѣряетъ даже по части простого практическаго вопроса, который Ренанъ долженъ знать просто въ силу своей оффиціальной должности. И „вообще" весь Парижъ, впрочемъ, такъ удручилъ нашего

юношу, что онъ безъ оглядки устремился, „даже бросивъ всѣ дѣла и занятія“, на востокъ, къ освѣжающимъ впечатлѣніямъ Москвы-рѣки и Воробьевыхъ горъ. И еще бы не устремиться, когда „не смотря на все свое стараніе“, нашъ философъ не могъ „постичь“ что это за штука такая вотъ хотя бы высшее образованіе во Франціи, и что такое тамошній университетъ. Дѣло, очевидно, было труднѣе, чѣмъ понять, что творится, напр., за предѣлами нашего эмпирическаго познанія, въ области спиритуалистическаго эфира.

Много забавнѣе для читателя видѣть, какія усилія употреблялъ Соловьевъ въ Лондонѣ, чтобы проникнуть въ тайны спиритизма, ища здѣсь „маленькаго зерна дѣйствительной магіи“, но найдя во время одного сеанса на своей головѣ „мускулистую руку, владѣлецъ которой духомъ себя не объявилъ“ (стр. 431). Это не мѣшало, конечно, нашему философу принять при постройкѣ своего міровоззрѣнія сны на яву того самаго Аллана Кардека, англійскіе ученики котораго производили на него впечатлѣніе „чего-то весьма жалкаго“ (стр. 432).

„Вообще“ я думаю, что письма Вл. Соловьева могли бы, безъ ущерба для русской мысли и литературы, сохраняться въ дружескомъ портфелѣ кн. Цертелева. И не цари еще среди нѣкоторой части нашей интеллигенціи неумѣренный вкусъ къ метафизикѣ и ея пророкамъ, „Вѣстникъ Европы“ не открылъ бы съ такою готовностью своихъ страницъ для этихъ или совершенно незначительныхъ, или курьезныхъ писемъ, за сообщеніе которыхъ врядъ ли особенно бы поблагодарилъ друга самъ Соловьевъ.

Обращаю вниманіе читателя на „личныя воспоминанія“ г. Воропонова по „Крестьянскому дѣлу въ Юго-западномъ краѣ“ („Вѣстникъ Европы“, сентябрь). Мы и раньше указывали на интересныя стороны этихъ воспоминаній, рисующихъ отраженіе капризныхъ встрѣчныхъ теченій въ высшихъ сферахъ въ періодъ „великихъ реформъ“. На сей разъ авторъ изображаетъ дуновеніе „новыхъ вѣтровъ“, какъ онъ называетъ въ одной изъ предлагаемыхъ теперь читателю главъ наступленіе эпохи окончательной реакціи, смѣнившей болѣе ранній періодъ преобразованій, когда Россія, подъ громъ либеральныхъ аплодисментовъ, двигалась по пути прогресса, на манеръ набожныхъ мусульманъ, идущихъ ко гробу Магомета: два шага впередъ и одинъ назадъ!..

Я не безъ любопытства всматриваюсь теперь въ физіономію „Міра Божія“, лишеннаго своей умной и талантливой руководительницы: сами же сотрудники разсказали намъ, какую роль играла А. А. Давыдова, сколько такта и чутья проявляла она въ веденіи журнала, какіе подводные камни умѣла обходить, какихъ промаховъ избѣгала. Нельзя, конечно, еще опредѣлить, что̀ въ

теперешнемъ „Мірѣ Божіи" работаетъ по инерціи маховика, пущеннаго опытной, нынѣ отсутствующей рукой, и что выражаетъ собою тенденціи, импульсъ эпигоновъ. Поживемъ—увидимъ...

Вообще же можно сказать, что съ точки зрѣнія теоретической „Міръ Божій" пытается представлять то направленіе нашей мысли, которое называется „критическимъ марксизмомъ" и которое все болѣе и болѣе принимаетъ въ этомъ органѣ характеръ довольно странной смѣси „экономизма" и идеалистической метафизики. И это выражается двояко: и тѣмъ, что журналъ помѣщаетъ статьи и того, и другого рода; и тѣмъ, что въ однихъ и тѣхъ же статьяхъ дѣлается попытка сочетать несочетаемое. Есть, напр., въ „Мірѣ Божіи" статьи вродѣ „Города и деревни въ русской исторіи" (апрѣль — іюнь) г. Н. Рожкова, который обѣщается — и исполняетъ это обѣщаніе — „исходить въ своемъ изложеніи изъ экономическихъ явленій, какъ основныхъ, и изъ нихъ объяснять явленія соціальной и политической жизни" (апрѣль, стр. 79) *). Есть статьи на манеръ „Эволюціоннаго и критическаго метода въ теоріи познанія" (іюль—августъ) г. проф. Челпанова, который не желаетъ терпѣть ни малѣйшаго ущербленія титула идеалистической метафизики и потому если не убѣдительно, то настойчиво отвергаетъ всякую попытку вывести кантовскія формы познанія изъ „эволюціонной психологіи". Есть, наконецъ, статьи, представляющія якобы синтезъ, а на самомъ дѣлѣ смѣсь изъ двухъ точекъ зрѣнія, какъ, напр., статья „Идеализмъ и марксизмъ" г. Маркелова, который своими логическими упражненіями живо напоминаетъ, выражаясь поэтически, прелестную испанку Пушкина, осаждаемую двумя рыцарями:

«Кто, рѣши, любимъ тобою?»
Оба дѣвѣ говорятъ
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

И вотъ дѣва изъ „Міра Божія" то бросаетъ нѣжный взглядъ на марксизмъ,—„мы бы такъ формулировали заслугу марксизма" (стр. 231),—то отвергаетъ его и протягиваетъ руки его сопернику,—„одна изъ главныхъ соціологическихъ ошибокъ Маркса" и т. д. (стр. 233). Наконецъ, сразу заключаетъ въ объятія обоихъ и чувствительно, но не особенно вразумительно лепечетъ насчетъ того, что она хочетъ „примирить эти два умственныя теченія и тѣмъ самымъ вдохнуть въ крѣпкое тѣло марксизма живую душу" (стр. 234).

Вообще совѣтую читателю перелистовать эту статью, чтобы

*) Отсылаю читателя за разборомъ очерка г. Рожкова къ статьѣ г. Батина въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства» «Русская исторія въ ея новѣйшей переработкѣ».

видѣть, во что превратилось у русскихъ „учениковъ“ міровоззрѣніе, провозглашенное ими еще недавно съ такой помпой.

Въ беллетристикѣ „Міра Божія“ можно отмѣтить двѣ-три недурныя или вообще интересныя по чему-либо вещи. Говоря такъ, я не имѣю, впрочемъ, въ виду „Друга дѣтства“ (апрѣль—іюнь), хотя эта повѣсть и принадлежитъ умѣлому перу г-жи Ольги Шапиръ. Опытная писательница хотѣла, повидимому, на этотъ разъ выйти изъ своей спеціальности: изображенія любви, особенно женской, и личной жизни героевъ. Она задалась цѣлью представить вліяніе порядочнаго культурнаго человѣка на свѣжую крестьянскую натуру. Главная героиня ея повѣсти Дина, импульсивная, но благородная дѣвушка, выросшая въ нелѣпой помѣщичьей семьѣ, гдѣ разныя лица воплощаютъ—и деспотизмъ, и безволіе, и рутину мысли, и предразсудки чувства, полагаетъ всю душу свою на то, чтобы развить и выработать настоящихъ людей изъ окружающихъ ее крестьянскихъ дѣтей. И особеннымъ предметомъ ея педагогической заботливости является ея ровесникъ и другъ дѣтства Савелій, отличающійся выдающимися способностями, нравственнымъ чутьемъ и раннимъ пробужденіемъ чувствъ человѣческаго достоинства. Но эта тема не особенно удалась нашему автору, потому что въ самомъ началѣ онъ уже свернулъ на привычную дорожку эволюціи и перипетій любви и, не смотря на видимое желаніе расширить этотъ кругъ, лишь замаскировалъ узко-аффективную сферу дѣйствія, но не успѣлъ сдѣлать настоящимъ центромъ повѣсти воздѣйствіе интеллигентной мысли на неиспорченную душу народа.

Любовь и тутъ замѣшалась: Дина питаетъ къ своему ученику нѣжное чувство, умѣряемое, насколько можно понять, смутнымъ сознаніемъ героини, что все же Савелій не ровня ей, что она черезчуръ превосходитъ его въ умственномъ отношеніи (хотя и не признается себѣ въ этомъ); а Савелій весь проникнутъ къ барышнѣ глубочайшимъ аффектомъ обожанія и нѣсколько комичной, почти собачьей преданности. Не знаю, какъ на читателя, но на меня эти недоговоренныя и слезливыя (со стороны Савелія) сцены свиданій и объясненій производятъ впечатлѣніе забытыхъ сантиментальныхъ романовъ, въ которыхъ тоже выдвигалось неравенство положеній при равенствѣ или, вѣрнѣе, равноцѣнности чувствъ героя и героини и которые въ концѣ-концовъ вызываютъ въ современномъ читателѣ ощущеніе приторной и фальшивой слащавости. Г-жа Шапиръ, вѣроятно, сама въ концѣ-концовъ почувствовала это и опытной рукой спустила занавѣсъ на незаконченной „ситуаціи“, предоставляя самому читателю угадать, соединитъ-ли судьба нѣжными узами оставившую родную помѣщичью усадьбу Дину и идущаго въ сельскіе учителя Савелія.

Не смотря на всѣ недостатки повѣсти г. Семена Юшкевича „Ита Гайне“ (май — іюль), недостатки, которые, повидимому, объясняются литературною неопытностью автора, мнѣ хочется обратить вниманіе читателей на это произведеніе, потому что въ немъ чувствуется присутствіе хоть нѣкоторой искры Божіей, столь рѣдко ощущаемой въ большинствѣ современныхъ претенціозныхъ и вымученныхъ вещей. Г. Юшкевичу удалось создать кое-что маленькое—не по числу страницъ, къ сожалѣнію — но живое; и мнѣ хотѣлось бы увѣрить себя, что это не обманчивый отблескъ болотнаго огонька, а первое сіяніе небольшого, но дѣйствительнаго дарованія. „Ита Гайне“ — исторія бѣдной еврейской „дѣвушки-матери“, которая находится въ когтяхъ нищеты, среди ужасной обстановки подонковъ городского населенія, и вынуждена пойти въ кормилицы, сдавъ своего собственнаго ребенка на попеченіе женщины, которой спеціальность брать за деньги именно такихъ несчастныхъ дѣтей и скоро отправлять ихъ на тотъ свѣтъ, благодаря той же горькой нуждѣ, небрежности и отсутствію ухода.

Говоря, впрочемъ, такъ, я нѣсколько суживаю сюжетъ повѣсти, и суживаю въ извѣстной степени невольно, подъ вліяніемъ не совсѣмъ удачнаго названія, даннаго своему произведенію самимъ авторомъ: это, собственно, исторія не одной Иты Гайне, а цѣлаго ряда подобныхъ же ей несчастныхъ, обездоленныхъ существъ; и заглавіе повѣсти можно понять только такимъ образомъ, что въ ней лишь больше говорится объ Итѣ, чѣмъ о ея подругахъ. Г. Юшкевичъ далъ рядъ сценъ изъ жизни нашего еврейскаго и при томъ босяцкаго пролетаріата, среди котораго вербуются отчаянные золоторотцы, коты и кошки западнаго края; и своимъ ансамблемъ повѣсть производитъ, говоря вообще, на читателя впечатлѣніе реальной, дѣйствительно видѣнной, а не сочиненной только и не вычитанной жизни, и при томъ изображаемой авторомъ съ несомнѣнной, хотя и не кричащей симпатіей къ этимъ жертвамъ мучительныхъ условій.

Финала въ повѣсти нѣтъ, да и не могло быть въ сущности потому, что эта ужасная жизнь тѣмъ ужаснѣе, что представляетъ собою фатальное и безконечное повтореніе однихъ и тѣхъ же дѣйствій. Вонъ Ита похоронила своего ребенка и возвращается къ барченку, и нетрудно предсказать, что она приживетъ съ своимъ дешевымъ Альфонсомъ еще новаго ребенка, чтобы отправлять надлежащимъ образомъ свои функціи кормилицы, если только въ концѣ-концовъ не подчинится увѣщаніямъ и кулакамъ Михеля и не пойдетъ откровенно на тротуаръ. А вонъ Маша давно уже избрала послѣдній путь подъ вдохновительными побоями Яши, къ которому привязалась, чтобы хоть чѣмъ-нибудь скрасить свою каторжную трудовую жизнь, и теперь бѣдняга, послѣ тяжелой болѣзни въ госпиталѣ, успокоилась на-

вѣкъ на еврейскомъ кладбищѣ, въ то время, какъ расчувствовавшійся спутникъ, отирая шальную слезу, уже намѣчаетъ подходящую преемницу Машѣ. Словомъ, все идетъ попрежнему, и невольно у читателя „Иты Гайне" сжимается сердце, — что слѣдуетъ отнести на счетъ искренности, съ которою написана повѣсть.

Но, въ интересахъ самого же начинающаго автора, слѣдуетъ указать и на очень замѣтные недостатки „Иты Гайне". Прежде всего, повѣсть сильно растянута: будь она въ половину короче, она, несомнѣнно, выигрывала бы. И то самое безотрадное ощущеніе повторяемости явленій, которое читатель выноситъ изъ описанія этой тяжелой жизни, лишь ослабляется ненужнымъ переминаніемъ автора на мѣстѣ: начинаетъ казаться, что авторъ злоупотребляетъ монотонностью изображенія.

Не особенно искусно г. Юшкевичъ и индивидуализируетъ свои типы: всѣ эти лица, главнымъ образомъ женщины, говорятъ одинаково, — я сказалъ бы въ значительной степени книжно, если бы меня не останавливало то соображеніе, что бѣдствіе происходитъ среди евреевъ и разговоръ ведется на жаргонѣ, который авторъ, очевидно, лишь переводитъ на русскій, при чемъ особенности этого говора, болѣе бѣднаго, но въ извѣстномъ смыслѣ и болѣе книжнаго, чѣмъ русскій простонародный языкъ, остаются и въ переводѣ и сообщаютъ рѣчамъ уже упомянутую вычурность. Во всякомъ случаѣ въ разговоръ повѣсти надо вчитаться; и на коренного русскаго производятъ странное впечатлѣніе эти черезчуръ правильныя и возвышенныя фразы вродѣ, напримѣръ, тѣхъ, которыми обмѣниваются между собою Ита и Маня. Такъ Маня говоритъ:

— Вотъ и вы скоро пристроитесь, Ита. Вы не повѣрите, какъ я къ вамъ привязалась за эти нѣсколько дней. Что-то такое хорошее напомнило мнѣ наше короткое знакомство. Теперь бы мнѣ хотѣлось, чтобы то, какъ мы живемъ, не проходило, не измѣнялось, чтобы мы всегда ходили къ Розѣ, были вмѣстѣ, разговаривали и мечтали. Главное—вмѣстѣ, потому что одиночество начинаетъ пугать меня, и все у меня болитъ, когда я остаюсь одна (май, стр. 173—174).

Не отстаетъ отъ „чего-то такого хорошаго" и прочихъ не совсѣмъ простыхъ выраженій и Ита и такъ отвѣчаетъ подругѣ:

— Я къ вамъ тоже привязалась, Маня,—но такія, какъ мы, не должны надолго привязываться. Нужно разучиться этому, Маня. Привяжешься и только лишней муки наберешься. Забыла вѣдь я о матери, о братѣ, а какъ я ихъ любила. Теперь я легко уже говорю о нихъ, а вначалѣ какъ я боролась, мучилась, плакала, пока жизнь душу мою не подмѣнила и не научила думать о другомъ и т. д. (Ibid., стр. 174).

Это однообразіе, это отсутствіе индивидуализированія принимаетъ порою у автора почти курьезныя формы. Онъ любитъ опи-

сывать людей и вообще предметы, такъ сказать, оптомъ, распредѣляетъ ихъ въ отдѣльныя группы, заставляетъ ихъ продѣлывать извѣстныя дѣйствія сразу, словно по командѣ, и однимъ мазкомъ проводитъ по всей группѣ. Вотъ, для примѣра, изображеніе публики, наполнявшей по дѣламъ квартиру факторши:

Три старыя женщины, очень полныя, съ лоснящимися потными лицами, съ искривленными и какъ бы разбухшими отъ ревматизма пальцами, не отходили отъ печурки и, хотя уже разстегнули кофты, все сидѣли и грѣлись, упиваясь теплотой. Два подростка, дѣвушки лѣтъ по 14, въ грязныхъ юбкахъ, которыя онѣ, сидя на подоконникѣ, почему-то постоянно приподнимали, давая (?) видѣть худыя, тоже грязныя ноги, подмигивали другъ дружкѣ на старухъ и громко смѣялись, выбрасывая визгливый, короткій хохотъ. (Стр. 160).

И далѣе:

Кормилицы уже кормили дѣтей. Онѣ собрались рядышкомъ на самой большой скамьѣ подлѣ стѣны, и лица ихъ были серьезны... Всѣ дѣти, точно условившись, лежали на лѣвой сторонѣ и квакали (?) и свистѣли (?) отъ наслажденія. Съ закрытыми глазами, въ рядъ, съ раскраснѣвшимися носами. они играли грудью... Матери, положивъ на нихъ грубыя, некрасивыя отъ работы руки, не обращали вниманія на шалости и чинно вели свои бесѣды. Потомъ всѣ, какъ бы испытавъ одно и тоже чувство усталости и отвращенія (?!), привычнымъ движеніемъ перебросили дѣтей на правую сторону... (стр. 163).

И снова:

Три толстыя старухи, подложивъ кофты подъ головы, уже спали около остывшей печурки и громко храпѣли. Подростки щебетали о чемъ-то и, обрывая ногтями штукатурку со стѣны, бросали ею въ старухъ, а тѣ сердито ворочались и обмахивались искривленными и разбухшими пальцами (стр. 163).

Словомъ, нашъ авторъ любитъ маневрировать своими дѣйствующими лицами огуломъ и большими батальонами: „старухъ“ у него нѣсколько, и одѣты онѣ одинаково, и пальцы, и лица у нихъ похожи; подростковъ тоже, и тоже кормилицъ, которыя продѣлываютъ движенія прямо цѣлыми шеренгами; даже „дѣти“ подчиняются этому своеобразному закону большихъ чиселъ въ повѣсти г. Юшкевича и дружно отхватываютъ приличествующіе всему отряду артикулы. Очевидно, фантазіи автора еще трудно разнообразить подвертывающіеся подъ перо предметы, и онъ нѣсколько ребячески-наивно складываетъ ихъ въ однородныя категоріи и однимъ махомъ закрашиваетъ въ тотъ же цвѣтъ.

Съ другой стороны, г. Юшкевичъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы отказался отъ выискиванія вычурныхъ выраженій и страннаго слога, которымъ нынѣшніе писатели любятъ таки пощеголять. Я не говорю, конечно, о не совсѣмъ русскихъ оборотахъ вродѣ „давая видѣть“ (вмѣсто „показывая“), но указываю на нарочно и, повидимому, не безъ усилій придуманныя фразы и рѣдкостныя выраженія. Тутъ и дѣтскіе голоса, которые вонзаются въ васъ, какъ „тончайшія иглы“, и крики женщинъ, ко-

торые „остріемъ“ доносятся до васъ; тутъ есть, наконецъ, и цѣлыя предложенія, отличающіяся страннымъ подборомъ словъ и чисто декадентскими курьезами. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, слѣдующая претендующая на тонкій импрессіонизмъ картина:

Большая туча, наконецъ, соскользнула съ того мѣста, гдѣ стояло солнце, и вся улица вдругъ засмѣялась отъ свѣта. Все ожило, расцвѣло и заискрилось подъ разбѣжавшимися лучами. Отчетливыя тѣни неслышно улеглись подлѣ домовъ. Воздухъ всколыхнулся, рѣзво помчался вдоль улицы, растолкалъ прохожихъ, опять побѣжалъ, а стоявшія въ лужицахъ воды, въ которыхъ отражались опрокинутыми дома, наморщились и заблистали розоватымъ серебромъ (іюль, стр. 30).

Удивительно, какъ у современныхъ писателей весь чинъ природы ведетъ себя, точно условившись сотворить что-нибудь странное и ему по штату естества не полагающееся. Ну, добро бы тучи „соскальзывали“ съ мѣстъ, гдѣ „стоитъ“ солнце, и улицы „смѣялись“ отъ свѣта. Но что выдѣлываютъ проказники лучи, которымъ авторъ предписываетъ „разбѣжаться“, или тѣни, которыя „неслышно“ ложатся подлѣ домовъ, „воздухъ“, который приходитъ въ такой азартъ, что „расталкиваетъ“ прохожихъ? А воды лужицъ (воды лужицъ и совсѣмъ безподобно, вродѣ моря чайнаго блюдца), которыя блистаютъ „розоватымъ серебромъ“? И подумать, что у Пушкина, Тургенева или Толстого нѣтъ никакихъ такихъ отборныхъ словечекъ при описаніи природы, и тѣмъ не менѣе все живетъ и дышетъ поэтической и вмѣстѣ глубоко-реальной красотой...

Вѣроятно, послѣдній разсказъ г. Леонида Андреева „Мысль“ („Міръ Божій“, іюль) произведетъ извѣстную сенсацію и среди обыкновенной публики, и среди спеціалистовъ по душевнымъ болѣзнямъ. Нашъ авторъ, какъ извѣстно, предпочитаетъ обрабатывать сюжеты странные, необычные и въ особенности любитъ останавливаться на той области человѣческихъ чувствованій, которую можно было бы назвать „психологіею ужаса“. Г. Андреевъ, не смотря на нѣкоторые изъяны и неровности творчества, обладаетъ несомнѣннымъ талантомъ, особенно въ отмежеванной имъ сферѣ. Н. К. Михайловскій далъ оцѣнку появившимся отдѣльнымъ изданіемъ разсказамъ г. Андреева, и мнѣ остается только отослать читателя къ этой статьѣ. Мнѣ лишь хотѣлось бы по поводу послѣдней вещи г. Андреева обратить вниманіе на одну сторону таланта автора, которая, какъ мнѣ кажется, составляетъ особенность его художественнаго темперамента или, если хотите, его индивидуальный пріемъ,—и какъ разъ при разработкѣ сюжетовъ изъ „психологіи ужаса“. Можетъ быть, мое впечатлѣніе невѣрно; но существенною чертою этой спеціальной стороны творчества

у г. Андреева является для меня искусственность построенія патологической задачи, — *искусственность*, которая не только не исключаетъ, но даже предполагаетъ большое *искусство*, гибкость таланта автора, и которая, однако, слишкомъ выдвигаетъ разсчетъ и замыселъ художника въ противоположность естественной силѣ творческой фантазіи. Г. Андреевъ напоминаетъ мнѣ больше Эдгара По, чѣмъ Достоевскаго,—и говоря такъ, я совершенно оставляю въ сторонѣ количественный элементъ, величину таланта, а имѣю въ виду лишь типъ и характеръ его.

Что поражаетъ въ психологіи Достоевскаго, такъ это удивительная естественность, „спонтанейность" самыхъ болѣзненныхъ, казалось бы, чувствъ, аффектовъ и идей дѣйствующихъ лицъ: самъ художникъ отсутствуетъ при этомъ изображеніи или, вѣрнѣе, онъ такъ отожествился съ живымъ, страдающимъ, ненормальнымъ существомъ, что самая болѣзненность душевныхъ проявленій запечатлѣна глубокою правдивостью и реализмомъ. То, поистинѣ, страдаетъ живой человѣкъ, и вы увлечены, измучены, приведены въ ужасъ этими страданіями. Наоборотъ, читая Эдгара По и самыя тонкія, самыя безукоризненныя его произведенія, затрогивающія психологію ужаса, вы не можете никогда вполнѣ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что это самъ авторъ двигаетъ психологической маріонеткой, что это онъ такъ стройно, такъ логически просто, такъ, если хотите даже, изящно и правдоподобно рѣшаетъ сложную душевную задачу: вы глубоко заинтересованы и можете даже быть потрясены психологіей какого-нибудь героя „странныхъ исторій"; но васъ никогда не оставляетъ совершенно вполнѣ сознаніе, что это не жизнь, а созданіе искусства, что это сочинено, что это придумано.

На меня г. Андреевъ производитъ впечатлѣніе, напоминающее скорѣе По, чѣмъ Достоевскаго, хотя я не думаю, вообще, отрицать художественной искренности молодого автора: я говорю лишь о доминирующемъ впечатлѣніи при чтеніи его произведеній. У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ въ данный моментъ его разсказовъ, и я боюсь по памяти доказывать это ссылками, такъ какъ дѣло это требуетъ точности. Но у меня живо врѣзался въ память разговоръ, котораго я былъ внимательнымъ слушателемъ между нѣсколькими лицами разнаго возраста, воспитанія, склада ума, какъ разъ по поводу одного изъ наиболѣе странныхъ разсказовъ г. Андреева: помните его молодого человѣка, который насилуетъ въ свою очередь уже изнасилованную негодями нравящуюся ему дѣвушку. Въ числѣ собесѣдниковъ были и скептики по отношенію къ силѣ таланта г. Андреева, были и восторженные поклонники: амплитуда различія мнѣній была, какъ видите, широкая. Но меня поразило при этомъ разговорѣ, что и тотъ, и другой лагерь читателей сходились, сами того не замѣчая— какъ, впрочемъ, и бываетъ зачастую при спорахъ—на одномъ

существенномъ впечатлѣніи: на странности, необычности сюжета и ловкости, съ какою авторъ, вставляя одинъ за другимъ промежуточные члены, успѣваетъ свести его къ невѣроятной, но возможной и какъ будто бы, при извѣстныхъ спеціальныхъ условіяхъ, даже логической исторіи-развязкѣ. Эта именно ловкость, это несомнѣнное искусство, но и близкая къ нему искусственность трактованія психологической задачи является для меня лично почти постояннымъ привкусомъ, сопровождающимъ чтеніе произведеній г. Андреева. Мнѣ такъ и кажется, что авторъ побился объ закладъ заставить васъ сдаться на его странные сначала аргументы и принять въ концѣ концовъ его необычную тему; и, какъ опытный шахматный игрокъ, въ нѣсколько ходовъ даетъ вамъ, дѣйствительно, болѣе или менѣе удачный матъ. А это, конечно, указываетъ, во всякомъ случаѣ, если не на силу, то на тонкость таланта г. Андреева, который не всегда убѣждаетъ, но рѣдко не заинтересовываетъ васъ (какъ было съ его первыми, растянутыми и не особенно приглянувшимися мнѣ разсказами).

Фабула послѣдняго разсказа г. Андреева, хотя и довольно проста, но относится цѣликомъ къ области „психологіи ужаса“ и потому должна необходимо потерять въ краткой передачѣ: въ „Мысли“ много интересныхъ штриховъ, много тонкихъ оттѣнковъ, да въ нихъ въ сущности и все дѣло, весь, если можно такъ выразиться, художественный тембръ произведенія; приходится отсылать читателя къ самому разсказу г. Андреева. А фабула эта такая: нѣкто врачъ Керженцевъ, еще молодой и, повидимому, чрезвычайно энергичный и очень неглупый, но глубоко эгоистичный человѣкъ, убиваетъ своего друга Алексѣя Савелова; убійство это было совершено при отсутствіи правдоподобныхъ стимуловъ преступленія, и Керженцевъ былъ отданъ на испытаніе въ психіатрическую больницу, лежа въ которой далъ пространныя письменныя объясненія, послужившія, наряду съ другими данными, для судебной экспертизы. Въ этихъ объясненіяхъ, въ этой автобіографіи преступника, написанной по спеціальному поводу, и заключается все содержаніе разсказа, занимающаго болѣе двухъ листовъ и очень тонко и психологически цѣлесообразно конченнаго авторомъ тамъ, гдѣ какъ разъ долженъ бы начинаться грубый внѣшній, но совершенно второстепенный драматизмъ положенія: „Мысль“ обрывается на томъ, что „присяжные засѣдатели удалились въ комнату совѣщаній“; а какой приговоръ они вынесутъ, авторъ предоставляетъ судить самимъ читателямъ, дѣлая и ихъ, такъ сказать, членами громаднаго общественнаго жюри, и усугубляя наше затрудненіе еще тѣмъ, что мнѣнія экспертовъ психіатровъ „раздѣлились поровну“.

Что же говоритъ въ своихъ объясненіяхъ убійца? И опять я

попрошу читателей обратиться къ самому разсказу: дѣло не въ томъ, что говоритъ Керженцевъ, а какъ говоритъ, въ тѣхъ безчисленныхъ, повидимому мелкихъ, а на самомъ дѣлѣ существенныхъ черточкахъ, которыми авторъ разнообразитъ основную тему, или, лучше сказать, основную загадку „Мысли". Въ какой степени отвѣтственъ этотъ убійца за преступленіе? Здоровый ли онъ или больной человѣкъ? И здѣсь-то начинается то талантливое, но въ значительной мѣрѣ искусственное пиленье нервной системы читателей, которое является—для меня, по крайней мѣрѣ,—характеристичной чертой всѣхъ разсказовъ г. Андреева, касающихся „психологіи ужаса".

Въ самомъ дѣлѣ, что ужаснѣе, что мучительнѣе для современнаго человѣка, какъ не частая неувѣренность въ томъ, нормальный-ли онъ субъектъ или нѣтъ? Что тяжелѣе, какъ не опасеніе за то, что вотъ-вотъ оборвутся тѣ тонкія нити умственной и нравственной оріентировки, которыя сдерживаютъ „человѣка-звѣря", и что это чудовищное существо начнетъ свой бѣшеный бѣгъ, топча ногами самыя дорогія вѣрованія, утопая въ безмѣрной грязи и крови, перегрызая горло любимымъ существамъ или корчась въ страхѣ передъ гигантскими и въ то же время нелѣпыми, дѣтски-смѣшными образами фантазіи? Я нарочно, умышленно подчеркнулъ вѣроятность такой перспективы и не безъ умысла же вложилъ въ психологію сумасшедшаго страхъ и отвращеніе нормальнаго человѣка, для того, чтобы лучше опредѣлить область, въ которой г. Андреевъ щиплетъ и тянетъ нервы читателя своей „Мысли". Его преступный герой, убившій друга якобы изъ-за простой мести къ женѣ этого друга, когда-то отвергнувшей его руку и сердце, сначала, до совершенія преступленія, притворяется сумасшедшимъ, чтобы безнаказанно совершить убійство; но послѣ, почти сейчасъ же, начинаетъ сознавать, что онъ дѣйствительно сумасшедшій. Въ страхѣ невыносимаго, адски льнущаго къ нему сознанія, что онъ сошелъ съума, онъ пытается увѣрить себя,—и увѣрить-то себя лишь увѣряя экспертовъ,—что онъ все же нормальный человѣкъ, что онъ умышленно совершилъ преступленіе и умышленно притворялся впавшимъ въ безумство. Но его „мысль" поворачивается снова, какъ змѣя, и обращаетъ къ нему шипящій вопросъ, да былъ-ли ты нормальнымъ человѣкомъ и тогда, когда задумывалъ преступленіе, когда готовился къ нему, когда избиралъ якобы средствомъ для безнаказанности мнимое сумасшествіе?.. Мнимое! да не было ли самое чувство мести къ женщинѣ, то чувство, изъ-за котораго ты будто бы и совершилъ преступленіе, лишь болѣзненной галлюцинаціей не существовавшей на самомъ дѣлѣ эмоціи, лишь симптомомъ, признакомъ, субъективнымъ выраженіемъ лежавшаго во всемъ твоемъ ненормальномъ организмѣ сумасшествія?..

Я передаю лишь остовъ разсказа г. Андреева и передаю своими словами, потому что, только концентрируя свое общее впечатлѣніе, я могу дать нѣкоторое понятіе о „Мысли“, которую въ противномъ случаѣ пришлось бы цитировать цѣлыми страницами, такъ какъ тутъ дѣло все въ оттѣнкахъ, въ изворотахъ и и въ перегибѣ самой на себя мучительной идеи. Къ этимъ-то оттѣнкамъ и надо будетъ обратиться читателю, и смѣю увѣрить, пиленья онъ испытаетъ въ достаточномъ количествѣ. Является, однако, вопросъ, насколько вѣрна съ научной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія психіатріи „Мысль“ г. Андреева, потому что самый сюжетъ послѣдняго разсказа автора таковъ, что долженъ вызывать не одну художественную, а и спеціальную критику. Я жду съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ приговора нашихъ психіатровъ, а пока представлю нѣсколько соображеній...

Благодаря случайному совпаденію, въ то самое время, какъ я читалъ „Мысль“ г. Андреева, передо мной уже лежала книга, чтеніе которой я заканчивалъ и которая близко касалась, по крайней мѣрѣ, одной стороны темы, взятой нашимъ молодымъ беллетристомъ. Она вышла за границей, въ Парижѣ, совсѣмъ недавно и даже помѣчена будущимъ годомъ: это—очень объемистое сочиненіе доктора Пьера Жанэ, профессора психологіи въ Collège de France, посвященное „неотвязнымъ идеямъ и психастеніи“ *). Въ этой послѣдней работѣ авторъ, извѣстный своими прежними трудами по такъ называемымъ неврозамъ и idées fixes, перебираетъ цѣлый кругъ душевныхъ болѣзней, не составляющихъ прямого помѣшательства съ его галлюцинаціями, иллюзорными идеями, непреодолимыми и импульсивно выполняемыми актами и вообще того, что называется безумствомъ или сумасшествіемъ; но наоборотъ характеризующихся неотвязными, зачастую нелѣпыми мыслями, въ реальность которыхъ больной самъ не вѣритъ собственно, хотя вѣчно испытываетъ, точно ли онѣ существуютъ у него; ложными импульсами къ дѣйствію, которые однако, не переходятъ въ актъ, но оставляютъ въ душѣ паціента лишь мучительное опасеніе, какъ бы онъ не совершилъ ихъ, и отъ которыхъ онъ отдѣлывается или, если можно такъ сказать, отбояривается при помощи сложныхъ и нерѣдко крайне смѣшныхъ умственныхъ операцій, составляющихъ въ свою очередь цѣлый лѣсъ какъ бы паразитной логической растительности; наконецъ, всевозможными маніями, фобіями и тиками, въ которыхъ вообще выражается ослабленіе нормальной напряженности душевной дѣятельности, и т. д. Авторъ даетъ такимъ больнымъ общее названіе „скрупулёзныхъ“ или страдающихъ ненормальнымъ копаніемъ въ своей совѣсти, и характеризуетъ главную черту ихъ маніи болѣзнью самовопрошанія или „сомнѣнія“.

---

*) D-r Pierre Janet, *Les obsessions et la psychasthenie.*

Не надо думать, что эти психическія аномаліи совершенный пустякъ, ибо въ періодъ обостроенія психическихъ странностей больной невыносимо страдаетъ, сильно худѣетъ, испытываетъ всевозможныя разстройства органическихъ отправленій; да и среди обыкновеннаго хроническаго процесса, что называется, не находитъ мѣста себѣ, все сводя къ своей болѣзни и обращая на нее вниманіе тѣмъ болѣе, чѣмъ настойчивѣе хочетъ забыть о ней. Но изслѣдователь, однако, проводитъ рѣзкую границу между этими сознательными маніями, этимъ резонирующимъ помѣшательствомъ и настоящимъ сумасшествіемъ, когда паціентъ находится всецѣло во власти ложныхъ представленій и переводитъ свои импульсы въ угрожающіе и крайне опасные себѣ и другимъ поступки.

Настоящій сумасшедшій выполняетъ, напр., самоубійство съ дикой, почти нечеловѣческой энергіей; резонирующій маніакъ все время ужасается той мысли, что покончитъ съ собою, но мучась субъективно, не подвергается большой объективной опасности, якобы отстраняя отъ себя импульсъ (а на самомъ дѣлѣ не будучи въ состояніи перевести его въ дѣйствіе) при помощи различныхъ заклинаній, договоровъ, условій съ самимъ собой или прямо комичныхъ пріемовъ психологической казуистики. Настоящій сумасшедшій, находясь подъ вліяніемъ маніи преслѣдованія, можетъ стать крайне опаснымъ для всякаго, кого поставитъ на его дорогѣ какая-нибудь его страшная галлюцинація; психастеникъ можетъ снѣдаться мыслію, что онъ неотразимо желаетъ зарѣзать свою мать, но ограничится зачастую даже не началомъ пугающаго его же самого акта, а какимъ-нибудь символическимъ его выраженіемъ, напр., простымъ сжатіемъ руки, и въ то же время будетъ жестоко терзать себя за это, какъ за совершенный актъ, удручая жалобами на себя и своихъ близкихъ, и доктора.

Интересно, что когда больного преслѣдуетъ даже такая спеціальная манія, будто онъ сходитъ съума и поэтому долженъ совершать ненормальные, постыдные (это ощущеніе типично) поступки, то и такимъ актамъ онъ предается лишь въ присутствіи доктора или знающихъ его манію лицъ; стоитъ появиться незнакомому человѣку, и больной охорашивается, приводитъ свои слова и дѣйствія въ порядокъ и передъ постороннимъ замыкается въ обычныя формы приличія. Словомъ, болѣзни нравственной скрупулезности, сомнѣнія и самовопрошенія поражаютъ своимъ несоотвѣтствіемъ между субъективнымъ ощущеніемъ внутреннихъ страданій паціента и слабымъ объективвымъ выраженіемъ его ненормальности въ волевыхъ актахъ. Ужасъ сознанія больного, что онъ можетъ совершить противъ своей воли какой-нибудь постыдный поступокъ, на самомъ то дѣлѣ есть лишь переводъ на языкѣ идей и эмоцій того психологическаго факта, что паціентъ вообще не можетъ ничего желать энергично, что онъ не способенъ къ дѣйствію, что онъ страдаетъ, какъ говорятъ психіатры, абуліей.

Пьеръ Жанэ не думаетъ, однако, отрицать, что возможны порою случаи перехода отъ психастеніи къ настоящему сумасшествію; но онъ проводитъ рѣзкую демаркаціонную черту между обоими состояніями и настаиваетъ на ихъ общемъ различіи.

Если теперь, запасшись такими взглядами ученаго спеціалиста, приступить къ анализу „Мысли" г. Андреева, то придется сказать, что авторъ очень искусно мучаетъ при помощи своихъ тонкихъ художественныхъ пріемовъ душу читателя, но что въ научномъ отношеніи его разсказъ грѣшитъ смѣшеніемъ двухъ очень различныхъ типовъ ненормальнаго человѣка. Точность, энергія, разсчитанность при совершеніи убійства даютъ намъ право смотрѣть на Керженцева какъ на настоящаго маніака преступленія, совершающаго свой актъ подъ могучимъ давленіемъ галлюцинаціонной идеи. Но его манія самовопрошенія, его мучительныя сомнѣнія, сумасшедшій-ли онъ или нѣтъ, его желаніе уцѣпиться при этихъ ужасныхъ страданіяхъ за экспертовъ, убѣдить ихъ, чтобы убѣдиться самому,—все это наоборотъ перебрасываетъ его въ лагерь психастениковъ, какъ разъ неспособныхъ къ энергичному превращенію импульса въ актъ.

Первая половина повѣсти и отдѣльныя мѣста второй половины заставляютъ думать читателя, что г. Андреевъ задался цѣлью изобразить настоящаго сумасшедшаго, представляющаго собою, не смотря на кажущуюся—лично для него—обоснованность актовъ и разсужденій, вполнѣ опредѣленный типъ опаснаго маніака, того „моральнаго безумца" (выраженіе, кажется, Маудсли), общее нравственное чувство котораго глубоко извращено въ самомъ корнѣ и который не подозрѣваетъ этого, а наоборотъ комбинируетъ это состояніе свое съ маніей величія. Онъ дѣлаетъ безнравственные поступки: крадетъ у товарищей общественныя деньги и съ наслажденіемъ проѣдаетъ ихъ; отправляется на ночное свиданіе въ комнату горничной, которая была и его любовницей, и любовницей его отца, какъ разъ въ то время, когда трупъ отца лежалъ въ сосѣднемъ залѣ и надъ нимъ читалъ дьячокъ, а уходя, „съ гордостью" смотритъ на покойника. Но эти акты моральнаго безумія онъ совершаетъ съ крайнимъ удовольствіемъ: ему кажется, что онъ неизмѣримо выше обыкновенныхъ жалкихъ людишекъ, что онъ—идеалъ сильнаго человѣка, что для него ходячая мораль не писана. Это въ нѣкоторомъ родѣ сверхчеловѣкъ извращенныхъ аффектовъ.

Но во второй половинѣ статьи (своей автобіографіи) и въ отдѣльныхъ штрихахъ первой половины герой рисуется уже скорѣе больнымъ второй категоріи, страдающимъ маніею сомнѣнія и вопрошенія и пытающимся отбиться отъ неотвязной мысли, что онъ сумасшедшій или что онъ сдѣлался сумасшедшимъ. Для вящшаго пиленія читателя г. Андреевъ преобразуетъ первоначальный типъ опаснаго маніака въ отличный отъ него типъ резонирующаго

„скрупулезнаго“ психопата, который настолько же страдаетъ отъ неувѣренности въ себѣ, отъ душевной невозможности самоопредѣленія, насколько прежній Керженцевъ наслаждался энергіею своей извращенной, но непреклонно дѣйствующей воли, упивался сознаніемъ, что онъ дѣлаетъ какъ разъ то, что хочетъ. Субъективно этотъ переходъ одного типа въ другой выражается для самого больного въ томъ, что его прежнее состояніе кажется ему апогеемъ торжества ясной мысли и твердой воли, а настоящее все соткано для него изъ мучительнаго колебанія въ отвѣтъ на вопросъ, кто же онъ, „оправдывающійся сумасшедшій или здоровый, сходящій съ ума“, и „притворялся-ли онъ сумасшедшимъ, чтобы убить, или убилъ потому, что былъ сумасшедшимъ“.

Обдумывая подробнѣе „Мысль“ г. Андреева, я нахожу, впрочемъ, даже, что авторъ на всемъ протяженіи повѣсти—опять-таки, вѣроятно, для пущаго пиленія читателя—примѣшивалъ одинъ типъ къ другому и вкрапливалъ особенности извѣстнаго психическаго состоянія въ иное, отъ него отличающееся. Такъ въ то время, когда Керженцевъ поступалъ какъ сверхчеловѣкъ, какъ „моральный безумецъ“, онъ вдругъ начиналъ испытывать страхи и ужасы „скрупулезнаго“ помѣшаннаго, который невыносимо боится крайнихъ—но не совершаемыхъ имъ—поступковъ. Въ эпизодѣ съ горничной у него было горделивое чувство, что „однимъ поступкомъ я нарушаю всѣ законы божескіе и человѣческіе“; и это можно объяснить тою окраскою, которую придавала извращенному поступку манія величія. Но тутъ же Керженцевъ вспоминаетъ, что онъ „ужасно трусилъ, до смѣшного“, хотя „всетаки справился съ собой“;—и то, посмотрѣвъ послѣ своего героическаго подвига на мертваго отца, онъ, однако, „вздрогнулъ, испугавшись шевельнувшагося покрывала“. Мало того, идя на свиданіе, онъ такъ былъ не увѣренъ въ своей рѣшимости довести до конца сверхъчеловѣческое предпріятіе, что тутъ же обѣщалъ самому себѣ покончить самоубійствомъ, если только испугается и отступитъ. А эти внутреннія обѣщанія и эта психологическая казуистика относятся уже къ душевному міру скрупулезныхъ и сомнѣвающихся, и обыкновенно сопровождаются не исполненіемъ, а новымъ наростаніемъ казуистическихъ же противообѣщаній на уже данныхъ и не выполненыхъ „клятвахъ“.

Послѣ убійства, находясь на испытаніи, Керженцевъ даже въ самыхъ мелкихъ и смѣшныхъ фактахъ отражаетъ въ особенности эту двойственность различныхъ типовъ. И читатель, страдая вдвойнѣ, недоумѣваетъ, однако, какую же психическую разновидность представляетъ герой „Мысли“,—мысли, по выраженію самого больного, прежде ясной и непреклонной, а затѣмъ измѣнившей ему, какъ раба, потому что, видите-ли, давая паціенту сначала сознаніе его великаго превосходства надъ людьми, она вслѣдъ затѣмъ вырвалась изъ-подъ его контроля и мучительно нашептывала ему:

„а докторъ Керженцевъ, дѣйствительно, пожалуй, сумасшедшій". Но возвратимся къ двойственности актовъ. Вотъ типичный поступокъ, въ которомъ г. Андреевымъ сплавлены два психическіе типа. Я дѣлаю выписку (нѣсколько сокращая).

А хотѣлось мнѣ странныхъ вещей. Мнѣ, д-ру Керженцеву, хотѣлось выть. Не кричать, а именно выть, какъ вонъ тотъ. Хотѣлось рвать на себѣ платье и царапать себя ногтями... И хотѣлось мнѣ, д-ру Керженцеву, стать на четвереньки и ползать... И я долго обдуманно выбиралъ, что мнѣ сдѣлать. Если выть, то выйдетъ громко и получится скандалъ. Если разодрать рубашку, то завтра замѣтятъ. И вполнѣ разумно я выбралъ третье: ползать. Никто не услышитъ, а если увидятъ, то скажу, что оторвалась пуговица, и я ищу ее (стр. 154).

До сихъ поръ мы имѣемъ дѣло съ типичнымъ психопатомъ „скрупулезности", который и желаетъ, но боится сдѣлать нелѣпый или смѣшной поступокъ, и которой, если и переводитъ свое желаніе въ актъ, то зачастую при помощи символа или же обставляя его такими условіями, чтобы можно было отпереться отъ него, иначе истолковать его свидѣтелямъ. Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать для параллели выписку изъ Жанэ, который задается вопросомъ, въ какой мѣрѣ „скрупулезные" слѣдуютъ своимъ якобы непреодолимымъ импульсамъ, и отвѣчаетъ такъ:

Для первой, самой важной группы наблюденій, потому что она заключаетъ въ себѣ двѣ трети больныхъ, вопросъ не представляетъ никакого затрудненія. Эти одержимые неотвязными идеями, которые, если послушать ихъ, испытываютъ самые страшные импульсы, въ дѣйствительности не совершаютъ ровно ничего... Эти больные говорятъ, правда, что они съ большимъ трудомъ сопротивляются побужденію; они употребляютъ для этого всевозможные любопытные пріемы. Такъ одинъ знаменитый больной перевязывалъ себѣ большіе пальцы лентами, чтобы сопротивляться импульсу убійства... Но достаточно замѣтить, что эти побужденія не должны быть ужъ такъ страшны, разъ такія подобія дѣйствія могутъ остановить ихъ.

Другая, уже гораздо болѣе ограниченная, группа заключаетъ больныхъ, которые дѣйствительно совершаютъ что-нибудь, т. е. производятъ дѣйствіе, имѣющее нѣкоторое—но лишь нѣкоторое отношеніе къ ихъ неотвязной идеѣ. Пр... хочетъ сдѣлать выкидышъ. Не будучи въ состояніи сопротивляться болѣе приводящему ее въ отчаяніе импульсу, она, наконецъ, уступила ему и приняла--ложку касторки!.. Кес..., которая все желаетъ выброситься изъ окошка, довольствуется тѣмъ, что бросается на полъ въ комнатѣ. Ви... не покупаетъ на самомъ дѣлѣ яду, какъ мечтаетъ объ этомъ, но входитъ въ аптеку и спрашиваетъ на два су—фіалокъ, чтобъ только купить что-нибудь...

Рядомъ съ такими больными, еще другіе, повидимому, уже болѣе осуществляютъ свою идею; но слѣдуетъ замѣтить, что сами же они принимаютъ любопытныя предосторожности, чтобъ ихъ дѣйствіе не имѣло никакого послѣдствія и значенія. Таковъ интересный случай, сообщаемый Баллемъ: «извѣстенъ,—говоритъ онъ,—случай одного знаменитаго государственнаго человѣка, который занималъ въ своей странѣ самыя высшія должности и который, когда обѣдалъ въ гостяхъ, неизмѣнно сопровождался слугою, спеціальное назначеніе котораго было приносить обратно серебряную посуду, похищать которую никогда не упускалъ случая его господинъ». Я склоненъ думать, что если это лицо и брало дѣйствительно посуду, такъ потому, что разсчитывало на присутствіе своего слуги (Les obsessions, стр. 78—80).

Мы видѣли, дѣйствительно, что нашъ Керженцевъ, какъ истый „скрупулезный“ больной, сопротивляясь дикому для его же сознанія импульсу выть, царапать себя когтями, ползать, избираетъ для себя актъ ползанія, какъ не дѣлающій скандала, и—мало того—придумываетъ заранѣе даже отговорку (пуговицу) въ случаѣ, если его застанутъ.

Но вслѣдъ за этимъ дѣйствія Керженцева принимаютъ уже непреодолимо импульсивный характеръ,

и пока я выбиралъ и рѣшалъ, было хорошо, не страшно и пріятно, такъ что, помнится, я болталъ ногой. Но вотъ я подумалъ:

— Да зачѣмъ же ползать? Развѣ я дѣйствительно сумасшедшій?

И стало страшно и сразу захотѣлось всего: ползать, выть, царапаться. И я обозлился.

— Ты хочешь ползать?—спросилъ я. Но оно молчало. Оно уже не хотѣло.

— Нѣтъ, вѣдь ты хочешь ползать?—настаивалъ я. И оно молчало.

— Ну, ползай же.

И, засучивъ рукава, я сталъ на четвереньки и поползъ. И когда я обошелъ еще только половину комнаты, мнѣ стало такъ смѣшно отъ этой нелѣпости, что я усѣлся тутъ же на полу и хохоталъ, хохоталъ, хохоталъ (стр. 154).

Здѣсь уже передъ нами вырисовывается типъ маніака, охватываемаго идеей и исполняющаго ея велѣнія; „скрупулезность“, по крайней мѣрѣ, временно отодвигается на задній планъ сознанія. И жаль лишь, что авторъ выбралъ такой самъ по себѣ смѣшной, но безобидный актъ, какъ ползаніе, который и „скрупулезнымъ“ больнымъ могъ быть совершенъ или при перспективѣ его разумнаго истолкованія, или какъ символъ, какъ казуистическій исходъ изъ какого-нибудь другого, болѣе серьезнаго психологическаго импульса. Но во всякомъ случаѣ нашъ прежній маніакъ—убійца уже снова вполнѣ превращается въ больного сомнѣніемъ, когда сейчасъ-же послѣ продѣланнаго комичнаго поступка и опираясь на сознаніе неудержимости импульса, вдругъ обращается съ просьбой, съ мольбой къ экспертамъ рѣшить за него ужасный вопросъ, въ своемъ-ли умѣ онъ или нѣтъ, и строитъ цѣлый лабиринтъ безконечныхъ pro и contra, подозрѣвая въ концѣ концовъ даже самого профессора-эксперта, что и тотъ сумасшедшій, что и тому хочется „крошечку проползти“.

И такъ искусно и искусственно г. Андреевъ заставляетъ читателя кружиться вмѣстѣ съ героемъ своего разсказа въ неразмыкаемомъ кольцѣ душевныхъ сомнѣній и, сплавляя въ одно два типа психическихъ больныхъ, ловко и настойчиво пытается стереть границу между нормальностью и ненормальностью нашего сознанія. „Мысль“ наигрываетъ на одной изъ наиболѣе чувствительныхъ струнъ той „психологіи ужаса“, которая особенно близка намъ, людямъ современнаго общества, разорвавшаго связь между физическимъ и умственнымъ трудомъ и тѣмъ самымъ нарушившаго необходимое условіе полной гармоніи нашего организма...

И если слабому человѣку этотъ психіатрическій этюдъ дастъ лишнюю долю напраснаго мучительства, то человѣку жизни и борьбы онъ послужитъ новымъ аргументомъ въ пользу извѣстныхъ измѣненій окружающаго строя.

Остальныя беллетристическія произведенія „Міра Божія“ могутъ быть отмѣчены немногими словами. Въ апрѣльской книжкѣ г. Танъ недурно изображаетъ скудную радостями и вообще впечатлѣніями жизнь интеллигентныхъ людей, судьбою занесенныхъ на далекій сѣверъ („На растительной пищѣ“, апрѣль). Въ августовской г. Лялинъ рисуетъ бытъ кочевыхъ татаръ Закавказья („Кара-Меджидъ“) съ ихъ безпомощностью почти первобытныхъ людей при столкновеніи съ нуждой и болѣзнью, а г. А. Барановъ въ своихъ „Замѣткахъ земскаго землемѣра“ даетъ намъ довольно живой портретъ современнаго ходока и мірского защитника изъ мужиковъ и проводитъ передъ глазами читателя тяжелую сцену сѣченія въ волости („На дорогѣ“). Что касается г-жи Крандіевской, которая написала въ мартовской книжкѣ, если помнитъ читатель, недурную вещицу „Только на часъ“, то на сей разъ она угощаетъ насъ короткимъ, но очень аляповатымъ, хотя и претенціозно написаннымъ разсказомъ „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“. Я хотѣлъ было совсѣмъ пройти молчаніемъ это твореніе, но подумалъ, что, можетъ быть, откровенный отзывъ принесетъ пользу начинающей писательницѣ. Тема разсказа стара, какъ міръ: это все „онъ“ да „она“. Но, богъ мой! какъ грубо разыграна эта тема. Вотъ: „онъ“ большой, „она“—маленькая, „онъ“ не знаетъ „ее“, „она“ не знаетъ „его“, у „нея“ есть мужъ и ребенокъ, которыхъ „она“ любитъ, но къ „нему“, съ которымъ „она“ знакома всего два дня, у „нея“ сильнѣйшее влеченіе, а у „него“ къ „ней“; „они“ гуляютъ ночью по островамъ, „онъ“ покупаетъ „ей“ букетъ розъ и отвозитъ „ее“ на нѣсколько часовъ къ себѣ, засимъ „она“ сейчасъ же уѣзжаетъ къ мужу, мечтая о кратковременномъ блаженствѣ, тщетно стараясь призвать себя къ порядку и супругу, но кончая слезами въ вагонѣ. Тема, пожалуй нѣсколько мопассановская. Но у этого сильнаго писателя самая обнаженная правда проникнута тѣмъ глубокимъ пессимизмомъ, который косвенно является жесточайшимъ осужденіемъ не одухотворенной идеею человѣческой жизни и внутренній смыслъ котораго такъ вѣрно отмѣтилъ Левъ Толстой, говоря о французскомъ романистѣ. Наша же писательница заставляетъ свою героиню смаковать зоологическое происшествіе на аляповато-восторженный ладъ:

И выйдя на площадку вагона, она стала у окна и заплакала... Заплакала не потому только, что жаль ей было безконечно бѣлой ночи и всего, что

было въ ней, но и еще почему-то... Потому-ли, что она такъ молода, такъ мятежна душою, мечтательна, безразсудна, полна необузданной, головокружительной жажды чего-то необычайнаго, захватывающаго, остраго, яркаго... Что она такъ хороша собою, соблазнительна, мила и нѣжна и обаятельна неотразимымъ обаяніемъ полуребенка, полуженщины. Что въ жизни ея, только еще начинающейся, произойдутъ бури и грозы... будетъ страданіе безумное, ужасное, будетъ тоска, съ ума сводящая, и будутъ восторги, экстазы, которыхъ она еще не знала и которые она теперь впервые предчувствовала въ перетревоженномъ до дна, въ смятенномъ, въ взволнованномъ сердцѣ (стр. 144—145).

И когда подумаешь, изъ за чего вся эта бурно-пламенная словесность, вся эта эротически-чувствительная проза, то такъ и хочется остановить „ее“ словами:

Прошу, успокойтесь, дѣвица!
Вѣдь такъ ужъ ведется давно:
Сегодня свѣтило садится,
Но завтра же встанетъ оно!

Утритесь, значитъ, и дожидайтесь обычнаго теченія планетъ небесныхъ съ его днями и „ночами“!..

О разсказѣ „Муракъ“ г. Потапенко, печатающемся въ „Мірѣ Божіемъ“ (августъ сентябрь) скажемъ послѣ, когда онъ будетъ конченъ.

Тоже придется сдѣлать для подведенія итоговъ и по отношенію къ нѣсколько растянутой, но добросовѣстной статьѣ г. Н. Котляревскаго „Н. В. Гоголь“ (апрѣль, іюнь, августъ, сентябрь). Что касается до „Очерковъ по исторіи русской культуры“ г. П. Милюкова (іюль—августъ), то, благодаря самому построенію ихъ, позволяющему анализъ отдѣльныхъ элементовъ этой культуры въ каждый данный моментъ, мы и теперь можемъ познакомить читателей съ содержаніемъ послѣднихъ главъ.

Въ декабрьской книжкѣ прошлаго года авторъ привелъ насъ къ тому пункту историческаго развитія, на которомъ власть съ одной стороны, общественное мнѣніе съ другой—разошлись, разорвались, оказавшись послѣ временнаго „недоразумѣнія“ уже враждебными другъ другу, чтобы отнынѣ встрѣчаться таковыми и въ дальнѣйшей исторической эволюціи. Продолжая свои очерки, авторъ старается прежде всего закрѣпить въ умѣ читателей смыслъ того пути, на который стала Екатерина II во второй періодъ ея, какъ выражается г. Милюковъ, „легисломаніи“. Мы знаемъ, что на сей разъ дѣло шло объ Учрежденіи о губерніяхъ и дворянскомъ самоуправленіи; и историкъ рельефно показываетъ, какъ при этомъ шагѣ правительство рѣшительно стало на сторону дворянства противъ крестьянства, и какъ оно принималось за реформу съ цѣлью успокоить недовольство помѣщиковъ, встревоженныхъ пугачевщиной. Автору удается снова и снова показать

вслѣдъ за предшественниками, классовой характеръ этого движенія, и онъ дѣлаетъ это съ большой энергіей и ясностью:

Современники хорошо понимали, что сила Пугачева не въ немъ самомъ, а въ (этой) соціально-политической программѣ, которая съ своего рода необходимостью вытекала изъ всей вѣковой исторіи крестьянства и явилась неизбѣжнымъ, неустранимымъ выраженіемъ его классового самосознанія. Въ этомъ смыслѣ, вся крестьянская Россія была пугачевской. «Не вездѣ ль опасность одинакова? И не весь ли черный народъ вообще, когда не въ явь, такъ въ сердцахъ своихъ—бунтуетъ и готовъ поднять на насъ свои руки?» Такъ спрашивалъ себя, всего въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, помѣщикъ Болотовъ, смущенный слухами о приближеніи Пугачева (іюль, стр. 240—241).

Знаменательно, что для успѣха борьбы съ крестьянскими массами, императрица сейчасъ же рѣшила установить свою солидарность съ дворянствомъ и даже поставила въ конный дворянскій корпусъ Казанской губерніи, организованный спеціально для борьбы съ пугачевцами, рекрутъ съ дворцовыхъ волостей, „яко помѣщица той губерніи“ (стр. 242).

Но, создавая подъ давленіемъ обстоятельствъ сословно-дворянскую администрацію въ губерніи, власть въ тоже время постаралась поставить узкіе предѣлы автономистскимъ стремленіямъ дворянства и изъ новыхъ правъ благороднаго сословія сдѣлать новый видъ государственной службы. Такъ совершился процессъ, названный г. Милюковымъ „бюрократизаціей земской службы“ (стр. 251), и въ этомъ, конечно, ключъ и дальнѣйшей общественно-политической исторіи Россіи. Мѣстная реформа оказалась прежде всего лишь орудіемъ распространенія на провинцію той дворянской культуры, которая въ первой половинѣ XVIII-го в. пустила корни вблизи двора.

Въ августовской книжкѣ г. Милюковъ переходитъ къ изображенію роста общественнаго мнѣнія, какъ враждебной власти силы, въ 70-хъ и 80-хъ гг. позапрошлаго вѣка. Ростъ книгопечатанія, распространеніе литературы, увеличеніе интеллигентныхъ читателей являются симптомами и вмѣстѣ рычагами выработки самосознанія въ русскомъ обществѣ; и г. Милюковъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что тогдашнее наше масонство, не смотря на свой болѣе или менѣе мистическій характеръ, оказалось болѣе жизненнымъ и прогрессивнымъ явленіемъ, нежели вольтерьянство императрицы и придворныхъ вольнодумцевъ. Интересно, что тогдашнее правительство съ особою непріязнью взглянуло на „мартинистовъ“ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, благодаря филантропической дѣятельности кружка Новикова, около 100 казенныхъ и помѣщичьихъ селеній Московской губерніи было поддержано помощью масоновъ въ голодный 1787 годъ. Отнынѣ „игрушка“ превращалась на глазахъ правительства въ „организованную общественную силу“, и этого власть выдержать не могла:

Это масонство было явленіемъ неслыханнымъ въ русской жизни. Оно за-

нимало слишкомъ видную позицію, чтобы можно было дольше его игнорировать (стр. 214).

Словомъ, наканунѣ французской революціи надъ русской общественной мыслью собралась уже гроза. Здѣсь останавливаются пока „Очерки“ г. Милюкова.

Обращу еще вниманіе читателей на замѣтки врача Д. Жбанкова „О врачахъ“ (іюль, августъ, сентябрь), — одинъ изъ отголосковъ толковъ, возбужденныхъ „Записками врача“ г. Вересаева (интересна, между прочимъ, замѣтная тенденція нашихъ врачей сравнительно съ западно-европейскими смотрѣть на врачебную профессію, главнымъ образомъ, какъ на общественное служеніе, и подчеркивать гуманитарный элементъ ея); а также на путевыя замѣтки г. Александра Кауфмана „По Амуру и Приамурью“ (май—іюль). Читатель этихъ замѣтокъ не безъ любопытства остановится на вопросѣ объ измѣненіи такъ называемаго національнаго типа подъ вліяніемъ новыхъ условій среды и о гибкости расовыхъ свойствъ, которыя допотопная антропологія разсматриваетъ какъ нѣчто неизмѣнное: особенно интересно воздѣйствіе на амурское крестьянство сравнительно близкой американской культуры, ослабляющей среди здѣшнихъ поселенцевъ обычную русскую косность и развивающей склонность къ новизнѣ и большую предпріимчивость. Конечно, авторъ, указывая на это общее измѣненіе жителей, не закрываетъ глазъ и на различіе существующихъ, однако, между ними „разнообразныхъ въ бытовомъ и хозяйственномъ отношеніи типовъ“; тѣмъ знаменательнѣе проявленіе общей тенденціи.

Въ виду разглагольствованій прессы насчетъ великаго значенія частновладѣльческаго хозяйства для Сибири, интересно ознакомиться съ бытомъ „помѣщиковъ“ Исаевской заимки, посѣщенной авторомъ. Приведу для примѣра короткую выдержку, показывающую, въ какой степени условія природной и хозяйственной среды кладутъ свой отпечатокъ на якобы неизмѣнныя категоріи владѣльцевъ и весь ихъ бытъ. Г. Кауфманъ думалъ найти здѣсь настоящихъ помѣщиковъ, а оказалось, что

строй жизни этихъ девяти дворовъ—настоящій деревенскій: у нихъ есть выборный староста, гоняются очередныя подводы; общее усадебное мѣсто на сходящихся углахъ четырехъ сосѣднихъ участковъ; хлопочутъ объ отводѣ полоски земли спеціально подъ общій выгонъ.

— Вотъ вы какъ живете,—высказываю я свое изумленіе,—а я думалъ, что вы помѣщики, такъ помѣщики и есть,—своими усадьбами живете.

— Какіе мы, ваше б-діе, помѣщики,—возражаетъ хозяинъ избы,—мы мужики, по мужицки живемъ, всю жизнь въ землѣ роемся...

— Они всегда другъ къ дружкѣ жмутся, стараются деревнями жить,—разъясняетъ мой спутникъ, мѣстный обыватель, вдоль и поперекъ знающій всѣхъ заимщиковъ.

— Да какъ же, баринъ,—говоритъ одинъ изъ заимщиковъ,—намъ иначе и жить-то? Вотъ деревней поселились, и учителя сообща нанимаемъ, и выгонъ

у насъ общій будетъ, и мельницей ловчѣе пользоваться будетъ; да и жить-то на міру веселѣй, нежели по одиночкѣ (іюль, стр. 102).

Такимъ образомъ планъ искусственнаго заведенія помѣщичьей собственности въ Сибири долженъ наткнуться на одинъ изъ роговъ диллемы: или эта собственность будетъ только правомъ привилегированныхъ лицъ, оторваннымъ отъ личнаго труда ихъ, и тогда эти владѣльцы, внѣ всякаго воздѣйствія на земледѣльческій прогрессъ, будутъ просто напросто собирать ренту съ своихъ фермеровъ; или эта собственность будетъ въ трудовой связи съ землей, и тогда рано или поздно владѣльцы ея потерпятъ вліяніе хозяйственной обстановки, и ихъ ждетъ судьба Исаевской заимки. Но тогда зачѣмъ городить огородъ привилегированнаго владѣнія?...

Въ послѣднихъ пяти номерахъ „Русской Мысли“ беллетристика состоитъ исключительно изъ маленькихъ разсказовъ, сценъ очерковъ. Исключеніе составляютъ развѣ конченный теперь романъ г. Свѣтлова „Темный блескъ“ и конченная же повѣсть г-жи А. Ф. Дохтуровой „По теченію“. Произведеніе г. Свѣтлова (мартъ—май), подобно большинству его произведеній, старательно написано, но по обыкновенію производитъ впечатлѣніе недоговореннаго и возбуждаетъ вопросъ: какая идея, какая художественная тема волновала нашего писателя, когда онъ работалъ надъ своимъ послѣднимъ романомъ? Коллективная-ли то психологія особенныхъ группъ и слоевъ нашего общества? Личный-ли міръ героевъ? И, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, что новаго, лично принадлежащаго нашему автору, заключается въ обработкѣ его темы? Я думаю, что читатель мало найдетъ слѣдовъ индивидуальнаго творчества въ произведеніи г. автора, и впечатлѣніе чего-то уже виданнаго и знакомаго будетъ часто мѣшать интересу романа. Если освободить суть произведенія г. Свѣтлова отъ второстепенныхъ сценъ, положеній и литературныхъ фіоритуръ, то всю фабулу романа можно выразить въ немногихъ словахъ. Это — сказаніе о томъ, какъ одинъ модный адвокатъ, эгоистъ и жуиръ, наскучивъ несложными амурами въ балетномъ мірѣ, вздумалъ устроить себѣ приличный бракъ съ свѣтской и богатой дамой; но, проигравъ крупный процессъ и серьезно испортивъ свою дѣловую репутацію, получаетъ отказъ, стрѣляется на дуэли съ счастливымъ соперникомъ, раненъ, выздоравливаетъ и пріобрѣтаетъ глубокое отвращеніе къ прежней жизни, а стремится къ новому не то сверхчеловѣческому, не то буддистскому идеалу жизни. Что это за новая жизнь, герой самъ путемъ не знаетъ („мой идеалъ и самому мнѣ нѣсколько смутенъ въ подробностяхъ, но не въ цѣломъ, и много мнѣ еще не ясно“, май

стр. 42); но съ высоты (?) его онъ бросаетъ обвиненіе всей людской жизни въ томъ, что она ни больше ни меньше, какъ „темный блескъ“ (отсюда и заглавіе романа), „блескъ далекаго и свободнаго солнца“. Авторъ, впрочемъ, самъ чувствуетъ, что его герой „заговорилъ, какъ философская книга“, и что собесѣдникъ его „не понимаетъ“. Ну, а читатель, какъ вы думаете, г. Свѣтловъ?

Уже прошлый разъ, говоря о повѣсти „По теченію“ (кончена въ апрѣльской книжкѣ), я охарактеризировалъ ее, какъ исторію кокетничанья одной молодой дѣвицы одновременно съ двумя героями: энергичнымъ и мужественнымъ студентомъ и безхарактернымъ, но очень нравящимся женскому полу, и въ свою очередь женолюбивымъ литераторомъ. Послѣ нѣсколькихъ шаговъ вправо и влѣво, колебаній и сомнѣній, дѣвица было совсѣмъ выбрала размазню-писателя, но благополучно выскочила изъ этого „теченія“, послѣ разговора съ преданной женой литератора, которая самоотверженно уступала свое мѣсто дѣвицѣ, но лишь спрашивала ее, можетъ ли она, дѣйствительно, замѣстить ее, въ состояніи ли она любить безкорыстно и неизмѣнно, любовью матери и старшей сестры, капризнаго бородатаго ребенка. И дѣло разстроилось, хотя не въ авантажѣ отъ этого пока остался и студентъ. Впрочемъ, авторъ въ заключеніе говоритъ о „надеждѣ“ соединенія двухъ истерзанныхъ сердецъ: дай-то, Господи,—произноситъ читатель, кончая повѣсть и констатируя, что, за исключеніемъ довольно интереснаго типа преданной жены, г-жа Дохтурова не создала живыхъ и интересныхъ лицъ, да и психологію увлекаемой „теченіемъ“ героини обработала довольно поверхностнымъ образомъ.

Въ совершенно другой міръ, міръ крючниковъ и портовыхъ рабочихъ, міръ нужды, пьянства и фатальнаго озвѣрѣнія переноситъ насъ повѣсть г-жи Г. М. Милицыной „На Голубинкѣ“ (апрѣль). Авторъ грѣшитъ нѣкоторой аляповатостью изображенія; порою въ этой вещи слышится подражаніе ставшей популярною со времени Горькаго литературѣ босячества. Но г-жѣ Милицыной нельзя отказать—особенно мѣстами—въ искренности и энергіи пера; и исторія молодой рабочей четы, постепенно превращающейся,—сначала мужъ, потомъ жена—въ горькихъ пьяницъ и бездомныхъ нищихъ, производитъ на читателя довольно сильное впечатлѣніе.

Въ міръ же босяковъ и самыхъ низшихъ категорій трудящихся ведетъ насъ и г. М. С. Серафимовъ, авторъ повѣсти „Похоронныя деньги“ (іюнь). Но здѣсь мрачный фонъ тяжелой жизни скрашенъ комическими и сантиментальными нотами, хотя послѣдняя сторона—сторона идеализаціи—не переходитъ подъ перомъ автора за предѣлы правдоподобія. Главный герой повѣсти, старый и хилый тряпичникъ, Едесій Иванычъ, принадлежитъ къ разряду тѣхъ „Золотыхъ сердецъ“, которыя вдохно-

вляли въ свое время г. Златовратскаго. Нашъ Едесій Иванычъ, путемъ долгихъ усилій и лишеній, собралъ себѣ не похороны 20 рублей; но, тронутый зрѣлищемъ бѣдняги-сосѣда, больного повара, который уже давно не могъ найти себѣ мѣста и котораго хозяинъ гналъ съ дѣтьми изъ занимаемой лачуги, вдругъ отдаетъ на поддержку Иваныча (имя повара) все свое достояніе и вскорѣ умираетъ, не избѣжавъ той самой перспективы, которой боялся: быть похороненнымъ не въ своемъ, а въ казенномъ гробу. Рядомъ съ добродѣтельнымъ тряпичникомъ, наиболѣе ярко, хотя не безъ шаржа очерчена фигура „майора", спившагося актера, представляющаго смѣсь нахальнаго забулдыги и добраго человѣка.

Въ іюньской же книжкѣ помѣщена уже гораздо болѣе сложная по замыслу, если и не достаточно законченная повѣсть г-жи Т. Л. Щепкиной-Куперникъ „Отрава". Главное дѣйствующее лицо полу-актриса, полу-кокотка Жанна Меранжи, дочь французской актрисы и нѣкоего русскаго знаменитаго пѣвца, съ малолѣтства жившая въ спеціальной атмосферѣ театра и полусвѣта и считавшаяся вообще, по понятіямъ окружавшихъ ее людей, славной и доброй женщиной. Въ этомъ мірѣ подчасъ шикарной богемы Жанна познакомилась съ красивымъ молодымъ человѣкомъ, Максомъ Бруни, „принадлежавшимъ не только къ аристократіи талантовъ, но и къ аристократіи общества". И богатъ былъ, и одаренъ всяческими способностями Максъ. Но, къ сожалѣнію, судьба свела его съ „красавицей и умницей", баронессой Эльсборгъ, которая представляла собою такое соединеніе ада и неба, что г-жа Щепкина-Куперникъ не находитъ даже достаточно красокъ на своей описательной палитрѣ и принуждена характеризовать ее исторически-сравнительнымъ методомъ: у нея, говоритъ авторъ, было „лицо Офеліи, умъ Меттерниха и жестокость Фульвіи". Баронесса расточала Максу „ласки, достойныя Лаисы", но черезъ два года бросила, предварительно измучивши его, подведши подъ пистолетъ своего мужа, и оставивши его безнадежно и мучительно влюбленнымъ въ злокозненную сирену.

Вотъ тутъ-то Жанна и взялась утѣшать Макса, но утѣшать не какъ любовница, а какъ лучшій другъ, и благодаря этому смотрѣла на ихъ взаимныя отношенія какъ на нѣчто чистое, поэтическое и во всякомъ случаѣ необычное. Но такъ какъ эти отношенія сводились лишь къ тому, что друзья вмѣстѣ шатались по театрамъ, вмѣстѣ пьянствовали въ роскошныхъ кабакахъ, и вообще вмѣстѣ прожигали жизнь, то въ концѣ концовъ болѣзненный отъ природы Максъ надорвалъ себѣ нервную систему и быстро шелъ къ прогрессивному параличу. Посѣтивъ бѣднаго товарища своихъ похожденій, ужаснувшись зрѣлищу больного человѣка, и узнавъ изъ разговора съ докторомъ, въ какой сте-

пени была гибельна для Макса его безпутная жизнь, Жанна испытываетъ на послѣдней страницѣ повѣсти глубокій кризисъ сомнѣнія, отчаянія и раскаянія: такъ вотъ, значитъ, къ чему повели Макса ихъ якобы чистыя отношенія? И она вливала эту отраву въ больной организмъ? Но она чувствовала теперь, что въ наказаніе (или во спасеніе?) судьба мстила ей нравственнымъ ядомъ.

И Жанна билась головой объ стѣну, въ нѣмомъ отчаяніи, но ясно чувствовала только одно, что такъ дальше жить нельзя, что прежнее существованіе уже немыслимо, разъ ушло это безсознательное легкомысліе, которое заставляло жизнь казаться такой несложной и веселой...

Въ ея сердце забралась и совершала свой процессъ отрава, тотъ ядъ, которому суждено или принести смерть, или, властно вытравивъ все больное, все ненужное, освободить организмъ къ новому здоровью, къ новой жизни (стр. 151).

Здѣсь, признаться, и начиналась интересная психологическая задача: какъ же Жанна справится съ нахлынувшими на нее необычными мыслями? Какую форму приметъ борьба между обычными взглядами легкаго созданія и прорѣзавшаго ночь ея сознанія молніею первой истинно-человѣческой мысли? Каковъ будетъ результатъ этого столкновенія? Г-жа Щепкина-Куперникъ прерываетъ именно здѣсь свой разсказъ, оставляя насъ черезчуръ подъ впечатлѣніемъ этихъ Лаисъ, кутежей, шампанскаго и общаго чада нелѣпой жизни...

Изъ остальныхъ беллетристическихъ произведеній болѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе очеркъ г. Е. Емельянова „Докторъ Вумакинъ“ (августъ), рисующій намъ симпатичный типъ Донъ-Кихота, горячо служащаго правдѣ и, не смотря на всѣ щелчки судьбы, упорно продолжающаго это служеніе, зачастую въ наивной формѣ; и „этюдъ“ г. Лугового „Нужда“, представляющій собою изображеніе сѣрой, монотонной тяжелой жизни труженика, у котораго неумолимыя требованія борьбы за существованіе искажаютъ даже естественныя, казалось бы, чувства расположенія къ людямъ, поддерживавшимъ его въ особенно горькія минуты.

Въ заключеніе укажу, уже въ области научной литературы, на интересную статью г. В. И. Семевскаго, помѣщенную въ апрѣльской книжкѣ „Русской Мысли“ и носящую заглавіе „По поводу ст. г. Рожкова: „къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи“. Статья г. Семевскаго представляетъ собой нѣсколько вѣскихъ возраженій г. Рожкову, который, слѣдуя общему примѣру русскихъ „экономистовъ“, сдѣлалъ самое широкое обобщеніе изъ немногихъ фактовъ, находившихся въ его рукахъ, или, точнѣе говоря, придалъ непо-

мѣрно важное значеніе *нѣсколькимъ строкамъ* (sic!) въ одномъ документѣ 70-хъ годовъ. Дѣйствительно, въ февральской книжкѣ „Міра Божія“ за этотъ годъ г. Рожковъ помѣстилъ статью, пытающуюся доказать значеніе экономическихъ причинъ въ процессѣ паденія крѣпостного права. Никто, конечно, не сталъ бы возражать противъ такого положенія въ общемъ видѣ: не самъ-ли Чернышевскій въ своихъ и политико-экономическихъ, и публицистическихъ работахъ любилъ отмѣчать тотъ фактъ, что въ любой странѣ и у любого народа наступаетъ такой моментъ въ хозяйственномъ развитіи, когда, говоря вообще, подневольный трудъ становится невыгоднымъ, и въ обществѣ вырабатываются побудительныя причины и существенныя условія замѣны крѣпостного труда свободнымъ? Но самъ же Чернышевскій понималъ, что при переходѣ одного хозяйственнаго строя въ другой играютъ, на ряду съ экономическими, не малую роль и другія условія; и поэтому смыслъ его аргументаціи заключался въ томъ, что онъ какъ бы говорилъ заинтересованнымъ высшимъ классамъ: не бойтесь отмѣны крѣпостничества, не сопротивляйтесь его паденію, потому что прежде всего вы даже сами выиграете въ экономическомъ отношеніи.

Этого, конечно, мало нашимъ „ученикамъ“: хоть они и любятъ съ жаромъ отвергать упрекъ въ общей узости ихъ міровоззрѣнія, но въ каждомъ конкретномъ случаѣ они стараются выводить любое данное явленіе исключительно изъ экономическихъ причинъ, какъ если бы другія совсѣмъ не дѣйствовали. Такъ поступилъ и г. Рожковъ: его занималъ вопросъ объ исключительной роли хозяйственныхъ причинъ паденія русскаго крѣпостничества; въ его руки попалъ документъ (сейчасъ увидимъ, какой), и вотъ онъ, на основаніи нѣсколькихъ строкъ, счелъ долгомъ моментально заключить о всеобъемлющемъ значеніи этихъ строкъ (опять-таки сейчасъ увидимъ, какихъ) для объясненія всего труднаго и грандіознаго процесса исключительно при помощи экономическихъ причинъ. Документъ этотъ—письмо, адресованное въ 1873 г. московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства кн. А. В. Мещерскимъ министру государственныхъ имуществъ П. А. Валуеву. А имѣющія кабалистическую силу строки гласятъ такъ:

хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольнонаемный трудъ выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевыя работы крестьянъ изъ густонаселенныхъ украинскихъ губерній.

Г. Рожковъ сразу увидѣлъ въ этихъ словахъ „совершенно неожиданную перспективу“. Вотъ, говоритъ, до сихъ поръ думали, что отмѣна крѣпостного права вреднѣе отразилась на помѣщичьемъ хозяйствѣ черноземной полосы, чѣмъ нечерноземной, а князь Ме-

щерскій показываетъ другое. Вотъ, продолжаетъ онъ, все думали, что въ области чернозема земледѣліе держалось цѣликомъ на крѣпостномъ трудѣ; а нашъ документъ свидѣтельствуетъ, что въ „степныхъ черноземныхъ губерніяхъ“ вольнонаемный трудъ игралъ едва не большую роль, чѣмъ барщинный. И для г. Рожкова все является вдругъ „очень характернымъ, оригинальнымъ и неожиданнымъ“, и авторъ прежде всего ставитъ себѣ вопросъ, да насколько же въ самомъ дѣлѣ пострадало помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній отъ отмѣны крѣпостного права. Изслѣдователь быстро превращаетъ „степныя черноземныя помѣстья“ въ губерніи между Окою, Дономъ и Волгою, и дѣло въ шляпѣ: для всего этого пространства вольнонаемный трудъ игралъ господствующую роль, значитъ отмѣна крѣпостного труда была выгодна, и вотъ вамъ экономическая причина паденія русскаго крѣпостничества.

Г. Семевскій тонко-вѣжливо иронизируетъ надъ этою логическою скоропалительностью г. Рожкова и признается, что былъ „пораженъ громадностью выводовъ, которые дѣлаетъ авторъ изъ нѣсколькихъ строкъ письма московскаго предводителя дворянства“ (127). Г. Семевскій спрашиваетъ также, откуда г. Рожковъ взялъ, что „степныя черноземныя“ губерніи охватываютъ треугольникъ между упомянутыми рѣками, а не просто Новороссію, какъ слѣдуетъ даже изъ упомянутаго документа, говорящаго далѣе о паденіи тонкоруннаго овцеводства въ новороссійскомъ генералъ-губернаторствѣ. Ученый изслѣдователь разбираетъ подробно вопросъ о передвиженіи сельскихъ вольнонаемныхъ рабочихъ до крестьянской реформы, отмѣчаетъ пути этого движенія, его направленія и на основаніи различныхъ документовъ считаетъ возможнымъ такъ резюмировать результатъ своихъ изслѣдованій:

> Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, что во всей черноземной Россіи вольнонаемный трудъ имѣлъ значительное примѣненіе при крѣпостномъ правѣ и потому изслѣдованію его роли здѣсь въ помѣщичьемъ хозяйствѣ нельзя придавать такого первостепеннаго значенія, какъ это дѣлаетъ г. Рожковъ, и, наоборотъ, вопросъ о распространенности барщинной и оброчной системъ хозяйства сохраняетъ, вопреки его мнѣнію, характеръ одного изъ основныхъ вопросовъ помѣщичьяго хозяйства и въ черноземныхъ губерніяхъ (стр. 137).

Прекрасный мыльный пузырь, съ такою быстротою и ловкостью выдутый г. Рожковымъ, лопнулъ отъ прикосновенія серьезной критики. И вотъ, надумавшись, г. Рожковъ рѣшилъ возразить на доводы г. Семевскаго: въ сентябрьской книжкѣ „Міра Божія“ появился его отвѣтъ г. Семевскому „О вольнонаемномъ земледѣльческомъ трудѣ при крѣпостномъ правѣ“. Этотъ отвѣтъ интересенъ для психологіи человѣка, котораго плѣнило извѣстное обобщеніе и который хочетъ, чтобы то, что должно быть по его

мнѣнію, было и въ дѣйствительности. Авторъ принужденъ, правда, „сознаться, что, дѣйствительно, не обратилъ надлежащаго вниманія на слова, подчеркнутыя г. Семевскимъ и, несомнѣнно, показывающія, что къ числу степныхъ черноземныхъ губерній авторъ письма относилъ и (?!) Новороссію“ (стр. 3). Но сейчасъ же за тѣмъ продолжаетъ, что не можетъ „и теперь признать свой комментарій вполнѣ ошибочнымъ, а объясненіе г. Семевскаго совершенно правильнымъ“; и путемъ разныхъ догадокъ хочетъ вычитать изъ текста то, чего въ немъ нѣтъ, а именно будто князь Мещерскій, если и говорилъ и о Новороссіи, то имѣлъ въ виду „рядъ другихъ черноземныхъ областей“. Это истолкованіе уже подготовлялось, впрочемъ, многозначительной частицей *и*, которую г. Рожковъ поставилъ въ самомъ признаніи своей ошибки и которая поневолѣ вызвала у насъ знакъ сильнаго недоумѣнія.

Какъ бы то ни было, повертѣвъ знаменитыя строки документа и такъ и этакъ, г. Рожковъ рѣшается „допустить на минуту, что г. Семевскій правъ, и я ошибался“. Но изъ этого не слѣдуетъ, по его мнѣнію, заключать, что вольнонаемный трудъ въ треугольникѣ между Окой, Дономъ и Волгой не былъ распространенъ, а слѣдовательно, и т. д. И въ доказательство беретъ *одинъ* фактъ, сообщенный уже г. Семевскимъ, прибавляетъ къ нему *два* собственнаго открытія и на основаніи столь обширнаго матеріала торжественно объявляетъ читателямъ, что „продолжаетъ сохранять твердую увѣренность“—насчетъ... насчетъ экономической причины паденія крѣпостного права, открываемой созерцаніемъ „треугольника“...

Эта страсть нашихъ „учениковъ“ раздувать отдѣльные строки, фразы, факты до невозможныхъ размѣровъ напоминаетъ забавную психологію преувеличенія:

Стаканами, да пребольшими...
— Нѣтъ, бочками сороковыми...

В. Г. Подарскій.

Хроника внутренней жизни.

I. Законъ 3 іюня о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи.—II. Циркуляры и распоряженія, состоявшіеся по учебному вѣдомству.—III. Правительственныя сообщенія.—Административное распоряженіе по дѣламъ печати.—IV. Знаменательныя годовщины.

I.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили уже о важнѣйшихъ результатахъ законодательной дѣятельности за текущій годъ. Теперь намъ предстоитъ упомянуть еще объ одномъ изъ такихъ результатовъ, сдѣлавшемся извѣстнымъ въ самое послѣднее время,—именно, объ опубликованномъ недавно законѣ о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи. Подобно закону объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій, о которомъ шла рѣчь въ предыдущей нашей хроникѣ, и только что названный законъ былъ первоначально проектированъ упраздненнымъ нынѣ особымъ совѣщаніемъ по дѣламъ дворянскаго сословія, затѣмъ перешелъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и 3 іюня получилъ окончательную санкцію верховной власти. Оба эти законодательные акта, обязанные своимъ происхожденіемъ одному и тому же учрежденію и изданные одновременно, равно имѣютъ своею цѣлью поддержаніе и укрѣпленіе дворянскаго сословія, но при этомъ законъ о дворянскихъ учрежденіяхъ далеко уступаетъ въ своемъ значеніи закону о дворянскихъ кассахъ. Послѣдній, будучи несравненно проще по содержанію, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ весьма рѣшительный и смѣлый шагъ нашего законодательства, какъ бы предвѣщая новую эру въ направленіи финансовой политики государства.

Единственною цѣлью новаго закона является сохраненіе дворянскаго землевладѣнія. Ради этой цѣли дворянскимъ собраніямъ тѣхъ губерній, въ которыхъ дѣйствуютъ выборныя дворянскія учрежденія, предоставляется учреждать „губернскія дворянскія кассы взаимопомощи“. Такія кассы должны будутъ „оказывать мѣстнымъ потомственнымъ дворянамъ-землевладѣльцамъ содѣйствіе: а) въ платежахъ по долгамъ, обезпеченныхъ залогомъ ихъ имѣній, въ видахъ предупрежденія продажи этихъ имѣній съ публичныхъ торговъ, и б) по случаю разнаго рода постигшихъ означенныхъ дворянъ бѣдственныхъ событій“. При этомъ подобныя кассы освобождаются отъ платежа государственнаго промысловаго налога, гербоваго сбора, крѣпостныхъ и канцелярскихъ актовыхъ

пошлинъ. Впрочемъ, помимо такого косвеннаго воспособленія дворянскимъ кассамъ, государственная казна будетъ принимать и прямое участіе въ доставленіи имъ средствъ. Основной капиталъ каждой такой кассы, по словамъ закона, „образуется: а) изъ единовременнаго, при открытіи кассы, ассигнованія изъ суммъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по непосредственному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества; б) изъ дворянской складки, установляемой въ обыкновенномъ или именно для сего созываемомъ чрезвычайномъ дворянскомъ собраніи по постановленію не менѣе двухъ третей присутствующихъ въ собраніи дворянъ; в) изъ ежегоднаго, въ теченіе десяти лѣтъ, пособія отъ казны въ размѣрѣ дѣйствительнаго поступленія въ кассу за предшествовавшій годъ указанной дворянской складки; г) изъ отчисленій по постановленіямъ губернскаго дворянскаго собранія, и д) изъ дѣлаемыхъ въ пользу кассы пожертвованій и разныхъ иныхъ поступленій“. При этомъ въ первомъ году по открытіи кассы указанное выше пособіе отъ казны будетъ отпускаться авансомъ въ размѣрѣ назначенной дворянствомъ обязательной складки. Такъ какъ изъ перечисленныхъ закономъ пяти источниковъ средствъ дворянскихъ кассъ два послѣдніе носятъ случайный характеръ, то, очевидно, главная доля этихъ средствъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, десяти лѣтъ будетъ поступать непосредственно изъ государственнаго казначейства. Что касается запаснаго капитала каждой отдѣльной кассы, то онъ, по предположенію закона, будетъ образовываться „изъ всѣхъ чистыхъ прибылей кассы“.

Главною задачею создаваемыхъ такимъ путемъ кассъ, на выполненіе которой и долженъ идти ихъ основной капиталъ, является предотвращеніе продажи дворянскихъ имѣній губерніи съ публичныхъ торговъ. Въ видахъ предотвращенія подобной продажи кассы могутъ выдавать дворянамъ-землевладѣльцамъ губерніи ссуды для пополненія срочныхъ платежей по займамъ, заключеннымъ подъ залогъ имѣній въ Дворянскомъ или въ другихъ земельныхъ банкахъ, и для платежа какъ процентовъ, такъ и капитальной суммы по укрѣпленнымъ на имѣніяхъ закладнымъ. Эти ссуды выдаются либо подъ залогъ имѣнія, либо подъ поручительство на срокъ двухъ благонадежныхъ лицъ изъ потомственныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ губерніи, не принадлежащихъ къ числу заемщиковъ кассы. Ссуды подъ залогъ имѣнія могутъ быть выдаваемы кассами вплоть до того момента, когда общая задолженность имѣнія, вмѣстѣ съ ссудою изъ кассы, достигнетъ 90 процентовъ его оцѣнки, причемъ по тѣмъ имѣніямъ, на которыхъ есть банковый долгъ, эти 90% опредѣляются по той оцѣнкѣ, по какой имѣніе состоитъ въ залогѣ въ земельномъ банкѣ. Ссуды, выдаваемыя кассой, не должны превышать двадцати процентовъ общей суммы всѣхъ обезпеченныхъ залогомъ имѣнія долговъ и

могутъ быть выдаваемы на срокъ не долѣе пяти лѣтъ. Размѣръ процентовъ по этимъ ссудамъ не долженъ быть выше шести годовыхъ. Но, установляя эти общія условія, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ въ каждой губерніи губернскому дворянскому собранію опредѣлять высшій размѣръ выдаваемой одному лицу ссуды и размѣръ процентовъ по ней, а правленію кассы—условія погашенія ссуды въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. При переходѣ заложеннаго кассѣ имѣнія въ другія руки, совершится-ли такой переходъ по наслѣдству или путемъ продажи съ публичныхъ торговъ, долгъ кассѣ переводится на новаго владѣльца, но, если послѣдній не принадлежитъ къ числу потомственныхъ дворянъ данной губерніи, то онъ обязывается погасить этотъ долгъ въ теченіе шести мѣсяцевъ.

Помимо главной своей дѣятельности по оказанію помощи дворянамъ въ платежѣ обременяющихъ ихъ имѣнія долговъ и процентовъ по нимъ, дворянскія кассы будутъ выдавать ссуды потомственнымъ дворянамъ-землевладѣльцамъ губерніи и въ случаяхъ экстренной нужды, вызываемой разнаго рода бѣдственными событіями. Такіе случаи опредѣляются закономъ въ видѣ „смерти или тяжкой и продолжительной болѣзни главы семейства, неурожая, падежа скота, пожара и другихъ чрезвычайныхъ бѣдствій въ имѣніи". На выдачу ссудъ въ подобныхъ случаяхъ предназначается запасный капиталъ дворянской кассы, составляющійся изъ ея чистыхъ прибылей. Впрочемъ, въ первомъ году по открытіи кассы такія ссуды могутъ быть выдаваемы и изъ ея основного капитала, съ тѣмъ, однако, чтобы общая сумма затратъ на эту цѣль опредѣлялась губернскимъ дворянскимъ собраніемъ въ размѣрѣ не выше десяти процентовъ всего основного капитала и чтобы затраченная сумма была возвращена въ послѣдній изъ прибылей кассы по мѣрѣ ихъ поступленія. Самыя ссуды подобнаго характера могутъ выдаваться подъ проценты не выше шести годовыхъ на годовой срокъ, хотя, при наличности особо уважительныхъ причинъ, этотъ срокъ можетъ быть продолженъ и еще на два года. Высшій размѣръ выдаваемой одному лицу ссуды и процентовъ по ссудамъ и на этотъ случай устанавливается губернскимъ дворянскимъ собраніемъ. Послѣднее выбираетъ также правленіе кассы, состоящее изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, назначаетъ этому правленію содержаніе, указываетъ ему общія основанія для его дѣятельности и разрѣшаетъ кассѣ въ случаѣ необходимости заключеніе займовъ. Въ этихъ дѣйствіяхъ дворянскаго собранія, очевидно, и должна находить себѣ главное выраженіе та „взаимопомощь" помѣстнаго дворянства, о которой говоритъ названіе закона и которой вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, предоставлено очень малое участіе въ дѣлѣ составленія средствъ дворянскихъ кассъ.

Для помѣстнаго дворянства новымъ закономъ создается та

кимъ образомъ новый видъ земельнаго кредита, организуемаго на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ. Но, предоставляя проектируемымъ кассамъ въ видахъ сохраненія дворянскаго землевладѣнія выдавать ссуды подъ залогъ имѣній, находящихся въ высокой степени задолженности, законодатель, повидимому, предусматривалъ, что владѣльцы такихъ имѣній не успѣютъ освободиться отъ бремени тяготѣющихъ на нихъ долговъ даже при помощи новыхъ дворянскихъ кассъ, если эта помощь ограничится лишь выдачей ссудъ. Соотвѣтственно этому дворянскимъ кассамъ предоставлено право при выдачѣ ссуды подъ залогъ имѣнія устанавливать надзоръ за управленіемъ послѣдняго или же принимать имѣніе въ свое управленіе впредь до погашенія долга кассѣ. Сверхъ того, губернское дворянское собраніе можетъ устанавливать и другіе способы контроля дѣйствій заемщиковъ по имѣніямъ, какіе оно признаетъ необходимымъ для обезпеченія интересовъ кассы, какъ, напримѣръ, обусловить разрѣшеніемъ кассы совершеніе договоровъ по сдачѣ имѣній въ аренду или по продажѣ лѣса на срубъ, измѣненіе способовъ хозяйства, продажу произведеній или производство расходовъ на суммы свыше устанавливаемыхъ дворянскимъ собраніемъ и т. п. Принявъ въ свое управленіе какое-либо имѣніе, касса, по приведеніи его доходности въ соотвѣтствіе съ платежами по лежащимъ на немъ долгамъ, „а также и въ другихъ случаяхъ“, можетъ, по своему усмотрѣнію, передать имѣніе обратно въ управленіе его владѣльца и ранѣе погашенія долга кассѣ, ограничивъ свои отношенія къ имѣнію надзоромъ за его управленіемъ. Для принятыхъ же въ управленіе кассы имѣній предусмотрѣны и еще двѣ льготы. Если доходы такого имѣнія оказываются недостаточными для покрытія, помимо текущихъ платежей по другимъ обременяющимъ его платежамъ, срочныхъ взносовъ по долгу кассѣ, то законъ допускаетъ отсрочку двухъ такихъ взносовъ на послѣдующіе сроки, въ предѣлахъ общаго срока ссуды. Съ другой стороны, на покрытіе производимыхъ за счетъ владѣльца расходовъ по завѣдыванію имѣніемъ касса можетъ, сверхъ доходовъ съ послѣдняго, обращать также и средства своего запаснаго капитала.

Въ управленіе дворянскихъ кассъ могутъ, однако, поступать не одни только заложенныя въ нихъ дворянскія имѣнія. Согласно одной изъ статей новаго закона, и „состоящее въ залогѣ Государственнаго Дворянскаго земельнаго банка имѣніе неисправнаго заемщика, подлежащее по уставу банка обращенію въ продажу съ публичныхъ торговъ, можетъ быть взамѣнъ того передано въ управленіе мѣстной губернской дворянской кассы взаимопомощи по ея о томъ ходатайству, заявляемому съ согласія заемщика, хотя бы на такомъ имѣніи и не числилось долга означенной кассѣ“. Подобная замѣна продажи заложеннаго Дво-

рянскому банку имѣнія передачей его въ управленіе дворянской кассы требуетъ лишь постановленія совѣта Дворянскаго банка по большинству двухъ третей голосовъ и согласія управляющаго банкомъ. Самая передача имѣнія кассѣ совершается въ этомъ случаѣ на срокъ до шести лѣтъ, причемъ касса обязуется въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ пополнить часть лежащихъ на имѣніи недоимокъ, въ размѣрѣ не менѣе одного полугодового платежа по ссудѣ Дворянскаго банка, а въ остальные три года—оставшуюся сумму недоимокъ, за невзносъ которыхъ имѣніе должно было подвергнуться продажѣ съ торговъ. До истеченія условленнаго срока переданное въ управленіе кассы имѣніе можетъ быть назначено банкомъ въ продажу на общихъ основаніяхъ лишь при невзносѣ кассой въ срокъ установленнаго платежа въ счетъ недоимокъ или же текущаго полугодового платежа по ссудѣ Дворянскаго банка. Такимъ образомъ неисправнымъ заемщикамъ Дворянскаго банка закономъ 3 іюня въ свою очередь дается новая привилегія, сводящаяся къ льготному шестигодичному сроку для уплаты недоимокъ по банковымъ ссудамъ.

При всей значительности льготъ, даруемыхъ заемщикамъ дворянскихъ кассъ, законъ предусматриваетъ все же и такіе случаи, когда имѣнія неисправныхъ заемщиковъ должны будутъ поступать въ продажу съ публичныхъ торговъ. Но и этотъ актъ продажи имѣнія новый законъ обставляетъ нѣкоторыми льготами для дворянства. Если при продажѣ съ публичныхъ торговъ заложеннаго въ кассѣ имѣнія торгъ не состоится или высшею предложенною на немъ цѣною долгъ кассѣ не будетъ покрытъ, то касса можетъ такое имѣніе оставить за собою. Наряду съ этимъ касса можетъ также заложенное въ Дворянскомъ банкѣ и назначенное имъ въ продажу съ публичныхъ торговъ имѣніе пріобрѣсти, по ходатайству неисправнаго заемщика, въ свою собственность, но не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ остальными кредиторами заемщика, долговыя требованія которыхъ обезпечены залогомъ имѣнія или лежащимъ на немъ запрещеніемъ относительно порядка разсчета съ ними. При этомъ лежащій на пріобрѣтаемомъ такимъ путемъ имѣніи долгъ Дворянскому банку переводится на кассу. Какъ оставшіяся за дворянскою кассою, такъ и пріобрѣтенныя ею имѣнія не могутъ, однако, оставаться за нею долѣе пяти лѣтъ. До истеченія этого срока, считаемаго со дня поступленія имѣнія въ собственность кассы, каждое такое имѣніе должно быть продано, въ полномъ составѣ или по частямъ, по вольной цѣнѣ или съ торговъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ продажи имѣнія преимущество передъ всѣми покупателями отдается прежнему владѣльцу имѣнія и его нисходящимъ роднымъ, которыхъ касса обязуется заблаговременно извѣщать о днѣ публичныхъ торговъ,

либо о назначенной ею вольной покупной цѣнѣ имѣнія и о другихъ условіяхъ его пріобрѣтенія, назначая имъ для отвѣта срокъ не менѣе мѣсяца. Наконецъ, какъ гласитъ еще одна статья закона, „общія основанія завѣдыванія принятыми или переданными въ управленіе кассы и пріобрѣтенными или оставшимися за нею имѣніями, а равно и правила продажи сихъ послѣднихъ имѣній установляются губернскимъ дворянскимъ собраніемъ“.

Чтобы закончить изложеніе новаго закона, намъ остается еще упомянуть о нѣсколькихъ его постановленіяхъ, касающихся управленія вновь учреждаемыми дворянскими кассами и прекращенія дѣйствія послѣднихъ. Управленіе кассою принадлежитъ губернскому дворянскому собранію, собранію предводителей и депутатовъ дворянства, губернскому предводителю дворянства и правленію кассы. Губернское дворянское собраніе несетъ при этомъ по преимуществу распорядительныя функціи, установляя общія правила для дѣятельности кассы. Большинство его постановленій по этому предмету дѣлается простымъ большинствомъ голосовъ, но для рѣшенія вопросовъ о заключеніи кассою займовъ и о размѣрѣ и условіяхъ ихъ требуется большинство двухъ третей присутствующихъ въ собраніи дворянъ. Сверхъ того постановленія дворянскаго собранія по только что названнымъ вопросамъ подлежатъ еще утвержденію по взаимному соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ предоставлено также участіе въ надзорѣ за отчетностью и операціями дворянскихъ кассъ, причемъ по соглашенію названныхъ министровъ могутъ быть какъ назначаемы ревизіи этихъ кассъ, такъ и разрѣшаемы недоумѣнія, возникающія по исполненію ихъ устава. Что касается прекращенія дѣйствій дворянскихъ кассъ, то оно, согласно закону, можетъ наступить въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: по постановленію губернскаго дворянскаго собранія, состоявшемуся по большинству не менѣе двухъ третей присутствующихъ въ собраніи дворянъ, затѣмъ—въ случаѣ потери отъ понесенныхъ убытковъ половины основного капитала и, наконецъ, вслѣдствіе признанія кассы несостоятельною по суду.

Таковы болѣе важныя постановленія новаго закона, дарующія помѣстному дворянству рядъ новыхъ и весьма существенныхъ льготъ матеріальнаго характера. Создавая этотъ законъ, законодатель, очевидно, исходилъ изъ того предположенія, что дворянское землевладѣніе въ настоящемъ своемъ видѣ необходимо въ интересахъ государства, благодаря чему послѣднее и обязано заботиться о поддержкѣ такого землевладѣнія, употребляя свои общія средства на созданіе кредитныхъ учрежденій сословнаго типа. Само сословіе, о которомъ идетъ рѣчь, признается при этомъ неспособнымъ поддерживать себя собственными силами. Дѣйствительно, принципу самопомощи, какъ мы могли уже видѣть выше,

удѣлено очень мало мѣста во вновь организуемыхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Главную долю своихъ средствъ эти учрежденія получаютъ непосредственно изъ государственной казны. Вдобавокъ, послѣдняя отказывается и отъ тѣхъ доходовъ, какіе она могла бы получать отъ дѣятельности дворянскихъ кассъ, и тѣмъ самымъ какъ бы приравниваетъ эти кассы не то къ казеннымъ, не то къ благотворительнымъ учрежденіямъ. Подобныя условія, конечно, позволяютъ говорить не столько о взаимопомощи дворянскаго сословія, сколько о помощи ему за счетъ общихъ средствъ государства. Наряду съ этимъ нельзя не отмѣтить, что такая помощь распредѣляется новымъ закономъ между дворянскими обществами разныхъ губерній нѣсколько неожиданнымъ способомъ. Помимо освобожденія отъ различныхъ налоговъ и пошлинъ, дворянскія кассы будутъ получать помощь отъ казны въ двухъ видахъ: въ видѣ единовременнаго пособія, размѣръ котораго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ опредѣляться непосредственнымъ усмотрѣніемъ верховной власти, и въ видѣ ежегоднаго пособія въ теченіе десяти лѣтъ въ размѣрѣ установленной для данной кассы дворянской складки. Слѣдовательно, какъ разъ тѣ дворянскія общества, члены которыхъ пользуются сравнительно бо̀льшимъ благосостояніемъ и которыя поэтому могутъ установить болѣе высокую складку, получатъ въ свое распоряженіе и болѣе значительную часть государственныхъ средствъ. Установленіе такого порядка представляетъ несомнѣнное противорѣчіе стремленію закона обратить обще-государственныя средства на помощь дворянству, какъ сословію, не имѣющему возможности помочь себѣ собственными силами. При указанномъ порядкѣ главная помощь, очевидно, выпадетъ на долю не наименѣе, а наиболѣе обезпеченныхъ группъ дворянства.

Что касается дѣятельности вновь организуемыхъ для дворянства кредитныхъ учрежденій, то она направляется закономъ главнымъ образомъ на сохраненіе въ рукахъ настоящихъ владѣльцевъ тѣхъ имѣній, которымъ угрожаетъ продажа съ публичныхъ торговъ за долги. Наряду съ этимъ проектируется, правда, и выдача ссудъ потомственнымъ дворянамъ-землевладѣльцамъ въ случаяхъ экстренныхъ бѣдствій въ ихъ имѣніяхъ, но этотъ видъ помощи дворянскому землевладѣнію въ законѣ поставленъ на второмъ планѣ и для него предназначены сравнительно скромныя средства, составляющіяся изъ чистой прибыли отъ операцій дворянскихъ кассъ, которая едва ли можетъ достигать сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ. Впрочемъ, къ этому послѣднему вопросу мы еще вернемся ниже, а пока попытаемся взвѣсить тѣ шансы успѣха, какіе имѣетъ возлагаемая закономъ на дворянскія кассы забота о спасеніи задолженныхъ дворянскихъ имѣній отъ продажи съ публичныхъ торговъ и ухода въ руки владѣльцевъ не-дворянскаго происхожденія.

Изо всѣхъ существующихъ въ Россіи видовъ землевладѣнія дворянское землевладѣніе всего менѣе можетъ считать главною причиною своихъ бѣдствій недостатокъ кредита. Не говоря уже о различныхъ акціонерныхъ земельныхъ банкахъ, къ услугамъ помѣщиковъ изъ дворянъ имѣется еще чрезвычайно льготный кредитъ Государственнаго Дворянскаго банка, лишь крайне неохотно выпускающаго заложенныя въ немъ имѣнія на продажу съ публичныхъ торговъ. Если тѣмъ не менѣе на практикѣ такая продажа все-таки происходитъ, то причину этого приходится искать уже не въ отсутствіи льготнаго кредита. Въ рядѣ случаевъ возможно даже наблюдать обратное явленіе. Поощряемые высокими оцѣнками имѣній въ земельныхъ банкахъ, и въ частности въ банкѣ Дворянскомъ, дворяне-помѣщики безъ особой нужды берутъ въ нихъ большія ссуды и, выбравъ въ видѣ этихъ ссудъ всю дѣйствительную стоимость имѣнія, а то и превышающую эту стоимость сумму, безъ сожалѣнія разстаются съ самымъ имѣніемъ, оставляя его въ рукахъ банка. При такихъ условіяхъ новыя кредитныя учрежденія въ видѣ дворянскихъ кассъ, соединяющихъ къ тому же свой кредитъ съ стѣснительнымъ для заемщика надзоромъ за его дѣйствіями въ имѣніи, могутъ привлечь къ себѣ кліентовъ только въ двухъ случаяхъ: къ ихъ услугамъ могутъ прибѣгнуть либо заемщики, желающіе получить ссуду подъ процентъ, который былъ бы ниже существующаго въ земельныхъ банкахъ, либо владѣльцы имѣній, обремененныхъ настолько значительными долгами, что банки уже не рѣшаются выдавать подъ нихъ новыя ссуды. Но при всѣхъ серьезныхъ льготахъ, предоставленныхъ дворянскимъ кассамъ, послѣднія врядъ ли все-таки окажутся въ состояніи, не рискуя тяжелыми убытками, предлагать своимъ заемщикамъ ссуды на условіяхъ болѣе низкихъ процентовъ, чѣмъ практикуемые Дворянскимъ банкомъ. Остается такимъ образомъ предположить, что главную массу кліентовъ кассъ составятъ владѣльцы сильно заложенныхъ имѣній, не находящіе себѣ болѣе кредита въ банкахъ. Подобный исходъ, повидимому, предусматривалъ и законодатель, разрѣшая кассамъ выдавать ссуды, достигающія двадцати процентовъ суммы лежащихъ на имѣніи долговъ, и доводить общую задолженность имѣнія до девяноста процентовъ его стоимости, опредѣляемой по оцѣнкамъ земельныхъ банковъ. Не надо опять-таки забывать, что такія оцѣнки, особенно въ Дворянскомъ банкѣ, порою превышаютъ дѣйствительную стоимость имѣнія. Но, даже оставляя эти случаи въ сторонѣ, нельзя не видѣть, что при указанныхъ обстоятельствахъ операціи дворянскихъ кассъ едва-ли могутъ быть очень успѣшны. Нѣтъ сомнѣнія, что среди дворянъ-помѣщиковъ найдется не мало такихъ, которые, доведя задолженность своего имѣнія до 75% его стоимости, не откажутся отъ возможности получить подъ него и новую ссуду въ размѣрѣ 15% его оцѣнки. Однако, когда такая

ссуда будетъ выдана и лежащій на имѣніи долгъ выростетъ до 90% стоимости самого имѣнія, то въ большинствѣ случаевъ всѣхъ доходовъ послѣдняго не хватитъ на покрытіе процентовъ по этому грандіозному долгу. Кредитъ, оказываемый дворянскими кассами владѣльцамъ безнадежно заложенныхъ имѣній, самъ по себѣ можетъ, такимъ образомъ, лишь отсрочить продажу этихъ имѣній съ аукціона, но безсиленъ совершенно спасти ихъ отъ подобной катастрофы. Мало того,—оттягивая моментъ этой катастрофы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ ея наступленіе еще болѣе неизбѣжнымъ.

Правда, разрѣшая открывать кредитъ подъ обремененныя тяжелыми долгами имѣнія, законъ предоставляетъ дворянскимъ кассамъ и право участія въ управленіи этими имѣніями. Такое участіе выражается въ различныхъ формахъ. Кассы могутъ довольствоваться надзоромъ за управленіемъ заложеннаго въ нихъ имѣнія, могутъ устанавливать различныя ограниченія хозяйственныхъ распоряженій его владѣльца и могутъ, наконецъ, брать поступившее въ залогъ имѣніе въ свое управленіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ закономъ допускается и спеціальная мѣра въ видѣ отсрочки очередныхъ платежей по долгу кассѣ. Подобная отсрочка, несомнѣнно, явится серьезною льготой для неисправныхъ заемщиковъ дворянскихъ кассъ. Но за то труднѣе понять, на чемъ основаны ожиданія, что имѣнія такихъ заемщиковъ, попавъ подъ надзоръ или въ управленіе кассы, немедленно повысятъ свою доходность. По крайней мѣрѣ, при обыкновенномъ ходѣ вещей администрація по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ, къ которой въ данномъ случаѣ близко подходитъ по своей роли правленіе дворянской кассы, лишь очень рѣдко успѣваетъ сохранить имущество своихъ кліентовъ въ ихъ распоряженіи. Возникающее отсюда недоумѣніе не разрѣшается и въ томъ случаѣ, если предположить, что законъ исходилъ изъ мысли, будто задолженность дворянскихъ имѣній создана исключительно хозяйственнымъ неумѣніемъ ихъ владѣльцевъ и должна исчезнуть или, по крайней мѣрѣ, серьезно уменьшиться немедленно вслѣдъ за передачей управленія этими имѣніями въ другія руки. Въ самомъ дѣлѣ, если даже принять такое предположеніе, то естественно возникнетъ вопросъ, гдѣ же гарантія, что послѣ высвобожденія этихъ имѣній изъ-подъ опеки кассы и возвращенія ихъ въ управленіе владѣльцевъ послѣдніе не запутаютъ вновь свои хозяйственныя дѣла. Мы не говоримъ уже о томъ, что самая забота о сохраненіи имѣній въ рукахъ лицъ, завѣдомо неспособныхъ управлять ими, явилась бы по меньшей мѣрѣ странной.

Если дворянская касса окажется безсильной поднять доходность заложенныхъ имѣній,—а сомнѣваться въ этомъ безсиліи довольно трудно,—то въ концѣ концовъ и ей придется прибѣгнуть къ продажѣ этихъ имѣній съ аукціона. Можно опасаться, однако, что подобная продажа имѣній, обремененныхъ грандіоз-

нымъ долгомъ, едва-ли не превышающимъ истинную ихъ стоимость, не привлечетъ большого числа покупателей. По всей вѣроятности, кассѣ придется большинство заложенныхъ въ ней и не выкупленныхъ владѣльцами имѣній оставлять за собою и затѣмъ распродавать, въ цѣломъ видѣ или по частямъ, въ теченіе предоставленныхъ ей для этой цѣли пяти льготныхъ лѣтъ. Такова же, надо думать, будетъ въ большинствѣ случаевъ и судьба имѣній, переданныхъ въ управленіе кассы Дворянскимъ банкомъ взамѣнъ немедленной продажи ихъ съ аукціона или пріобрѣтенныхъ кассою отъ банка. Законъ, правда, стремится и въ моментъ подобной распродажи обезпечить за прежними владѣльцами или хотя бы ихъ родственниками возможность вернуть себѣ имѣніе, предоставляя имъ въ этихъ видахъ преимущественное право на покупку его, какъ съ торговъ, такъ и по вольной цѣнѣ. Но это право рискуетъ остаться, по крайней мѣрѣ, при нормальныхъ условіяхъ, своего рода jus nudum. Дѣйствительно, трудно представить себѣ, что владѣльцы, располагающіе необходимыми для покупки имѣнія средствами, будутъ допускать продажу его съ торговъ, вмѣсто того, чтобы выкупить его отъ кассы. Такимъ образомъ, преимущество, предоставляемое закономъ прежнимъ владѣльцамъ, можетъ получить реальное значеніе развѣ въ томъ случаѣ, если дворянскія кассы сознательно рѣшатся нести болѣе или менѣе серьезные убытки, продавая оставшіяся за ними имѣнія въ старыя руки по пониженной цѣнѣ.

Но, и минуя этотъ гипотетическій случай, едва-ли можно ожидать, что продажа имѣній на описанныхъ условіяхъ окажется сколько-нибудь выгодною для дворянскихъ кассъ. Равнымъ образомъ и другія изъ перечисленныхъ выше операцій этихъ кассъ въ дѣлѣ помощи владѣльцамъ задолженныхъ имѣній, сопровождаясь чрезвычайными льготами для заемщиковъ, окажутся, надо полагать, мало прибыльными, если не убыточными, для самихъ кассъ. Этимъ въ сущности рѣшается и вопросъ о возможныхъ размѣрахъ операцій другого типа, возложенныхъ закономъ на дворянскія кассы съ цѣлью помощи дворянамъ-землевладѣльцамъ при постигающихъ ихъ семьи и имѣнія экстренныхъ бѣдствіяхъ. Такъ какъ въ основу этихъ операцій долженъ быть положенъ запасный капиталъ дворянской кассы, составляющійся изъ ея чистыхъ прибылей, то, очевидно, при скромномъ размѣрѣ послѣднихъ и указанныя операціи не смогутъ получить широкаго развитія. Въ виду этого новый законъ приходится оцѣнивать главнымъ образомъ, какъ попытку поддержать дворянское землевладѣніе путемъ спасенія дворянскихъ имѣній отъ продажи съ торговъ. Приведенныя выше соображенія позволяютъ, однако, утверждать, что результатомъ дѣятельности учреждаемыхъ съ этою цѣлью дворянскихъ кассъ при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ можетъ явиться лишь продленіе долговой агоніи наиболѣе задол-

женныхъ дворянскихъ имѣній, причемъ такое продленіе будетъ куплено цѣною серьезныхъ жертвъ со стороны государственной казны. Наблюдаемая же въ настоящее время убыль дворянскаго землевладѣнія тѣмъ менѣе можетъ быть прекращена дѣятельностью новыхъ кредитныхъ учрежденій, что главная масса земли уходитъ изъ рукъ дворянства путемъ не столько аукціонной, сколько вольной продажи, при которой покупщиками являются по преимуществу крестьяне, крайне нуждающіеся въ землѣ и готовые поэтому платить за нее чрезвычайно высокія цѣны...

II.

Въ теченіе многихъ уже лѣтъ наблюдателямъ русской жизни приходится съ наступленіемъ осеннихъ мѣсяцевъ задумываться все надъ одной и той же печальной картиной родного быта. Каждую осень въ двери нашихъ низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ стучатся толпы дѣтей и юношей, ищущихъ образованія, и каждую осень значительная часть этихъ дѣтей и юношей принуждена съ горькимъ чувствомъ разочарованія въ душѣ отходить отъ школьнаго порога. Среди населенія замѣтно растетъ потребность въ образованіи, но увеличеніе количества школъ идетъ медленно и отстаетъ не только отъ роста этой потребности, но даже отъ стихійнаго роста самого населенія. Согласно выводу новѣйшаго изслѣдователя положенія народнаго образованія въ Россіи, г. Фальборка, только для того, чтобы обучать въ начальной школѣ весь приростъ числа дѣтей школьнаго возраста, у насъ необходимо было бы открывать ежегодно не менѣе 2.606 новыхъ училищъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности ихъ за послѣднее время открывалось въ среднемъ не болѣе 1.700 въ годъ. Относительно средней и высшей школы подобные точные разсчеты, конечно, невозможны. Но достаточно прислушаться къ жалобамъ родителей и дѣтей, ежегодно раздающимся въ осенніе мѣсяцы изо всѣхъ угловъ Россіи, достаточно возстановить въ памяти цифры дѣтей и юношей, которымъ вынуждены за недостаткомъ мѣстъ отказывать въ пріемѣ среднія и высшія заведенія, чтобы наглядно убѣдиться, какъ мало тѣхъ и другихъ имѣется у насъ для удовлетворенія потребностей страны. Мало и надежды на то, что такое положеніе вещей болѣе или менѣе быстро измѣнится къ лучшему. Не первый уже годъ слышатся у насъ разговоры о близящейся школьной реформѣ. Но эта послѣдняя понимается почти исключительно, какъ измѣненіе тѣхъ или иныхъ порядковъ, господствующихъ внутри школы, и не слышно, чтобы въ предѣлы реформы включался вопросъ о такомъ увеличеніи количества учебныхъ заведеній, которое могло бы замѣтно уменьшить существующую школьную нужду.

Настоящій годъ не представляетъ въ этомъ отношеніи какого-либо исключенія. По прежнему съ началомъ осени изъ самыхъ различныхъ городовъ Россіи несутся жалобы на то, что масса дѣтей школьнаго возраста не нашла себѣ доступа въ среднюю школу и осталась за ея порогомъ. По прежнему у дверей высшихъ учебныхъ заведеній собрались толпы стремящихся къ высшему образованію юношей, изъ которыхъ, однако, далеко не всѣ могутъ разсчитывать благополучно проникнуть за эти двери. По прежнему, наконецъ, вниманіе высшей учебной администраціи отвлечено отъ этихъ явленій въ сторону внутреннихъ распорядковъ школы.

За то эти послѣдніе вновь вызываютъ усиленное попеченіе учебнаго вѣдомства. Въ концѣ лѣта и въ началѣ осени состоялся рядъ циркуляровъ и распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, касающихся средней и высшей школы и стремящихся ввести въ той и другой до извѣстной степени новые порядки. О тѣхъ распоряженіяхъ, которыми опредѣляются учебныя программы средней школы на предстоящій академическій годъ, у насъ уже шла рѣчь въ предыдущіе мѣсяцы. Поэтому мы не будемъ теперь возвращаться къ этому вопросу по существу и отмѣтимъ лишь одно частное недоразумѣніе, связанное съ упомянутыми распоряженіями. Высочайшими повелѣніями отъ 11 и 18 іюня прошлаго года преподаваніе греческаго языка въ третьемъ и четвертомъ классахъ гимназій на 1901—1902 учебный годъ было прекращено Въ большинствѣ гимназій греческій языкъ, какъ сообщено министерствомъ народнаго просвѣщенія, не будетъ преподаваться въ названныхъ классахъ и въ теченіе наступающаго учебнаго года. Но наряду съ этимъ министерство упустило изъ виду разъяснить, должны-ли бывшіе ученики четвертаго класса, минувшею весною перешедшіе въ пятый классъ и въ прошломъ году не изучавшіе греческаго языка, обучаться ему въ наступающемъ учебномъ году, и, если должны, то по какой программѣ нужно вести это обученіе. Въ газетахъ сообщалось, что попечитель одесскаго учебнаго округа обратился по этому поводу съ спеціальнымъ запросомъ въ министерство *), но, какъ разрѣшился этотъ любопытный для воспитанниковъ гимназій вопросъ, въ печати пока не выяснено.

Одновременно съ измѣненіемъ учебныхъ программъ средней школы управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія призналъ необходимымъ обратить вниманіе школьнаго начальства на физическое здоровье учащихся. Съ этою цѣлью имъ изданъ 15 августа особый циркуляръ попечителямъ учебныхъ округовъ. Названный циркуляръ прежде всего предписываетъ, „въ цѣляхъ устраненія наблюдаемаго иногда среди учащихся чрезмѣрнаго

*) «Р. Вѣдомости», 22 авг. 1902 г.

утомленія, предоставить, въ видѣ опыта на одинъ учебный годъ, педагогическимъ совѣтамъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, право въ тѣ недѣли, въ которыя не приходится праздничныхъ дней, давать учащимся, буде это окажется необходимымъ, по одному дню отдыха отъ учебныхъ занятій, съ тѣмъ, однакоже, чтобы дни эти не были въ безконтрольномъ распоряженіи учащихся, а были посвящаемы экскурсіямъ, чтеніямъ, осмотрамъ музеевъ и тому подобнымъ разумнымъ развлеченіямъ, смотря по времени года и мѣстнымъ условіямъ, и чтобы количество такихъ дней, находящихся въ распоряженіи педагогическихъ совѣтовъ, не превышало въ теченіе учебнаго года семи". Вмѣстѣ съ тѣмъ, „въ виду того, что весьма многія явленія школьной жизни имѣютъ тѣсную связь съ здоровьемъ учащихся и могутъ найти въ педагогическомъ совѣтѣ правильное объясненіе лишь при содѣйствіи училищнаго врача", циркуляръ требуетъ „постановить за правило, чтобы училищный врачъ, который, по дѣйствующимъ уставамъ среднихъ учебныхъ заведеній, приглашается въ засѣданія педагогическаго совѣта лишь тогда, когда сіе признаетъ нужнымъ предсѣдатель совѣта, участвовалъ, наравнѣ съ прочими членами, во всѣхъ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта тѣхъ учебныхъ заведеній, при которыхъ установлена должность врача, съ правомъ голоса по всѣмъ вопросамъ, входящимъ въ область врачебной компетенціи". Помимо этихъ указаній, признаваемыхъ особенно важными, въ циркулярѣ намѣчается и рядъ другихъ мѣръ, которыя должны служить къ сохраненію и развитію физическаго здоровья учащихся. Такъ, увеличивается продолжительность промежутковъ между уроками, а опредѣленіе часа для начала уроковъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій предоставляется усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ съ утвержденія учебно-окружнаго начальства. Точно также педагогическимъ совѣтамъ предоставляется право съ разрѣшенія учебно-окружнаго начальства раздѣлять учебный день на два отдѣленія, съ промежуткомъ между ними отъ двухъ до трехъ часовъ для отдыха и обѣда, въ тѣхъ городахъ, гдѣ это по мѣстнымъ условіямъ жизни будетъ признано особенно желательнымъ. Воспрещается задаваніе ученикамъ „излишнихъ работъ, сверхъ обычной подготовки уроковъ", къ днямъ, слѣдующимъ за воскресеньями и праздниками. Для облегченія же учащимся приготовленія уроковъ педагогическимъ совѣтамъ „предоставляется устраивать для желающихъ послѣобѣденныя занятія по приготовленію уроковъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, гдѣ это будетъ возможно по мѣстнымъ условіямъ". Далѣе, начальству среднихъ учебныхъ заведеній вмѣняется въ обязанность заботиться о томъ, чтобы учащіеся могли получать въ учебныхъ заведеніяхъ за возможно незначительную плату горячій завтракъ или, по крайней мѣрѣ, чай, при чемъ къ участію въ издержкахъ на такіе завтраки

„разрѣшается въ случаѣ возможности привлекать и специальныя средства учебнаго заведенія“. Равнымъ образомъ начальство школъ обязывается устраивать для учащихся различныя физическія упражненія и игры. Тѣ и другія—прибавляетъ, однако, циркуляръ—„должны производиться подъ умѣлымъ руководствомъ, и при томъ по возможности на чистомъ воздухѣ, а въ дурную погоду во вполнѣ приспособленныхъ помѣщеніяхъ (большихъ залахъ, манежахъ), но никакъ не въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ (классахъ, корридорахъ). При невозможности производить упражненія въ указанныхъ условіяхъ, они должны считаться не только безполезными, но и прямо вредными, и не должны входить въ программу занятій въ классное время“. Всѣ физическія упражненія циркуляръ рекомендуетъ производить подъ наблюденіемъ училищнаго врача и въ заключеніе напоминаетъ о важности постояннаго медицинскаго надзора за здоровьемъ учащихся, рекомендуя привлекать къ такому надзору, помимо постояннаго школьнаго врача, еще специалистовъ по болѣзнямъ глазъ и зубовъ...

„Какая-то свѣжая, оздоровляющая струя проникаетъ въ тѣ душныя помѣщенія, гдѣ все вниманіе сосредоточивалось еще такъ недавно на долбленіи блѣдными, изможденными дѣтьми заданныхъ уроковъ, — патетически восклицаетъ „Новое Время“ по поводу циркуляра 15 августа.—Физическое развитіе ставится какъ одно изъ самыхъ обязательныхъ условій учебнаго заведенія. О прежнемъ переутомленіи впредь мы и слышать не должны“ *)... Правда, рекомендованныя въ этомъ циркулярѣ мѣры являются въ большинствѣ вполнѣ цѣлесообразными и желательными, свидѣтельствуя о благихъ намѣреніяхъ министерства. Но однихъ благихъ намѣреній, какъ извѣстно, мало для успѣха какого бы то ни было дѣла и поэтому для правильной оцѣнки приведеннаго циркуляра необходимо еще разсмотрѣть вопросъ объ осуществимости указанныхъ мѣропріятій. Всего менѣе сомнѣній въ этомъ отношеніи вызываетъ предоставленное педагогическимъ совѣтамъ право освобождать учениковъ отъ классныхъ занятій въ теченіе семи дней въ году, устраивая въ эти дни образовательныя экскурсіи, чтенія и другія развлеченія. Но именно эта мѣра представляется намъ не особенно важною для физическаго здоровья учащихся. Наша школа подрываетъ здоровье своихъ учениковъ не столько отсутствіемъ въ ней праздниковъ, которыхъ скорѣе даже слишкомъ много, сколько своимъ неумѣніемъ правильно употреблять учебные дни и часы, но эта ея особенность нисколько не затрагивается названной мѣрой. Въ свою очередь предписанное циркуляромъ небольшое увеличеніе продолжительности перемѣнъ между уроками и установленіе въ разныхъ мѣстностяхъ педагогическими совѣтами различныхъ сроковъ для

*) «Новое Время», 18 авг. 1902 г.

начала школьнаго дня легко могутъ быть осуществлены на практикѣ и принести свою долю пользы, но эта доля, очевидно, будетъ не особенно велика. Иначе стоитъ дѣло со всѣми другими мѣрами, указанными въ циркулярѣ. Устраивать въ учебныхъ заведеніяхъ вечернія занятія для приготовленія уроковъ было бы невозможно уже потому, что трудно привлечь къ такимъ занятіямъ преподавателей, и безъ того несущихъ въ большинствѣ непосильный трудъ и нерѣдко вынужденныхъ для пополненія своего черезчуръ скромнаго бюджета давать по вечерамъ частные уроки. Для того, чтобы врачъ могъ принимать участіе во всѣхъ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта и вести постоянный и дѣятельный надзоръ за физическимъ здоровьемъ сотенъ учащихся, ему необходимо было бы отдавать школѣ почти все свое время, но этого немыслимо требовать при нынѣшнемъ скудномъ вознагражденіи училищнаго врача, которое достигаетъ всего 300 руб. въ годъ... Наконецъ, устройство въ школѣ горячихъ завтраковъ, равно какъ организація физическихъ игръ и упражненій для учащихся въ свою очередь требуютъ особыхъ расходовъ. Въ громадномъ большинствѣ нашихъ школъ нѣтъ ни особо приспособленныхъ для такихъ упражненій помѣщеній, ни средствъ для приглашенія умѣлыхъ руководителей. То же самое приходится повторить о рекомендуемыхъ циркуляромъ занятіяхъ ручнымъ трудомъ и обученіи учениковъ танцамъ, музыкѣ и пѣнію. Циркуляръ пытается, правда, указать выходъ изъ этихъ затрудненій, совѣтуя относить подобные расходы „или на особый сборъ съ учащихся, или на спеціальныя средства учебныхъ заведеній", а спеціально объ издержкахъ на преподаваніе музыки и пѣнія замѣчая, что „было бы позволительно приглашать къ пожертвованіямъ на этотъ предметъ мѣстныя общества и частныхъ благотворителей, въ особенности тамъ, гдѣ спеціальныя средства недостаточны". Но спеціальныя средства учебныхъ заведеній вообще невелики и уже въ настоящее время они цѣликомъ уходятъ на покрытіе отнесенныхъ на ихъ счетъ расходовъ. Ввести особый сборъ съ учащихся значило бы, иными словами, повысить плату за ученіе, которая и безъ того достигаетъ у насъ чрезмѣрной высоты. Врядъ-ли также есть основаніе ожидать сколько-нибудь значительнаго притока частныхъ пожертвованій въ школу...

Болѣе серьезное значеніе обѣщаетъ пріобрѣсти другой циркуляръ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, изданный еще 29 іюля и касающійся равно среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. „Доставлявшіяся донынѣ ректорамъ университетовъ и директорамъ высшихъ спеціальныхъ заведеній секретныя характеристики соотвѣтственныхъ абитуріентовъ средней школы отмѣняются на будущее время, – гласитъ первый пунктъ этого циркуляра.—Окончившимъ же курсъ послѣдней воспитанникамъ, заявившимъ о желаніи поступить въ высшее учебное

заведеніе министерства народнаго просвѣщенія, выдается впредь полная выписка изъ ихъ кондуита за послѣдніе три года ихъ пребыванія въ гимназіи или реальномъ училищѣ. Подавшій прошеніе о зачисленіи его въ студенты прилагаетъ означенную выписку къ документамъ, которые представляетъ въ университетъ или высшее спеціальное заведеніе. Въ настоящемъ году выписки, по изготовленіи ихъ, могутъ, за позднимъ временемъ, быть непосредственно направлены начальствами среднихъ учебныхъ заведеній въ соотвѣтственныя высшія. Зачисляющее въ студенты начальство, не придавая рѣшающаго значенія сопоставленнымъ въ выпискѣ даннымъ, когда таковыя не повлекли за собой пониженія окончательной оцѣнки поведенія воспитанника, принимаетъ, однако, эти данныя въ соображеніе, какъ при выясненіи предпочтительныхъ правъ того или другого лица на предоставленіе ему наличной студенческой вакансіи въ предѣлахъ положеннаго комплекта, такъ и, въ случаѣ состоявшагося пріема, при обсужденіи дисциплинарныхъ послѣдствій тѣхъ проступковъ, которые зачисленнымъ будутъ совершены въ бытность его студентомъ. Поступающій на первый курсъ долженъ быть предупрежденъ о томъ при его опредѣленіи въ высшее учебное заведеніе“...

Можно, конечно, лишь привѣтствовать отмѣну „секретныхъ характеристикъ“, составлявшихъ до послѣдняго времени одно изъ темныхъ пятенъ въ дѣятельности нашей средней школы. Но, привѣтствуя эту мѣру, тѣмъ труднѣе понять, какими мотивами вызвано сохраненіе извѣстнаго наслѣдства отъ этихъ „характеристикъ“, въ видѣ обязательнаго представленія лицами, поступающими въ высшую школу, „выписокъ изъ кондуита“ о поведеніи ихъ въ школѣ средней. Низкая оцѣнка среднею школой поведенія своихъ учениковъ при дѣйствующемъ у насъ порядкѣ совершенно закрываетъ имъ дорогу въ высшія учебныя заведенія. При такихъ условіяхъ, казалось бы,—какое дѣло этимъ заведеніямъ до проступковъ ученика въ средней школѣ, разъ эти проступки не помѣшали ему добиться такой оцѣнки своего поведенія, какая по закону даетъ ему право на доступъ въ высшую школу? Самыя задачи средней и высшей школы существенно различны, и у насъ это различіе даетъ себя знать болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ виду этого „выписки изъ кондуита“, подробно говорящія о дѣтскихъ шалостяхъ учениковъ средней школы и о случаяхъ нарушенія ими школьной дисциплины, дадутъ администраціи высшихъ учебныхъ заведеній въ сущности не болѣе пригодный матеріалъ для сужденія о тѣхъ же лицахъ въ роли студентовъ, чѣмъ и пресловутыя „секретныя характеристики“...

Не меньше недоумѣній возбуждаетъ и второй пунктъ цирку-

ляра. „При замѣщеніи остающихся, въ предѣлахъ установленнаго комплекта, студенческихъ вакансій,—говорится въ немъ,—надлежитъ, въ случаѣ равенства прочихъ условій, отдавать предпочтеніе абитуріентамъ тѣхъ гимназій и реальныхъ училищъ, изъ которыхъ въ послѣдніе годы поступало въ данное высшее учебное заведеніе сравнительно меньшее число лицъ, участвовавшихъ затѣмъ въ бытность студентами въ безпорядкахъ". „Новое Время", едва-ли не единственная, впрочемъ, изъ всѣхъ русскихъ газетъ, нашло нужнымъ горячо привѣтствовать и эту мѣру, завѣряя, что она „отзовется самымъ благотворнымъ образомъ на подъемѣ вообще поведенія учениковъ какъ до высшей школы, такъ и въ ней". По словамъ газеты, въ ученикахъ гимназій и реальныхъ училищъ должно при условіи примѣненія такой мѣры возникнуть чувство круговой отвѣтственности и круговой поруки, и всякій студентъ, принимающій участіе въ безпорядкахъ, будетъ невольно и непремѣнно чувствовать, что онъ вредитъ своимъ гимназическимъ товарищамъ, своимъ младшимъ братьямъ, проходящимъ курсъ имъ оконченной школы. Противъ такой точки зрѣнія рѣшительно выступили „Спб. Вѣдомости". „Принципъ круговой отвѣтственности, этотъ überwundener Standpunkt неразборчивой въ средствахъ старины,—говоритъ названная газета,—давно осужденъ даже криминалистами, и современное культурное уголовное право знаетъ только личную уголовную отвѣтственность за личные проступки. А круговая порука готовится къ изгнанію даже изъ крестьянской среды, гдѣ она связываетъ все-таки взрослыхъ, совершеннолѣтнихъ людей, а не „рѣзвую младость". Молодежь добра и сердечна, чувства товарищеской солидарности присущи ей болѣе, чѣмъ всякому другому возрасту, и задушевное обращеніе къ ней, проникнутое доброжелательствомъ къ ея настоящему и любовной заботливостью о ея будущемъ, всегда имѣло неотразимое вліяніе на пылкіе юные умы. Но врядъ-ли можно серьезно разсчитывать на то, что въ моменты крайняго напряженія взволнованнаго чувства, когда молодежь забываетъ о своихъ непосредственныхъ интересахъ, она будетъ помнить своихъ „младшихъ братьевъ" по гимназіи, зачастую ей невѣдомыхъ и далекихъ, оттѣсненныхъ интересами и запросами другого порядка. Мѣра, возвѣщенная циркуляромъ, очевидно, имѣетъ въ виду не групповую отвѣтственность и не круговую поруку неполноправныхъ молодыхъ людей, а созданіе условій, которыя сдѣлали бы невозможнымъ такое, во всякомъ случаѣ не нормальное, явленіе, какъ существованіе гимназій или реальныхъ училищъ, находящихся, такъ сказать, въ сильномъ подозрѣніи. Какъ таковая и какъ мѣра правительственная, она естественно заключаетъ въ себѣ обращеніе скорѣе къ начальству средне-учебныхъ заведе-

ній, чѣмъ къ переполняющему ихъ юношеству, для котораго существуютъ иныя, исключительно педагогическія мѣры“ *)...

Отмѣченные пункты циркуляра 29 іюля имѣютъ тѣмъ бóльшую важность, что, не смотря на ихъ условный характеръ, имъ присуще не одно только теоретическое значеніе. Такъ какъ вакансій въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при существующемъ порядкѣ комплекта всегда меньше, чѣмъ желающихъ поступить на эти вакансіи, то, очевидно, указанныя мѣры должны будутъ примѣняться на практикѣ. Этотъ порядокъ пріема въ студенты лишь по числу опредѣленныхъ комплектомъ вакансій, установленный въ 1899 г., подтверждается и настоящимъ циркуляромъ, съ тѣмъ лишь отступленіемъ, что начальствамъ высшихъ учебныхъ заведеній „предоставляется, по соображеніи особливо уважительныхъ обстоятельствъ, принять до 10 процентовъ сверхкомплектныхъ студентовъ на первый курсъ“. Впрочемъ, для двухъ заведеній допущены еще частныя отступленія: ректору университета св. Владиміра предоставленно зачислить въ студенты перваго курса сверхъ комплекта въ общемъ до 200 чел. на всѣхъ факультетахъ, а комплектъ для высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ разрѣшено довести въ наступающемъ учебномъ году до цифры 300 слушательницъ. Точно также подтверждается настоящимъ циркуляромъ, съ нѣкоторыми частными измѣненіями, и установленный въ томъ же 1899 году порядокъ приписки оканчивающихъ курсъ гимназистовъ къ университетамъ ихъ учебныхъ округовъ.

Нѣсколько пунктовъ циркуляра 29 іюля посвящены еще вопросу о пріемѣ въ высшія учебныхъ заведенія студентовъ, уволенныхъ за безпорядки. Въ этомъ отношеніи циркуляромъ устанавливаются слѣдующія правила: „Обратный пріемъ въ высшее учебное заведеніе лицъ, уволенныхъ изъ него за участіе въ безпорядкахъ безъ опредѣленія срока, на который выдано увольнительное свидѣтельство, можетъ, подъ условіемъ утвержденія пріема попечителемъ учебнаго округа, быть допущенъ не ранѣе начала 1903—4 академическаго года правленіемъ университета или соотвѣтствующимъ правленію въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ учрежденіемъ. Прошенія о таковомъ обратномъ зачисленіи принимаются начальствами подлежащихъ заведеній къ разсмотрѣнію не ранѣе лѣта 1903 года. Уволенные за участіе въ безпорядкахъ на срокъ принимаются обратно въ то высшее учебное заведеніе, отъ котораго получили увольнительное свидѣтельство, лишь по истеченіи назначеннаго срока и при наличности установленнаго документа о поведеніи за время, проведенное внѣ учебнаго заведенія. Лица, уволенныя за участіе въ

*) «Спб. Вѣдомости», 20 авг. 1902 г.

безпорядкахъ безъ запрещенія поступленія въ другое учебное заведеніе, могутъ быть приняты въ таковое не ранѣе начала 1903—1904 учебнаго года. Уволенные изъ университета св. Владиміра на основаніи п. 1 предварительнаго объявленія 12 января 1902 года, въ случаѣ обратнаго зачисленія ихъ нынѣ на первый курсъ въ порядкѣ, указанномъ названнымъ объявленіемъ, могутъ, если пожелаютъ, приступить къ занятіямъ съ января 1903 года, буде имѣютъ уже зачетъ осенняго полугодія. Письменное заявленіе подается каждымъ изъ желающихъ не позднѣе 1 сентября 1902 года. Означеннымъ правомъ могутъ, на тѣхъ же условіяхъ, воспользоваться студенты университета св. Владиміра, получившіе зачетъ третьяго семестра и оставленные затѣмъ на второй годъ на II курсѣ въ силу п. 1 предварительнаго объявленія". Вмѣстѣ съ тѣмъ циркуляръ предписываетъ утвержденныя попечителемъ учебнаго округа постановленія правленій и другихъ соотвѣтствующихъ учрежденій по дѣламъ о пріемѣ въ учебныя заведенія лицъ, уволенныхъ за безпорядки, считать окончательными.

Наконецъ, циркуляръ 29 апрѣля касается и еще одного изъ больныхъ мѣстъ нашей высшей школы, именно — условій пріема въ нее еврейскаго юношества. По этому вопросу въ циркулярѣ имѣется два постановленія. „Относительно пріема лицъ іудейскаго исповѣданія — гласитъ одно изъ нихъ — возстанавливаются на предстоящій учебный годъ для варшавскаго и новороссійскаго университетовъ, а также для рижскаго политехническаго института процентныя нормы, пониженныя распоряженіемъ 1901 г.". Согласно другому пункту циркуляра, „процентъ лицъ іудейскаго исповѣданія, принимаемыхъ въ число студентовъ, разсчитывается во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по отношенію къ общему количеству вновь поступающихъ, а не самостоятельно для каждаго факультета или отдѣленія". Обратный порядокъ былъ введенъ въ 1900 г. и мы тогда же имѣли возможность указать на значеніе этой мѣры *). Новый циркуляръ, такимъ образомъ, уничтожаетъ тѣ ограниченія доступа евреевъ въ высшую школу, какія были установлены въ самые послѣдніе годы, при министрахъ Боголѣповѣ и Ванновскомъ, но не даетъ еврейскому юношеству никакихъ дальнѣйшихъ облегченій. Въ параллель съ этимъ должно быть поставлено и другое сообщеніе министерства народнаго просвѣщенія, состоявшееся въ августѣ и извѣщающее, что министерствомъ „разрѣшено принимать въ университеты съ начала наступающаго учебнаго года аптекарскихъ помощниковъ изъ лицъ іудейскаго исповѣданія для слушанія лекцій по фармацевтическимъ отдѣленіямъ медицинскихъ факультетовъ съ цѣлью пріобрѣтенія званія провизора въ слѣдующемъ процентномъ отно-

*) См. нашу «Хронику внутренней жизни» въ «Р. Бог.» за 1900 г., № 9.

шеніи къ общему числу лицъ, поступающихъ въ университеты на эти курсы: въ московскій университетъ въ размѣрѣ 6%; въ университеты: св. Владиміра, новороссійскій, харьковскій и варшавскій въ размѣрѣ 20% въ каждый; въ казанскій, юрьевскій и томскій—въ размѣрѣ 15% въ каждый".

Наряду съ измѣненіемъ условій пріема въ высшую школу, министерство народнаго просвѣщенія передъ началомъ учебнаго года озаботилось и измѣненіемъ нѣкоторыхъ порядковъ внутренняго быта послѣдней. Согласно сообщенію министерства, 24 августа получили высочайшее утвержденіе „временныя правила о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія", выработанныя особымъ совѣщаніемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и путей сообщенія, завѣдывающаго текущими дѣлами министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Главная сущность этихъ правилъ сводится къ слѣдующему. Совѣтъ учебнаго заведенія или соотвѣтствующее ему учрежденіе ежегодно избираетъ изъ числа профессоровъ пятерыхъ или троихъ судей и столько же кандидатовъ къ нимъ, причемъ въ учебныхъ заведеніяхъ съ юридическимъ факультетомъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ судей и одинъ изъ кандидатовъ должны принадлежать къ этому факультету. Избранныя въ судьи и кандидаты лица утверждаются въ должностяхъ попечителемъ учебнаго округа, а одного изъ судей совѣтъ избираетъ предсѣдателемъ суда. Вѣдѣнію организованнаго такимъ образомъ дисциплинарнаго профессорскаго суда подлежатъ передаваемыя ему начальникомъ учебнаго заведенія „дѣла касательно учащихся: 1) о нарушеніи ими въ зданіяхъ или учрежденіяхъ учебнаго заведенія порядка, особыми правилами каждаго изъ нихъ установленнаго; 2) о столкновеніяхъ между учащимися съ одной стороны и преподавателями или должностными лицами учебнаго заведенія съ другой, хотя бы столкновенія эти произошли внѣ зданій и учрежденій учебнаго заведенія, и 3) о такихъ проступкахъ учащихся, которые, хотя бы и не были предусмотрѣны общими законами, но имѣютъ предосудительный, противный правиламъ чести и нравственности, характеръ". Судъ получаетъ подлежащій его разсмотрѣнію матеріалъ отъ начальника учебнаго заведенія, въ случаѣ же недостаточности этого матеріала принимаетъ мѣры къ пополненію его, и производитъ разбирательство, выслушивая показанія обвиняемыхъ и свидѣтелей. Дѣла слушаются судомъ при закрытыхъ дверяхъ и производятся устно, но мотивированный приговоръ вносится въ книгу рѣшеній и скрѣпляется подписями всѣхъ членовъ суда. Если нарушеніе учащимися правилъ сопровождалось какимъ-либо преступленіемъ, то, по исключеніи виновныхъ изъ учебнаго заведенія дисциплинарнымъ судомъ, начальникъ заведенія пересылаетъ копію при-

говора подлежащему общему судебному установленію для дальнѣйшаго направленія дѣла по закону. Приговоры дисциплинарнаго суда, налагающіе наказаніе ниже увольненія изъ учебнаго заведенія, немедленно приводятся начальникомъ послѣдняго въ исполненіе, а рѣшенія суда объ увольненіи, удаленіи или исключеніи представляются тѣмъ же начальникомъ со своимъ заключеніемъ на утвержденіе попечителя учебнаго округа.

Дисциплинарнымъ судомъ могутъ быть налагаемы на учащихся слѣдующія взысканія: „1) замѣчаніе; 2) выговоръ; 3) лишеніе права участвовать въ курсовыхъ собраніяхъ и быть избраннымъ въ курсовые старосты; 4) переводъ на срокъ не сверхъ одного учебнаго полугодія изъ студентовъ въ вольнослушатели съ тѣмъ, что по истеченіи срока переведенный можетъ, при безукоризненномъ поведеніи, быть обратно зачисленъ начальникомъ заведенія въ студенты съ правомъ на зачетъ ему удовлетворительныхъ учебныхъ занятій въ истекшее полугодіе, но безъ возстановленія указанныхъ въ п. 3 правъ и безъ права на освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, а также на пособіе или стипендію; 5) нравственное порицаніе сверхъ наказаній, указанныхъ въ п. 3-мъ или п. 4-мъ; 6) увольненіе изъ учебнаго заведенія до начала ближайшаго или слѣдующаго за нимъ учебнаго года безъ воспрещенія немедленнаго поступленія на общемъ основаніи въ другое учебное заведеніе или съ воспрещеніемъ такого поступленія ранѣе опредѣленнаго срока; 7) удаленіе изъ даннаго учебнаго заведенія безъ срока и съ воспрещеніемъ поступленія въ другое учебное заведеніе до начала второго, послѣ текущаго, учебнаго года; 8) исключеніе изъ учебнаго заведенія безъ права поступленія и въ другія высшія учебныя заведенія“. Наряду съ этимъ, однако, и начальнику высшаго учебнаго заведенія предоставляется право налагать на учащихся такія взысканія, какъ замѣчаніе, выговоръ, временное запрещеніе посѣщать учебное заведеніе и даже предложеніе подать прошеніе объ увольненіи изъ заведенія, а замѣчанія учащимся можетъ дѣлать и инспекторъ. Рядомъ съ профессорскимъ судомъ сохраняется такимъ образомъ и судъ инспекціи.

Вслѣдъ за обнародованіемъ изложенныхъ правилъ о профессорскомъ судѣ появился еще циркуляръ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, сообщившій о введеніи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ названнаго министерства новыхъ правилъ для студентовъ. Правила эти получили законодательное утвержденіе 24 августа, такимъ же порядкомъ, какъ и правила о профессорскомъ судѣ, и заключаются въ слѣдующемъ.

Временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій, утвержденныя 22 декабря 1901 г. равно какъ и нѣкоторыя статьи правилъ для студентовъ 1885 г., отмѣняются и взамѣнъ ихъ съ начала наступающаго учебнаго года вводятся новыя положенія.

Согласно имъ, при каждомъ курсѣ долженъ впредь состоять кураторъ изъ числа преподавателей даннаго учебнаго заведенія. Такіе кураторы избираются совѣтомъ или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ на годичный или меньшій срокъ для руководительства студентами извѣстнаго курса и имъ предоставляется устраивать собесѣдованія съ курсомъ согласно инструкціи, вырабатываемой совѣтомъ. Всѣ кураторы образуютъ коммиссію, состоящую подъ предсѣдательствомъ ректора и имѣющую своей задачей совмѣстное обсужденіе соотвѣтственныхъ дѣлъ, касающихся разныхъ курсовъ, факультетовъ и отдѣленій. Общія собранія студентовъ всего учебнаго заведенія, равно какъ собранія студентовъ по факультетамъ или отдѣленіямъ не допускаются. Разрѣшаются лишь собранія студентовъ по курсамъ, которыя созываются либо по распоряженію ректора, либо съ его согласія по почину куратора; въ первомъ случаѣ на собраніи предсѣдательствуетъ ректоръ, во второмъ—кураторъ. На этихъ собраніяхъ, въ случаѣ желанія студентовъ, предсѣдательствующимъ допускается избраніе курсовыхъ старостъ изъ числа студентовъ даннаго курса на годичный или меньшій срокъ для сношеній по дѣламъ курса съ преподавателями и администраціей учебнаго заведенія и для исполненія касающихся студентовъ даннаго курса порученій ректора или куратора. При этомъ подробная инструкція относительно курсовыхъ собраній и старостъ должна быть составлена совѣтомъ учебнаго заведенія или соотвѣтствующимъ ему учрежденіемъ. Новыя правила допускаютъ далѣе образованіе, согласно ходатайствамъ, представленнымъ ректору отъ имени опредѣленныхъ студентовъ черезъ соотвѣтственные факультеты или отдѣленія, студенческихъ научныхъ и литературныхъ кружковъ, но не иначе, какъ подъ руководительствомъ профессоровъ и другихъ преподавателей даннаго учебнаго заведенія. Уставы этихъ кружковъ вырабатываются соотвѣтственными факультетами или отдѣленіями и утверждаются совѣтомъ, а руководители выбираются факультетами. Допускаются среди студентовъ также кружки для занятій искусствами, физическими упражненіями и т. п. Такіе кружки разрѣшаются по ходатайствамъ студентовъ въ коммиссію кураторовъ и руководительство ими ввѣряется ректоромъ, на основаніи постановленія коммиссіи, приглашеннымъ для этого лицамъ. Вопросы объ организаціи студенческихъ библіотекъ и читаленъ, столовыхъ и чайныхъ, кассъ и т. п. разсматриваются правленіемъ при участіи коммиссіи кураторовъ. Наконецъ, послѣдній пунктъ новыхъ правилъ гласитъ: „подача адресовъ, подача коллективныхъ прошеній, посылка депутатовъ, выставленіе объявленій безъ разрѣшенія инспекціи, устройство сборищъ, произнесеніе публичныхъ рѣчей, денежные сборы и вообще всякаго рода корпоративныя дѣйствія, не предусмотрѣнныя настоящими правилами, не допускаются“.

Приведенныя правила являются уже третьей по счету за по-

слѣдніе три года попыткой реорганизаціи университетскаго быта. Ближайшее будущее покажетъ, насколько эта попытка будетъ удачнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ предшествовавшія ей. Пока можно лишь отмѣтить, что настоящая попытка, идя въ нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ дальше прошлогодней, въ общемъ все же стремится поставить преобразованіе университетскаго, и въ частности студенческаго быта, въ болѣе тѣсныя рамки, чѣмъ это предполагалось сдѣлать въ прошлогоднихъ реформаторскихъ планахъ. Наряду съ вновь вводимымъ профессорскимъ дисциплинарнымъ судомъ, поставленнымъ къ тому же въ извѣстную зависимость отъ ректора и попечителя, новыя правила, какъ было уже выше указано, сохраняютъ и старый судъ инспекціи. Допущеніе курсовой организаціи студентовъ, подчиненной контролю особыхъ „кураторовъ“, въ этихъ правилахъ соединяется съ воспрещеніемъ обще-университетской или факультетской организаціи.

Тѣмъ болѣе характернымъ является отношеніе къ поставленной такимъ образомъ университетской реформѣ реакціонной печати, въ свое время такъ горячо привѣтствовавшей назначеніе г. Зенгера на постъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ настоящій моментъ изъ болѣе видныхъ органовъ этой печати одно лишь „Новое Время“ сохраняетъ прежній тонъ и проявляетъ восторженное сочувствіе къ возвѣщеннымъ министерскими циркулярами реформамъ. По словамъ органа г. Суворина, съ введеніемъ новыхъ правилъ „вся жизнь какъ профессорской коллегіи, такъ и студентовъ вступаетъ въ совершенно новыя рамки“. „Нѣтъ сомнѣнія, — утверждаетъ онъ, — что кураторство въ университетѣ вполнѣ станетъ въ дружелюбныя и тѣсныя отношенія со студенчествомъ“, и „можно быть увѣреннымъ, что кураторство станетъ душою университетской жизни“ *). Правда, черезъ нѣсколько дней „Н. Время“ спохватилось, что „кураторство“ рискуетъ отнять слишкомъ много времени у занятыхъ наукой профессоровъ и „можетъ неблагопріятно отозваться на качествѣ читаемыхъ лекцій и даже вообще на научномъ уровнѣ профессора“. Но неунывающая газета и тутъ легко вышла изъ представившагося ей затрудненія, предложивъ назначать кураторовъ изъ числа вышедшихъ въ отставку профессоровъ **).

Совершенно иначе настроены другіе органы реакціонной прессы. Они относятся къ выяснившимся новымъ начинаніямъ министерства народнаго просвѣщенія безъ всякаго сочувствія и желали бы не столько какихъ-либо поправокъ къ этимъ начинаніямъ, сколько полнаго ихъ прекращенія. „Курсовыя собранія, или, иначе, сходки, — пишетъ „Кіевлянинъ“, — представляютъ меньшее зло сравнительно съ общестуденческими сходками, тѣмъ

*) «Н. Время», 30 августа 1902 г.

**) «Н. Время», 4 сент. 1902 г.

не менѣе мы считаемъ ихъ зломъ и не можемъ не выразить опасенія, какъ бы это меньшее зло не превратилось въ большія непріятности" *). Въ свою очередь кн. Мещерскій меланхолически замѣчаетъ по поводу вводимыхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ установленій: „я не совсѣмъ убѣжденъ въ томъ, чтобъ эти новыя установленія настолько были удовлетвореніемъ насущной потребности большинства учащихся, что отсутствіе ихъ могло бы быть препятствіемъ къ успѣшному прохожденію научнаго курса" **). Наконецъ, „Моск. Вѣдомости" хранятъ угрюмое молчаніе о вновь вводимыхъ въ университетскую жизнь порядкахъ. Но, не охотно высказываясь о конкретныхъ фактахъ той дѣятельности учебнаго вѣдомства, которую онѣ еще такъ недавно впередъ осыпали похвалами, реакціонныя газеты тѣмъ съ большею рѣшительностью раскрываютъ свои общія пожеланія насчетъ такой дѣятельности. „По нашему крайнему разумѣнію, испытанному на практикѣ, — писали недавно „Моск. Вѣдомости", — дѣло надзора за учащимися (средней школы) внѣ дома, какъ въ учебное, такъ и въ каникулярное время, безусловно слѣдуетъ или всецѣло передать въ вѣдѣніе мѣстной полиціи, снабдивъ ее надлежащею инструкціей и подробными указаніями отъ учебно-воспитательнаго вѣдомства или, если ужъ требуется, по существу дѣла, оставить этотъ надзоръ за учебнымъ вѣдомствомъ, чтобы не затруднять полиціи въ ея и безъ того сложныхъ обязанностяхъ по наблюденію за общественнымъ благочиніемъ и тишиной, — то слѣдуетъ создать особую учебную полицію, выдѣливъ или назначивъ для этой цѣли изъ мѣстнаго учебно-воспитательнаго состава особое лицо (inspector morum) въ каждомъ учебномъ центрѣ, въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ, гдѣ имѣется нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній и въ этомъ лицѣ сосредоточить всѣ необходимыя мѣропріятія по надзору за учащимися въ этомъ городѣ и за всѣми учащимися, прибывающими сюда на каникулы" ***). Когда даже „Н. Время" возмутилось такимъ проектомъ отдачи всѣхъ учащихся подъ полицейскій надзоръ и указало на его некультурность, на подмогу „Моск. Вѣдомостямъ" выступилъ „Гражданинъ". „Долженъ признаться, — пишетъ одинъ изъ постоянныхъ его сотрудниковъ, — что если слово „жупелъ" наводило страхъ на замоскворецкихъ героевъ Островскаго, то отъ слова „культура" меня тошнитъ". Откровенный авторъ утверждаетъ далѣе, что въ прошломъ нашей школой была сдѣлана „большая глупость отмѣною тѣлеснаго наказанія одновременно съ отмѣною воспитанія" ****).

*) «Кіевлянинъ», 7 сент. 1902 г.
**) «Гражданинъ», № 69, 8 сент. 1902 г.
***) «Моск. Вѣд.», 22 авг. 1902 г.
****) «Гражданинъ, № 68, 5 сент. 1902 г.

Какъ видно, пожеланія дѣятелей реакціонной печати идутъ очень далеко и не мудрено, что дѣйствительность не вполнѣ ихъ удовлетворяетъ. Но люди, которыхъ „тошнитъ отъ слова культура“ опоздали со своими пожеланіями и жизнь, надо думать, готовитъ имъ еще не одно разочарованіе.

III.

За послѣдній мѣсяцъ въ газетахъ было опубликовано нѣсколько оффиціальныхъ сообщеній. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Въ „Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ было напечатано слѣдующее сообщеніе:

„Объѣздъ начальникомъ Полтавской губерніи, княземъ Н. П. Урусовымъ, Константиноградскаго уѣзда начался 2 августа. Прежде всего князь посѣтилъ д. Лисичью, пріобрѣвшую печальную извѣстность, вслѣдствіе бывшихъ недавно въ Константиноградскомъ уѣздѣ народныхъ безпорядковъ. Жители д. Лисичьей одни изъ первыхъ начали безпорядки нападеніемъ на сосѣднія владѣнія съ цѣлью грабежа. Селеніе Лисичья все скрыто въ балкѣ и показывается, когда совсѣмъ близко къ нему подъѣхать. Среди разбросанныхъ въ безпорядкѣ лачугъ виднѣется небогатая помѣщичья усадьба Алексенковъ; послѣдніе живутъ въ Полтавѣ, а домъ стоитъ уныло съ закрытыми ставнями. Деревня состоитъ изъ 80 дворовъ, жителей въ ней слишкомъ 400 человѣкъ.

„Толпа крестьянъ, замѣтивъ приближеніе экипажей, обнажила головы и стала на колѣни; человѣкъ 10 сельскихъ старостъ изъ сосѣднихъ деревень стояли впереди толпы. Безмолвная, торжественная тишина прерывается двумя сѣдыми стариками. Они вышли изъ толпы и, поднося хлѣбъ-соль начальнику губерніи, просили принять его отъ „согрѣшившаго общества“. Его сіятельство, принявъ подношеніе, сказалъ: „я принимаю этотъ хлѣбъ-соль, какъ залогъ того, что вы, чистосердечно раскаявшись въ своихъ неразумныхъ поступкахъ, не повторите больше этого тяжкаго передъ Богомъ и царемъ грѣха и впредь не будете слушать враговъ отечества, прибѣгая въ нуждѣ за совѣтомъ и помощью къ своимъ ближайшимъ начальникамъ—царскимъ слугамъ“.

„Послѣ этого г. губернаторъ принялъ рапорты отъ сельскихъ старостъ всѣхъ обществъ, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ, разспрашивалъ о количествѣ имѣющихся земельныхъ надѣловъ и, вообще, о благосостояніи и средствахъ къ жизни крестьянъ. Сдѣлавъ предостереженіе еще разъ не слушать разныхъ злонамѣренныхъ проходимцевъ, сѣющихъ смуты въ государствѣ, кн. Урусовъ распрощался съ крестьянами. Поѣздъ направился въ с. Максимовку, находящуюся въ 10 верстахъ отъ Лисичьей.

Максимовцы тоже принимали весьма видное участіе въ бывшихъ безпорядкахъ. Изъ селенія доносился благовѣстъ къ вечернѣ. Громадная толпа народа стояла на площади передъ церковью съ обнаженными головами. Начальникъ губерніи поздоровался съ народомъ, принялъ поднесенную хлѣбъ-соль и сказалъ: „пойдемте, помолимся за свои согрѣшенія“,—и съ этими словами отправился въ церковь, а за нимъ хлынула вся толпа. На порогѣ храма встрѣтилъ начальника губерніи съ крестомъ маститый священникъ о. Іоаннъ Плахотинъ. Князь Урусовъ приложился ко кресту, и священникъ началъ молебствіе. Стройное пѣніе хора, составленнаго мѣстнымъ учителемъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, обратило вниманіе его сіятельства. По окончаніи богослуженія о. Іоаннъ Плахотинъ подошелъ къ начальнику губерніи и приблизительно сказалъ слѣдующее: „Еще недавно мы встрѣчали здѣсь предмѣстника вашего сіятельства. Онъ принесъ къ намъ гнѣвъ царскій и наказаніе за содѣянныя нами по нашей немощи противныя закону и государственному порядку беззаконія. Теперь-же мы, принося свое раскаяніе, встрѣчаемъ васъ, какъ миротворца, уповая, что при вашемъ мудромъ правленіи губерніей настанетъ миръ и тишина и враги государства не посмѣютъ сѣять среди темнаго и легковѣрнаго народа смуту“. Рѣчь была закончена пожеланіемъ благополучія и успѣха въ трудныхъ дѣлахъ управленія краемъ.

„Выйдя изъ церкви на площадь, народъ почтительно сталъ на прежнемъ мѣстѣ; впереди его стояло сельское начальство. Подойдя къ толпѣ, князь Урусовъ разспрашивалъ о житьѣ-бытьѣ крестьянъ, объ ихъ экономическомъ положеніи, причемъ максимовцы заявили, что они не имѣютъ надѣльной земли, отъ взятія которой отказались ихъ дѣды и отцы при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, и умоляли войти въ ихъ положеніе. Начальникъ губерніи обѣщалъ сдѣлать для нихъ все, что будетъ зависѣть отъ него, но только тогда, когда убѣдится въ ихъ чистосердечномъ раскаяніи въ учиненныхъ ими беззаконныхъ поступкахъ. Крестьяне обѣщали не только не вѣрить никакимъ вреднымъ слухамъ, но и заказать своимъ дѣтямъ. Стоявшій вблизи хоръ исполнилъ народный гимнъ, выслушавъ который, князь Урусовъ провозгласилъ „ура“. Толпа подхватила, и громовое „ура“ долго оглашало село, пока экипажи начальника губерніи и сопровождавшихъ его лицъ не скрылись съ глазъ“ *).

Аналогичное сообщеніе появилось и въ „Саратовскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“. Въ послѣднюю свою поѣздку (въ концѣ іюля) по губерніи,—гласитъ оно,—г. губернаторъ проѣхалъ по уѣздамъ: Аткарскому, Балашовскому и Петровскому. Въ Аткарскомъ уѣздѣ онъ посѣтилъ с. Баланду, одно изъ большихъ селъ въ

*) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 28 августа 1902 г.

уѣздѣ, гдѣ около 12.000 жителей. Одна ихъ часть занимается торговлею, преимущественно хлѣбною; другая половина населенія живетъ земледѣліемъ, обрабатывая какъ собственныя земли, такъ и сосѣдней обширной экономіи гр. Шереметева. Въ с. Баландѣ губернаторъ былъ въ волостномъ правленіи, осматривалъ сельское училище, занимающее большое двухъ-этажное каменное зданіе, и его превосходительству была представлена мѣстная пожарная дружина, имѣющая недурной пожарный обозъ: 20 лошадей и постоянную дежурную команду въ 20 человѣкъ. Побывавъ затѣмъ въ усадьбѣ гр. Шереметева, г. губернаторъ на обратномъ пути изъ Баланды проѣхалъ въ с. Шереметьевку, къ аткарскому предводителю дворянства, кн. Оболенскому. Изъ аткарскаго уѣзда г. губернаторъ отправился въ Балашовскій уѣздъ и, между прочимъ, остановился въ с. Глѣбовкѣ, Турковской волости. Остановка эта была вызвана полученными г. губернаторомъ свѣдѣніями о томъ, что нѣкоторые изъ крестьянъ Глѣбовки, жители которой издавна отличались предосудительнымъ поведеніемъ, позволили самоуправныя дѣйствія по отношенію къ имуществу сосѣднихъ владѣльцевъ. Одни изъ нихъ явились въ садъ г. Сафонова, гдѣ сбили всѣ яблоки, причемъ двое вошли въ кухню и ради озорства съѣли приготовленный обѣдъ. Другіе увезли съ поля снопы г. Кожевникова, а проходя мимо народнаго училища, разбили въ немъ окна. Разслѣдовавъ обстоятельства дѣла и по выясненіи главныхъ виновниковъ самоуправныхъ дѣйствій, г. губернаторъ приказалъ задержать 15 человѣкъ и подвергнуть ихъ наказанію, но, когда, послѣ внушенія, сдѣланнаго губернаторомъ собравшимся крестьянамъ, виновные принесли повинную и выразили полное раскаяніе, а крестьяне, осѣнивъ себя крестомъ, дали торжественную клятву, что никогда не дозволятъ себѣ никакихъ самоуправствъ, не будутъ слушать никакихъ подстрекательствъ и другихъ не допустятъ до нарушеній закона, г. губернаторъ снизошелъ на просьбу крестьянъ о прощеніи и приказалъ остановить наказаніе. При этомъ его превосходительство сказалъ крестьянамъ, что онъ вѣритъ кресту, вѣритъ, что они не нарушатъ такой клятвы, потому что сами понимаютъ, что они тогда отвѣтятъ не передъ закономъ только, но и передъ Богомъ. При этомъ нужно замѣтить, что экономическое положеніе крестьянъ дер. Глѣбовки вполнѣ удовлетворительно. Земли у нихъ довольно. Урожай какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ году весьма хорошій. Нужды ни въ чемъ не замѣтно. Допускаемое же со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ самоволіе есть ничто иное, какъ озорство и развращеніе нравовъ. Благоразумные изъ нихъ сами это понимаютъ и сознаютъ, и сами указываютъ, что ихъ мутятъ. „Но мало того, что вы сознаете,— сказалъ губернаторъ въ отвѣтъ на такое сознаніе,—мало сознавать, нужно не дѣлать дурного, нужно дѣтей своихъ учить такъ, чтобы они

не были озорниками, не позволять имъ озорства и не слушаться тѣхъ лицъ, которые стараются посѣять среди васъ смуту и наталкиваютъ васъ на недоброе, преступное дѣло. Себѣ только этимъ пагубу готовите, а потому самимъ и надо беречь себя".

„Изъ Балашовскаго уѣзда губернаторъ прослѣдовалъ въ г. Петровскъ. Въ г. Петровскѣ онъ посѣтилъ уѣздную земскую управу, городскую управу, былъ у уѣзднаго предводителя дворянства г. Кропотова, произвелъ смотръ пожарной командѣ, обозрѣлъ казармы и тюрьму и затѣмъ выѣхалъ въ уѣздъ въ Кондольскую и Александровскую волости, расположенныя въ 70 верстахъ отъ Петровска на границѣ съ Пензенской губерніей. Цѣлью этой поѣздки было, главнымъ образомъ, выясненіе причинъ часто повторяющихся здѣсь пожаровъ и желаніе г. губернатора лично на мѣстѣ провѣрить полученныя имъ свѣдѣнія о томъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ среди крестьянъ распространяются ложные толки и слухи, смущая ихъ и подстрекая къ противозаконнымъ дѣйствіямъ. Изъ подробнаго разслѣдованія оказалось, что изъ 20 бывшихъ въ настоящемъ году въ тѣхъ волостяхъ пожаровъ, отъ которыхъ сгорѣло нѣсколько деревень, а также и отдѣльныя постройки крестьянъ и сосѣднихъ землевладѣльцевъ, 13 пожаровъ произошли отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, 4 отъ умышленнаго поджога и причина трехъ пожаровъ осталась невыясненной. По повѣркѣ свѣдѣній относительно поведенія населенія выяснилось, что въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ дурно вліяетъ на бытъ деревни распущенность среди молодежи и отдѣльныя порочныя личности, давно уже замѣченныя дурнымъ поведеніемъ, и что особенно это замѣтно въ двухъ обществахъ: Урлейскомъ и Чернышевскомъ, причемъ г. губернатору были доложены факты, явно свидѣтельствующіе о распущенности нравовъ. Такъ, одинъ парень былъ изобличенъ въ оскорбленіи матери и при томъ крайне циничнымъ способомъ. Другіе обвинялись самими родителями въ грубомъ обращеніи съ ними, при чемъ позволяли себѣ такое обращеніе и даже угрозы, выражая явное непочтеніе къ отцу, матери, старшимъ; нѣкоторые изъ молодежи на увѣщанія ихъ старшими отвѣчали, что все это пустяки,— „старые предразсудки". Губернаторъ, собравъ крестьянъ и выразивъ свое неодобреніе, что они заслужили такую дурную о себѣ молву и объяснивъ имъ ту строгую отвѣтственность по закону, которой они могутъ подлежать за всякое допущенное ими нарушеніе закона, обратилъ особое вниманіе на безучастное отношеніе родителей къ своимъ дѣтямъ. „Смотрѣть сквозь пальцы на развратъ дѣтей,—сказалъ г. губернаторъ,—значитъ потакать разврату, съ дѣтства, съ юности губить людей, и прежде всего во вредъ самимъ же родителямъ, а затѣмъ во вредъ имъ самимъ и всему обществу. За дѣтьми надо зорко слѣдить и въ свое время принимать мѣры къ ихъ исправленію". Затѣмъ г. губернаторъ по-

дробно объяснилъ вредъ для самихъ крестьянъ разнаго рода подстрекательствъ ихъ на дурное и преступное, выяснилъ, ради чего ихъ подстрекаютъ, и предостерегалъ крестьянъ, ради ихъ собственной пользы, не слушать и не вѣрить тѣмъ, кто соблазняетъ ихъ на что либо недоброе. Увѣщаніе г. губернатора произвело на крестьянъ очень сильное впечатлѣніе. Они тутъ же стали заявлять о томъ, что они сами очень удручены тѣмъ, что нѣкоторые изъ ихъ дѣтей дурно себя ведутъ, дерзки, грубы, непочтительны и тутъ же, испросивъ разрѣшенія г. губернатора, на сходѣ приговоромъ постановили извѣстныхъ среди ихъ, какъ они называютъ, „самыхъ головорѣзовъ" подвергнуть наказанію. Затѣмъ сами же крестьяне объяснили, что на молодежь и вообще людей порочныхъ дурно вліяютъ разныя глупыя книги и въ скоромъ же времени сами представили такія книги. Изъ просмотра книгъ оказалось, что большинство ихъ по содержанію своему совершенно не подходящія къ умственному кругозору крестьянина и дѣйствительно легко могутъ, и особенно среди крестьянской молодежи, вселять самыя превратныя понятія о жизни. Представляя книги, крестьяне объяснили откуда и отъ кого эти книги были получены ими. Затѣмъ многіе изъ крестьянъ просили губернатора не думать объ нихъ дурно, что имъ самимъ крайне тяжело слышать, что объ нихъ идетъ дурная молва, но что они въ ней неповинны, а что виноваты среди нихъ отдѣльныя лишь лица, которымъ они не сочувствуютъ и сами, причемъ прямо называли таковыхъ. Крестьяне Чернышевскаго общества въ количествѣ около 50 дворовъ, на которыхъ по преимуществу падало подозрѣніе въ разныхъ противозаконныхъ поступкахъ, сознавая, что худая молва не приведетъ къ добру, и вида несочувствіе къ себѣ однообщественниковъ, добровольно выразили готовность переселиться въ Енисейскую губернію, о чемъ составили приговоръ и избрали ходоковъ для пріисканія себѣ земли, причемъ и они сами и общество просили содѣйствія его превосходительства. Изъ всего этого видно, что благоразумная часть крестьянскаго населенія относится отрицательно къ нарушителямъ порядка, справедливо находя подобныя явленія не желательными для ихъ личной жизни, а кромѣ того и увлекающіеся сами сознаютъ, что они вступили на ложный путь" *).

Въ „Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостяхъ" напечатанъ циркуляръ мѣстнаго губернатора, предписывающій земскимъ начальникамъ, чтобы „по каждому сдѣлавшемуся извѣстнымъ ходатайству крестьянъ о продажѣ имъ земли, помимо согласія ея владѣльца, дѣлались немедленно должныя разъясненія крестьянамъ и, въ видахъ обнаруженія виновныхъ въ распространеніи лож-

*) Цитируемъ по «Сарат. Дневнику», 13 авг. 1902 г.

ныхъ слуховъ среди сельскаго населенія, безотлагательно сообщалось о каждомъ такомъ фактѣ губернатору" *).

У насъ уже сообщалось о приговорѣ военнаго суда, рѣшившаго предать трехъ жителей Ростова-на-Дону за убійство городового смертной казни черезъ повѣшеніе. Какъ передаютъ теперь газеты, „всѣ трое осужденныхъ подали на Высочайшее имя прошенія о помилованіи. Государь Императоръ изволилъ передать прошеніе это на усмотрѣніе наказнаго атамана, который не нашелъ возможнымъ смягчить приговоръ суда, а потому, согласно сдѣланному предписанію, приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе **).

---

9 сентября состоялось слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ: „на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ „Петербургской Газеты".

IV.

Настоящій мѣсяцъ—мѣсяцъ знаменательныхъ для русской литературы годовщинъ. Сто лѣтъ тому назадъ, въ ночь на 12 сентября 1802 года, умеръ въ Петербургѣ А. Н. Радищевъ. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ этой смерти, 6 сентября 1852 года, въ томъ же Петербургѣ вышла книжка „Современника" съ первою повѣстью Л. Н. Толстого...

Сынъ саратовскаго помѣщика, Радищевъ, 17-лѣтнимъ юношей попалъ въ 1767 г. изъ петербургскаго пажескаго корпуса въ лейпцигскій университетъ. Передъ юнымъ выходцемъ изъ Россіи здѣсь открылся міръ новыхъ интересовъ, идей и чувствъ. Живя въ Лейпцигѣ, Радищевъ сталъ свидѣтелемъ новыхъ умственныхъ теченій въ жизни европейскаго Запада и скоро сдѣлался ихъ искреннимъ и горячимъ адептомъ. Ученикъ Руссо, Мабли и Гольбаха, онъ соединилъ идеи демократической французской литературы со взглядами нѣмецкой идеалистической философіи и выработалъ себѣ оригинальное міровоззрѣніе, въ основу котораго легъ идеалъ общественнаго равенства и свободнаго развитія человѣческой личности. Прошло пять лѣтъ напряженныхъ занятій—и Радищевъ вернулся на родину вполнѣ сложившимся человѣкомъ, съ глубокой эрудиціей, съ горячимъ гражданскимъ чувствомъ, съ

---

*) Цитируемъ по «Нов. Времени», 29 авг. 1902 г.

**) «Сар. Дневникъ», 25 авг., 1902 г.

страстнымъ желаніемъ отдать свои силы на служеніе родной странѣ. Но поприща для практическаго примѣненія этихъ силъ не нашлось въ екатерининской Россіи. Поклоннику человѣческой свободы и равенства пришлось на родинѣ стать зрителемъ пышной жизни петербургскаго дворянства и убогой неволи крѣпостного мужика. Охваченный холодомъ разочарованія, Радищевъ не опустилъ однако безсильно рукъ. Онъ лишь перенесъ свой главный интересъ изъ сферъ практической жизни въ область литературы. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ опытовъ онъ въ 1790 г. выпустилъ въ свѣтъ свое знаменитое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", снабженное многозначительнымъ эпиграфомъ: „чудище обло, огромно, озорно, стозѣвно и лаяй". Въ этой полной лирическаго воодушевленія книгѣ Радищевъ свелъ на очную ставку требованія теоретической мысли передовыхъ людей Запада и конкретную дѣйствительность крѣпостной Россіи и далъ такую яркую и обобщенную картину пороковъ и золъ современнаго ему русскаго быта, какой напрасно было бы искать въ самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ сатиры той эпохи. Въ Радищевскомъ „Путешествіи" впервые появилось правдивое изображеніе всѣхъ ужасовъ крѣпостного права, впервые зазвучала та нота страстной скорби о народной долѣ, нота „гнѣва и печали", которая затѣмъ уже не замолкала въ русской литературѣ. Авторъ горячо звалъ своихъ современниковъ сбросить съ народа узы рабства, яркими красками рисовалъ то „блаженство", какое ожидаетъ человѣческія общества, строящія свой бытъ на началахъ свободы и личной и гражданской „добродѣтели", съ пламеннымъ энтузіазмомъ взывалъ къ чувству человѣческаго достоинства. Но не въ добрый часъ выступилъ онъ со своею проповѣдью. Французская революція набросила мрачную тѣнь на настроеніе Екатерины II — и „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" было признано возмутительной книгой, а авторъ его приговоренъ къ смертной казни, которую императрица замѣнила для него десятилѣтней ссылкой въ Сибирь...

Ссылка не сломила Радищева. Онъ продолжалъ работать и въ Сибири, и въ своей калужской деревнѣ, куда онъ былъ возвращенъ, безъ права выѣзда, императоромъ Павломъ. При Александрѣ I онъ былъ окончательно освобожденъ и даже приглашенъ въ коммиссію о составленіи законовъ. Но, когда онъ попытался возобновить въ этой коммиссіи свои реформаторскіе планы ему пригрозили новой ссылкой. Онъ не нашелъ въ себѣ силы для новой борьбы, но не могъ и отказаться отъ идей, составлявшихъ смыслъ его жизни, и нашелъ выходъ—въ самоубійствѣ...

Литературный талантъ Радищева является не болѣе, какъ слабой утренней звѣздой, передъ солнцемъ могучаго генія Толстого. Съ этой точки зрѣнія сравненіе между ними невозможно. Съ другой стороны великому художнику нашего времени совер-

шенно чужда та опредѣленность и устойчивость настроенія, которая составляла такую характерную черту родоначальника русской публицистики. Но при всѣхъ рѣзкихъ поворотахъ Толстого изъ стороны въ сторону, такъ часто и такъ глубоко огорчавшихъ многихъ изъ наиболѣе горячихъ его поклонниковъ, у него есть нѣчто, неизмѣнно сопровождающее его во всѣхъ стадіяхъ его развитія и до извѣстной степени роднящее его съ Радищевымъ. Въ заключеніи одного изъ своихъ севастопольскихъ разсказовъ Толстой говоритъ: „герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался возпроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ, — правда". Эти слова могли бы быть приложены и ко всей литературной дѣятельности великаго писателя и вмѣстѣ съ тѣмъ они нисколько не потеряютъ своей выразительности, если къ нимъ приложить извѣстное различеніе правды-истины и правды-справедливости. Въ теченіе всей своей дѣятельности Толстой былъ не только художникомъ, но и мыслителемъ. Давая художественное изображеніе жизни въ томъ видѣ, какъ она есть, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ всегда искалъ отвѣта на вопросъ о томъ, какова она должна быть. Далеко не всегда можно было соглашаться съ правильностью пути, на какой становился онъ въ этихъ исканіяхъ, нерѣдко можно было протестовать противъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ приходилъ, но никогда нельзя было оставаться равнодушнымъ къ его страстному и мучительному исканію справедливости, не останавливаемому никакими внѣшними препятствіями. И какъ писателю екатерининской поры, также настойчиво и безбоязненно искавшему истину, нравственный смыслъ жизни открылся въ сознательномъ служеніи интересамъ народныхъ массъ, такъ въ сторону этого же служенія все больше обращалась съ теченіемъ времени и дѣятельность великаго писателя нашего вѣка. Празднуя знаменательные юбилеи настоящаго года, русская литература можетъ съ законною гордостью подчеркнуть эту непрерывно развивающуюся въ ней традицію служенія народу и съ справедливою надеждою видѣть въ ней цѣнный залогъ лучшаго будущаго.

В. Мякотинъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

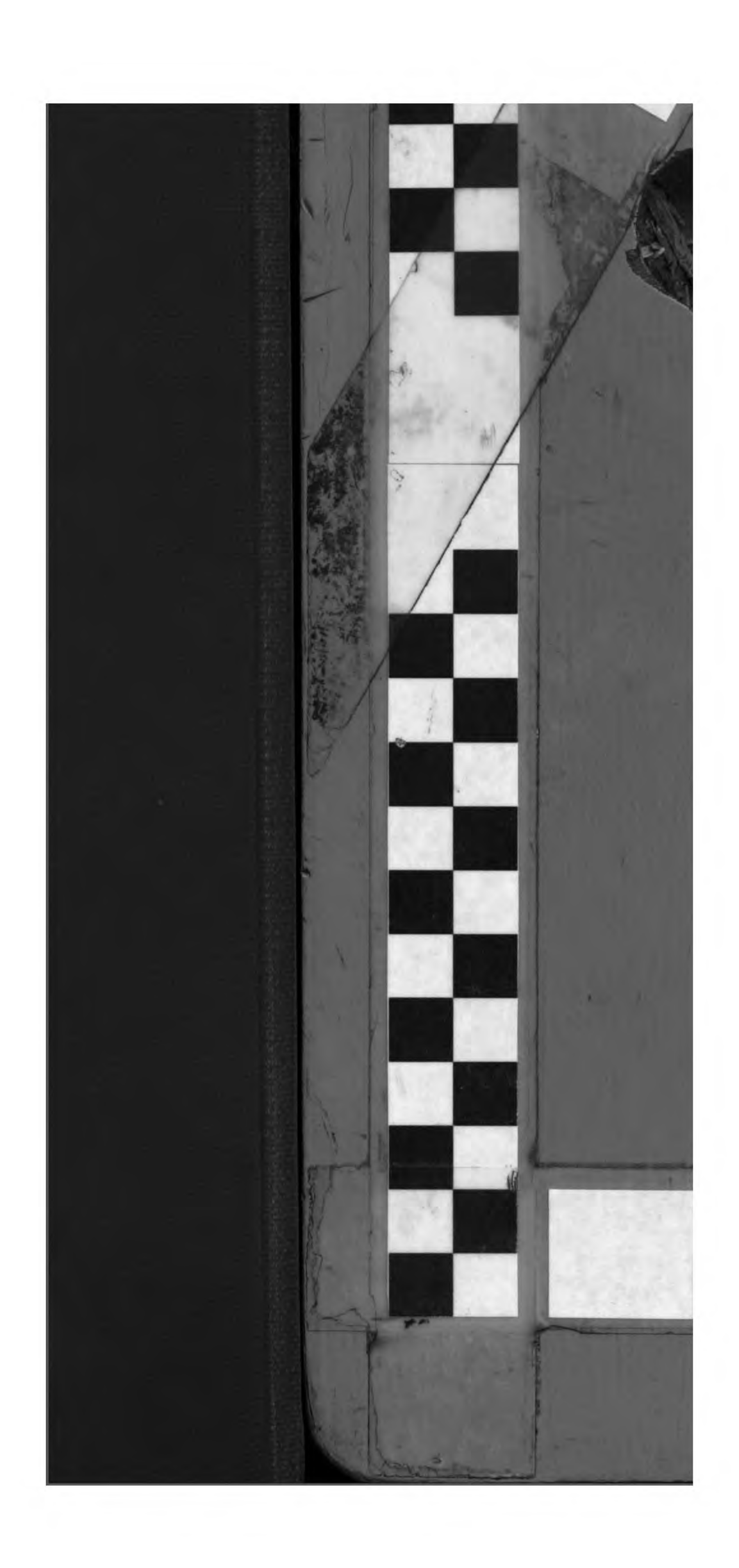
Изъ г. Николаевска на Амурѣ, отъ: А. Клоцмана 5 р.; М. Капцана 2 р.; Н. Тимошенко 1 р.; Симпатизирующаго 15 р.; Юрьева 3 р.; И. Н. Волкова 6 р.; М. Н. Розенфарба 5 р.; Соловьева 3 р.; П. Н. Симада 3 р.; Ютзуна 2 р.; Тун-чунтана 3 р.; П. I. Матусевича 1 р.; Е. Н. Кочанова 2 р.; Л. Р. Берманта 3 р.; П. С. Бѣлянина 1 р.; М. М. Люри 5 р.; Охотской Золотопр. Комп. 15 р.; Черинскаго 1 р.; Н. Н. Волкова 4 р. П. Т. Пиденко 6 р.; П. Соколова 3 р.; И. Р. Лапинскаго 3 р.; Шавченко 1 р.; Б. Ш. Вейнермана 1 р.; А. П. Надецкаго 25 р.; Е. К. Воевудской 2 р.; Н. А. Матусевича 2 р.; И. Л. Абазали 2 р.	125 р.	— к.
Отъ А. И. (Норская мануфактура)	3 „	50 „
„ С. А. Чмутова	10 „	— „
„ А. С. Писаревой, изъ Мензелинска	1 „	— „
„ доктора Бомаша 1 р.; Оли Дуновичъ 4 р., изъ Лодзи	5 „	— „
„ P. Z.	1 „	50 „
„ М. А. Коломенкиной изъ с. Хрѣнового	5 „	— „
„ М. Ѳ. Лопухиной, ст. Харцызская	1 „	— „
„ М. Шабердина 1 р.; П. М—скаго 3 р.; Ан. Агафоновой 50 к.; З. Владимірской 5 р.; Калашникова 1 р.; Владимірскаго Влад. 3 р.; Т—е 3 р.; Свѣдомскаго 10 р.; N. 50 коп.	27 „	— „
„ доктора В. А. Силуянова, изъ Одессы	20 „	— „
„ Малороссіянки	25 „	— „
„ И. В. Ручкина, Бурозовскій рудникъ	1 „	— „
„ Н. М. Горшкова, черезъ Моск. отд. конторы	5 „	— „
Итого	230 р.	— к.

А всего съ прежде поступившими 801 р. 75 к.

Редакторы-Издатели: *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

Дозв. ценз. Спб., 25 сентября 1902 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.

UNIVERSITY OF CHICAGO
29 895 163



U of Chicago
29895163